3 1761 08106860 3

Бюллетени литературы и жизни.

g. 4, no. 18-20

Title transliteration:
Biulleteni literatury i zhizni

AP
50
B54
g.4
no 18-20

ц. 20 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 18. Май. 1913.

(Четвертый годъ изданія.)

АР 50 З54 в. 4 №. 18-20

СОДЕРЖАНІЕ

1. Историческій процессъ и наше личное сознаніе 785
2. Родэнъ объ искусствѣ. Методъ работы Родэна. — Для художника все прекрасно. — Идея въ искусствѣ. — Таинственное въ искусствѣ 787
3. Революціонеры - предатели предъ лицомъ смерти. („То, чего не было" В. Ропшина, ч. III) 793
4. Великая сила „идеала Мадонны". („Портретъ" А. Струга) 802
5. Религіозно - философская база Чаадаева въ его „Отрывкахъ". („Отрывки" изъ сочиненій и писемъ П. Я. Чаадаева) 804
6. Изъ зырянскихъ лѣсовъ къ профессорской каѳедрѣ. („Сквозь строй жизни". 2 тома. К. Ѳ. Жакова) . . . 808
7. О Толстомъ и Чертковѣ. Художественные замыслы Толстого. — Мысли Толстого. — Ближайшій другъ 816
8. Изъ литературнаго прошлаго. Герценъ.—Чернышевскій.—Островскій.—Некрасовъ.— Уайльдъ. — Мопассанъ. 822
9. Новые горизонты въ медицинѣ . . 833

Отзывы о книгахъ. — Новыя книги. — Содержаніе журналовъ. — Книги, поступившія въ редакцію. — Объявленія.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Москва, Б. Никитская, д. 10, кн. маг. „Наука". Тел. 254-99. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція".

МОСКВА.

СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ 1912 ГОДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный журналъ новаго типа

(4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ большого формата въ два столбца.

Задача журнала „Бюллетени Литературы и Жизни"—по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Все временное, скоропреходящее, хотя бы и сенсаціонное, но нехарактерное для жизни человѣческаго духа, журналомъ „Бюллетени" совершенно игнорируется, какъ ненужный балластъ, только затемняющій подлинное лицо жизни. Наоборотъ, изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ, главнымъ образомъ, то, что не носитъ характера случайности, а имѣетъ *длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.* Библіографическій отдѣлъ журнала „Бюллетени" представленъ въ такомъ, можно сказать, исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ общихъ журналовъ. Библіографія въ томъ видѣ, какъ она ведется въ „Бюллетеняхъ", необход. для самаго широкаго круга читателей.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„Утро Рос.": „Журналъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ періодическій органъ дѣйствительно новаго типа, потребность въ которомъ ощущалась давно, о чемъ своевременно особенно энергично высказались еще Достоевскій и Гл. Успенскій. Въ журналѣ сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью — журналами, газетами и новыми книгами..." „Рус. Вѣд.": „Бюллетени" довольно хорошо справляются со своею задачею... Они знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явленіями современной жизни"... „Бирж. Вѣд.": „По Бюллетенямъ хорошо можно слѣдить за движеніемъ въ современной литературѣ, за подъемами литературы, за ея паденіемъ, за всѣми обрѣтеніями и потерями"... „Русск. Школа": „Бюллетени" дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюллетени" оказываютъ огромную услугу"... „Огни": „Бюллетени" завоевываютъ себѣ все большія и большія симпатіи публики. Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культурными запросами, который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журналѣ. Онъ даетъ въ каждомъ номерѣ статьи о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ, о всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ литературой, наконецъ, о всѣхъ новыхъ книгахъ, о всѣхъ журналахъ"... „Рус. Сл.": „Въ журналѣ запечатлѣна вся литературная жизнь года". При этомъ ему „нельзя отказать въ значеніи хорошаго справочника, пользованіе которымъ облегчается соотвѣтствующими указателями"... „Совр. Сл.": „Бюллетени" переклетены теперь въ два изящныхъ тома и представляютъ собой обзоръ минувшаго года въ литературномъ, художественномъ и идейномъ отношеніи... Задача журнала имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе"... „Голосъ": „Бюллетени" отмѣчаютъ все болѣе или менѣе выдающееся во всѣхъ отрасляхъ науки и литературы... Въ журналѣ сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли". „Иллюстр. Обозр. Голоса Москвы": „Бюллетени безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ. Кромѣ живости и широты, проявляемыхъ въ подборѣ статей, интересныхъ для чтенія и самообразованія, „Бюллетени" являютъ собой рѣдкій, необходимый каждому читающему и пишущему человѣку, справочникъ. Все то, что погребено за годъ въ затерянныхъ вырѣзакахъ, промелькнувшихъ отзывахъ и статьяхъ, вновь воскресаетъ въ „Бюллетеняхъ" и оказываетъ незамѣнимую услугу въ литературной работѣ. Можно только привѣтствовать дѣло „Бюллетеней" и пожелать имъ наибольшаго распространенія". „Новый Журналъ для Вс.": „Бюллетени" незамѣнимы особенно въ провинціи, столь бѣдной библіотеками и компетентными людьми для рекоменд. книгъ. Всѣ интересующіеся книгой и журналомъ найдутъ въ нихъ полезное пособіе. „Рязанск. Вѣст.": „Бюллетени" умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни... Въ журналѣ отмѣчается все наиболѣе интересное, что поступаетъ на книжный рынокъ... Здѣсь читатель находитъ полный перечень новыхъ книгъ съ краткимъ содержаніемъ ихъ, трактовки философскихъ и др. проблемъ, критическій разборъ литературныхъ новинокъ и т. п. Въ журналѣ сосредоточены всѣ новости нашей литературы, а это позволяетъ читателю постоянно быть въ курсѣ современныхъ исканій не только нашей русской, но и міровой мысли.. Журналъ очень симпатично, сочувственно встрѣченъ отзывами современно

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
строка петита . . 50 к.

№ 18 — Май 1913 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 9 м.—2 р. 25 к.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к.; на 4 м.—1 р.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора:
Москва, Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67.

Историческій процессъ и наше личное сознаніе.

Останавливаютъ на себѣ вниманіе фельетоны Juniог'а въ „Рус. Молвѣ", носящіе общій заголовокъ „На разныя темы". Нѣкоторые изъ нихъ уже выдѣлены „Бюллетенями". Изъ позднѣйшихъ „бесѣдъ" этого автора хочется отобрать сразу двѣ: XI и XV (см. №№ 102 и 128)—объединить тѣ изложенныя тамъ мысли, которыя отвѣчаютъ указанной въ заглавіи нашей замѣтки темѣ. Пусть иныя утвержденія Juniог'а кажутся нѣсколько спорными, выводы шаткими, дѣло не въ нихъ, а въ поставленномъ вопросѣ и въ отношеніи къ нему — въ этой пытливости ищущаго ума, заражающей читателя.

„Всякое размышленіе о нравственномъ смыслѣ исторіи неизбѣжно на первыхъ же шагахъ ставитъ мыслящаго предъ слѣдующимъ вопросомъ: могу ли я, смѣю ли я думать, что человѣчество (или извѣстная значительная часть его) въ такомъ-то дѣлѣ заблудилось, пошло неправильнымъ путемъ? Можно ли вообще по отношенію къ такимъ стихійнымъ дѣламъ говорить объ „ошибкѣ"? Самый фактъ, что человѣчество выбрало именно этотъ, а не какой-нибудь другой путь, не свидѣтельствуетъ ли убѣдительно о томъ, что данный путь былъ и есть единственно-возможный или наиболѣе цѣлесообразный при сложности историческихъ условій? И если такъ, то что же мнѣ дѣлать съ моей мыслью, такъ неопровержимо изобличающей ошибку человѣчества? Вѣрность моей мысли для меня несомнѣнна; эта мысль, въ силу своей очевидности, неистребимо коренится въ моемъ умѣ,—и однако я знаю, что она методологически ошибочна. Кто разсудитъ меня съ исторіей и скажетъ мнѣ: ты неправъ, смирись предъ нею,—или, напротивъ: твоя мысль вѣрна, иди и дѣйствуй, и вѣрь въ торжество твоей правды?

Но нѣтъ судьи, потому что и обвинитель, и защитникъ исторіи—во мнѣ самомъ. Я знаю, что пути, по которымъ идутъ народы, избираются не произвольно, а повелительно указуются историческимъ разумомъ. Прежде, чѣмъ вступить окончательно на извѣстную тропу, человѣкъ въ миріадахъ индивидуальныхъ опытовъ пробуетъ ощупью всесторонне эту и другія тропы и въ этихъ опытахъ погашаетъ ихъ индивидуальныя уклоненія и ошибки, такъ что, въ концѣ-концовъ, все временное и произвольное отпадаетъ, и обнажается подлинная психологическая сущность даннаго дѣла. Эта сущность—послѣдняя: самый грунтъ человѣческаго духа, его вѣчныя силы, возможности и потребности, столь сложныя, столь тонкія, что, конечно, никакая мысль не способна ихъ увидѣть и обнять; учесть ихъ вполнотѣ способенъ только самый опытъ. И вотъ въ результатѣ этого исполинскаго стихійно-мудраго опыта уже съ увѣренностью избирается опредѣленный путь. Но и съ моментомъ выбора историческій разумъ не прекращаетъ своего контроля: экспериментированіе продолжается непрерывно, потому что каждая отдѣльная душа изъ тѣхъ милліоновъ людей, которые на протяженіи временъ идутъ по этой дорогѣ, есть новый фактъ, на которомъ вѣрность первоначальнаго выбора должна быть сызнова испробована. Такимъ образомъ, во все время, пока данный путь остается торнымъ, опъ ежеминутно испытывается на всю полноту жизненныхъ потребностей каждаго чаловѣка, кто идетъ по немъ,— при чемъ самая привычка или традиція есть только одинъ изъ элементовъ учета, конечно, столь же законный, какъ и всѣ другіе. Какъ же можно говорить объ „ошибочности" историческихъ опредѣленій? Объективно-ошибочными могутъ быть индивидуальная мысль и индиви-

дуальное хотѣніе; но не можетъ быть ошибочнымъ предпочтеніе, основанное на органическомъ самоучетѣ человѣческаго духа во всей его цѣлости и въ длинномъ ряду поколѣній.

Вотъ для поясненія простой примѣръ. Моралисты, врачи и эстетики говорятъ намъ, что городская жизнь безнравственна, вредна и уродлива, что цивилизація со своими каменными улицами и каменными ящиками-небоскребами зашла въ тупикъ, что созданіе современнаго города съ его восемью или двумя милліонами жителей есть роковая ошибка человѣчества, за которую оно и платится жестоко. Это утвержденіе кажется неопровержимымъ, его вѣрность подтверждается ужасающими данными квартирныхъ анкетъ, статистикой преступленій и болѣзней и громче всего—наблюденіемъ и опытомъ всякаго мыслящаго человѣка. Да, я нижу, человѣчество въ этомъ дѣлѣ пошло по ложной дорогѣ, ведущей къ гибели. Но странно: почему же люди искони и подъ нѣми шпротами непизмѣнно устремлялись на этотъ именно путь, безчисленными группами людей, глубоко различные по потребностямъ и навыкамъ, совершенно независимо другъ отъ друга, т.-е. не въ силу подражанія? И если, углубившись въ исторію, я пойму въ этомъ дѣлѣ то немногое, что можно понять умомъ, если я пойму, что первоначально города всюду возникли изъ потребностей самозащиты и взаимной помощи, то предо мною все-таки останется вопросъ о достаточныхъ основаніяхъ существованія городовъ на протяженіи всего того времени, когда опасность вражескихъ набѣговъ миновала. Есть же, значитъ, могучія причины, которыя съ тѣхъ поръ и до нынѣшняго дня, наперекоръ всѣмъ неудобствамъ, заставляютъ человѣка оставаться вѣрнымъ нѣкогда избранной имъ городской формѣ жизни, и, значитъ, этотъ давнишній выборъ, ежедневно провѣряемый всею совокупностью жизненныхъ потребностей каждаго изъ живущихъ въ городѣ, въ итогѣ все-таки санкціонируется донынѣ. Мысль моралиста или эстетика, моя собственная мысль и опытъ, осуждающіе городскую форму,—могутъ ли они мѣряться съ *стихійной мудростью* исторіи? Они скудны и односторонни; у нихъ и голоса не должно быть въ такихъ дѣлахъ, потому что они способны замѣтить и учитывать лишь ничтожную часть условій, препятствій, стремленій, скрещивающихся здѣсь. Жизнь, всесторонне провѣрившая себя во всю свою темную глубину и продолжая непрерывно провѣрять себя въ каждомъ новомъ человѣкѣ, опредѣлила свою равнодѣйствующую: городъ; не смѣшно ли, если я, на основаніи своего единичнаго опыта или своей мысли, скажу ей: ты ошибаешься, ты сама себя не вѣрно учла: твоя правильная равнодѣйствующая — математическая середина между одиночествомъ человѣка и нынѣшней городской скученностью, т.-е. деревня?

Итакъ, что же дѣлать человѣку, чья мысль и совѣсть возстаютъ противъ историческаго опредѣленія? Заглушить ихъ ему невозможно, почти физически невозможно. По природѣ человѣческаго духа убѣжденіе мысли и совѣсти не можетъ оставаться пассивнымъ: оно стремится осуществиться, т.-е. перестроить жизнь сообразно съ собою; но для дѣйствія необходима увѣренность въ *объективной* правильности убѣжденія, — субъективной очевидности мало; значитъ, тяжба между мыслью и исторіей во что бы то ни стало должна быть рѣшена.

Въ ученой книгѣ англо-голландскаго соціолога Г. Нибура „Рабство, какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе“ (русскій пер. Максимова, 1892 г.) я нахожу такое разсужденіе объ одномъ изъ крупнѣйшихъ историческихъ опредѣленій“ — объ экономическомъ неравенствѣ людей: „Не надо думать, что мы согласны съ тѣми, по мнѣнію которыхъ человѣчество жило до настоящаго времени при нездоровой соціальной системѣ, которая дастъ нѣкоторымъ людямъ возможность безжалостно „эксплоатировать“ своихъ ближнихъ, но въ скоромъ времени должна исчезнуть и уступить мѣсто здоровой системѣ, когда всѣ люди соединятся для эксплоатаціи силъ природы, не эксплоатируя одинъ другого... Не по простой случайности одни люди управляютъ и пользуются выгодами, присущими ихъ высокому положенія, а другіе управляются и должны довольствоваться меньшей долей земныхъ благъ... Самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ разумности настоящей системы служитъ ея продолжительное существованіе. Если бы одни люди шли по главѣ другихъ только благодаря простой случайности или своему плутовству, то большинство легко могло бы возстать противъ меньшинства и перевернуть всю систему. Но правящее меньшинство сохраняетъ свое положеніе, изъ чего слѣдуетъ, что оно (т.-е. правящее меньшинство) необходимо“ — необходимо, думаетъ Нибуръ, ради тѣхъ важныхъ соціальныхъ функцій, которыя оно исполняетъ.

Вотъ безукоризненное разсужденіе съ точки зрѣнія исторіи. Историческій разумъ создалъ соціально-экономическую систему господства и рабства, онъ поддерживаетъ ее на протяженіи вѣковъ донынѣ, — слѣдовательно, она и есть единственно-возможная, единственно-„разумная“ (именно въ этомъ смыслѣ Гегель сказалъ:

„все существующее разумно"). Предъ этимъ фактомъ мысль должна умолкнуть — и Нибуръ весьма нелестно отзывается о соціалистахъ, не желающихъ примириться съ этимъ фактомъ.

Нибуръ совершенно правъ, но его правда возмущаетъ душу; и вотъ что важно замѣтить: это чувство возмущенія — во мнѣ, въ васъ, въ соціалистѣ, который, выслушавъ Нибура, молча и съ отвращеніемъ отвернулся отъ него,—столь же реально, какъ любой историческій факторъ: реально и дѣйственно. Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что повѣрка данной исторической системы на моемъ и на вашемъ жизненномъ опытѣ дастъ отрицательный результатъ. Подобно тому, какъ научная гипотеза, не оправдавшись хотя бы на одномъ явленіи изъ числа тѣхъ, которыя подлежатъ ея вѣдѣнію, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ свою односторонность или невѣрность, такъ историческое опредѣленіе должно быть признано не вполнѣ соотвѣтствующимъ природѣ вещей, природѣ человѣческаго духа, лишь только оно встрѣтитъ беззавѣтный, искренній протестъ хотя бы въ одной душѣ. И тутъ сызнова начинается тотъ же процессъ, въ какомъ это опредѣленіе зародилось: единичный протестъ недостаточно свидѣтельствуетъ объ истинѣ природной; только въ многообразной провѣркѣ безчисленными другими опытами онъ очищается отъ субъективныхъ элементовъ; чѣмъ больше будетъ сходныхъ по существу протестовъ, тѣмъ ближе вносимая ими поправка подойдетъ къ объективной истинѣ; и съ этимъ приближеніемъ къ объективной истинѣ неминуемо идетъ рука объ руку, какъ бы уже помимо сознательной воли людей, реальная, въ самой дѣйствительности, перестройка историческаго опредѣленія, какъ это легко видѣть, напримѣръ, въ исторіи обычнаго права.

Итакъ, моя мятежная мысль, поскольку она всецѣло владѣетъ мною, поскольку она „сильнѣе меня", есть непреложный фактъ, и ей внутренно присуще право возстать противъ исторіи: самая ея неискоренимость во мнѣ (если она неискоренима) объективно доказываетъ, что въ чемъ-то, частично, она опирается на самый грунтъ человѣческой природы. Моей индивидуальной мыслью я *увидѣлъ* какую-то одну, или немногія, подлинную силу, возможность или тенденцію бытія,—увидѣлъ и уже не могу не видѣть, и оттого „одержимъ" этимъ видѣніемъ, потому что она дѣйствительно подлинная. И во имя этой впервые опознанной мною, раньше пренебреженной по незнанію тенденціи бытія—я возстаю противъ историческаго опредѣленія. Стало быть, мой протестъ естественно законенъ, подъ тѣмъ условіемъ, ежели я сознаю неполноту моей истины, роковую невозможность для меня, какъ единичнаго духа, учесть всю дѣйствительность. Именно въ этихъ предѣлахъ и безусловно въ правѣ осуществлять мою мысль, т.-е. разрушать и перестраивать историческое опредѣленіе, что, разумѣется, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и природная функція моего духа. Отыщи каждый въ себѣ, какая мысль въ немъ крѣпка какъ смерть, и тогда знай, что въ ней навѣрное есть зерно объективной истины; и если еще ты сумѣешь какимъ-то внутреннимъ чутьемъ, при молнійныхъ вспышкахъ страсти, разглядѣть во тьмѣ своего духа, что именно есть то новое, которое открылось тебѣ, то, дѣйствуя сознательно по *этой* линіи, ты достигнешь наибольшаго успѣха уже потому, что ясно указанная подлинная грань вѣчной истины тотчасъ будетъ узнана многими, и они радостно пойдутъ съ тобою, очищая и тѣмъ укрѣпляя на побѣду твою истину.

Страстность мысли есть ея право на мятежъ, ея самосознаніе—условіе ея успѣха...

...Я не знаю, какъ чувствуютъ исторію другіе; для меня же нѣтъ зрѣлища болѣе поразительнаго, нежели связь между всемірно-историческими событіями и переживаніями индивидуальной души. Каждая минута одинокаго раздумья о смыслѣ жизни, которому предается студентъ въ своей комнатѣ, каждое ощущеніе обиды въ душѣ рабочаго—суть слагаемыя великаго итога, который въ урочный часъ неукоснительно поднедется — реформою, революціей, войною. Отъ каждой отдѣльной души идутъ нити къ маховому колесу исторіи, и только онѣ своимъ совокупнымъ натяженіемъ двигаютъ его. Здѣсь нѣтъ непризванныхъ и нѣтъ праздныхъ: каждый изъ насъ, хочетъ ли онъ или не хочетъ, неизбѣжно участвуетъ въ коллективномъ творчествѣ."

Родэнъ объ искусствѣ.

Недавно на русскомъ языкѣ вышла крайне любопытная книга, которая въ формѣ живыхъ и увлекательныхъ бесѣдъ излагаетъ мысли знаменитаго французскаго скульптора Родэна объ искусствѣ [1]). Въ прошломъ году „Бюллетени" (см. № 6) уже дали краткую характеристику этой книги, когда она только что появилась на французскомъ языкѣ. Теперь мы снова возвращаемся къ ней и предлагаемъ вниманію читателя болѣе подробныя выписки, которыя, не-

[1]) „А. Родэнъ. Искусство. Рядъ бесѣдъ, записанныхъ П. Гзелль". Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 75 к.

сомнѣнно, будутъ прочитаны съ большимъ интересомъ всѣми, кто интересуется вопросами искусства. Интересъ этихъ выписокъ усугубляется тѣмъ, что онѣ представляютъ подлинныя слова маститаго художника и притомъ касаются наиболѣе существенныхъ сторонъ искусства, выясненію которыхъ онъ посвятилъ всю свою долгую жизнь.

Разсказъ ведется отъ лица почитателя и друга Родэна — тоже скульптора — Н. Гзелля.

Методъ работы Родэна.

Методъ работы у Родэна совершенно исключительный.

Его мастерскую постоянно оживляютъ нѣсколько нагихъ натурщиковъ и натурщицъ. Задача ихъ—давать ему образы нагого тѣла, двигающагося на свободѣ, безъ всякаго стѣсненія. Его модели ходятъ, садятся, отдыхаютъ, какъ имъ вздумается. А онъ за ними наблюдаетъ, и это постоянное наблюденіе съ давнихъ поръ дало ему изумительное знаніе игры мускуловъ. Въ наше время нагое тѣло, вообще, случайное откровеніе, даже скульпторы обыкновенно ограничиваются сеансами позы; но для Родэна это привычное, ежедневное явленіе.

Греческимъ художникамъ знаніе человѣческаго тѣла давалось совершенно естественно: упражненія палестры, метаніе диска, атлетическая борьба, борьба съ цестомъ, бѣга въ запуски были обычнымъ зрѣлищемъ, которое пріучало художниковъ бѣгло говорить на языкѣ „нагого тѣла“. Авторъ „Мыслителя“ сумѣлъ создать себѣ такую же обстановку: видѣть постоянно вокругъ себя нагихъ натурщиковъ, онъ сжился съ человѣческимъ тѣломъ, знаніе его вошло въ его плоть и кровь. Онъ проникъ и истолковалъ, какимъ образомъ каждая часть нашего тѣла реагируетъ на извѣстное чувство и отражаетъ его.

Лицо считается обыкновенно единственнымъ зеркаломъ души, а подвижность его чертъ единственнымъ проявленіемъ духовной жизни. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ ни одного мускула, который бы не выражалъ измѣненій нашего душевнаго состоянія. Всѣ они передаютъ радость или скорбь, энтузіазмъ или отчаяніе, умиротвореніе или бѣшенство. Протянутыя руки, склоняющійся торсъ улыбаются такъ же нѣжно, какъ улыбаются глаза и губы. Но чтобы проникнуть въ эти тайны, нужна долгая, терпѣливая подготовка, нужно начать съ азбуки, чтобы раскрылась эта волшебная книга. Нравы автичнаго міра помогали художникамъ, а Родэнъ добился того же силой своей желѣзной воли.

Глаза его слѣдятъ за моделями: онъ, молча, упивается красотой жизни, играющей на нихъ. Онъ то любуется молодой женщиной, которая съ задорной граціей нагнулась, чтобы поднять стеку, то слѣдитъ за другой, поднявшей руки, чтобы поправить свои золотистые волосы, то заглядывается на упругую, нервную походку молодого натурщика; лишь только кто-нибудь изъ нихъ случайно сдѣлаетъ движеніе, которое ему понравится, онъ сейчасъ же его останавливаетъ, прося сохранить эту позу. Онъ мгновенно берется за глину... и эскизъ готовъ; потомъ такъ же быстро онъ переходитъ къ другой фигуркѣ.

— Удивительно, — сказалъ я ему, — вы работаете совершенно иначе, чѣмъ другіе! Я знаю скульпторовъ и многихъ видѣлъ за работой. Они ставятъ натурщика на такъ называемый „столъ“ и приказываютъ принять ту или другую позу. Часто художникъ самъ устанавливаетъ его, выгибаетъ руки и ноги, наклоняетъ или выпрямляетъ ему торсъ и голову, точно тотъ бездушный манекенъ. Затѣмъ онъ принимается за работу. Вы же, напротивъ, ждете, пока ваши модели сами примутъ интересную позу, чтобы запечатлѣть ее. Какъ будто не они въ вашемъ распоряженіи, а вы къ ихъ услугамъ.

Родэнъ въ эту минуту завертывалъ свои фигурки въ мокрыя тряпочки.

— Я не къ ихъ услугамъ, а къ услугамъ природы,—тихо отвѣтилъ онъ мнѣ.—Мои товарищи по искусству имѣютъ, вѣроятно, свои основанія такъ работать. Но это насиліе надъ природой, и когда изъ живого существа дѣлаешь куклу, то и творчество наше искусственно и мертво. Я же, въ вѣчной погонѣ за правдой, подстерегаю жизнь во всѣхъ мелочахъ, и потому я не могу работать такъ, какъ мои коллеги. Я стараюсь уловить движеніе, когда оно проявляется само собой, но я не вызываю его искусственно. Даже когда опредѣленный сюжетъ заставляетъ меня требовать отъ натурщика извѣстной позы, я се указываю, но никогда не трогаю и не устанавливаю его. Я беру только то, что жизнь мнѣ добровольно даетъ. Я подчиняюсь во всемъ природѣ и вовсе не хочу подчинить ее себѣ. Моя единственная задача— рабски слѣдовать ей. Если бы я захотѣлъ измѣнить то, что вижу, и „сдѣлать красивѣе“, то ничего бы не вышло.

— Я допускаю, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—что художникъ введетъ природу иначе, чѣмъ простые смертные, потому что его возбужденное чувство подъ внѣшнимъ покровомъ воспринимаетъ и внутреннюю правду. Но, въ концѣ-концовъ, единственный принципъ въ искусствѣ — точное воспроизведеніе,

копіи съ того, что видишь. Не въ упрекъ будь сказано учителямъ эстетики: всякій другой методъ нагубенъ. Нѣтъ рецепта для украшенія природы. Надо только умѣть „видѣть“. Конечно, человѣкъ посредственный, какъ бы онъ тщательно не копировалъ, никогда не дастъ художественнаго произведенія, потому что онъ смотритъ, а не видитъ. Съ какой бы точностью онъ ни передавалъ малѣйшую деталь, результатъ всегда будетъ жалкій, лишенный всякаго характера. Поприще художника не подъ силу посредственности, самые полезные совѣты не вдохнутъ въ нее таланта. Художникъ, напротивъ того, „видитъ“, т.-е. его глазъ, вдохновляемый тонкимъ чутьемъ, проникаетъ въ тайники природы. Художнику остается только довѣриться своему глазу.

— Я вамъ повѣрю большую тайну,—продолжалъ Родэнъ, помолчавъ немного.— Знаете ли вы, какимъ способомъ достигается то впечатлѣніе жизненности, которое мы выносимъ отъ греческой скульптуры? Только „наукой лѣпки“ (la science du modelé). Слова эти вамъ кажутся банальными, но вы сейчасъ оцѣните ихъ значеніе. Меня посвятилъ въ „науку лѣпки“ нѣкто Констанъ, который работалъ въ мастерской декоративнаго искусства, гдѣ я началъ скульптуру. Видя однажды, какъ я лѣплю изъ глины капитель, украшенную листьями, онъ сказалъ мнѣ: „Родэнъ, ты не такъ берешься за дѣло. Твои листья плоски, они не кажутся живыми. Постарайся сдѣлать такъ, чтобы ихъ концы устремлялись къ тебѣ, тогда получится впечатлѣніе выпуклости“. Я послѣдовалъ его совѣту и былъ пораженъ полученнымъ результатомъ.

— Запомни хорошенько мои слова,—продолжалъ Констанъ.—Когда ты будешь лѣпить, не смотри никогда на предметъ только какъ на поверхность, а старайся придать ему глубину. Смотри на поверхность только какъ на завершеніе предмета, какъ на болѣе или менѣе широкій конечный пунктъ, обращенный къ тебѣ. Только такимъ способомъ ты одолѣешь „науку лѣпки“.

Этотъ принципъ оказался для меня необычайно плодотворнымъ. Я примѣнилъ его къ дѣлу. Вмѣсто того, чтобы представлять себѣ различныя части тѣла болѣе или менѣе плоскими поверхностями, каждая выпуклость для меня соотвѣтствовала внутренней структурѣ органовъ: въ каждомъ утолщеніи торса или членовъ я пытался дать почувствовать присутствіе мускула или кости, развивающихся внутри, въ глубинѣ, подъ кожей. Правда моихъ фигуръ, такимъ образомъ, не была поверхностной, а какъ бы выростала изъ глубины, какъ сама жизнь. И я убѣдился, что древніе придерживались того же метода лѣпки, и, конечно, трепетная прелесть и яркость ихъ произведеній— плоды этой техники.

Для художника все прекрасно.

Обыватель воображаетъ, что то, что ему кажется безобразнымъ, не можетъ занять художника. Онъ охотно наложилъ бы запретъ на все, что ему не нравится и искрученъ его въ природѣ.

Это глубокое заблужденіе съ его стороны.

Такъ называемое безобразное въ природѣ можетъ сдѣлаться прекраснымъ въ искусствѣ.

Безобразнымъ, по существу, называется все уродливое, нездоровое, вызывающее мысль о болѣзни, немощи и страданіи, все, что противно правильности, т.-е. здоровью и силѣ. Безобразенъ горбунъ, безобразенъ кривоногій, безобразна нищета въ лохмотьяхъ. Безобразна душа и поведеніе безнравственнаго человѣка, человѣка порочнаго и преступнаго, человѣка анормальнаго, который вредитъ обществу; безобразна душа отцеубійцы, предателя и честолюбца, не разбирающаго средствъ.

Мы въ полномъ правѣ заклеймить позорнымъ словомъ тѣ существа и тѣ предметы, отъ которыхъ, кромѣ зла, нечего ждать.

Но стоитъ великому артисту или великому писателю коснуться до какого-нибудь безобразія, чтобы оно мгновенно преобразилось: ударомъ волшебнаго жезла безобразіе превращается въ красоту: это алхимія, это колдовство!

Когда Веласкезъ пишетъ Себастьяна, карлика Филиппа IV, мы сразу читаемъ въ трогательномъ взглядѣ этого невольнаго урода его скорбную тайну. Чтобы обезпечить свое существованіе, онъ продалъ свое человѣческое достоинство, онъ сталъ забавой, шутомъ... Чѣмъ острѣе чувствуются муки совѣсти, живущей въ этомъ чудовищномъ образѣ, тѣмъ выше произведеніе художника.

Когда Франсуа Миллэ изображаетъ крестьянина, который на минуту оперся на свою мотыгу, чтобы передохнуть подъ палящимъ солнцемъ, обездоленнаго, разбитаго отъ непосильнаго труда, дошедшаго до состоянія исполосованной ударами ломовой лошади, художнику стоитъ только подчеркнуть покорное выраженіе лица этого несчастнаго, обреченнаго судьбой на вѣчную муку, чтобы это порожденіе кошмара обратилось въ великолѣпный символъ всего человѣчества.

Когда Бодлэръ описываетъ отвратительную, зловонную падаль, покрытую червями, и въ этомъ ужасающемъ обликѣ представляетъ себѣ свою обожаемую возлюбленную, ничто не мо-

жетъ сравниться съ великолѣпіемъ этого грознаго контраста красоты съ ужаснымъ разложеніемъ, ожидающимъ ее.

А вотъ придетъ пора, и ты, червей питая,
Какъ это чудище, вдругъ станешь смрадъ и гной,
Ты—солнца свѣтлый ликъ, звѣзда очей златая,
Ты—страсть монхъ очей, ты—чистый ангелъ мой!
О да, прекрасная, ты будешь остовъ смрадный,
Чтобъ подъ ковромъ цвѣтовъ, средь сумрака могилъ,
Среди костей найти свой жребій безотрадный,
Едва разсѣется послѣдній дымъ кадилъ.
Но ты скажи червямъ, когда безъ сожалѣнья
Они тебя пожрутъ добзаніемъ своимъ,
Что ликъ моей любви, распавшійся изъ тлѣнья,
Воздвигну я навѣкъ нетлѣннымъ и святымъ.

Когда Шекспиръ рисуетъ Яго или Ричарда III, когда Расинъ выводитъ Нерона или Нарцисса, нравственное безобразіе становится чудной темой красоты въ передачѣ такихъ свѣтлыхъ и чуткихъ умовъ.

Въ искусствѣ прекрасно—только *характерное. Характеръ*—это глубокая правда любого явленія природы, все равно, прекрасно оно, или безобразно; правда двуликая: внутренняя правда, выраженная внѣшней; это душа, чувство, идея, переданныя чертами лица, движеніями и дѣйствіями человѣка, тонами неба, линіями горизонта.

А для истиннаго художника все характерно въ природѣ: неподкупная искренность его наблюденія проникаетъ скрытый смыслъ всего сущаго.

То, что въ природѣ считается безобразнымъ, часто болѣе характерно, чѣмъ такъ называемое прекрасное: въ судорожномъ подергиваніи болѣзненой физіономіи, въ глубокихъ морщинахъ порочнаго лика, во всякомъ вырожденіи и всякой неправильности внутренняя правда прорывается гораздо ярче, чѣмъ въ правильныхъ и здоровыхъ чертахъ.

И такъ какъ мощно выраженный характеръ и есть прекрасное въ искусствѣ, то часто наиболѣе безобразное въ жизни — наиболѣе прекрасное въ искусствѣ.

Въ искусствѣ безобразно только безразличное, оно лишено внутренней и внѣшней правды.

Безобразно въ искусствѣ все неискреннее, искусственное, все, что хочетъ казаться красивымъ и прекраснымъ, а не характернымъ, все мелкое, изысканное, все, что улыбается безъ причины, жеманится безъ нужды, хорохорится и важничаетъ безъ основанія, все, что бездушно и фальшиво, все, что только фасадъ красоты и граціи, все, что лжетъ.

Когда художникъ, желая „дѣлать красивѣе“, изображаетъ весну болѣе зеленой, восходъ болѣе розовымъ, молодыя уста болѣе алыми, онъ творитъ безобразіе, потому что онъ лжетъ. Когда онъ скрадываетъ гримасу страданія, дряхлость старости, мерзость разврата, когда онъ приглаживаетъ природу, стушевываетъ, наряжаетъ, умѣряетъ ее, съ цѣлью понравиться публикѣ, онъ творитъ безобразіе, потому что онъ боится правды.

Для художника, достойнаго этого имени, все прекрасно въ природѣ; его глазъ, смѣло воспринимая реальную правду, читаетъ въ ней, какъ въ открытой книгѣ, всю внутреннюю правду. Стоитъ ему посмотрѣть на лицо человѣка, чтобы разобраться въ его душѣ: ни одна черта его не обманетъ, двуличность для него такъ же ясна, какъ искренность: онъ провидитъ тайну сердца въ наклоненномъ челѣ, въ едва замѣтномъ движеніи бровей, въ бѣгломъ взглядѣ. Онъ изучаетъ неясный умъ звѣрей: едва намѣченные зачатки чувствъ и мысли, смутный разумъ, зарождающіяся привязанности; онъ чуетъ всю смиренную духовную жизнь животнаго въ его взглядѣ и движеніяхъ. Онъ повѣренный и неодухотворенной природы. Деревья, растенія бесѣдуютъ съ нимъ, какъ съ другомъ. Въ старыхъ, узловатыхъ дубахъ онъ видитъ доброе расположеніе къ человѣку, котораго они осѣняютъ своими раскидистыми вѣтвями. Цвѣты говорятъ съ ними изящнымъ изгибомъ своихъ стебелей и нѣвучими тонами своихъ лепестковъ: для него каждый цвѣточный вѣнчикъ въ травѣ — ласковое слово, сказанное ему природой. Жизнь для него безконечное наслажденіе, непрерывающійся восторгъ, страстное опьяненіе.

Не все, конечно, ему кажется хорошимъ: страданія любимыхъ людей, собственныя болѣзни жестоко идутъ въ разрѣзъ съ такимъ оптимизмомъ.

Но для него все прекрасно, потому что онъ идетъ по свѣтлому пути духовной правды.

Да, даже въ горѣ, даже въ смерти любимыхъ существъ, даже въ предательствѣ друга великій художникъ,— и подъ этимъ именемъ я разумѣю не только скульптора и живописца, но и поэта,— находитъ трагическое наслажденіе. Онъ вникаетъ и—поклоняется.

Иногда у него въ сердцѣ адъ, но сильнѣе, чѣмъ муку, онъ ощущаетъ суровую радость—все постигать и всему находить выраженіе. Во всемъ, что онъ видитъ, онъ ясно схватываетъ предначертанія судьбы.

На собственныя мученія, на худшія сердечныя раны онъ смотритъ восторженнымъ взоромъ человѣка, предвидѣвшаго приговоръ рока. Обманутый дорогимъ существомъ, онъ содрог-

нется подъ ударомъ, но, быстро оправясь, посмотритъ на измѣнника, какъ на чудесный примѣръ низости, онъ будетъ привѣтствовать неблагодарность, какъ опытъ, обогатившій его душу. Въ его экстазѣ ужасъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и счастіе, потому что въ немъ вѣчное покловеніе правдѣ. Когда онъ видитъ существа, истребляющія другъ друга, молодость, обреченную на увяданіе, силу, предназначенную ослабѣть, геній — померкнуть, и когда онъ стоитъ лицомъ къ лицу съ волей, начертавшей эти мрачные законы, онъ острѣе наслаждается своимъ знаньемъ и, насыщенный правдой, онъ счастливъ — ужаснымъ счастьемъ.

Идея въ искусствѣ.

— Нѣкоторые критики,— сказалъ какъ-то я Родэну, — ставятъ намъ въ упрекъ, что ваше вдохновеніе болѣе литературное, чѣмъ пластическое. Они утверждаютъ, что вы очень ловко подкупаете писателей, представляя благодарныя темы для ихъ риторики. Искусство не допускаетъ столько философіи, изрекаютъ они.

— Если моя лѣпка плоха,—съ живостью отвѣтилъ Родэнъ,—и есть погрѣшности въ анатоміи; если я невѣрно передаю движеніе и не въ силахъ вдохнуть жизнь въ мраморъ,—критики болѣе чѣмъ правы. Но если мои фигуры правильны и жизненны,—въ чемъ могутъ они меня упрекнуть? Во имя какого права желаютъ они мнѣ запретить вложить извѣстное намѣреніе въ мои статуи? И если, помимо профессіональной работы, я даю имъ еще идеи и обогащаю смысломъ привлекательныя формы, чего имъ нужно отъ меня?

Какое странное заблужденіе воображать, что подлинный художникъ только искусный ремесленникъ, которому не требуется умственное развитіе.

Пусть онъ даже создаетъ образы для услады глазъ, ради одной внѣшней красоты, безъ малѣйшаго притязанія на внутренній смыслъ, умъ, тѣмъ не менѣе, ему необходимъ.

Когда настоящій скульпторъ начинаетъ лѣпить статую, онъ прежде всего долженъ проникнуться ея общимъ движеніемъ; потомъ, вплоть до окончанія, ярко и энергично удерживать въ своемъ сознаніи общую идею, все сводить къ ней, тѣсно связывая съ ней малѣйшія детали. А для этого требуется усиленная умственная работа.

Многимъ кажется, что художникамъ не нужны выдающіяся умственныя способности, потому что нѣкоторые изъ нихъ простоваты въ практической жизни. Біографіи живописцевъ и скульпторовъ изобилуютъ анекдотами о простодушной наивности извѣстныхъ мастеровъ. Но надо считаться со складомъ ума великихъ художниковъ: они всецѣло заняты своимъ творчествомъ и въ обыденной жизни разсѣяны и какъ бы отсутствуютъ. Надо прибавить, что иные изъ нихъ, несмотря на несомнѣнный умъ, кажутся недалекими просто потому, что не обладаютъ остроуміемъ и даромъ слова, а для поверхностныхъ наблюдателей это единственный признакъ ума.

— Ну, разумѣется, — замѣтилъ я, — безусловно несправедливо оспаривать умственныя дарованія у большихъ художниковъ. Но перейдемъ къ вопросу болѣе частному. Гдѣ же та грань между литературой и искусствомъ, которую художники не должны переступать?

— Признаюсь,—отвѣтилъ Родэнъ,—я лично плохо переношу слова: „входъ запрещенъ“. По-моему, нѣтъ правила, могущаго запретить художнику творить, какъ ему угодно. Не все ли равно, скульптура ли это, или литература, если публика наслаждается и учится? Живопись, скульптура, литература, музыка гораздо тѣснѣе связаны, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Всѣ искусства выражаютъ чувства человѣческой души передъ природой. Различны только способы выраженія. И если произведеніе скульптора вызываетъ въ насъ то же настроеніе, что литература и музыка, зачѣмъ ему это ставить въ упрекъ? Какой-то публицистъ критиковалъ недавно моего „Виктора Гюго“ въ Пале-Роялѣ, наивно говоря, что это не скульптура, а музыка, напоминающая ему симфонію Бетховена. Дай Богъ, чтобы это было такъ!..

Въ жизни все—идея, все—символъ. Такъ, формы и позы человѣческаго существа обязатель нопередаютъ его душевное настроеніе. Тѣло—всегда выраженіе духа, которому оно служитъ оболочкой. И для того, кто умѣетъ видѣть, обнаженное тѣло, представляетъ роскошнѣйшій смыслъ. Въ величавомъ ритмѣ линій истинный мастеръ, Фидій напримѣръ, познаетъ всеобщую гармонію, разлитую божественной мудростью по всей природѣ: простой торсъ, спокойный, уравновѣшенный, исполненный силы и граціи, можетъ навести его на мысль о всемогущемъ разумѣ, управляющемъ міромъ.

Прекрасный пейзажъ трогаетъ насъ не столь вызываемыми имъ пріятными ощущеніями, сколь... мыслями, которыя онъ пробуждаетъ. Не линіи и не колера пейзажа захватываютъ насъ сами по себѣ, а глубокій ихъ смыслъ. Въ силуэтѣ деревьевъ, въ линіяхъ горизонта большіе пейзажисты, какъ Рейсдаль, Кэйпъ, Коро, Теодоръ Руссо, согласно индивидуальному складу ума, усматриваютъ мысли веселыя или серьезныя, смѣлыя или унылыя, мирныя или метущіяся.

У художника чувство бьетъ черезъ край, и онъ, естественно, не можетъ себѣ представить ничего безчувственнаго. Во всю природу онъ вкладываетъ сознаніе, подобное его собственному. И живой организмъ, и безжизненный предметъ, и облако, и зелевѣющая почка повѣряютъ ему тайну великой силы, скрытой въ вещахъ.

Посмотрите на образцовыя произведенія искусства. Красота ихъ въ мысли, въ цѣлесообразности, которую ихъ авторы предугадывали во вселенной.

Вообще въ совершенномъ шедеврѣ не должно остаться ни малѣйшаго балласта, будь то въ формѣ, въ линіяхъ, или въ краскѣ: все рѣшительно должно сводиться къ мысли и къ чувству.

Возможно, что мастера увлекаются собственной химерой, когда одушевляютъ природу. Возможно, что природа во власти равнодушной силы, или волевого начала, намѣренія котораго намъ не дано постичь. Но, по крайней мѣрѣ, изображая вселенную по своему разумѣнію, художникъ находитъ формулу своимъ собственнымъ мечтамъ и обогащаетъ душу человѣчества. Окрашивая своимъ геніемъ видимый міръ, онъ открываетъ своимъ современникамъ тысячу оттѣнковъ чувства. Подъ его вліяніемъ они находятъ въ себѣ невѣдомыя богатства и новые поводы дорожить жизнью, новые путеводные свѣточи.

Художникъ становится, какъ Данте сказалъ о Виргиліи, *ихъ руководителемъ, ихъ наставникомъ и ихъ господиномъ.*

Таинственное въ искусствѣ.

Однажды Гзелль спросилъ у Родэна, религіозенъ ли онъ? Тотъ отвѣтилъ:

— Смотря по тому, какое значеніе придавать словамъ. Если вы разумѣете подъ религіей подчиненіе извѣстнымъ церковнымъ обрядамъ и вѣру въ опредѣленные догматы, то, конечно, я не религіозенъ. Да и кто религіозенъ въ наше время? Кто можетъ отрѣшиться отъ разлагающей критики, отъ своего разума?

По моему же мнѣнію, религія не что иное, чѣмъ бормотаніе молитвъ. Это чаяніе всего непостижимаго и непостигнутаго въ мірѣ, поклоненіе неизвѣстной Силѣ, управляющей міровыми законами и сохраняющей существенные типы; провидѣніе всего, что въ природѣ недоступно нашимъ пяти чувствамъ, всей той безграничной области, которая закрыта и духовному, и матеріальному оку; порывы всего нашего существа къ безграничному, безконечному, къ наукѣ безъ предѣла и любви безъ конца; надежды, быть можетъ, призрачныя, но вся душа отъ нихъ трепещетъ и вырастаютъ крылья.

Да, въ этомъ смыслѣ я религіозенъ. И если бы не существовало религіи, я былъ бы принужденъ ее изобрѣсти.

Истинные художники, въ сущности, самые религіозные люди. Вообще думаютъ, что мы живемъ больше чувственной жизнью, что мы довольствуемся внѣшностью. Насъ принимаютъ за дѣтей, упоенныхъ красочными созвучіями, играющихъ въ куклы съ формами... Насъ плохо понимаютъ. Линіи и цвѣта для насъ лишь знаки скрытыхъ реальностей. За поверхностью нашъ глазъ проникаетъ сокровенный смыслъ вещей и когда, потомъ, мы чертимъ контуры, мы обогащаемъ ихъ духовнымъ содержаніемъ. Подлинный художникъ долженъ прежде всего выражать правду въ природѣ, и правду не только внѣшнюю, а, главнымъ образомъ, внутреннюю.

Когда даровитый скульпторъ формуетъ человѣческій торсъ, онъ изображаетъ не только его мускулы, но и ихъ жизнь,.. да не только жизнь,.. а ту силу, что ихъ произвела и вложила въ нихъ то грацію, то крѣпость, то влюбленное очарованіе, то непреодолимую удаль. У Микель-Анджело творящая сила грохочетъ во всѣхъ живыхъ тканяхъ... у Луки делла Роббіа эта сила улыбается... Такъ каждый ваятель придаетъ природѣ душу по собственному темпераменту — или грозную, или мирную.

Пейзажистъ идетъ, пожалуй, еще дальше. Онъ видитъ отблескъ души вселенной не только въ живыхъ существахъ, но и въ деревьяхъ, кустарникахъ, равнинахъ и холмахъ. То, что для другихъ людей только дерево или земля, представляется живописцу, какъ черты лика безпредѣльнаго существа. Коро видѣлъ повсюду доброту: и въ вершинахъ деревьевъ, и въ травѣ луговъ, и на зеркалѣ водъ. Милле видѣлъ страданіе и покорность.

Духъ великаго художника въ непрестанномъ общеніи съ міровымъ духомъ. Гдѣ же вы найдете болѣе религіознаго человѣка?

Развѣ не молитвенный актъ, когда скульпторъ проникаетъ грандіозный характеръ изучаемыхъ имъ формъ и освобождаетъ изъ путаницы случайныхъ линій вѣчный типъ каждаго существа, когда онъ провидитъ въ глубокихъ нѣдрахъ божества незыблемые прототипы, по которымъ создано все живущее?

Посмотрите, напримѣръ, на лучшія произведенія египетской скульптуры, на человѣческія фигуры или на животныхъ, и скажите: не производитъ ли четкая опредѣленность существенныхъ контуровъ тревожное впечатлѣніе священнаго гимна?

Всякій художникъ, умѣющій дать синтезъ формъ, т.-е. подчеркнуть ихъ логичность, не лишая ихъ живой реальности, вызываетъ такое же религіозное настроеніе, потому что намъ сообщается трепетъ, испытанный имъ передъ безсмертными истинами...

Всѣ подлинно прекрасныя произведенія какъ-бы погружены въ атмосферу таинственности. Они выражаютъ то, что геній ощущаетъ лицомъ къ лицу съ природой. Они передаютъ ее со всей ясностью, со всѣмъ великолѣпіемъ, доступнымъ человѣческому мозгу, но фатально они сталкиваются съ тѣмъ непзмѣримо невѣдомымъ, которое окутываетъ со всѣхъ сторонъ крошечную сферу вѣдомаго.

Въ концѣ концовъ, мы проникаемъ только внѣшнюю сторону вещей, способную воздѣйствовать на наши чувства и нашу душу. Все остальное покрыто мракомъ. Даже въ ближайшемъ нашемъ сосѣдствѣ таится масса вещей, недоступныхъ нашей организаціи.

Истинныя произведенія искусства — высшія проявленія человѣческаго духа и человѣческой искренности — выражаютъ все, что можетъ быть сказано о человѣкѣ и о мірѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они пробуждаютъ чувство чего-то непостижимаго.

Таинственность присуща всякому шедевру: отъ него голова начинаетъ кружиться. Вспомните картины Леонарда: развѣ онѣ не олицетвореніе вопроса? Но я напрасно выбралъ для примѣра этого великаго мистика, онъ уже слишкомъ явно подтверждаетъ мою теорію.

Возьмемъ, если хотите, „Собирательницъ колосьевъ“ Миллэ. Одна изъ женщинъ, которая изнемогаетъ отъ труда подъ палящимъ солнцемъ, приподнялась и смотритъ вдаль. И чуткимъ сердцемъ мы понимаемъ, что въ этой темной головѣ промелькнулъ внезапный проблескъ сознанія, зародился вопросъ: къ чему?

Вотъ гдѣ тайна, которая носится надъ всей картиной.

Что за законъ приковываетъ къ жизни существа для того лишь, чтобы они страдали? Къ чему этотъ вѣчный обманъ, привязывающій ихъ къ жизни, исполненной горестей? Ужасная загадка!

Впечатлѣніе таинственнаго получается не только отъ шедевровъ христіанской цивилизаціи. Его въ неменьшей степени испытываешь передъ антиками, передъ „тремя Парками“ Парѳенова, напримѣръ. Я ихъ называю Парками по общепринятому обычаю, хотя ученые видятъ въ нихъ другихъ богинь, впрочемъ, это все равно. Группа представляетъ просто трехъ сидящихъ женщинъ, но въ позѣ ихъ столько мира, столько величія, что онѣ, видимо, пріобщены къ чему-то громадному, скрытому отъ нашихъ глазъ. Надъ ними витаетъ великая тайна: невещественный вѣчный Разумъ; ему покорна вся природа, а онѣ — его небесныя служанки.

Такимъ образомъ, всѣ мастера доходятъ до ограды Непознаваемаго.

Иные плаксиво расшибаютъ себѣ лбы, другимъ, одареннымъ болѣе жизнерадостнымъ воображеніемъ, чудятся сладкія мелодіи птицъ, гнѣздящихся въ заповѣдномъ саду.

— А въ вашихъ бюстахъ, — сказалъ я, — вы болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, подчеркнули нетерпѣніе души, скованной плотью.

Въ моихъ фигурахъ душа рвется къ призрачному, быть можетъ, царству истины и безпредѣльной свободы.

Вотъ она — тайна, которая меня глубоко захватываетъ.

Нѣсколько минутъ спустя онъ спросилъ Гзелля:

— Убѣдились ли вы теперь, что искусство своего рода религія?

— Безусловно,—отвѣтилъ онъ.

— А все-таки помните, — прибавилъ онъ, смѣясь, — что первая заповѣдь этой религіи: умѣй хорошо вылѣпить руку, торсъ или бедро.

Революціонеры - предатели передъ лицомъ смерти.

(„То, чего не было“. В. Рошина, ч. III.)

Послѣдняя часть закончившагося наконецъ рошинскаго романа посвящена борьбѣ революціи съ провокаціей. Намъ здѣсь показаны три разныхъ типа предателей. Со всѣхъ этихъ, выведенныхъ въ романѣ, измѣнниковъ сорваны маски, и насталъ для нихъ жуткій моментъ, когда лицомъ къ лицу очутились они со своей Немезидой, въ образѣ револьвернаго дула („Завѣты“, 1913, I, II и IV). Моментъ этотъ, самый страшный для каждаго изъ нихъ, — самый интересный для насъ, потому что обыкновенно только передъ дуломъ револьвера *падаетъ*, наконецъ, искусно сдѣланная „маска“ и намъ, хоть на мигъ, открывается „лицо“ предателя — цѣликомъ, во всей его отталкивающей подлинности.

Интересъ къ этого рода страницамъ романа Рошина увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мы знаемъ, какъ компетентенъ авторъ въ описываніи подобныхъ острыхъ моментовъ. Вѣдь ему самому нѣсколько лѣтъ назадъ до-

велось,— тожество В. Ропшина съ Б. Савинковымъ не составляетъ уже тайны, — исполнять ту тяжелую и печальную роль карающей Немизиды (да еще надъ бывшимъ другомъ), какая въ романѣ выпала на долю Абрама и Александра Болотова.

* * *

Повальные аресты и разгромъ партійныхъ организацій все болѣе убѣждали главарей революціи, что „гдѣ-то рядомъ, около нихъ, можетъ быть въ самомъ Комитетѣ, гнѣздится измѣна, и что самое страшное въ томъ, что никто не въ силахъ ее разгадать". Имъ помогъ мелкій агентъ охраны, Тутушкинъ, проданшій сенсаціонный секретъ: предателемъ оказался дѣятельнѣйшій и вліятельнѣйшій, „знаменитый" членъ Комитета докторъ Бергъ. Какъ ни невѣроятнымъ и даже возмутательнымъ казалось такое подозрѣніе, Комитетъ—послѣ горячихъ безплодныхъ споровъ—счелъ себя вынужденнымъ избрать изъ своей среды „слѣдственную комиссію".

Допросъ обвиняемаго назначенъ былъ на дому у него.

„...Двери открылъ докторъ Бергъ. Увидѣвъ товарищей, онъ изумленно, но безъ испуга, пристально посмотрѣлъ на нихъ, точно стараясь понять: чѣмъ вызвано нежданное посѣщеніе? Еще не было случая, чтобы членъ Комитета, нарушая партійную „дисциплину" и не считаясь съ обязательной „конспираціей", пришелъ къ нему на домъ. Слегка поблѣднѣвъ и потирая тонкія руки, онъ небрежно спросилъ:

— Очень радъ... Въ чемъ дѣло, товарищи?

— Мы пришли отъ имени Комитета.

— Прошу садиться... Въ чемъ дѣло?

...Рѣчь Геннадія Геннадіевича докторъ Бергъ выслушалъ очень спокойно, почти равнодушно, опустивъ голову и поигрывая золотою цѣпочкою на груди. Когда Геннадій Геннадіевичъ умолкъ, онъ взялъ со стола карандашъ и, откидываясь на спинку плетенаго стула, громко сказалъ:

— Очень хорошо. Долженъ ли я понять, что Комитетъ подозрѣваетъ меня въ провокаціи?

Геннадій Геннадіевичъ замахалъ въ испугѣ руками. Розенштернъ поднялъ густыя брови:

— Да, вы именно такъ и должны понять. Комитетъ подозрѣваетъ васъ въ провокаціи.

— Очень хорошо. Въ такомъ случаѣ потрудитесь предъявить мнѣ слѣдственный матеріалъ.

— Слѣдственный матеріалъ?

— Да, слѣдственный матеріалъ.

— Мы вамъ его не предъявимъ.

— Во всякомъ судѣ, — постукивая карандашомъ, нравоучительно возразилъ докторъ Бергъ,—будь это даже жандармское управленіе, обвиняемый имѣетъ право узнать, на чемъ именно основано обвиненіе. Я—обвиняемый. Вы не можете меня лишить моихъ правъ.

— Слѣдственный матеріалъ предъявленъ не будетъ.

— Почему?

— Потому что мы не судъ и не жандармское управленіе.

Докторъ Бергъ хотѣлъ опять возразить, но раздумалъ. Онъ поморщился, точно отъ боли, положилъ карандашъ и медленно всталъ со стула. Его бритое лицо потемнѣло. Онъ подошелъ къ Розенштерну и, нагибаясь и поблескивая очками, заглянулъ ему прямо въ глаза:

— Послушайте, Аркадій Борисовичъ... Я понимаю, что Груздевъ или Залкиндъ, или другіе товарищи, не знающіе меня, могутъ... могутъ высказывать такое... такое ужасное подозрѣніе... Но вѣдь вы меня знаете, вѣдь мы не одинъ годъ работали въ комитетѣ,— вѣдь вы видѣли мою жизнь, вѣдь вы не можете, не имѣете права сомнѣваться во мнѣ... Какъ вамъ... Какъ вамъ не стыдно! Я не въ укоръ говорю... Я понимаю... На вашемъ мѣстѣ я, вѣроятно, поступилъ бы, какъ вы... Но... но... заподозрѣть меня... меня... меня... — онъ отвернулся, и вдругъ стыдливымъ и мягкимъ, непривычнымъ движеніемъ смахнулъ задрожавшую на рѣсницахъ слезу.

Онъ говорилъ такъ правдиво и просто, такой неотразимой обидой звучали его слова и такъ искренни были слезы, что Розенштернъ невольно смутился: „А что, если я ошибаюсь?.. Что, если Тутушкинъ совралъ?.. Что, если правъ Арсеній Ивановичъ"?... Ему стало и жутко, и радостно, и досадно, и захотѣлось уйти. Онъ посмотрѣлъ съ тревогой на Александра (лейтенантъ Болотовъ). Александръ, голубоглазый, широкоплечій, съ невозмутимымъ и строгимъ лицомъ, по военному—прямо сидѣлъ у стола, и было видно, что онъ не вѣритъ доктору Бергу и презираетъ сомнительный судъ".

Докторъ Бергъ наотрѣзъ отказался отъ показаній, пока не будетъ предъявленъ ему слѣдственный матеріалъ. Никакіе доводы и угрозы не дѣйствовали.

„Казалось, что ему все ровно, осудятъ его или оправдаютъ, будетъ онъ убитъ или нѣтъ. Казалось, что то жестокое униженіе, которое

онъ только что пережилъ, такъ несмываемо, неслыханно и огромно, что передъ этой вѣчной минутой блѣднѣютъ и жизнь, и революція, и смерть.

...Александръ и Розенштернъ встали. Когда они подошли къ дверямъ и докторъ Бергъ понялъ, что комиссія уходитъ, онъ сдѣлалъ однимъ замедленный шагъ вслѣдъ за ней. Лихорадочно озираясь кругомъ, точно ища защиты, онъ секунду стоялъ безъ словъ. И вдругъ, дернувъ вверхъ подбородкомъ, будто кто-то снизу больно ударилъ его, и зачѣмъ-то подымая правую руку, закричалъ визгливымъ фальцетомъ:

— Господинъ Розенштернъ!.. Вы можете мнѣ не вѣрить... Вы можете меня убить... Да, убить... Но... Но... я... даю вамъ честное слово... Я никогда въ полиціи не служилъ...

Онъ всхлипнулъ и отвернулся къ окну. Александръ съ изумленіемъ увидѣлъ, какъ тихо дрогнули его плечи и затрясся лысый затылокъ, и исколыхнулась перебѣгающей дрожью спина. Онъ рыдалъ безъ звуковъ, безъ слезъ, судорожно схватившись за подоконникъ и не обращая вниманія, видятъ его или нѣтъ. Все его длинное, узкое тѣло, въ модномъ щегольскомъ пиджакѣ, дрожало и сотрясалось, и мелко стучали зубы, и прыгалъ выбритый подбородокъ, точно плакалъ не онъ, самоувѣренный членъ комитета, извѣстный въ партіи докторъ Бергъ, а безпомощный, маленькій мальчикъ. Онъ былъ такъ жалокъ, такъ несчастенъ и слабъ, такъ тяжко было безысходное горе, такъ страшенъ былъ безжалостный приговоръ, такъ блѣденъ былъ Геннадій Геннадіевичъ, что Розенштернъ, не помня себя, поспѣшно вышелъ изъ комнаты. На лѣстницѣ его нетерпѣливо ждалъ Александръ.

Тутушкину удалось украсть „документъ“— докладную записку, написанную рукою доктора Берга. Сомнѣніямъ не оставалось мѣста... Участь провокатора была рѣшена, и исполнителемъ воли Комитета явился одинъ изъ рядовыхъ революціонеровъ — рабочій-еврей Абрамъ.

„...6-го мая въ десятомъ часу утра Абрамъ подходилъ къ квартирѣ доктора Берга. Задуманное убійство казалось ему нетруднымъ и неопаснымъ. Онъ не думалъ о томъ, что его могутъ арестовать и что на Маломъ проспектѣ едва ли возможно скрыться. „Очковая змѣя... Негодяй... Арестовалъ Ипполита... Вотъ такіе устраиваютъ погромы... Насилуютъ женщинъ... Рѣжутъ дѣтей... Жгутъ... Гонятъ евреевъ... Ну, хорошо... Ха“!..— твердилъ онъ сквозь зубы. Онъ отыскалъ указанный Александромъ домъ и сталъ медленно подниматься по лѣстницѣ. На нижней площадкѣ была настежь открыта обитая войлокомъ дверь. Изъ нея валилъ паръ, горячій и душный: прачки стирали бѣлье. Одна изъ прачекъ, миловидная, полная, съ раскраснѣвшимся отъ жара лицомъ, обернулась, заслышавъ шаги. „Работаютъ... Ха... это вамъ не интеллигенты“...—подумалъ Абрамъ и взошелъ на пятый этажъ. Увидѣвъ визитную карточку: „Докторъ медицины Оедоръ Оедоровичъ Бергъ“, онъ остановился и въ волненіи перевелъ духъ. Онъ взялъ браунингъ и хотѣлъ позвонить, но внезапно заколебался: „Покурю“. Вынувъ коробочку папиросъ, онъ не спѣша зажегъ спичку. Онъ курилъ жадно, коротенькими глотками, прислушиваясь къ тому, что дѣлалось на дворѣ. Было тихо. Только въ прачечной глубокій контральто напѣвалъ заунывную пѣсню да на улицѣ шмыгала дворницкая метла. Онъ не замѣтилъ, какъ окончилась папироса и дымящаяся бумага обожгла ему пальцы. „А если нѣтъ его дома“?..— протянулъ онъ дрожащую руку къ звонку.— „Будетъ знать, какъ громить... Будетъ знать, какъ вѣшать людей... Чтобъ огонь его попалилъ“...

Онъ ждалъ долго и боязливо, ощущая сухую горечь во рту и ощупывая револьверъ. Въ прачечной умолкъ контральто, и кто-то весело разсмѣялся. Во второмъ этажѣ заспорили громкіе голоса. Абрамъ вздрогнулъ и позвонилъ еще разъ.

Въ прихожей тупо щелкнулъ замокъ. На порогѣ, за полуоткрытою дверью, показался длинный, въ очкахъ и въ щегольскомъ пиджакѣ, докторъ Бергъ. Онъ исподлобья, угрюмо, посмотрѣлъ на Абрама.

— Что вамъ угодно?

— Не узнаете?

— Нѣтъ. Что нужно? Кто вы такой?

Абрамъ не отвѣтилъ. Боясь, что захлопнется дверь, онъ всѣмъ тѣломъ подался впередъ и налегъ на дверную раму. Докторъ Бергъ поблѣднѣлъ и, отступая, пропустилъ его въ сѣни.

Они стояли въ полутемныхъ сѣняхъ, не смѣя пошевелиться, не смѣя думать, не смѣя дышать, готовые при первомъ движеніи кинуться другъ на друга. Абрамъ чувствовалъ прерывистое дыханіе доктора Берга и видѣлъ его расширенные, блестящіе подъ очками глаза. Долго ли это длилось, — ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ бы опредѣлить. Наконецъ, докторъ Бергъ хрипло, шепотомъ повторилъ свой вопросъ:

— Что нужно?

Въ то же мгновеніе Абрамъ поднялъ свой браунингъ. Но выстрѣлить онъ не успѣлъ.

Какъ только блеснулъ гладкій стволъ, докторъ Бергъ изогнулся и бросился на Абрама. Онъ поймалъ его руку и цѣпко, точно клещами, у кисти сдавилъ ее. Навалившись спиной, сопя и постепенно отодвигаясь къ дверямъ, онъ старался разжать сжимавшіе браунингъ пальцы. Абрамъ почувствовалъ, что не можетъ освободиться. Онъ выдернулъ лѣвую руку и, незамѣтно просунувъ ее подъ жилетъ, вынулъ большой финскій ножъ. Размахнувшись и больно стукнувшись о косякъ, онъ съ силою ударилъ ножомъ. Что-то екнуло. Что-то мягкое упруго порвалось, и по пальцамъ заструилась горячая кровь. Докторъ Бергъ сейчасъ же выпустилъ браунингъ и, присѣдая, отступилъ на одинъ шагъ назадъ. Онъ вздохнулъ, схватился за грудь и, стараясь сохранить равновѣсіе, плечомъ приткнулся къ стѣнѣ. Но тѣло его зашаталось, голова опустилась, и онъ, какъ подкошенный, упалъ на полъ. Лѣвый бокъ его былъ въ крови.

Абрамъ наклонился надъ нимъ. Докторъ Бергъ лежалъ на боку, подогнувъ костлявыя ноги. Лица его не было видно. Абраму почудилось, что онъ еще живъ. Имъ овладѣлъ страхъ; не помня себя, съ помутившимися глазами, онъ присѣлъ на корточки рядомъ съ трупомъ и торопливо сталъ наносить удары ножомъ. Онъ взмахивалъ окровавленной сталью и погружалъ ее въ шею, въ спину, въ бока, и снова билъ, билъ безъ отдыха и безъ счета, мстя за ужасъ, который онъ испыталъ. Онъ не помнилъ, сколько ранъ онъ нанесъ. Ему послышалось, что стукнула дверь. Обезумѣвъ отъ страха, не зная что, дѣлать, боясь, что кто-нибудь позвонитъ, онъ бросилъ револьверъ и осмотрѣлся вокругъ. Если бы Ваня случайно вошелъ, онъ бы его не узналъ. Это былъ не добродушный, смѣющійся, хорошо знакомый кожевникъ Абрамъ. Это былъ другой, никому невѣдомый человѣкъ. На безсмысленномъ, бѣломъ, какъ скатерть, лицѣ повисли крупныя капли пота, волосы слипались, ноги тряслись, и странно, горбомъ, согнулась спина. Онъ прислушался. Не было никого. Стараясь не смотрѣть на истерзанный трупъ, онъ вышелъ въ спальню доктора Берга. Уже мелькала безпокойная мысль: „Надо умыться... умыться“... Въ углу у койки стоялъ рукомойникъ, но Абрамъ не увидѣлъ его. Онъ ходилъ по комнатѣ точно слѣпой, шаря во всѣхъ углахъ, оставляя кровавыя пятна и не находя ни капли воды. Не рѣшаясь обойти всю квартиру, онъ вернулся обратно въ спѣни.

И вдругъ желаніе уйти, животное желаніе спастись неудержимо охватило его. Онъ съ трудомъ отыскалъ свой картузъ и нахлобучилъ его на лобъ. Про браунингъ и про ножъ онъ забылъ. Крадучись, онъ на цыпочкахъ вышелъ на лѣстницу, и черезъ перила свѣсившись внизъ, сталъ прислушиваться къ каждому звуку. „Ничего мнѣ на свѣтѣ не надо“... — въ голосъ пѣлъ глубокій контральто. Абрамъ мотнулъ головой и началъ спускаться. Прачечная была открыта, но прачки на него не обратили вниманія. Онъ вышелъ на дворъ. У мусорной ямы младшій дворникъ сгребалъ лошадиный навозъ. Онъ работалъ спиной къ Абраму и не замѣтилъ его. Спрятавъ лицо въ воротникъ, Абрамъ быстро пошелъ впередъ. За воротами была улица. Онъ кликнулъ извозчика и приказалъ ему ѣхать на Невскій. И только за Николаевскимъ мостомъ, взглянувъ на играющую на солнцѣ Неву, онъ понялъ, что опасности нѣтъ. Онъ застегнулъ кожаный фартукъ, чтобы не было видно кровавыхъ слѣдовъ, и успокоенно, радостно, почти безгрѣшно вздохнулъ: „А все-таки ты убитъ... Ха!.. Будешь знать, какъ громить!.. Будешь знать, какъ рѣзать евреевъ“...

* * *

Мѣсяцъ спустя разгромленъ былъ Комитетъ. Во главѣ „боевыхъ дѣлъ“ сталъ Александръ Болотовъ, какъ одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ. Дѣятельность дружины онъ перенесъ въ Москву. Здѣсь опять выступаетъ на сцену служившій и нашимъ и вашимъ филеръ Тутушкинъ; онъ открываетъ Александру глаза: среди дружинниковъ завелся провокаторъ.

Упавшій духомъ Александръ вызвалъ телеграммой Розенштерна.

„Расчетливый, всегда уравновѣшенный Розенштернъ, тотъ Розенштернъ, который не смутился гибелью Комитета, растерялся теперь, какъ мальчикъ. Ему казалось, что снится сонъ, что не Александръ говоритъ о дружинѣ, а кто-то недобросовѣстный произноситъ безсмысленныя слова. Онъ не могъ вѣрить, что партія умираетъ, что его благоустроенное хозяйство,— то хозяйство, которому онъ себя посвятилъ,— блѣднѣетъ и рушится, и грозитъ разсѣяться въ прахъ. Онъ хотѣлъ сказать Александру, что Тутушкинъ памѣренно лжетъ, что не можетъ быть провокаціи, и что онъ, Розенштернъ, ручается за дружину. Но онъ ничего не сказалъ и закрылъ руками лицо.

— Знаете, когда меня назначили на эскадру,—началъ вполголоса Александръ,—я зналъ, что японцы сильнѣе, что ихъ артиллерія лучше, матросы грамотнѣе, офицеры способнѣе, зналъ, что у Небогатова „самотопы“, что былъ бой 28-го іюля, что погибъ „Петропавловскъ“- что мы—невѣжды, не умѣющіе водить кора,

блей... Я зналъ все это, и — вамъ страннымъ покажется — вѣрилъ въ побѣду... Нѣтъ, даже не вѣрилъ, а крѣпко надѣялся на нее, хотѣлъ надѣяться, что можно храбростью побѣдить... Да, да... одною храбростью, безшабашнымъ русскимъ „авось“... Я вѣрилъ еще въ нашу силу, въ силу Россіи... Въ Россію Истомина, Корнилова, Ушакова... И сказать вамъ, когда я утратилъ надежду? Когда я понялъ, что одною храбростью ничего не возьмешь? Когда я увидѣлъ, что все и несомнѣнно погибло?.. Вы думаете, во время боя? Когда затонулъ „Ослябя“? Когда загорѣлся „Суворовъ“? Нѣтъ, много раньше. Въ бой я уже шелъ безъ малѣйшей вѣры, по долгу присяги, по долгу передъ Россіей... Вотъ какъ было дѣло... Въ ноябрѣ, 23-го, подошли мы къ бергу Африки, къ Бенгуэлѣ, къ Португальскимъ колоніямъ. Подошли всей эскадрой, всею нашей непобѣдимой армадой: „Суворовъ“, „Александръ“, „Бородино“, „Ослябя“, „Орелъ“, „Нахимовъ“, „Аврора“, „Донской“... Бухта... По-англійски „Great Fish Bay“... Песчаная отмель... Песокъ и море... Стали мы уголь грузить... И что же? Видимъ,—отъ берега задымился дымокъ. Ближе и ближе... Идетъ посудина, корабль не корабль, а чортъ знаетъ что, солонка какая-то... Каноперская лодка старой постройки, съ однимъ орудіемъ и двумя митральезами... И названіе дурацкое: „Лимпопо“... Развѣвается португальскій флагъ... Въ солонкѣ не то мулатъ, не то негръ, при шпагѣ съ перьями... Поровнялся съ нами, съ „Суворовымъ“, руки рупоромъ сложилъ и какъ крикнетъ: „Извольте выйти немедленно вонъ, а то буду стрѣлять“!.. Это „Суворову“—„Лимпопо“! Вотъ тогда я впервые и усомнился, что мы побѣдимъ. Не усомнился... Всѣмъ сердцемъ почувствовалъ, что—конецъ... Международное право? Конечно... Но будь мы сила, развѣ бы онъ посмѣлъ? Развѣ бы онъ рѣшился?.. А теперь вотъ этотъ Тутушкинъ... Вѣдь это нашъ „Лимпопо“... Совѣтуетъ мнѣ уѣхать въ Парижъ... „Извольте немедленно выйти вонъ, а то буду стрѣлять“... Ну, вотъ научите... Я знаю: Соломонъ Моисеевичъ, Анна, Ваня, Абрамъ, Свистковъ, и Колька-Босякъ... и... вы... Да, не обижайтесь,— и вы... Кто-нибудь провокаторъ... Такъ предупредилъ „Лимпопо“... Помните „Майскую ночь“? Помните, стоитъ парубокъ у пруда, а въ прудѣ ныряютъ русалки... Онъ знаетъ, знаетъ навѣрное, что одна изъ нихъ не русалка, а вѣдьма... Но какая именно?.. Кто?.. Всѣ одинаковы, всѣ бѣлы, всѣ чисты... Такъ и мы... И у насъ всѣ бѣлы, всѣ чисты... Мнѣ эта исторія съ докторомъ Бергомъ трудно досталась... Вѣдь не только несчастье... Пойми: позоръ! Позоръ, если въ партіи есть провокаторъ... Въ партіи, въ Комитетѣ... А теперь вотъ въ дружинѣ... Какъ быть?“.

Кто же провокаторъ? Какъ узнать? Уже не знающій покоя, Александръ попробовалъ дѣйствовать начистоту — посовѣтоваться съ самой дружиной. Но и совѣщаніе это, казалось, не подвинуло ни на шагъ его „изысканій“. Ночью у себя въ номерѣ, передъ сномъ, онъ, мучительно теряясь въ догадкахъ, вдругъ неожиданно вспомнилъ объ одномъ изъ шести дружинниковъ—Колькѣ-Босякѣ.

„Александръ четко, какъ наяву, увидѣлъ его губастое, рыхлое, съ рыжими усами лицо, зелено-желтые, насмѣшливые глаза и полнѣющее, уже отяжелѣвшее тѣло. Онъ увидѣлъ его въ Сокольникахъ, подъ кустомъ, багрово-краснаго въ знойныхъ лучахъ, и услышалъ раскатистый смѣхъ. „Брошу я карты, брошу я биліарды... Брошу я горькую водочку пить“ И, не зная еще почему, не отданая себѣ отчета, какое именно чувство зародилось въ душѣ, онъ испыталъ внезапное облегченіе, точно сталъ легче дышать. Радуясь этому чувству и въ то же время пугаясь его, онъ приникъ головою къ подушкѣ. И сейчасъ же вскочилъ: „Конечно, Колька... Колька... Не Свистковымъ, не Ваня, Колька“... Онъ не могъ бы сказать, что именно убѣдило его, — слова ли Абрама, насмѣшки ли Кольки, странный отзывъ о мужикахъ, грубый споръ со Свистковымъ или то сокровенно неясное, что назрѣвало въ послѣдніе дни. Но онъ уже вѣрилъ,—вѣрилъ, не допуская ошибки, что „раскрылъ“ провокацію, что да, именно Колька продалъ терроръ. Это было предчувствіе правды, то ясновидящее проникновеніе, когда вскрывается сущность вещей. „Вѣдьма“... — прошепталъ онъ и улыбнулся. —„Да, вѣдьма. Но теперь она не страшна“...

На слѣдующій день Александръ отправился съ первымъ поѣздомъ въ Кунцево. Напрасно пробродивъ два часа, онъ нашелъ, наконецъ, то, что искалъ: отдающуюся въ наймы уединенную дачу. Дача была деревянная, двухэтажная съ мезониномъ и жалкимъ, уже облетающимъ цвѣтникомъ. Сторожъ, древній, полуглухой и пьяный старикъ, жилъ въ верстѣ, у полотна желѣзной дороги, такъ что въ домѣ не было никого. Александръ, не торгуясь, отдалъ задатокъ, принялъ ключи и предупредилъ, что переѣзжаетъ на-днях. Вернувшись въ городъ, онъ вызвалъ Кольку въ гостиницу „Метрополь“ и, сообщивъ новый адресъ, велѣлъ быть вечеромъ въ Кунцевѣ,—„по неотложному дѣлу“. Колька сказалъ, что будетъ въ десять часовъ.

Безъ четверти десять Александръ пріѣхалъ на дачу. Открывъ скрипучія двери, онъ заперъ ихъ снова на ключъ и досталъ изъ кармана свѣчу. Онъ зажегъ ее и поставилъ на столъ. Онъ увидѣлъ облупленный потолокъ, грязносѣрыя, ободранныя обои и убогую мебель въ чехлахъ. Опять стало жутко: „А если не Колька?.. Если Свистконъ?.. Почему я увѣренъ, что Колька“?.. думалъ онъ, слушая, какъ по подоконнику звенитъ дождь и у печки скребутся мыши. Онъ вынулъ револьверъ и тщательно его осмотрѣлъ. Револьверъ былъ офицерскій, кавалерійскаго образца, Наганъ.

Въ щели дуло. Голубоватое пламя свѣчи то перегибалось къ столу, то, выпрямляясь, вспыхивало замирающимъ языкомъ. По угламъ бродили черныя тѣни, и только на хромоногомъ столѣ дрожало неяркое, зыбкое, освѣщенное блѣднымъ свѣтомъ пятно. Александръ ждалъ недолго. Сквозь частый ропотъ дождя ему послышался чей-то голосъ. Онъ вздрогнулъ и, тяжело ступая ногами, вышелъ на отсырѣвшій, съ подгнившею колоннадой, балконъ.

— Добрый вечеръ, Александръ Николаевичъ... — жмурясь на свѣчку и отряхивая намокшій картузъ, расшаркался Колька. — Что это вы запираетесь? Вѣдь добрый воръ и изъ-подъ запора украдетъ... Ха-ха-ха... Стучишь, стучишь,—ни гу-гу... Пришлось голосъ подать... Дачу наняли? — онъ украдкою оглядѣлся вокругъ,—мое дѣло спрашивать, ваше — не отвѣчать. Позвольте полюбопытствовать, — собственно для чего?..

— Значитъ, нужно, — сухо возразилъ Александръ.

— Нужно?.. Не твоя, молъ, печаль... Отчаливай, царя... Такъ... Такъ... Такъ... Ну, не буду, Александръ Николаевичъ, не буду... Что это, въ самомъ дѣлѣ, ужъ и пошутить, ей-Богу, нельзя...

Колька былъ шумливъ и развязенъ. Но Александру казалось, что развязность его напускная. Въ сощуренныхъ, зелено-желтыхъ, какъ у кошки, глазахъ поблескивали недобрые огоньки и чуть-чуть шевелились губы, точно Колька что-то шепталъ. Разгорѣвшаяся, оплывшая стеариномъ свѣча озаряла усы Александра и его твердый, досиня выбритый подбородокъ. Колька разстегнулъ поддевку и сѣлъ. Онъ сейчасъ же утонулъ въ темнотѣ.

— А знаете, Александръ Николаевичъ, кабы бѣды не вышло... Когда вы давеча объясняли, что фильки слѣдитъ, я вамъ правду скажу,— не повѣрилъ. У страха глаза велики... Ха-ха-ха... А теперь и я сомнѣваюсь. Какъ будто что-то не то... Не оч-чень благополучно...

— Вы замѣтили что-нибудь?

— То-го и есть, что замѣтилъ... Одинъ прохвостъ даже увязался за мной. Жирный, сукинъ сынъ, кровь съ молокомъ... И карточка звѣрская: мордастъ, а глаза какъ у волка... Ей-Богу... Я со станціи вышелъ, оглянулся: идетъ. Я въ переулокъ. Идетъ. Я погрозилъ кулакомъ, — вѣдь я, прости Господи, не младенецъ, — убью! Ха-ха-ха... И черезъ заборъ, огородами, къ вамъ... Ужъ не знаю, развѣ что голосъ услышалъ? А то бы, кажется, ничего... И откуда столько хахарей, Боже-же мой? Жили мы тихо и благородно, по-хорошему, безъ полицейскихъ крючковъ. И вдругъ,— пожалуйте. Милости просимъ... Р-разъ!

— Значитъ, вы его сюда привели?—спросилъ Александръ и передвинулъ свѣчу. Теперь Колька былъ ясно виденъ. Онъ сидѣлъ, развалясь, отставивъ правую ногу и разсѣянно похлопывалъ картузомъ по рукѣ. Его рыхлое, съ толстыми щеками лицо улыбалось, новой для Александра, загадочной и наглой улыбкой. Александръ почувствовалъ легкую дрожь.

— Ну, а если даже привелъ?.. Наплевать... — сквозь зубы процѣдилъ Колька и сплюнулъ.

— Наплевать?

— А то нѣтъ?.. Если Ванька не брешетъ, и у насъ имѣется провокаторъ, то что такое филеры? Святки!.. Пустая комедія!.. Очень я ихъ боюсь!.. Ер-рунда!.. Ну, а въ чемъ дѣло, Александръ Николаевичъ? Зачѣмъ вы звали меня?

„Что отвѣтить? — на секунду задумался Александръ.— Придумать глупый предлогъ?.. Снова лгать?.. Лгать передъ нимъ, передъ охраннымъ шпіономъ?.. Нѣтъ, довольно... Я не хочу“... Онъ поднялъ голову и, не глядя на Кольку, сказалъ:

— Что вы думаете о провокаціи?

— О провокаціи?

— Да, именно. О провокаціи въ дружинѣ?

— Та-акъ... — многозначительно протянулъ Колька и встренепулся. Александръ прислушался. На улицѣ подъ крыльцомъ, на размытой дождями дорожкѣ мягко шлепали чьи-то шаги. Но засвистѣлъ въ лѣсу вѣтеръ, зашелестѣли листья березъ, забарабанили крупныя капли, и снова все смолкло. Колька перекрестился и таинственно подмигнулъ:

— Домовой... Нечистая сила... Ха-ха-ха... Такъ, стало быть, насчетъ провокаціи? Такъ-съ... Но нѣдь я уже докладывалъ вамъ...

— Что вы докладывали?

— Я докладывалъ, что если есть малѣйшее подозрѣніе, то я, Александръ Николаевичъ, работать не буду... Я уйду... Совсѣмъ уйду... Изъ дружины... Не желаю грязью играть.

Александръ взглянулъ на него:

— Не желаете?

— Нѣтъ... Да что же это, въ самомъ дѣлѣ, такое? Обидно, Александръ Николаевичъ... Охъ, какъ обидно... Если только за этимъ звали, то ужъ лучше было не звать... Не указчикъ я... Не доносчикъ... Нѣтъ... Я всѣмъ вѣрю... Значитъ, такъ—не судьба... Ну, прощайте, Александръ Николаевичъ...—онъ издохнулъ и приподнялъ картузъ...—Всего лучшаго пожелаю... До свиданья... Адье...

Колька всталъ и, улыбаясь все той же непонятной улыбкой, не спѣша пошелъ на балконъ. Александръ понялъ, что онъ уйдетъ. И въ ту же минуту ему стало ясно, что онъ не ошибся, что передъ нимъ не товарищъ, не дружинникъ Колька-Босякъ, а тотъ продажный убійца, котораго онъ вчера разгадалъ. Ему стало ясно, что на станціи ожидаютъ филеры, и что Колька здѣсь не одинъ. И, повинуясь тайному чувству, твердо вѣря, что дѣлаетъ хорошо, онъ внезапнымъ и сильнымъ движеніемъ схватилъ Кольку за шиворотъ. Колька вскрикнулъ. Его глаза загорѣлись. Онъ размахнулся, но не ударилъ и, опуская руку, тихо спросилъ:

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ,—блѣднѣя отъ гнѣва, повелительно закричалъ Александръ,— что до сихъ поръ я съ вами говорилъ, какъ товарищъ, какъ членъ дружины, а теперь... теперь извольте слушать... Я—начальникъ, вы — подчиненный. Я—офицеръ, вы—солдатъ... Я приказываю вамъ отвѣчать. Поняли? Я приказываю... Гдѣ вашъ браунингъ? Отдайте его...

Медленно догорала свѣча и громадныя сизыя тѣни,—тѣни Кольки и Александра,— колыхаясь, боролись на потолкѣ. Колька, красный, съ посинѣвшимъ лицомъ, шевелилъ беззвучно губами, силясь что-то сказать. Но онъ не сказалъ ничего. Онъ покорно полѣзъ въ карманъ и подалъ заряженный браунингъ.

— Отпустите, Александръ Николаевичъ...

Александръ оставилъ его и бросилъ револьверъ на столъ. Колька сѣлъ и попробовалъ улыбнуться:

— Тунда, тирунда, балалайка... Что это вы такъ разсердились?.. Изъ-за чего шумъ? Изъ-за того, что я изъ дружины желаю уйти?.. Такъ вѣдь, Господи, надо понять... Мнѣ... мнѣ тоже обидно слушать... Что я, шпана,—лакусъ или крѣпостной? Не хочу... Слышите... Амуръ-могила! Шабашъ! — онъ одернулъ поддевку и воровато покосился на дверь. Гдѣ-то близко, подъ самымъ окномъ, снова зашуршали замедленные шаги. Колька вытянулъ шею. Александръ усмѣхнулся. Невысокаго роста, очень широкій въ плечахъ, съ потемнѣвшими молочно-голубыми глазами, онъ неподвижно стоялъ передъ Колькой и съ ненавистью, въ упоръ смотрѣлъ на него. Теперь они оба понимали другъ друга. Колька чувствовалъ, что Александръ способенъ убить, и не вѣрилъ въ это убійство, какъ не вѣритъ никто своей насильственной смерти. И хотя онъ, дѣйствительно, служилъ у полковника Шена и получалъ деньги, и сегодня утромъ донесъ на дружину,—онъ не считалъ себя виноватымъ. То же самое, что и онъ, дѣлали всѣ начальники, совѣтчики и друзья: филеры, вахмистры, надзиратели и переодѣтые офицеры. И именно потому, что онъ не считалъ себя виноватымъ, онъ не могъ повѣрить, что Александръ ненавидитъ его. Но ему было страшно. И по преувеличенно дерзкимъ словамъ, и по блуждающимъ взглядамъ, и по склоненной головѣ Александръ понялъ, что онъ боится. И какъ только онъ это понялъ, сухой и жестокій комокъ сдавилъ ему горло. Онъ сжалъ губы и, отступая на шагъ, вынулъ тяжелый, съ длиннымъ стволомъ револьверъ.

— Я вамъ совѣтую: сознавайтесь...

— Шутите, Александръ Николаевичъ,—захрипѣлъ озлобленно Колька.—Въ чемъ прикажете сознаваться?.. Въ томъ, что я честно работалъ? Дѣлалъ революцію, какъ могъ?.. Я даже не понимаю, почему вы со мной такъ говорите? Что это за разговоры?.. Ей-Богу... И опять же этотъ Иоганъ... Эхъ-ма, Александръ Николаевичъ... Грѣшно!.. Отольются кошкѣ мышиныя слезки... — онъ отвернулся и съ огорченіемъ махнулъ рукой.

— Сознавайтесь,— чувствуя, какъ неровно забилось сердце, шепотомъ повторилъ Александръ.

Но тутъ произошло то, чего онъ не могъ ожидать. Колька быстро вскочилъ и дунулъ на свѣчку. Свѣчка сразу погасла. Въ то же мгновенье Александръ услышалъ жалобный звонъ. Посыпались стекла. И сейчасъ же, не разсуждая, повинуясь все тому же властному чувству, не видя ни Кольки, ни даже рамы окна, боясь, что Колька уйдетъ, и чутьемъ угадывая прицѣлъ, Александръ вскинулъ револьверъ и надавилъ на курокъ. Гулко повторенный эхо, прокатился неожиданный выстрѣлъ, сверкнуло желтое пламя, и что-то, охнувъ, упало на полъ. Александръ зажегъ спичку. Подъ окномъ, ногами къ столу, на животѣ лежалъ Колька. На затылкѣ у праваго уха по рыжимъ, спутаннымъ волосамъ сочилась темною струйкою кровь. Александръ надѣлъ шляпу и, странно согнувшись, задѣвая

впотьмахъ за стулья, вышелъ ощупью на крыльцо".

* * *

Фанатикъ „систематическаго", „партизанскаго" террора Германъ Фрезе въ моментъ, когда „дѣло" распадалось, какъ „разбитая молотомъ желѣзная цѣпь", пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ для „изысканій" о взрывѣ охраннаго отдѣленія. Здѣсь онъ однажды встрѣчаетъ на улицѣ бывшаго своего товарища по дружинѣ—Эпштейна. Эпштейнъ, въ отвѣтъ на замѣчаніе Фрезе о „плохихъ дѣлахъ", многозначительно намекнулъ, что онъ могъ бы сообщить кое-что „полезное для террора"—вообще „онъ знаетъ, какъ надо дѣлать терроръ". Для бесѣды по этому вопросу они поѣхали въ загородный ресторанъ.

„...Въ шумный, сіяющій огнями, полный суетой, „Альказаръ" Эпштейнъ вошелъ увѣренно и развязно. Онъ на ходу, въ коридорѣ, потребовалъ „кабинетъ", и когда лакеи подали ужинъ, выпилъ залпомъ стаканъ вина и, закуривъ, обратился къ Фрезе:

— Вы не будете пить?.. Напрасно: не плохое вино... Скажите, вы не думали, почему терроръ окончился неудачей? То-есть не окончился, но можетъ окончиться?.. Пѣтъ?.. Было мало людей? Мало мужества? Мало денегъ? Мало разсчета? Странное дѣло!.. Всего этого было довольно... Я вамъ говорю: не хватило дерзанія... Ахъ, сентиментальныя сказки... „Я же радуюсь великому грѣху",— говоритъ Заратустра, — „какъ моему великому утѣшенію. Но это сказано не для длинныхъ ушей. Не всякія уста имѣютъ право на это слово. Это тонкія, дальнія вещи... И бараньимъ копытомъ ихъ не должно касаться... Думаете ли вы, что я пришелъ сюда за тѣмъ, чтобы исправить то, что вы испортили?.. Или вамъ, заблудившимся, указать легчайшую дорогу?"... Помните?.. Ну, такъ я именно за этимъ и пришелъ... Понимаете: я могу указать вамъ дорогу... Понимаете: я могу вамъ ее указать... Вы слышали про доктора Берга?

Фрезе, зѣвая, слушалъ Эпштейна. Прокуренный и пропахшій сигарами „кабинетъ", докучные взвизги оркестра, жалкій, въ темныхъ очкахъ, Эпштейнъ и высокопарно-торжественныя слова утомили его. Онъ провелъ рукой по лицу и, думая о своемъ, — о дружинѣ и покушеніи, — равнодушно отвѣтилъ:

— Да, я слышалъ про доктора Берга.

— Ну и что?

— Ничего.

— То-есть, какъ ничего?

— Да такъ: убитъ провокаторъ.

— Странно!.. Вѣдь не въ этомъ же дѣло... — разсердился снова Эпштейнъ, — я васъ спрашиваю: возможенъ терроръ, если провокаторъ— членъ Комитета? Ну? Конечно же, не возможенъ... Вы будете спорить?.. Я спрашиваю: возможенъ терроръ, если мы, баранья головы, не будемъ бороться?..

— Съ чѣмъ бороться?

— Съ чѣмъ? Ясно съ чѣмъ: съ провокаціей!

— Но какъ съ ней бороться?

— Такъ я же вамъ говорю: я затѣмъ и пріѣхалъ (изъ Парижа)... Я придумалъ безошибочный планъ... Я укажу вамъ дорогу... Поймите: пока полиція знаетъ все, — терроръ не можетъ имѣть успѣха... Единственное средство борьбы — поступить на службу въ Охранку... Не ясно? Надо доказывать? Разжевать? Объяснять?.. Въ „Народной Волѣ" былъ прецедентъ, давшій блестящіе результаты... Когда Клѣточниковъ служилъ, Желябовъ былъ въ безопасности... И потомъ вы знаете: надо представить себѣ, что значитъ охранная служба... Подумайте только, что долженъ испытывать человѣкъ, осмѣлившійся дерзнуть?.. Какія эмоціи, какія огненно-яркія ощущенія долженъ онъ пережить!.. Работать въ террорѣ и сотрудничать одновременно въ Охранкѣ!.. Знать все: что дѣлается по обѣ стороны баррикады! Знать, что отъ тебя зависитъ судьба революціи!.. Судьба Россіи!.. Какая красота! какое величье!.. Вѣчно ходить по краю обрыва и стремиться къ „свѣтлой безбрежности"! Вотъ бездна иная! Вотъ бездна верха!.. Нѣтъ?.. Подумайте!.. Вы подумайте. Ну, что скажете? А?

Эпштейнъ вскочилъ. Его лицо разгорѣлось румянцемъ, и курчавая голова гордо закинулась вверхъ. Теперь Фрезе уже безъ скуки, съ ревнивымъ вниманіемъ, слушалъ его. „Болтаетъ?.. Или?.. Или?.. Нѣтъ, не можетъ быть... Конечно, просто болтаетъ". Онъ нахмурился и неохотно сказалъ:

— Ежели вы меня спрашиваете, то я вамъ долженъ отвѣтить: въ Охранное Отдѣленіе ни при какихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ поступать.

— А почему?.. Почему?.. Объясните мнѣ, — почему?

— Потому что это — измѣна.

— Измѣна?.. Смѣшно!.. Сентиментальныя сказки!.. Заповѣди завѣта!.. Моральный императивъ!.. Законъ!.. Но какая же, объясните мнѣ, ради Бога измѣна, если я говорю: не для себя, а для террора, для революціи!.. Ну, а законъ... Что такое законъ? Помните? „О, пошлите мнѣ безумье, небожители!.. Пошлите мнѣ бредъ и судороги, внезапный свѣтъ и внезапную тьму,

бросайте меня въ холодъ и жаръ, заставьте меня выть, визжать, ползать, какъ животное... Я убилъ законъ. Законъ страшитъ меня, какъ трупъ страшитъ живого человѣка... Если я,— не больше, чѣмъ законъ, то вѣдь я — отверженнѣйшій изъ людей“... Такъ писалъ Фридрихъ Ничше. Ну, а я, Рувимъ Эпштейнъ, вамъ говорю: свободный человѣкъ больше, безизмѣримо больше, чѣмъ самый большой законъ. Свободный человѣкъ не долженъ „выть и визжать..“ Я смѣюсь надъ глупымъ закономъ!..

Онъ подошелъ къ столу и опять жадно, залномъ выпилъ вина. По громоздкимъ цитатамъ изъ Ничше, по двусмысленнымъ, разбѣгающимся словамъ, по преувеличенно развязнымъ движеніямъ и по натянутой и робкой улыбкѣ Фрезе понялъ, что Эпштейнъ что-то таитъ и боится высказать вслухъ. „А если онъ не просто болтаетъ? А если?“... — съ тревогой подумалъ онъ и сказалъ:

— Все это хорошо. Но вѣдь вы пріѣхали изъ Парижа не для того, чтобы читать лекціи о морали.

Эпштейнъ не сразу отвѣтилъ. Онъ опустился въ глубокое кресло и долго, молча смотрѣлъ на Фрезе. Среди мягкихъ подушекъ, длинноволосый, сгорбленный и худой, онъ казался еще меньше ростомъ, еще безпомощнѣе и слабѣе. Въ „общемъ залѣ“ гремѣлъ нахальный оркестръ, въ коридорѣ шушукались лакейскіе голоса. Эпштейнъ нерѣшительно кашлянулъ и сказалъ:

— Я долженъ вамъ кое-что сообщить.

— Я васъ слушаю.

— Ну вотъ... Я... Я... Вы вѣдь знаете мои взгляды?.. Я пришелъ къ убѣжденію, что для пользы террора необходимо служить въ Охранкѣ...

— И?

— И... И... Вамъ я, Фрезе, скажу... Вы умный человѣкъ... Вы должны меня понять... Я же вамъ говорю: терроръ только въ томъ случаѣ будетъ успѣшенъ, если мы оградимъ себя отъ Охранки. Такъ?.. Ну... Дальше, — какъ оградить себя отъ Охранки? Единственный способъ, — поступить на полицейскую службу... Такъ?.. А если такъ, то вѣдь кто-нибудь долженъ дерзнуть... Сильный дерзнетъ... Слабый отступитъ... Я свободный человѣкъ... Авторитетовъ не признаю... Вы не согласны? Вы, можетъ быть, думаете, что это ошибка?... Ахъ, я заранѣе зналъ!.. Нѣтъ никого, кто бы понялъ меня... „Одиночество!.. О, моя отчизна одиночество“,— онъ въ отчаяніи схватился за голову руками.— „Теперь я въ слезахъ возвращаюсь къ тебѣ“... Ну, хорошо... Пусть одиночество... Пусть!.. Я васъ спрашиваю: желаете вы, чтобы терроръ былъ успѣшенъ? Желаете вы побѣдить?.. Желаете вы работать со мной?.. Подумайте, Фрезе...

Эпштейнъ всталъ, ожидая отвѣта. Его впалыя щеки тряслись и губы дрожали. И хотя Фрезе видѣлъ, что онъ не шутитъ, не смѣетъ шутать, и что онъ дѣйствительно продалъ себя, — онъ не могъ повѣрить кощунственному признанію. Не подымая глазъ и все еще не вѣря себѣ, боясь услышать непоправимое слово, онъ тихо спросилъ:

— Вы... вы служите въ Охранномъ Отдѣленіи?

— Да...

— Вы... вы давно служите?

— Два мѣсяца...

Фрезе поблѣднѣлъ и умолкъ. Только теперь онъ понялъ, понялъ всей своей правдивой душой, — что передъ нимъ не товарищъ, не другъ, не пріятель погибшей Ольги, а наемный охранный шпіонъ. „Кто предалъ Володю?“... — кольнула острая мысль. Стиснувъ зубы, онъ сурово сказалъ:

— Сколько вы получаете?

— Что значитъ?..

— Сколько вы получаете?

— Германъ Карловичъ, что за допросъ?.. Я не буду вамъ отвѣчать... Вы не имѣете права...

— Не будете?—переспросилъ Фрезе.

— Не буду... Я вамъ сказалъ, какъ товарищъ, а вы...

— Вы будете отвѣчать.

Эпштейнъ злобно, украдкой, взглянулъ на Фрезе и покраснѣлъ.

— Это чортъ знаетъ что! Это насиліе!..

— Вы будете отвѣчать.

— Ну, хорошо... Пятьсотъ рублей...

— Въ мѣсяцъ?

— Да, въ мѣсяцъ.

— Гдѣ эти деньги?

— Какъ гдѣ?.. Я не понимаю... Что?.. Что такое? Что надо?..

— Гдѣ деньги?

Фрезе спокойно, не торопясь, опустилъ правую руку въ карманъ. Эпштейнъ замѣтилъ это движеніе. Онъ вздрогнулъ и, поспѣшно вынулъ бумажникъ, бросилъ его на столъ.

— Вотъ здѣсь тристa рублей... На-те, считайте, если хотите...

— Тристa? А остальныя?..

— Не понимаю... Что же мнѣ? Копить?.. Зарывать въ землю? Или что еще? Ну?..

— Значитъ вы прожили?

— Да, прожилъ...

— Вотъ что, Эпштейнъ!.. угрюмо промолвилъ Фрезе. Онъ испытывалъ теперь все возрастающую, пьянящую и темную радость: онъ

думалъ, что отомститъ за Володю, и что месть эта праведна и достойна его. Эпштейнъ не казался уже ни неразумнымъ, ни безсильнымъ, ни жалкимъ. Онъ казался луканымъ и дерзкимъ врагомъ, тѣмъ врагомъ, котораго щадить—преступленіе.

— Вотъ что, Эпштейнъ, я вынужденъ буду...

— Довольно шутокъ, Германъ Карловичъ!.. Нѣтъ?.. — заволновался Эпштейнъ. — Что это значитъ?.. Вы говорите, какъ будто я — провокаторъ... Какой же я провокаторъ?.. Абсурдъ!.. Нелѣпо! Глупо! Смѣшно!.. Я пріѣхалъ сюда, чтобы работать въ террорѣ... Я для этого только и поступилъ въ Охранное Отдѣленіе... Что мнѣ, — пріятно служить? Вы не убѣдили меня, что я сдѣлалъ ошибку... Убѣдите!.. Я — свободный человѣкъ! Я ничего не боюсь!.. Вы не можете мѣшать дѣлать пользу для революціи!.. Это насиліе! Насиліе!.. Я протестую!.. И что изъ того, что я деньги бралъ?.. Велика важность, — деньги!.. А что же, не брать? Идеальничать? Возбуждать подозрѣніе?.. Что за доказательство?.. Ну?..

Фрезе безстрастно выслушалъ горячую рѣчь. Когда Эпштейнъ, задыхаясь и вытирая губы платкомъ, въ изнеможеніи упалъ въ глубокое кресло, онъ холодно повторилъ:

— Въ виду того, что вы провокаторъ, я вынужденъ буду...

— Что?

— Я вынужденъ буду поставить одно условіе...

— Какое условіе?.. При чемъ тутъ условіе?.. Нѣтъ, какъ вамъ понравится? Я хочу ему пользы, я говорю, что и какъ надо дѣлать, чтобы поставить терроръ, а онъ мнѣ грозитъ!.. Сумасшествіе!.. Глупость!.. Бедламъ!.. Такъ невозможно!.. Что вы воображаете?.. Я людей позову!..

Фрезе наморщилъ бѣлый, на вискахъ облысѣвшій, лобъ и медленно вынулъ браунингъ изъ кармана. Онъ положилъ его рядомъ съ собой, на салфетку и усмѣхнулся:

— Ежели вы желаете знать людей, то почему вы ихъ не зовете?.. Мое условіе заключается въ томъ, что вы поможете убить полковника Шена (начальника Охраннаго Отдѣленія)... Иначе... Иначе... я вынужденъ буду васъ... истребить.

Эпштейнъ съ усиліемъ приподнялся въ креслѣ. Вытянувъ тонкую шею, онъ вяло, блуждающимъ взглядомъ осмотрѣлъ „кабинетъ“. Двери были закрыты и между Фрезе и имъ стоялъ уставленный бутылками столъ. Было очень свѣтло, очень жарко и сильно пахло виномъ. На бѣлой скатерти чернѣлъ заряженный браунингъ. Эпштейнъ тяжко вздохнулъ и чувствуя, что теряетъ сознаніе, уронилъ голову на подушки. Какъ сквозь сонъ, онъ услышалъ размѣренный голосъ:

— Согласны вы или нѣтъ?

Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ не понималъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ, и кто спрашиваетъ его, и зачѣмъ блеститъ браунингъ, и зачѣмъ сіяютъ электрическіе огни. Онъ понималъ только одно, что Фрезе его не отпуститъ, и что окончена жизнь,— что сейчасъ, черезъ десять минутъ, онъ умретъ позорной и безсмысленной смертью. Онъ былъ убѣжденъ, что Фрезе его застрѣлитъ, застрѣлитъ здѣсь, вотъ въ этомъ, пропахшемъ сигарами, „кабинетѣ“, что напрасно молить о пощадѣ, напрасно плакать, кричать, звать на помощь, доказывать и даже бороться. Не отдавая себѣ отчета, не зная, что дѣлать, онъ едва замѣтно кивнулъ головой и, какъ бывало съ нимъ въ дѣтствѣ, крѣпко, на крестъ, точно обороняясь, прижалъ ладони къ груди. Фрезе съ ненавистью взглянулъ на него и спряталъ браунингъ обратно въ карманъ“.

На другой день Эпштейнъ скрылся изъ Петербурга.

Великая сила „идеала Мадонны“.

(„Портретъ“ А. Струга.)

Въ польской художественной литературѣ замѣтно выдвинулся въ послѣдніе годы, быстро завоевавъ симпатіи читателей, беллетристъ, пишущій подъ псевдонимомъ Андрей Стругъ,— бытописатель молодой, боевой Польши. Новое его произведеніе,—романъ „Портретъ“,—отражающій нѣкоторые моменты недавняго освободительнаго движенія, привлекъ къ себѣ пристальное вниманіе мѣстной печати, особенно личностью героини — террористки Коры, которою усиленно занялись польскіе критики и рецензенты. О романѣ А. Струга заговорили и въ нашей прессѣ. Одинъ изъ писавшихъ о немъ, Л. Козловскій, въ „Кіев. М.“ (№ 113) отмѣчаетъ значительность ея темы, какъ бы навѣянной Достоевскимъ, словами его изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“: „Иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ, начинаетъ съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеаломъ содомскимъ. Еще страшнѣе, кто уже съ идеаломъ содомскимъ въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ отъ него сердце его и воистину, воистину горитъ, какъ и въ юные безпорочные годы“...

Молодой и уже прославившійся художникъ Сѣверскій любитъ дѣвушку-революціонерку Ко-

ру, съ которой случайно встрѣтился въ имѣніи знакомыхъ, гдѣ отдыхалъ лѣтомъ. Она не красотой приковала его вниманіе: красотой его удивить нельзя было, самыя красивыя женщины были доступны ему, и Кора не была даже красива: на всей ея фигурѣ, на всѣхъ движеніяхъ лежала печать неподдающихся описанію изящества и благородства, а на лицѣ печать тайны, въ которую художникъ проникнуть не можетъ. Что-то манитъ ее, мѣшаетъ ей отдаваться радости, гаснитъ лучи веселья, лишь только загорятся они въ ея глазахъ, но что это? Сначала художникъ подозрѣваетъ любовную драму, но скоро узнаетъ истину. Кора революціонерка и принадлежитъ къ террористической организаціи (дѣйствіе происходитъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1904—1905 г.г.); она рѣшила принести себя въ жертву и гонитъ отъ себя радость жизни.

Трагизмъ положенія еще увеличиваетъ ея обаяніе въ глазахъ художника, который, до сихъ поръ ничего трагическаго не встрѣчалъ въ жизни, смотрѣлъ на жизнь легко, за предѣлами своего искусства зналъ лишь свѣтскія удовольствія и чувственныя наслажденія. Онъ впервые проникся серьезнымъ чувствомъ; и ему стало казаться, что до этого момента вся его жизнь была лишь временнымъ существованіемъ изо дня въ день, глупымъ и безцѣльнымъ. Онъ все время ждалъ, что придетъ настоящее, а пока жилъ безъ заботы и безъ мыслей. Ухаживалъ за женщинами, развлекался, рисовалъ, и все это было какъ бы не настоящее. Только теперь начнется новая жизнь. У него будетъ жена, домъ, радость, цѣль жизни. Онъ начнетъ великій трудъ, примется за работу, которая все время ждала его, перестанетъ играть въ живопись и создастъ нѣчто великое, безсмертное.

Политикой Сѣверскій до сихъ поръ совершенно не интересовался, но ради Коры онъ готовъ полюбить и Маркса и пролетаріатъ, отдать половину своего большого состоянія на нужды партіи, лишь бы Кору увезти за границу, гдѣ она будетъ въ безопасности. Но эти мечты художника терпятъ полное крушеніе. Кора не только не думаетъ выходить замужъ за него и уѣзжать за границу, но даже запрещаетъ ему говорить о любви.

Правда, она очень часто бываетъ у него, но лишь потому, что пользуется его квартирой и мастерской для конспиративныхъ цѣлей. Единственная уступка, какой добивается отъ нея художникъ, это — позволеніе писать ея портретъ. И въ этомъ портретѣ онъ показалъ то, что она сама передъ собой скрывала, или не сознавала: что она создана для счастья и жаждетъ его: онъ угадалъ это душой. Но любить ли она его? Этого онъ не знаетъ...

Отношенія между ними становятся все ближе. Заглянувъ, при посредствѣ Коры, въ новый міръ, онъ грезитъ о новыхъ картинахъ, которыя обдумываетъ вмѣстѣ съ дѣвушкой, онъ хочетъ кистью прославить то дѣло, которому она служитъ.

Примирившись съ неизбѣжнымъ, художникъ уже не отгонариваетъ дѣвушку отъ ея плана,—и только нервы его приходятъ въ состояніе крайняго и все возрастающаго напряженія. Напряжены до послѣдней степени нервы и Коры и она моментами близка къ отчаянію: уже нѣсколько мѣсяцевъ со дня на день она готовится къ страшному дѣлу, живетъ обреченной, больше она уже не можетъ выносить этой пытки ожиданія, скорѣе бы развязка. Однажды Кора ушла и не вернулась. Тщетно художникъ въ смертельной тревогѣ ждетъ вѣстей отъ нея, ищетъ ее. Черезъ нѣсколько дней краткое газетное сообщеніе о взрывѣ на улицѣ Варшавы, при которомъ погибла дѣвушка, все разъяснило... Художникъ сходитъ съ ума.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ пребыванія въ лечебницѣ для душевно-больныхъ, Сѣверскій снова въ своей мастерской, въ Варшавѣ.

Вокругъ него новая жизнь, послѣ-революціонное веселье, балы, кабаре, театры, собранія, и онъ тоже старается вернуться къ жизни, старается не вспоминать о прошломъ. Портретъ Коры тщательно спрятанъ, и художникъ не рѣшается взглянуть на него. Онъ пишетъ новый портретъ красавицы Нарцизы, въ объятіяхъ которой находитъ минутное забвеніе. Онъ изображаетъ ее нагой среди цвѣтовъ и посылаетъ на выставку эту картину, дышащую сладострастіемъ.

„Идеалъ Мадонны“ въ образѣ Коры забытъ; „идеалъ содомскій“ торжествуетъ... Наслаждаясь тѣломъ Нарцизы, художникъ забывалъ обо всемъ, что не было счастьемъ, красотой, наслажденіемъ. Всѣ трагедіи, зловѣщіе пожары, въ которыхъ сгорѣло столько лѣтъ его жизни, мрачная тайна, переживаемая въ одиночкихъ страданіяхъ,— все это было ничто въ сравненіи съ ея голубымъ пеньюаромъ, прозрачнымъ какъ туманъ. Ароматъ ея тѣла прогонялъ всякую заботу, даже возможность заботъ, подчинялъ все его существо, одурялъ и доводилъ до экстаза. Въ Нарцизѣ онъ видѣлъ не просто прекрасное тѣло и богатое чувственное воображеніе. Въ ея чарахъ открывались бездны и глубины, ея изступленіе было сознательно разсудочно, въ ея взглядахъ онъ находилъ сознающую себя силу господства, гордость, безстыдство и чудовищную, неутомимую жажду

чего-то небывалаго, погоню за призраками,— страстную тоску по аду. Она уносила его далеко за предѣлы чувства,— въ страну безумныхъ восторговъ... Онъ сгоралъ, погибалъ и радовался своей гибели. Теперь его жизнь дѣлилась на часы наслажденія и долгаго мертваго сна отъ смертельной усталости. Онъ просыпался съ трезой о томъ, что его ждетъ. Ждалъ съ нетерпѣніемъ, считалъ часы, убивалъ какъ-нибудь время и бѣжалъ къ Нарцизѣ. Но Нарциза сама разбила эти чары... Однажды въ сознаніи своей красоты, нагая, безстыдно улыбаясь, она спросила его:

— И стоило тебѣ такъ долго страдать изъ-за какой-то барышни... развѣ она можетъ сравниться со мной?

Когда она замѣтила, какое впечатлѣніе произвели эти слова, было уже поздно: блѣдный, онъ грубо оттолкнулъ ее и, задыхаясь отъ бѣшенства, проговорилъ: „Какъ смѣешь!.. Ты... Ты...“. Когда Сѣверскій вернулся къ себѣ послѣ этой сцены, онъ словно проснулся отъ долгаго тяжелаго сна. Образъ Коры снова воскресъ въ душѣ художника и вытѣснилъ изъ нея „идеалъ содомскій“. Сѣверскій открываетъ портретъ трагически погибшей дѣвушки и проводитъ передъ нимъ въ мастерской цѣлые дни. Онъ никому не показываетъ этого портрета: пока онъ живъ, Кора лишь ему одному должна принадлежать, но онъ мечтаетъ о томъ, что послѣ смерти его портретъ будетъ находиться въ музеѣ.

„Когда-нибудь передъ ней будутъ останавливаться въ раздумьѣ одинокіе мечтатели. Усталые, съ душой, истерзанной борьбой и страшными воспоминаніями, вздохнутъ спокойно, встрѣтивъ ея чистый взглядъ. Глядя на нее, будутъ отдыхать тѣ, кого гонитъ по жизненному пути удушливый вихрь чудовищныхъ и ненасытныхъ желаній. Какая-то великая сила будетъ исходить тучами отъ нея. Невѣдомыми путями, непостижимыми разуму, будетъ она переливаться въ далекихъ чужихъ людей, которые и знать ничего о ней не могутъ“...

Иногда онъ повторяетъ пророченія погибшей дѣвушки, какъ священныя слова. „Она твердила, что общество нуждается въ мученикахъ. Она вѣровала, что сумасшедшій подвигъ долженъ потрясти человѣческія сердца, вызвать идеи и пожеланія, волновать воображеніе. Она знала, что послѣ нея еще другой и третій пожертвуютъ своей жизнью. И если народъ живъ, онъ долженъ отозваться на эти необычайные подвиги безумія. Объ этихъ поступкахъ будутъ говорить, спорить, порицать и восхвалять“. И вдругъ онъ ощущаетъ, что жертва была напрасна, что она ничего не перемѣнила и никого не увлекла. Любимая дѣвушка погибла, какъ камень, брошенный въ воду... И въ Сѣверскомъ происходитъ какой-то процессъ, разрушающій его здоровье, уничтожающій его умственныя способности. Появляются галлюцинаціи...

Живя въ этихъ грезахъ, порвавъ совершенно связь съ окружающимъ міромъ, художникъ постепенно впадаетъ въ безуміе, не въ то буйное, которое овладѣло имъ послѣ смерти Коры, а въ тихое, незамѣтное. Онъ видитъ странный образъ жизни, рисуетъ странныя, никому не понятныя картины. Грань между снами и дѣйствительностью въ его сознаніи стирается... Онъ хочетъ увидѣть Кору не на полотнѣ, имъ нарисованную, а живую, настоящую, и получить отвѣтъ на вѣчно мучающій его вопросъ: любила-ли она его? Этотъ вопросъ стоитъ передъ нимъ особенно мучительно съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ случайно, что Кора передъ тѣмъ, какъ пойти на смерть, написала ему письмо, но человѣкъ, которому передано было письмо, былъ арестованъ, и письмо погибло, а съ нимъ и отвѣтъ на мучительный вопросъ.

Передъ смертью мечта безумца сбывается: онъ умираетъ случайно на улицѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ погибла Кора, и въ послѣдній моментъ жизни онъ почувствовалъ взглядъ Коры: „она впервые смотрѣла въ его глаза долго, пристально, взглядомъ полнымъ боли и счастья, радости и слезъ, какъ та, которая всегда любила“...

Религіозно-философская база Чаадаева въ его „Отрывкахъ“.

(„Отрывки“ изъ сочиненій и писемъ П. Я. Чаадаева.)

„Моей цѣлью было собрать, по возможности, все, что вышло изъ-подъ пера Чаадаева“, говоритъ М. Гершензонъ въ своемъ предисловіи къ сочиненіямъ и письмамъ П. Я. Чаадаева, первый томъ которыхъ выпустило недавно книгоиздательство „Путь“. То, что сдѣлалъ Гершензонъ, давно пора было сдѣлать: Чаадаевъ не писатель-художникъ, запечатлѣвшій свою эпоху въ яркихъ красочныхъ образахъ, онъ далеко не „образецъ“ русскаго художественнаго слова, но это одинъ изъ наиболѣе сильныхъ представителей русской религіозно-философской и публицистической мысли, это исключительно оригинальный умъ и наконецъ это мыслитель, вліяніе котораго замѣтно сказалось на „многихъ славныхъ“, которыхъ мы знаемъ, читаемъ и изучаемъ.

Помимо „философическихъ писемъ“, знакомыхъ русскому читателю, помимо „Mémoire sur Geistkunde“ и обширной переписки съ друзьями, въ „Сочиненіяхъ и письмахъ“ Чаадаева появляются въ первый разъ такъ называемые „отрывки“, представляющіе большой интересъ.

На первый взглядъ—это дѣйствительно отрывочныя разсужденія —афоризмы и при томъ на самыя разнообразныя темы, но по существу эти афоризмы не что иное, какъ отрывки изъ цѣлой серіи писемъ (въ которую входило и одно изъ философическихъ писемъ), содержащей въ себѣ всю религіозно-философскую „базу“ Чаадаева. Изъ уцѣлѣвшихъ писемъ Ч—на, изъ его ссылокъ и изъ показаній Надеждина, какъ говоритъ Гершензонъ (въ примѣчаніяхъ), „намъ извѣстны, по крайней мѣрѣ, двѣ идеи, входившія въ составъ его религіозной философіи: что въ человѣческомъ духѣ нѣтъ иной истины, кромѣ той, которую изначала вложилъ въ него Богъ, и что достигнуть истиннаго знанія и истиной святости человѣкъ можетъ только путемъ уничтоженія своей личной воли. „Отрывки“ въ большинствѣ своемъ, несомнѣнно, представляютъ осколки доказательствъ, или иллюстрацій этихъ двухъ идей“. Но и будучи взяты отдѣльно одинъ отъ другого „Отрывки“, какъ можно судить по нѣкоторымъ, приводимымъ здѣсь, имѣютъ глубокій интересъ.

Слово!—А что такое слово? — Смотрите на кормщика; — среди подводныхъ камней онъ правитъ вѣрно кораблемъ своимъ, по волѣ своей вертитъ имъ, какъ простымъ кускомъ дерева, плавающимъ на поверхности водъ: — отъ времени до времени повторяетъ онъ нѣсколько словъ, и они-то производятъ это чудо.— Взгляните на поле сраженія: сотни полковъ подвигались;—въ одно время, вдругъ, бросаются они на непріятеля;—одно мановеніе, одно слово начальника тому причиною.—Вотъ слабое подобіе глагола могущаго, который яснѣе и звонче всякаго человѣческаго голоса въ ограниченномъ пространствѣ, раздастся въ безпредѣльности вселенной; — и этотъ глаголъ есть слово. — Слово, есть дѣйствующая сила рѣчи, Глаголъ творящій.

Есть ли безпредѣльность пространства, не знаю, но знаю, что есть безпредѣльность времени, и что это безпредѣльность, это неизмѣримое продолженіе, это бесконечное послѣдованіе вещей, есть жизнь; истинное, совершенное существованіе.

Конечное можетъ раздробляться;—безконечное никогда. Мысль раздробленія соединяется въ умѣ моемъ съ мыслью уничтоженія, мысль о единствѣ—съ вѣчностью. Слѣдо: Уничтоженіе есть для меня зло, вѣчность благо.—Зло клонится къ *истребленію*, добро къ *сохраненію*; и потому, вѣчность, благо, жизнь—одно и тоже.

Эти двѣ идеи я называю идеями совершительными человѣческаго разума; онѣ находятся на обоихъ концахъ той черты, которая даетъ ему мѣру. Всѣ прочія идеи человѣка въ нихъ заключаются, или такимъ образомъ входятъ, что разумъ не можетъ принять ничего, не связавши прежде съ одной изъ двухъ этихъ идей: уничтоженія или сохраненія.—Опора всѣхъ нашихъ сужденій, и не только сужденій, всѣхъ чувствъ нашихъ, эта связь, въ которой происходятъ всѣ дѣйствія разума, безъ вѣдома нашего, даетъ законъ нашимъ мыслямъ. Замѣтьте, что даже идеи чиселъ, хоть кажутся несовмѣстными съ этими понятіями, не выходятъ изъ нихъ: всѣ числа и разсчеты принадлежатъ или дѣленію, или умноженію; дѣлить — уничтожать; умножать—производить.

Нравственная мысль не можетъ, по моему мнѣнію, имѣть другого начала. Идея о совершенствѣ, красотѣ, гармоніи, добродѣтели, любви, есть только измѣненіе идеи о вѣчномъ сохраненіи. Идея несовершенства, безобразія, порока, несогласія, ненависти, есть также измѣненіе идеи ничтожества. Ничего не можемъ мы придумать добраго, прекраснаго, не приписывая ему имѣстѣ продолжительности, прочности, устойчивости; ничего не воображаемъ дурного, злого, не привязывая къ тому мысли о проходимости, невѣрности, уничтоженіи. Такимъ образомъ нашъ разумъ пребываетъ постоянно между мыслью смерти и жизни, и онѣ однѣ управляютъ имъ повсюду.

Вы часто слыхали, что сонъ есть образъ смерти; мнѣ кажется, что сонъ есть настоящая смерть, а то, что смертью называютъ, кто знаетъ?—Можетъ быть, оно то и есть жизнь?— Мое я перерывается сномъ, смертью — нѣтъ: иначе было бы ничтожество. Изъ гроба не просыпаемся; ото сна встаемъ и входимъ опять въ наше я.— Но скажите мнѣ, живемъ ли мы, когда ни на минуту не чувствуемъ своей жизни?

Дѣло въ томъ, что истинная смерть находится въ самой жизни. Половину жизни бываемъ мы мертвы, мертвы совсѣмъ, не гиперболически, не воображаемо, но дѣйствительно, истинно мертвы. Взгляните на себя со вниманіемъ обдуманности: вы тысячу разъ на день увидите, что за минуту передъ этой вы столько же были живы, сколько за часъ до вашего рожденія; что не имѣли понятія ни о томъ, что

дѣлали, ни даже сознанія о вашемъ существованіи. Гдѣ же тогда была жизнь?—Это жизнь растительная, жизнь зоофита, но такая ли жизнь одушевленнаго творенія?—тѣмъ паче существа разумнаго!

Жизнь убѣгаетъ отъ насъ повсемнутно, часто къ намъ возвращается, но никакъ нельзя сказать, что бъ мы жили не переставая. Жизнь разумная перерывается всякій разъ, какъ изчезаетъ сознаніе жизни. Чѣмъ больше такихъ минутъ, тѣмъ меньше разумной жизни, а если онѣ совсѣмъ не возвращаются — вотъ и смерть, чтобы умереть такимъ образомъ не нужно прекращать жизни, другой же смерти нѣтъ. Смерть въ самой жизни, вотъ все, что называютъ смертью.

Между тѣмъ, объяснимъ возможныя здѣсь недоразумѣнія. Когда говорю сознаніе жизни, я не подразумѣваю то идеалогическое сознаніе, на которое опирается новая философія: простое чувствно существованія. Я понимаю подъ этимъ сознаніемъ не только чувство жизни, но и отчетливость въ ней. Это сознаніе есть власть, данная намъ дѣйствовать въ настоящую минуту на минуту будущую; устраивать, обдѣлывать жизнь нашу, а не просто преданаться ея теченію, какъ дѣлаютъ скоты безсловесные.— Когда эта совѣсть, это сознаніе потерено, то нѣтъ воскресенія. Знаете ли почему?— Потому что это-то и есть адъ, проклятіе, отчужденіе!— Для существа разумнаго можетъ ли быть мука тяжелѣе ничтожества?

То что язычники называли мудростью, добродѣтелью, верховнымъ благомъ, мы зовемъ однимъ словомъ: Небо.

Очень знаю откуда приходятъ ко мнѣ дурныя мысли; одному безумцу предоставляю знать, откуда беретъ онъ благія.

Любовь христіанская: разсудокъ безъ эгоизма.—Разсудокъ отказавшійся отъ способности все относить къ себѣ.

Правильно организованный разумъ стремится къ покорности, къ вѣрѣ, такъ точно какъ дурно организованный отталкиваетъ всякую вѣру, противится всякой покорности.

Философъ называетъ Богомъ законъ, гармонію, вселенную, не знаю что еще; потомъ говоритъ: Божества нельзя постигнуть.— Мудрено ли? Какъ мнѣ постигнуть этого несообразнаго Бога, раздробленнаго до безконечности, матерію и разумъ вкупѣ?

Но этотъ Богъ, Онъ дѣло рукъ нашихъ, не тотъ Богъ, который есть сый. Изъ самой простой идеи вы сдѣлали самую сложную, великое чудо, что не умѣете изгромоздить ее въ вашу голову!

Мы знаемъ одну только маленькую частицу бытія нашего, ту, которую проходимъ въ настоящей жизни; знаемъ и то, что оно продолжится гораздо болѣе и однако, неимовѣрная вещь! хотимъ постигнуть законъ цѣлаго бытія нашего!

Инстинктъ животный, инстинктъ человѣка, два совершенно различныя свойства.—Первый есть побужденіе физическое, чувственное; другой, неясное разумѣніе души, которое хотя по неясности своей сливается съ ощущеніемъ, но весьма отъ него отлично.

Человѣкъ не по образу животныхъ обладаетъ инстинктомъ своимъ: это уничтожило бы разумъ; онъ обладаетъ имъ свойственнымъ человѣку образомъ. Одинъ инстинктъ ничего не рѣшаетъ для человѣка, онъ дѣйствуетъ въ немъ соединяясь съ разумомъ, котораго онъ иногда удвоиваетъ энергію, иногда ослабляетъ. Въ животныхъ, инстинктъ есть единственная причина всей дѣятельности, потому то власть его надъ ними такъ велика, что въ иныхъ случаяхъ превышаетъ будто власть самаго разума надъ человѣкомъ.

Что нужно для того, чтобы ясно видѣть? Не глядѣть сквозь самихъ себя.

Что такое христіанство? — Наука жизни и смерти.

Что такое общественный порядокъ?—Временное лѣкарство временному недугу.

Учрежденія политическія, юридическія, законодательныя и прочія подобныя, на что они?— Для поправленія вреда ими же сдѣланнаго.

Куда дѣлись варвары, истребители древняго міра?—Обратились въ христіанъ.

Что былъ бы міръ если бъ не явился Христосъ?— Ничто.

Случалось ли кому видѣть во снѣ, что дважды два пять?—Никому—Почему же говорить, что во снѣ не дѣйствуетъ разумъ?

Во Франціи на что нужна мысль? — чтобъ ее высказать. — Въ Англіи? — чтобъ привести ее въ исполненіе. — Въ Германіи? — чтобъ ее обдумать.—У насъ? — Ни на что! — и знаете ли почему?

Люди воображаютъ, что живутъ въ обществѣ, когда стѣсняся въ города, въ селы. Какъ будто собраться въ кучу, вмѣстѣ пастись какъ бараны называется жить въ обществѣ!

Пять лѣтъ тому, какъ во Флоренціи я встрѣтился съ человѣкомъ, который очень мнѣ понравился. Я провелъ съ нимъ нѣсколько часовъ; часовъ, не больше, но пріятныхъ, слад-

кихъ часовъ, и тогда еще не умѣлъ я извлечь изъ него всю пользу, которую могъ бы извлечь. Онъ былъ англійскій методистъ; жилъ, кажется, при миссіи южной Франціи. Когда я съ нимъ познакомился, то онъ возвратился недавно изъ Іерусалима. Въ немъ поражала чудная смѣсь живости, горячаго усердія къ высокому предмету всѣхъ его мыслей; къ религіи, — и равнодушія, холоднаго небреженія ко всему прочему. Въ галлереяхъ Италіи великіе образцы искуства не волновали души его, между тѣмъ какъ маленькіе саркофаги первыхъ вѣковъ христіанства, незамѣтные его привлекали. Онъ разсматривалъ ихъ, разбиралъ съ изступленіемъ; видѣлъ въ нихъ что-то святое, трогательное, глубоко поучительное, и погружался охотно въ возбужденныя ими размышленія. — И такъ повторяю: съ этимъ человѣкомъ провелъ я нѣсколько часовъ, скоро протекшихъ, почти мгновеніе, — и съ тѣхъ поръ не имѣлъ объ немъ никакого извѣстія; — и что же? — теперь я наслаждаюсь его обществомъ, чаще нежели обществомъ прочихъ людей. Каждый день воспоминаніе о немъ посѣщаетъ меня; оно приноситъ съ собою такое волненіе, такую сердечную думу, что укрѣпляетъ противъ печалей меня окружающихъ, защищетъ отъ частыхъ нападеній унынія. — Вотъ общество приличное существамъ разумнымъ! вотъ какъ души дѣйствуютъ взаимно одна на другую: имъ время, ни пространство препоною быть не могутъ.

Слышу, что говорятъ иногда о старомъ человѣкѣ: Бѣдный! онъ сталъ опять ребенкомъ!—Нѣтъ, онъ видно не выходилъ еще изъ ребячества. Пересмотрите жизнь его: вѣроятно прежде онъ ребячился больше, нежели теперь, а теперь продолжаетъ быть тѣмъ, чѣмъ всегда былъ.

Счастливъ былъ бы человѣкъ, если бъ могъ возвратиться на прежній путь свой!—Это невозможно! Установленый порядокъ требуетъ, чтобъ онъ шелъ впередъ, всегда, не останавливаясь впередъ; ни шагу назадъ; *впередъ безпрестанно, собирая на главу свою вину за виною.* — Перейдетъ смерть, тогда, да, тогда есть надежда, что благость Божія позволитъ ему остановиться, пересмотрѣть пройденное время, и можетъ статься, отступить назадъ.

Есть однако христіанское вѣроисповѣданіе (вы его знаете), въ которомъ не признаютъ чистилища. Хотятъ перепрыгнуть изъ этой жизни прямо въ другую, гдѣ все невозвратно, неизмѣнно, несправимо. — Ученіе жестокое! — больше жестокое, нежели ложное.

Все, все отражется въ самосознаніи. Всякій законъ природы повторяется въ моемъ я. Всѣ явленія физическаго міра являются въ мірѣ невещественномъ. Мысль во внутренности повѣряетъ всѣ измѣненія внѣшней природы. Но мысль понимаетъ, вѣдаетъ свое дѣйствіе. Природа не вѣдаетъ. — Знаніе есть жизнь мысли, жизнь природы есть отрицательное явленіе. Когда мысль перестаетъ познавать, она уничтожается. — Вотъ почему Спаситель сказалъ: Жизнь вѣчная есть знать Тебя, Отецъ!

Человѣкъ можетъ вѣрить уничтоженію бытія своего въ теченіе цѣлой своей жизни, но за минуту передъ смертью эта увѣренность изчезала и всегда изчезать будетъ. Въ минуту начинающую уничтоженіе, онъ чувствуетъ продолженіе жизни своей. —Въ эту минуту великій законъ всеобщей непроходимости существъ въ высочайшей степени выражается, въ каждомъ отдѣльномъ существѣ!

Въ Натурѣ есть сила пластическая, творящая однѣ формы. Въ ней-то, вѣроятно, заключено истинное жизненное начало, сосредоточенье всѣхъ естественныхъ силъ. Оно замѣчательнѣе всего является въ Кристаллизаціи, тамъ надобно изучать его и обдумывать. Кристаллизація есть, но истинѣ, странное явленіе: вполнѣ геометрическое. Достойно удивленія то, что Природа такимъ способомъ образуетъ первобытные составы тѣлъ: неистощимый источникъ размышленій!

Въ Разумѣ есть также сила, этой силѣ соотвѣтствующая: Воображеніе. — Эти двѣ силы всеобщей Натуры не больше ли прочихъ содержатъ въ себѣ могущественной способности созидать? Не больше ли прочихъ подходятъ къ этому могуществу и подражаютъ ему?

Думаете ли вы, что человѣкъ способнѣе понять смерть нежели рожденіе? Нѣтъ, конечно. Онъ видитъ, какъ около него образуются, и истребляются существа; и между прочими существа ему подобныя. Онъ не знаетъ жили ли они подъ другою оболочкою, прежде нежели приняли теперешній образъ; не знаетъ, будутъ ли они жить сложивъ его съ себя. — Однако онъ воображаетъ, что постигаетъ нѣсколько смерть, потому, что ее боится. Его пугаетъ не страданіе: онъ не знаетъ есть ли въ смерти страданіе; не уничтоженіе: ибо что же страшнаго въ мысли уничтожиться, перестать жить? — Выходитъ, что онъ проповѣдалъ, неизвѣстно какъ, что послѣ смерти будетъ опять жить. Но какая это будетъ жизнь, и какимъ образомъ жить ее, какое въ ней отличіе отъ здѣшней?— вотъ что ему кажется

ужасно.—Вотъ еще великое преданіе, теряющееся въ незапамятныхъ временахъ, какъ и многія другія основныя идеи человѣческаго разсудка, созданныя не имъ самимъ, но переданныя и сообщенныя тогда еще, когда создался во вселенной Разумъ!

Но что же такое смерть? Та минута въ цѣломъ бытіи человѣка, въ которую онъ перестаетъ видѣть себя въ тѣлѣ.—Вотъ все.

Нельзя доказать строго ни безсмертія души, ни ея невещественность; но можно доказать жизнь души послѣ той минуты, которую называемъ смертью: для нравственности этого довольно.

Христіанинъ безпрестанно переходитъ съ неба на землю, съ земли на небо; кончитъ тѣмъ, что остается на небѣ.

Есть больше Вѣры законной, нежели законнаго сомнѣнія; отсюда превосходное слово св. Павла: Любовь всему вѣритъ.

Умеръ человѣкъ котораго вы любили, уважали; теперь онъ сталъ для васъ воспоминаніемъ печальнымъ; можетъ быть печальнымъ и сладостнымъ вмѣстѣ. Но вы ужъ не любите его, не уважаете, вы только о немъ помните. И можно ли въ самой вещи любить и уважать прахъ?—Но если этотъ человѣкъ живъ? Живетъ гдѣ, не знаю, въ какой-нибудь странѣ дальней, въ землѣ неизвѣстной? Если онъ только въ отсутствіи? разлученъ съ вами какъ и многіе друзья ваши?—Для чего же тогда не питать къ нему тѣхъ же чувствъ любви, которыя вы имѣли прежде? — И вотъ наше служеніе святымъ. Вѣрить безсмертію души, быть убѣжденну въ этой вѣрѣ, и не чтить людей заслужившихъ почтеніе, потому что они живутъ не на этой землѣ — не безразсудно ли такое противорѣчіе?

Помните ли, что было съ вами въ первый годъ вашей жизни?—Не помню, говорите вы.—Ну, что же мудренаго, что вы не помните что было съ вами прежде вашего рожденія?

Намъ приказано любить ближняго, но для чего? — Для того, чтобъ мы любили кого-нибудь кромѣ самихъ себя. Урока нравственнаго тутъ нѣтъ, это просто логика. Чтобъ я ни дѣлалъ, всегда нахожу что-нибудь между истиной и мною: это нѣчто, самъ я; истина сокрыта мнѣ однимъ мною.—Есть одно средство увидѣть истину—удалить себя.—Мнѣ кажется *не худо говорить себѣ почаще то*, что Діогенъ, какъ вы знаете, сказалъ Александру: отойди, другъ мой, ты застишь мнѣ солнце.

Одно только око христіанской любви видитъ ясно: въ этомъ заключена вся философія христіанства.

Что производятъ люди живучи вмѣстѣ? азотъ;—т.-е. истребляютъ другъ друга.

Понимаете ли вы, откуда въ насъ родится правда?—Нѣтъ?—а ложъ?—Понимаю.

Все мое существо возмущается, когда слышу, что Богу приписываютъ какое-нибудь несовершенство, какую-нибудь неспособность.—А это дѣлаютъ всякій разъ, когда признаютъ вѣчные законы: неизмѣнный порядокъ, или Лейбницову гармонію, или вѣчную матерію, или монадъ, стихій, или что иное подобное. Слѣдовательно, предполагаютъ, что Богъ не имѣетъ возможности истребить все это.

Декартъ, какъ извѣстно, не могъ перенесть, чтобы опредѣляли границы всемогуществу Божію.—Что же до меня касается, ужасъ, который я чувствовалъ при одной этой мысли, былъ всегда звѣздою моей жизни.

Вы, невѣрующіе христіанству, вы почитаете себя крѣпкими духомъ? — Знайте же, что и крѣпостью этой нельзя вамъ чваниться: больше крѣпости духовной потребно, чтобъ быть христіаниномъ, нежели чтобъ не быть имъ.—Васъ пугаетъ суевѣріе, предразсудокъ; больше предразсудка и суевѣрія въ невѣріи нежели въ вѣрѣ.—Какъ сдѣлались вы невѣрующимъ? Не такъ ли какъ народъ становится христіаниномъ? — Не такъ ли и вы, какъ народъ, повторяете вашъ катехизисъ, не понимая его?—Вы ли выдумали то, что разсказываете съ такимъ убѣжденіемъ? Бѣдные люди! посмотрите, не начальникъ ли вашего прихода научилъ васъ тому?

Изъ зырянскихъ лѣсовъ къ профессорской каѳедрѣ.

(„Сквозь строй жизни“. 2 тома. К. Ѳ. Жаковъ.)

Читая книжки К. Ѳ. Жакова, которыя представляютъ изъ себя не что иное, какъ его автобіографію, невольно и не разъ вспомнишь строки:

...Вижу я въ котомкѣ книжки:
Такъ учиться ты идешь?

Конечно, по нынѣшнимъ временамъ профессорская каѳедра, даже для „зырянскаго мальчика“, не представляетъ той исключительно высокой ступени, каковой она была

для Ломоносова, но судьба маленькаго „каги“ (по-зырянски—ребенокъ), родившагося въ глухой зырянской деревушкѣ, лѣтъ до 10 говорившаго только по-зырянски и черезъ 35 лѣтъ вернувшагося въ родныя мѣста профессоромъ, не можетъ не обратить на себя вниманія.

Обращаетъ на себя вниманіе авторъ—герой книжки. Интересна и безусловно оригинальна его повѣсть о самомъ себѣ. Шагъ за шагомъ, штрихъ за штрихомъ рисуется передъ читателемъ эта мятущаяся, вѣчно ищущая „самое себя“, рвущаяся къ знанію душа. И это неугомонное „исканіе“ да еще глубокая любовь и пониманіе сѣверной природы и родного быта, съ которыми авторъ не порвалъ родственной связи, даже пройдя „сквозь строй“ культурной жизни большихъ городовъ, яркой нитью проходятъ черезъ оба томика книжки, сообщая ей какую-то захватывающую силу и искренность.

Получивъ „домашнее образованіе“ у брата Арсенія, вернувшагося изъ солдатчины, и пройдя годовой курсъ сельской школы, Ѳеофилактъ (герой повѣсти) вернулся къ отцу съ тѣмъ, чтобы „пріучаться къ дѣлу“.

— Мой отецъ,—разсказываетъ онъ,—взялъ новый подрядъ—сдѣлать иконостасъ въ новой деревянной церкви въ селѣ Чукаыбъ, въ 100 верстахъ отъ Вильгорста. Обратился онъ ко мнѣ со слѣдующими словами: „Ѳеофилактъ! Ты кончилъ курсъ сельскаго училища, теперь ты сможешь написать письмо родителямъ, если возьмутъ тебя въ солдаты, можешь Псалтырь читать по смерти родныхъ твоихъ и молитвы дома и въ церкви. Достаточно этого для крестьянина. Пора теперь привыкать къ дѣлу, которымъ я кормился всю жизнь и васъ всѣхъ подняль. Сколько у меня было враговъ, какъ меня не любили наши мужики... Бывало, какъ поѣдутъ мимо моего дома, непремѣнно задѣнутъ осью колеса за уголъ дома. Охъ, сколько злобы! Богъ хранилъ меня, и ремесло меня кормило. Такъ собирайся же, поѣдемъ въ Чукаыбъ, тамъ ты начнешь пріучаться къ столярному дѣлу“.

Запрягли мы съ нимъ свою рыжую лошадку (въ августѣ мѣсяцѣ), сѣли въ одноколку, ногами къ хвосту лошади и поѣхали въ Чукаыбъ.

Пріѣхали туда, поселились у одного почтеннаго крестьянина въ „чистой половинѣ“ и стали готовиться къ работѣ. Все шло, какъ слѣдуетъ.

Случай, однако, распорядился иначе!

Шныряя по всѣмъ закоулкамъ хозяйскаго дома, я набрелъ на азбуку и сталъ ее читать. И вычиталъ я въ этой азбукѣ на послѣднихъ страницахъ, что до солнца отъ земли сто милліоновъ верстъ и даже болѣе. Я ударилъ себя по лбу отъ удивленія и сказалъ: „Неужели такъ далеко до солнца, а кажется такъ близко!“ Я задумался; думалъ день, думалъ ночь. Забылъ работу, рубанокъ; стамезка и долото выпали изъ рукъ.

Сто милліоновъ верстъ до того золотого круга, который мирно катится по голубому небу, который изъ-за облаковъ такъ ласково всегда глядитъ на меня и что-то шепчетъ мнѣ, а я не понимаю его... Неужели такъ далеко до тебя, до милаго?! А я еще хотѣлъ быть столяромъ, рѣзчикомъ! Развѣ возможно теперь оставаться здѣсь?! Надо итти къ учителямъ, разспросить, доподлинно ли это такъ или все это враки?! Наконецъ, я не выдержалъ и обратился къ отцу:

— Отецъ, отецъ, какъ далеко до солнца, сто милліоновъ верстъ. Экое разстояніе, а кажется только одна верста.

— Должно, что далеко, — отвѣтилъ Ѳалалей,—кабы было близко, не освѣтило бы сразу всю землю, гдѣ было бы темно, гдѣ свѣтло, а тутъ все сразу обливаетъ свѣтомъ. Должно, что далеко, мой сынъ; конечно, опять же у Бога нельзя всего знать...

— Да,—продолжалъ я, но какъ же теперь буду я работать, коли такъ далеко, ты лишь подумай—сто милліоновъ верстъ, а кажется только одну версту. Вотъ что диво... Какъ же теперь я могу успокоиться, не выспросивши у учителей, правда ли это...

— Это вѣдь ни къ чему тебѣ,—отвѣчаетъ отецъ.—Близко ли, милый, далеко ли—это дѣло Божье, намъ тутъ дѣлать нечего.

— Отпусти меня учиться,— настаивалъ я, между тѣмъ какъ отецъ налаживалъ доски на верстакѣ, чтобы строгать ихъ, а самъ на голову надѣлъ круглый ремешекъ, чтобы волосы не падали на глаза.

— Учиться тебѣ больше не надо, не чиновникомъ вѣдь тебѣ быть. Крестьянину ни къ чему, пусть жалованные люди тамъ, какъ хотятъ, имъ работать не надо, сѣно у нихъ скошено, хлѣбъ выжатъ, имъ что, разнымъ „брюханамъ“; тыкаютъ палкой мостовыя, ходятъ по городу по дѣлу и безъ дѣла.

Такъ спорили мы съ отцомъ день и другой, и третій.

— Батько, если бы до солнца было ближе, ну, скажемъ, сто верстъ, даже тысяча, все бы ничего, хотя и то далеко, а тутъ написано въ азбукѣ, что сто милліоновъ верстъ. Какъ же я могу работать!?

— Говорю тебѣ, напрасно ты это думаешь,

смотри, съ ума сойдешь, какъ визинскій попъ, прости Господи! Поченалъ я съ нимъ разъ, такъ бѣда... Легъ я на полъ и лежу; только засыпалъ, какъ хватитъ онъ меня за ноги и чуть-чуть потащитъ. Всю ночь не далъ уснуть, лекать этакій, а что онъ думаетъ, не знаю. Или тоже, пойдетъ на берегъ и палку толкаетъ въ рѣку, „тю-тю“, говоритъ. А потомъ сниметъ портки и въ воду идетъ доставать палку... вотъ оно жалованные люди-то. Думаютъ, думаютъ, да и сворачиваются съ пути. Охъ! сынокъ мой! Вѣрь отцу! Чиновники плохо живутъ. Сегодня жалованье ему даютъ, величаютъ, кланяются, а завтра въ шею, чуть что высшему начальству не поладилъ. Убирайся куда хошь, служи, да не ошибайся. А крестьянинъ все крестьянинъ. Онъ какъ пень сидитъ... Никакъ его не сдвинешь...

Такъ сначала добромъ увѣщевалъ меня отецъ. Но безуменъ былъ я и не принималъ къ сердцу его разумныхъ словъ... Когда же я все сталъ одно твердить: „и радъ бы я работать, отецъ, но такъ далеко, такъ далеко до солнца... теперь мнѣ невозможно остаться въ деревнѣ“.

— Выкинь, говорю, пустое,—отвѣчалъ онъ.— Ты посмотри на меня. Пятеро васъ живыхъ, Мамангъ же умеръ, самый мудрый былъ онъ, и Богъ-то взялъ его, осталось васъ пятеро въ красныхъ рубашкахъ, всѣ ходите въ плисовыхъ штанахъ, а изъ чего? изъ мастерства. Мать еще у насъ не умная, все даетъ взаймы не спросясь, потому что, не нажитая, оно и давать легко. Да попы меня обижаютъ, да старосты. Всѣмъ деньги дай. А все живу. Такъ и ты, Ѳеофилактъ, учись ремеслу, оно плечи-то не давитъ, а брюхо-то накормитъ. Рабочему и воровать не надо и грабить ни къ чему.

Но я не унимался, слишкомъ поразило меня разстояніе до солнца. Тогда отецъ разсердился на меня и съ гнѣвомъ сказалъ:

— Благословенія отъ меня не будетъ тебѣ, ни помощи тоже, возьми лошадку и поѣзжай, кстати же, надо вернуть лошадку-то домой. Поѣзжай, поступай, учись, да на меня не жалуйся. Всѣ вы въ мать пошли, нѣтъ у меня товарища въ работѣ. Копейки отъ меня не будетъ, когда будетъ поздно, или будешь пьяницей, или чиновникомъ...

Вотъ что онъ сказалъ. Я слишкомъ былъ неразумевъ во всѣ дни мои, чтобы понять все значеніе простыхъ словъ моего отца и прозрѣть дальнѣйшую судьбу свою, потому что здѣсь былъ поворотный пунктъ, солнцеворотъ моей жизни, отсюда шли дороги въ разныя стороны. Я сѣлъ въ одноволку и поѣхалъ обратно въ Вильгорстъ, взялъ, по совѣту людей, свидѣтельство о бѣдности изъ волостного правленія, которое мнѣ скоро выдали, благодаря соучастію учительницы, и поступилъ въ уѣздное училище безплатнымъ ученикомъ. Тамъ скоро научили меня уму-разуму: курить табакъ, пить водку, а главное, не работать руками, а жить какъ-то иначе, безъ посѣва и безъ жатвы.

Окончилъ Ѳеофилактъ уѣздное училище, а затѣмъ пошли „этапы“—учительская семинарія, черноробочій на Холуницкомъ заводѣ, реальное училище, лѣсной институтъ, экзамены на аттестатъ зрѣлости, послушникъ въ „Заозерской пустыни“ и, наконецъ, студентъ университета... Но гдѣ бы мы его ни встрѣтили, онъ остается вездѣ тотъ же: въ неустанной погонѣ за „истинной сутью вещей“. Разница лишь въ томъ, что для каждаго даннаго случая эта „суть“ обитала для него въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ знанія, скрывалась въ самыхъ различныхъ философскихъ лагеряхъ. Въ результатѣ—полная неудовлетворенность и растерянность.

— Зачѣмъ Ты такъ много далъ мнѣ!—восклицаетъ Ѳеофилактъ.—Если бы меньше далъ, я имѣлъ бы успѣхъ, примкнулъ бы или къ философамъ, или къ ученымъ, или къ писателямъ. Теперь одинокъ я! Зачѣмъ такъ много узналъ я? Горько, горько мнѣ стало. Какъ отшельникъ въ Египтѣ плакалъ въ лѣсу дремучемъ, томимый всезнаніемъ, такъ плачу я... Если скажу я, не примутъ меня, потому что не поймутъ меня; если напишу я сказку лучезарную, осмѣютъ меня, потому что не видятъ ничего, кромѣ того, что подъ ногами. И вотъ гибну, и вотъ я одинокъ. Если я буду смѣяться надъ собой, громко, громко, скажутъ: „циникъ онъ и сумасшедшій“. Отецъ Благій, зачѣмъ Ты такъ много далъ мнѣ, лѣсному человѣку? Я всегда жилъ въ области мечтаній, но въ жизни встрѣчалъ лишь дымъ, химеры и видѣнія.

Надобно, впрочемъ, сказать, что позитивная школа рано оттолкнула „искателя истины“. Еще передъ поступленіемъ въ реальное училище учитель физики,— говоритъ Ѳеофилактъ,— не могъ мнѣ объяснить, отчего видимъ мы глазами, но порекомендовалъ прочесть книги по психологіи, изъ которыхъ я ничего не узналъ. Наука менѣе питательной, чѣмъ психологія, не существуетъ. Я сказалъ моему учителю: „тамъ только описывается то, что есть и что каждый знаетъ“.—„Только это и важно, отвѣтилъ Воскресенскій. Если хочешь большаго, иди къ попу“.

О, несчастье! Сколько погибаетъ народу изъ-за этихъ простыхъ словъ учителей и профес-

соровъ. Какъ спросишь у нихъ о Богѣ, о смыслѣ жизни, они глубокомысленно отвѣчаютъ, удивляясь своей мудрости: „мы, знаете, этого не знаемъ, да и не интересуемся. Это насъ не касается, идите къ попу“. Сколько здѣсь чванства и самодовольства ученаго Смердякова. Какъ, вы не знаете, вы должны знать, вы не должны жить, пока не узнали, и однако вы живете.

Позитивисты, благопристойные люди! Какъ вы близоруки! Вы знаете, изъ-за вашихъ словъ нѣсколько лѣтъ спустя, прочитавъ книгу Канта, гдѣ говорится, что самыя великія вещи непознаваемы, я отравился, чтобы умереть.

Я былъ въ VII классѣ реальнаго училища, когда это случилось. Я тяготился своей жизнью. „Для чего мнѣ она? Сущность вещей непознаваема, науки только знаютъ призраки, наши ощущенія. Для чего жить?“ И вотъ я приготовилъ въ лабораторіи училища каломель, чтобы отравиться. Все было сдѣлано, драгоцѣнное вещество помѣстилъ въ чернильницѣ. Пригласивъ товарища Пресиновa, я выпилъ при немъ при входѣ въ квартиру Топорковой ядъ изъ чернильницы.

Въ глазахъ потемнѣло. Насилу добрался я до кровати. Топорковой дома не было.

Пресиновъ испугался и убѣжалъ...

А я остался лежать. „Что же это я не умираю? Интересно, могу ли шевельнуть рукой и ногой? Сначала, казалось, не могу, но потомъ поднялся и сѣлъ на кровати. „Могу ли пить?“ Пошелъ, пошатываясь, посмотрѣлся въ зеркало, лицо черное, какъ будто покрыто чернилами. Вскорѣ, однако, прибѣжалъ докторъ, напоилъ меня молокомъ съ водкой, меня вырвало, какъ будто чѣмъ-то металлическимъ. Я не умеръ и не опечалился, только желудокъ навсегда разстроилъ свой. Потомъ понялъ я, что безъ метафизики невозможна ни психологія, ни теорія познанія, ни науки о природѣ. Необходимо выработать гармоническую систему неизбѣжныхъ гипотезъ, ведущихъ къ универсальной гипотезѣ, и примѣнить къ ней теорему Якова Бернулли.

Феофилактъ остался жить, „но, говоритъ онъ,— во мнѣ ли дѣло?! Сколько молодыхъ силъ, кончая университеты и гимназіи, становятся глупѣе мужика въ необходимыхъ вопросахъ, и только умѣютъ прислушиваться къ „направленію“.

Бойтесь, позитивисты и неокантіанцы, чтобы будущій Смердяковъ не сказалъ вамъ: „человѣкоубійцы вы!“

Потратили ль вы труда на разрѣшеніе великихъ вопросовъ, подумали ль о нихъ, а между тѣмъ карьеру свою созидали, званіе „ученаго“ получили и авторитетомъ своимъ давите заросли жизни...

Феофилакту было 30 лѣтъ, когда онъ поступилъ въ университетъ.

Я былъ нѣсколько утомленъ жизнью,—пишетъ онъ,—страдалъ желудочными болѣзнями, потомъ усиленнымъ сердцебіеніемъ, но былъ юнъ душой. Долго мнѣ пришлось ждать разрѣшенія отъ министра, но оно въ одинъ прекрасный день пришло, и я надѣлъ на себя студенческій костюмъ, купивъ его на Подолѣ у еврея за самую дешевую плату.

Занялся слушаніемъ лекцій съ большимъ жаромъ. Я былъ естественникомъ къ удивленію моихъ знакомыхъ, которые считали меня математикомъ. Лекціи Бобрецкаго оживили мою душу: онъ открывалъ передъ нами міръ невидимыхъ организмовъ и уяснялъ основы живой ткани. Аналитскій поразилъ насъ геометрическими законами, которымъ подчиняются кристаллы.

Навашинъ посвящалъ насъ въ тайны жизни растеній, Венюковъ доказывалъ, что непрочно все на землѣ: гдѣ были раньше моря, теперь материки, гдѣ же были раньше материки, стали теперь моря. Онъ говорилъ и о таинственной Атлантидѣ, странѣ на мѣстѣ нынѣшняго Атлантическаго океана (о которомъ упоминаетъ Платонъ въ діалогѣ „Тимей“). Профессоръ анатоміи поражалъ насъ не только знаніемъ науки, но и нежеланіемъ признанать правилъ грамматики. Онъ говорилъ: „вотъ ключица, эти кости, тотъ, ...которыя... объемлютъ, занимаютъ пространство между лопаткой, тотъ ...и между позвонками“. Студенты хохотали. Онъ не выносилъ, когда кто уходилъ или приходилъ во время лекціи, и замолкалъ на полчаса.

Разъ принесъ онъ въ спиртѣ голубя со свернутой головой, и я ушелъ съ лекціи. Я говорилъ себѣ: „стоитъ ли человѣческое знаніе того, чтобы свертывать головы птицамъ; какое мы имѣемъ право, истребляя животныхъ, строить свои жалкія теоріи о тайнахъ мироздавія“.

Черезъ годъ я оставилъ естественное отдѣленіе.

Слушалъ математиковъ, и мнѣ показалось, что все это уже извѣстно. Только двуполый гиперболоидъ, построенный изъ прямыхъ линій, удивилъ меня. Изъ прямыхъ линій кривая поверхность!

Все же душа моя колебалась, заниматься ли математикой, самой великой наукой, или предаться со всѣмъ жаромъ и безуміемъ поэзіи. Не быть ли мнѣ Гомеромъ Сѣвера? спрашивалъ я себя.

И вотъ я перечиталъ тогда: Калевалу, Былины, Гомера (съ Иліадой носился по всему городу и читалъ знакомымъ), Гете, Байрона, Шелли (въ особенности послѣдняго полюбилъ). По ночамъ глядѣлъ на звѣздное южное небо, и душа моя замирала—гдѣ изучить это море? Не лучше ли плакать въ звѣздныхъ стихахъ, или въ звонкой прозѣ?

Занимался астрономіей у Хандрикова, но простудился (было это осенью) въ его обсерваторіи, и оставилъ дѣло, да и вспомнилъ тутъ я иныя великія вещи—домъ Панюкова на сѣверѣ, зырянскія деревни.

Вступилъ въ психологическую семинарію проф. Челпанова, читалъ рефераты у него на темы: „о субстанціональномъ понятіи души“, „о параллелизмѣ“.

Такъ какъ сердце мое болѣло тогда отъ волненій, то передъ рефератомъ клалъ я кусукъ льда на сердце и, прижимая его къ груди, читалъ рефераты...

Науки все же не наполняли всего моего духа. Я удивлялся величію природы, красотѣ города, заводилъ знакомства, смотрѣлъ въ лица новыхъ людей.

Но какъ я жилъ матеріально, меня спросить? Первый годъ я бѣдствовалъ, пока Красковскій не указалъ мнѣ на урокъ у Демидова, бухгалтера въ управленіи южныхъ дорогъ. У него былъ собственный домъ, два сына и одна дочь; съ сыновьями же его я и сталъ заниматься. Демидовъ далъ мнѣ комнату, въ которой я былъ полновластнымъ хозяиномъ два года... Это были годы вдохновенныхъ мечтаній, уединенныхъ размышленій, великихъ сомнѣній. Двѣ стопы бумаги были исписаны мною — большая часть стихами, здѣсь зрѣли мои мысли о Памѣ-Бурмортѣ.

Черезъ годъ я понялъ ясно, что не естественникъ я, а филологъ, что я долженъ для глубокаго пониманія поэзіи оставить физико-математическій факультетъ и перейти на историко-филологическій. Тамъ раньше бывалъ я въ аудиторіяхъ, глядѣлъ на карты историческія, на карту сѣвера Россіи, и разнообразныя позмы возникали. Я мысленно путешествовалъ и въ Лопшахъ, и въ Сардахъ, и въ Персеполѣ, а оттуда возвращался на свои сѣверныя рѣки.

О, Провидѣніе! Скажи, зачѣмъ математику по уму и любителю астрономіи, вѣчно вздыхающему о новой звѣздѣ, зачѣмъ дало ты кипящее воображеніе, исполненное мечты. Зачѣмъ тяжелый характеръ мой и методичный умъ въ вѣчной борьбѣ съ волнующей фантазіей... Это—загадка, здѣсь гибель моя, а можетъ быть, и спасеніе тутъ же...

Итакъ, перешелъ я на филологическій факультетъ (ошибка была совершена, которая впослѣдствіи поставила меня въ тупой уголъ. Я тогда не различалъ, что одно дѣло—поэтъ, и совершенно другое—филологъ). И здѣсь на первыхъ порахъ повезло мнѣ. Написалъ я сочиненіе на конкурсъ для полученія стипендіи „Кирилла и Меѳодія“; тема сочиненія была: „Значеніе Пушкина“. Въ періодъ увлеченія поэзіей я написалъ вдохновенныя строки о Пушкинѣ, и получилъ стипендію. Теперь я былъ обезпеченъ... И занялся еще съ большимъ жаромъ изученіемъ русской литературы, древнихъ языковъ, исторіи Греціи и Рима, исторіи славянъ. Флоринскій, Бубновъ, Владимировъ, Гиляровъ и др. просвѣщали насъ и вводили въ лабиринтъ филологіи.

Жилъ въ Кіевѣ, я часто задумывался надъ тремя предметами. „Вселенная полна солнцъ,— говорилъ я.—Эти солнца возникли изъ „туманныхъ матерій. Синевато-бѣлыя солнца переходятъ въ желтыя, а послѣднія въ красныя. Красныя солнца постепенно темнѣютъ, переходятъ въ планеты, на которыхъ развивается жизнь, а въ жизни мысль. Къ чему же все это, куда идетъ Вселенная? Не составитъ ли нѣкогда всѣ звѣзды одну звѣзду—одну планету, которая найдетъ свое солнце“. И вотъ я думалъ, какъ мнѣ доказать, что земля упадетъ на солнце. Изъ-за этого нелъ часто бесѣды съ Хандриковымъ и читалъ его книги.

Съ другой стороны, я думалъ, что есть душа, независимая отъ матеріи. Чтобы уяснить этотъ предметъ, я поступилъ въ психологическую семинарію профессора Челпанова. И держись бы я этой линіи, Челпановъ оставилъ бы меня при университетѣ.

Увы! третья идея возникла въ моемъ мозгу подъ вліяніемъ постояннаго чтенія поэтовъ. Разъ сидѣлъ у Жижиленко, гдѣ я репетировалъ маленькаго гимназиста. Самъ Жижиленко, добрякъ, иногда слушалъ мои стихи, иногда глядѣлъ на карту Россіи и бесѣдовалъ со мной о сѣверѣ. Мы смотрѣли на рѣки—Печору, Вычегду, Сысолу, и тутъ-то я задумался объ отцѣ своемъ, о Нялѣ, о колдунахъ Сѣвера, о герояхъ, и сталъ разсуждать — „какъ много поэзіи тамъ, въ дремучихъ лѣсахъ, какъ много героевъ своеобразныхъ, никѣмъ не воспѣтыхъ, можетъ быть своя Калевала“. Если бы мнѣ удалось хоть часть нарисовать изъ природы и жизни великаго Сѣвера, я сталъ бы знаменитымъ поэтомъ, а кто задерживаетъ меня на югѣ?“.

Вотъ эти три идеи боролись во мнѣ, и, бродя по Кіеву, теръ я лобъ свой, и снова не зналъ, гдѣ родина души моей, въ чемъ мое

призваніе. Пучковъ говорилъ мнѣ—вы математикъ и поэтъ, или будьте астрономомъ, или отправьтесь на Сѣверъ. Челпановъ тянулъ меня въ философіи. Я часто тосковалъ, слышалъ надъ головою громъ небесный, но не зналъ, въ чемъ воля Провидѣнія.

О горе, горе! Всѣ дни томимся мы, и не знаемъ, въ чемъ удѣлъ нашъ, а на старости лѣтъ видимъ, что дни наши прошли. Все же вижу я, что нѣкто такъ устроилъ, что мудрѣе и вздумать нельзя. Крестъ, который я несу, наилегчайшій изъ возможныхъ.

Въ книгѣ Жакова часто мелькаютъ цѣлыя страницы, заключенныя въ скобки,— это страницы его философско-лирическихъ отступленій, содержаніе которыхъ можно, пожалуй, вложить въ одну изъ его же фразъ: „О, какъ трудно жить и какъ легко учиться!“ — Человѣкъ счастливъ въ процессѣ познанія, въ процессѣ творчества, но въ его эволюціи горьки моменты сознанія, что до полнаго сліянія, до ощущенія единства съ міромъ, съ Богомъ, съ коллективомъ человѣчества такъ безконечно далеко, и что на пути къ этому не можетъ быть увѣренности ни въ одномъ своемъ шагѣ. Эти „отступленія“ интересны, между прочимъ, и какъ яркая характеристика метущейся души лѣсного человѣка, отравленнаго культурой и знаніемъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Кто онъ, пишущій свое жизнеописаніе?— спросятъ, быть-можетъ, нѣкоторые. — Вѣдь только великіе интересуютъ другихъ мелочами своей жизни, а что можетъ быть изъ малаго?! Да, но я человѣкъ некультурный и къ вамъ пришелъ, господа, переболѣвъ всѣми вашими болѣзнями, поднимался по всѣмъ ступенямъ великой лѣстницы исторіи, узналъ всѣ мысли ваши и грустныя чувства; неужели не любопытно вамъ, что перечувствовалъ свѣжій человѣкъ, попавшій въ ваше царство? Неужели мое появленіе не новость, это вѣдь новое сочетаніе красокъ и звуковъ?!

Развѣ не интересно вамъ, какъ избѣжалъ я сумасшествія?! Вѣдь и сейчасъ, когда пишу я эти строки, мой мозгъ бороздятъ тайныя мысли о небѣ, тяжкія думы о томъ, какъ мнѣ изучать звѣзды небесныя, какъ мнѣ опыты дѣлать для изученія силъ природы: вѣдь я учебный одной половиной мозга, а другою—художникъ. Развѣ это не любопытно?! Вѣдь если я разскажу всѣ мои бѣдствія и злоключенія, вы скажете — неужели человѣкъ могъ столько перенести?

Ступилъ я на путь, гдѣ ждали меня великія бѣдствія, отошелъ я отъ береговъ первобытной жизни и не дошелъ до воротъ истинной культуры. Всю жизнь плыву посрединѣ. Безумствамъ моимъ не было конца и ошибкамъ нѣтъ счету. Одно я понялъ: „никого не обвиняйте, грѣхи прощайте, ибо нѣтъ выхода человѣку, онъ игрушка въ рукахъ инстинктовъ, привычекъ, злыхъ страстей“... Я грустенъ сталъ и былъ бы еще печальнѣе, если бы куполъ неба не былъ такъ прекрасенъ. Часто гляжу я на него и думаю, и успокаиваюсь, и насыщаюсь его голубымъ, мягкимъ свѣтомъ. Красота его неистощима. Солнце всегда прекрасно. Нерѣдко вижу его пурпурный ликъ между бѣлой рѣзьбой вѣтвей деревьевъ, и этимъ я живъ. Не посвятить ли себя одному тому, чтобы день и ночь рисовать красоты неба?! Овѣ напоминаютъ мнѣ о моемъ Творцѣ, онѣ внушаютъ мнѣ, что нѣкогда на лучшихъ мірахъ получимъ мы все то, о чемъ, бѣдныя, неразумныя дѣти, плачемъ на землѣ.

Моя жизнь—рядъ неразрѣшимыхъ проблемъ. Каждый разъ чувствовалъ я, что не могу я выйти изъ запутаннаго положенія, но нѣкто выводилъ меня, и я видѣлъ, какъ всѣ вопросы, меня томившіе, разрѣшались. Каждый разъ убѣждался я, что число причинъ, могущихъ погубить меня больше, чѣмъ нужно, но какая-то сила, которая выше природы, сохраняла меня для дальнѣйшихъ и высшихъ страданій. Какая-нибудь идея и неповятная цѣль да имѣются же въ этомъ. Да благословенны будутъ мое терпѣніе и страданіе! О, моя бѣдная душа! Не можешь ты преодолѣть страсти земной и ядовитыхъ привычекъ, но и забыть не можешь великихъ идей завѣсныхъ сферъ. Въ этомъ трагедія моей жизни. Я не аскетъ и не мѣщанинъ, не реалистъ также и не идеалистъ только. Не только религіозенъ и не только атеистъ. О высшей гармоніи небесныхъ и земныхъ элементовъ мечтаю я ежедневно. Нѣкогда человѣкъ преодолѣетъ земной „классицизмъ“ и небесный романтизмъ и поднимется до согармоническаго идеала реализма: въ немъ будутъ пребывать небо и земля въ дружной супружеской четѣ. Онъ будетъ анархистъ, но не уничтожающій другихъ, а влекущій къ себѣ. Въ немъ разумъ будетъ выше всего, но чувства не будутъ задавлены: страсти будутъ течь бурнымъ потокомъ въ берегахъ разума и чувствъ высокихъ... О если бы мнѣ приблизиться къ этому идеалу!

Развѣ можно разсказать все, что испыталъ я въ жизни, десятки томовъ надо было бы

наполнить для этого своими странствованіями и думами. Никогда никто не узнаетъ всей моей жизни, ибо я—исторія, я—рядъ геологическихъ эпохъ развитія человѣческой души. Я все потерялъ въ этомъ мірѣ и все нашелъ въ немъ, постигши сказку жизни міра.

Боже мой! какое однообразіе на печальномъ Сѣверѣ. Можетъ быть, напрасно взялся я описать свою жизнь въ этой книгѣ... Что въ ней встрѣтитъ читатель, кромѣ однообразныхъ, скучныхъ странствій. Чѣмъ украшу я книгу мою? Какая долгая, утомительная моя жизнь, сколько скорбей, а красиво сказать ничего нельзя. О сѣверъ, сѣверъ! можно ли поднять тебя, тяга земная, скука жизни, до высотъ поэзіи? Я усталъ писать, другіе устанутъ читать, а я жилъ въ тѣхъ пустынныхъ мѣстахъ, жилъ и скорбѣлъ, боролся и стремился дальше... Гдѣ же вамъ ждать прогресса въ безлюдныхъ лѣсахъ? Не потому ли всѣ бѣгутъ въ Питеръ, негдѣ жить на великомъ Сѣверѣ. Но кто опишетъ его, у кого хватитъ дерзости стремиться быть извѣстнымъ писателемъ, рисуя сосны и ели по берегамъ безлюдныхъ рѣкъ.

Да, вапоили меня ужаснымъ напиткомъ — философіей, и всю жизнь я былъ во хмелю, такъ жилъ я, ничего не понимая, гдѣ я, что я, что происходитъ вокругъ, а происходило важное. И читалъ я всю жизнь философскія книги, и ничего не узналъ, и такъ запутался въ мысляхъ, такъ заблудился въ разсужденіяхъ, какъ никогда не заблуждался въ родныхъ дремучихъ лѣсахъ монхъ. И писалъ я по философіи и не знаю, къ чему все это; также не знаю, къ чему другіе пишутъ, себя ли съ ума сводятъ, другихъ ли думаютъ помѣшать въ разсудкѣ, и все читалъ я, сегодня еще читалъ Юма... Его называютъ великимъ, потому де, что онъ доказалъ, что ничего мы не знаемъ и знать не можемъ. Да, впослѣдствіи серьезно пострадалъ я отъ этого, потерявши свой примитивный разумъ и не найдя новаго. Куда, куда пойдетъ человѣчество? На чемъ успокоится оно? Милые люди, послушайте меня и вѣрьте мнѣ. Всѣ „туманности“ мудрецовъ прошли черезъ мой мозгъ, всѣ молоты судьбы били меня въ грудь...

Живя въ большомъ городѣ, чувствую себя, какъ на пустынномъ островѣ. Почему такъ — долго разсказывать, но чувство одиночества никогда не оставляетъ меня. Сказать, что у меня нѣтъ друзей, нельзя; но чѣмъ больше я сижу съ другомъ, тѣмъ больше жажду видѣть его, чѣмъ чаще вижусь я съ нимъ, тѣмъ лучше созпаю, что одна только безконечность можетъ утолить меня. Человѣка мало мнѣ. Онъ лишь точка въ пространствѣ и моментъ во времени и не найдешь его, и ищешь его въ одиночествѣ.

Мнѣ бы только окончательно съ ума не сойти, частично же я давно сошелъ, да совершить бы великое, а остальное пусть какъ угодно. Вѣдь я не хозяинъ въ мірѣ, не могу управлять, и никто меня не послушаетъ, какъ и я никого не слушаюсь, что бы ни говорили. Всю жизнь иду возлѣ черты подоумія, но также чувствую всю жизнь дыханіе великаго... Родины же моей нѣтъ, не только на землѣ, вездѣ чувствую я себя, какъ чужеземецъ, полагаю, что и нигдѣ во вселенной не найду я своего пристанища... Я странникъ, безконечность—моя родина, но у безконечности нѣтъ ни дна, ни стѣнъ, ни потолка... Гдѣ же отдохну я? Въ юные годы не чувствовалъ зіяющей пустоты и безнадежности монхъ усилій...

Моя жизнь—реализація цѣнностей, истины, добра, красоты, воли, но она совершалась при тяжелыхъ условіяхъ, съ потугами, съ паденіями, съ ошибками, съ безуміемъ. До сихъ поръ во мнѣ слѣды частичнаго психоза, безотчетная любовь къ астровомію. Одна форма помѣшательства вела меня къ вершинѣ горы, другая спустила въ глубины ада.

Моя душа изъ хаоса стремится быть единой личностью; воля хочетъ господствовать надъ моими страстями; разумъ борется съ безуміемъ, самообладаніе съ неистовыми порывами; идеи вступаютъ во взаимное соглашеніе. Я, напримѣръ, 10 лѣтъ и болѣе сомнѣвался, кто я: поэтъ, математикъ, астрономъ, этнографъ, философъ. Эта внутренняя борьба шла параллельно съ великими внѣшними бѣдствіями, съ катастрофами и т. д.

Обозрѣвая пути моей жизни, вижу, что изобрѣтательный мой умъ могъ бы привести много мнѣ горя, если бы онъ не служилъ высшему инстинкту-любознательности, а потакалъ бы честолюбію или нимъ еще болѣе низшимъ инстинктамъ. Отсюда вывожу заключеніе, что всякій человѣкъ, какой бы профессіей онъ ни занимался, долженъ посвящать хотя бы часъ времени каждый день на изученіе науки и философіи, чтобы возвысить свою душу, чтобы отвлечь умъ отъ служенія низменнымъ сторонамъ души. Въ этомъ смыслѣ правъ Платонъ, требовавшій, чтобы правители были философами, т.-е. людьми, очищенными истиной. Я бы погибъ уже давно, какъ

человѣкъ, легко увлекающійся, если бы проблемы науки и философіи не отвлекали меня отъ жизни. Только восхожденіе въ пониманіи истины и добра можетъ насытить нашу душу и дать смыслъ нашей жизни. И это не прописная мораль, а выводы изъ жизни моей. Нашъ опытъ только тогда цѣненъ, когда онъ привелъ насъ къ пониманію добра, раскрывающагося въ природѣ и въ человѣкѣ. Изобрѣтательность ума, не руководимая истиной и добромъ, можетъ быть пружиной великихъ преступленій, и ими отличается нашъ вѣкъ.

Сколько было дней въ моей жизни, столько разъ погибалъ я и терялъ дорогу жизни. Но спасло меня научное творчество. На звѣзды глядѣлъ я въ минуты гибели и думалъ о законахъ природы.

Да, тяжело измѣнять жизнь отцовъ своихъ, трудно простому сыну природы преодолѣть стоглавую гидру лжекультуры, нужна желѣзная воля, чтобы противопоставить ее безконечной сложности условій. Не сладка культура для правдиваго дикаря. И рвется душа иной разъ назадъ, на Сѣверъ милый, въ бѣлый домикъ отца моего.

Люблю я солнце міра и для успокоенія пишу я сказки, авторъ ихъ скиталецъ земли. И много скитальцевъ выйдетъ изъ Сѣвера вслѣдъ за мной, и пусть изучаютъ они жизнь мою, хотя бы для того, чтобы не повторить ошибокъ моихъ. Грустно мнѣ въ этомъ большомъ холодномъ городѣ и хочется молиться невидимому божеству. Свѣтлая заря! Снова восходишь ты на моихъ глазахъ. И сынъ твой первенецъ блистаетъ своими золотыми лучами, то утренняя звѣзда! О если бы къ закату твоему совершить что-нибудь полезное для человѣка. Пусть мысль моя поднимется подобно огненной колесницѣ твоей—свѣтозарному солнцу. Много, много разъ блесни ты мнѣ въ глаза своимъ утреннимъ розовымъ свѣтомъ, чтобы насытилась душа моя тайнами земли и неба. Жаждетъ битвы душа моя. Рано вышелъ я по утру на битву и поразили меня. Въ полдень вышелъ я вооруженный мечомъ усть моихъ, и опрокинули меня, къ закату снова сразился я, и меня побѣдили.

Въ полночь вышелъ я, и побѣда осталась за мной, ибо всѣ устали, а я сдѣлалъ еще шагъ впередъ... и жажда битвы побѣдила.

Давайте подниматься на высокую гору всемірной эволюціи, чтобы все извѣдать, все перестрадать, все возлюбить и потомъ растаять въ огнѣ неугасающей любви за гранями этого міра.—Съ утренней зари и до заката солнца будемъ итти мы неустанно. Еще одинъ шагъ, еще одинъ...

Совершилъ я опасный скачокъ отъ жизни предковъ своихъ и потерялъ прежнюю невинность. Она исчезла вмѣстѣ съ наивностью. Ухудшается человѣкъ отъ культуры. Безпокойная городская жизнь, порождающая пороки и ненужныя для крестьянина желанія, глубоко измѣняетъ его психологію и то, что даетъ она, сопзмѣримо ли съ тѣмъ, что отнимаетъ?

Всю жизнь ищу я „великое“. Но гдѣ оно, внѣ ли меня или внутри меня?

Астрономія ли ведетъ къ нему, или геологія, или философія, или поэзія, или внутреннее самоуглубленіе и религіозная проповѣдь? Пойду, пойду всѣми путями, пока живъ, буду искать великое.

Глаза мои всегда полны слезъ, и міръ покрытъ для меня туманомъ, но я иду, иду...

Никому не желаю я повторить мой путь, подниматься на безконечную гору узкой, непроходимой тропой!

Терпи, плачь, но иди...

Я умру лицомъ къ Востоку, къ которому я шелъ, надѣясь на восходъ моего солнца.

Иногда ясно я вижу трагедію мою и причины моего одиночества. Вкусы и привычки мои первобытнаго человѣка. Кто можетъ ужиться со мной изъ горожанъ и промышленниковъ.

Пишу я сказки, ибо я изъ народа, живущаго миоологіей, кому же нужна этнографія! Нужно описывать „современную“ жизнь языкомъ „современнаго“ народа. Какъ жить среди профессіоналовъ? Слишкомъ рано родился я для „новыхъ“ народовъ и слишкомъ поздно для „старыхъ“.

Я для многихъ лишь мрачный, сумрачный человѣкъ, маніакъ, вѣчно занятый своими мыслями, имѣющій свои „манеры“. И многіе, глядя на меня, говорятъ: „не надо быть такимъ, какъ онъ, не надо жить такъ, какъ жилъ онъ“.

Да. Безуміе неисчерпаемо въ мірѣ, оно безконечно также и въ моей маленькой головѣ. Я часто, прижимая голову, спрашивалъ себя, когда изсякнутъ источники безумныхъ предпріятій, никому ненужныхъ дѣлъ, какимъ образомъ столь маленькій мозгъ можетъ причинить столько бѣдствій владѣтелю его? О, если бы я когда-нибудь сталъ мудрѣй?

О, если бы когда-нибудь я сталъ человѣкомъ, ничего не желающимъ, спокойнымъ, сидящимъ гдѣ-нибудь на горѣ спасенія, чтобы

птицы вили гнѣзда на моемъ черепѣ, чтобы деревья пускали корни въ черепные швы головы моей?

Не знаю, пока же вижу, не управиться съ безпредѣльнымъ источникомъ неразумныхъ дѣлъ—съ головой моей, она не слушается голоса мудрости! И спотыкаюсь я, и падаю я, и страдаю, горько плачу...

Какъ бѣшеные кони несутъ оробѣлаго возничаго, такъ дикія страсти и безумныя желанія несли меня всю жизнь куда-то...

Къ чему подзнія раскаянія? Развѣ локоть свой можно укусить... Прошедшее невозвратимо, будущее не совсѣмъ отъ меня зависитъ...

Не знаю, кто мы такіе на этой землѣ: маньяки или разумныя существа?

Но, друзья мои, горько-горько порою мнѣ, сознавая, что не управляю я собой... Эпиметей во мнѣ сильнѣе Прометея...

Но во имя справедливости должно сказать, что во мнѣ существуетъ также и высшій разумъ, видящій все сразу: и природу вещей, и безуміе мое. Этотъ высшій разумъ такъ относится къ остальной части моего существа, какъ Богъ относится къ міру... Онъ-то и повелѣваетъ иногда мнѣ подчинять свою волю подъ мудрую волю другого человѣка.

Разъ спросили Донъ-Кихота, существуетъ ли Дульцинея, ради которой онъ совершаетъ свои безсмертные подвиги и чьей любовью онъ живъ, и рыцарь на это отвѣтилъ, какъ мудрецъ: „есть вещи, до окончательнаго уясненія которыхъ не слѣдуетъ доходить, есть вопросы, къ полному рѣшенію которыхъ не слѣдуетъ стремиться“. Такъ приблизительно онъ сказалъ, не желая до конца дойти въ вопросѣ, существуетъ ли Дульцинея.

Онъ правъ, тысячу разъ правъ. А что, если мы, рѣшая до конца, дойдемъ до пустынь, до потока Маналы? А что, если мы, спрашивая да отвѣчая безпредѣльно, увидимъ лицо безсмысленицы, образъ ужасной медузы.

Медуза—ужасъ жизни и пустыни въ глубинѣ души. И она взглянула на меня. Вотъ почему, друзья мои, рѣдко улыбаюсь я.

Занимался я всю жизнь философіей, и разъ спросилъ себя: „а что, если въ глубинѣ ея пустота?“

Глядѣлъ всѣ дни мои на небо и изучалъ астрономію, во однажды пришла въ голову мысль: „не тщета ли постичь жизнь иныхъ міровъ, когда я даже не знаю жизни одного города на землѣ, или даже не знаю ни одного человѣка, ни даже себя?“ Странствовалъ по землѣ я, но нечаянно въ полночь проснулся и спросилъ себя: „путешествіе изъ страны въ страну не есть ли бѣгство отъ самого себя?“

Не нужно думать до конца, друзья мои, чтобы не увидать потока Туонелы, потока пустоты. А если встрѣтили вы его нечаянно, спѣшите построить мостъ тонкій, зоркій, какъ небесная радуга, призрачный, сотканный изъ надеждъ, проходите пустыню жизни по ковру цвѣтовъ, выросшихъ изъ нашихъ мечтаній. Кто знаетъ, за пустотой, быть можетъ, увидимъ свѣтъ восходящаго солнца.

Мнѣ 45 лѣтъ. Кое-что сдѣлалъ я, еще кое-что остается додѣлать. Но что же изъ этого? Вотъ теперь въ финляндскихъ лѣсахъ хожу около озера, отражающаго куполъ неба. Допустимъ, признаютъ меня русскіе философы, побываю я, сѣверный Франклинъ, въ Парижѣ и въ Берлинѣ, разселю я зырянъ по лѣсамъ, побываю на воздушномъ шарѣ у полюсовъ, поскочу съ самоѣдами, докажу, наблюдая спутниковъ Юпитера, что земныя сутки удлиняются. Что же дальше? Буду проповѣдывать о Богѣ моемъ. И вотъ постарѣю я въ концѣ. О, муравей на маломъ муравейникѣ! Не проживешь ты два вѣка, не испытаешь ты ничего сверхземного! Бѣдняга, о чемъ волнуешься ты, и гдѣ твое послѣднее насыщеніе? *Произвольный человѣкъ и беззаконникъ, ибо родился и жилъ вопреки всему, на чемъ успокоишься ты?* Предамъ волю мою Его Святой волѣ, а мой малый разумъ въ руки Его Большого разума... Пусть онъ ведетъ меня на иные міры для дальнѣйшихъ моихъ странствій, для размышленій о секретахъ міра, для восхожденія въ Лоно Его... Самъ отъ себя отказываюсь, вотъ, дѣти мои, послѣднее слово человѣка, который жилъ только собою... Отказывается онъ отъ себя.

„Біографія есть главное сочиненіе писателя“, говоритъ мудрое изреченіе, поэтому я, рисуя свою жизнь, отношусь къ себѣ, какъ къ постороннему, и пишу все то, что было; вѣдь цѣль моя показать, что жить такъ, какъ я жилъ, очень трудно да и не слѣдуетъ...

О Толстомъ и Чертковѣ.

Приготовляется къ печати полное изданіе, отдѣльными выпусками, дневниковъ Л. Н. Толстого. Предварительно рѣшено помѣщать извлеченія изъ нихъ въ газетѣ, а именно въ „Рус. Сл.“, въ пасхальномъ номерѣ котораго уже дано начало—выписки изъ дневниковъ 1895—1897 гг.

Закончившійся теперь, съ апрѣльской книжкой „Ист. Вѣст.“, очеркъ В. Микуличъ „Тѣни прошлаго“ (см. „Вюл.“ № 13) сберегъ тоже рядъ сужденій Толстого по тому или другому предмету. Въ новыхъ частяхъ этого очерка мы, кромѣ того, находимъ еще немало интересныхъ воспоминаній какъ о самомъ Л. Н., такъ и о семьѣ и друзьяхъ его.

Художественные замыслы Толстого.

Какъ-то въ бесѣдѣ съ г-жей Микуличъ, когда рѣчь зашла объ одномъ англійскомъ писателѣ, Л. Н. вдругъ сказалъ:

— А вотъ я ужъ совсѣмъ не могу теперь писать беллетристики. Ну, какъ я буду разсказывать, что шла по Невскому дама въ коричневомъ платьѣ? А она никогда тамъ и не шла. Не могу уже этимъ заниматься. Совѣстно какъ-то... А то еще такъ называемыя историческія повѣсти. Про даму въ коричневомъ платьѣ совратъ еще куда ни шло. Все равно, ея и не было. А вѣдь тутъ возьмутъ личность дѣйствительно существовавшую и разсказываютъ, что она говорила то, чего не говорила, и дѣлала то, чего не дѣлала. Зачѣмъ это?

Однако потребность изливать свои впечатлѣнія, переживанія и мысли именно въ художественныхъ образахъ была такъ сильна въ Толстомъ, что не могли ее подавить, искоренить новые взгляды его на задачи и смыслъ творчества. Это видно и изъ воспоминаній В. Микуличъ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ пріѣздовъ ея къ Толстымъ Л. Н. спросилъ ее:

— Вы пишете?

— Нѣтъ. И трудно, да и нечего.

— Хотите, я дамъ вамъ тему?

Я поблагодарила и сказала, что я и такъ уже выписала себѣ двѣ его темы и подумываю о нихъ. Я нашла ихъ въ его дневникѣ, который давалъ мнѣ читать Чертковъ.

Левъ Николаевичъ спросилъ, какія это темы. Я сказала:

— Первая тема у васъ записана такъ: „Написать романъ любви цѣломудренной, такой, для которой невозможенъ переходъ въ чувственность, которая служитъ лучшимъ защитникомъ отъ чувственности. Только съ женщиной можно потерять цѣломудріе, только съ женщиной можно соблюсти его. Цѣломудріе начинается при перемѣнѣ. Хорошо написать это“. А вторая: „Хорошо бы написать исторію человѣка добраго, нѣжнаго, кроткаго, милаго, образованнаго, умнаго, но живущаго по-господски, т.-е. жрущаго и с—щаго и потому требующаго, чтобы для него рѣзали пылятъ, не спали кучера, рабочіе и чистили его—...Нельзя быть добрымъ человѣку, неправильно живущему“.

Я прибавила, что первая тема мнѣ не подъ силу, такъ какъ я не знаю мужской души. А вторая меня очень привлекаетъ. Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Я вамъ дамъ другую тему. Эту вы почувствуете, и у васъ выйдетъ хорошо. Вотъ что разскажите: жили мужъ и жена. Между ними была такъ называемая любовь. Жили такъ себѣ, что называется, счастливо, ссорились, но мирились, измѣны не было (онъ остановился и сталъ думать, какъ бы что-то припоминая, затѣмъ твердо повторилъ), — измѣны не было ни съ той, ни съ другой стороны. Было много дѣтей. Жизнь быстро прошла. Состарились. Дѣти выросли. И вотъ жена ѣдетъ провѣдать своихъ взрослыхъ дѣтей, объѣзжаетъ ихъ всѣхъ и видитъ, что одинъ — жену обидѣлъ, другому вѣчно денегъ не хватаетъ, третій женился на иностранкѣ и привезъ ее сюда, гдѣ ей все чуждо и непонятно...

Мнѣ стало неловко; все это слишкомъ напоминало нѣчто близкое, и мнѣ хотѣлось сказать: „А дочери?“ Но я не смѣла и молчала, глядя въ полъ.

Левъ Николаевичъ сказалъ что-то сухое и жесткое о двухъ младшихъ сыновьяхъ героини и закончилъ такъ:

— И вотъ, объѣхавъ всѣхъ своихъ дѣтей, она видитъ, что всѣ они живутъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и при этомъ и сами не удовлетворены. По она не въ силахъ поправить это, видитъ, что жизнь прожита безплодно, и идетъ въ монастырь. Напишите. Я бы самъ написалъ это, да боюсь, не успѣю.

Вошла графиня и спросила:

— Что ты не успѣешь?

— Я далъ тему Л. И.

— Тему? Это хорошо. Пишите, пишите. Пора вамъ уже что-нибудь напечатать. Тема грустная или веселая?

— Грустная,—сказала я.

Левъ Николаевичъ всталъ и ушелъ. Я смотрѣла на графиню и думала: „Въ монастырь? Она только что говорила мнѣ, что хочетъ ѣхать въ Италію“.

А вскорѣ послѣ этого разговора Л. Н. въ письмѣ къ г-жѣ Микуличъ писалъ между прочимъ:

„Начали ли вы писать на мою тему? Если начали, то продолжайте! Если вы полюбите эту тему, то будетъ очень хорошо. Если же не начинали, то не начинайте. У меня жадность умирающаго скупца. Я знаю, что никогда не

напишу этого, а все-таки хочется надѣяться. Въ послѣднее время пришлось живо опять почувствовать то, что хотѣлось бы выразить въ этомъ писаніи".

Около того же времени, а именно въ февралѣ 1896 г., Толстой записывалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

„Возможность убить себя есть просторъ, данный людямъ. Богъ не хотѣлъ рабовъ этой жизни, а свободныхъ работниковъ. Если остаешься въ этой жизни, то, значитъ, условія для тебя выгодны. А выгодны,—работай. Если же уйдешь отъ условій здѣсь, убьешься, то тамъ опять предложатъ тебѣ такія же. Такъ что уйти некуда. Хорошо бы написать исторію того, что переживаетъ въ этой жизни тотъ, кто убилъ себя въ предшествующей, — какъ онъ, натыкаясь на тѣ же требованія, которыя ему предлагались въ той, приходитъ къ сознанію, что надо исполнить. И въ этой жизни понятливѣе другихъ, помня данный урокъ".

Мысли Толстого.

Изъ его дневниковъ:

„Нельзя заставить умъ разбирать и уяснять то, чего не хочетъ сердце".

„Мы всѣ въ жизни—работники, приставленные къ дѣлу спасенія своей души. Можно сравнить съ блюденіемъ огня, даннаго съ неба и зажженаго на очагѣ моего тѣла... Не трудное дѣло молотить въ нѣсколько цѣповъ, а чтобы ладить, не спутаться (и не то, что молотить, а не мѣшать другимъ), надо только помнить о себѣ, о своемъ размѣрѣ, когда ударять. А только задумался о другихъ, поглядѣлъ на нихъ—и спутался. То же и въ жизни".

„Вчера, потушивъ свѣчу, сталъ щупать спички и не нашелъ, и нашла жутость. „А умирать собираешься! Что жъ, умирать тоже будешь со спичками"?—сказалъ я себѣ и тотчасъ же увидалъ настоящую свою жизнь въ темнотѣ и успокоился".

„Никто не доказалъ и не можетъ доказать, что жизнь только въ тѣлѣ и не можетъ быть безъ тѣла. Утверждать это — все равно, что утверждать, когда солнце зашло, что кончилось солнце. Уничтожится ли, можетъ ли уничтожиться моя жизнь? И уничтоженіе тѣла человѣка есть ли признакъ уничтоженія его жизни? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо прежде всего рѣшить, что такое жизнь. Жизнь есть сознаніе моей отдѣльности отъ другихъ существъ, существованія другихъ существъ и тѣхъ предѣловъ, которые отдѣляютъ меня отъ нихъ. Жизнь моя не связана съ моимъ тѣломъ. Можетъ быть тѣло, но не быть сознанія отдѣльности, — какъ у спящаго, у идіота, у зародыша, у припадочныхъ. Правда, не можетъ быть жизни безъ сознанія тѣла; но это оттого, что жизнь есть сознаніе своей отдѣльности и своихъ предѣловъ. Сознаніе же своей отдѣльности и своихъ предѣловъ совершается въ нашей жизни въ пространствѣ и времени, но можетъ совершаться всякимъ другимъ образомъ, и потому уничтоженіе тѣла не есть признакъ уничтоженія жизни".

„Послѣ смерти по важности и прежде смерти по времени нѣтъ ничего важнѣе, безвозвратнѣе брака. И такъ же, какъ смерть только тогда хороша, когда она неизбѣжна, а всякая нарочная смерть — дурна, такъ же и бракъ. Только тогда бракъ не зло, когда онъ непреодолимъ".

„Наслажденія плоти бери съ благодарностью, всѣ, какія попадаются тебѣ на пути, если только они не грѣшны, короче — не противны твоему сознанію, не заставляютъ его страдать".

„Приди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны"... Напротивъ, очисти самъ свою душу отъ скверны, и Онъ придетъ и вселится въ тебя. Онъ только ждетъ этого, какъ вода, втекаетъ въ тебя по мѣрѣ освобожденія мѣста".

„Я часто желалъ пострадать, желалъ гоненія. Это значитъ, что я былъ лѣнивъ и не хотѣлъ работать, а чтобъ другіе за меня работали, мучая меня, а мнѣ только терпѣть".

„Сегодня былъ разговоръ за обѣдомъ о томъ, что съ порочными наклонностями мальчика выгнали изъ школы, и что хорошо бы его отдать въ исправительное заведеніе. Совершенно то же, что дѣлаетъ человѣкъ, живущій дурною, вредною здоровью жизнью, который, когда его постигаетъ болѣзнь, обращается къ доктору, чтобы тотъ его вылѣчилъ, и въ мысляхъ не имѣетъ того, что болѣзнь его есть данный ему благодѣтельный указатель о томъ, что его вся жизнь дурна и что надо измѣнить ее. То же и съ болѣзнями нашего общества. Каждый больной членъ этого общества не напоминаетъ намъ того, что вся жизнь общества неправильна, и что надо измѣнить ее. А мы думаемъ, что для каждаго такого больного члена есть или должно быть учрежденіе, избавляющее насъ отъ этого члена или даже исправляющее его".

„Очень важное объ искусствѣ: что такое красота? Красота — то, что мы любимъ. *Не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ.* Вотъ въ томъ и вопросъ: почему милъ? почему мы любимъ? А говорить, что мы любимъ потому, что красиво, это все равно, что гово-

рить, что мы дышимъ потому, что воздухъ пріятенъ. Мы находимъ воздухъ пріятнымъ потому, что намъ нужно дышать; и такъ же находимъ красоту потому, что намъ нужно любить. И кто не умѣетъ видѣть красоту духовную, видитъ хоть тѣлесную и любитъ".

Однажды, по поводу болѣзни и душевной угнетенности своего сына Льва Львовича, Толстой въ присутствіи г-жи Микуличъ высказался такъ:

„... Когда ясно сознаешь это („свое положеніе, положеніе тѣлеснаго существа, подверженнаго страданіямъ, старости и смерти, и связаннаго съ нимъ существа духовнаго, не могущаго ни страдать, ни умирать, могущаго только расти и утверждаться"), когда ясно сознаешь это, то не страшны никакія болѣзни и страданія. Мокрому дождь не страшенъ. А мы всѣ насквозь мокры, стало быть, никакой ливень намъ не можетъ быть страшенъ".

Въ другой разъ В. Микуличъ запомнила такой афоризмъ Л. Н.

„Сумасшествіе—это эгоизмъ, доведенный до крайняго предѣла. Человѣкъ, живущій для другихъ, никогда не сойдетъ съ ума".

На вопросъ, предложенный въ бесѣдѣ Львомъ Львовичемъ отцу, что дѣлать, чтобъ *поднять* мужика, тотъ отвѣтилъ: „Надо стать ниже его, надо подлѣзть подъ него, только тогда поднимешь его"...

Ближайшій другъ.

В. Г. Чертковъ въ послѣдніе десятилѣтія жизни Толстого, особенно же въ годы, послѣдовавшіе за смертью его, настолько замѣтно—даже можно сказать, рѣзко — выдѣлялся по своему положенію и своимъ полномочіямъ среди другихъ близко стоявшихъ къ Л. Н. лицъ, что вполнѣ заслужилъ право на то вниманіе, тотъ интересъ, какой возбуждаетъ личность его и у насъ и за границей. И, навѣрное, въ будущей полной біографіи Толстого найдетъ себѣ мѣсто особая глава, посвященная выясненію того, какую роль — и почему такую роль—игралъ въ жизни и въ дѣятельности величайшаго нашего писателя этотъ человѣкъ, такъ несходный съ нимъ во многомъ, слишкомъ многомъ, и въ то же время такъ *близкій* къ нему...

Уже не разъ въ воспоминаніяхъ о Л. Н. то у одного, то у другого автора встрѣчались данныя, характеризующія „ближайшаго друга Льва Толстого". Теперь очеркъ В. Микуличъ значительно дополняетъ, округляетъ эту характеристику.

Черткова г-жа Микуличъ увидѣла впервые въ 1894 г. въ Ясной Полянѣ.

„Послѣ завтрака мы всѣ сѣли за общую работу, въ которой принималъ участіе даже и Л. Н.: разбирали козью шерсть для какой-то работы Татьяны Львовны. Не помню, о чемъ говорили. За этой работой засталъ насъ Чертковъ, проводившій все лѣто неподалеку отъ Л. Н. Онъ подсѣлъ къ намъ, но не работалъ, а ждалъ, когда освободится Л. Н.

Я видѣла Черткова въ первый разъ, но мы уже обмѣнялись съ нимъ письмами по издательскому дѣлу. Помню, что первое письмо его начиналось словами: „Мой другъ Левъ Николаевичъ"...

Другъ Льва Н—ча былъ въ то время необыкновенно красивъ, высокъ и строенъ. Я подумала, что въ военной формѣ, въ каскѣ, на лошади это былъ бы идеальный кавалергардъ. Но онъ былъ одѣтъ рабочимъ, что совсѣмъ не шло къ его сытой, крѣпкой фигурѣ. Л. Н. его блуза такъ шла, что трудно представить его въ чемъ-нибудь другомъ, а на Чертковѣ она казалась чужимъ платьемъ.

Когда Чертковъ увелъ отъ насъ Л. Н., я спросила:

— Что же онъ съ нами не поработалъ?

Татьяна Андреевна сказала:

— Онъ никогда не работаетъ. Помните, когда осенью картошку копали... Онъ стоитъ, смотритъ. Всѣ его зовутъ: Владимиръ Григорьевичъ, идите копать.—Не умѣю, говоритъ.

Графиня сказала, что онъ у нихъ почти каждый день обѣдаетъ, а жену, къ сожалѣнію, не приводитъ. Потомъ, понизивъ голосъ, она прибавила:

— Вы вотъ о Клопскомъ говорили, что онъ Волькенштейну о его женѣ дурно говоритъ. А вы знаете, что Чертковъ говоритъ? Онъ говоритъ Л. Н.: „Какъ это я такой недостойный человѣкъ, и у меня такая прекрасная жена. А вы—великій человѣкъ, и у васъ такая скверная жена".

— Не думаю, чтобъ онъ это говорилъ,— сказала я.—Кто же могъ сказать вамъ это?

— Кто? Самъ Л. Н. Какъ же мнѣ послѣ этого любить Черткова?

За столомъ тонъ былъ болѣе великосвѣтскій, чѣмъ всегда у Толстыхъ. Татьяна Андреевна (Кузьминская, сестра графини) и Чертковъ безсознательно вносили что-то monde'ское и петербургское.

Л. Н. относился къ Черткову такъ же дружески и довѣрчиво, какъ и къ старому Ге. Но въ отношеніи къ нему этихъ двухъ друзей была большая разница. Въ Чертковѣ не было и тѣни той трогательной и смиренной предан-

вости, которая бросалась въ глаза въ старомъ художникѣ. Вл. Гр. сидѣлъ подлѣ Л. Н. съ видомъ самоувѣреннаго строгаго ментора, готоваго остановить и поправить своего друга, если онъ скажетъ что-нибудь несогласное съ ихъ ученіемъ.

Ге, счастливый своей дружбой съ великимъ человѣкомъ, всегда говорилъ: *его* ученіе, *его* взгляды, *его* толкованіе... Чертковъ говорилъ: *наше* ученіе, *наши* взгляды... И онъ такъ злоупотреблялъ этимъ *мы*, что невольно вспоминалось: мы пахали... (хотя уже пахать-то пахалъ одинъ Л. Н., а В. Г. только приговаривалъ: „не умѣю“)...

Въ Петербургѣ потомъ В. Микуличъ ближе узнала Черткова и познакомилась съ его семьей.

Сдѣлавшій ей здѣсь визитъ В. Г. засталъ ее за чтеніемъ письма отъ Н. Н. Страхова, гдѣ тотъ отзывался о Чертковѣ какъ о „чуднѣйшемъ образчикѣ человѣческой природы“.

„Чертковъ сѣлъ, разсказалъ мнѣ, что жена его все хвораетъ и не можетъ сама пріѣхать ко мнѣ, но желала бы со мной познакомиться. Не могу ли я пріѣхать къ нимъ? — Съ удовольствіемъ.—Поговорили еще о томъ, о семъ. Затѣмъ онъ спрашиваетъ, дѣлая озабоченное лицо:

— А вы не знакомы съ Сибиряковой?

Я только что познакомилась съ ней у Половцовыхъ на лекціи князя Волконскаго. Сибирякова была у меня, и я собиралась отдавать ей визитъ.

— Вотъ какъ кстати,—сказалъ Чертковъ.— А вы не можете попросить у нея денегъ?

Я удивилась. Я знала, что Сибирякову и ея брата обираютъ всѣ, кому не лѣнь. Но не богачу же Черткову обращаться къ ней съ подобными просьбами! Я спросила, для кого ему нужны деньги.

Оказалось, что у него собранъ богатый матеріалъ относительно гоненій на сектантовъ. Было бы очень желательно издать его отдѣльной книгой. Но для этого нужны средства. А о Сибиряковой всѣ говорятъ, какъ о человѣкѣ гуманномъ и отзывчивомъ.

Меня удивляло, что такой богатый сектантъ, какъ Чертковъ, не издаетъ на свой счетъ книги, которая ему интересна и близка его сердцу. Мнѣ, конечно, очень не хотѣлось просить денегъ, но, съ другой стороны, не хотѣлось и огорчать отказомъ любимаго ученика Л. Н. И, колеблясь, я спросила:

— А сколько же вамъ нужно денегъ?

— Да рублей четыреста.

Я чуть не привскочила и отказалась просить. Не могъ онъ самъ дать 400 рублей?

Не откладывая, я съѣздила познакомиться съ женой Черткова, о которой слышала много хорошаго отъ Толстыхъ. Кроткая, хорошенькая Анна Константиновна съ болѣзненнымъ дѣтскимъ личикомъ и красивыми глазами мнѣ очень понравилась, понравился и ея мальчикъ Димочка, вегетаріанецъ отъ рожденія и чуднѣйшій образчикъ ребячьей природы и породы. Чертковы жили въ Гаваши, въ одномъ изъ многочисленныхъ домовъ его матери, сектантки Елизаветы Ивановны, усердно насаждавшей пашковство среди бѣднаго населенія Гаваши. Прекрасная барская квартира ихъ была очень просто убрана. Мебели было немного, но все было дорогое и хорошее.

Вл. Гр. одѣвался не то толстовцемъ, не то лавочникомъ, но его гвардейскія и великосвѣтскія манеры свидѣтельствовали о томъ, что онъ одѣвается лавочникомъ *изъ принципа*. И мужъ, и жена казались мнѣ достойными и незаурядными людьми, но мнѣ не было у нихъ такъ тепло и хорошо, какъ у Толстыхъ, и даже было что-то, что schnürte mir das Inn're zu *). У Толстыхъ ни самъ Л. Н. и никто изъ семьи никогда при мнѣ не бранилъ церкви. А Вл. Гр. не скрывалъ своего враждебнаго отношенія къ церкви и не пропускалъ случая заявлять о томъ, что онъ не солидаренъ съ учрежденіемъ, благословляющимъ убійство. И Ан. Конст. тоже спрашивала, склонивъ на бокъ хорошенькую кудрявую головку, не раздражаетъ ли меня этотъ ужасный звонъ колоколовъ. Ее онъ раздражалъ. „Какъ хорошо говорятъ магометане, что звонъ этотъ пугаетъ и разгоняетъ ангеловъ! Какъ хорошо! какъ вѣрно!..“ И сама Ан. Конст. ежилась и дѣлала испуганные глаза, какъ будто и она была однимъ изъ этихъ ангеловъ.

Одна знакомая дѣвица, поступающая въ журналахъ, услыхавъ о томъ, что Чертковъ въ Петербургѣ, просила меня познакомить ее съ нимъ. Я переслала ея письмо Черткову. Онъ отвѣтилъ, что хотя онъ терпѣть не можетъ показываться въ роли представителя ученія, но если эта дѣвица моя хорошая знакомая, пусть пріѣзжаетъ тогда-то. Я переслала его письмо дѣвицѣ.

Снова я поѣхала къ Чертковымъ. Вл. Гр. встрѣчаетъ меня словами:

— В. Н. вамъ на меня не жаловался?

— Н не думалъ. Я его и не видѣла. А что?

— Я грубо обошелся съ нимъ. Вы давно его знаете? Онъ не шпіонъ?

— Господи, твоя воля!..

*) „Зашнуровывало сердце“.

— Такъ вы въ немъ увѣрены?

Оказалось, что мать дѣвицы, трепожась о томъ, какъ ея дочь вернется въ темнотѣ изъ Гавани, попросила ихъ хорошаго знакомаго проводить дѣвицу, которая и представила В. Г—чу своего провожатаго. Но В. Г., рѣшивъ, что это шпіонъ, невѣжливо выпроводилъ его.

Со мной и мужъ, и жена были вѣжливы и любезны и, повидимому, не принимали меня за шпіонку: я надѣялась даже, что понемножку исчезнетъ и та легкая натянутость между нами, которую я ощущала.

Въ той же комнатѣ, гдѣ мы сидѣли у стола и разговаривали, Димочка игралъ подъ окномъ съ бѣднымъ мальчикомъ изъ пріюта бабушки. Подали чай: мать позвала къ столу Димочку, который неохотно оторвался отъ игрушекъ и товарища, оставшагося у окна. Меня удивило, отчего не позвали обоихъ мальчиковъ. Чертковъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Васъ удивляетъ, что мы не даемъ ему чаю; но онъ уже пилъ чай въ пріютѣ.

Я подумала, что, навѣрное, и Димочка пьетъ сегодня не первый чай, но, конечно, промолчала. Не мое дѣло".

Заговорили объ общихъ знакомыхъ.

„Неожиданно В. Г. перебилъ меня словами:

— Вы смотрите на піанино и осуждаете насъ за роскошь?..

Господи, твоя воля!.. Я поспѣшила сказать, что обрадовалась, увидя піанино. Я такъ люблю музыку, что всякому музыкальному инструменту радуюсь, какъ другу.

Въ ту зиму я каждое воскресенье посѣщала собранія этическаго кружка, или „дружескаго союза" у Н. П. Вагнера. Старый профессоръ всю жизнь мечталъ о томъ, чтобъ объединить людей, ищущихъ добра и правды.

Когда Бирюковъ и Чертковъ пріѣхали въ Петербургъ, я сказала Вагнеру:

— Вотъ прекрасные люди!..

— Такъ пригласите ихъ,— сказалъ онъ.

Оба толстовца пришли. Не помню, о чемъ говорили въ этотъ вечеръ, но помню, что въ столовой за чаемъ Чертковъ въ пылу проповѣдничества всталъ на стулъ, къ большому удивленію сидѣвшей противъ него хозяйки, и съ высоты этой импровизированной каѳедры проповѣдывалъ ученіе Толстого.

Толстовцы внесли въ этическій кружокъ нѣчто новое, и въ этотъ вечеръ превія были особенно оживленными. Они ушли раньше другихъ. По уходѣ ихъ нашъ добрый Котъ-Мурлыка окинулъ взглядомъ собраніе и произнесъ:

— Прекрасные люди, но... (глубокій вздохъ)—не любятъ спиритизма! — и онъ поникъ головой.

Тѣмъ не менѣе старый спиритъ былъ польщенъ посѣщеніемъ Черткова и предложилъ намъ въ слѣдующее воскресенье нанести именитому толстовцу отвѣтный визитъ.

Черезъ недѣлю, собравшись у Вагнера, мы всѣ вмѣстѣ поплелись на конкѣ въ Гавань. Позвонили у подъѣзда. Отворилъ лакей съ безупречной вѣжливостью человѣка d'une maison bien montée. Онъ впустилъ въ просторную прихожую весь комплектъ этики, отошелъ въ глубину комнаты и замеръ у стѣны, какъ придворный арапъ, ибо въ прихожую вышелъ самъ баринъ, одѣтый лакомъ, и сталъ собственноручно снимать съ гостей шубы и шинели"...

Въ томъ же году (1895) г-жу Микуличъ въ Царскомъ Селѣ, куда она переселилась со своей семьей, навѣстила гостившая въ Петербургѣ Татьяна Львовна Толстая.

„Татьянѣ Львовнѣ надо было зайти къ ея теткѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой. Я проводила ее до лицея и ждала ее въ паркѣ. Татьяна Львовна вернулась отъ своей родственницы въ смущеніи и сказала:

— Ну, что мнѣ дѣлать? Чертковъ только что заставилъ меня снять всѣ золотыя украшенія, а тетушка подарила браслетъ, да еще съ графской короной. Не могла же я огорчить ее отказомъ?

— Строго же держитъ васъ Чертковъ,— сказала я,—за что Л. Н. такъ любитъ его?

— Ахъ, онъ хорошъ, — убѣжденно сказала Татьяна Львовна, но больше ничего не прибавила, и я такъ и не узнала, чѣмъ онъ хорошъ.

Когда Черткова, вмѣстѣ съ другими авторами воззванія въ защиту духоборовъ, приговорили къ высылкѣ (его—за границу, Бирюкова и Трегубова въ Прибалтійскій край), у Чертковыхъ стали собираться для выраженія сочувствія, а потомъ и для проводовъ друзья и единомышленники. Пріѣхалъ тогда въ Петербургъ къ Черткову, какъ извѣстно, и самъ Толстой. Была на этихъ собраніяхъ и В. Микуличъ. Вотъ какія воспоминанія сохранились у нея отъ того времени.

„Ол. Конст. Дитерихсъ (свояченица Черткова) стояла у двери, соединяющей обѣ комнаты, и, углубившись въ свою записную книжку, что-то озабоченно писала въ ней. Я спросила:

— Что вы дѣлаете? Записываете слова Льва Николаевича?

— Нѣтъ, я считаю, сколько лицъ посѣтило

Чертковыхъ за эти дни, и записываю ихъ имена.

Я рѣшила привезти изъ Царскаго Села моего маленькаго воспитанника Яшу, чтобъ дать ему случай взглянуть на великаго писателя. Чертковъ и раньше приглашалъ Яшу, который былъ ровесникомъ его Димочки.

...Слушая Льва Николаевича и разговаривая съ добрыми знакомыми, я не забывала и объ Яшѣ и ходила посматривать на него. Онъ не скучалъ въ гостяхъ. Сначала мальчики пускали въ ваннѣ кораблики, потомъ играли въ шахматы, потомъ смотрѣли картины. Я съ удовольствіемъ увидала въ ихъ комнатѣ поднось съ пустыми тарелками и остатками творогу и каши и порадовалась, что Яшу подкрѣпили завтракомъ, такъ какъ мнѣ было бы жаль спѣшить съ отъѣздомъ домой.

Возвращаясь отъ мальчиковъ, я увидала въ проходной комнатѣ самого Черткова, который присѣлъ въ сторонкѣ съ большой чашкой и запивалъ что-то только что имъ скушанное. Я привыкла къ тому, что въ свои положенные часы онъ кушалъ, не стѣсняясь присутствіемъ гостей, но при видѣ этой чашки я и сама ощутила голодъ, взглянула на часы и рѣшила спросить все-таки для вѣрности Яшу, сытъ ли онъ и что скушалъ.

Яша былъ поглощенъ какой-то картиной.

— А ты знаешь, который часъ, — сказала я ему,—ты не голоденъ?

—Нѣтъ, не очень.

— Что ты кушалъ?

— Когда?—дома кофе пилъ.

— А здѣсь я видѣла тарелки.

— Это Дима завтракалъ.

— А тебѣ не дали?

— Нѣтъ. Онъ и молоко пилъ. Мнѣ не предлагали. Я пока почиталъ.

— Такъ ты голоденъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я не хочу...

Тамъ же нѣкоторое время спустя г-жа Мизуличъ къ слову замѣтила Л. Н., что любитъ Бирюкова больше, чѣмъ всѣхъ другихъ толстовцевъ.

— Не надо, — сказалъ Л. Н.: — такъ не надо. Любовь должна проливаться вездѣ, на всѣхъ, какъ вода.

— Я знаю,—сказала я,—но ужасно трудно отдѣлаться отъ симпатій и антипатій. Мнѣ вотъ Павелъ Ивановичъ (Бирюковъ) по душѣ, а NN—не по-душѣ.

— И мнѣ также, — неожиданно признался Левъ Николаевичъ и прибавилъ:—А я люблю больше всѣхъ Черткова.

Изъ литературнаго прошлаго.

Герценъ.

Любовныя приключенія въ жизни Герцена, съ его кипучей натурой, сыграли немаловажную роль. Особенно выдѣляются два такихъ эпизода — и сами по себѣ, нѣкоторыми подробностями, и по драматизму своихъ послѣдствій. Герценъ въ обоихъ случаяхъ дорого заплатилъ за вспышку страсти,—какъ собственнымъ душевнымъ покоемъ, такъ и покоемъ „ближайшаго, самаго дорогого для него существа на землѣ“. Первое изъ этихъ увлеченій (романъ съ П. П. Медвѣдовой) относится къ начальному періоду вятской ссылки,—значитъ, когда Герцену было 23 года; второе произошло семь лѣтъ спустя въ Москвѣ, по возвращеніи его изъ новгородской ссылки.

Оба эпизода уже болѣе или менѣе извѣстны, со словъ самаго Герцена, изъ „Былого и Думъ“, „Дневника“ и переписки его съ „ближайшимъ существомъ на землѣ“ — „кузиной Наташей“, ставшей его женою. Теперь въ „Гол. Минувшаго“ (апрѣль) напечатаны въ изложеніи К. Левина новыя данныя, сюда относящіяся, но неопубликованнымъ главамъ „Былого и Думъ“.

„Однажды вечеромъ,— очевидно, въ декабрѣ 1835 г.,— Герценъ, простившись съ больнымъ мужемъ Медвѣдевой (уже умиравшимъ въ это время), направился къ себѣ домой. Медвѣдева пошла его проводить. Была лунная ночь. Герцену уходить не хотѣлось. Онъ остался въ гостиной у открытаго окна и сталъ упрашивать Медвѣдеву, чтобы она побыла съ нимъ немного. Та отказала ему, такъ какъ должна была въ это время перемѣнить повязку больному старику.

— Приходите послѣ, я васъ подожду,— сказалъ ей Герценъ.

Она молчала. Герценъ взялъ ее за руку.

— Ну, приходите же... Я васъ прошу... Придете?

— Право, нельзя, я сначала надѣну блузу.

— Приходите въ блузѣ, я васъ утромъ заставалъ нѣсколько разъ въ блузѣ.

— А если васъ кто-нибудь увидитъ?

Герценъ пустилъ въ ходъ всю силу своей діалектики и доказалъ, что этого бояться нѣтъ основаній. Но она все-таки не рѣшалась.

— Приди же... приди! — прошепталъ онъ ей на ухо.

— Приду, но только на минутку...

... Герценъ провелъ томительныхъ полчаса въ ожиданіи... Когда въ домѣ все затихло...

„вдругъ — шелестъ, скрипнулъ полъ, легкіе шаги, и бѣлая блуза мелькнула въ дверяхъ.

„Ея волненіе было такъ сильно, что она сначала не могла произнести ни одного слова, ея губы были холодны, ея руки, какъ ледъ". Герценъ чувствовалъ, какъ страшно билось ея сердце.

— Я исполнила твое желаніе, — сказала она, наконецъ.— Теперь пусти меня... Прощай... ради Бога — прощай... поди и ты домой...— прибавила она печально умоляющимъ тономъ.

Герценъ просьбы не исполнилъ. Онъ обнялъ ее и крѣпко-крѣпко прижалъ къ груди. Она еще разъ попыталась отослать его.

— Другъ мой... иди же!

Но для Герцена это было невозможно. И онъ искренно сознается въ этомъ: „невозможно — troppo tardo — оставить въ минуту, когда у нея, у меня такъ билось сердце. Это было бы сверхъ человѣческихъ силъ и очень глупо...

Я не пошелъ — она осталась.

... Мѣсяцъ прокладывалъ свои полосы въ другую сторону — она сидѣла у окна и горько плакала... я цѣловалъ ея влажные глаза, утиралъ ихъ прядями косы, упавшей на блѣдно-матовое плечо, которое вбирало въ себя мѣсячный свѣтъ, терявшійся безъ отраженія въ нѣжно-тускломъ отливѣ.

Мнѣ было жаль оставить ее въ слезахъ, я ей болталъ полушопотомъ какой-то бредъ... Она взглянула на меня, и въ ея глазахъ шевельнулось изъ-за слезъ столько счастья, что я улыбнулся. Она какъ-будто поняла мою мысль, закрыла лицо обѣими руками и встала... Теперь было въ самомъ дѣлѣ пора, я отнялъ ея руки, расцѣловалъ ихъ, ее — и вышелъ"...

Герценъ возвращался домой, когда уже взошло солнце. Разсказъ этотъ онъ заканчиваетъ шуткой: „добрые люди, встрѣчавшіеся со мной, удивлялись, что я такъ рано всталъ „воспользоваться хорошей погодой"...

Изъ этого разсказа видно, что сближеніе произошло просто, почти безъ борьбы,— во всякомъ случаѣ у Герцева борьбы не было. И это несмотря на то, что въ это время онъ уже былъ влюбленъ въ Нат. А—ну Захарьину.

Послѣ отъѣзда Герцена изъ Вятки его романъ съ Медвѣдевой оборвался. Сначала она стала для него „тѣнью въ фантасмагоріи", потомъ — точкой, которая превратилась въ ничто. Медвѣдева же попрежнему безумно любила Герцева. „Зачѣмъ она встрѣтилась именно со мной, неустоявшимся тогда? — писалъ позднѣе Герценъ.— Она могла быть счастливой, она была достойна счастья... Виноватъ ли я, что это облако любви, такъ непреодолимо набѣжавшее на меня, дохнуло такъ горячо"?

Какъ женщина, Медвѣдева послѣ Вятки перестала существовать для Герцева. Но, какъ сугубо несчастный человѣкъ, она лежала на его совѣсти длинный рядъ лѣтъ, кажется, вплоть до самой ея смерти. Онъ жестоко казнилъ себя за то, что искалѣчилъ ея жизнь, но помочь горю ничѣмъ не могъ, если не считать того, что положилъ немало заботъ въ дѣлѣ устройства ей сноснаго существованія — то посылалъ ей деньги, то искалъ ей заработокъ.

Второй эпизодъ, въ противоположность только что разсказанному, лишенъ всякой поэзіи.

Конецъ новгородской ссылки Герценъ переносилъ съ большимъ трудомъ: досадовалъ, нервничалъ и съ раздраженіемъ ждалъ разрѣшенія ѣхать въ Москву. И вотъ въ это время, неизвѣстно почему, онъ вдругъ замѣтилъ, что горничная ихъ (Герценъ былъ тогда уже женатъ) очень хороша собой. Она догадалась, что на нее обратили вниманіе... Возможно, что „все прошло бы безъ шага далѣе"... Но „случай помогъ". Впрочемъ, Герценъ не щадитъ и не оправдываетъ себя. „Случай всегда находится, особенно когда ни съ одной стороны его не избѣгаютъ"...

„...Возвратившись разъ ночью домой, мнѣ пришлось пройти задними комнатами. Катерина отворила мнѣ дверь. Видно было, что она только что оставила постель; щеки ея разгорѣлись отъ сна; на ней была наброшена шаль; едва подвязанная густая коса готова была упасть тяжелой волной... Дѣло было на разсвѣтѣ. Она взглянула на меня и, улыбаясь, сказала: „Какъ вы поздно". Я смотрѣлъ на нее, упиваясь ея красотою... и инстинктивно, полусознательно положилъ руку на ея плечо; шаль упала... Она ахнула... Ея грудь была обнажена... „Что вы это?" прошептала она, взглянула взволнованно мнѣ въ глаза и отвернулась словно для того, чтобы оставить меня безъ свидѣтеля... Рука моя коснулась разгоряченнаго сномъ тѣла".

Этими словами Герценъ заканчиваетъ разсказъ о „случаѣ", добавляя, впрочемъ, поясни-тельную фразу: „Какъ хороша природа, когда человѣкъ, забываясь, отдается ей, теряется въ ней". Затѣмъ для Герцева послѣдовала жестокая расплата за его опрометчивое увлеченіе.

Ему показалось, что жена что-то слышала, что-то подозрѣваетъ. Поэтому онъ рѣшился разсказать ей все, что было, несмотря на то, что подобныя исповѣди—дѣло слишкомъ трудное. Герцену исповѣдь казалась „необходимымъ

очищеніемъ, экспіаціей, возстановленіемъ откровенной чистоты отношеній" между нимъ и женой. Онъ боялся, что молчаніе можетъ потрясти, испугать Нат. А—ну. Вышло не то, чего ожидалъ Герценъ. Его исповѣдь страшно поразила Нат. А—ну.

Ужаснѣе всего для Герцена было то, что Нат. А—на отъ потрясенія занемогла. Герценъ очутился въ очень тяжеломъ положеніи не только передъ женой, но и передъ самимъ собой. И съ какимъ трудомъ дается ему самореабилитація! Обычно Герценъ пишетъ легко, почти безъ помарокъ; мысль выливается на бумагу свободно и всегда въ красивыхъ и вполнѣ законченныхъ формахъ. На этотъ разъ его покидаютъ свойственныя ему блестящія стилистическія дарованія. Герценъ по нѣсколько разъ подъ рядъ пытается выразить какую-нибудь мысль и никакъ не можетъ найти подходящаго выраженія для нея. То мѣсто рукописи, гдѣ описываются послѣдствія „случая", все испещрено зачеркнутыми фразами. Въ послѣдней редакціи текста очень много вставокъ и дополненій. Порой встрѣчаются похеренными цѣлыя страницы. Характерно, что Герценъ не могъ найти въ себѣ достаточнаго спокойствія даже тринадцать лѣтъ спустя послѣ инцидента (середина „Былого и Думъ" писана между 1855 и 1856 гг.). Болѣе того—онъ пытался вернуться къ этимъ „проклятымъ вопросамъ" черезъ 23 года послѣ того, какъ они впервые встали передъ нимъ съ особенной остротой. И результатъ оказался не лучше: „проклятые вопросы" попрежнему мало разъяснились.

Post factum онъ терзаетъ себя: „Зачѣмъ я не подумалъ о послѣдствіяхъ и не остановился—не передъ самымъ поступкомъ, а передъ тѣмъ отраженіемъ, которое онъ долженъ былъ вызвать,—въ существѣ такъ неразымѣсто тѣсно связанномъ со мной". Въ самомъ поступкѣ онъ не видитъ ничего безнравственнаго, но онъ долженъ былъ помнить „точку зрѣнія, съ которой женщина, самая развитая и давно покончившая съ христіанствомъ, смотритъ на измѣну, не дѣлая никакихъ различій, не принимая никакихъ облегчающихъ причинъ".

По мнѣнію Герцена, слѣдовало бы „серьезно, честно" разбить въ женщинѣ эти предразсудки. Но никто этого не дѣлаетъ, всѣ изъ боязни обходятъ эти проклятые вопросы, и предразсудки разбиваются только опытомъ—оттого ломается не предразсудокъ, а жизнь.

Для Нат. А—ны ударъ былъ такъ силенъ, что вѣра въ мужа поколебалась; „идолъ былъ разрушенъ, фантастическія мученія уступили факту"...

Герценъ смотрѣлъ на фактъ легко. Онъ чувствовалъ, что Наташа никому не была пожертвована и что „если бы эта женщина не была легкой женщиной, то ничего бы и не было". Но, съ другой стороны, онъ понималъ и то, что оно могло такъ казаться, т.-е. что Катерина явилась соперницей Наташи, что любимое существо пожертвовано первой встрѣчной „легкой" женщинѣ...

И внутри Герцена началась борьба. Она скоро приняла характеръ „цѣлой психической болѣзни,—отъ покаянія и себя обвиненія до ропота и нетерпѣнія, отъ смиренія и слезъ до негодованія"... Его „воображеніе перевернулось"—паденіе принимало все большіе и большіе размѣры. „Я понизился въ собственныхъ глазахъ,—пишетъ онъ,—и былъ близокъ къ отчаянію"...

Взаимное мучительство и страданія въ одиночку, конечно, не могли продолжаться безконечно. Всепсцѣляющее время должно было затянуть раны, какъ бы онѣ глубоко ни были.

Какъ же сложилась жизнь Герценовъ послѣ пережитыхъ страданій? „Исчезло утреннее, алое освѣщеніе,—пишетъ Герценъ,—и когда миновали бури и разсѣялись мрачныя тучи—мы были больше умны и меньше счастливы".

Раны же затянулись, но не совсѣмъ. У Нат. А—ны онѣ, повидимому, продолжали сочиться вплоть до ея ухода отъ Герцена. Ясно, что вѣра въ мужа къ ней болѣе не возвращалась. Правда, она сама потомъ вернулась къ нему отъ Гервега, но вернулась разбитая, измученная, — вернулась только для того, чтобы вскорѣ умереть около человѣка, котораго когда-то считала полубогомъ".

Чернышевскій.

Передъ нами открыто, до самыхъ потаенныхъ уголковъ, сердце другого „властителя думъ" 50—60 гг.,—и вотъ мы попадаемъ въ совершенно иной міръ эмоцій, любовнаго томленія, интимныхъ переживаній...

Центральное мѣсто въ послѣднихъ главахъ очерка Евг. Ляцкаго о сватовствѣ и женитьбѣ Чернышевскаго („Современникъ", апрѣль) занимаютъ тѣ страницы дневника, гдѣ счастливый женихъ „на порогѣ семейной жизни" подводитъ итогъ своимъ чувствамъ къ будущей женѣ и разбирается въ окончательно устанавливающихся между ними отношеніяхъ.

„Какія теперь мои чувства?—записалъ Чернышевскій 27 марта 1853 г.—Такъ разсудительны и чисты отъ всякихъ грязныхъ расчетовъ, которыхъ раньше я ожидалъ отъ себя, что я дивлюсь. Радость моя оттого, что

мой союзъ съ ней вѣрный, и настолько, что я буду мужемъ нѣсколькими мѣсяцами раньше, не отъ петербургія чувственности. Чувственная сторона теперь по мнѣ рѣшительно не имѣетъ никакого вліянія въ сравненіи со сторовою душевнаго счастья и разсудительности, спокойныя надежды на то, что моя жизнь опредѣляется такимъ образомъ, какъ только могъ я представить.

„Влюбленъ ли я въ нее, или нѣтъ? Не знаю. Во всякомъ случаѣ мысль объ „обладаніи ею“, если употреблять эти гнусные термины, не имѣетъ никакого возбуждающаго дѣйствія на меня. Я только думаю о томъ, что я буду съ нею счастливъ.

„Но она мнѣ весьма нравится. Если бы она не была хороша собою (а мнѣ хорошенькими кажутся весьма немногія и, собственно говоря, никто, кромѣ нея, изъ тѣхъ дѣвицъ, которыхъ я встрѣчалъ здѣсь), если бы она не была такъ хороша, я не очаровался бы ею, но все-таки ея красота, хотя весьма важна для меня, но все-таки важнѣе, гораздо важнѣе для меня сердце и характеръ, и когда я думаю о блаженствѣ, которое ожидаетъ меня, вѣроятно, тутъ является и чувственная сторона этого блаженства, но гораздо сильнѣе занимаетъ, гораздо болѣе очаровываетъ меня сердечная сторона ея отношеній.

„А каковы будутъ эти отношенія?— Она третьяго дня сказала: у насъ будутъ отдѣльныя половины, и вы ко мнѣ не должны являться безъ позволенія. Это я и самъ хотѣлъ бы такъ устроить, можетъ быть думаю объ этомъ серьезнѣе, чѣмъ она. Она понимаетъ, вѣроятно, только то, что не хочетъ, чтобы я надоѣлъ ей, а я понимаю подъ этимъ то, что и вообще всякій мужъ долженъ быть чрезвычайно деликатенъ въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ къ женѣ. Моя постоянная мысль и главная черта въ моемъ характерѣ въ этомъ отношеніи, что я не люблю высказывать своихъ чувствъ при комъ бы то ни было постороннемъ, и что единственная нѣжность, которую я хотѣлъ позволить себѣ при третьемъ лицѣ въ отношеніи къ женѣ—это пожатіе руки. Цѣловаться и я не люблю,—въ сильныхъ движеніяхъ нѣжности я готовъ поцѣловать, но только въ сильныхъ движеніяхъ нѣжности. Вмѣсто этого я любилъ бы цѣловать руку, но это снова только въ нѣжныхъ движеніяхъ, а не при всякомъ случаѣ, какъ только случится быть одному подлѣ другого. Но и это я хотѣлъ бы почти совершенно изгнать, потому что это показываетъ, что съ женщиной обращаешься, какъ свѣтскій властитель Японіи съ своимъ духовнымъ императоромъ—за рабское положеніе въ сущности стараешься вознаградить божескимъ почитаніемъ по наружности. Къ чему у меня есть порывы, такъ это къ тому, чтобы прижимать къ сердцу. Но и это только въ порывахъ нѣжности. Но просто прижать къ сердцу, какъ пожимаешь руку... У насъ до сихъ поръ все наоборотъ противъ того, какъ обыкновенно бываетъ между женихомъ и невѣстой: она настаиваетъ, я уступаю. Обыкновенно говоритъ невѣста жениху: „Другъ мой, я въ твоей власти; я не могу противиться тебѣ, но прошу тебя, не злоупотребляй этой властью“. У насъ наоборотъ, я ей говорю: „Я въ вашей власти, дѣлайте, что хотите“, и она говоритъ:

— Я не хочу быть за вами.

— Очень хорошо. Я готовъ сейчасъ быть вашимъ женихомъ.

— Но я не хочу, чтобы это было въ сентябрѣ, это должно быть раньше вашего отъѣзда...

„Обыкновенно женихъ ищетъ невѣсту, подходитъ къ ней, заговариваетъ съ нею. Я наоборотъ, я дожидаюсь, чтобы она подошла ко мнѣ и сказала:

— Вы можете быть у меня.

— Покорнѣйше благодарю, Ольга Сократовна.

„Какъ мы будемъ проводить день? Все время, когда я дома, я буду постоянно сидѣть подлѣ нея, пока ей будетъ угодно. Я буду работать подлѣ нея. Сколько я буду работать для своихъ ученыхъ цѣлей? Часа три въ день, не болѣе, потому что и теперь никогда почти не работаю постольку, и все-таки у меня столько познаній, какъ у немногихъ. А писать для полученія денегъ? Можетъ быть болѣе трехъ часовъ въ день.

„О чемъ мы будемъ говорить? Я буду ея учитель, я буду излагать ей свои понятія, я буду преподавать ей энциклопедію цивилизаціи. Тутъ у насъ явится курсъ гораздо болѣе полный, чѣмъ какъ теперь у меня въ гимназіи. Этого достанетъ на нѣсколько лѣтъ, на 3—4 года. Въ матеріалѣ для разговора такимъ образомъ не будетъ недостатка. Мы будемъ, наконецъ, имѣть читать. Я самъ для этого преподаванія повторю многое, пріобрѣту познанія во многомъ, чего теперь не знаю. Такъ мы будемъ учиться вмѣстѣ. Можетъ быть, она будетъ помогать мнѣ и въ работахъ, можетъ быть, она будетъ сама писать или переводить.

„Каково будетъ мое отношеніе къ ней въ соціальномъ смыслѣ? Я желалъ бы, чтобы мы, наконецъ, начали говорить другъ другу „ты“; особенно, чтобы она говорила мнѣ „ты“, самъ

я лучше хотѣлъ бы говорить „вы“. Звать ее буду я всегда полнымъ именемъ, всегда буду звать ее Ольга Сократовна. Она, можетъ быть, захочетъ звать меня полуименемъ, но едва ли. И, вѣроятно, если будетъ, скоро оставитъ. Однимъ словомъ, наши отношенія будутъ имѣть по внѣшности самый официальный и холодный характеръ; подъ этою внѣшностью будетъ съ моей стороны самая полная, самая глубокая нѣжность“.

Островскій.

В. С. Сѣрова, продолжая въ апр. кн. „Рус. Мысли“ свои воспоминанія о покойномъ мужѣ, коснулась попутно разрыва съ нимъ А. Н. Островскаго по поводу оказавшихся неподходящими двухъ актовъ въ либретто, которое драматургъ взялся написать для оперы Сѣрова „Вражья сила“ по своей пьесѣ „Не такъ живи, какъ хочется“. Описываемый конфликтъ служитъ хорошей иллюстраціей къ тому, что было недавно отмѣчено нами въ характерѣ Островскаго со словъ П. Д. Боборыкина („Бюл.“ № 12).

„Первая посылка Островскаго нѣсколькихъ сценъ въ стихахъ,— разсказываетъ вдова композитора,—была для насъ истиннымъ праздничнымъ подаркомъ“. Такъ, „по-праздничному“, шло до тѣхъ поръ, пока не былъ полученъ отъ автора либретто четвертый актъ.

„Мы принялись за чтеніе присланнаго четвертаго дѣйствія и были имъ очень озадачены. Островскій, видимо, особенно имъ увлекся, рекомендуя Сѣрову поналечь именно на это дѣйствіе, увѣряя его, что въ немъ затронута народная, поэтическая и легендарная сторона. Дѣло въ томъ, что онъ къ сценѣ масленичнаго загула примѣшалъ бѣсовъ,— настоящихъ, съ хвостами, рогами и проч. чертовскими атрибутами,—якобы смущающихъ толпу загулявшихъ; а Еремку выставилъ чѣмъ-то вродѣ Каспара во „Фрейшюцѣ“: нелюдимомъ въ лицѣ.

Если бы кто-нибудь задался подобной задачей, то безспорно либретто Островскаго могло служить благодарнымъ текстомъ для музыкальной обработки; но Сѣровъ задумалъ сильно драматическую, реальную завязку и не желалъ ею поступиться ни на единую іоту. Не хуля замысла Островскаго, онъ вернулъ ему четвертое дѣйствіе съ просьбой написать масленичную сцену живьемъ, безъ прикрасъ, безъ сказочныхъ эпизодовъ.

Островскій остался очень недоволенъ возвращеніемъ либретто; обѣщалъ выслать другое... но другого мы не получили.

Кромѣ упомянутаго конфликта, въ который попалъ Сѣровъ съ Островскимъ по поводу чертовщины четвертаго дѣйствія, они окончательно разошлись изъ-за пятаго акта. Чѣмъ болѣе втягивался Сѣровъ въ сочиненіе музыкальной драмы, тѣмъ болѣе сгущалась психологическая атмосфера и громовыми тучами повисла надъ головами его героевъ; поэтому ему чуялась неизбѣжная, роковая катастрофа въ концѣ. Долго боролся Сѣровъ со своимъ желаніемъ измѣнить его въ пьесѣ Островскаго; наконецъ, рѣшившись окончательно его передѣлать, онъ медлилъ сообщить объ этомъ автору. Не безъ основанія опасался Сѣровъ плачевнаго результата отъ задуманнаго измѣненія: Островскій болѣе ни строки не послалъ Сѣрову, даже объясненія не послѣдовало между двумя сотрудниками; Островскій упорно молчалъ, Сѣровъ изнывалъ въ ожиданіи отвѣта. Разъ встрѣтилъ онъ Островскаго въ театральномъ коридорѣ, звалъ его, побѣжалъ за нимъ, но послѣдній исчезъ, не внимая зову. Съ тѣхъ поръ они не видались. Сѣровъ не могъ простить ему этого невниманія, ужасно горячился, волновался, но дѣло отъ этого не подвинулось впередъ. Знакомые Островскаго освѣдомлялись у него о причинѣ его умышленнаго удаленія отъ Сѣрова въ театрѣ; передали ему укоръ въ невѣжливости и небрежности (какъ самъ истолковалъ его поступокъ Сѣровъ); Островскій отрицалъ умышленность своего удаленія, приписывая его случайности. Отвѣта же послѣ инцидента съ чертями не послѣдовало ни на одинъ запросъ Сѣрова, что составляло для послѣдняго истинно горестное событіе: онъ очень цѣнилъ Островскаго, какъ писателя, да и работа стала. Дальнѣйшая участь оперы находилась въ неизвѣстности. Три дѣйствія ея были однако совершенно готовы“.

Сѣрову такъ и не пришлось кончить своей оперы.

Некрасовъ.

Читатели наши помнятъ разсказъ А. О. Кони о томъ, какъ однажды исповѣдывался передъ нимъ Некрасовъ въ своей страсти къ игрѣ, страсти, „непреодолимо влекущей его на эту рискованную борьбу между счастьемъ и опытомъ, увлеченьемъ и выдержкой, запальчивостью и хладнокровіемъ, гдѣ главную роль играетъ не выигрышъ, не пріобрѣтеніе, а своеобразное сознаніе своей побѣды“. Авторъ вышедшей нѣсколько времени назадъ книги „Стихи и воспоминанія“ П. М. Ковалевскій имѣлъ случай наблюдать, какъ широко и въ какой картинной обстановкѣ проявлялась эта „непреодолимо влекущая“ страсть поэта-игрока.

„Разъ мнѣ довелось,—читаемъ у него,— неожиданно зайти къ Некрасову въ самый

разгаръ игры, продолжавшейся нѣсколько сутокъ. Остатки не то ужина, не то завтрака на тарелкахъ, на блюдахъ, на подносахъ, стоявшихъ въ безпорядкѣ, гдѣ ни попало: по стульямъ, диванамъ, на корректурныхъ листахъ,— бутылки, стаканы, и нѣсколько человѣкъ играющихъ, въ такомъ же безпорядкѣ, заставили меня попятиться назадъ. Но Некрасовъ меня увидѣлъ и предупредилъ.

— А, это вы, отецъ! Куда же вы? Дайте, я къ вамъ выйду.

И точно—вылѣзъ и повелъ въ другую комнату.

— Это мы освѣжаемъ новичка,— объяснилъ онъ мнѣ.— Третью ночь не ложимся. Кто послабѣе, вздремнетъ на диванѣ... И ничего. Нервы только это отлично размотаетъ: какъ покончимъ, стихи писать стану.

Онъ увѣрялъ, что никогда такъ хорошо не пишетъ, какъ послѣ „освѣженій“.

— А то заснешь, зафшь совсѣмъ ихъ, проклятые (нервы), ходишь какъ дубина.

— А что значитъ „освѣжать“?—полюбопытствовалъ я.

— Это, отецъ, хорошее слово. Я ему выучился у нашего повара. Когда онъ потрошитъ птицу, такъ говоритъ, что ее „освѣжаетъ“. Вотъ и мы, когда потрошимъ горячаго игрока, то говоримъ, что „освѣжаемъ“ его.

Такими и подобными, еще прежде извѣстными, свидѣтельствами современниковъ Некрасова о немъ какъ игрокѣ и охотникѣ, вообще азартномъ человѣкѣ, воспользовался К. Чуковскій для реабилитаціи покойнаго поэта какъ личности.

„Нѣтъ,— восклицаетъ названный критикъ въ фельетонѣ, появившемся въ № 90 „Рус. Слова“,— нѣтъ, здѣсь не мелкая корысть, не „предпріятіе“, не „промыселъ“ (какъ Некрасовъ самъ любилъ внушать другимъ), здѣсь дикая распоясанность, удаль необузданно-размашистой души.

Это ничего, что среди пьяныхъ онъ— единственный трезвый, что желтое лицо его какъ каменное: замкнуто, сосредоточенно, спокойно, что онъ весь—осторожность и расчетъ,—въ самой этой трезвости, въ этомъ чрезмѣрномъ спокойствіи и было его опьяненіе! Какъ и всѣ слишкомъ сильныя, закаленныя души, онъ въ минуты тревогъ чѣмъ кипучѣе, тѣмъ холоднѣе; тѣмъ страстнѣе, тѣмъ какъ-будто безстрастнѣе. Но это *безстрастіе въ страсти* требовало страшныхъ напряженій, огромныхъ душевныхъ затратъ, возбужденія всѣхъ нервовъ и силъ, и, какъ бы онъ себя ни обманывалъ именно оно, возбужденіе, влекло его къ зеленому столу. „Разумѣется, кто играетъ, тотъ хочетъ выиграть“,— пишетъ о немъ Михайловскій, и когда Некрасовъ еще только выбивался изъ бѣдности, выигрышъ, по всей вѣроятности, составлялъ его главную цѣль, но если бъ дѣло было только въ выигрышѣ, то, разбогатѣвъ, онъ, конечно, забросилъ бы карты навсегда. Особенно при своей пресловутой практичности, о которой такъ много кричатъ. А онъ именно съ той поры предался, какъ говоритъ Скабичевскій, „всепоглощающимъ картежнымъ бдѣніямъ“. За послѣдніе годы одни лишь стихи дали ему полтораста тысячъ, да выигралъ онъ тысячъ шестьдесятъ. Вотъ бы и бросить игру, которая къ тому же въ конецъ разстатала его здоровье (онъ самъ сознавалъ это).

Но побороть свое влеченіе онъ не могъ: „больше двухъ-трехъ дней не выдерживалъ,— ужъ очень привыкъ къ своему клубу, жить безъ него не могъ“,—вспоминаетъ его бывшій слуга. Что же ему и оставалось, какъ не увѣрять и другихъ, и себя, что онъ ѣздитъ „освѣжать новичковъ“, „обыгрывать дурачковъ“, „пополнять кошелекъ“ и т. д.

Да и гдѣ же его выигрыши? „Вѣдь, если вѣрить сплетнямъ, будто онъ всѣхъ обыгрывалъ, да прибавить къ этому доходъ съ его сочиненій, да съ „Отечественныхъ Записокъ», да знать его бережливость, нужно было ожидать милліоннаго наслѣдства. По городу такъ и говорили: умретъ Некрасовъ, обнаружится его состояніе, получатъ его наслѣдники милліонъ, а то, можетъ-быть, и всѣ два милліона. Вотъ и умеръ, и обнаружилось!“—говоритъ тотъ же самый слуга. О томъ же говорилъ и Михайловскій. Правда, мы знаемъ теперь, что въ послѣдніе годы Некрасовъ истратилъ на свое лѣченіе до ста тысячъ да двадцать пять оставилъ женѣ,—но, нѣдь, это не милліонъ и не два!..

Итакъ, подъ личиной безстрастія — рискъ, опьяненіе, страсть. Въ Некрасовѣ вообще не хотятъ видѣть азартнаго, размашистаго человѣка. Зарядили: „практичность“, „практичность“. Но не даромъ же онъ былъ охотникъ! Недаромъ эти двѣ страсти — игра и охота — попеременно владѣли имъ. И какая охота! Опять-таки грандіозная. Въ какой-нибудь изъ „своихъ деревнишекъ“ наймешь изо всей округи восемьдесятъ или сто мужиковъ, дѣвокъ, бабъ и съ мадерой, съ коврами, съ тысячерублевыми ружьями, на пяти, на шести телѣгахъ, отправляется на лося, на медвѣдя.

Весело бить васъ, медвѣди почтенные!

И еще ребенкомъ на озерѣ, подстрѣливъ какъ-то дикую утку, онъ кинулся въ полузамерзшую воду, поплылъ за добычей и, рискуя

жизнью, достался ее. „Это стоило ему горячки, но отъ охоты не отвадило“,— разсказываетъ его сестра. И позже изъ-за любимой женщины онъ такъ же кинется въ воду:

— Полюби меня или я утоплюсь!

Это ли не азартная душа! А какъ онъ писалъ свои стихи! Съ тѣмъ же порывомъ, съ тою же нечеловѣческой страстностью:

— „Приходитъ муза, выворачиваетъ все вверхъ дномъ, начинается волненіе, скоро переходящее границы всякой умѣренности,— катаюсь по дивану со спазмами въ груди; нульсъ, виски, сердце бьютъ тревогу, и такъ, пока не угомонится сверлящая мысль“...

И въ такомъ состояніи онъ былъ способенъ писать тридцать девять подъ радъ, ничего не видя и не слыша, безъ отдыха и безъ сна. „Я, когда начну писать, перестаю и спать и ѣсть“. И не замѣтить въ немъ этой черты — значитъ ничего въ немъ не замѣтить, ничего не понять.

Да, конечно, онъ былъ „практикъ“, „дѣлецъ“. Крутой, осторожный, замкнутый. Но были въ этой душѣ какіе-то вихри и бури, вѣчная жажда страстей:

Ничего! Гони во всѣ лопатки!
Трудень путь, да легокъ конь!
Дожигай послѣдніе остатки
Жизни брошенной въ огонь! —

восклицалъ онъ въ такія минуты, и куда дѣвались тогда все его хваленое „дѣлечество“, вся его „практичность“, „осторожность“!

Вѣда, если за зеленымъ столомъ на него находили такія минуты. „Не могу выдержать разсудительности,— жаловался онъ Чернышевскому.— Въ коммерческія игры я играю очень хорошо, такъ что вообще остаюсь въ выигрышѣ... Но какъ наберется у меня столько, что можно начать играть въ банкъ,— не могу удержаться: бросаю коммерческія игры и начинаю играть въ банкъ. Это нѣсколько разъ въ году. Каждый разъ я проигрываю все, съ чѣмъ началъ игру, и остаюсь ни съ чѣмъ“.

Итакъ, не ради „пополненія котелька“, не ради преуспѣянія журнала Некрасовъ, губя свои силы, еженощно отправлялся въ клубъ. Просто, у него была натура охотника, игрока, и, несмотря на могучую волю, онъ не властенъ былъ себя обуздать. Мы знаемъ изъ разсказа Панаевой-Головачевой, какъ изъ-за этой игрецкой страсти, „ослѣпляющей разумъ, подавляющей волю“, Некрасовъ нечаянно сгубилъ одну молодую жизнь.

Какъ у всѣхъ азартныхъ игроковъ, у него въ игрѣ появились примѣты. „Напримѣръ, онъ бралъ изъ конторы „Современника“ тысячи двѣ рублей и вкладывалъ ихъ въ середину своихъ десятковъ тысячъ руб. для счастья, или полагалъ, что непремѣнно проиграетъ, если выдастъ деньги въ тотъ день, когда вечеромъ предстояла большая игра.

Въ „Современникѣ“ сотрудничалъ одинъ молодой человѣкъ, Піотровскій, который постоянно бралъ впередъ деньги у Некрасова. Къ несчастью, случилось однажды такъ, что утромъ Піотровскій выпросилъ у Некрасова денегъ, а вечеромъ тотъ проигралъ крупную сумму. Не прошло недѣли, какъ Піотровскій прислалъ къ Некрасову съ письмомъ какую-то женщину, снова прося денегъ.

Некрасовъ далъ отвѣтъ женщинѣ, что не можетъ исполнить просьбу Піотровскаго, а когда она ушла, сталъ ворчать на то, что Піотровскій опять проситъ денегъ.

— Да еще глупѣйшее письмо пишетъ,— прибавилъ онъ,— угрожая, что если я откажу въ трехстахъ руб., то ему придется пустить себѣ пулю въ лобъ.

— Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ въ безвыходномъ положеніи,— замѣтила я.— Пошлите ему денегъ.

— Не дамъ!.. Онъ не болѣе недѣли тому назадъ взялъ у меня 200 руб., тоже говоря, что у него петля на шеѣ. Да и я по его милости проигрался.

Я посмѣялась, что Некрасовъ превратился въ старую купчиху, которая вѣритъ во всякія примѣты.

— Знаю, что все это глупо, но я положилъ себѣ за правило не давать денегъ въ тотъ день, когда предстоитъ мнѣ большая игра, потому что всегда остаюсь въ проигрышѣ!..

Некрасовъ упрямился, но потомъ сдался и обѣщалъ завтра же послать Піотровскому 300 руб.

На другой день Некрасовъ всталъ почти къ самому обѣду; когда подавали пирожное, вошелъ Чернышевскій. Онъ былъ такъ блѣденъ, что я шепнула Добролюбову: не случилось ли какого несчастья въ семьѣ у Чернышевскаго? Добролюбовъ спросилъ его, что съ нимъ.

Чернышевскій взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Сейчасъ только отъ несчастнаго Піотровскаго,— онъ застрѣлился!

Услышавъ объ этой жертвѣ своихъ игрецкихъ страстей,— жертвѣ мимовольной, нечаянной,—Некрасовъ съ искаженнымъ лицомъ кинулся къ себѣ въ кабинетъ, и кто знаетъ, въ какихъ покаянныхъ мученіяхъ провелъ тамъ безвыходно три дня! Каяться онъ умѣлъ, какъ никто. Это — тоже въ немъ черта страсти и самозабвеннаго порыва“.

Уайльдъ.

Другой писатель, надъ кѣмъ много лѣтъ,— и при жизни, и послѣ смерти,—тяготѣло болѣе серьезное, прямо позорящее обвиненіе, тоже дождался реабилитаціи — на этотъ разъ, уже, кажется, полной, окончательной, даже въ глазахъ того общества, которое когда-то съ ожесточеніемъ топтало въ грязь его доброе имя.

Грѣхъ великой несправедливости загладилъ наконецъ случайный судебный процессъ, имѣвшій лишь отдаленное отношеніе къ памяти жестоко пострадавшаго Оскара Уайльда: лордъ Дугласъ, бывшій одно время его другомъ, посадилъ на скамью подсудимыхъ за „клевету“ Артура Гансома, автора новѣйшаго изслѣдованія о знаменитомъ писателѣ-эстетѣ.

Процессъ, заставившій вновь заговорить о дѣлѣ Уайльда, оживилъ и воспоминанія о немъ тѣхъ, кто зналъ его. Лондонскій корреспондентъ „Совр. Сл.“ С. П. Р. съ этого и начинаетъ отчетъ о процессѣ (№ 1896)—съ описанія своей единственной встрѣчи съ несчастнымъ писателемъ, именно въ этотъ печальнѣйшій моментъ его жизни,—въ камерѣ магистрата,— и описанія тогдашнихъ впечатлѣній своихъ.

„Я очутился рядомъ со скамьей подсудимыхъ, какъ разъ у локтя Оскара Уайльда. Его ввели въ камеру одновременно съ другимъ подсудимымъ по его дѣлу, нѣкіимъ Альфредомъ Тейлоромъ, котораго обвиняли въ томъ же, что и Уайльда, въ сводничествѣ между Уайльдомъ и молодыми людьми. Оба подсудимыхъ сѣли рядомъ, и контрастъ между ними былъ поразителенъ. Отъ одного вѣяло изяществомъ, одухотворенностью, отъ другого— пошлостью лондонской улицы. Оскаръ Уайльдъ въ пальто и съ цилиндромъ въ рукѣ, въ перчаткахъ сидѣлъ немного отвалившись на барьеръ, отдѣлявшій его отъ публики. Но хотя поза его была какъ бы безпечна, лицо выражало глубокую скорбь, ни разу не смягчившуюся хотя бы мимолетной тѣнью улыбки или любопытства. Лицо его, немного продолговатое, было чисто выбрито, и, я помню, меня тогда поразила нѣкоторая шероховатость кожи,— словно кожица ощипленнаго цыпленка или тѣло человѣка, внезапно охваченнаго холодомъ. Длинные съ легкой сѣдиной волосы непепельнаго цвѣта были взъерошены, красиво вздымаясь вверхъ естественными завитками.

Товарищъ же Уайльда по несчастью, Альфредъ Тейлоръ, сидѣлъ безъ пальто, съ веселой улыбкой, гладко причесанный, выбритый, румяный. И въ то время, какъ Уайльдъ отзывался на происходившее передъ нимъ глубокими вздохами, Тейлоръ сопровождалъ показанія свидѣтелей то саркастическимъ смѣшкомъ, то живо поставленнымъ вопросомъ, то просто какими-нибудь восклицаніями, въ родѣ: „ложь!“, „шантажисты“! и т. п. Для О. Уайльда судъ былъ, конечно, величайшей трагедіей его жизни, а для его „соучастника“, невѣдомаго, ничтожнаго, оноплившагося сынка, кажется, богатыхъ родителей, это было своего рода непріятное похмелье послѣ праздника, если не самый праздникъ. И невольно тогда же, въ камерѣ магистрата, напрашивался вопросъ, какимъ образомъ Уайльдъ, этотъ прекрасный цвѣтокъ англійскаго искусства и англійской мысли, могъ попасть въ такое общество репейника и чертополоха?

Этотъ вопросъ еще сильнѣе сталъ тревожить умъ и сердце, когда передъ нами выступилъ рядъ свидѣтелей, удостовѣрявшихъ свои грязныя сношенія съ этимъ вылающимся человѣкомъ. Боже, что это были за типичныя фигуры лондонской распущенности! Вотъ Чарльзъ Паркеръ, бывшій лакей, прогнанный съ мѣста за кражу хозяйскаго добра, арестованный однажды за шантажъ, бездѣльникъ, проводившій время въ ресторанѣ, куда собирались отбросы общества для шантажа и продажи своего тѣла. Лицо наглое, крайне непріятное. И все же, если вѣрить этому свидѣтелю Уайльдъ дѣлалъ ему комплименты насчетъ его красоты и угощалъ его обѣдами. Вотъ другой такой же юноша, нѣкій Маворъ, высокій, худощавый, увѣрявшій, что подсудимый бралъ его въ аристократическую гостиницу Альбемарлъ. Вотъ Аткинсъ, прыщеватый хлыщъ въ зеленомъ жилетѣ, „профессіональный“ содомитъ. Его Уайльдъ будто бы бралъ въ Парижъ и останавливался съ нимъ на Boulevard des Capucines.

Просто не вѣрилось въ возможность такой близости между подсудимымъ и этими свидѣтелями. Трудно было бы найти болѣе цѣломудреннаго, чистаго писателя, чѣмъ Уайльдъ. Во всѣхъ его сочиненіяхъ,— а написалъ онъ ихъ, несмотря на свою молодость, довольно много,— нѣтъ ни одной строчки, которой нельзя было бы дать прочесть чистой, невинной дѣвушкѣ. А Робертъ Шерардъ, знавшій его близко много лѣтъ, въ своей книгѣ „Жизнь Оскара Уайльда“ увѣряетъ насъ, что это былъ „самый цѣломудренный человѣкъ“ и на словахъ, и на дѣлѣ. Онъ не выносилъ грязныхъ анекдотовъ и грубыхъ словъ, и „общество его обратило бы въ джентльмэна, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ, всякаго человѣка распущенныхъ нравовъ и нечистаго языка“. Какъ же могло случиться это страшное паденіе? Вопросъ этотъ казался бы неразрѣшимымъ, если бы не существовало патоло-

гіи, если бы мы не знали о припадкахъ безумія, о слабости воли, противъ которыхъ тщетно протестуетъ наша душа. Самъ О. Уайльдъ постарался найти объясненіе своимъ поступкамъ именно въ душевной болѣзни. Всматриваясь въ свое прошлое и стараясь въ послѣдній мѣсяцъ своего двухлѣтняго тюремнаго заключенія выяснить для самого себя свое душевное состояніе и тѣ уроки, которые онъ вынесъ изъ обрушившейся надъ нимъ бѣды, онъ писалъ въ „De Profundis“, въ этомъ замѣчательнѣйшемъ „письмѣ“ къ другу: „То, чѣмъ въ сферѣ мысли былъ для меня парадоксъ, въ сферѣ страсти стала для меня извращенность. Желаніе, въ концѣ, обратилось въ болѣзнь или въ безуміе, или въ то и другое“... „Я переставъ быть господиномъ надъ собой,— говоритъ онъ тамъ же въ другомъ мѣстѣ,— я переставъ быть вождемъ моей души и не зналъ этого. Я далъ надъ собою власть наслажденію и кончилъ страшнымъ позоромъ“.

Когда О. Уайльдъ писалъ „De Profundis“, ему казалось, что болѣзнь прошла, и что онъ опять сталъ господиномъ своей воли, какимъ онъ былъ до послѣднихъ двухъ или трехъ лѣтъ передъ своимъ осужденіемъ. И, дѣйствительно, выйдя изъ тюрьмы и поселившись въ Берневалѣ, близъ Діеппа, во Франціи, онъ вначалѣ всецѣло отдался простымъ и здоровымъ удовольствіямъ, купанью въ морѣ, прогулкамъ, правильному сну, игрѣ съ деревенскими дѣтьми, которыя знали его и очень любили, какъ „мсье Мелліота“, подъ именемъ котораго онъ жилъ во Франціи. „Вдругъ,— разсказываетъ его новѣйшій критикъ и біографъ Артуръ Рансомъ въ книгѣ „Oscar Wilde, a critical study“,— онъ отшвырнулъ въ сторону свои планы и рѣшенія, съ отчаяніемъ заявляя, что безразсудность его неизбѣжна. Настойчивыя просьбы человѣка, дружба съ которымъ ему уже обошлась больше, чѣмъ она стоила, и новое чувство одиночества въ Берневалѣ разстроили его рѣшимость. Его охватило безпокойство, и онъ отправился въ Руанъ, гдѣ шли дожди и гдѣ онъ чувствовалъ себя прескверно. Затѣмъ онъ поѣхалъ обратно въ Діеппъ, а спустя нѣсколько дней, съ еще неоконченной поэмой („Баллада Редингской тюрьмы“) онъ уже былъ въ Неаполѣ вмѣстѣ съ другомъ, поведеніе котораго онъ осуждалъ и вліянія котораго онъ боялся“... „Вскорѣ послѣ этого тѣ, которые выдавали ему содержаніе (позволявшее ему жить съ другомъ) нарочно прекратили выдачи. И когда онъ остался безъ денегъ, другъ оставилъ его“.

— Это былъ,— говорилъ Уайльдъ,— самый горькій опытъ въ моей горькой жизни.

Рансомъ не называетъ имени друга, имѣвшаго такое пагубное вліяніе на великаго писателя. Но это имя всѣмъ извѣстно, и каждый, читая Рансома, могъ догадаться, о комъ идетъ рѣчь. Рѣчь идетъ о лордѣ Альфредѣ Дугласѣ, „третьемъ сынѣ восьмого маркиза“ Квинсбери. Книга Рансома попала въ руки жены лорда Дугласа, которая будто и заставила его привлечь автора за „клевету“.

И вотъ печальный образъ знаменитаго подсудимаго опять передъ нами глазами, но на этотъ разъ весь очистившійся отъ скверны, выстраданный образъ автора „De Profundis“, а не кокетливаго, любующагося собою, окруженнаго роскошью и славой эстета. На судѣ защитою были прочитаны письма Уайльда, хранящіяся въ рукописномъ отдѣленіи британскаго музея и извѣстныя только сыновьямъ покойнаго Уайльда и его ближайшимъ друзьямъ *).

Эти письма писались изъ тюрьмы или изъ-за границы, и полны подробностей, которыми очень многое объясняется въ поведеніи Уайльда въ послѣднія 10 лѣтъ его жизни. Они раскрываютъ передъ нами его съ одной стороны безвольную, больную, а съ другой стороны — полную благородства и самопожертвованія душу.

... „Въ безпокойныя и безсонныя ночи, въ ночи, полныя мукъ, и въ долгіе однообразные дни, полные страданій, я никого, кромѣ самого себя, не винилъ. Я виню себя за то, что позволилъ дружбѣ, чуждой интеллектуальности,— дружбѣ, главная цѣль которой не состояла въ созданіи и созерцаніи красивыхъ вещей, всецѣло завладѣть моей жизнью. Съ самаго начала между нами лежала слишкомъ глубокая пропасть... Вы **) не были человѣкомъ, умѣющимъ побуждать на трудъ... Стоитъ мнѣ только напомнить вамъ, что за все время, когда я бывалъ съ вами, я никогда не написалъ ни одной строчки. Ни въ Торкеѣ, ни въ Горингѣ, ни въ Лондонѣ, ни во Флоренціи, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Въ вашемъ обществѣ я всегда оставался совершенно безплоднымъ, съ полнымъ отсутствіемъ творчества, а вѣдь, къ сожалѣнію, съ небольшими промежутками, вы всегда были около меня“...

„Вотъ, напримѣръ, помню ***), въ сентябрѣ 1893 г. я нарочно снялъ себѣ двѣ комнаты въ Лондонѣ, чтобы имѣть мѣсто, гдѣ бы мнѣ никто не мѣшалъ работать, такъ какъ я тогда не выпол-

*) Общимъ достояніемъ *полная* рукопись „De Profundis“, въ составъ котораго входятъ и письма эти, можетъ сдѣлаться не ранѣе 1 янв. 1960 г.

**) Лордъ Дугласъ.

***) Переводъ далѣе слѣдующихъ отрывковъ данъ въ „Утрѣ Рос.“ (№ 86).

ніяль контракта, по которому должень быть къ сроку представить пьесу... Въ теченіе первой недѣли вы меня оставляли въ покоѣ. И за эту недѣлю я написаль и вполнѣ закончилъ первый актъ „Идеальнаго мужа“. На второй недѣлѣ вы снова вернулись въ Лондонъ, и мнѣ буквально пришлось бросить работу...

„Я пріѣзжалъ въ свои комнаты на Сенъ-Джемсъ-Плэнъ каждое утро къ половинѣ двѣнадцатаго съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность обдумывать и писать свою пьесу безъ перерыва... Но все это было напрасно. Къ двѣнадцати пріѣзжали вы и оставались, болтая и куря папиросы, до половины второго, когда я долженъ былъ брать васъ завтракать или въ „Кафэ-рояль“ или „Берклей“. Завтракъ, а за нимъ ликеры тянулись обычно до половины четвертаго. Вы уходили на часъ къ Уайтсу (извѣстный аристократическій клубъ). Къ чаю вы снова появлялись и оставались, пока не наступало время одѣваться къ обѣду. Вы обѣдали со мной или въ „Савойѣ“ или у меня дома. И мы обычно не разставались до полуночи. Ужинъ у „Виллиса“ долженъ былъ закончить очаровательный день, проведенный вмѣстѣ. Вотъ какъ распредѣлялась моя жизнь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, день за днемъ, за исключеніемъ тѣхъ четырехъ дней, когда вы уѣзжали въ Парижъ. Но и тогда, конечно, я долженъ былъ поѣхать въ Кале, чтобы встрѣтить васъ и проводить васъ обратно. Для человѣка моего характера и темперамента это было положеніе одновременно и нелѣпое и трагическое...

„Я вижу себя за то, что позволилъ вамъ довести меня до полнаго, позорнаго финансоваго разоренія... Когда я скажу вамъ, съ осени 1892 г. до моего заключенія въ тюрьму (май 1895) я истратилъ съ вами и на васъ болѣе 5,000 фунтовъ (50,000 руб.) наличныхъ денегъ, не считая долговъ, — вы, можетъ быть, будете имѣть нѣкоторое представленіе объ образѣ жизни, который изъ-за васъ я велъ... Мои ежедневные расходы въ Лондонѣ, — завтракъ, обѣдъ, развлеченія и т. п. — въ среднемъ простирались отъ 12 до 20 фунтовъ (120—200 р.). Шагъ за шагомъ, вмѣстѣ съ судьей, объявившимъ меня несостоятельнымъ должникомъ, я долженъ былъ пройти снова по всѣмъ днямъ моей жизни за тѣ три года. Это было ужасно. Простая жизнь и высокія мысли были идеаломъ, который вы въ то время не могли оцѣнить. Но такая расточительность — позоръ для насъ обоихъ. Отъ расточительныхъ, безсмысленныхъ обѣдовъ съ вами ничего не остается, кромѣ воспоминанія о томъ, что слишкомъ много было съѣдено, слишкомъ много было выпито... Я откровенно сознаюсь, что мое безуміе,—въ томъ, что я бросилъ на васъ всѣ эти деньги и позволилъ вамъ расшвыривать все свое состояніе,—вызываетъ во мнѣ двойное чувство стыда за свою расточительность. Я былъ созданъ для другихъ вещей. Но больше всего вижу я себя за то нравственное униженіе, которое я вамъ позволилъ навлечь на меня... Моя воля подчинилась вашей. Это нелѣпое заявленіе, но тѣмъ не менѣе это — правда...

„Грѣхи другого вмѣняются мнѣ въ вину. Если бы я захотѣлъ, я бы на судѣ могъ спасти себя за счетъ этого другого,—не только отъ позора, но и отъ тюрьмы. Если бы я захотѣлъ доказать, что три свидѣтеля обвиненія — три самыхъ важныхъ свидѣтеля — были тщательно инспирированы и подготовлены вашимъ отцомъ и его адвокатами не только въ своихъ умолчаніяхъ, но и въ своихъ утвержденіяхъ, въ томъ, что они сознательно, по предварительному уговору и срепетовкѣ, приписали мнѣ дѣйствія и поступки другого лица,—я бы могъ добиться того, чтобы ихъ судья прогналъ со свидѣтельской скамьи... Я могъ бы выйти изъ зала суда съ гордой головой, держа руки въ карманахъ, свободнымъ человѣкомъ.

„Меня очень сильно убѣждали поступить такъ. Меня серьезно упрашивали, умоляли, уговаривали люди, единственной заботой которыхъ было мое благополучіе и благополучіе моей семьи. Но я отказался. Я не захотѣлъ этого сдѣлать. И я ни на секунду не пожалѣлъ о своемъ рѣшеніи, даже въ самыя тяжелыя минуты моего заключенія. Такое поведеніе, такой поступокъ былъ бы ниже моего достоинства. Грѣхи плоти — ничто. Это — болѣзни, которыя можетъ излѣчить врачъ, если вообще онѣ нуждаются въ лѣченіи. Лишь грѣхи души позорны. Добиться своего оправданія такимъ путемъ—значило бы обречь себя на пожизненную муку. Но неужели вы думаете, что вы были достойны той любви, которую я къ вамъ тогда проявлялъ, или, что я хоть на минуту думалъ, что вы достойны ея?..

„Вы были моимъ врагомъ; такимъ врагомъ, какого еще ни одинъ человѣкъ не имѣлъ. Я отдалъ вамъ свою жизнь—и для чего? Для того, чтобы удовлетворить самыя презрѣнныя изъ всѣхъ человѣческихъ страстей: Ненависть, Тщеславіе и Жадность. Меньше, чѣмъ въ три года вы разбили мою жизнь со всѣхъ точекъ зрѣнія“...

Какъ и слѣдовало ожидать, Артуръ Ронсомъ вышелъ изъ суда оправданнымъ, а косвенно —

оправдательный вердиктъ былъ вынесенъ и тѣни Оскара Уайльда...

Мопассанъ.

Таинственная незнакомка, подписывающаяся инціаломъ „X“, уже раньше дѣлилась съ французскими читателями своими воспоминаніями о Мопассанѣ. Въ мартовской и апрѣльской книжкахъ „La Grande Revue“ она выступила съ продолженіемъ очерка внутренней жизни этого писателя (см. также „Кіев. М“—№ 97). Въ интимномъ портретѣ, который она набрасываетъ нѣжной рукой, удалось ей схватить нѣсколько характерныхъ черточекъ.

„...Съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ Мопассанъ особенно за городскимъ движеніемъ. Уличныя сцены, эти маленькія, банальныя сцены, когда сталкиваются случайныя лица, куда-то спѣшащіе прохожіе, находили въ его лицѣ неутомимаго зрителя.

Ощущенія смутной тревоги вызывали у него часто мимолетныя встрѣчи на улицѣ съ прохожими незнакомцами.

— Не случалось ли вамъ, моя дорогая,— сказалъ онъ однажды г-жѣ X.,— проходя мимо какого-нибудь человѣка, испытывать чувство сожалѣнія при мысли, что вы его больше никогда не увидите? Со мною это часто случается. Будетъ ли это мой сосѣдъ по кафэ или незнакомецъ, съ которымъ я сталкиваюсь на тротуарѣ,—эти существа, которыхъ я первый разъ въ жизни вижу и которыя черезъ нѣсколько секундъ снова для меня исчезнутъ, я разсматриваю съ такой напряженностью, что ихъ черты мнѣ становятся надолго родными. Меня охватываетъ безумное желаніе вернуться, чтобы еще разъ на нихъ взглянуть, чтобы пожать имъ руку и попросить ихъ разсказать мнѣ свою жизнь. Само собой разумѣется, что я продолжаю свой путь, ничего подобнаго не сдѣлавъ. Но тяжелая печаль ложится на мою душу. Мнѣ тогда кажется, что я только-что потерялъ дорогую иллюзію или любимое существо. Это потому, что я ихъ больше не увижу, этихъ анонимовъ, которые все же имѣли какое-то касательство, пусть даже самое мимолетное, къ моему существованію. И я себѣ говорю, что земля и впредь будетъ безпрерывно вращаться вокругъ солнца, что огромныя событія могутъ перевернуть мою жизнь, а я все же не увижу этого мужчины или этой женщины, съ которыми я столкнулся мимоходомъ, но къ которымъ я на нѣсколько секундъ пріобщался моими самыми интимными мыслями. И я испытываю такое ощущеніе, будто отъ моего „я“ что-то безповоротно оторгнуто...

Мопассанъ былъ страстный читатель газетъ. Онъ неоднократно признавался своей таинственной подругѣ, что чтеніе газеты является для него внутренней необходимостью. При этомъ онъ, по словамъ г-жи X., имѣлъ свои „довольно любопытные взгляды на нѣкоторые отдѣлы ежедневныхъ газетъ, въ особенности на тѣ отдѣлы, которые составляются однимъ и тѣмъ же сотрудникомъ“.

— Писатель, составляющій постоянно какой-либо отдѣлъ,— сказалъ онъ какъ-то,— современемъ какъ бы становится нашимъ интимнымъ другомъ, даже если мы его лично не знаемъ. Есть, напримѣръ, цѣлый рядъ такихъ писателей, которыхъ я читаю вотъ уже нѣсколько лѣтъ, не имѣя никакого представленія объ ихъ физическомъ лицѣ. Однако, мнѣ кажется, что ничто изъ ихъ внутренней жизни отъ меня не ускользнуло. Мнѣ кажется, что я могъ бы назвать тѣ періоды, когда они были счастливы, а также тѣ періоды, когда жизнь имъ казалась скучной и тяжелой. Въ ихъ статьяхъ ежедневно отражается ихъ душевное состояніе и ихъ умонастроеніе, какъ бы они ни желали это скрыть. И какъ это волнуетъ, когда вамъ удается угадать тѣ радости и страданія, которыя испытываетъ другое существо, и опредѣлить въ его душѣ ту многогранность, въ которой ему представляется жизнь.

Всякій разъ, когда Мопассану попадался старый номеръ какой-либо газеты, онъ его прочитывалъ съ волненіемъ. „Я нахожу въ старомъ номерѣ газеты,— признался онъ однажды,— нѣкоторыя изъ моихъ собственныхъ надеждъ или изъ моихъ собственныхъ чувствъ, которыми я въ свое время такъ дорожилъ и къ которымъ я въ настоящій моментъ такъ равнодушевъ!.. Номеръ газеты—это, собственно говоря, одинъ день всемірнаго существованія. Это—та часть мірового прошлаго, въ которой мы находимъ и частицу своего собственнаго прошлаго. А прошлое всегда вызываетъ въ насъ нѣжность“.

Въ 1890 году въ душѣ Мопассана произошла глубокая перемѣна: стала назрѣвать та катастрофа, которая положила столь трагическій конецъ его творческой дѣятельности.

Раньше всего,— разсказываетъ г-жа X.,— онъ сталъ жаловаться на обопательныя галлюцинаціи, которыя его безпрерывно мучили. Запахи всегда имѣли огромное вліяніе на Мопассана; онъ былъ чрезвычайно чувствителенъ къ тончайшимъ измѣненіямъ въ атмосферѣ и обладалъ поразительной въ этомъ отношеніи памятью. Но съ 1890 г. эта обостренность

обоняніе превратилась у него въ пѣкое наважденіе.

Его безпокоили, однако, не запахи настоящаго, а тѣ запахи, которые онъ воспринималъ нѣкогда, уже давно. То онъ чувствовалъ особую атмосферу дождливаго полудня, когда онъ, ребенкомъ, бродилъ по залмъ колледжа въ Ивто, то сырой запахъ Сены, который его буквально мучилъ. И эти обонятельныя переживанія оживляли въ его душѣ цѣлыя вереницы воспоминаній и призраковъ прошлаго. Чѣмъ дальше въ прошломъ находились опредѣленныя событія и образы его жизни, тѣмъ рельефнѣе они выступали въ галлюцинаціяхъ обоняніе. И въ письмахъ онъ то и дѣло жалуется на эти галлюцинаціи...

Мучили его также постоянныя мысли о смерти, призраки небытія. Лѣтъ 12 или 14 тому назадъ,—передаетъ г-жа Х.,—одна великосвѣтская русская дама, которой я сообщила о томъ, какія тревожныя мысли преслѣдовали Мопассана въ концѣ его жизни, разсказала объ этомъ Толстому. Это было въ Москвѣ. Толстой выслушалъ всѣ подробности съ крайнимъ интересомъ и волненіемъ. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Мало имѣется литературныхъ произведеній, которыя я читалъ бы съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ я читаю книги Мопассана. Это одинъ изъ величайшихъ возбудителей (évocateurs) жизни, и я имъ безконечно восхищаюсь. Но я въ немъ особенно люблю то, что въ его произведеніяхъ я вещи нахожу такими, какими я самъ всегда мечталъ ихъ писать. Поразительно, до какой степени мы смотримъ на жизнь одними и тѣми же глазами: тѣ чувства, которыя волновали Мопассана каждый разъ, когда онъ думалъ о концѣ, какъ вы мнѣ только-что разсказали, эти же самыя чувства меня тоже когда-то достаточно мучили. Нынѣ мы оба успокоились. Мопассанъ въ смерти, а я...

Здѣсь Толстой сдѣлалъ рукой неопредѣленный жестъ"...

Новые горизонты въ медицинѣ.

Въ прошломъ году медицинская литература обогатилась новой книгой подъ заглавіемъ „Защитные ферменты животнаго организма". Авторъ ея—профессоръ физіологіи въ Галле, Эмиль Абдергальденъ.

Эта небольшая по объему книга, создавшая автору сразу славное имя, дала новый толчекъ медицинѣ и открыла новые горизонты возможностей для врачебной науки.

Опираясь на созданное Мечниковымъ ученіе объ иммунитетѣ, — пишетъ по этому поводу Аскленій въ „Утрѣ Рос." (№ 89),—Абдергальденъ построилъ свою теорію защитныхъ ферментовъ, исходя изъ наблюденій надъ функціей питанія.

Принявъ во вниманіе, что въ столь сложномъ клѣточномъ зданіи, каковымъ является человѣческій организмъ, каждый органъ состоитъ изъ клѣтокъ со своей собственной строго обособленной функціей и совершенно своеобразнымъ химизмомъ, Абдергальденъ пришелъ къ заключенію, что *въ одномъ и томъ же организмѣ* клѣтки различныхъ органахъ въ извѣстномъ отношеніи какъ бы *чужды другъ другу*; такъ, наши почечныя клѣтки являются какъ бы чужими для нашихъ же печеночныхъ клѣтокъ и, слѣдовательно, не только извнѣ проникающіе микроорганизмы могутъ быть элементами для насъ чужеродными. Равновѣсіе въ жизни организма возможно, по ученію Абдергальдена, лишь тогда, когда каждая клѣтка отдаетъ въ общій токъ крови только такіе продукты своей жизнедѣятельности, которые уже настолько достаточно переработаны, что не являются чуждыми для крови и для жизнедѣятельности клѣтокъ другихъ органовъ того же самаго организма.

Предположимъ теперь, что клѣтки какого-нибудь органа (хотя бы той же самой печени), въ силу заболѣванія или въ силу какой-нибудь иной причины, перестаютъ удовлетворять этому основному требованію и начинаютъ неправильно функціонировать; въ результатѣ этой „дисфункціи" является поступленіе изъ печени въ кровь такихъ веществъ, которыя оказываются уже ядовитыми для клѣтокъ другихъ органовъ; и тогда лейкоциты немедленно выступаютъ на борьбу съ „внутреннимъ" врагомъ организма, выдвигая противъ него свои могучія химическія орудія — защитные ферменты; послѣдніе немедленно стараются разложить ядовитыя вещества въ простѣйшія, уже безвредныя составныя части, переработать и усвоить ихъ, т.-е. сдѣлать ихъ вновь своеродными для крови собственнаго организма.

На цѣломъ рядѣ весьма обстоятельныхъ опытовъ Абдергальденъ провѣрилъ свои предположенія относительно лейкоцитарнаго контроля всѣхъ тѣхъ веществъ, которыя внѣкишечнымъ путемъ попадаютъ въ кровь. Вприскивая животному непосредственно въ кровь растворы тростниковаго сахара, онъ въ сывороткѣ крови уже вскорѣ могъ доказать появленіе соотвѣтственнаго фермента, *инвертина*, расщепляющаго сахаръ на такія простѣйшія составныя части, которыя усваиваются орга-

низмомъ. Впрыскиваніе въ кровь бѣлковъ вызываетъ явленіе соотвѣтственныхъ *протеолитическихъ*, или бѣлокъ разлагающихъ ферментовъ. Словомъ, предположенія Абдергальдена о нивеллирующемъ, всеуравнивающемъ дѣйствіи защитныхъ ферментовъ нашли прекрасное подтвержденіе въ условіяхъ эксперимента, и оставалось сдѣлать слѣдующій шагъ, неизбѣжно вытекающій изъ теоретическихъ построеній.

Абдергальденъ обратилъ вниманіе на изслѣдованія врачей Шморля и Фейта, касавшіяся крови беременныхъ. Но ихъ наблюденіямъ, отъ плаценты или послѣда нерѣдко отрываются отдѣльныя клѣтки и заносятся въ токъ крови материнскаго организма. По ученію Абдергальдена, такіе клѣточные элементы плаценты становятся уже чуждыми по отношенію къ собственному организму; ибо, оторвавшись отъ своего цѣлаго, они неизбѣжно должны неправильно функціонировать, продуцируя въ кровь тѣ или иные продукты, вредные для ея общаго состава; вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи занесены въ кровь, они проникаютъ въ организмъ уже внѣкишечнымъ путемъ, минуя химическій контроль со стороны ферментовъ пищеварительнаго тракта, и, слѣдовательно, подлежатъ химическому контролю со стороны лейкоцитовъ; иными словами, въ сывороткѣ крови беременныхъ слѣдовало ожидать появленія защитнаго фермента по отношенію къ элементамъ плаценты, а такъ какъ клѣтки ея состоятъ изъ особаго рода бѣлковъ, то противъ нихъ именно и должны были дѣйствовать лейкоциты, продуцируя во кровь протеолитическіе, т.-е. бѣлокъ разлагающіе ферменты.

И дѣйствительно, предположенія Абдергальдена оправдались самымъ блестящимъ образомъ: въ сывороткѣ крови беременныхъ ему удалось доказать наличность ферментовъ по отношенію къ бѣлковымъ тѣламъ плаценты, а контрольные опыты, произведенные надъ кровью не беременныхъ, категорически подтвердили отсутствіе такого протеолитическаго фермента.

Ученіе Абдергальдена о томъ, что одни и тѣ же вещества или клѣточные элементы могутъ одновременно быть своеродными данному виду и чужеродными по отношенію къ крови, является принципомъ чрезвычайно большого значенія; до сихъ поръ трудно было предполагать, чтобы отдѣльные органы дѣйствовали въ извѣстныхъ условіяхъ противъ собственнаго организма. Изъ этого новаго принципа проистекаетъ масса самыхъ разнородныхъ выводовъ, и нарождается уже много жгучихъ вопросовъ и предположеній, высказанныхъ отчасти самимъ Абдергальденомъ, отчасти послѣдователями его ученія; значительная часть ожиданій, связанныхъ съ новыми воззрѣніями, уже оправдалась, а многія изъ нихъ нашли себѣ практическое примѣненіе и окрыляютъ благопріятными обѣщаніями даже такіе области медицины, какъ практическую психіатрію съ ея безнадежной терапіей.

Исходнымъ пунктомъ постановки вопросовъ, вызванныхъ къ жизни ученіемъ Абдергальдена, служитъ тотъ чрезвычайной важности фактъ, что реакція на наличность защитныхъ ферментовъ является вѣрнымъ діагностическимъ указаніемъ на присутствіе въ крови матеріала, чуждаго ей и самому организму. Первый вопросъ, который ставится самимъ авторомъ,— это вопросъ о происхожденіи такъ наз. „аутоинтоксикацій“, или самоотравленій организма, играющихъ выдающуюся роль въ происхожденіи душевныхъ и нервныхъ заболѣваній. Здѣсь наличность защитныхъ ферментовъ по отношенію къ тѣмъ или инымъ органамъ можетъ указать намъ, какіе именно органы становятся во враждебное отношеніе къ своему организму, являясь причиной его заболѣванія. Послѣдователи Абдергальдена уже нашли при извѣстныхъ душевныхъ разстройствахъ (напримѣръ, при такъ наз. „преждевременномъ слабоуміи“), въ крови душевно-больныхъ защитные ферменты противъ половыхъ железъ; и такимъ образомъ старое ученіе русскаго психіатра проф. Чижа, высказавшагося слишкомъ двадцать пять лѣтъ назадъ о дисфункціи половыхъ железъ, какъ причинѣ нѣкоторыхъ душевныхъ заболѣваній, нынѣ блестяще подтверждается методомъ Абдергальдена.

Но этимъ не ограничиваются открываемые новымъ ученіемъ горизонты; въ продуктахъ діализа уже ищутъ и будутъ искать выясненія химической природы ядовитыхъ болѣзнетворныхъ продуктовъ и провѣрять ихъ дѣйствіе экспериментальнымъ путемъ на животныхъ. Выясненіе же природы самихъ защитныхъ ферментовъ, быть можетъ, поведетъ къ попыткамъ введенія таковыхъ въ избыткѣ въ больной организмъ, чтобы такимъ путемъ бороться съ явленіями самоотравленія.

Ученіе Абдергальдена — это лишь новый этапъ въ побѣдоносномъ шествіи врачебной науки, и перефразируя слова Аміэля, хочется сказать: „Жизнь не чувствуетъ никакого родства со смертью. Поэтому, вѣроятно, всегда и возрождается въ медицинѣ, какъ въ наукѣ о жизни, инстинктивная надежда, заставляющая насъ сомнѣваться въ вѣрности нашего знанія о неизбѣжности смерти...

Отзывы о книгахъ.

547.550 [. . . . . 1(082)

Новыя идеи въ философіи. Неперіодич. изд., выход. подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборники №№ 5, 6, 7, 8. Изд. „Образованіе". Спб. 1913. Ц. по 80 к.

Задачу знакомить съ главнѣйшими теченіями новой философіи, поставленная себѣ этимъ неперіодическимъ изданіемъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ нашимъ насущнымъ философскимъ потребностямъ и само изданіе должно потому быть всячески привѣтствуемо. Изъ статей 5-го сборника 3 переводныя (Л. Нельсона о „невозможности теоріи познанія", П. Наторпа о „Кантѣ и марбургской школѣ" и Р. Эйслера о „сознаніи и бытіи"), и притомъ двѣ изъ нихъ (Нельсона и Эйслера) представляютъ второстепенный интересъ и выражаютъ собой взгляды мыслителей, не играющихъ въ современномъ философскомъ движеніи никакой самостоятельной роли. Статья Наторпа, сама по себѣ превосходная и чрезвычайно интересная, излишня, такъ какъ въ этомъ же сборникѣ помѣщена уже оригинальная статья В. Е. Сеземана о „Теоретической философіи марбургской школы". Эта послѣдняя статья ясно и четко излагаетъ основные мотивы когеновской философской системы. Жаль только, что въ ней отсутствуетъ болѣе подробная и конкретная характеристика означенной системы, отсутствіе которой остается у насъ въ Россіи пока что серьезнымъ пробѣломъ. Пятая статья сборника принадлежитъ перу Э. Л. Радлова и посвящена „Мистицизму и современной философіи". Въ ней авторъ демонстрируетъ современный философскій мистицизмъ на примѣрахъ Джемса, Бергсона и Соловьева. Если послѣдній дѣйствительно мистиченъ и типиченъ въ своей мистичности, то нельзя этого сказать о первыхъ двухъ. Джемсъ—типичный не-мистикъ: прагматистъ и эмпирическій метафизикъ; Бергсонъ же—хотя и интуитивистъ, но интуитивистъ сенсуалистически-біологистической окраски. Интуитивизмъ Бергсона гораздо ближе эмпиріокритицизму Авенаріуса, чѣмъ мистицизму Соловьева. (*Б. Яковенко. „Рус. Вѣд." 1913—71*).

Пятый и седьмой сборники посвящены вопросамъ теоріи познанія; шестой отведенъ спеціальной проблемѣ о существованіи внѣшняго міра. Какъ извѣстно, въ послѣднее время эта тема подвергается въ философскихъ кругахъ новому пересмотру,—въ связи съ новыми ученіями о сознаніи. Въ сборникахъ, посвященныхъ теоріи познанія, дана характеристика теоріи Когена и его школы (т. наз. Марбургской школы), большая статья Г. Риккерта разъясняетъ „два пути теоріи познанія"—логическій и психологическій и устанавливаетъ ихъ, такъ сказать, взаимопомощь. Наконецъ, въ статьѣ С. Франка дается характеристика теоріи познанія у представителей того теченія, которое носитъ названіе „прагматизма". (*„Совр. Сл." 1913—1897*).

6-й сборникъ посвященъ вопросу: „Существуетъ ли внѣшній міръ". Для человѣка, не посвященнаго въ тайны философіи, самый вопросъ этотъ можетъ показаться парадоксальнымъ. Однако, несмотря на это, проблема существованія внѣшняго міра занимаетъ философію издревле и едва ли можетъ считаться рѣшенной и въ наши дни. Различные взгляды на этотъ счетъ въ сборникѣ представлены: обстоятельной статьей М. Фришейзенъ Келера „Ученіе о субъективности чувственныхъ качествъ и его противники", статей І. Ремке „О достовѣрности внѣшняго міра для насъ" и блестящимъ опытомъ В. Шуппе „Солипсизмъ". Конечно, эти статьи не исчерпываютъ всѣхъ отвѣтовъ на поставленный вопросъ, но все же знакомство съ ними достаточно для уясненія себѣ характера этой проблемы и ея возможныхъ рѣшеній. 7-й сборникъ (III-й по теоріи познанія) состоитъ изъ статьи Г. Риккерта „Два пути теоріи познанія", посвященной психологизму и логизму въ теоріи познанія, чрезвычайно интересной и основательной статьи г. Райнова „Гносеологія Лотце" и статьи Франка „Прагматизмъ, какъ гносеологическое ученіе". Такимъ образомъ, въ вышедшихъ 7-ми сборникахъ изложены главнѣйшія направленія современной философской мысли. Не представленной оказалась, пожалуй, только та гносеологія, которую можно назвать соціологической и которая едва ли не является доминирующей во Франціи. (*„Рус. Молва". 1913—127*).

Появленіе подобныхъ сборниковъ, знакомящихъ съ новыми идеями, приходится очень привѣтствовать. Огромный ростъ литературы по тому или другому вопросу дѣлаетъ порою невозможнымъ знакомство съ нею даже спеціалиста въ данной наукѣ, тѣмъ болѣе цѣнны для неспеціалиста статьи и монографіи оріентирующаго характера. Настоящее изданіе ставитъ своею цѣлью дать такого рода матеріалъ. Относительно выбора статей переводныхъ должно сказать, что онъ сдѣланъ довольно удачно, не мѣшало бы только въ 6 сборникѣ, посвященномъ проблемѣ реальности внѣшняго міра и состоящимъ изъ статей, авторы которыхъ исповѣдуютъ реализмъ, дать статью ихъ противника, идеалиста. Къ недостаткамъ этого сборника должно отнести также случайность приведенной литературы: нѣтъ указанія на рядъ солидныхъ трудовъ по этому вопросу (Гартманъ, Гомперцъ, Кунтце, Мейеранъ и др.), въ то время какъ приведены мелкія статьи. Библіографія для такого рода изданій должна составляться особенно тщательно, потому что одна изъ главныхъ задачъ ихъ — притти на помощь читателю, желающему оріентироваться въ томъ или иномъ вопросѣ. Въ сборникѣ 7 особенно цѣнно появленіе на русскомъ языкѣ статьи Г. Риккерта. „Два пути теоріи познанія", представляющей прекрасное введеніе въ современную теорію познанія. Нѣсколько странно видѣть въ сборн. „Новыя идеи въ философіи" — статью, посвященную гносеологіи Лотце, философа, умершаго уже тридцать лѣтъ тому назадъ, а взгляды Лотце едва ли въ настоящій моментъ являются новыми, и степень вліянія и распространенія ихъ велико.

Что касается до статьи С. Франка, „Прагматизмъ, какъ гносеологическое ученіе“, то должно сказать, что это гносеологическое направленіе очерчено въ ней очень отчетливо, генезису прагматизма отведено, пожалуй, даже слишкомъ много мѣста, лучше было удѣлить больше мѣста логическимъ предпосылкамъ прагматизма. Кромѣ того, эта статья нуждается въ прибавленіи, гдѣ была бы указана важнѣйшая литература по прагматизму, подстрочныя примѣчаніями едва ли въ состояніи замѣнить такой указатель. Въ 8-й сборникъ „Душа и тѣло“ вошли статьи авторовъ, держащихся различныхъ точекъ зрѣнія на данный вопросъ (Г. Риккертъ, Э. Бехеръ, К. Штумпъ, Ж. Лебъ) до сторонника матеріалистическаго пониманія процессовъ включительно (Ж. Лебъ). Всѣ статьи въ данныхъ сборникахъ предполагаютъ читателя болѣе или менѣе подготовленнаго, знакомаго съ важнѣйшими проблемами философіи. Переводы въ данныхъ сборникахъ (6, 7 и 8) въ общемъ довольно хорошіе. (*А. И. Гребенкинъ. „День“. 1913—119*).

551. Малаперъ, П. проф. 137:371

Элементы характера и законы ихъ сочетаній. Пер. со 2-го франц. изд. Л. А. Бессель. Подъ ред. и съ предисл. Н. А. Рубакина. Кв—во К. П. Тихомірова. М. 1913. Стр. XXVIII+271. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ не претендуетъ ни на полную оригинальность, ни на приписываніе своимъ взглядамъ качества законченной теоріи. Выступая со своими выводами, онъ исходитъ лишь изъ того, что вопросъ далеко не исчерпанъ и что есть еще полное основаніе имъ дальше заниматься. „Передъ лицомъ такой трудной,—говоритъ онъ,—такой невѣроятно сложной проблемы, имѣющей такое огромное психологическое, моральное и соціальное значеніе, позволительно сообщить результаты размышленій и наблюденій, если бы даже имъ суждено было послужить лишь къ тому, чтобы точнѣе выяснить нѣкоторыя частности“. Здѣсь, конечно, сказалась нѣсколько преувеличенная авторская скромность, такъ какъ все-таки трудъ М. является достаточно оригинальнымъ, а его вторая часть, именно изученіе законовъ сочетанія элементовъ характера, представляетъ совершенно новую теорію. Книга М., по указанію редактора перевода, обратила на себя вниманіе во французской литературѣ и вызвала оживленную полемику. Для русскихъ читателей, интересующихся различіями и формами проявленія психической жизни, книга, несомнѣнно, должна имѣть значеніе. Особенно же заслуживаетъ она вниманія педагоговъ и воспитателей какъ потому, что въ ней затрогиваются ихъ важные профессіональные вопросы, такъ и потому, что въ третьей части книги авторъ высказываетъ очень интересныя и значительныя мысли о формировкѣ характера, что имѣетъ прямое отношеніе къ педагогическому дѣлу. Сочиненіе М. написано живымъ, легкимъ, изящнымъ языкомъ, особенности котораго довольно удачно сохранены и въ переводѣ; на ряду съ научнымъ анализомъ вопроса о характерѣ, авторъ даетъ блестящія психологическія иллюстраціи, живо поясняющія отвлеченныя схемы. (*Р. Г. „Вѣст. Восп.“ 1913—3*).

Вопросы о характерѣ играютъ важную роль въ психологіи и педагогикѣ. Ими въ послѣднее время больше всего занимались французскіе психологи, какъ Т. Рибо и А. Фуллье, къ нимъ же принадлежитъ и Малаперъ. Однако же хотя вопросы эти разработывались уже давно, но они и до сихъ поръ мало подвинулись впередъ. Въ особенности мало разработаны и не получили еще опредѣленнаго рѣшенія задачи, относящіяся къ классификаціи характеровъ, даже въ названіи тѣхъ или иныхъ типовъ изслѣдователи части далеко не согласны и, напр., Малаперъ полемизируетъ съ Пзаномъ. Въ тѣхъ наукахъ, гдѣ классификаціи представляютъ болѣе строгія формулы, напр., въ біологіи, существуютъ постоянныя опредѣленія родовъ и видовъ растеній и животныхъ. Здѣсь же въ психологіи не имѣется постоянной классификаціи характеровъ, хотя бы въ томъ лишь смыслѣ, что однѣ и тѣ же опредѣляющія черты носили бы одно и то же названіе, и различные типы, соотвѣтствующіе разнымъ видамъ, складывались бы изъ извѣстнаго количества извѣстныхъ качествъ. Самый методъ опредѣленія животнаго или растенія состоитъ въ томъ, что дѣйствительно существующая форма подводится подъ извѣстное опредѣленіе и если она подойдетъ, то ей и даютъ извѣстное названіе. Здѣсь же мы идемъ отъ конкретнаго явленія, которому даемъ обычное названіе, при чемъ далеко не всегда можно поручиться за достовѣрность признанныхъ признаковъ, и это названіе вводимъ въ классификацію. Поэтому можно, пожалуй, сказать, что Гиппократовская классификація темпераментовъ была болѣе раціональна, чѣмъ теперешняя классификація характеровъ. Но крайней мѣрѣ, то общее положеніе, что различіе состава и физическихъ свойствъ организма составляетъ основаніе для психологическаго различія характеровъ, можетъ быть признано правильнымъ. Безъ сомнѣнія, физіологія была тогда еще въ младенчествѣ и научныя знанія относительно физическихъ различій организмовъ были неизвѣстны, почему и не могли служить для постройки правильной психологической классификаціи. Но физіологія постепенно приближается къ разрѣшенію этой задачи, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближается и раціональное рѣшеніе вопроса о классификаціи характеровъ. (*В. Линдъ. „Для Нар. Уч.“ 1913—8*).

552. Вагнеръ, Влад. 15 : 57

Біологическія основанія сравнительной психологіи. Т. II. Инстинктъ и разумъ. Изд. М. О. Вольфъ. Спб. 1913. Стр. 428. Ц. 3 р.

Едва ли есть надобность говорить о томъ, что данная книга, подобно первому тому біо-психологіи и др. работамъ нашего выдающагося біопсихолога, представляетъ незаурядное явленіе въ области, психологической и біопсихологической литературы. Ясность мысли, обоснованность каждаго тезиса, обширная эрудиція автора въ изслѣдуемыхъ имъ вопросахъ, научная осторожность, провѣрка каждаго положенія фактическими наблюденіями и т. д.,—таковы характерныя черты даннаго труда, дѣлающія его „капитальнымъ“. Очертимъ кратко его содержаніе. В. очень резонно предпосылаетъ изслѣдованію инстинкта и разума краткую характеристику той сферы явленій, которая носитъ названіе „психической“. Подобнаго рода характеристика умѣстна потому, что „психическое“ въ настоящее время является однимъ изъ тѣхъ Бэкоповскихъ idola, которое

всѣми на каждомъ шагу употребляется, но точнаго опредѣленія котораго мало кто пытается дать, какъ будто бы дѣло идетъ о чемъ-то само собой разумѣющемся... Вслѣдствіе этого немудрено, что одни находятъ „психику“ и „душу“ у клѣтокъ, атомовъ и минераловъ, а другіе, напротивъ, считаютъ проблематичнымъ само существованіе „психики“ даже у высшихъ животныхъ и людей. Что же понимаетъ подъ „психическимъ“ В.? Подъ психической дѣятельностью „я разумѣю, говоритъ онъ, инстинктъ и разумъ“, въ отличіе отъ „дѣятельности допсихической рефлекторной“. Чѣмъ же отличается инстинктъ отъ рефлекса? Показавъ вполнѣ справедливо неудовлетворительность признаковъ того и другого, установленныхъ другими авторами, В. указываетъ слѣдующія критеріи различія: рефлексъ—это „реакція отправленія“, инстинктъ —„реакція поведенія“, иначе говоря, рефлексъ есть реакція органа или части организма, инстинктъ—реакція всего организма. Вспомогательными признаками къ этому основному ихъ различію являются: возможная нецѣлесообразность рефлекса и цѣлесообразность инстинкта; „рефлексы не исчезаютъ, пока цѣлы органы, ихъ производящіе, и нервная ткань, обусловливающая ихъ работу, тогда какъ инстинкты могутъ исчезнуть при этихъ условіяхъ; послѣ обезславливанія рефлексы могутъ сохраниться, тогда какъ инстинкты исчезаютъ. Дальнѣйшій вопросъ, который ставитъ и прекрасно разрѣшаетъ авторъ,—это вопросъ о природѣ и свойствахъ инстинкта. На основаніи чисто-опытныхъ данныхъ, произведенныхъ лично самимъ авторомъ надъ различными видами безпозвоночныхъ и отчасти позвоночныхъ, получается цѣлая таблица признаковъ инстинкта какъ психо-физіологическихъ, такъ и біологическихъ, рѣзко отдѣляющихъ его отъ того, что В. называетъ „разумомъ“. Всѣми этими признаками инстинктивная дѣятельность рѣзко отличается отъ разумной (сознательной) дѣятельности, а равно и отъ привычекъ, которыя также, какъ и инстинктъ, автоматичны, но отличаются отъ него тѣмъ, что инстинктамъ разумъ никогда не предшествовалъ, тогда какъ привычно-автоматическій актъ былъ сначала разумнымъ и сталъ автоматическимъ лишь потомъ, послѣ много-численнаго повторенія. На ряду съ инстинктивными дѣйствіями второй основной категоріей психическихъ явленій служатъ „сознательныя“ дѣйствія („разумъ“), а подъ послѣдними В. разумѣетъ „такія дѣйствія, которыя совершаются съ пониманіемъ и болѣе или менѣе яснымъ представленіемъ цѣли. Говоря иначе — дѣйствіе сознательное соотвѣтствуетъ слову цѣлепонимательное“. Разумныя способности индивидуальны, а инстинктивныя—безличны и шаблонны. Животное, обладающее разумными переживаніями, способно къ наученію. Что касается взаимоотношенія рефлекса, инстинкта и разума, то, по мнѣнію В., разумъ не есть видоизмѣненный инстинктъ, а способность, развивавшаяся непосредственно изъ рефлексовъ, на почвѣ которыхъ выросли и инстинкты. Руководствуясь этими критеріями, авторъ далѣе изслѣдуетъ разумныя способности животныхъ и приходитъ къ выводу, что явленія памяти и ассоціаціи по смежности свойственны позвоночнымъ, тогда какъ у безпозвоночныхъ онѣ отсутствуютъ. Въ послѣдней главѣ авторъ правильно указываетъ, что прогрессъ психики заключался и заключается не въ гармоніи инстинкта и разума, а въ постепенномъ разрушеніи инстинктовъ и подчиненіи ихъ разумной дѣятельности. Таковы основные тезисы этой прекрасной работы, дающей много и матеріала и положеній какъ психологу, такъ и соціологу. Отдавая должное автору, я не могу не указать на два довольно важныхъ пункта его теоріи, которые кажутся мнѣ далеко не рѣшенными. Первый пунктъ по существу формальный. Цѣлесообразно ли съ точки зрѣнія методологической называть однимъ терминомъ „психическаго“ и инстинктъ и разумъ, сознательную, безсознательную способности, между которыми, по мнѣнію самого же В., лежитъ глубокое различіе. Мы думаемъ, что въ силу формальныхъ и фактическихъ основаній было бы лучше терминъ психическое употреблять только для явленій и актовъ „разумныхъ“. И, можетъ быть, слѣдовало бы инстинктъ и рефлексъ объединить въ одну группу, выдѣливъ ихъ изъ собственно сознательныхъ переживаній. Другой пунктъ, кажущійся намъ спорнымъ, заключается въ вопросѣ: можно ли разумную или сознательную способность отождествлять съ цѣлепонимательной? Изслѣдованія проф. Петражицкаго, касающіяся, въ частности, мотивацій человѣческаго поведенія, показали, что цѣлевая мотивація есть не только не единственная сознательная мотивація, но даже и не главная. Рядъ актовъ вполнѣ сознательныхъ мы совершаемъ, не имѣя вовсе въ виду представленіе цѣли. Сплошь и рядомъ мы совершаемъ рядъ актовъ, исходя изъ положенія „потому что“, а не „для того, чтобы“. Да и явленія памяти и ассоціаціи, называемыя многоуважаемымъ авторомъ „элементами разумныхъ „способностей“, сами по себѣ не представляютъ ничего „цѣлевого“ или „цѣлепонимательнаго“. Въ силу этого, считая безукоризненно охарактеризованными и обоснованными тѣ діагностическіе признаки, которые позволяютъ различать „разумныя способности“ отъ „неразумныхъ“, мы не можемъ согласиться лишь съ этимъ отождествленіемъ сознанія и цѣлепониманія. Эти спорные пункты, конечно, нисколько не касаются самаго существа изслѣдованія природы инстинктовъ и разума и ихъ признаковъ. Установленныя относительно этихъ пунктовъ положенія сохраняютъ вполнѣ свою силу и тогда даже, когда отбросимъ мало связанное съ ними названіе инстинкта психическимъ явленіемъ и отождествленіе сознанія съ цѣлепониманіемъ. А это служитъ лучшей гарантіей истинности всякаго положенія и всякой теоріи. (*И. А. Сорокинъ. „Въст. Псих., кр. Ант. и Пед.“ 1913—т. X, вып. 2*).

Какъ и въ предыдущихъ своихъ работахъ, нашъ виднѣйшій зоопсихологъ здѣсь обнаруживаетъ тѣ же положительныя черты: самостоятельность, обоснованность, безсознательность инстинкта, его шаблонность, наслѣдственность и безличность въ отличіе отъ „разума“, который помимо другихъ признаковъ характеризуется цѣлеполагательностью. Особенно цѣнными частями данной книги являются тѣ главы, въ которыхъ устанавливаются діагностическіе признаки инстинкта. Можно сказать, что психологъ и соціологъ найдутъ въ работахъ В. немало для себя поучительнаго. (*„Рус. Молва“. 1913—109*).

Устанавливая между психологіей человѣка и животныхъ такую же связь, какъ между анатомическимъ строеніемъ ихъ организмовъ и ихъ физіологіей, В. даетъ подробное изложеніе ученія объ инстинктѣ и разумѣ у позвоночныхъ и безпозвоночныхъ животныхъ, ихъ генезисѣ и

взаимоотношеній. Соединяя строгую точность и научную обоснованность выводовъ съ блестящею легкостью изложенія, В. своемъ сочиненіи является выдающимся популяризаторомъ зоопсихологіи. Его книга можетъ быть прочтена до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ и большою для себя пользою интеллигентнымъ человѣкомъ, интересующимся вопросами психологіи животныхъ. (*„Оренб. Край“. 1913—90*).

553. Ежовъ, Г. 331.823(47)

Больничныя кассы и врачебная помощь рабочимъ по закону 23 іюня 1912 г. Спб Ц. 15 к.

„Какъ бы ни были недовольны рабочіе страховыми законами, обременяющими ихъ новымъ налогомъ, эти законы уже вводятся въ жизнь. Надо основательно съ ними ознакомиться, чтобы знать свои права, даваемыя ими, и обязанности, ими возлагаемыя; надо изучать ихъ, чтобы отчетливо представить себѣ, какихъ улучшеній необходимо добиваться и какъ воспользоваться тѣмъ, что даже эти дурные законы могутъ рабочимъ дать“. Съ этой цѣлью, говоритъ Е. въ предисловіи, и написана его брошюра.

Въ предѣлахъ поставленной цѣли работа Е. выполнена вполнѣ удовлетворительно. Шагъ за шагомъ изложены и разъяснены существенныя черты законы 23 іюня 1912 года. Въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ даны практическія указанія о томъ, какимъ образомъ должны вести себя рабочіе въ отношеніи той или другой статьи закона.

Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что страховые рабочіе лозунги выставлены и проведены авторомъ послѣдовательно при разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ статей закона. Трудно, понятно, искать въ брошюрѣ Е., вышедшей недавно, чего-либо оригинальнаго. Рабочіе страховые лозунги формулированы въ рабочей печати уже давно. Но нельзя не признать, что эти лозунги проходятъ красной нитью черезъ всю брошюру Е., и въ этомъ ея крупное достоинство. Слѣдуетъ лишь сожалѣть, что авторъ не обобщилъ страховыхъ лозунговъ по поводу закона 1912 года и не далъ рабочей страховой программы. Это лишь незначительно увеличило бы размѣръ брошюры, но очень значительно подняло бы ея качество. Въ заключеніе приведемъ одинъ небольшой недочетъ, который слѣдуетъ исправить. На стр. 11 авторъ говоритъ, что нормальный уставъ не предусматриваетъ возможности выборовъ уполномоченныхъ изъ избирательныхъ собраніяхъ. Между тѣмъ соотвѣтствующая ст. 65 нормальнаго устава въ отношеніи порядка выбора уполномоченныхъ оставляетъ пробѣлъ. Если по настоянію рабочихъ хозяинъ включитъ въ уставъ больничной кассы избирательныя собранія, то это никоимъ образомъ не будетъ отступленіемъ отъ нормальнаго устава. (*Читатель. „Правда“. 1913—97*).

Книжка преслѣдуетъ чисто практическія цѣли. Яснымъ, вполнѣ доступнымъ для массоваго рабочаго языкомъ авторъ излагаетъ содержаніе новаго закона... Не ограничивается критическимъ изложеніемъ его, а даетъ—и это очень цѣнно—подробныя и обстоятельныя указанія, какимъ образомъ рабочіе, стоя на почвѣ новаго страхового закона, могутъ бороться за расширеніе своихъ правъ. По своимъ возрѣніямъ Е. принадлежитъ къ числу принципіальныхъ защитниковъ интересовъ рабочаго класса и вполнѣ послѣдовательно проводитъ свою точку зрѣнія. Изданіе давной книжки является какъ нельзя болѣе своевременнымъ. (*И. Трипольской. „Утро“ 1913—1923*).

Хотя и имѣется уже нѣсколько попытокъ популяризаціи новыхъ законовъ о страхованіи, книжка Е. несомнѣнно будетъ очень полезна. Въ сжатой формѣ ясно и просто излагаются всѣ основныя положенія законовъ, дается ихъ оцѣнка и указываются тѣ способы, при помощи которыхъ рабочіе могли бы ослабить вредныя стороны законовъ, использовать ихъ положительныя стороны. Человѣкъ, умѣющій мало-мальски понимать печатное слово, безъ труда овладѣваетъ смысломъ брошюры и усвоитъ ея указанія. Даваемыя брошюрой практическіе совѣты составлены вполнѣ въ духѣ практики, выработанной уполномоченными первыхъ больничныхъ кассъ. Нельзя поэтому не пожелать брошюрѣ широкаго распространенія. (*Г. Н. „Кіев. Мысль“. 1913—115*).

554. Тотоміанцъ, В. Ѳ., пр.-доц. 334

Теорія, исторія и практика потребительской коопераціи. Изд. 3, соверш. перераб. Спб. 1913. Стр. 359, Ц. 2 р. 50 к.

Т., спеціализировавшійся на вопросахъ коопераціи, преимущественно потребительной, имѣетъ большія заслуги въ дѣлѣ пропаганды коопераціи въ Россіи. Какъ капля долбитъ камень, такъ онъ десятки лѣтъ долбилъ русскую публику, разсказывая ей факты заграничной коопераціи.

Изъ принадлежащихъ его перу книгъ, настоящая является самой значительной по содержанію и лучшей по формѣ. Основной недостатокъ Т., сводящійся къ тому, что его мысль подавляется обиліемъ сырого фактическаго матеріала, размѣщаемаго или безъ всякой системы, или по какимъ-либо внѣшнимъ признакамъ, въ этой книгѣ даетъ себя чувствовать не такъ сильно, какъ, напр., въ „Коопераціи въ русской деревнѣ“. Въ настоящей книгѣ удѣлено много мѣста и теоріи, причемъ Т. проводитъ идеи Шарли Жида и Штадингера. Книга является дѣйствительно до корня переработаннымъ изданіемъ прежней работы Т., носившей названіе „Потребительныя общества на Западѣ“. Авторъ не только вновь отсутствовавшую ранѣе теоретическую часть, но и значительно пополнилъ, введя данныя о Россіи и Америкѣ, и освѣжилъ фактическій матеріалъ. Въ своей исторіи потребительной коопераціи Т. охватываетъ теперь всѣ цивилизованныя страны, не исключая даже Испаніи и балканскихъ государствъ. Особый интересъ и цѣнность представляютъ страницы, посвященныя вопросу о „нейтральности“ или партійности потребительной коопераціи. Въ очеркѣ, посвященномъ русской потребительной коопераціи, не можемъ не указать пробѣла: ничего не говорится объ оригинальномъ потребительскомъ движеніи въ Сибири, выросшемъ вокругъ маслодѣльныхъ артелей. Въ общемъ книга очень полезная какъ для практиковъ, такъ и для теоретиковъ кооперативнаго движенія. (*А. С. П—въ. „Рѣчь“. 1913—115*).

Содержаніе разсматриваемой книги чрезвычайно широко: оно обнимаетъ собой какъ детальную исторію развитія кооперацій,—и не только западныхъ странъ континента, какъ въ предыдущихъ изданіяхъ, но и Россіи, Англіи и

Америки,—такъ и обстоятельную теорію кооперативнаго движенія. Отдѣлъ, касающійся постановки кооперацій въ Россіи, не является въ данной работѣ исчерпывающимъ: это, вѣроятно, находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что авторомъ въ прошломъ году былъ выпущенъ самостоятельный трудъ, посвященный коопераціи въ русской деревнѣ.

Прекрасно выясняются въ трудѣ Т. и основные принципы кооперацій и тѣ разнообразныя теоретическія представленія объ этомъ движеніи, которыя были выдвинуты какъ различными теоретиками экономической науки, такъ и практиками кооперацій. Единой, всѣми безусловно принятой теоріи кооперацій въ настоящее время нѣтъ, да и не можетъ быть, такъ какъ кооперація не выкристаллизировалась въ окончательно установившійся экономическій институтъ, но находится еще въ періодѣ неустаннаго роста и постоянной переоцѣнки, выдвигаемой самой жизнью. И тѣмъ цѣннѣе работа автора, что въ ней эти подчасъ противорѣчивыя теоретическія воззрѣнія находятъ себѣ вполнѣ объективную оцѣнку. Принципіальная позиція Т. опредѣляется его безусловнымъ сочувствіемъ плодотворной теоріи политическаго и классоваго нейтралитета кооперацій. Главами, представляющими также на нашъ взглядъ особый интересъ, являются тѣ, въ которыхъ трактуется о международномъ кооперативномъ альянсѣ и о лигахъ покупателей: это все вопросы, почти не затронутые въ русской кооперативной литературѣ. Книга Т. изобилуетъ богатымъ фактическимъ матеріаломъ, добытымъ въ теченіе многихъ лѣтъ, спеціально посвященныхъ изученію вопроса. Цифровыя данныя доведены до самаго послѣдняго времени. Научная цѣнность труда Т. обусловливаетъ собой тотъ интересъ, съ которымъ несомнѣнно будетъ встрѣчено это изслѣдованіе какъ въ широкихъ кругахъ кооператоровъ-практиковъ, которымъ оно откроетъ новыя перспективы въ ихъ работѣ на богатой нивѣ кооперацій, такъ и среди лицъ, теоретически изучающихъ этотъ новый экономическій феноменъ, которому,—по крайней мѣрѣ, такъ думаетъ авторъ,—быть можетъ, суждено будетъ „преобразовать міръ". (*П. Клименко.* „*У. Рос.*" *1913—97*).

555. Прокоповичъ, С. Н. 334(47)

Кооперативное движеніе въ Россіи—его теорія и практика. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1913. Стр. 456. Ц. 2 р. 60 к.

Своей книгой П. заполнилъ чрезвычайно существенный пробѣлъ, который въ послѣднее время особенно сильно давалъ себя чувствовать. При сравнительномъ обиліи книгъ по коопераціи недоставало книги, въ которой были бы сведены во едино и научно обработаны всѣ данныя—историческія, статистическія, экономическія,—о кооперативномъ движеніи въ Россіи. Съ своей задачей П. справился весьма умѣло. Въ рядѣ главъ онъ систематически изслѣдуетъ исторію и современное состояніе трудовыхъ артелей, промысловыхъ товариществъ въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ, кредитной кооперацій и потребит. обществъ. Первая глава посвящена изученію „экономическихъ основъ кооперацій", послѣдняя—характеристикѣ „административно-правовыхъ условій кооперативнаго движенія". Авторъ, можно сказать, цѣликомъ исчерпалъ весь имѣющійся печатный, монографическій и сводный, матеріалъ по различнымъ видамъ кооперацій, распредѣливъ и изложивъ его въ сжатомъ, стройномъ, систематическомъ видѣ. Книга является полезнымъ и единственнымъ руководствомъ въ области кооперацій. Она въ этомъ отношеніи ничуть не уступаетъ такимъ книгамъ, какъ проф. Выгодзинскаго: „Das genossenschaftswesen in Deutschland". Какъ и эта послѣдняя, книга П. никакими практическими, прикладными цѣлями не задается: задача ея чисто научная, объективная. Тѣмъ, конечно, цѣннѣе ея значеніе, какъ вводнаго руководства при изученіи кооперативнаго движенія въ Россіи. (*„Союзъ Потреб." 1913—11-12*).

Десять лѣтъ тому назадъ П. выпустилъ книгу, посвященную кооперативному движенію въ Россіи. Съ того времени наша кооперація достигла такого развитія и вширь и вглубь, что, приступивъ къ переработкѣ своей книжки, авторъ долженъ былъ, въ сущности говоря, написать совершенно новую. Передъ нами теперь систематическій трактатъ о существующихъ формахъ русской кооперацій, ихъ характерныхъ чертахъ, общественно-экономическихъ, политическихъ и бытовыхъ условіяхъ ихъ развитія. Жизненную сущность различныхъ кооперативныхъ организацій и ихъ сравнительную роль въ общественно-экономической жизни народа авторъ изучаетъ по такимъ даннымъ, какъ итоговыя цифры отчетовъ о числѣ членовъ, о движеніи капиталовъ, вкладовъ и займовъ, о ростѣ доходности и т. п. (*„Совр. Сл.". 1913—1897*).

Ростъ и эволюція русской кооперацій нашли себѣ полное отраженіе въ книгѣ П., чрезвычайно обильной матеріаломъ. Это обиліе даже вредно отражается на литературной сторонѣ книги, дѣлая утомительной ея чтеніе. По своимъ взглядамъ на кооперацію П. стоитъ по срединѣ между тѣми, кто видитъ въ нихъ явленія соціалистическаго порядка, и тѣми, кто настаиваетъ на буржуазно-капиталистическомъ характерѣ кооперацій. По его мнѣнію значеніе кооперативныхъ формъ въ области не экономическихъ, а соціальныхъ отношеній. Кооперація не можетъ служить средствомъ борьбы съ надвигающимся капитализмомъ, но она борется противъ эксплоатаціи трудящихся представителями денежнаго, товарнаго и производительнаго капитала. Безсильная въ области экономическихъ отношеній, кооперація, по мнѣнію П., „при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть всемогущей въ области отношеній соціальныхъ". Нельзя сказать, чтобы возможность столь рѣзкаго обособленія соціальныхъ отношеній отъ экономическихъ была доказана авторомъ. Конструкція капитализма безъ эксплоатаціи трудящихся капиталомъ внутренно противорѣчива. Книга П. представляетъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе нашей кооперативной литературы. (*А. С. П—въ.* „*Рѣчь*". *1913—108*).

Первая глава книги посвящена сложному и спорному вопросу объ экономическихъ основахъ кооперацій. Давая свою „естественную классификацію кооперативныхъ товариществъ, основанную на ихъ экономическомъ родствѣ", въ соотвѣтствіи съ формами промышленности по К. Бюхеру, П. втискиваетъ въ прокрустово ложе формъ промышленности кооперацій и потому получается отсутствіе многихъ формъ сельско-хозяйственной кооперацій и даже нѣтъ строительныхъ товариществъ. Въ концѣ первой теоре-

тической главы авторъ безъ всякихъ доказательствъ утверждаетъ, что къ западно-европейскому соціалистическому идеалу ближе всего подходятъ потребительныя товарищества рабочихъ. Во-первыхъ, на Западѣ огромное большинство значительныхъ потребительныхъ обществъ не являются уже рабочими, а всесословными, а, во-вторыхъ, этотъ не классовый характеръ потребительской коопераціи идетъ наперекоръ тому, что большинство соціалистовъ считаетъ идеаломъ. Чисто рабочія потребительныя общества, особенно тѣ, которыя замыкаются партійно, слабѣе всесословныхъ и безпартійныхъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи самъ авторъ довольно объективно описываетъ малосиліе чисто рабочихъ потребительныхъ обществъ въ Россіи. Русская фабрично-заводская среда съ ея безсемейностью и нуждой мало благопріятна для потребительныхъ обществъ. Въ главѣ о потребительныхъ обществахъ авторъ дѣлаетъ ненѣрное въ настоящее время утвержденіе, что концентрація многихъ паевъ въ рукахъ отдѣльныхъ членовъ непріемлема... Въ заключеніи своей книги П. категорически заявляетъ, что кооперативы „рабочихъ“ по своимъ цѣлямъ и идеологіи ближе къ профессіональному и политическому движенію рабочихъ, чѣмъ къ товариществамъ крестьянъ и кустарей и что „поэтому ни о какомъ политическомъ воздержаніи или нейтральности кооперативовъ въ соціальной и политической борьбѣ не можетъ быть и рѣчи“. Столь рискованное утвержденіе автора находится въ противорѣчіи съ теоріей и практикой мірового кооперативнаго движенія. Къ счастью, почти нѣтъ видныхъ кооператоровъ, которые думаютъ такъ, какъ П. Иначе кооперація давно была бы вовлечена въ водоворотъ политическихъ страстей и, можетъ быть, даже уже погибла бы. *(Пр.-доц. В. Тотоміанцъ. „Ж. Рос.“ 1913—86).*

556. [. 335.9

Кривичане. Четверть вѣка „Криницы“. Съ предисл. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Изд. коопер. журн. „Наше Дѣло“. Кіевъ. 1913. Стр. 493. Съ иллюстр. Ц. 2 р.

Идея нынѣшней „Криницы“, расположенной по кавказскому побережью Чернаго моря и существующей на общихъ основаніяхъ разрѣшеннаго правительствомъ кооператива (земледѣльческой артели), зародилась въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Соб., въ литературно-артистическомъ кружкѣ Сѣрова и носила въ себѣ элементы чисто коммунистическаго идеала. Но практическіе шаги въ этомъ направленіи пришлось осуществить позднѣе. По основамъ міросозерцанія своихъ руководителей Криницы организовалось, какъ религіозно-коммунистическая община, далекая отъ стремленій французскихъ коммунистовъ первой четверти прошлаго столѣтія—вводить коммунистическіе идеалы въ жизнь путемъ принудительнаго воздѣйствія государственной власти, а скорѣе подходившая къ идеаламъ коммуниста Кабе, возлагавшаго всѣ надежды на успѣхъ коммунизма черезъ нравственно возрожденіе людей, имѣющихъ превратиться изъ эгоистовъ въ альтруистовъ путемъ примѣненія въ практической жизни братскихъ отношеній. Изданная книга представляетъ собою коллективный трудъ интеллигентныхъ криничанъ-артельщиковъ и безхитростно разсказываетъ о радостяхъ, колебаніяхъ, трудѣ и огорченіяхъ интеллигентныхъ піонеровъ, творившихъ коммунальную жизнь въ теченіе срока, которому могутъ позавидовать и американскія однотипныя коммуны. Русская дѣйствительность, слабая коллективизмомъ вообще, насчитываетъ на примѣрѣ Криницы первый случай устойчивой попытки практическаго разрѣшенія этическихъ и, главнымъ образомъ, соціологическихъ проблемъ жизни. *(А. И. „Завѣты“. 1913—4).*

Книга, которая могла бы быть очень интересной, которая не лишена интереса и въ настоящемъ видѣ. Она говоритъ о 25-ти годахъ жизни интеллигентныхъ колонистовъ, пожелавшихъ осуществить на практикѣ идеи справедливаго общежитія на началахъ общаго труда и отсутствія личной собственности. За 25 лѣтъ своего существованія „Криница“ пережила много внутреннихъ разногласій и внѣшнихъ невзгодъ какъ въ видѣ матеріальныхъ затрудненій, такъ и административныхъ притѣсненій. Если бы авторы книги о „Криницѣ“ разсказали подробно и просто о всей ея жизни, мы имѣли бы передъ собой драгоцѣнный матеріалъ, изъ котораго выросла бы интересная повѣсть объ интересномъ соціальномъ опытѣ. Но повѣствованіе авторовъ отрывочно, мѣстами туманно; они нерѣдко оперируютъ намеками, въ которыхъ разобраться могутъ только люди, близко знакомые съ жизнью колоніи. Неясна даже цѣль поселенія. Неясна организація труда (извѣстно только, что противъ своего желанія члены общины принуждены были прибѣгать и къ наемному труду); неясны причины разногласій „стариковъ“, т.-е. первыхъ колонистовъ, съ позднѣе пришедшею молодежью. Полнаго представленія о жизни общины изъ книги получить нельзя; это — какъ бы неумѣлое обобщеніе слишкомъ обширныхъ матеріаловъ, съ которымъ авторы или авторъ справиться не могли. Но и въ такомъ видѣ нѣкоторые подробности интересны. Интересно прежде всего то, что смутно сознанная идея, соединенная съ яснымъ желаніемъ устроить жизнь какъ-нибудь справедливѣе и достойнѣе, чѣмъ это достигается въ современномъ обществѣ, въ теченіе 25-ти лѣтъ удерживала около общины „стариковъ“ и привлекала молодежь. Интересно, что въ первые же годы существованія общинники пришли къ заключенію о необходимости „проведенія въ жизнь религіознаго принципа“; позднѣе необходимость „религіознаго принципа“ представилась еще настойчивѣе, и были устроены „свободныя молитвенныя собранія, на которыхъ дебатировались вопросы о бракѣ и отношеніи къ нему, о крещеніи и другихъ таинствахъ, и вырабатывались мѣры для устройства подобныхъ же собраній у дѣтей, которыхъ считали нужнымъ пріучать при посредствѣ молитвеннаго настроенія останавливать мысль на таинствахъ природы“. Интересна дальнѣйшая судьба „молитвенныхъ собраній“ да и многія подробности книги, составленной въ общемъ расплывчато и неумѣло, очень интересны. *(И. Игнатовъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—105).*

557. Тарле, Е. В. 338(44)„181“

Континентальная блокада. Т. I. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. Изд. „Задруга“. М. 1913. Стр. VIII+739. Ц. 4 р.

Даже при очень быстромъ просмотрѣ книги видно, какъ много совершенно свѣжаго матеріала пущено въ оборотъ: архивы оказались щедры и богато вознаградили изслѣдователя за то вниманіе, которое онъ имъ удѣлилъ. Широта плана, свобода и безстрашіе въ постановкѣ вопросовъ, послѣдовательная, выдержанная система,—всѣ эти крупныя достоинства книги обусловлены тѣмъ, что авторъ былъ увѣренъ въ своемъ матеріалѣ, зналъ, что архивы не оставятъ его безпомощнымъ, каковъ бы ни оказался захватъ его изслѣдованія. Рамки изслѣдованія, дѣйствительно, очень широки. Т. начинаетъ съ вещей, выясненныхъ въ достаточной степени и до него: съ характеристики воззрѣній Наполеона на вопросы торговли и промышленности и классовыхъ тенденцій представителей торговаго и промышленнаго міра. Очертивъ затѣмъ довольно сжато исторію торговой и промышленной политики имперіи до блокады, онъ даетъ обширный, уже по новому матеріалу написанный, этюдъ о состояніи промышленности во Франціи непосредственно передъ провозглашеніемъ блокады и въ моментъ ея провозглашенія. Первую часть онъ заканчиваетъ внѣшней исторіей блокады. Вторая и третья части составлены цѣликомъ по новому матеріалу. Вторая говоритъ объ экономическихъ отношеніяхъ между Франціей и другими странами въ эпоху блокады. Очеркъ этотъ вышелъ очень обстоятельнымъ. Очень интересна обширная глава объ отношеніяхъ между Франціей и Россіей, которая даетъ тоже кое-что новое изъ французскаго архива. Третья часть цѣликомъ посвящена характеристикѣ состоянія французской промышленности въ эпоху блокады. Текстильная промышленность, какъ болѣе важная, орбисована полнѣе, чѣмъ другія отрасли. Яркой картиной бѣдственныхъ результатовъ блокады заканчивается пока изслѣдованіе. За нимъ послѣдуетъ другое, гдѣ будетъ разсматриваться положеніе рабочихъ и рабочій вопросъ. Авторъ приложилъ къ книгѣ нѣсколько печатныхъ листовъ неизданныхъ документовъ. Критика, вѣроятно, укажетъ погомъ, что на ряду съ большими достоинствами есть въ ней кое-что несовершеннаго; быть можетъ, упрекнетъ автора, что онъ выпустилъ книгу недостаточно отдѣланной; быть можетъ, откроетъ слѣды нѣкоторой торопливости; быть можетъ даже, найдетъ, что авторъ кое-когда забываетъ свои же собственныя, совершенно правильныя, продостереженія насчетъ официальныхъ статистическихъ свѣдѣній имперіи, и нѣкоторые выводы строитъ на не очень надежныхъ данныхъ Все это возможно. Но это ни въ какой мѣрѣ не можетъ поколебать цѣнности книги. Выражаясь торжественно, она представляетъ несомнѣнный и большой „вкладъ“ въ науку. (*А. Дживелеговъ.* „*Рѣчь*“. *1913—108*).

Исторія знаменитой континентальной блокады до сихъ поръ остается разработанной очень мало, несмотря на свое громадное значеніе въ исторіи эпохи. Въ континентальной блокадѣ нужно различать политическую и экономическую стороны. Первая изъ нихъ всегда привлекала къ себѣ вниманіе историковъ, хотя и не въ достаточной мѣрѣ, тогда какъ сторона экономическая, оставалась въ тѣни, и въ этомъ, собственно, заключался главный пробѣлъ въ исторіографіи наполеоновской эпохи, вообще, впрочемъ, мало изслѣдованной въ экономическомъ отношеніи. Т. своимъ трудомъ, въ значительной мѣрѣ, восполняетъ этотъ пробѣлъ, за что историческая наука не можетъ не быть ему благодарна. Въ результатѣ работы Т. получился большой томъ съ очень богатымъ фактическимъ содержаніемъ и весьма интересными выводами. Трудъ Т. долженъ обратить на себя вниманіе не только у насъ, но и за границей. (*К. „Вѣст. Евр.“ 1913—5*).

Трудъ Т. представляетъ крупный вкладъ въ русскую научную сокровищницу. Уже введеніе даетъ высокое представленіе читателю о глубинѣ научнаго анализа автора и его огромной эрудиціи. Книга, несомнѣно, должна быть отмѣчена и французской критикой при скудости эпизодовъ, посвященныхъ разбираемому Т. вопросу. (*А. Васютинскій. „День“. 1913—113*).

558. Быховскій, В. В. 347.65

Духовныя завѣщанія по дѣйствующему русскому законодательству. М. 1913. Стр. 166. Ц. 4 р.

Предназначенная служить общедоступнымъ практическимъ пособіемъ для лицъ, не имѣющихъ возможности или желанія пользоваться услугами повѣреннаго, книга Б. содержитъ популярный очеркъ дѣйствующаго русскаго законодательства о духовныхъ завѣщаніяхъ, текстъ статей закона по этому предмету, законъ 3 іюня 1912 г., о расширеніи правъ наслѣдованія по закону лицъ женскаго пола и права завѣщанія родовыхъ имѣній и образцы завѣщаній и относящихся къ нимъ прошеній. Очеркъ законодательства о завѣщаніяхъ, съ точки зрѣнія популяризаціи, преслѣдуемой авторомъ, въ общемъ составленъ недурно. Указаніе на то, что „законъ ставитъ условіемъ, чтобы всякаго рода споры противъ завѣщаній предъявлялись не позднѣе 2-хъ лѣтъ со дня публикаціи объ „утвержденіи завѣщаній къ исполненію“ — является чрезмѣрно категоричнымъ: въ силу сенатской практики, названный срокъ можетъ относиться только къ такимъ распоряженіямъ завѣщателя, которыя подлежатъ непосредственному исполненію послѣ его смерти. Приводимыя авторомъ извлеченія изъ сенатскихъ рѣшеній, недостаточныя для спеціалистовъ, въ большинствѣ случаевъ являются излишними для тѣхъ читателей, на которыхъ разсчитана книга. (*С. Г. „Вѣст. Евр.“ 1913—4*).

Книжка Б. содержитъ кратко, но обстоятельно написанный систематическій очеркъ дѣйствующаго русскаго законодательства о духовныхъ завѣщаніяхъ. Содержаніе книжки дѣлаетъ ее очень полезной для широкой публики. (*Н. „День“ 1913—106*).

Авторъ книги довольно обстоятельно знакомитъ съ законами и практикой духовныхъ завѣщаній. Въ этомъ трудѣ имѣется много указаній и соображеній по практическимъ вопросамъ, связаннымъ съ составленіемъ, утвержденіемъ и исполненіемъ духовныхъ завѣщаній. Изложеніе популярное, доступное пониманію не-юристовъ, и вообще трудъ выполненъ добросовѣстно и можетъ служить руководствомъ для юриста-практика. (*„Гол. М.“ 1913—97*).

559. [. 355

„Наука побѣждать“ генералиссимуса Суворова. (По матеріалу, еще не бывшему въ пе-

чати). Съ рис. и чертеж. Суворова. Текстъ пояснилъ и копіи рис. исполнилъ К. Новнеманъ. Изд. военн. кн-ва. В. Жуковскаго. Спб. 1913. Стр. 64. Ц. 1 р. 25 к.

Въ 1793 году, когда С. проживалъ въ Херсонѣ, онъ приступилъ къ составленію знаменитаго военнаго катехизиса, извѣстнаго подъ именемъ „Науки побѣждать", или „Дѣятельнаго военнаго искусства". Матеріаломъ для сочиненія С. послужили прежніе „уставы воинскіе", но главнымъ образомъ Суворовское же „Суздальское учрежденіе", написанное авторомъ во время командованія имъ Суздальскимъ полкомъ. Въ своемъ „катехизисѣ" С. неоднократно дѣлаетъ пополненія и измѣненія, основанныя на данныхъ боевой практики второй польской войны „Наука побѣждать" состоитъ изъ двухъ частей—„Вахтъ-парада" и „Изустнаго поученія солдатамъ", составленнаго, повидимому, для начальниковъ частей. Это „поученіе" было роздано по приказанію автора въ роты. Солдаты должны были учить его наизусть, для чего имъ ежедневно читали „поученіе". Петрушевскій въ своей монографіи о С. говоритъ, что сочиненіе послѣдняго имѣетъ въ настоящее время, „только историческій интересъ". Но, вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду первую часть „Науки побѣждать". Вторая часть ея, сборникъ живыхъ и вѣчно живыхъ идей С., цѣльная и стройная система его своеобразной тактики, съ его „наступательными тенденціями", сохранила свою цѣнность до сихъ поръ. „Наука побѣждать" послужила образцомъ, по которому составлена извѣстная драгомировская памятка солдатамъ. Драгомировымъ же вновь введены „суворовскія сквозныя атаки". Наконецъ въ новомъ японскомъ строевомъ уставѣ пѣхоты встрѣчаются выраженія, цѣликомъ заимствованныя у С. Какъ видно изъ предисловія, вновь изданная „Наука побѣждать" сохранилась въ подлинникѣ въ фамиліи Нонеманъ и напечатана лишь теперь, спустя сто тридцать лѣтъ послѣ смерти генералиссимуса. Но изъ рисунка на стр. 27, гдѣ скопированъ текстъ рукописи, несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло съ копіей, но не съ подлинникомъ, писаннымъ рукою Суворова. Затѣмъ рисунки, приложенные къ нашему изданію, доказываютъ, что нашъ полководецъ былъ между прочимъ и недурнымъ рисовальщикомъ, особенно анималистомъ. Но пишущій эти строки имѣлъ въ своихъ рукахъ тысячи суворовскихъ подлинниковъ, какъ официальнаго, такъ и частнаго, и даже интимнаго характера, и нигдѣ рѣшительно не встрѣчалъ рисунковъ Суворова. Даже если согласиться съ издателемъ, что рисунки дѣйствительно принадлежатъ автору „Науки побѣждать", нельзя не притти къ заключенію, что въ данномъ случаѣ отъ Суворова взята одна тема, т.-е. рисунки подновлены. А это очень жаль. Что касается текста, то если исключить толкованія его, принадлежавшія перу г. Нонненмана, получится брошюра не болѣе листа, съ текстомъ извѣстной „Науки побѣждать", не имѣющая рѣшительно ничего общаго. Это не что иное, какъ сборникъ афоризмовъ, если можно такъ выразиться, житейскаго характера, но въ одинаковой степени захватывающій и сферу чисто военную. Выбраны они удачно и не менѣе удачно и наглядно пояснены Суворовымъ примѣрами. Ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ „Наукой побѣждать", а съ какимъ-то другимъ сочиненіемъ генералиссимуса. Но съ какимъ? По нашему мнѣнію, это выдержки изъ „Суздальскаго учрежденія", позднѣйшей редакціи послѣ 1789 г. Характернаго, чисто суворовскаго, начиная со стихотворной формы нѣкоторыхъ афоризмовъ, въ книгѣ очень много, и она не можетъ не представлять интереса. Многія мысли поражаютъ своею ясностью и мѣткостью. Издана книга изящно, на хорошей бумагѣ, съ крупнымъ и четкимъ шрифтомъ. Но, къ сожалѣнію, на первой же страницѣ рѣжетъ ухо опечатка подъ портретомъ С.: „Графъ святой римской имперіи", вмѣсто „священной". С. Нонненманъ толкуетъ въ общемъ удачно, но иногда, (напримѣръ, на стр. 42—43) вдается въ подробности, совершенно излишнія. (*В. А—въ. „Нов. Вр." 1913—13329*).

Книга составлена г. Нонненманомъ удачно и даетъ сжатую энциклопедію военной мудрости, къ которой прилилъ Суворовъ въ итогѣ своей дѣятельности. Правила эти собранныя воедино, изложенныя образной и сильной рѣчью С., ставятъ передъ вниманіемъ военныхъ истины, основательно позабытыя ими въ минувшую войну: „Никакихъ исключительныхъ демонстрацій, дѣйствовать только наступательно, не раздроблять силъ" и т. д. С. выступаетъ въ этой книгѣ и какъ моралистъ и политикъ. Въ рисункахъ онъ изображаетъ вѣчную борьбу произвола съ закономъ, возстаетъ противъ службы „въ подобострастіи" и пр. Государственные взгляды С. удачно выражены въ его поговоркѣ: „аутократъ, что медвѣдь, деретъ добычу одиночно; бюрократы—что волки, рвутъ добычу въ стаѣ". Въ книгѣ приводится цѣлый рядъ рисунковъ Суворова, изображающихъ его взглядъ на соотношеніе различныхъ элементовъ государственной власти. (*В. П. „Рѣчь". 1913—82*).

Какъ бы ни мѣнялись военныя системы, принципы стратегіи и тактики,—завѣты С., его „наука побѣждать", никогда не устарѣютъ въ своей сущности, они вѣчны. Поэтому нельзя не порадоваться, что знаменитыя поученія и изреченія С., относящіяся къ „наукѣ побѣждать", иллюстрированныя его собственноручными рисунками и чертежами, изданы нынѣ наиболѣе полно. Книга заинтересуетъ не только военныхъ, но и всѣхъ, интересующихся тѣмъ, что связано съ памятью нашего величайшаго полководца, тѣмъ болѣе, что содержаніе книги нѣсколько шире того, что обѣщаетъ ея заглавіе: въ рисункахъ и изреченіяхъ С. говоритъ не объ одной лишь „наукѣ побѣждать", но высказывается и по поводу различныхъ служебныхъ и общечеловѣческихъ отношеній, по вопросамъ морали и даже политики. Къ книгѣ приложенъ великолѣпно исполненный портретъ С. (*Н. И. К. „Ист. Вѣст."*. *1913—2*).

Нельзя отъ души не поблагодарить почтенное кн-во Жукова за эту чрезвычайно интересную, изящно изданную книгу. Появленіе въ печати новыхъ матеріаловъ, относящихся къ „наукѣ побѣждать", а въ особенности опубликованіе собственноручныхъ чертежей С., поясняющихъ его мысли, строевые люди встрѣчаютъ съ радостью. Вѣдь, это—сокровищница, изъ которой каждый изъ насъ почерпнетъ богатый матеріалъ для бесѣдъ съ начальствующими нижними чинами. Нѣтъ сомнѣнія, что эта оригинальная книга должна получить самое широкое распространеніе и среди нашихъ юнкеровъ и старшихъ кадетъ,

какъ будущихъ воспитателей солдата. (*И. С. С—въ. „Педаг. Сб.“ 1913 1*).

* **Малаперъ, П.** 371 : 137

См. пор. № 551.

* **Вагнеръ, Вл.** 57 : 15

См. пор. № 552.

560. Тезингъ, Куртъ, д-ръ. 575.1

Размноженіе и наслѣдственность. Пер. И. И. Сазонова, подъ ред. Л. А. Тарасевича. Изд. „Природа“. М. 1913. Стр. 109. Ц. 50 к.

Среди многочисленныхъ популярныхъ книжекъ по вопросамъ наслѣдственности и размноженія, появившихся за эту зиму на русскомъ языкѣ, книжка Т. займетъ видное мѣсто благодаря цѣлому ряду очень существенныхъ достоинствъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ выдающійся популяризаторскій талантъ автора. Легкое, живое изложеніе автора незамѣтно вводитъ читателя въ сущность самыхъ сложныхъ вопросовъ ученія о наслѣдственности и размноженіи и дѣлаетъ ихъ вполнѣ доступными для совершенно неподготовленнаго читателя, на котораго книжка собственно и разсчитана. Общедоступность изложенія при этомъ нисколько не мѣшаетъ автору сохранить полную научность содержанія, стоящаго вполнѣ на уровнѣ современныхъ знаній.

Особенно цѣнна также полная объективность изложенія, которую авторъ сохраняетъ даже при изложеніи самыхъ острыхъ и больныхъ вопросовъ біологіи. При той страстности и догматизмѣ, которые царятъ въ настоящее время въ біологіи и которые проникаютъ даже въ популярную литературу, спокойное, объективное положеніе Т. очень выгодно выдѣляется на общемъ фонѣ. Благодаря всѣмъ этимъ достоинствамъ книжку можно смѣло рекомендовать каждому образованному человѣку, желающему познакомиться съ вопросами наслѣдственности и размноженія организмовъ. Переводъ книги сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно и изданна книжка очень чисто, съ большимъ количествомъ прекрасно исполненныхъ рисунковъ. (*Ю. А. Бѣлоголовый. „Рус. Вѣд.“ 1913—100*).

Труднѣйшіе вопросы біологіи, какъ-то: возникновеніе половыхъ клѣтокъ, оплодотвореніе, внѣполовое зачатіе, наслѣдственность — излагаются авторомъ въ связи съ общебіологическимъ міровоззрѣніемъ. Не оставлена безъ вниманія и надѣлавшая такъ много шума въ послѣднее время теорія наслѣдственности Менделя. Переводъ съ нѣмецкаго сдѣланъ безукоризненно. (*„Рус. Молва“. 1913—127*).

Въ книгѣ Т. разбираются и вопросы безсмертія и смерти. Главное вниманіе авторъ удѣляетъ размноженію и огромнымъ количествомъ примѣровъ иллюстрируетъ этотъ вопросъ, но ничего новаго не вноситъ въ разрѣшеніе его. Книга Т., написанная живымъ и популярнымъ языкомъ, можетъ служить только какъ введеніе къ изученію такихъ важныхъ отдѣловъ естествознанія, какъ наслѣдственность и размноженіе. (*Гр. „День“. 1913—113*).

561. Урусовъ, С. П., кн. 636.1

Атласъ разборныхъ моделей лошади. Изд. т-ва „Дѣятель“. Спб. 1913. Ц. 10 руб. въ перепл.

Въ атласѣ даны модели: нормальной лошади, внутреннихъ болѣзней лошади, внѣшнихъ болѣзней лошади, родового акта, зубовъ и копыта. Всѣ модели исполнены въ краскахъ и снабжены обширнымъ пояснительнымъ текстомъ. „Атласъ“ представляетъ собою весьма цѣнное пособіе для всѣхъ, серьезно интересующихся иппологіей. (*„Рус. Молва“. 1913—116*).

Атласъ является послѣднимъ томомъ и наглядымъ пособіемъ къ монументальному труду автора о лошади. Въ атласѣ шесть моделей. Всѣ онѣ составлены наглядно, понятно и исполнены безупречно. Съ появленіемъ въ продажѣ атласа первое сочиненіе кн. У. много выиграло въ значеніи, и можно горячо рекомендовать коневодамъ и библіотекамъ не забывать этой прекрасной трехтомной иппологической монографіи. (*„Гол. М.“ 1913—106*).

Изданіе производитъ прекрасное впечатлѣніе своей внѣшностью и содержаніемъ. Такой атласъ является, несомнѣнно, полезнымъ изданіемъ, а вмѣстѣ съ „Книгой о лошади“— нашей единственной иппологической энциклопедіей, и потому можно горячо рекомендовать пріобрѣтеніе этого изданія. (*„Тиф.г. Л.“ 1913—100*).

* **Тэнъ, Ипп.** 7 : 9(45)

См. пор. № 570.

562. Гаманъ, Рихардъ. 701

Эстетика. Пер. съ нѣм. прив.-доц. Н. В. Самсонова. Изд. „Проблемы эстетики“. М. 1913. Стр. XV + 160. Ц. 1 р. 20 к.

Къ недавно переведеннымъ работамъ Меймана и Христіансена, посвященнымъ философіи красоты, присоединяется теперь „эстетика“ Г., автора, составившаго себѣ репутацію тонкаго знатока искусства, особенно своей книгой „Импрессіонизмъ въ жизни и искусствѣ“. По собственному заявленію автора, эта его книга выясняетъ основную канву, которая должна лечь въ основу его будущей системы эстетики. Раздумывая надъ сущностью красоты, эстетическаго и всего даннаго вообще въ искусствѣ, Г. проводитъ между ними тонкое, пожалуй, даже чрезмѣрно искусственное различеніе и такимъ путемъ приходитъ къ слѣдующему основному принципу своей теоріи: „Переживаніе будетъ эстетическимъ, когда оно довлѣетъ себѣ, въ себѣ замкнуто и служитъ не средствомъ къ цѣли, но самоцѣлью. Это и есть законъ *изоляціи* переживанія, опредѣляющій понятіе эстетическаго начала“. Указывая на односторонность другихъ авторовъ, Г. дѣлаетъ этотъ принципъ жизненнымъ нервомъ своей теоріи и этимъ, несомнѣнно, самъ впадаетъ въ другую односторонность, такъ какъ изоляція переживаній, воспріятій и т. д., составляя, несомнѣнно, существенное условіе эстетическаго, далеко не исчерпываетъ сущности эстетики. Цѣнно въ книгѣ Г. стремленіе освободиться отъ психологизма и натурализма своихъ предшественниковъ. Къ сожалѣнію, эта книга, какъ и другія произведенія автора, написана не легкимъ языкомъ и требуетъ отъ читателя извѣстнаго напряженія и усилій, хотя переводъ выполненъ компетентнымъ лицомъ. (*Прив.-доц. М. Рубинштейнъ. „У. Рос.“ 1913—108.*)

Авторъ начинаетъ свою работу съ выясненія сущности эстетическаго переживанія. Сущность эта заключается,— по мнѣнію автора,— въ изоляціи переживанія отъ всѣхъ раціональныхъ и практическихъ требованій, въ самоцѣльности его. Вполнѣ естественно, что такъ трактуя основную

проблему эстетики, авторъ сочувственно останавливается на мыслях и мнѣніяхъ Канта, І. Кона и Мюнстерберга и, съ другой стороны, рѣзко критикуетъ почти всѣ современныя и наиболѣе популярныя эстетическія теоріи во главѣ съ теоріей „вчувствованія“ Липпса и всей экспериментальной эстетики. Бросивши мимоходомъ рядъ интереснѣйшихъ мыслей о соотношеніи эстетическаго и прекраснаго и объ эстетикѣ въ повседневной жизни, Г. обращается къ дальнѣйшимъ вопросамъ эстетики: о модификаціяхъ эстетическихъ переживаній, объ эстетическихъ отношеніяхъ, категоріяхъ и о сущности стиля. Вся книга написана блестящимъ и въ то же время строго научнымъ языкомъ. Автора можно упрекнуть только въ нѣкоторой схематичности, въ скупости на слова. Поэтому книгу приходится не читать, а изучать, иногда даже расшифровывать. (*П. Медвѣдевъ. „День“. 1913—94*).

Г., не отрицая эстетическаго психологизма О. Кюльне, отмѣчаетъ, что необходимо расширить понятіе эстетики и разсмотрѣть отношеніе эстетическаго переживанія ко всей культурѣ. Въ эстетикѣ невозможенъ экспериментъ, ибо эстетика не естественно-научная дисциплина, а наука о духѣ. Въ книгѣ затронуто много волнующихъ и нужныхъ вопросовъ. Объ эстетическихъ категоріяхъ и сущности стиля, объ игрѣ и эстетикѣ, объ эстетикѣ въ повседневной жизни. Написанная сжато, книга трудна для усвоенія, но мысли, развиваемыя въ ней, даютъ ей право на сугубое вниманіе читателей. Книга снабжена весьма содержательнымъ предисловіемъ прив.-доц. Н. Самсонова. (*„Рус. Молва“. 1913—120*).

563. Маркеловъ, Г. И. 701

Этюды по психологіи искусства. Спб. 1913. Стр. 138. Ц. 1 р.

Заглавіе этой небольшой книжки представляется само по себѣ явленіемъ до нѣкоторой степени знаменательнымъ: привычный терминъ „эстетика“ не случайно замѣненъ въ немъ терминомъ „психологія искусства“. Книга М. и любопытна по преимуществу, какъ одно изъ первыхъ у насъ отраженій преобладающаго въ современной германской эстетикѣ психологическаго направленія. Одно изъ важнѣйшихъ отраженій психологическаго направленія въ эстетикѣ—преобразованіе методовъ современной художественной критики. Нѣкоторые новые писатели объ искусствѣ (Фритцъ, Бургеръ, Воррингеръ), разсматривая произведенія его съ точки зрѣнія психологическихъ побужденій, изъ которыхъ они возникли, неизбѣжно должны были отказаться отъ какого-либо эстетическаго канона; отсутствіе же отвлеченныхъ и прочныхъ критеріевъ должно было привести къ отказу отъ критической *оглядки*: передъ лицомъ новой психологической критики всѣ школы и всѣ личности равноцѣнны — какъ матеріалъ научнаго изслѣдованія. Русскій психологъ искусства также пытается примѣнить подобные пріемы въ основной статьѣ книги; онъ ставитъ себѣ цѣлью изложить исторію художественныхъ теченій въ связи съ эволюціей міровоззрѣнія отъ грековъ и до Гогена включительно; задачу эту онъ осуществляетъ съ легкостью на 90 страничкахъ. Это ему удается потому, что уроки германскихъ философовъ онъ воспринялъ въ крайне упрощенномъ и схематическомъ видѣ, что придаетъ его книжкѣ характеръ популярнаго изложенія. Это оборотная сторона новаторства М. Концепціи его топорны, знанія приблизительны, языкъ неряшливъ и псевдонаученъ, новый методъ непринужденно сочетается съ традиціонными пріемами тэновской „теоріи среды“. Такъ, наприм., онъ устанавливаетъ особую категорію „буржуазности“ (замѣчаніе о жанровой живописи). Все же, несмотря на черты ученической развязности, въ этой попыткѣ самостоятельнаго эстетическаго мышленія есть цѣнность современной иниціативы. (*Л — нъ. „Рѣчь“. 1913—115*).

Книжка М. представляетъ собою рядъ вполнѣ литературно и даже бойко написанныхъ статей на темы о психологическихъ основахъ искусства, о творческомъ моментѣ въ искусствѣ и объ отношеніи между искусствомъ и міросозерцаніемъ. Впрочемъ, взгляды автора по содержанію своему ничего оригинальнаго не представляютъ. Онъ примыкаетъ въ нихъ самымъ тѣснымъ образомъ къ идеямъ современныхъ западныхъ эстетиковъ (Фолькельта, Зибека, Христіансена). Художественное воспріятіе разсматривается М., какъ „субъективная форма познанія“. Въ первой фазѣ своей эстетическое познаніе сводится къ акту чувственнаго воспріятія; во второй, чисто художественной фазѣ, объектомъ искусства взамѣнъ художественнаго произведенія, какъ такового, становится то „живое, все время растущее отраженіе его, которое оно вызываетъ въ нашей душѣ“. Такимъ образомъ, моментъ творчества — „наиболѣе существенный и наиболѣе характерный моментъ эстетическаго познанія“. Въ послѣдней главѣ, временами чрезмѣрно конспективной, авторъ оглядывается на прошлое искусства, пытаясь представить главные этапы въ развитіи искусства, какъ узловые пункты, въ которыхъ сходятся всѣ пути духовной жизни. (*„Рус. Молва“. 1913—89.*)

564. Верещагинъ, В. А. 741.5(47):92(0)

Русская карикатура Ш. А. О. Орловскій. Спб. 1913. Стр. 100. Съ 42 иллюстр. на отд. лист. и 25 въ текстѣ. Ц. 4 р. 50 к.

А. О. Орловскій занимаетъ видное мѣсто среди русскихъ художниковъ на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ. Его кипучая, полная разнообразныхъ приключеній жизнь, дала ему обширное поле для наблюденій надъ бытомъ и людьми того времени. Всевозможныя странности и чудачества были тогда въ модѣ, и талантливый карандашъ О. сохранитъ намъ множество интересныхъ изображеній, ярко характеризующихъ эпоху. Карикатуристъ и жанристъ по преимуществу, онъ съ рѣдкой наблюдательностью умѣлъ подмѣчать и изображать слабыя и смѣшныя стороны не только лицъ, но фигуръ и даже бытовыхъ сценокъ. Оригинальная личность О. и его дѣятельность очень живо, ярко и интересно описаны В. Отлично исполненныя репродукціи почти всѣхъ упоминаемыхъ въ книгѣ рисунковъ О. и приложенный списокъ гравюръ и литографій съ его произведеній еще увеличиваютъ и безъ того высокую художественную цѣнность изданія. (*Н. Александровичъ. „День“. 1913—113.*)

Рисунокъ О.— сама жизнь, запечатлѣнная на бѣгу; поразительно его умѣніе „уловить моментъ“. Все у него дышетъ, движется, волнуется, словомъ—живетъ. Каждая его картинка, каждый портретный или карикатурный наброскокъ—историческій документъ, возникшій легко, непроиз-

вольно подъ рѣзвящемся рукою не цѣнящаго себя, но влюбленнаго въ жизнь, бодраго и здороваго таланта. Въ этомъ отношеніи О.— истинный сынъ своего времени, и его эпоха и самъ художникъ вмѣстѣ другъ въ другѣ объясняютъ внимательному взору. (*Н. Л. „Русь“. 1913—121*).

Видно, что авторъ по душѣ талантъ О., что онъ не только понимаетъ этого художника, но и чувствуетъ его, а для искусства чувство является первенствующимъ факторомъ. Дѣйствительно, автору удалась характеристика О., творчество котораго авторъ уподобляетъ волшебной ракетѣ: „сверкая и горя, она гордо взвилась въ безконечное небо, блеснула яркимъ огнемъ, разсыпалась тысячью бриліантовыхъ звѣздъ и навѣки угасла“... Въ художественномъ и типографскомъ отношеніи это изданіе прямо шедевръ. Предусмотрѣна всякая мелочь, все — и обложка, талантливо исполненная Е. Нарбутомъ, и бумага, и шрифтъ, и воспроизведеніе рисунковъ, все вполнѣ соотвѣтствуетъ назначенію. Черезъ 80 лѣтъ послѣ смерти О. воздвигнутъ наконецъ-таки достойный памятникъ. (*П. С—кій. „Нов. Вр.“ 1913—13316.*)

* **Глаголь, С.** и **Грабарь.** 75 : 92 (Л)

См. пор. № 572.

565. Измайловъ, А. 891.7(09)

Пестрыя знамена. Литературные портреты безвременья. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 230. Ц. 1 р.

Книга посвящена современной литературной „пестротѣ“. Дѣйствительно, Мережковскій, Бунинъ, Чириковъ, Амфитеатровъ, Вересаевъ и пр.— трудно найти въ этой смѣнѣ портретовъ что-нибудь общее, объединяющее. И. думаетъ, повидимому, что у этой „пестроты“ все же есть общій фонъ, это — нынѣшнее „безвременье“. Но сама по себѣ эта тема мало занимаетъ критика. Онъ, во всякомъ случаѣ, самъ не страдаетъ отъ этой пестроты, а скорѣе, наоборотъ, чувствуетъ въ ней себя непринужденно; она облегчаетъ ему его задачу — разсказывать о писателяхъ, не стараясь опѣнивать ихъ ни съ какой *своей* точки зрѣнія. И. не принадлежитъ къ тѣмъ критикамъ, которые пользуются произведеніями художниковъ, чтобы сказать свое слово, выявить свое міросозерцаніе. Эта задача абсолютно недосягаема для И., и онъ на нее и не претендуетъ. Его дѣло сдѣлано, если онъ занимательно, въ хорошей литературной формѣ скажетъ о писателѣ то, что думаетъ о немъ большинство благомыслящихъ читателей. Оттого въ критическихъ статьяхъ нашего автора нѣтъ ни остроты, ни яркаго настроенія, ни даже темперамента. Эпическій тонъ, отдающій чуть-чуть газетной хроникой, гладкій стиль, общепринятыя мысли и чувства. Пріятный собесѣдникъ, но никогда не оставляющій сколько-нибудь глубокаго впечатлѣнія, не заронюющій въ душу ровно ничего. Современная литературная пестрота, поэтому, особенно должна быть люба ему: легко ему въ ней, бездумно... (*„Совр. Сл“. 1913—1897*).

Книга составлена изъ газетныхъ и журнальныхъ статей. Литературные портреты безвременья зарисованы не безъ умѣнія, но немного однообразно. (*„Рус. Молва“. 1913—130*).

Отраженіемъ современнаго интереса къ новѣйшей литературѣ является книга „Пестрыя знамена“. Названіе довольно точно опредѣляетъ характеръ творчества разсматриваемыхъ здѣсь современныхъ авторовъ, идущихъ дѣйствительно каждый со своимъ знаменемъ, безъ объединенія какимъ-либо общественнымъ или литературнымъ лозунгомъ. Какъ точнѣе въ самомъ дѣлѣ, обозначить одновременное выступленіе Мережковскаго съ его мистикой и пророчествами, Амфитеатрова и Арцыбашева со злобами сегодняшняго дня, послѣдняго изъ могикановъ старой лирики Бунина и ритора Вячеслава Иванова, дѣтски мечтательнаго Блока и трезваго реалиста Вересаева, изысканной Гиппіусъ и сказочника-фантаста Ремизова, Будищева, съ его вѣчнымъ психологическимъ надрывомъ, и Бальмонта, съ его свѣтлымъ фантазерствомъ? По настроенію своему и характеру, по смѣшенію критическаго жанра съ личными страничками, иногда рисующими писателя болѣе опредѣленно, чѣмъ это сказывается въ его сочиненіяхъ,— новая книга примыкаетъ къ „Литературному Олимпу“ и могла бы быть названа его второю частью, если бы къ новымъ писателямъ могло идти имя олимпійцевъ. Отношеніе къ нимъ автора большею частью очень сдержанное, если не отрицательное. (*„Биржк. Вѣд.“ 1913—13492*).

У И. трезвые вкусы, постоянно совпадающіе съ вкусами большинства. Онъ не любитъ парадоксальныхъ взглядовъ, не любитъ новизны. Но то, что сдѣлалось предметомъ молвы, всегда находитъ откликъ въ его критическихъ фельетонахъ. Самъ И. причисляетъ себя къ критикамъ эстетической школы. Пишетъ онъ просто, доступно, безъ выкрутасъ. Иногда даже черезчуръ упрощенно. Но онъ умѣетъ думать и улыбаться. Физіономію критикуемаго писателя онъ воспроизводитъ легко, не прибѣгая къ излишнимъ цитатамъ. Въ своихъ отзывахъ онъ привѣтливъ и добросердеченъ, быть можетъ даже чрезмѣрно добросердеченъ. Лучше другихъ сдѣлавы портреты Вересаева, Чирикова, Амфитеатрова, Арцыбашева и З. Гиппіусъ. (*Л. Б. „Кіев. Мысль“. 1913—129*).

566. Хирьяковъ, А. М. 981.7(09)

Очерки исторіи русской литературы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 221. Ц. 50 к.

Вышла въ свѣтъ нужная книга Х.—„Очерки исторіи русск. литер.“ Книга предназначена для массоваго читателя, читателя изъ народа, и примѣнительно къ его вкусамъ и интересамъ составлена просто, ясно и вразумительно. Х. такъ опредѣляетъ свою задачу: „мнѣ хотѣлось передать моимъ читателямъ всю ту любовь къ нашей литературѣ, которую я чувствую въ своемъ сердцѣ. Мнѣ хотѣлось показать имъ, какъ она прекрасна и заставить полюбить ее“. Очерки носятъ случайный характеръ, но затрагиваютъ темы, обычно игнорируемыя пособіями по литературѣ для народа. Христіанская поэзія, философія Г. С. Сковороды, поэзія И. Дмитріева — нашли себѣ мѣсто въ очеркахъ Х. (*„Рус. Молва“. 1913—141*).

Очерки Х. обнимаютъ собою исторію русской литературы съ возникновенія первыхъ, элементарнѣйшихъ ея проявленій, вплоть до момента столь яркаго ея расцвѣта, какой связанъ съ именами Пушкина и Грибоѣдова. Разумѣется, изложеніе по необходимости очень краткое и сжа-

тое, и вниманіе удѣлено больше крупнымъ представителямъ общественныхъ теченій,—такимъ, какъ Новиковъ, Радищевъ и др. („*Совр. Сл.*“ *1913—1910*).

Написанная очень популярно и живо, книга можетъ служить пособіемъ для читателей изъ народа или для лицъ, впервые знакомящихся съ исторіей русской литературы до Пушкина. Недостаткомъ являются частыя упоминанія писателей и явленій западно-европейской литературы безъ необходимыхъ объясненій. („*День*“. *1913—119*).

Поставленная авторомъ задача выполнена очень удачно: исторія русской литературы, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая Пушкинымъ, изложена понятно, просто и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательно. (*М. „Сиб. Жизнь“. 1913—94*).

„Очерки“ имѣютъ крупный недостатокъ — отсутствіе систематичности, что не позволяетъ назвать ихъ желательнымъ гимназическимъ пособіемъ. Однако, это вовсе не умаляетъ ихъ прочихъ достоинствъ — хорошаго языка, простого, увлекательнаго способа изложенія, благодаря чему очерки Х. доступны наибольшему числу читателей. Въ этой книгѣ авторъ не устанавливаетъ какихъ-либо новыхъ взглядовъ на тѣ или иные вопросы въ исторіи русской литературы, а лишь понятно повѣствуетъ о томъ, какимъ драгоцѣннымъ сокровищемъ является она. Массѣ простыхъ, незнакомыхъ или мало знакомыхъ съ лучшими произведеніями нашей литературы читателей Х. поможетъ почувствовать живую радость отъ сознанія духовнаго богатства своей родины. („*Гол. М.*“ *1913—105*).

567. [. . . . . 891.7(09):92(Т)

„Война и миръ“. Памяти Л. Толстого. Сборникъ подъ ред. В. П. Обнинскаго и Т. И. Полнера. Изд. „Задруга“. М. 1912. Стр. 310. 3 р. 50 к.

Цѣлью сборника, какъ видно изъ короткаго предисловія, было „дать комментарій къ великому творенію Толстого“. Но, развиваясь и исполняясь, цѣль расширилась, и сборникъ производитъ сейчасъ впечатлѣніе не только комментарія къ „Войнѣ и миру“, но отрицательнаго комментарія къ войнѣ.

Сборникъ открывается обширной статьей Т. И. Полнера, посвященной анализу „Войны и мира“. Очертивъ бѣглыми штрихами физіономію великаго писателя, не скрывая истины даже тамъ, гдѣ поверхностный взглядъ могъ бы увидать умаленіе личности Толстого, авторъ извлекаетъ изъ „Войны и мира“ все, что можетъ опредѣлить какъ взгляды Толстого на отдѣльныхъ людей, на семейныя отношенія, на общество, на войну, такъ и дѣйствительное содержаніе этого романа, какъ картины жизни барства и войны. Сопоставляя „Войну и миръ“ съ позднѣйшими взглядами Толстого, П. показываетъ, какъ измѣнилось воззрѣніе великаго писателя на войну, которую въ знаменитомъ своемъ романѣ онъ еще считалъ „страшной необходимостью“. „Исторія работы Толстого надъ романомъ „Война и миръ“, принадлежащія К. В. Покровскому, интересны такимъ собраніемъ свѣдѣній, которое, если не ошибаемся, еще не было сдѣлано. Статья В. Н. Перцова: „Философія исторіи Л. Н. Толстого“ останавливается главнымъ образомъ на „Войнѣ и мирѣ“, гдѣ ясно, по мнѣнію автора статьи, стремленіе „свести философію съ неба отвлеченныхъ разсужденій на землю моральнопрактическихъ задачъ“, гдѣ основой всѣхъ историко-философскихъ воззрѣній Толстого является нравственное мѣрило. Другія статьи сборника имѣютъ прямое отношеніе къ вопросамъ, личностямъ или эпохѣ „Войны и мира“, но, не занимаясь спеціально знаменитымъ романомъ, онѣ даютъ болѣе широкій комментарій къ нему, аргументируютъ понятіями, которыя раздвигаютъ рамки вопроса шире и отъ вопроса о „Войнѣ и мирѣ“, объ Отечественной войнѣ 1812 г., переносятъ читателя къ вопросамъ о войнѣ вообще, объ ея значеніи, объ отношеніи къ ней. Несмотря на неизбѣжную въ коллективномъ трудѣ повторяемость и на упоминаемыя въ предисловіи мелкія противорѣчія, весь сборникъ производитъ впечатлѣніе цѣльной, интересной и краснорѣчивой аргументаціи противъ войны (*И. Игнатовъ*. „*Рус. Вѣд.*“ *1913—91*).

Сборникъ посвященъ вопросамъ войны и мира въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Повсюду проводится идея всеобщаго и вѣчнаго мира; не того мира, о которомъ говорятъ такъ называемые пацифисты, а подлиннаго, исходящаго отъ выполненія воли народовъ, чуждыхъ войнѣ, ненавидящихъ ее. Характеристики обоихъ императоровъ, сдѣланныя Дживелеговымъ, ищетъ разрисуютъ намъ зависимость народовъ отъ воли отдѣльныхъ лицъ, и досель лежащую въ основѣ европейской исторіи. Наконецъ, въ статьяхъ Обнинскаго и Козловскаго проводятся неудержимый ростъ бремени милитаризма и необходимость освобожденія отъ него. Несмотря на обычные дефекты всякаго коллективнаго литературнаго труда, сборникъ производитъ цѣлостное и внушительное впечатлѣніе. Многіе заставки и рисунки появляются въ печатъ впервые, а обложка выдѣляется красотой. Все вообще изданіе сдѣлано съ любовью къ выдержанной внѣшности и внутреннему единству. („*Рус. Молва*“. *1913—141*).

Сборникъ только сейчасъ преодолѣлъ препоны „независящихъ обстоятельствъ“. Камнемъ преткновенія явилось то, что участники сборника нѣсколько разошлись съ официальнымъ освѣщеніемъ Отечественной войны и ея результатовъ. По изученію толстовской эпопеи книга дастъ неоцѣненные матеріалы. Въ высшей степени интересны показанія К. Покровскаго о томъ, какъ Толстой точилъ свое слово, и какъ онъ почерпалъ матеріалъ у историковъ и мемуаристовъ. (*А. Измайловъ*. „*Рус. Сл.*“. *1913—102*).

Величайшій русскій романъ ждетъ еще детальнаго изученія и освѣщенія и, какъ попытка сдѣлать это съ разныхъ сторонъ, сборникъ весьма интересенъ. Составители допустили, на нашъ взглядъ, только одну ошибку. Они ввели нѣсколько статей о войнѣ 1812 г., случайныхъ по темамъ, имѣющихъ къ роману слишкомъ отдаленное отношеніе и написанныхъ совершенно не какъ „комментарій“ къ нему. Это статьи „Война 1812 г. и народное хозяйство“ и „Война 1812 г. въ живописи“. Въ статьѣ А. К. Дживелегова „Александръ и Наполеонъ“ — тоже нѣтъ того, что представляло бы главный интересъ въ подобномъ сборникѣ—оцѣнки исторической важности того изображенія русскаго и французскаго императоровъ, которое далъ въ своемъ романѣ Толстой, и это несомнѣнный пробѣлъ сборника. Только однимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ

Дживолговъ касается этого вопроса. Можно было бы обойтись и безъ первой части статьи Полнора, гдѣ дана въ общихъ чертахъ біографія и характеристика Толстого. Сдѣлано это живо, но ничего новаго не даетъ и представляетъ повтореніе общеизвѣстныхъ фактовъ и сужденій. Это главный дефектъ, который можно отмѣтить въ сборникѣ. Онъ, впрочемъ, съ избыткомъ искупается содержательностью остальныхъ статей. Изъ нихъ наибольшую цѣну представляютъ двѣ статьи Покровскаго. Ридъ статей сборника разсматриваетъ съ разныхъ сторонъ самый романъ. С. П. Мельгуновъ въ статьѣ „На войнѣ 1812 года", на основаніи мемуаровъ и свидѣтельствъ современниковъ изображаетъ истинную, неприкрашенную картину войны и тѣхъ ея ужасовъ, которые не нашли себѣ отраженія въ романѣ. Авторъ дѣлаетъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній о причинахъ различія въ картинахъ историка и романиста. Со статьей г. Мельгунова соприкасается статья В. П. Обнинскаго: „Война сто лѣтъ назадъ и теперь".—о внѣшнихъ развитіяхъ войнъ началъ XIX и XX столѣтій. Наконецъ, Л. С. Козлонскій въ интересной статьѣ „Война и міръ въ ученіи Л. Н. Толстого", прослѣдилъ развитіе взглядовъ Толстого на войну съ начала его литературной дѣятельности и до послѣднихъ дней, сопоставивъ ихъ съ идеями пацифистовъ.

Сборникъ изданъ очень изящно и снабженъ иллюстраціями. (*Книжникъ. „Кіевъ. Мысль". 1913—122*).

568. Брюсовъ, Валерій. 891.7—3

Ночи и дни. Вторая книга разсказовъ и драматич. сцепъ. Кн-во „Скорпіонъ". М. 1913. Стр. 148. Ц. 1 р. 25 к.

Правильнѣе было бы назвать эти разсказы: Кровавые ужасы любви. Ибо Б. занимаетъ не любовь сама по себѣ, а бьющіе въ носъ эротическіе яды, всѣ болѣзненныя разстройства любви—крикливыя, шумныя, безобразно-отталкивающія.

Въ предисловіи къ своимъ разсказамъ Б. даетъ поясненія: „Эти повѣствованія,—говоритъ онъ,—объединены общей задачей: всмотрѣться въ особенности психологіи женской души". Въ дѣйствительности авторъ, блѣдный и истомленный, говоритъ о какихъ-то ужъ очень уродливыхъ „особенностяхъ" женской души, точнѣе: женской любви. И если разсказы этой книги связаны единствомъ сюжета, то только въ томъ смыслѣ, что всѣ выводимыя здѣсь женщины носятъ подъ платьемъ отравленные кинжалы и въ сердцѣ питаютъ какіе-то адскіе любовные замыслы. По мнѣнію Б., если вѣрить его разсказамъ, каждая женщина представляетъ изъ себя демоническую натуру, стремящуюся превратить любовь въ мрачное безуміе, въ черную мессу какихъ-то сатанинскихъ извращенностей. Женщина постоянно лжетъ, интригуетъ, извивается. Любовь ея соткана изъ жестокостей, похоти, садизма, и она свирѣпо опьяняется зрѣлищемъ побоевъ, крови и грязи. Исторіи каждой любви у Б. это—исторіи проклятій, воплей и кошмарной распущенности. Въ каждой позѣ, въ каждомъ беззаботномъ движеніи дамскаго вѣера Б. чудятся какія-то мрачныя тайны, которыя непремѣнно заканчиваются слезами и кровью. Б. не загрязняетъ воображенія, а холодно копается въ немъ же придуманныхъ уродствахъ.

Его опьяненныя вакхическимъ сластрастіемъ женщины имѣютъ слишкомъ трезвый и скучный видъ. Въ душѣ ихъ гораздо больше дурной логики, чѣмъ пороковъ и страсти. Вмѣстѣ съ Б. онѣ пользуются поэтическими ужасами, которыми онѣ окружаютъ свою любовь, для оглушенія читатели забористой и вычурной фразой. Б. любитъ слинаться мыслью съ звѣриною похотью, съ кровавыми оргіями, и слѣдуетъ въ этомъ случаѣ примѣру новѣйшихъ французскихъ пасанистовъ и эротистовъ. Весь сборникъ „Ночи и дни" написанъ во вкусѣ Пьера Луиса. Тутъ нѣтъ ни пороковъ, ни чаръ, и чтеніе „Афродиты", безъ сомнѣнія, оказало огромное вліяніе на Б. Какъ у Пьера Луиса, и у Б. любовь разноситъ не женщины, а какія-то обезглавленныя тѣла. И тѣла эти не любятъ, а истекаютъ кровью, и въ предсмертныхъ конвульсіяхъ выполняютъ тѣ эротическія роли, которыя розданы имъ авторомъ. Ихъ поцѣлуи смочены кровью, пропитаны смертью. Какъ у П. Луиса, и у Б. любовь также неотвратимо ведетъ на кладбище, и сцены любви завершаются сценами погребенія. Книга Б. насыщена кровью, убійствами и проклятіями.

Кажется, разсказы эти написаны съ воспитательной цѣлью. По крайней мѣрѣ, такъ позволяетъ думать самъ авторъ. „Эпизодъ „Ночное путешествіе",—поясняетъ онъ въ предисловіи,—служитъ какъ бы символическимъ послѣсловіемъ „къ разсказамъ". Въ этомъ послѣсловіи дьволъ говоритъ человѣку: „Ты, какъ человѣкъ, думаешь, что можетъ существовать лишь два пола. Въ этомъ мірѣ ихъ три, но я знаю другой, гдѣ ихъ — семнадцать, и есть такіе, гдѣ ихъ—нѣсколько тысячъ. Но я не поведу тебя въ эти страны, чтобы не задать твоему бѣдному земному разуму непосильной работы". (*Ѵ. Войтоловскій. „Кіевъ. Мысль". 1913—97*).

Книжка не велика по объему и не даетъ никакихъ новыхъ чертъ для характеристики Б., какъ беллетриста, тѣмъ болѣе, что вещи, вошедшія сюда, уже были напечатаны въ различныхъ журналахъ и газетахъ. Положительныя качества брюсовской прозы извѣстны: классическая строгость языка, искусное распредѣленіе повѣствовательнаго матеріала и внѣшняя занимательность фабулы—все это сказалось въ „Послѣднихъ страницахъ изъ дневника женщины"—повѣсти, занимающей большую часть книги. Прочіе разсказы гораздо слабѣе и представляютъ собою не законченныя, цѣльныя произведенія, а этюды, исполненные мимоходомъ и, быть можетъ, второпяхъ. Кромѣ прозы въ сборникѣ имѣется драматическая поэма „Странникъ", написанная хорошими бѣлыми стихами. (*„Рус. Молва". 1913—130*).

Жизненной правды въ изображеніи выведенныхъ въ „Ночахъ и дняхъ" отечественныхъ Мессалинъ и доморощенныхъ ницшеанокъ было бы напрасно искать. Но если смотрѣть на нихъ, какъ на поэтическій вымыселъ, то и тогда радости отъ нихъ мало: несмотря на попытки автора сдѣлать ихъ интересными, всѣ его простыня и изступленныя героини попросту скучны. (*Ю-нъ. „Нов. Вр.". 1913—13341*).

569. Випперъ, Р., проф. 9(3)

Древній Востокъ и Эгейская культура. М. 1913 г. Стр. 139. Ц. 1 р.

Новая книга проф. В. представляетъ собой краткое пособіе по исторіи древняго Востока,

предназначенное, какъ указываетъ авторъ, въ первую очередь для университетскихъ слушателей курса общей исторіи древности. Но въ дѣйствительности книга, конечно, будетъ имѣть гораздо болѣе широкое распространеніе. Общихъ очерковъ по исторіи древняго Востока на русскомъ языкѣ почти нѣтъ, а кругъ лицъ, интересующихся исторіей и не имѣющихъ возможности читать иностранныя книги у насъ, несомнѣнно, растетъ.

Разсматриваемая работа отличается обычными достоинствами работъ проф. В.: сжатостью и ясностью изложенія, яркостью и отчетливостью характеристикъ, наконецъ, оригинальностью и смѣлостью (подчасъ хочется сказать—дерзостью) общихъ построеній. Проф. В. не принадлежитъ къ очень распространенному типу ученыхъ, всегда движущихся по нѣкоторой средней линіи, всегда остающихся въ кругу „общепризнаваемыхъ" положеній. Его книги поэтому вызываютъ обычно горячіе споры, а со стороны умовъ, склонныхъ къ догматизму и покою, даже рѣзкое осужденіе. Немало спорнаго найдется, конечно и въ „Древнемъ Востокѣ". Укажемъ, въ видѣ примѣра, хотя бы на развиваемую проф. В. теорію возникновенія государства.

Въ семи главахъ своей книги проф. В. даетъ основанные на свѣжемъ матеріалѣ новѣйшихъ изслѣдованій очерки зарожденія первыхъ большихъ государствъ въ Египтѣ и Двуречьи, исторіи древняго и средняго царствъ, сумеро-аккадскаго и вавилонскаго государства, хетитской и критской культуры, эпохи новаго царства, ассирійской и халдейской монархіи. Особенно интересны и ярки глава 2-я (начало большихъ государствъ), 4-я (имперія Хаммураби) и 5-я (хетиты, Критъ, архаическая Грецiя). Заканчивается изложеніе кануномъ персидскаго завоеванія, т.-е. VI вѣкомъ. Къ книгѣ приложенъ указатель новѣйшей литературы по всѣмъ затронутымъ въ ней вопросамъ. Интересная для всѣхъ, кто такъ ихъ иначе занимается исторіей, работа проф. В. почти незамѣнима, какъ первоначальное пособіе. (*В. Волгинъ.* „*Рус. Вѣд.*". *1913—77*).

Съ присущимъ маститому автору мастерствомъ выяснено значеніе археологическаго метода въ изученіи исторіи древнѣйшихъ народовъ и показана та общность историческихъ путей, которыми шествовали Египетъ, народы Двурѣчья и Передней Азіи. На небольшомъ количествѣ страницъ предъ нами яркая картина аналогіи государственнаго, общественнаго и религіознаго строительства; аналогія, объясняемая единствомъ условій, въ которыхъ жили названныя страны. Среди этихъ условій значительнѣйшее мѣсто удѣлено, конечно, согласно извѣстной точкѣ зрѣнія маститаго автора, условіямъ физическимъ.

Благодаря цѣннымъ указаніямъ на тѣсную связь между культурой странъ Древняго Востока, съ одной стороны, и Крита и странъ Эгейскаго побережья — съ другой, дается ключъ къ пониманію связи между культурами классической греко-римской и доклассической, а, слѣдовательно, и ключъ къ уясненію той нити преемственности, которой связана вся исторія человѣчества отъ древнѣйшихъ до новѣйшихъ эпохъ. Здѣсь, въ Древнемъ Востокѣ, зародилась и феодальная организація, налагающая печать на всю исторію среднихъ вѣковъ, здѣсь же у древнихъ египтянъ 14-го вѣка появляется монотеизмъ и не въ качествѣ только философскаго метеора, а какъ государственное вѣрованіе, здѣсь же и зачатки современныхъ институтовъ международныхъ отношеній и понятія государственнаго суверенитета и представительства и т. д. Предъ вами колыбель человѣческой культуры. (*Е. Горскій*. „*У. Рос.*". *1912—97*).

570. Тэнъ, Ипполитъ. 9(45):7

Путешествіе по Италіи. Пер. П. П. Перцова. Т. I. Неаполь и Римъ. Кн-во „Наука". М. 1913. Стр. 298. Съ иллюстр. Ц. 2 р. 25 к.

„Путешествіе по Италіи"—лучшій трудъ Тэна, и совершенно поразительно, что онъ 60 лѣтъ оставался непереведеннымъ на русскій языкъ. Будущій авторъ книгъ „Старый порядокъ и революція", „Объ умѣ и познаніи" и „Объ искусствѣ",—онъ посѣтилъ Италію въ 60 годахъ прошлаго вѣка, именно на рубежѣ эпохъ, когда она еще не стала меркантильною и парламентскою, хотя и готовилась и усиливалась къ этому, — и когда слѣдовательно еще не сбѣжали съ нея древнія великолѣпныя краски и Возрожденія, и папства, и могучаго Рима консуловъ и императоровъ. Это былъ моментъ наилучшій для сценовыванія; и рисовальщикъ вошелъ въ Италію и объѣхалъ Италію въ наилучшій *свой* моментъ: когда умъ его не былъ еще утомленъ великими темами, которымъ онъ отдался потомъ, когда глазъ зрителя былъ молодъ и всѣ чувства воспріимчивы.

Будущій первый авторитетъ по исторіи Франціи, онъ съ этими же предрасположеніями къ историчности и съ тѣмъ же запасомъ „реальныхъ знаній" въѣхалъ въ Италію. Т. вообще — *реалистъ*; онъ передъ всякими разсужденіями отдаетъ первенство *здоровому глазу*, полному, исчерпывающему наблюденію. Поэтому читающій его книгу прежде всего наталкивается на массу фактовъ, обогащается массою свѣдѣній, и зрительнаго характера, и документальнаго (что касается исторіи) характера. Вообще *эмпирическій* умъ Т. не есть первоклассный умъ для разгадки многихъ тайнъ Италіи и „итальянщины". Но *возрастъ*, въ какой Тэнъ путешествовалъ по Италіи, все-таки направлялъ эту господствующую и нѣсколько одностороннюю черту его ума. Онъ былъ эмпирикъ, но не *жестокій* эмпирикъ. Изученія Италіи и размышленій хотя бы объ итальянской живописи невозможно кончить тамъ, гдѣ ихъ кончаетъ Т.; но *для начала* и даже *для фундамента* дальнѣйшаго изученія — нѣтъ лучшей книги, чѣмъ его.

„Путешествіе по Италіи" въ переводѣ П. имѣетъ большія преимущества передъ французскою книгою, какую имѣютъ передъ собою западно-европейскіе читатели. О всѣхъ „видахъ городовъ", о „ландшафтахъ вообще", наконецъ, о зданіяхъ, статуяхъ и картинахъ, — о которыхъ разсказывается въ текстѣ Т.,—онъ приложилъ превосходные снимки того времени. (*В. Розановъ*. „*Нов. Вр.*" *1913—13339*).

Въ области описанія путешествій „Путешествіе по Италіи" знаменитаго Т.—книга книгъ. Художественно переведшій ее П. покрылъ тяжелую недоимку, числившуюся за нашей литературой. Гете въ своемъ „Путешествіи въ Италію" отдыхалъ отъ творчества,—Т. въ своей книгѣ—въ полномъ напряженіи вдохновенія. Тамъ, гдѣ Гете только развиваетъ свою записную книжку, Т. философствуетъ, разсказываетъ, вспоминаетъ,

дѣлаетъ экскурсіи въ исторію, въ науку, сыплетъ афоризмами, разбрасываетъ темы съ щедростью милліонера. Италія здѣсь вся и цѣликомъ — съ религіей и философіей, художниками и поэтами, старыми плитами и новыми газетами, правительствомъ и чернью, кесарями и папами. Великолѣпная книга, гдѣ умъ иногда взлетаетъ на грань геніальности! (*А. Изм-айловъ. „Рус. Сл.“. 1913—108*).

Книга эта даетъ красивое, общедоступное и вмѣстѣ съ тѣмъ научное описаніе художественныхъ богатствъ Неаполя и Рима, а также описаніе природы, нравовъ, обычаевъ и учрежденій Италіи начала шестидесятыхъ годовъ.

Наибольшую цѣнность представляютъ главы: Автичный міръ и Живопись. Кто знакомъ съ другой книгой Т. „Чтевія объ искусствѣ“, тотъ найдетъ много для себя интереснаго въ этихъ главахъ. Значительную пользу можетъ принести эта книга и для туристовъ. Она поможетъ путешествующему разобраться въ сложныхъ впечатлѣніяхъ и укажетъ ему, на что слѣдуетъ обратить вниманіе. Рекомендуемъ эту изящную и содержательную книгу всѣмъ, кто интересуется Италіей, ея природой и ея художественнымъ богатствомъ. (*К. „Гол. М.“ 1913—7*).

571. Волкова, А. И. 92(В)

Воспоминанія, дневникъ и статьи. Подъ ред. Ч. Вѣтринскаго (В. Е. Чешихина). Съ прилож. біографич. очерка. Изд. А. С. Вишнякова. Н.-Новг. 1913. Стр. 299. Ц. 2 р.

Въ 1883—84 годахъ В. руководила въ Москвѣ журналомъ „Другъ женщинъ“, а позднѣе участвовала во многихъ изданіяхъ, разрабатывая, главнымъ образомъ, вопросы воспитанія. Дневникъ В., сталкивавшейся со многими культурными дѣятелями и отражавшей въ своихъ настроеніяхъ увлеченія средней интеллигенціи послѣднихъ трехъ десятилѣтій, представляетъ извѣстный психологическій и общественный интересъ. „Статьи“ В. почти всѣ компилятивнаго характера, но и онѣ затрагиваютъ вопросы, интересные для воспитателей и дѣятелей по народному образованію. Къ книгѣ приложенъ списокъ трудовъ А. П. (*„Рус. Молва“. 1913—119*).

Постепенно и незамѣтно къ началу восьмидесятыхъ годовъ въ А. П. сложился человѣкъ опредѣленнаго либеральнаго образа мыслей, съ горячими симпатіями къ дѣятельной и живой умственной жизни, съ особымъ высокимъ представленіемъ о людяхъ интеллигентнаго круга, съ трогательнымъ по своей чистотѣ и нѣкоторой наивности высокимъ представленіемъ о значеніи литературной и всякой иной просвѣтительной работы. Всѣми доступными ей средствами стремилась В. пополнить свое образованіе и служить дѣлу эмансипаціи женщинъ въ Россіи. Она всегда была за работою по собиранію надлежащихъ матеріаловъ и отдавала все свое время и средства на служеніе дѣлу. Дневники А. П. полны выписокъ изъ прочитаннаго, вырѣзокъ изъ газетъ съ неизмѣнными откликами на каждую мысль по интересующему вопросу. Въ рядѣ статей А. П. открыто высказываетъ свои положительно взгляды на воспитаніе дѣтей и юношества, выказывая себя поборницей идеалистическихъ началъ. Ея дневники займутъ нѣкоторое мѣсто въ литературѣ этого рода за послѣднія десятилѣтія XIX в. и представляютъ извѣстный психологическій интересъ. Мы не богаты культурными работниками, и жизнь, и дѣятельность А. П. во всякомъ случаѣ поучительное и не послѣднее явленіе культурной жизни русскаго общества. (*Книжный Аргусъ. „Гол. М“. 1913—99*).

„Воспоминанія“ В. почти ничтожны. Авторъ ихъ—хорошая женская душа, къ сожалѣнію, безъ исключительнаго одаренія и безъ выдающейся общественной или литературной роли. Дневникъ ея показываетъ, какъ поразительно бѣдна у насъ жизнь женщины, даже вполнѣ интеллигентной, даже въ высшей степени благородно настроенной и искренно алчущей эмансипаціи. В. положительно нечего записать, и ея „Воспоминанія“, за малымъ исключеніемъ, просто—размышленія о прочитанномъ и рѣже—объ услышанномъ. Она восторгается Надсономъ, цитируетъ Скабичевскаго, какъ арбитра вкуса. Ее удивляетъ то, съ чѣмъ освоились дѣти. Изрѣдка она заноситъ характерный анекдотъ о какомъ-нибудь, напримѣръ, промахѣ московскаго Тренова. И снова отзывы о статьяхъ, книгахъ. Скучно и вяло. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл.“. 1913—102*).

572. Глаголь, С. и Грабарь, И. 92(Л):75

Исаакъ Ильичъ Левитанъ. Жизнь и творчество. Игорь Грабарь. Русскіе художники. Собраніе иллюстр. монографій. Вып. 2. Левитанъ. Изд. І. Кнебель. М. 1913. Стр. 120. Съ иллюстр. Ц. 3 р. 50 к.

„Самый большой и самый мудрый мастеръ русскаго пейзажа“,—такъ оцѣниваетъ Л. Грабарь во вступительной статьѣ къ монографіи,—отошелъ за послѣдніе годы куда-то глубоко въ тѣнь. Его имени давно уже не слышно среди длинной вереницы тѣхъ именъ, во имя которыхъ клянутся на шумномъ форумѣ русскаго искусства. Л. вдругъ оказался въ сторонѣ отъ тѣхъ, кто активно работаетъ надъ судьбами нашей художественной исторіи. Болѣе того: его пытались лишить права даже на то „почтительное забвеніе“, которое даруется знаменитымъ, но не нужнымъ уже, отжившимъ свой вѣкъ и оставшимся „не у дѣлъ“ старцамъ, чьи имена нѣмъ извѣстны, но и вполнѣ безразличны. Л. пытались „переоцѣнить“ вообще, свести его съ того большого мѣста, которое онъ занимаетъ въ нашемъ искусствѣ. Недавняя книжка о Л. А. Ростиславова, гдѣ авторъ обращается съ художникомъ примѣнительно къ испытанной формулѣ „Ну, что, братъ, Пушкинъ?“ является характернѣйшимъ отголоскомъ уничижительныхъ сужденій о Л. Поэтому такъ отрадно появленіе разсматриваемой монографіи, гдѣ Л. удѣлено то всестороннее и любовное вниманіе, котораго онъ заслуживаетъ. Иконографическій матеріалъ, данный въ монографіи, богатъ, прекрасно подобранъ и удачно воспроизведенъ. Этимъ наполовину уже опредѣляется цѣнность монографіи. Вполнѣ пріемлема и литературная сторона работы, хотя думается, что здѣсь Глаголемъ, которымъ написана большая часть книги, допущены два недочета. Во-первыхъ, его обстоятельный очеркъ жизни и дѣятельности Л. построенъ на опубликованныхъ уже данныхъ и притомъ опубликованныхъ въ значительной мѣрѣ самимъ же Глаголемъ. А между тѣмъ, новыя разысканія въ этой области привели бы,—это совершенно не-

сомнѣнно,—къ выясненію цѣлаго ряда колоритныхъ деталей и фактовъ, которые придали бы облику Л. свѣжесть и большую сложность. Во-вторыхъ, этотъ біографическій очеркъ чрезмѣрно сухъ. Онъ не увлекаетъ, не вызываетъ въ читателѣ того „левитановскаго“ чувства, настроенія, которое является первымъ условіемъ живого, неусловнаго, неакадемически-объективнаго отклика на творчество художника. Онъ не заставляетъ войти въ „Dichtersland“ Л. Этотъ недостатокъ я считаю досаднѣе перваго. Съ нимъ примиряетъ вступительный очеркъ Грабаря: „Художественный обликъ Левитана“. Въ немъ какъ разъ читатель найдетъ то яркое и нужное слово, которое застанитъ его загорѣться „огнемъ сочувствія“ къ художнику и вспомнить, если только онъ забылъ по примѣру многихъ, что Л.—большая и дѣйственная сила, съ которой современному нашему искусству придется еще посчитаться. (*Россія. „Рус. Вѣд.“. 1913—100*).

Быть можетъ, молодые живописцы правы въ своемъ нѣсколько холодномъ отношеніи къ Л. Въ общемъ развитіи изобразительныхъ искусствъ его творчество есть пройденный этапъ, на который не слѣдуетъ черезчуръ усердно оглядываться тѣмъ, кто видитъ свою цѣль впереди. Не надо подражать Л., однако вовсе не любить его трудно. Поэтъ-художникъ, умѣвшій, какъ никто, чувствовать и передавать на полотнѣ интимную лирику русскаго пейзажа, дорогъ всѣмъ намъ. Картины его у всѣхъ передъ глазами. Но о его личной судьбѣ мы знаемъ до обиды мало, и трудъ Грабаря и Глаголь лишь отчасти заполняетъ этотъ пробѣлъ. Глаголь жалуется на то, что скудость матеріаловъ не позволила дать сколько-нибудь обстоятельный разсказъ о внутренней жизни художника. Дѣйствительно, обликъ Л., встающій на страницахъ книги, представляется довольно блѣднымъ. Но по справедливости должно отмѣтить, С. Глаголь сдѣлалъ многое, чтобы выполнить свою задачу какъ можно лучше. Всѣ доступные источники были использованы. Кромѣ писемъ самого Л., весьма, впрочемъ, немногочисленныхъ, въ книгѣ приведены выдержки изъ воспоминаній М. В. Нестерова, М. П. Чеховой (сестры Антона Павловича), художницы Кувшинниковой, совмѣстно съ которой Л. совершилъ извѣстное путешествіе на Волгу, и В. В. Переплетчикова. Имѣется также довольно подробный анализъ тѣхъ художественныхъ вліяній, подъ дѣйствіемъ которыхъ сложился талантъ Л. Техническое совершенство изданій Кнебель достаточно извѣстно. Но репродуцировать механическимъ путемъ легкіе и воздушные тона Л. совершенно немыслимо. Не говоря уже объ одноцвѣтныхъ воспроизведеніяхъ, даже репродукціи, исполненныя въ три краски, не даютъ никакого представленія о левитановской живописи. Не лучше ли было бы сохранить для украшенія книги лишь портреты самого Л., писанные Сѣровымъ и другими художниками. (*П. А. „Рус. Молва“. 1913—135*).

Прекрасная книга о Л. должна напомнить русской публикѣ, что „среди шума и крика толкучки“ нѣжный, обаятельный голосъ даровитѣйшаго пѣвца можетъ затеряться, но оттого не уменьшается его прелесть и красота. Книга, которую, надо думать, встрѣтитъ такой же успѣхъ, какимъ пользуются за послѣднее время работы П. Грабаря, будетъ содѣйствовать возвращенію „Тургеневу русскаго пейзажа“ этой утраченной имъ, конечно, только временно, „доли обаянія“. (*Кн. „Кіев. Мысль“. 1913—129*).

Глаголю не удалось объединить эти разнородные и отрывочные матеріалы и дать живой и яркій образъ Л., со всей сложностью его переживаній еврея, оторваннаго отъ родной почвы и призваннаго своими чудесными картинами воспѣть въ краскахъ красоту русскаго пейзажа; сумѣвшаго, какъ никто другой, почувствовать и научить насъ чувствовать самую интимную глубину русской природы; этимъ проникновеніемъ своимъ въ душу природы, въ „тайную прелесть ея, тайный ея смыслъ“ (Бенуа) равняющагося съ Тургеневымъ и Тютчевымъ. Не удалось также автору вполнѣ оцѣнить и выявить разладъ, вызванный въ душѣ художника его связанностью съ одной стороны, съ отжившимъ „передвижничествомъ“, а съ другой — его тяготѣніемъ къ тому „новому“ въ искусствѣ, что довольно ярко проявлялось уже въ теченіи, выразителемъ котораго былъ „Міръ Искусства“. Довольно бѣглый и неглубокій анализъ художественнаго творчества Л. не можетъ удовлетворить послѣ яркихъ и интересныхъ характеристикъ его, давныхъ Бенуа и Дягилевымъ. Все же трудъ Глаголи и Грабаря, превосходно изданный, заслуживаетъ вниманія всѣхъ интересующихся русскимъ искусствомъ. Особенную цѣнность этому изданію придаетъ множество очень хорошо исполненныхъ репродукцій съ произведеній Л.; воспроизведено все мало-мальски значительное и характеризующее различные періоды его творчества. Очень подробно и точно составленъ приложенный въ концѣ хронологическій списокъ произведеній съ поясни тельными примѣчаніями и указаніемъ мѣстонахожденія ихъ. Къ сожалѣнію, отсутствуетъ совершенно библіографія. (*Н. Александровичъ. „День“. 1913—106*).

* **Верещагинъ, В.** 92(0):741.5
См. пор. № 564.

* [. . . . . 92(T):S91.7(09)
См. пор. № 567.

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Библіотекой“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для аннотированія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ.

Общія сочиненія [0]

1365. Николаева, Н. 012(Б)

К. П. Брюлловъ—„Летучая энциклопедія“. Изд. І. А. Маевскаго. М. 1913. Стр. 48. Ц. 15 к.

Содержаніе: К. П. Брюлловъ.—Списокъ произведеній Б., находящихся въ русскихъ музеяхъ. Библіографія.

1866. [. . . . . 012(Б)

Библіографія В. Брюсова. (1889—1912). Составлена кн-вомъ „Скорпіонъ“. М. 1913. Стр. 54. Ц. 50 к.

1867. Николаева, Н. 012(В)

М. А. Врубель.—„Летучая энциклопедія“. Изд. І. А. Маевскаго. М. 1913. Стр. 46. Ц. 15 к.

Содержаніе: Врубель. Списокъ главныхъ произведеній В.

1868. Николаева, Н. 012(Г)

Н. Н. Ге.—„Летучая энциклопедія“. Изд. І. А. Маевскаго. М. 1913. Стр. 48. Съ рис. Ц. 15 к.

Содержаніе: Н. Н. Ге.—Списокъ главныхъ произведеній Ге. Библіографія.

1869. Николаева, Н. 012(И)

А. А. Ивановъ.— „Летучая энциклопедія“. Изд. І. А. Маевскаго. М. 1913. Стр. 47. Ц. 15 к.

Содержаніе: А. А. Ивановъ.—Списокъ главныхъ произведеній И. Библіографія.

1870. Березниковъ, К. И. 028

Тетрадь для записи о прочитанныхъ книгахъ. Пособіе для учащихся младшихъ классовъ. Усмань. 1913. Стр. 28 (не нум.) Ц. 8.

Изъ предисловія: „Данная тетрадь предназначается для лицъ только начинающихъ дѣлать записи“.

Философія [1]

1871. [. . . . . 1(082)

Новыя идеи въ философіи. Непериод. изд. выход. подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 8. Душа и тѣло. Изд. „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. 143. Ц. 80 к.

Содержаніе: Г. Риккертъ. Психофизическая причинность и психофизическій параллелизмъ.—Эрихъ Бехеръ. Законъ сохраненія между душой и тѣломъ.—К. Штумпфъ. Душа и тѣло.—Жакъ Лёбъ. Значеніе тропизмовъ для психологіи.

1872. Трубецкой, Евг., кн. 1(С)

Міросозерцаніе Вл. С. Соловьева. Т. II. Изд. автора. М. 1913. Стр. 415. Ц. 5 р. за оба т.

Содержаніе: Ч. IV. Періодъ окончательный: Крушеніе теократіи.—Оправданіе Добра: Взаимныя отношенія этики и теоретич. философіи. Три основы нравственности. Объективная этика. О правѣ государства и войнѣ.—Нравств. организація человѣка въ его цѣломъ.—Теоретическая философія: Философія конца. Эстетика. Заключеніе.

1873. Гегель, Г. В. 13

Феноменологія духа. Пер. подъ ред. Э. Л. Радлова. „Труды С.-Петерб. Философ. Общ. Вып. VIII“. Спб. 1913. Стр. XXX+376. Ц. 2 р.

1874. Ферворнъ, Максъ, проф. 13

Развитіе человѣческаго духа. Кн-во „Соврем. Проблемы“. М. 1913. Стр. 174. Ц. 1 р. 25 к.

1875. Безантъ, А. 149.918

Законы высшей жизни. Кн-во „Лотосъ“. Калуга. 1913. Стр. 78. Ц. 35 к.

Отъ издателей: „Имѣя цѣлью дать русскимъ читателямъ элементарныя понятія о теософическихъ ученіяхъ, мы считали необходимымъ познакомить ихъ какъ съ идеями о происхожденіи и эволюціи человѣческой души, такъ и съ возвышенной этикой древней Индіи. Для ознакомленія съ послѣдней мы выбрали лекціи президента Междунар. теософ. о-ва Б., стажавшей всемірную славу своимъ несравнимымъ ораторскимъ талантомъ“.

1876. [. . . . . 15(02)

Краткій повторительный курсъ психологіи проф. Челпанова съ прилож. общихъ вопросовъ для повторенія. Для средн. учебн. завед. Сост. „Кружкомъ преподавателей“. — Новѣйшая серія конспектовъ для средней школы. Изд. „Сотрудникъ школъ“ А. Залѣсской. М. 1913. Стр. 224. Ц. 25 к.

1877. Проданъ, И. С. 531

Познаніе и его объектъ. (Оправданіе здраваго смысла) Ч. І. Харьковъ. 1913 Стр. XXVI+ +437. Ц. 3 р.

Содержаніе: Введеніе. Элементы знанія—сужденія. Возникновеніе сужденій и ихъ оцѣнка. Понятія. Грамматич. категоріи. Прирожденныя способности познанія. Апріорность Канта и психич. наслѣдственность. Причинность. Познаніе физическихъ предметовъ. Познаніе сверхчувственнаго. Предметы метафизики.

1878. Мюллеръ, Робертъ. 176

Сексуальная біологія. Сравнит.-историч. очерки развитія половой жизни человѣка и высшихъ животныхъ. Пер. съ нѣм. Съ предисл. прив.-доц. А. Н. Бернштейна. К-во „Соврем. Проблемы“. М. 1913. Стр. 312. Ц. 2 р. 50 к.

1879. Чеботаревская, Ан. 176

Любовь въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX в. Избранныя письма. Бодлэра, Байрона и друг. Предисловіе О. Сологуба. Изд. „Моск. кн-ва“ М. 1913. Стр. 565. Ц. 2 р.

Изъ предисловія: „Письма, собранныя въ этой книгѣ и написанныя тѣми, кто любилъ, къ тѣмъ, кто были любимы, говорятъ о любви, но не объ одной только любви. Душа, просвѣтленная любовью, весь кругъ своихъ переживаній озираетъ съ особеннымъ, иногда возвышеннымъ, иногда нѣжно-интимнымъ, иногда страстнымъ, иногда еще окрашеннымъ, но всегда значительнымъ чувствомъ“.

1880. Bloch, I., д-ръ. 176.5
Исторія проституціи. Авториз. пер. съ нѣм. врача П. И. Лурье-Гиберманъ. Съ алфавитнымъ указателемъ. Т. I. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 1913. Стр. XXVIII+684. Ц. 5 р.

1881. Дембо, Л. И. 178.1
Очеркъ дѣятельности комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ за 15 лѣтъ. 1898 — 1913. — Особое прибавленіе къ „Трудамъ Постоян. комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ" подъ ред. М. П. Нижегородцева. Изд. ком. по вопр. объ алког. Спб. 1913. Стр. 170. Ц. 50 к.

Религія [2]

1882. Францискъ Ассизскій, св. 276
Цвѣточки святого Франциска Ассизскаго. Пер. А. П. Печковскаго. Вступит. статья С. Н. Дурылина. Изд. „Мусагетъ". М. 1913. Стр. XXII+ +176. Ц. 75 к.
Изъ предисловія: „Настоящее изданіе „Цвѣточковъ", являющееся единственнымъ полнымъ ихъ изданіемъ на русс. яз., имѣетъ цѣлью предложить читателю возможно болѣе близкую къ подлиннику передачу этого памятника итальянской литературы XIV в. Настоящій переводъ сдѣланъ со списка Амаретто Манелли 1396 г., воспроизведеннаго со всей возможной тщательностью въ изданіи Л. Манцони".

1883. Прохановъ, И. С. 289(47)
Записка о правовомъ положеніи евангельскихъ христіанъ, а также баптистовъ и сродныхъ имъ христіанъ въ Россіи. Изд. Всерос. союза евангельск. христіанъ. Спб. 1913. Стр. 56. Ц. не обозн.

Соціальныя науки [3]

1884. Кузнецовъ, К. Л. 32(42)„14:16"
Опыты по исторіи политич. идей въ Англіи (XV—XVIII в.). Владивостокъ. 1913. Стр. III+ +213. Ц. 1 р. 50 к.

1885. Де-Волланъ, Григорій. 32(47)
Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ русскаго государства. Ч. I. Т. I. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1913. Стр. 594. Ц. 3 р. 50 к.
Содержаніе: Вступленіе. Удѣльно-вѣчевая эпоха; составныя части русскаго общества. Русское общество къ концу монгольскаго ига. Экономич. положеніе Московскаго государства. Эпоха закрѣпощенія: Іоаннъ Грозный и Феодоръ Іоанновичъ. Московское государство наканунѣ Смутнаго времени. Экономич. положеніе и финансовая система. Смутное время. Царствованіе первыхъ Романовыхъ до Петра В. Московское государство наканунѣ преобразованій. Государственное устройство. Примѣчанія.

1886. Влахопуловъ, Б. А. 33(3)(08)
Экономическая хрестоматія. Т. I. Античный міръ. Подъ ред. Е. Д. Сташевскаго. Кіевъ. 1913. Стр. 288. Ц. 1 р. 80 к.

1887. Фреезе, Генрихъ. 331
Опытъ рабочаго представительства въ управленіи фабрикой. Пер. Л. Э. Ливенъ. М. 1913. Стр. 103. Ц. 50 к.

1888. Грановскій, Л. Б. 331.823
Страхованіе рабочихъ на случай болѣзни и городское самоуправленіе. — „Труды секціи по страхов. рабочихъ. Вып. III". Изд. Пост. ком. Музея Сод. Труду при М. О. И. Р. Т. О. М. 1913. Стр. 32. Ц. 10 к.

1889. [. 331.825
Рабочій уставъ больничной кассы. Проектъ рабочаго устава. Нормальный уставъ общей больничной кассы. Постатейныя поправки къ нормальному уставу. Подъ ред. Б. Г. Данскаго. Изд. „Прибой". 1913. Стр. 70. Ц. 20 к.

1890. [. 333.5
Матеріалы по киргизскому землепользованію. Сыръ-Дарьинская область. Казалинскій уѣздъ.— Главн. Упр. Землеустр. и Земледѣлія. Переселенч. Упр. Ташкентъ. 1913. Стр. IV+222. Съ картой. Ц. не обозн.
Содержаніе: Предисловіе. Объ естеств. условіяхъ Казалинскаго у. Общій очеркъ киргизскаго хозяйства. Нормы киргизскаго землепользованія. Приложенія: къ отдѣлу о нормѣ сѣнокосной земли, къ отдѣлу о пастбищной нормѣ.—Карта киргизскаго землепользованія. Поаульныя, пообщинныя таблицы. Групповыя таблицы по районамъ и сводная по уѣзду.

1891. Огановскій, Н. П. 333.5(47)
Надѣленіе землей помѣщичьихъ крестьянъ. „Моск. о-во грамотн." Изд. „Задруга". М. 1913. Стр. 144. Ц. 35.
Содержаніе: Надѣлы и повинности крестьянъ при крѣпостномъ правѣ. Надѣлы и платежи бывшихъ крѣпостныхъ, установленные при освобожденіи. Хозяйственная жизнь крестьянъ послѣ освобожденія.

1892. Дадоновъ, В. 335
Соціализмъ безъ политики: Города-Сады будущаго въ настоящемъ. М. 1913. Стр. 120. Съ иллюстр. Ц. 1 р.
Содержаніе: Соціализмъ безъ политики. Идея Говарда. Принципы современной планировки городовъ. Города - Сады будущаго въ настоящемъ. Русскіе дачные поселки. Города-Сады въ Германіи и др. странахъ. Города - Сады подъ Москвою. Заключеніе.

1893. Лисенко, В. К. 338(496/7)
Ближній Востокъ, какъ рынокъ сбыта русскихъ товаровъ. Изд. Мин. Торг. и Промышл. Спб. 1913. Стр. V+340. Ц. 3 р.

1894. Гольденбергъ, І. 343
Реформа тѣлесныхъ наказаній. — „Великія реформы 60-хъ гг. въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Вып. V". Изд. М. И. Семенова. Спб. [1913]. Стр. 72. Ц. 60 к.

* **Загряцковъ, М. Д.** 352:69](43)
См. пср. № 1931.

1895/6. Мартыновъ, Е. И. 355
Манчжурскіе порядки. Вып. I. Снабженіе войскъ недоброкачественными продуктами. Выпускъ II. Выдача китайцамъ чертежей желѣзнодорожн. мостовъ. Изд. В. М. Саблина. М. 1913. Стр. 66+26. Ц. 50 к. за вып.

1897. Шварцманъ, І. Л. 386(058)
Страховая справочная книга. Тула. 1913. Стр. 708+XC+сравнит. табл. Ц. 5 р.

1898. Вахтеровъ, В. П. 371
Основы новой педагогики. Т. I. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 580. Ц. 1 р. 60 к. (Чп-

стый доходъ съ изд. поступаетъ въ комиссію о положеніи учащихъ Моск. О-ва Грам.).

1899. Григоревскій, М. С. 371

Училищевѣдѣніе. Для учит. инст., учит. семин., педагог. курсовъ и VIII кл. женск. гимн. Кіевъ. 1913. Стр. 101. Ц. 60. к.

1900. [. . . . 371

Кружокъ совмѣстнаго воспитанія и образованія дѣтей въ Москвѣ. (1907 — 1912). М. 1912. Стр. 36. Съ иллюстр. Ц. 20 к.

Содержаніе: Кружокъ С. В. и О. Д. въ Москвѣ. (1907—1912). Обращеніе къ родителямъ. Какъ слѣдуетъ понимать цѣль и дѣятельность „Кружка С. В. и О. Д.“ Уставъ кружка. Объяснит. записка къ уставу родительск. клуба. Уставъ родит. клуба. Анкетное обращеніе къ членамъ родит. клуба.

1901. [. . . . 371

Матеріалы по устройству лѣтнихъ школьныхъ колоній. Вып. I.—„Всерос. лига для борьбы съ туберкулезомъ“. М. 1913. Стр. 50. Ц. 30 к.

Содержаніе: Общія свѣдѣнія о московскомъ „кружкѣ лѣтнихъ колоній“. Составъ дѣтей въ колоніяхъ, ихъ отборъ, медицинскіе осмотры. Мѣстоположеніе колоній, помѣщенія, инвентарь. Персоналъ колоній. „Записка“ для руководства завѣдующимъ колоніями. О питаніи дѣтей въ лѣти. колоніяхъ. Объ учебныхъ занятіяхъ въ колоніяхъ. Отчетность.

1902. [. . . . 371(07)

Конспекты лекцій по педагогич. предметамъ, читан. на лѣтнихъ курсахъ 1912 г. для народн. учителей и учительницъ въ Харьковѣ.— Харьк. губ. земство. Отдѣлъ народн. образов. Харьковъ. 1913. Стр. IV+98. Ц. не обозн.

Содержаніе: Предисловіе.—А. П. Медвѣдковъ. Конспектъ лекцій по исторіи педагогики.— А. Ф. Лазурскій. Конспектъ лекцій по общей и педагог. психологіи.—В. К. Беллюстинъ. Отчетъ о занятіяхъ по математикѣ на Харьк. учит. курсахъ 1912 г.—Н. Н. Кинчеръ. Конспектъ лекцій по методикѣ природовѣдѣнія. Приложеніе: Проектъ программы по природовѣд. и географіи.— Э. А. Штейнбергъ. Конспектъ лекцій по методикѣ рисованія, лѣпки и ручного труда.

1903. Медвѣдковъ, А. П. 371(47)

Краткая исторія русской педагогики. Изд. Я. Башмакова и К°. Спб. 1913. Стр. 188. Цѣна 80 к.

* **Strohmauer, W., d-r** 371:616.89

См. пор. № 1924.

1904. [. . . . 372(47.71)

Начальное народное образованіе въ Харьковской губ. за 1910 г. Статистич. обзоръ.—Харьковск. губерн. управа. Отдѣлъ народн. образ. Харьковъ. 1913. Стр. VII+142+218. Ц. не обозн.

Содержаніе: Текстъ: Училища. Начальныя народныя училища. Учащіеся. Учащіе. Школьный курсъ. Учебное время. Ученическія, учительскія библіотеки. Учебники и наглядныя пособія. Внѣшкольное образованіе. Бюджетъ народн. образованія. Сводныя таблицы: Училища. Учащіеся. Учащіе. Необязат. предметы. Учебное время. Ученич. и учит. библіотеки. Внѣшкольное образованіе. Коллегіальн. школьн. попечит., горячіе завтраки и пр. Бюджетъ народн. образованія. Грамотность новобранцевъ. Приложенія.

Филологія [4]

1905. Ушаковъ, Д. Н., пр.-доц. 401

Краткое введеніе въ науку о языкѣ. Изъ лекцій на Моск. жен. педаг. курсовъ. Съ рис. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1913. Стр. 118. Ц. 65 к.

Содержаніе: Предисловіе. Предварительныя понятія о языкѣ и языковѣдѣніи. Звуки. Звуки русскаго языка. Значенія. Формы. Слова. Предложеніе. Языки. Происхожденіе языка. Возникновеніе и исчезновеніе языковъ. Жизнь языка. Пособія.

1907. Сипачевъ и Бѣлоцвѣтова. 491.7—1

Легчайшій способъ научиться правильно писать. Новѣйшій зрительный систематич. диктантъ. Полный практич. курсъ орѳографіи въ образцахъ и упражн., состоящ. исключит. изъ связныхъ статей, взятыхъ преимущ. изъ классич. литературы. На основаніи данныхъ эксперимент. психологіи и соврем. педагогики. Изд. авторовъ, 7-е. Кіевъ. 1913. Стр. 192. Ц. 60 к.

1908. Соколовъ, Н. и Тумимъ, Г. 491.7—1

Обученіе правописанію. Для учит. семинарій, учит. и педаг. инстит. и курсовъ, педаг. классовъ жен. уч. зав. и для учителей. Изд. И. П. Карбасникова. Спб. 1913. Стр. 92. Ц. 30 к.

Содержаніе: Педагогич. разноголосица по вопросу о правописаніи. Обзоръ взглядовъ на правописаніе г. Соболева, г. Фармаковскаго. Психо-физіологич. ученіе о локализаціи центровъ, связанныхъ съ процессомъ письма. Теорія д-ра В. Лая. Взглядъ на обученіе правописанію проф. Меймана и Томсона. Пріемы обученія правописанію въ соврем. американ. школѣ. Пріемъ списыванія въ соврем. рус. школѣ. Обзоръ различн. пріемовъ обученія правописанію. Порядокъ примѣненія различн. пріемовъ обученія правописанію. Исправленіе ошибокъ (съ табл.). Перечень книгъ по методикѣ правописанія.

1909. Дурново, Николай. 491.7.07

Хрестоматія по малорусской діалектологіи. Пособіе при преподав. русскаго языка въ высш. учебн. завед. М. 1913. Стр. VIII+72. Ц. 60 к.

Чистыя науки [5]

1910. Ляминъ, А. А. 51:53](08)

Физико-математическая хрестоматія. Т. II. Алгебра. Изд. „Сотрудникъ Школъ“, А. К. Залѣсской. М. 1913. Стр. 284. Ц. 1 р. 50 к.

1911. Сергѣевъ, К. И. 52

Единство въ основѣ космоса (панэфирная теорія мірозданія). Изд. журн. „Физикъ-любитель“. Николаевъ. 1913. Стр. 323. Ц. 95 к.

1912. Фогель, Р., проф. 52

Основы теоретической астрономіи. Кіевъ. 1913. Стр. 198. Съ чертеж. Ц. 2 р.

1913. [. . . . 52(082)

Новыя идеи въ астрономіи. Непериод. изд., выход. подъ ред. проф. А. А. Иванова. Сборникъ № 1. Космогоническія гипотезы I. Кн-во „Образованіе“. Спб. 1913 Стр. 138. Ц. 80 к.

Содержаніе: Отъ редакціи. А.—Пуанкарэ. Космогоническія гипотезы. Пер. П. Юшкевичъ.— Сванте Арреніусъ. Происхожденіе міровъ. Пер. Н. Е. Гринфельдъ.—Ш. Андрэ. Образованіе планетной системы. Пер. П. Юшкевичъ.—Полк. дю-Лигондесъ. Космогоническія гипотезы и поло-

женіе солнечной системы по вселенной. Пер. Долинъ.

1914. Краевичъ, К. Д. 53(075)

Физика ежедневныхъ явленій для низш. учебн. завед. Испр. и дополн. А. Л. Гершуномъ. Спб. 1913. Стр. 160. Ц. 70 к.

* **Ляминъ, А. А.** 53:51](08)

См. пор. № 1910.

1915. Рамзэй, Уильямъ, проф. 541.2

Элементы и электроны. Пер. съ англ. В. В. Дельгазъ. Подъ ред. проф. Н. А. Шилова. Кн-во „Соврем. Проблемы". М. 1913. Стр. 184. Ц. 60 к.

Содержаніе: Введеніе. Атомистическій и энергическій взглядъ на природу. Атомистич. теорія Дальтона. Молекулярные вѣса. Періодич. система (классификація) элементовъ. О величинахъ. Молекулы и ихъ свойства. Видимыя молекулы. Электроны. Электроны и матерія. Трансмутація.—Таблицы.

1916. Гинзбергъ, А. С., проф. 547(02)

Курсъ органической химіи. Ч. I. Общая часть. Соединенія съ открытой углеродной цѣпью. Съ стереохим. фиг., таблиц. и діаграм. физич. свойствъ. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 1913. Стр. 313. Ц. 2 р. 20 к.

1917. Оппенгеймъ, Натанъ. 575.1

Развитіе ребенка, наслѣдственность и среда. Пер. М. П. Іогихесъ и Е. И. Воскресенской, подъ ред. д-ра м. В. Е. Игнатьева.—„Вопросы педагогич. психологіи. Подъ ред. А. Н. Бернштейна, В. Е. Игнатьева, М. П. Іогихесъ, Г. И. Россолимо и проф. Г. И. Челпанова. Вып. VI". М. 1913. Стр. II+305. Ц. 90 к.

1918. Костычевъ, С. П., проф. 576

О появленіи жизни на землѣ.— „Библіотека натуралиста". Изд. А. С. Панафидиной. Спб. 1913. Стр. 50. Ц. 25 к.

Прикладныя науки [6]

1919. Палладинъ, А. В. 61

О химическомъ взаимодѣйствіи органовъ человѣка. (Внутренняя секреція).—„Библіотека натуралиста". Изд. А. С. Панафидиной. Спб. 1913. Стр. 58. Съ рис. Ц. 25 к.

1920. Бургерштейнъ, Лео, проф. и **Нетолицкій, Августъ,** д-ръ. 614

Руководство по школьной гигіенѣ. Въ двухъ частяхъ. Пер. съ 3 испр. и доп. нѣм. изд. „Handbuch der Schulhygiene". Подъ ред. съ прилож. и дополн. проф. Г. В. Хлопина. Часть I. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 1913. Стр. XVI+492. Ц. 7 р. за обѣ части.

1921. Meyer, Fritz, проф. 615

Теорія дѣйствія туберкулина, какъ діагностич. и терапевтич. средства. Для врачей и студентовъ. Пер. съ нѣм. съ разрѣш. автора д-ра мед. Ал. Эд. Лемана. Изд. бр. Башмаковыхъ. Казань. 1913. Стр. 35. Ц. 30 к.

1922. Кантъ, Карлъ, д-ръ мед. 616

Фитотерапія. Способъ леченія болѣзней безвредными растеніями по основнымъ законамъ натуральнаго метода. Пер. съ послѣдн. 5-го нѣм. изд. К. П. Александрова, разрѣш. авторомъ и съ автор. предисловіемъ къ русск. переводу. Подъ ред. д-ра мед. П. Е. Успенскаго. Изд. А. Выжелевской. М. 1913. Стр. X + 165. Ц. 95 к.

Содержаніе: Отъ издательства. Предисловіе автора къ русск. изд. Предисловія. Введеніе. Физіологія. Ученіе о болѣзняхъ. Признаки болѣзней (симптомы). Леченіе болѣзней. Фитотерапія. Растительныя лекарства. Ходъ леченія. Границы цѣлебнаго дѣйствія. Литература по спеціальн. областямъ болѣзней. Объемъ областей болѣзней, при которыхъ показуется леченіе растеніями. Приложеніе: Лекарственная сокровищница фитотерапіи. Алфавитный списокъ названій растеній.

1923. Кольцовъ, Н. К. 616

Болотная лихорадка (малярія) и комары. (Перепеч. изъ журн. „Природа"). Изд. О-ва Взаимопом. слуш. М. Г. Нар. ун. им. А. Л. Шанявскаго. М. 1913. Стр. 31. Съ рис. Ц. 16 к.

Изъ послѣсловія: „Въ настоящемъ очеркѣ я задался цѣлью показать, какъ постепенно развивались наши свѣдѣнія о маляріи и въ какой степени отъ полноты этихъ свѣдѣній зависитъ успѣшность и даже просто возможность борьбы съ этой часто страшной болѣзнью.

1924. Strohmauer, W., d-r. 616.89:371

Лекціи по психопатологіи дѣтскаго возраста для врачей и педагоговъ. Переводъ врачей: Н. Е. Введенской, Г. А. Кобранскаго, Е. К. Краснушкина, И. М. Присмана, С. Я. Рабиновича и І. А. Шапиро. Подъ ред. и съ примѣч. д-ра мед. Г. И. Россолимо. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 477. Ц. 1 р. 50 к.

1925. Müller, G., d-r. 617.3

Ортопедія для практич. врачей. Съ 151 рис. въ текстѣ. Пер. съ нѣм. д-ра А. В. Залкинда. Изд. журн. „Медиц. Соврем.". Спб. 1913. Стр. XV + 191. Съ иллюстр. Ц. 2 р.

1926. Кацъ, Р., д-ръ. 617.7

О близорукости и исправленіи ея. Изд. кн. маг. Н. Я. Оглоблина. Спб. 1913. Стр. 16. Ц. 20 к.

1927. Червинскій, Н., проф. 636

Общее животноводство. (Кормленіе, разведеніе и гигіена сельско-хозяйств. животныхъ). Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1913. Стр. XIV + 418. Съ рис. Ц. 2 р.

1928. Брандербургъ, Маргар. 641

Безмочекислое питаніе. Руководство по реформир. вегетаріан. кухнѣ. Сборникъ рецептовъ блюдъ, не содержащихъ мочевой кислоты, съ вымѣненіемъ роли стола, свободнаго отъ этого яда и съ дополн. діэтическ. вегетар. стола для діабетиковъ, подагриковъ и т. д. Пер. съ 3-го доп. нѣм. изд. съ введ. д-ръ З. Меллера. Съ безпл. прилож.: „Діэтетич. правила и совѣты для больного". Подъ ред. д-ра И. Е. Успенскаго. Изд. А. Выжелевской. М. 1913. Стр. XVIII + 173. Ц. 1 р.

1929. Селезневъ, И. И. 658

Начальный курсъ коммерческихъ вычисленій въ связи съ общими свѣдѣніями о торговлѣ. Пособіе для изученія счетоводства въ торговыхъ классахъ и курсахъ, высш. нач. уч., рем. и торг. шк. Съ прилож. задачъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 96. Ц. 50 к.

Содержаніе: Понятіе о хозяйствѣ и торговлѣ. Деньги. Процентныя вычисленія. Вычи-

сленіе интересовъ; процентовъ способами со ста, на сто, во сто; капитала, времени и таксы. Сложные проценты. Товарныя вычисленія. Торговые документы. О калькуляціяхъ, о векселяхъ. Учетъ векселей. Средній срокъ уплаты. Девизы. Цѣнныя бумаги. Биржа. Банки. Текущіе счета или контокорренты. О гербовомъ сборѣ. Приложеніе: Вычисленіе на счетахъ. Цѣпное правило. Отвѣты на задачи.

1930. Гирке, Г. и Давидсонъ, А. 676
Работы изъ бумаги. Пер. съ нѣм. Н. А. Кирпичниковой. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 95. Съ рис. Ц. 45 к.

1931. Загряцковъ, М. Д. 69:352](43)
Земельная политика городского самоуправленія въ Германіи. Т. I. Строительное право, какъ факторъ городск. землеустройства. М. 1913. Стр. 492. Ц. 3 р. 50 к.

1932. Бубекинъ, Б. М. 696
Колодцы и насосы въ сельскомъ хозяйствѣ и мелкой промышленности. Изд. т-ва „Агрономъ". М. 1913. Стр. 100, съ рис. Ц. 75 к.

1933. Даниловъ, Ф. А. 696(47)
Водопроводы русскихъ городовъ. Краткое описаніе устройства и данныя по эксплуатаціи за 1909 и 1910 г.г., составл. по анкетѣ. Пост. Бюро Всеросс. и Санит. Техн. Съѣзда въ 1912 г. Вып. 2. Изд. Постоян. Бюро Всеросс. водопров. и сан.-техн. Съѣздовъ. М. 1913. Стр. 274. Ц. 2 р.

Изящныя искусства [7]

1934. Врангель, Н. Н., бар. 7(08)
Вѣнокъ мертвымъ. Художественно-историч. статьи. Спб. 1913. Стр. 187. Съ 55 иллюстр. и силуэт. Ц. 2 р. 25 к.

1935. Маковскій, С. 701
Страницы художеств. критики. Кн. III. Изд. „Аполлона". Спб. 1913. Стр. 182. Ц. 3 р.
Содержаніе: Отъ автора. Художеств. итоги. Выставка „женскихъ портретовъ" (1910 г.) „Новое общество" (выставка 1911 г.) „Міръ искусства" (выставка 1911 г.) С. Ю. Судейкинъ. Н. А. Тарховъ. Д. С. Стеленкій. Проблема „тѣла" въ живописи. Французскіе художники изъ собранія И. А. Морозова.—Иллюстраціи.

* **Глаголь, С. и Грабарь, И.** 75:92(Л)
См. пор. № 1978.

1936. Грищенко, А. 75(47)
О связяхъ русской живописи съ Византіей и Западомъ XIII—XX в. в. Мысли живописца. Съ 23 воспроизв. иконъ новгород. писемъ, италогреч., А. Рублева, С. Ушакова; картинъ: Греко, Сезанна, Пикасео и др. М. 1913. Стр. 89. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: Періодъ новгород. и москов. писемъ. А. Рублевъ и С. Ушаковъ. Живопись петровскаго времени, XVIII и половина XIX в. Передвижничество. Ивановъ, Ге и Суриковъ. Журналъ „Міръ Искусства" и его движеніе. Сезанъ и Пикассо. Основы новой живописи.

1937. Дурылинъ, Сергѣй. 78
Рихардъ Вагнеръ и Россія. О Вагнерѣ и будущихъ путяхъ искусства. Изд. „Мусагетъ". М. 1913. Стр. 68. Ц. 50 к.

1938. Коптяевъ, Александръ. 78(47)
Исторія Новой русской музыки въ характеристикахъ. Выпускъ первый: П. Чайковскій. Изд. 2-е. Спб. 1913. Стр. II+72. Ц. 60 к.

1939. Волконскій, С. М. 792.8
Листки курсовъ ритмической гимнастики № 2. Мартъ. 1913. Изд. А. Мацѣевскаго. Спб. 1913. Стр. 44. Съ портр. Ц. 50 к.

1940. Худековъ, С. Н. 792.8
Исторія танцевъ. Ч. I. Спб. 1913. Стр. 8+308. Съ рис. Ц. 7 р.

Литература [8]

1941. Веселовскій, Ю. 8(09)
Этюды по русской и иностранной литературѣ. Т. I. Изд. „Звѣзда", Н. Орфенова. М. 1913. Стр. 163. Ц. 50 к.
Содержаніе. Поэзія гр. Е. П. Ростопчиной.—Къ характеристикѣ литературныхъ отголосковъ крѣпостного права.—Бѣлинскій и французская трагедія.—Надсонъ и его поэзія.

1942. [. . . . . 8—1(08)
Круговая чаша. Десять московскихъ поэтовъ. 1913. Весна. М. 1913. Стр. 116. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Стихотворенія: А. Ильинскаго-Блюменау. В. Морицъ. Л. Остроумова. Н. Позникова. Д. Рема. А. Романовской. А. Сидорова. К. Чайкина. С. Шервинскаго. В. Шершеневича.

1943. [. . . . . 8—8
Сатанизмъ. М. Арцыбашевъ, Н. Абрамовичъ и др. Иллюстраціи Фелисіена Ропса. Кн-во „Зара". М. 1913. Стр. 130. Ц. 1 р.
Содержаніе: М. Арцыбашевъ. Очеркъ „Идея Дьявола". Бодлеръ. Искушеніе или Эросъ, Плутосъ и Слава. В. Брюсовъ. Женщинѣ. Пшибышевскій. Стезею Каина. Маковскій. Пѣсни. Астартѣ. Н. Муравьевъ. Поэма юности Абеляра. Брюсовъ. Ламія. Маннъ. Прогулка за ворота. Ал. Вознесенскій. Лиловый чертенокъ. Арцыбашевъ. Разсказъ о великомъ знаніи. Сологубъ. Стихи. Д. Оревильи. Изнанка партіи въ вистъ. Лагерлефъ. Семь грѣховъ. Пшибышевскій. Сынагога Сатаны. Н. Абрамовичъ. Художники сатанизма. Ал. Вознесенскій. Та, которую я люблю... Гумилевъ. Влюбленность дьявола.

1944. Хауторнъ, Натаніэль. 82—3
Собраніе сочиненій. Т. II. Блитдэйлъ. Романъ. Пер. съ англ. І. А. Маевскаго. Изд. І. А. Маевскаго. М. 1913. Стр. 250. Ц. 1 р. 50 к.
Изъ предисловія: „Въ 1841 г., въ разгарѣ увлеченія американской интеллигенціи идеями утопическаго соціализма, на фермѣ Брукъ, недалеко отъ Бостона, возникла интеллигентская земледѣльческая колонія. Колонія стремилась осуществить вѣчный идеалъ интеллигенціи — совмѣстить духовную утонченность городской культуры съ первобытной простотой жизни въ постоянномъ общеніи съ природою. Въ качествѣ членовъ, или болѣе или менѣе частыхъ посѣтителей колоніи, къ предпріятію стояли весьма близко почти всѣ видные литераторы, художники и мыслители середины XIX ст. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что „Блитдэйлъ" явился прямымъ результатомъ того, что авторъ его былъ активнымъ членомъ колоніи".

* **Уэллсъ.** 82—3:9(121)
См. пор. № 1970.

1945. Лондонъ, Джекъ. 82(73)—3
Полное собраніе сочиненій. Т. XVI. Сынъ солнца. (Повѣсть изъ жизни Океаніи). Авториз. пер. съ англ. І. А. Маевскаго. Изд. І. А. Маевскаго. М. 1913. Стр. 284. Ц. 1 р.

Содержаніе: Сынъ Солнца. Гордость Панкберна. Фуатинскіе черти. Ново-гибонскіе шутники. Расчетъ. Ночь въ Гобото. Перья Солнца. Жемчугъ Парлея.

1946. [. . . . . 84—3
Картинки изъ жизни XVIII вѣка. Разсказы Ретифъ де-ла-Бретонна, гравюры Моро - младш. Пер. съ франц. К. Боссе, подъ ред. и съ предисл. В. Филатова. Изд. Моск. т-ва „Образованіе“. М. 1913. Стр. 78. Съ грав.

Содержаніе: Предисловіе. Предисловіе француз. издателя. Ожиданье ребенка. Предосторожности. Я принимаю счастливое предсказаніе. Не бойся, мой дружокъ: это сынъ. Маленькіе кумовья. Прелести материнства. Полное согласіе. Свиданье въ Марли. Прощаніе. Встрѣча въ Булонскомъ лѣсу. Придворная дама королевы. Утро франта.— Барина.— Вельможи. Утро. Скачки. Выигранное пари. Партія въ вистъ. Да или нѣтъ. Удивленіе. Въ ложѣ. Разъѣздъ изъ театра. Тонкій ужинъ.

1947. Ренье, Анри-де. 84—3
Необычайные любовники. Разсказъ тринадцати. Пер. съ франц. Н. Щекотова.— (Универсальная библіотека № 784—785). Изд. К-ва „Польза“, В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 194. Ц. 20 к.

1948. Вагнеръ, Рихардъ. 87
1813—1913. О музыкѣ. Мысли, афоризмы, фрагменты. Собралъ Н. Ю. М. 1913. Стр. 32. Ц. 25.

1949. Гнѣдовъ, Василискъ. 891.7—1
Смерть искусству. Пятнадцать (15) поэмъ. Предисловіе Ивана Игнатьева. Изд. „Петерб. Глаголъ“, И. В. Игнатьева. Спб. 1913. Стр. 8. Ц. 30 к.

1950. Новиковъ, Иванъ. 891.7—1
Стихи дѣткамъ. М. 1913. Стр. 20. Съ рис. Ц. 15 к.

1951. Амфитеатровъ, А. 891.7—3
И черти, и цвѣты. Кн-во „Энергія“. Спб. 1913. Стр. 236. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Статьи: Соломонія бѣсноватая. Лилитъ. Родословная Мефистофеля. Небо въ лужѣ. О трагическихъ мистификаціяхъ. А. Н. Будищевъ. В. В. Самойловъ. Послѣдняя реалистка. О Сашѣ Черномъ. По прочтеніи одного процесса.— Изъ альбома.— Изъ пѣсенъ о „модернѣ“.— Ожившія поэмы.— Отвѣты.

1952. Амфитеатровъ, А. 891.7—3
Паутина. Романъ въ 3-хъ повѣстяхъ. Повѣсть третья.— Раздѣлъ. Кн-во „Прометей“, Н. Н. Михайлова. Спб. 1913. Стр. 455. Ц. 2 р. 25 к.

1953. Брюсовъ, Валерій. 891.7—3
Полное собраніе сочиненій и переводовъ. Т. I. Изд. „Сириннъ“. Спб. 1913. Стр. 270. Съ портр. и факс. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Предисловіе. Juvenilia: Прологъ. Первыя мечты. Новыя грезы. Лирич. поэмы. Chefs d' œuvre: Стихи о любви. Криптомерія. Холмъ покинутыхъ святынь. Будни. Часы дня. Meditationes. Лирикъ. Поэмы. Me eum esse: Видѣнія. Мгновенія. Скитанія. Ненужная любовь. Вѣянье смерти. Въ пути. Завершеніе. Лирич. поэмы.— Примѣчанія.

1954. Будищевъ, Ал. Н. 891.7—4
Вздорные разсказы.—„Библ. Сатирикона.“ Изд. М. Г. Корнфельдъ. Спб. 1913. Стр. 200. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Экспро! Злоумышленники. Добился своего. Волчья елка. Странная исторія и др. разсказы.

1955. Вербицкая, А. 891.7—3
Побѣдители и побѣжденные. Вып. 2. Ч. 2 Окончаніе романа „Ключи Счастья“ М. 1913. Стр. 294. Ц. 2 р.

1956. Верхоустинскій, Б 891.7—3
Зеленый лугъ. Сказки. М. 1913. Стр. 35. Съ рис. Ц. 20 к.

1957. Ждановъ, Левъ. 891.7—7
Наслѣдіе Грознаго. Историч. повѣсть изъ эпохи Самозванщины.— Библіотека „Колосья“. Изд. М. П. Семенова. Спб. 1913. Стр. 163. Ц. 75 к.

1958. Ждановъ, Левъ. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Историч. романы. Т. III. Осажденная Варшава. Романъ-хроника (1830—1831 гг.). Кн-во „Прометей“, Н. Н. Михайлова. Спб. 1913. Стр. 307. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Отъ автора. Передъ войной. Наканунѣ. Грозовая ночь. Первая осада: Диктаторъ Хлопицкій. Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Отраженный ударъ.

1959. Немировичъ-Данченко, Вас. 891.7—3
Наши женщины. Разсказы. Кн. 2. Кн-во „Энергія“. Спб. 1913. Стр. 350. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Не испугалась. На жалость клюетъ. Подѣломъ. Душа на смарку. У постели мученицы. Надо ли? Спрокко. Въ паутинѣ.

1960. Ремизовъ, А. 891.7—3
Подорожіе. Изд. „Сириннъ“. Спб. 1913. Стр. 256. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Пѣтушокъ. Пятая язва. Покровенная. Бисеръ малый. Таинственный зайчикъ. Съ очей на очи. Примѣчанія.

1961. Розановъ, В. 891.7—3
Опавшіе листья. Спб. 1913. Стр. 526+VIII. Ц. 2 р. 50 к.

1962. С—овъ, Степанъ. 891.7—3
Профессоръ Бугровъ. Романъ. Спб. 1913. Стр. 123. Ц. 80 к.

1963. Толстой, Л. Н. 891.7—3
Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича, умершаго 20 янв. 1864 г. на заимкѣ купца Хромова. Со вступ. статьей В. Г. Короленко и примѣч. В. Г. Черткова. Приложеніе: Процессъ редактора „Русскаго Богатства“. Изд. ред. журн. „Рус. Бог.“ Спб. 1913. Стр. 67. Ц. 20 к.

1964. Тэффи. 891.7—3
Карусель.—Библ. „Сатирикона“. Спб. 1913. Стр. 204. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Маляръ. Культуртрегеры. Долгъ и честь. Потаповна. У гадалки и другіе разсказы.

1965. Ютановъ, В. 891.7—3
Доходный домъ и др. разсказы. Кн-во „Сполохи“. М. 1913. Стр. 202. Ц. 1 р.

1966. Яблоновскій, Александръ. 891.7—3
Родныя картинки. Т. III. М. 1913. Стр. 384. Ц. 1 р. 25 к.

1967. Симаковъ, В. И. 891.7—91
Нѣсколько словъ о деревенскихъ прибѣвкахъ-частушкахъ. Спб. 1913. Стр, 16. Ц. 10 к.

Краткое содержаніе: Фабрична ли частушка. Каково ея историческое прошлое? Что такое частушка и что такое длинная пѣсня? Какъ смотритъ самъ народъ на частушку? Чѣмъ частушка главнымъ образомъ служитъ народу? Какъ слагаются частушки?

1968. Лернеръ, Н. О. 891.7(09)
Замѣтки о Пушкинѣ. (Отд. отт. изъ изд. „Пушкинъ и его современники", вып. XVI). Спб. 1913. Стр. 58. Ц. не обозн.

* **Острогорскій, З.** 891.7(09):92
См. порвд. № 1976.

* [. . . . . 891.7(09):92(Т)
См. поряд. № 1979.

1969. Шоломъ-Алейхемъ. 892.4-3
Романы. Т. I. Блуждающія звѣзды. Романъ въ трехъ частяхъ. Ч. I и II. Авторизов. пер. съ еврейск. А. Нежданова. Универс. кн-во Л. А. Столяръ. М. 1913. Стр. 352. Съ портр. Ц. 1 р. 30 коп.

1969а. Токутоми, Кенджиро. 895.6
Лучше не жить! Трагедія женской души. Японскій романъ. Перев. подъ ред. и съ предисл. Л. Жданова. Изд. „Прометей", Н. Н. Михайлова. Спб. 1913. Стр. 279. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ предисловія: „И по содержанію, и по богатству красокъ и мыслей книга заслуживаетъ полнаго вниманія. Есть такія книги, которыя вносятъ каждый разъ что-нибудь новое, доброе, прекрасное въ сокровищницу мірового генія, увеличивая область „настоящей" литературы, вѣчной, какъ вѣченъ человѣческій духъ".

Исторія и географія [9]

1970. Уэллсъ. 9(12i)(0:8)
50 тысячъ лѣтъ назадъ. Разсказъ изъ каменнаго вѣка. Пер. Ник. Морозова.—Библ. „Колосья". Изд. М. И. Семенова. Спб. 1913. Стр. 133. Ц. 60 коп.

1971. Рабининъ. И. С. 9(438)„1788:1792"
Нѣкоторыя данныя для характеристики настроенія бѣлорусскаго общества въ эпоху четырехлѣтняго сейма 1788—1792 гг. Изд. Имп. Общ. Исторіи и древностей россійскихъ. М. 1913. Стр. 10.

1972. Даниловъ, М. В. 9(47)(003)
Записки М. В. Данилова, артиллеріи маіора, написанныя имъ въ 1771 г. (1722—1762).— „Историч. Библіотека". (Памятники рус. исторіи). Изд. „Молодыя силы". Казань. 1913. Стр. 83. Ц. 50 к.

Изъ предисловія: „Записки Д. даютъ намъ опредѣленное понятіе о воспитаніи и бытѣ средняго дворянства временъ Анны и Елизаветы, а также сообщаютъ массу любопытныхъ свѣдѣній о нравахъ чиновничества того времени. Записки печатаются въ томъ же видѣ, какъ онѣ были опубликованы въ первый разъ (въ 1842 г.) П. М. Строевымъ".

1973. Полонская, Н. Д. 901(084)
Историко-культурный атласъ по русской исторіи. Подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. 1-й. Кіевъ. 1913. Изд. С. В. Кульженко. Стр. 54+XLII табл. Съ рис. Ц. 2 р.

1974. Шамурины, Ю. и З. 902.6(47—31)
Москва въ ея старинѣ.—„Культурныя сокровища Россіи". Вып. 5-й. Изд. т-ва „Образованіе". М. 1913. Стр. 80. Съ рис. Ц. 2 р. 20 к.

Содержаніе: Предисловіе. Кремль. Соборы. Успенскій, Архангельскій, Благовѣщенскій соборы. Кремлевскіе дворцы. Потѣшный дворецъ. Церковные памятники Кремля. Памятники XVIII в. въ Кремлѣ. Стѣны Китай-города. Храмъ Василія Блаженнаго. Церкви XVII в. Сухарева башня. Церкви XVIII в. Монастыри въ Москвѣ. Богоявленскій, Андроніевъ, Симоновъ, Новоспасскій, Новодѣвичій, Донской монастыри. Дьоринскіе особняки.

1975. Русаковъ, Викторъ. 92(47)
Русскіе самоучки и самородки. Біографич. очерки и разсказы. Съ портр. и иллюстр. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1913. Стр. 195. Ц. не обозн.

Содержаніе: Предисловіе. Ломоносовъ. Ларинъ. Кулибинъ. Зарубинъ. Турчаниновъ. Щепкинъ. Забѣлинъ. Воронихинъ. Сѣряковъ. Волковъ. Хилковъ. Полевой. Даль. Никитинъ. Волосковъ. Яковлевъ. Сковорода. Семеновъ. Венециановъ. Дмитревскій. Демидовъ. Кокоревъ. Ѳедотовъ. Смирдинъ. Кольцовъ. Заключеніе.

1976. Острогорскій, Викторъ. 92:891.7
Русскіе писатели, какъ воспитательно-образоват. матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Изд. т-ва „Просвѣщеніе" 7-е. Спб. 1913. Стр. XVI+328. Ц. 1 р. 25 к.

1977. Дельвигъ, А. И., бар. 92(Д):8
Мои воспоминанія. Т. II. (1842—1858). Изд. Имп. Моск. и Румянц. музея. М. 1913. Стр. 448. Ц. 3 р.

1978. Глаголь, С. и Грабарь, И. 92(Л):75
Исаакъ Ильичъ Левитанъ. Жизнь и творчество.—Игорь Грабарь. Русскіе художники. Собраніе иллюстрир. монографій. Вып. 2-й. Левитанъ. Изд. I. Кнебель. М. 1913. Стр. 120. Съ иллюстр. въ текстѣ и въ краск. на отд. лист. Ц. 3 р. 50 коп.

Содержаніе: Художеств. обликъ Левитана.—И. Грабарь. И. И. И. Левитанъ: Семья и дѣтство. Школьные годы. Жизнь въ Саввинѣ и Бабкинѣ. Первая поѣздка на Волгу. Возвращеніе къ Саввиной слободѣ и вторая поѣздка на Волгу. Поѣздка въ Финляндію и за границу. Послѣдніе годы и смерть. Положеніе Л. въ современномъ ему искусствѣ и характеръ живописи Л. — Сергѣй Глаголь. Списокъ произведеній Л.

1979. [. . . . . 92(Т):8
Война и миръ. Иллюстр. сборникъ, посвящ. памяти Л. Н. Толстого. Редакція В. И. Обнинскаго и Т. И. Полнера. Кн-во „Задруга". М. 1913. Стр. 310. Ц. 3 р. 50 к.

Содержаніе: Т. И. Полнеръ. „Война и миръ" Л. Н. Толстого. К. В. Покровскій. Исторія работы Толстого надъ романомъ „Война и миръ". — Источники „Войны и мира". — В. И. Пернѣвъ. Философія исторіи Л. Н. Толстого. — А. К. Дживелеговъ. Александръ и Наполеонъ. — С. П. Мельгуновъ. На войнѣ 1812 г. — К. В. Сивкопъ. Вліяніе войны 1812 г. на духовную жизнь

Россіи. — В. Н. Пичета. Война 1812 г. и народное хозяйство. — В. Е. Степанова. Война 1812 г. въ живописи. — В. П. Обнинскій. Война сто лѣтъ назадъ и теперь. — Л. С. Козловскій. Война и миръ въ ученіи Л. Н. Толстого.

Содержаніе журналовъ.

„Богословскій Вѣстникъ“. (1913—4). Епископъ Феодоръ. Рѣчь при постриженіи доцента Моск. Дух. Академіи Вл. Троицкаго, въ монашествѣ Иларіона.—Изреченія Епископа Игнатія (Брянчанинова), извлеченныя изъ писемъ его къ монахамъ. Сообщ. іеромон. Игнатій (Садковскій). — В. А. Кожевниковъ. Религія человѣкобожія у Фейербаха и Конта.—Н. Д. Протасовъ. Матеріалы для иконографіи Воскресенія Спасителя. — П. С. Страховъ. Идея воскресенія въ дохристіанскомъ философскомъ сознаніи. — С. С. Глаголевъ. Вопросъ о жизни на Марсѣ. — В. Ф. Эрнъ. Природа мысли.—А. Введенскій. Костромской протопопъ Даніилъ. Очеркъ изъ исторіи раскола въ первое время его существованія.— С. И. Соболевскій. Критика.—Изъ академической жизни.

„Вопросы Психіатріи и Неврологіи“. (1913—4). С. А. Сухановъ. О сочетаніи истеріи и манекіально-депрессивнаго психоза.—Рецензіи. — Рефератъ.—Хроника.

„Вѣра и Разумъ“. (1913 — 8). Стелецкій Н., проф.-прот. Опытъ нравственнаго Православнаго Богословія въ апологическомъ освѣщеніи.— Пархоменко, В. Начало христіанства на территоріи нынѣшней Россіи.— Ершовъ, А. Н. Рѣшеніе вопроса о страданіяхъ въ русской литературѣ съ христіанской точки зрѣнія. (Оконч.). — Іеромонахъ Іоасафъ. Нравственный законъ и духовная свобода.—Нечаевъ, П. Къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры. (Продолж.).— Пичета, І., прот. Факты и воспоминанія изъ жизни грецеговинца на службѣ по духовно-учебному вѣдомству. (Продолж.).

„Вѣстникъ Европы“. (1913—5).—М. Горькій. На пароходѣ. Изъ воспомин. проходящаго. — І. Ваткинъ. Стих.—Д. Айзманъ. Дѣти, очеркъ.— Садовскій. Стих.—Н. Олигеръ. На родинѣ, разск. Оконч.). — А. Доброхотовъ. Я и Ты, стих. — Е. Лѣткова. Изъ дамскихъ писемъ, разск. — Всеволодъ К. Посвящаю моей матери, стих. — Н. Морозовъ. Въ глубинѣ преисподней. (Продолж.).—Ю. Гессенъ. Къ исторіи еврейскаго вопроса.—Голлендеръ. Клятва Стефана Гуллера, романъ. (Оконч.). Перев. съ нѣмец. З. Журавская.—Хроника.—В. Солдатовъ. Формы общиннаго землепользованія въ Забайк. обл.—К. Тимирязевъ. Изъ научной лѣтописи 1912 г. (Оконч.).— М. Чубинскій, проф. Гарантія правъ и новая практика.—Діонео. Письмо изъ Алжира.—А. Дивильковскій. „С.-Готардская капитуляція“, письмо изъ Швейцаріи.—Л. Слонимскій. Балканская война и албанскій вопросъ. — Провинціальное обозрѣніе.—М. Ковалевскій. Походъ верхней палаты противъ суда присяжныхъ.—В. Миллеръ. Пѣсни-памфлеты XVI в.—Ч. Вѣтринскій. Письма Чехова.—Литературное обозрѣніе.—Иностранное обозрѣніе.—Вопросы внутренней жизни.— Библіографическій листокъ.

„Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики“. (1913—6 (582). Н. Пиносъ. Этюды по элементарной алгебрѣ. (Продолж.).—Г. фонъ-Дехендъ. Каналовые лучи и ихъ значеніе для изслѣдованія строенія вещества.—Научная хроника: Наименьшія, доступныя измѣренію, количества свѣта. Радій въ хромосферѣ солнца. Оптофонъ.—Библіографія. — Задачи. — Рѣшенія задачъ.

„Голосъ Минувшаго“. (1913—4). В. М. Фриче. К. Гольдони. (Обществ. значеніе его комедій).— П. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. Послѣ войны.—П. О. Лернеръ. Пушкинъ, Фотій и гр. Орлова.—К. Н. Левинъ. Два эпизода изъ жизни А. И. Герцена. (По неизд. матеріаламъ).—В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. — Дневникъ Этьена Дюмона о его пріѣздѣ въ Россію въ 1803 г. (Оконч.). Сообщ. С. М. Горяиновымъ.—В. М. Максимовъ. Автобіографическія записки. Съ предисл. П. Е. Рѣпина. — П. П.-Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминаній.—Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи. Сообщ. В. П. Семевскій.—Къ біографіи Т. Н. Грановскаго. Сообщ. Д. М. Щепкинъ. — Неизвѣстная сатира.—Отрывки изъ воспоминаній. Сообщ. Н. П. Кашинъ.—Критика и библіографія.—Обзоръ журналовъ.—Хроника.—Лили Браунъ. „Письма маркизы“, романъ.

„Для Народнаго Учителя“. (1913 — 8). М. М. Рубинштейнъ, прив.-доц. Умственное утомленіе.— Е. Роменко. В. М. Гаршинъ для дѣтскаго пониманія.—Н. Рыбниковъ. Религіозныя представленія школьниковъ.—Наглядность въ обученіи.— М. Левицкая. Вопросы о матеріальномъ и правовомъ положеніи народнаго учителя на съѣздѣ Германскаго учительскаго союза. — П. Ровичъ. Имѣетъ ли дѣтская литература право на существованіе?—М. Тихъ—овъ. Вопросъ о дополнительныхъ школахъ въ московскомъ уѣздномъ земствѣ.—Письма съ мѣстъ.—Изъ писемъ учителей. — Библіографія. — В. Доброгурская. Обзоръ дѣтскихъ произведеній Д. Н. Мамина-Сибиряка.—Н. Обзоръ журнальной и книжной литературы.—Н. Чеховъ. Учительскія Общества, ихъ задачи и организація.—В. Бабаковъ. Школьный музей.—Разныя извѣстія.

„Дошкольное Воспитаніе“. (1913—5). Н. Алексѣева. На помощь дѣтямъ деревни. — Г. Киршенштейнеръ. Разсказъ въ дѣтской.—А. Банниковъ. Исторія одной площадки.—Изъ дневниковъ о дѣтяхъ. Перев. съ фр. Ц. Зорницыной.—К. Маевская. Программа занятій въ дѣтскомъ саду.— Домики изъ игральныхъ картъ, съ франц. З. В.— М. Безобразова. По поводу письма Е. Н. Розенъ.—Собирайте дѣтскіе рисунки. — Педагогическая хроника.—Критика и библіографія.

„Естествознаніе и Географія“. (1913—3). Д-ръ Л. П. Александровъ. Изъ поѣздки по крайнему сѣверу Россіи лѣтомъ 1912 г.—Д-ръ К. Флёрике. Ястребъ-перепелятникъ. Перев. Е. С.—В. Альбанскій. На Новую Землю. (Впечатл. туриста).— Г. Байеръ. Мои учебныя экскурсіи. Перев. Е. С.—Д-ръ К. Флёрике. Мушеловка въ качествѣ комнатнаго животнаго. Перев. Е. С.—Е. В. Игнатьевъ. Ботаническія экскурсіи въ Малаховкѣ и ея окрестностяхъ. — Д-ръ Г. Стіасни. Новыя изслѣдованія касательно образованія настоящаго жемчуга. Перев. А. П. — М. Крейзель. Опыты учениковъ при прохожденіи курса человѣковѣдѣнія. Перев. Е. С.—С. Аржановъ. Два дня у Хвалынска. (Путевой очеркъ). — Критика и библіографія.—Смѣсь.—Хроника.

„Журналъ Министерства Юстиціи“. (1913—4).

Законодательство: Собр. узаконеній и распоряж. правительства.—Извлеч. изъ Высочайшихъ приказовъ по гражд. вѣдом. — Приказы по вѣдом. Министер. Юстиціи „Циркулярныя распоряж. по Минист. Юстиціи". Обзоръ дѣятельности Минист. Юстиціи въ Госуд. Думѣ 3-го созыва. (Продолж.).— А. Алексѣевъ. Юридич. значеніе бюджети. закона. (Оконч.).—Бар. Фрейтагъ-Лорингговенъ. А. Основныя начала вотчинной системы по проекту вотчинн. устава. (Оконч.). — Б. Поповъ. Частныя письма, непредназначавшіяся къ напечатанію. — А. Люблинскій. Новый итальянскій уставъ уголовн. судопроизвод. — Хроника.—Бар. А. Нолькенъ. Гаагская международная конвенція 10 23 іюля 1912 г. объ объединеніи законоположеній о векселяхъ. — Б. Околовичъ. Изъ кассаціонной практики Тифлисской судебной палаты.—И. Блиновъ. Историч. матеріалы, извлеч. изъ Сенат. Архива.—Литературное обозрѣніе.—Библіографія.

„Завѣты". (1913—4). — С. Фругъ. Стихотв.— В. Рошшинъ. То, чего не было, романъ. (Оконч.).— В. Винниченко. Къ своимъ, романъ. (Оконч.).— И. Новиковъ. День манифеста, разск.— А. Ивановъ-Писаревъ. Изъ воспомин. о „хожденіи въ народъ". (Продолж.).—Томасъ Крагъ. Разсказы. Перев. съ норвеж. М. Розенфельдъ.—Э. Серебряковъ. Годъ въ Болгаріи.—Г. Зининъ. Школа и фабрика.—А. Пругавинъ. Бунтъ противъ природы.—К. Качоровскій. Народничество, какъ соціологическое направленіе. (Продолж.).—С-акъ. Бюджетъ бюрократическаго государства. — Н. Сухановъ. На два фронта.—Ивановъ-Разумникъ. Литература и общественность. Было или не было? (О романѣ В. Рошшина). — Текущая жизнь. — Библіографія. — Вѣчевъ. Дѣла и дни: Pro domo sua.—С. Мстиславскій. Свое и чужое. Милитаризація арміи.

„Извѣстія по Народному Образованію". (1913—4). Правительственныя распоряженія.— П. Г. Межуевъ. Оксфордскій и Кэмбриджскій университеты. (Оконч.).—В. И. Фармаковскій. Воздухъ классныхъ комнатъ и принципы вентиляціи.—К. Ѳ. Головинъ. Куда ведетъ исторія?— Отзывы о книгахъ.

„Историческій Вѣстникъ". (1913 — 2). Ф. Е. Зарнэ-Несвицкій. Борьба у престола, историч. ром.—М. Ватаци, рожд. Мертваго. Былъ минувшаго. (Продолж.).—В. Микуличъ. Тѣни прошлаго.—М. В. Станиславскій. Германія и Россія. (1862—1912).—Г. Г. Христіани. Воспоминанія о гр. Д. А. Милютинѣ.—П. И. Чайковскій. Эпизоды изъ моей жизни. (Оконч.).— А. А. Дунинъ. Воспоминанія о Н. В. Гоголѣ: 1) Прототипъ Плюшкина. 2) Гоголь на охотѣ.—Н. Г. Козыревъ. Отрывки воспом. о Н. С. Ганецкомъ. — А. И. Соколова. Встрѣчи и знакомства. — Л. Плансонъ. Казнь цареубійцевъ. (Изъ личныхъ воспом.). — С. Н. Рудневъ. Тюремный бунтъ. (Изъ записокъ судьи). — М. Пинели. Исторія великой любви. Воспом.—П. Г. Памяти литературнаго инвалида.—Б. Б. Глинскій. Къ вопросу о титулѣ „самодержецъ". (Изъ исторіи кодификаціи основныхъ законовъ въ 1906 г.). — В. Б. Бертенсонъ. Музей имени П. И. Чайковскаго.— Н. Д. Девель. Измайлово.—Критика и библіографія.—Заграничныя историч. новости и мелочи.— Смѣсь.—Некрологи.—Замѣтки и поправки.

„Историческій Вѣстникъ". (1913—3). Б. Г. Романовскіе юбилейные дни, хроника.—Ф. Е. Зарнэ-Несвицкій. Борьба у престола. (Продолж.).—М. Ватаци. Былъ минувшаго. (Продолж.). — В. Микуличъ. Тѣни прошлаго.—Н. В. Исаковъ. Венгерская кампанія 1849 г. (Отрывки изъ записокъ).—А. И. Соколова. Встрѣчи и знакомства.—С. С. Окрейцъ. Аудіенція у П. С. Столыпина и катастрофа 12 августа.—Е. Кольбъ. Изъ мемуаровъ гр. Ржевускаго.—А. А. Дунинъ. Око за око. (Изъ сибирской угол. хроники).—В. П. Малыхина. Правда объ И. С. Никитинѣ.—И. Г. Послѣдній „изъ стаи славной". (Памяти гр. А. А. Голенищева-Кутузова).—Б. Девяткинъ. Къ могиламъ декабристовъ.—А. Э. Мальмгрэнъ. Тукумская революція. (По разсказу очевидца).—Д-ръ А. Н. Шабанова. Женское врачебное образованіе въ Россіи. (Къ 35-лѣтію первыхъ ж.-вр. въ Россіи).—В. Е. Рудаковъ. Два археологическихъ юбилея.—Б. Б. Глинскій. Къ исторіи составленія основныхъ законовъ въ 1906 г.—В. Вержбицкій. Поѣздка на Валаамъ, очеркъ.—Критика и библіографія.—Заграничныя историческія новости и мелочи.—Смѣсь.—Некрологи.—Замѣтки и поправки.

„Историческій Вѣстникъ". (1913 — 5).—Ф. Зарнэ-Несвицкій. Борьба у престола, историч. романъ. (Продолж.).—Марія Ватаци, рожд. Мертваго. Былъ минувшаго. (Продолж.). — Г. Сѣверцевъ-Поліловъ. Современный бракъ, повѣсть.— Е. Андреевскій. Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ. (Продолж.).—А. Соколова. Встрѣчи и знакомства.—О. Третейская. Весенняя идиллія, разск.—Е. Поливанова. Изъ прошлаго. (Семидесятники).—А. Миловидовъ. Первыя скорбныя страницы лѣтописи польскаго возстанія 1863 г. въ предѣлахъ Сѣверо-Зап. края.—Н. Чарыковъ. Рекогносцировка у Чурьяка. (Изъ воспомин.).— П. Леслн. Пріемъ смолен. дворянствомъ наслѣдн. Александра Николаевича.—Е. Смирновъ. Военно-бюрократич. мѣропріятіе орфографич. характера.—В. Кокосовъ. Картофельный бунтъ.—Тайное общество. Сообщ. К. Путилинъ. — С. Упа. На богомолье, штрихи.—П. Вѣляевъ. Памятники рода Романовыхъ въ Моск. Новодѣвичьемъ монастырѣ.—В. Ярополовъ. Вотяки Малмыжскаго края, эскизн. очеркъ.—Критика и библіографія.

„Маски". (1913 — 6). М. Бончъ-Томашевскій. Театръ и обрядъ.—А. Архангельскій. Музыка и ритмъ сценическаго дѣйствія.—Г. фонъ-Гофманъ-сталь. Сцена какъ сновидѣніе. — А. Н. Вознесенскій. Первый русскій комедіантъ. — В. Сахновскій. О бытовомъ театрѣ.—Е. Паннъ. Новыя режиссерскія попытки на парижской сценѣ. — Н. Карабановъ. Драматическія школы.—Б. Веевъ. Нѣчто о комедіи, драмѣ, пьесѣ.—А. Струве. О мелодекламаціи.—Е. Ланге. У корней театра. (Турецкій театръ). — М. Бончъ-Томашевскій. Н. Евреиновъ. (Театръ какъ таковой).—Н. Карабановъ. Итоги и перспективы.—В. Сахновскій. Комедіи Мольера въ Художественномъ театрѣ.—За рубежемъ. — Театральная и музыкальная лѣтописи.—Библіографія.

„Новости Дѣтской Литературы". (1913—6).— Н. Ульяновъ. Организованный выборъ книгъ для дѣтскаго чтенія.—Журналы для дѣтскаго чтенія за 1912 г. (Продолж.). — С. Сыромятниковъ. Переписка съ читателями. Самостоятельное чтеніе учащихся.—Списокъ вышедшихъ за мѣсяцъ дѣтскихъ книгъ. — Рецензіи на новыя дѣтскія книги. (Продолж.).—Хроника.

„Новости Дѣтской Литературы". (1913—7).— I-й Всероссійскій Съѣздъ по семейному воспи-

танію.—Списокъ вышедшихъ за мѣсяцъ дѣтскихъ книгъ. — Рецензіи на новыя дѣтскія книги. — Хроника.

„Новости Дѣтской Литературы“. (1913—8).— В. Мурзаевъ. Иллюстраціи къ народной сказкѣ.— Обзоръ книгъ на иностранныхъ языкахъ.—Списокъ вышедшихъ за мѣсяцъ дѣтскихъ книгъ. — Рецензіи на новыя дѣтскія книги.—Хроника.

„Педагогическій Листокъ“. (1913—5).—Карицевъ, П. Народное образованіе въ Швеціи.— Тираспольская, А. Положеніе народной школы въ Норвегіи.—Коринфскій, А. Къ свѣту! (Изъ „Пѣсень о трудѣ“).—С-о. С. Экономія заучиванія. (Изъ текущей литературы).—Хроника.—Библіографія.

„Педагогическій Сборникъ“. (1913—5).—Я. Китаревъ. Вопросы религіи и морали въ русской худож. литературѣ.—М. Писаревъ. Изъ отчета начина-ющаго преподавателя исторіи.—Н. Лебедевъ. Нѣсколько словъ о преподав. законовѣд. въ кадет. корпусахъ.—П. Самохваловъ. Къ постановкѣ курса анализа безконечно-малыхъ въ кадот. корпусахъ. — Изъ дневника редакціи. — Критика и библіографія.

„Популярный Литературно-Медицинскій Журналъ“. (1913 — 3). Б. Фромметь. Безуміе въ жизни и творчествѣ Г. де-Мопассана.—В. Старконъ. На скромномъ посту, разск.—М. Цитронъ. Тишь и гладь, разск.—Л. Левенфельдъ. Бракъ и счастье. Сокращ. перев. съ 3-го нѣм. изд. Б. А. Винницкой подъ ред. д-ра Е. А. Аркина.— Д-ръ мед. К. Тэнничесъ. Преждевременная старость. Перев. съ нѣм. В. М. Познера.—Серотерапія и вакцинація. Авториз. перев. съ фр. ж-вр. М. Безбокой. **„Домашній Докторъ“.** (1913—3). Б. Фромметь. Заботы о грудныхъ дѣтяхъ гороховъ.— Д-ръ В. Сѣткова. Корь.—Борьба съ туберкулезомъ.—Д-ръ Л. Гринъ. Киссингенъ, какъ климатическая станція для больныхъ сѣнной лихорадкой.— Практическая медицина.—Общественная медицина.—Растительный столъ.—Домашняя ветеринарія. — Медицинскія замѣтки. — Почтовый ящикъ.

„Просвѣщеніе“. (1913 — 4). — С. Хмурый. Иванъ.—Л. Старкъ. На улицѣ, стих.—К. Марксъ. Пруссія въ 1856 г.—Н. Сталинъ. Національный вопросъ и соціалдемократія. (Продолж.). —Политикусъ. Ближне-Восточный узелъ. (Оконч.).— Ив. Бунинъ. Матросъ, стих.—Демьянъ Бѣдный. Ослы, басня. Молитва.—W. Англійскіе споры о либеральной рабочей политикѣ. — Н. Осинскій. Объ угольномъ голодѣ.—В. Ильинъ. Возростающее несоотвѣтствіе. (Оконч.).—Б. Данскій. Страховая кампанія.—Читатель. Журналъ „Страхованіе рабочихъ“.—И. Г. Марксистское книгоиздательство.—Вивъ. Несчастные случаи на Путиловскомъ заводѣ. — Ю. Каменевъ. О романѣ Ромшина.—В. Вѣховцы и націонализмъ.

„Русская Старина“. (1913—5). — Е. Шумигорскій. Тысяча восьмисотый годъ. — В. Случевскій. Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тираспалемъ.—Н. Лернеръ. Письмо въ редакцію.—Г. Бобриковъ. На Босфорѣ. — Дневникъ ст. секр. Гр. Ив. Видламова. Сообщ. Н. А. Видламовъ.—Дневникъ академика В. П. Безобразова. Сообщ. М. В. Безобразовъ.—П. фонъ-Кауфманъ. Письмо въ редакцію. — П. Ф. Филатовъ. Юные годы.—Изъ архива гр. С. Ю. Витте. Сообщ. Н. Лернеръ. — Три собственноруч. записки ген.-аншефа гр. А. В. Суворова-Рымникскаго къ М. С. Лалаеву. Сообщ. В. А. Бернацкій.—А. Е. К.-М. И. Драгомировъ.—ген.-губерн.— А. Вороновъ. Яковъ Іоганъ Ульпиусъ. — Депутатъ отъ Россіи. Сообщ. Е. С. М.—Письма И. И. Ломакина консулу Ф. А. Бакунину. Сообщ. В. А. Алексѣевъ.—П. Высоцкій. Польскій бунтъ и старообрядцы. — П. Любимовъ. Изъ жизни инжен. путей сообщенія. — Л. Ильинскій. Два письма В. А. Жуковскаго къ А. Н. Оленину. — Т. Екатерина II—законодательница. — В. Трескина. Выдержки изъ писемъ, писанныхъ въ 1812 г. изъ Великой Арміи Наполеона изъ Россіи во Францію и не дошедшихъ по назначенію, какъ задержанныя Чернымъ Кабинетомъ Наполеона или почтой въ Гамбургѣ.—М. Ключковъ. Замѣтка о Посошковѣ.—С. Долговъ. Сто лѣтъ назадъ.—Н. Морозовъ. Люди и нравы за полвѣка —Изъ записной книжки „Русской Старины“.—За лучинку и поцѣлуй. Сообщ. Д. Девель.

„Современный Міръ“. (1913—4).—Н. Гаринъ-Михайловскій. Суморки, разск. — А. Липецкій. Хоровод, стих. — В. Обнинскій. Маленькая жизнь, разск.—П. Егоровъ. Картины города, стих.—В. Нарбутъ. Зимняя ночь, стих.—А. Федоровъ. „Его глаза“, повѣсть. — С. Кречетовъ. Пепелъ, стих—О. Аптекманъ. Записки семидесятника.—Н. Клюевъ. Стихотв. — А. Липецкій. Дѣвушкѣ-швеѣ, стих. — Х. Баликъ. Маринка, разск.—Д. Лондонъ. Китовый усъ, разск. Перев. съ англ. В. Керженцевъ. — П. Халльстремъ. Жена садовника, разск. Перев. со шведск. Е. Благовѣщенской. — А. Деборинъ. Прагматизмъ и религія.—Л. Клейнборть. Очерки рабочей демократіи.—С. Загорскій. Къ характеристикѣ нашей торговой политики.—Г. Алексинскій. „Такъ говорилъ Іеровоамъ“.—І. Ларскій. Душа хозяйства. — Демьянъ Бѣдный. Басни: І. Затѣйники. II. Опечатка.—Вл. Кранихфельдъ. Литерат. отклики. „80 тысячъ верстъ вокругъ себя“.—Критика и библіографія. — Переписки А. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ.

„Украинская Жизнь“. (1913—4).—Петлюра, С. В. Памяти М. Коцюбинскаго.—Мих. Могилянскій. М. М. Коцюбинскій. — Обнинскій, В. Первые шаги русскаго автономизма.—Познанскій, Б. С. Воспоминанія. (Продолж.). — Садовскій, В. В. Федерализмъ и централизмъ въ кооперативномъ движеніи на Украйнѣ.—Вочковскій, И. А. Проф. Т. Г. Масарикъ объ украинскомъ вопросѣ.— Лозинскій, М. „Тріединая Польша“. (Справка).— Донцовъ, Д. Гетманъ Мазепа въ западно-европейской литературѣ.—Саликовскій, А. Ф. На ложномъ пути. (Письмо въ редакцію). — Изъ украинской прессы.—На Украинѣ и внѣ ея.— Библіографія.

„Что и какъ читать дѣтямъ“. (1913—8-9).—Выставка дѣтскихъ книгъ.—С. Русова. Украинская дѣтская литература.—Обзоръ книгъ С. Меча. — Обзоръ брошюръ, посвященныхъ Дому Романовыхъ, изд. Сытина.—Обзоръ новыхъ изд. Сытина для маленькихъ дѣтей.—О взвы о книгахъ.— Справки о нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ книгахъ.—Какъ пріобрѣтать книги.

Книги, поступившія въ редакцію.

Изд. „Прометей". Спб.

А. Амфитеатровъ. Раздѣлъ. Романъ. 2 р. 25 к.
Кэнджиро Токутоми. Лучше не жить. Ром. 1 р. 25 к.
Литературно-художественный сборникъ „Прометей". Кн. I. 50 к.
Н. И. Карѣевъ. Критика экономическаго матеріализма. Собр. соч. т. III. 1 р. 50 к.
А. Дастръ, проф. Жизнь и смерть. 1 р. 25 коп.

Изд. М. И. Семенова. Спб.

І. Гольденбергъ. Реформа тѣлесныхъ наказаній. 60 коп.
А. и Ф. Гербертсонъ. Человѣкъ и его трудъ. 1 р. 50 коп.
А. Бергсонъ. Воспоминаніе настоящаго. 50 к.
„Петербургскіе вечера". Сборникъ. 1 р.
Л. Ждановъ. Наслѣдіе Грознаго. 75 коп.

Изд. Н. Шейерманъ.

Пояснительный словарь къ теософической литературѣ. 30 коп.
Свами Вивекананда. Карма-Іога. 50 к.
Его же. Практическая Веданта. 50 к.
Шри Шанкара-Ачарія. Таттва-Бодха, или Познаніи бытія. 25 к.
Его же. Атма-Бодха, или Самопознаніе. 20 к.
Его же. Вивека-Чудамани, или Сокровище премудрости. 60 к.

Изд. І. А. Маевскаго. М.

Н. Кнолаева. Ник. Никол. Ге. 15 к.
Ея же. Кн. Павл. Брюлловъ. 15 к.
Ея же. Александръ Андреевичъ Ивановъ. 15 к.
Ея же. М. А. Врубель. 15 к.
Н. Хауторнъ. Блитдэйлъ. Романъ. 1 р. 50 к.
Д. Лондонъ. Собр. соч. Приключеніе. Ром. Изд. 2-е. 1 р.
Его же. Собр. соч. Сынъ солнца. Повѣсть. 1 р.

Ахм. Цаликовъ. Кавказъ и Поволжье. Очерки. 1 р. 50 к.
В. И. Симоковъ. Нѣсколько словъ о деревенскихъ припѣвкахъ-частушкахъ. Изд. авт. 10 к.
Деревенскія пѣсни-частушки. Вып. VI и VII. Изд. В. П. Симонова. По 5 к. вып.
В. Говардъ. Комнатная муха. Изд. Вятск. т-ва. 40 к.
С. Слабожанинъ. Европа. Географич. хрестоматія. Ч. II. 80 к.
Ю. Веселовскій. Этюды по русской и иностранной литературѣ. Т. I. Изд. „Звѣзда". 50 к.
„Хмель". Ежемѣсячникъ. № 3. 20 к.
В. Н. Крачевскій. Стихотворенія. 1 р. 25 к.
Кружокъ совмѣстнаго воспитанія и образованія дѣтей въ Москвѣ (1907—1912). 20 к.
Матеріалъ по киргизскому землеустройству. Сыръ-Дарьинская обл. Казалинскій у. 1913. Изд. Гл. Упр. Землеустр. и Земледѣлія.
Конспекты лекцій по педагогическимъ предметамъ, читанныхъ на лѣтнихъ курсахъ 1912 г. для народныхъ учит. и у-ъ въ Харьковѣ. Изд. Харьк. Губ. Упр.
Начальное народное образованіе въ Харьковской губ. 1910 г. Статист. обзоръ. Изд. Харьк. Губ. У.
В. Ѳ. Штифтаръ. De Herodoti oraculis. 25 к.
Рих Вагнеръ о музыкѣ. Мысли, афоризмы, фрагменты. Собр. Н. Ю. 25 к.
Отчетъ библіотеки-читальни О-ва пособія бѣднымъ евреямъ г. Мелитополя за 1912 г.
И. Данилкинъ. Гаврюшка. Разск. Изд. „Школа". 10 к.
Лео Шадуръ, проф. Геліотерапія. Леченіе болѣзней солнцемъ. Изд. З. С. Бисскаго. 60 к.
Л. Н. Толстой. Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича. Со вступ. ст. В. Г. Короленко и примѣч. В. Г. Черткова. 20 к.
А. Безантъ. Законы высшей жизни. Изд. „Лотосъ." 35 к.
Н. О. Лернеръ. Замѣтки о Пушкинѣ. Отд. оттискъ изъ изд. „Пушкинъ и его современники". Вып. XVI.
Л. Ѳ. Достоевская. Эмигрантка. Современные типы. Изд. 2-е. 1 р. 50 к.
Матеріалы по устройству лѣтнихъ школьныхъ колоній. Вып. I. Всерос. Лига для борьбы съ туберкулезомъ. 30 к.
Т-во плодоводовъ при Имп. Рос. О-вѣ Плодоводства. Обращеніе къ плодоводамъ. Уставъ.
Антоній, іером. (Булатовичъ). Апологія вѣры во имя Божіе и во имя Іисусе. 1 р. 25 к.
Бюллетени Тифлисскаго О-ва Любителей природы. № 1. 50 к.
С. Тюринъ. Московское Центральное Бюро профессіональныхъ союзовъ. Семинарія по экономич. политикѣ при Моск. Ком. Инст. 85 к.
С. Лагерлефъ. Платокъ святой Вероники. Изд. „Медвѣженокъ". 25 к.
К. Горбуновъ. Торжество правды. Изд. „Медвѣженокъ". 15 к.
Эго-футуристы. VI альманахъ. Бей!.. Изд. „Петерб. Глашатай". 50 к.
П. Эдіетъ. Полуночные вѣтры. 1-я кн. стиховъ. 70 к.
Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго О-ва при Имп. Спб. у-тѣ. Т. IV.

Издатели: { В. Крандіевскій. / В. Носенковъ.
Редакторъ В. Крандіевскій.

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“. СПБ., Николаевская, 9. Телефонъ 75-51.

Новыя идеи въ математикѣ.

Непериод. изд., выход. подъ редакціей заслуженн. проф. **А. В. Васильева.**
Сборникъ № 1. Математика. Методъ, проблемы и значеніе ея. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Пространство и время I. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 3. Пространство и время II. Цѣна 80 к.

Новыя идеи въ астрономіи.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора **А. А. Иванова.**
Сборникъ № 1. Космогоническія гипотезы I. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Земля. Ея внѣшняя форма и внутреннее строеніе. Цѣна 80 к.

Новыя идеи въ физикѣ.

Непериод. изд., выход. подъ редакціей заслуженн. проф. **И. И. Боргмана.**
Сборникъ № 1. Строеніе вещества. Второе дополненное изд. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. * Эфиръ и матерія. Второе дополненное изд. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 3. Принципъ относительности. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 4. Дѣйствіе свѣта. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 5. Природа свѣта. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 6. Природа теплоты. Цѣна 80 к.

Новыя идеи въ химіи.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. **Л. А. Чугаева.**
Сборникъ № 1. Стереохимія. Химическая механика. Растворы. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Радіоактивныя вещества I. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 3. Валентность. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 4. Радіоактивныя вещества II. Цѣна 80 к.

Новыя идеи въ біологіи.

Непериод. изданіе, выход. подъ редакціей проф. **В. А. Вагнера** и **Е. А. Шульца.**
Сборникъ № 1. Что такое жизнь? Цѣна 80 к.

Новыя идеи въ медицинѣ.

Непериод. изданіе, выход. подъ редкціей проф. **А. М. Левина,** при ближ. уч. прив.-доц. **Л. В. Блюменау,** проф. **А. А. Кадьяна,** д-ра **Е. С. Лондона** и акад. **И. П. Павлова.**
Сборникъ № 1. Радіотерапія. (Печатается).

Новыя идеи въ философіи.

Непериод. изданіе, выход. подъ редакціей **Н. О. Лосскаго** и **Э. Л. Радлова.**
Сборникъ № 1. Философія и ея проблемы. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Борьба за физическое міровоззрѣніе. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 3. Теорія познанія I. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 4. Что такое психологія? Цѣна 80 к.
Сборникъ № 5. Теорія познанія II. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 6. Существуетъ ли внѣшній міръ? Цѣна 80 к.
Сборникъ № 7. Теорія познанія III. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 8. Душа и тѣло. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 9. Методы психологіи I. Цѣна 80 к.

Новыя идеи въ соціологіи.

Непериод. изд., выход. подъ редакціей проф. **М. М. Ковалевскаго** и **Е. В. де-Роберти.**
Сборникъ № 1. Соціологія. Ея предметъ и современное состояніе. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Соціологія и психологія. (Печат.)

Новыя идеи въ экономикѣ.

Непериод. изданіе, выход. подъ редакціей проф. **М. И. Туганъ-Барановскаго.**
Сборникъ № I. Проблема распредѣленія общественнаго дохода. (Печат.)

Новыя идеи въ педагогикѣ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей **Г. Г. Зоргенфрея.**
Сборникъ № 1. Самоуправленіе въ школахъ. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Трудовая школа. Цѣна 80 к.

Естествознаніе въ школѣ.

Непериод. изданіе, выход. подъ редакціей проф. **В. А. Вагнера** и **Б. Е. Райкова.**
Сборникъ № I. Вопросы методики преподаванія естествознанія. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 2. Преподаваніе начальнаго природовѣдѣнія. Цѣна 80 к.
Сборникъ № 3. Обзоръ новѣйшей учебной и учебно-вспомогательной литературы по естествознанію. Цѣна 80 к.

Географія въ школѣ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей **Я. И. Руднева.**
Сборникъ № 1. Вопросы преподаванія и методики географіи въ средней и народной школѣ. Цѣна 80 к.
Э. Л. Радловъ. Владиміръ Соловьевъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Каталогъ издательства высылается по требованію безплатно.

Книжный складъ Т-ва А. А. ЛЕВЕНСОНЪ.

Москва. Трехпрудный. с. д., тел. 503-88.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1092 года, изданное Румянцевскимъ музеемъ, воспроизведенное буква въ букву съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей пергамента, письма и переплета. Ц. 100 р.

ДЕЛЬВИГЪ, Мои воспоминанія. Изд. Румянц. музея. Ц. 2 р. 50 к.

ВИКТОРЪ МИХАЙЛ. ВАСНЕЦОВЪ. Русскія пословицы и поговорки. Художествен. альбомъ. Ц. 10 р.

Итальянскія сказки, подъ редакц. М. Горькаго, пер. Андреевой. Т. I, ц. 1 р. 25 к., т. II, ц. 75 к. (съ рис.).

Словарь иностранныхъ словъ, 2-е изд., п. 1 р. 50 к.

Французско-русскій словарь, ц. въ перепл. 1 р. 50 к., безъ перепл. 1 25 к.

Русско-англійскіе разговоры, цѣна 1 руб. 25 коп.

Россійскій гербовникъ. Худож. въ краск. исполн. гербы 11-ти универс. губерній и Костромской. Ц. 2 р.

Щепкина-Куперникъ. Разрозненныя страницы, п. 1 р.; Облака, ц. 1 р.; Письма изъ далека, ц. 1 р.

Американскіе синдикаты — М. И. Назаревскій, ц. 2 р. 80 к.

Изданія „ОКТО“:

Письма Л. Н. Толстого, ц. въ пер. 2 руб., безъ пер. 1 р. 50 к.

„Библіотека классиковъ“: Шекспиръ I и II т., Гомеръ, Байронъ I и II т., Гете, т. I, II, III, цѣна за томъ 2 р. 50 к. (Гомеръ—3 р. 50 к.). Мольеръ, Шиллеръ печатаются. Принимается подписка на всю библіотеку (12 томовъ) на слѣд. условіяхъ: цѣна 31 р., задатокъ 2 р., а затѣмъ при полученіи каждаго тома 2 р. 50 к. (соч. Гомера 3 р. 50 к.). Задатокъ вычитается при доставленіи послѣдняго тома.

Историческіе очерки — А. А. Кизеветтеръ, п. 3 р.

Образы прошлаго — М. О. Гершензонъ, ц. 3 р.

Гете — „Фаустъ“ (отд. вып.), п. 1 р.

Байронъ — Чайльдъ Гарольдъ, ц. 50 к.

Байронъ — Донъ-Жуанъ, ц. 1 р.

Вся библіотека классиковъ выпускается въ переплетахъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Ах. Цаликовъ.

КАВКАЗЪ И ПОВОЛЖЬЕ.

Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственнаго быта. Изданіе М. Мухтарова. Москва, 1913 г. Стр. 184. Ц. 1 руб. 50 к.

Изъ отзывовъ: „Книга Ах. Цаликова представляетъ значительный интересъ какъ по богатству самостоятельныхъ наблюденій автора, такъ и по обилію офиціальныхъ данныхъ“. „Русс. Молва“. Спб. № 120, 1913 г. Книгу нельзя не порекомендовать всѣмъ интересующимся областными вопросами въ Россіи“. „Руль“. Москва, № 403. 1913 г.

Складъ изд.: Каретный рядъ, д. № 14, кв. 12. Тел. 177-07. Книгоизд. „Востокъ“. Можно выписывать съ наложеннымъ платежомъ.

Библіографическія извѣстія

періодическій органъ. Открыта подписка на 1913 г. Русскаго библіографическаго общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Журналъ ставитъ своей задачей оповѣщеніе членовъ Библіографическаго Общества при Московскомъ Университетѣ о всѣхъ выдающихся фактахъ изъ жизни Общества. Кромѣ того, будутъ помѣщаться какъ спеціальные труды по библіографіи (теоретическія изслѣдованія, систематическіе обзоры и пр.), такъ равно и хроника библіографической жизни (русской и заграничной). Статьи и замѣтки иного содержанія не принимаются. Журналъ выходитъ съ 1913 года по два №№ въ каждомъ полугодіи (приблизительно въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ, декабрѣ) размѣромъ не менѣе 3 печатн. листовъ.

Цѣна — 3 рубля въ годъ, для дѣйствительныхъ членовъ Общества — безплатно. Адресъ: Москва, Моховая, 11, Старое зданіе Университета. Библіографическое Общество. Личные переговоры по понедѣльникамъ отъ 7 до 8 час. вечера.

Секретарь Общества *Б. Бодянскій.*

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА

ПРЕССЫ и ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА РОССІИ ВО ДВОРЦѢ

МЕЖДУНАРОДНАГО ОТДѢЛА

ГЕНТСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ

(май—ноябрь 1913 г.).

Программа выставки: газеты и журналы, издательства, книжные магазины, библіотеки, публикаціонное дѣло и вообще всѣ учрежденія и предпріятія, обслуживающія прессу и книгоиздательство. Участники русскаго отдѣла пользуются всѣми правами экспонентовъ всемірной выставки, т.-е. имѣютъ право на полученіе дипломовъ и медалей. Детальныя свѣдѣнія по первому требованію. Писать: Musée de la presse russe, rue de la Madeleine, 46. Bruxelles. Экспертиза экспонатовъ состоится въ сентябрѣ т. г.; экспонаты принимаются до конца августа.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на журналъ

„ЖИВОЕ СЛОВО“

52 №№ иллюстр. журнала. **6** кн. ДЖЕКА ЛОНДОНА.

20 кн. худ. произв. Л. Н. ТОЛСТОГО. **1** худож. портр. Л. Н. ТОЛСТОГО.

1 ст. календ. въ 8 красокъ.

На годъ **5** р., на ½ г. **3** р.

Москва, Леонтьевскій, 26. Пробный № высылается за 7 коп. марку.

СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ ПОВСЕМѢСТНО

АГЕНТЫ-СОТРУДНИКИ

безъ малѣйшихъ затратъ и риска на опредѣленное жалованіе и %%. Подробн. усл. высыл. безпл. Иркутскъ. Контора газеты „СИБИРСКІЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“. Почтамтская, № 14.

печати и читающей частью общества, а низкая цѣна изданія дѣлаетъ этотъ безусловно полезный органъ печати вполнѣ доступнымъ для широкой публики"... „Сѣв. Утро": „Журналъ... въ дѣльныхъ обстоятельныхъ статьяхъ даетъ квинтъ-эссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... точно отмѣчаетъ, какъ бьется въ данный моментъ пульсъ человѣческаго генія во всѣхъ его проявленіяхъ... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго"... „Русск. Молва": „Все то важное, что терялось въ гущѣ журналовъ и пестромъ содержаніи газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ не только тѣ, которые спеціально въ этой области работаютъ — для нихъ журналъ незамѣнимъ, — но и самые широкіе круги читателей... Немногіе имѣютъ время и возможность слѣдить за всѣми органами печати, и потребность въ журн. типа „Бюллетеней", держащемъ своего читателя въ курсѣ литературной жизни, — велика".

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ЖУРНАЛА РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 3 р. Допускается разср.: 1 р.—къ 1 сент., 1 р.—къ 1 янв. и 1 р.—къ 1 мая. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учителей при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала подписная цѣна на годъ — 2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почт.-телеграфн. учрежден. Имперіи. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. ═══ Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Продажа производится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ, въ газетн. кіоскахъ и на ст. жел. дор.

Книгоиздательства приглаш. присылать исключительно на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ библіограф. свѣдѣній. ═══ Имѣются полн. компл. журн. „Бюллетени" за 1910 — 11 и 1911 — 12 гг. Цѣна комплекта 1-го года — 2 р., 2-го — 3 р. съ пересылкой.

Цѣна за оба комплекта въ переплетѣ (3 тома)—6 р. 50 к.

Адресъ конт. и ред.: Москва. Хлѣбный пер., д. 1. 1-е отд. конт.: Б. Никитская. 10, кн. маг. „Наука". 2-е отд. конт.: С.-Петербургъ, Гороховая, д. 6, кн. складъ „Провинція".

„ПРОМЕТЕЙ"

С.-Петербургъ, Поварской, 10—9.

„Прометей". Лит.-худож. сборники. Книга I. Избранныя произведенія современной русской литературы. . . . . —.50

Ив. Вольновъ. Повѣсть о дняхъ моей жизни 1.25

Токутоми Кэнджиро. Лучше не жить! (Трагедія женской души). Японскій романъ съ предисл. Льва Жданова . . 1.25

Александръ Гринъ. Т. I. Штурманъ четырехъ вѣтровъ. 1.25
Т. II. Пролитъ бурь 1.25

Иларій Шадринъ. Бурса. Повѣсть изъ совр. жизни семинарій и духовенства. 1.50

Кн. Барятинскій, В. В. Царственный мистикъ (Императоръ Александръ I—Ѳедоръ Козьмичъ) 1.25

АМФИТЕАТРОВЪ, А.

Паутина. Романъ 1.25
Аглая. Романъ. 1.25
Раздѣлъ. Романъ. 2.25

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

Въ стѣнахъ Варшавы. . . . . 3.—
Осажденная Варшава 1.25
Сгибла Польша! 1.25
Послѣдній фаворитъ. 1.75

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ.

Т. 12. Приключеніе. 1.25
Т. 13. До Адама. . . . . 1.—

УПТОНЪ СИНКЛЕРЪ.

Т. 1. Испытанія любви. 1.50
Т. 2. Джунгли. . . . . 1.—
Т. 3. Деньги . . . . . 1.—
Т. 4. Царь Мидасъ 1.25

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталогъ безплатно.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ и СКЛАДЪ

ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ И. Ф. КОСЦОВА.

С.-Петербургъ, Литейный просп. 28 — 12.

Пополняетъ всевозможныя библіотеки и читальни на выгодныхъ условіяхъ. Условія и каталоги высылаются по первому требованію. Особо льготныя условія: для земствъ, публичныхъ библіотекъ, учебныхъ заведеній, полковъ и проч. учрежденій. ИНТЕРЕСЫ ЗАКАЗЧИКОВЪ СТРОГО СОБЛЮДАЮТСЯ. Исполненіе заказовъ быстрое и вполнѣ добросовѣстное. УДЕШЕВЛЕННО ПРЕДЛАГАЮ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ. Цѣны безъ пересылки. Высылаются наложн. платежемъ.

И. Тэнъ. Происхожденіе современной Франціи. Пер. съ фр. 5 том. около 2000 стр. За 2 р. 50 к.

Богдановъ, А. Изъ психологіи общества. 282 стр. Спб. 1906 г. За 50 к.

Ламартинъ, А. Жирондисты. Историко-прагматическое изслѣд. въ 4-хъ томахъ 1200 стр. Изд. 1911 г. За 2 р.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. Т-ва Гранатъ, при участіи А. Кизеветера, Овсян.-Куликовскаго и др. съ мас. пор., рис. и снимковъ, роскошн. изд. въ 9 т. въ пер. Вмѣсто 54 р. за 30 р.

Общественное движеніе въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Декабристы, Фонъ-Визинъ, кн. Оболенскій, баронъ В. Штейнгель. Статьи и матеріалы. Сост. Богучарскій, В. Семенскій и Щегловъ. Огром. томъ, съ порт. Вм. 5 р. за 2 р. 75 к.

Боккачіо, Д. Декамеронъ. Полн. пер. 1000 новеллъ, 570 стр. съ рис. За 1 р. 80 к.

Исторія XIX вѣка. Западная Европа и Европейскія Государства. Подъ ред. проф. Лависса и Рамбо. Роскошн. изд. съ массой иллюстрац., рис. и порт. Т-ва Гранатъ, въ 8 том. въ роскош. пер. Вм. 27 р. за 19 р.

Мужчина и женщина. Ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое ими въ соврем. культ. жизни. Коллект. трудъ проф. Т. Ахелисъ, В. Бельше и др. Авторов. пер. съ нѣм. проф. Дорела, Д. Клеменца и др. Роскош. изд. съ мас. красочныхъ и черн. рис., въ богат. волоч. пер. Въ 3-хъ том. Изд. Т-ва Просвѣщ. Экз. соверш. нов. Вм. 30 р. за 22 р.

Арт. Шопенгауэръ, его личность и ученіе, проф. І. Фолькельта. Пер. съ нѣм. 418 стр. Спб. 1902 г. За 65 к.

Карлейль, Т. проф. П. Гензеля. 250 стр. За 50 к.

Франке, К. Исторія нѣмецкой литературы съ 5 к. до настощ. времени. Съ 39 пор. 592 стр. Вм. 3 р. за 2 р.

Кузьминъ, С. Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей. 370 стр. Спб. 1904 г. Вм. 2 р. 50 к. за 1 р.

Гсно, А. и Томкичъ. Павелъ I-й. Собр. анекдот., отзывовъ, характерист. указовъ и проч. 300 стр. Съ пор. Павла I. Вм. 3 р. за 1 р.

Вундтъ, В. Его философія и психологія. Соч. Кенига. Пер. съ нѣм. съ пор. 195 стр. Спб. 1902 г. За 35 к.

Давыдовъ, І. Историческій метеріализмъ и критическая философія. Сборникъ статей. 320 стр. Спб. 1905 г. Вм. 1 р. 25 к. за 65 к.

Форель, А. Половой вопросъ. Естест.-научн. психологич. и социальн. изслѣд. съ предисл. проф. В. Сперанскаго. 2 тома. Вм. 2 р. 50 к. за 1 р.

Вейнингеръ. Полъ и характеръ. 312 стр. Вм. 2 р. за 1 р.

Платонъ. Соч. проф. Виндельбанда. Пер. съ нѣм. 200 стр. Спб. 1904 г. за 35 к.

Пол. собр. соч. В. Шекспира. Пер. подъ ред. Венгерова. Роскошн. изд. Брокгауза съ гравюр. том. въ роскош. пер. Вм. 40 р. за 24 р.

То-же. Соч. Пушкина. 5 т. въ роскош. пер. Вм. 40 р. за 30 р.

То-же. Соч. Байрона. 3 т. въ роскош. пер. Вм. 24 р. за 16 р.

То-же. Соч. Шиллера. 4 т. въ роскош. пер. Вм. 32 р. за 20 р.

Реальная Энциклопедія Медицинскихъ Наукъ подъ ред. проф. Афанасьева. 23 т. Спб. 1903 г. Безъ пер. Вм. 80 р. за 18 р.

Исторія Россіи. С. Соловьева. (29 т. въ 15 книг. и указатель.) Изд. „Т-ва Общ. Польза", въ кол. пер., экз. соверш. нов. Вм. 32 р. за 23 р.

Гельмольтъ, Г. Исторія человѣчества. Роскошн. изд. Т-ва Просвѣщеніе съ массой красоч. и черн. рис. въ 9 т. въ роскош. полукож. пер. Вм. 54 р. за 30. Экз. соверш. новый.

Келлеръ, К. Жизнь моря. Роскош. изд. съ рис. въ богат. пер. 1 больш. томъ, экз. сов. нов. Вм. 9 р. 50 к. за 7 р.

Диккенсъ, Ч. Собр. соч. въ пер. Введенск., Энгельгардта и др., въ изящ. кол. пер. въ 33 т. Экз. соверш. нов. Вм. 42 р. за 27 р. Изд. Т-ва Просвѣщеніе.

Дрентельнъ, Е. С. Женщ. врачъ. Этюды о природѣ женщины и мужчины. Основаніе полового и женскаго вопроса въ ихъ взаимной связи. Съ рис. за 1 р. 25 к.

ПОЛНЫЯ СОБР. СОЧ. ПИСАТЕЛЕЙ:

Изъ. А. Маркса и др. издателей:

(Цѣны поставлены безъ пересылки).

Г. Ибсена. 18 т.—3 р. А. Чехова. 16 т.—6 р. 50 к. и 12 дополн. том.—3 р. 50 к. К. Гамсуна 18 т.—3 р. А. Писемскаго. 38 т.—5 р. Мельникова-Печерскаго. 22 т.—4 р. 50 к. А. Толстого 12 т.—4 р. Л. Буссенера. 40 т.—5 р. 50 к. Марка Твэна. 28 т.—5 р. В. Гаршина. 4 т.—1 р. 25 к. К. Станюковича. 40 т.—4 р. Салтыкова Щедрина. 40 т.—5 р. Г. Гейне. 16 т.—1 р. 50 к. Н. Лѣскова. 36 т.—3 р. 50 к. Г. Данилевскаго 24 т.—3 р. 50 к. А. Пушкина, въ 1 т.—съ рис.—1 р. 35 к. М. Ю. Лермонтова, въ 1 т. съ рис.—90 к., Михайлова-Шеллера. 50 т.—3 р. 50 к. И. Горбунова. 4 т.—80 к. Вс. Соловьева, въ 10 т.—7 р. 50 к. Д. Григоровича. 12 т.—6 р. С. Надсона, въ 1 т.—1 р. 90 к. И. Гончарова. 12 т.—7 р. Л. Мея. 8 т.—1 р. П. Боборыкина. 12 т.—2 р. 50 к. В. Жуковскаго. 12 т.—1 р. 20 к. Г. Гаупткмана. 10 т.—1 р. 50 к. Коканъ-Дойля. 20 т.—4 р. Жаколіо. 18 т.—3 р. Вс. Крестовскаго. 8 т.—9 р. Гл. Успенскаго. 28 т.—3 р. 50 к. Ф. Шпильгагена. 16 т.—6 р. 50 к. В. Бѣлинскаго 4 т.—2 р. 80 к. С. Смайльса. 6 т.—4 р. 20 к. Н. Г. Помяловскаго. 5 т.—1 р. 20 к. А. И. Куприна. 21 т.—3 р. Фета. 6 т.—1 р. 50 к. О. Уальда 8 т.—1 р. 50 к. Капит. Марріета. 24 т.—5 р.

УДЕШЕВЛЕННО ПРОДАЕТСЯ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ГЮИ-ДЕ-МОПАССАНА 15 томовъ, 4470 стр. въ переводахъ Ф. И. Булгакова, Е. Бартеневой и другихъ, съ портр., біографіей, изд. 1912 г. вмѣсто 8 р. за 4 р., въ изящныхъ золоч. кол. перепл. 6 р., съ пересылк., въ Европ. Россіи на 1 р., а въ Азіатск. владѣніи Россіи и въ Сибирь на 1 р. 50 к. дороже.

Новый каталогъ книгъ № 13 высылается безплатно.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 83-60 и 1-31-

ц. 20 к.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 19. Іюнь. 1913.

(Четвертый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. Время какъ собиратель раздробленныхъ силъ природы..... 835
2. Все отъ солнца.—Экстазъ. Холера. 840
3. Физическимъ окомъ въ оккультный міръ..... 845
4. Новая интимная книга В. В. Розанова. („Опавшіе листья“)..... 850
5. Любовь выдающихся людей. (Контрасты любви). Герценъ.—Флоберъ.—Жоржъ Зандъ.— Мюссе.— Лассаль. 852
6. Въ гостяхъ у Вагнера. (Къ столѣтію со дня его рожденія)..... 863
7. Народническая критика о романѣ Ропшина 867
8. Изъ революціоннаго прошлаго. Бѣгство Льва Гартмана за границу.— Къ дѣлу Чернышевскаго..... 870

Отзывы о книгахъ. — Новыя книги. — Содержаніе журналовъ. — Книги, поступившія въ редакцію. — Объявленія.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Москва, Б. Никитская, д. 10, кн. маг. „Наука“. Тел. 254-99. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція“.

МОСКВА.

СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ 1912 ГОДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный журналъ новаго типа

(4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ большого формата въ двз столбца.

Задача журнала „Бюллетени Литературы и Жизни"—по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Все временное, скоропреходящее, хотя бы и сенсаціонное, но нехарактерное для жизни человѣческаго духа, журналомъ „Бюллетени" совершенно игнорируется, какъ ненужный балластъ, только затемняющій подлинное лицо жизни. Наоборотъ, изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ, главнымъ образомъ, то, что не носитъ характера случайности, а имѣетъ *длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ думу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.* Библіографическій отдѣлъ журнала „Бюллетени" представленъ въ такомъ, можно сказать, исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ общихъ журналовъ. Библіографія въ томъ видѣ, какъ она ведется въ „Бюллетеняхъ", необход. для самаго широкаго круга читателей.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„Утро Рос.": „Журналъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ періодическій органъ дѣйствительно новаго типа, потребность въ которомъ ощущалась давно, о чемъ своевременно особенно энергично высказались еще Достоевскій и Гл. Успенскій. Въ журналѣ сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью — журналами, газетами и новыми книгами..." „Рус. Вѣд.": „Бюллетени" довольно хорошо справляются со своею задачею... Они знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явленіями современной жизни"... „Бирж. Вѣд.": „По Бюллетенямъ хорошо можно слѣдить за движеніемъ въ современной литературѣ, за подъемами литературы, за ея паденіемъ, за всѣми обрѣтеніями и потерями"... „Русск. Школа": „Бюллетени" дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюллетени" оказываютъ огромную услугу"... „Огни": „Бюллетени" завоевываютъ себѣ все большія и большія симпатіи публики. Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культурными запросами, который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журналѣ. Онъ дастъ въ каждомъ номерѣ статьи о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ, о всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ литературой, наконецъ, о всѣхъ новыхъ книгахъ, о всѣхъ журналахъ"... „Рус. Сл.": „Въ журналѣ запечатлѣна вся литературная жизнь года". При этомъ ему „нельзя отказать въ значеніи хорошаго справочника, пользованіе которымъ облегчается соотвѣтствующими указателями"... „Совр. Сл.": „Бюллетени" переполнены теперь въ два изящныхъ тома и представляютъ собой обзоръ минувшаго года въ литературномъ, художественномъ и идейномъ отношеніи... Задача журнала имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе"... „Голосъ": „Бюллетени" отмѣчаютъ все болѣе или менѣе выдающееся во всѣхъ отрасляхъ науки и литературы... Въ журналѣ сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли". „Иллюстр. Обозр. Голоса Москвы": „Бюллетени безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ. Кромѣ живости и широты, проявляемыхъ въ подборѣ статей, интересныхъ для чтенія и самообразованія, „Бюллетени" являютъ собой рѣдкій, необходимый каждому читающему и пишущему человѣку, справочникъ. Все то, что погребено за годъ въ затерянныхъ вырѣзкахъ, промелькнувшихъ отзывахъ и статьяхъ, вновь воскресаетъ въ „Бюллетеняхъ" и оказываетъ незамѣнимую услугу въ литературной работѣ. Можно только привѣтствовать дѣло „Бюллетеней" и пожелать имъ наибольшаго распространенія". „Новый Журналъ для Вс.": „Бюллетени" незамѣнимы особенно въ провинціи, столь бѣдной библіотеками и компетентными людьми для рекоменд. книгъ. Всѣ интересующіеся книгой и журналомъ найдутъ въ нихъ полезное пособіе. „Рязанск. Вѣст.": „Бюллетени" умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни... Въ журналѣ отмѣчается все наиболѣе интересное, что поступаетъ на книжный рынокъ... Здѣсь читатель находитъ полный перечень новыхъ книгъ съ краткимъ содержаніемъ ихъ, трактовки философскихъ и др. проблемъ, критическій разборъ литературныхъ новинокъ и т. п. Въ журналѣ сосредоточены всѣ новости нашей литературы, а это позволяетъ читателю постоянно быть въ курсѣ современныхъ исканій не только нашей русской, но и міровой мысли... Журналъ очень симпатично, сочувственно встрѣченъ отзывами современной

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
½ стр. . . . . 30 р.
¼ стр. . . . . 20 р.
⅛ стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
½ стр. . . . . 20 р.
¼ стр. . . . . 14 р.
⅛ стр. . . . . 8 р.
строка петита . . 50 к.

№ 19 — Іюнь 1913 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 10 м.—2 р. 50 к.; на 8 м.—2 р.; на ½ г.—1 р. 50 к.; на 4 м.—1 р.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За границу на г.—5 р.; на ½ г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора: Москва, Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67.

Время какъ собиратель раздробленныхъ силъ природы.

Что такое время какъ философская категорія?—Совсѣмъ нѣчто иное, чѣмъ оно является въ толкованіи простого житейскаго смысла. Но что же именно? Какъ и всегда въ вопросахъ познанія, отвѣтовъ дано много. Кантъ утверждалъ, что время это—чистая *форма созерцанія*, какъ и пространство; современная математизирующая философская школа Койгена учитъ, что полнымъ выраженіемъ времени является *число*; создатели естественно-научнаго принципа относительности*) видятъ въ немъ *четвертое измѣреніе*, вполнѣ равнозначное и симметричное тремъ остальнымъ измѣреніямъ; Бергсонъ, анализируя категорію времени съ излюбленной имъ интуитивно-психологической точки зрѣнія, приходитъ къ выводу, что и формальное, и математическое, и физическое истолкованіе времени создаетъ лишь понятіе псевдо-времени, истинное же время это—*категорія психологическаго порядка*, это,— такъ излагаетъ его точку зрѣнія г. С. Аскольдовъ („Вопр. Фил. и Псих." кн. 117 — ст. „Время и его религіозн. смыслъ") —„есть первоначальная множественность мелодическаго характера. Временное теченіе осуществляется лишь въ текучемъ организмѣ внутреннихъ переживаній. Этотъ организмъ, какъ и всякій организмъ, недѣлимъ на части. А если его раздѣлять, то онъ перестаетъ быть организмомъ, умираетъ, превращается въ трупъ. Точно такъ же и время. Переживаемое непосредственно въ сознаніи, оно есть подлинное живое время, нераздѣлимое, а потому и неизмѣряемое".

Базируясь на бергсоновскомъ ученіи о времени, г. Аскольдовъ въ названной выше статьѣ дѣлаетъ попытку установить за категоріей времени еще и значеніе метафизической формы, объединяющей дѣйствительность.

„Итакъ, что такое время въ своей первоначальной формѣ, въ непосредственномъ интуитивномъ воспріятіи? — спрашиваетъ онъ. Первое, что мы должны сказать, это то, что время не есть какая-нибудь *самостоятельная* вещь, вообще реальность. Время не отдѣлимо отъ того, чѣмъ оно наполняется. Строго говоря, не существуетъ никакого времени, существуетъ лишь *временное бытіе*. Время есть *характеристика* жизни, *характеристика* нашего сознанія, его исконное *свойство*. Конечно, можно говорить и про время само по себѣ, но совершенно такъ же, какъ мы говоримъ про красноту или бѣлизну. Онтологическій смыслъ имѣетъ лишь прилагательное „временный", а не существительное „время". Если время есть свойство или характеристика жизни сознанія, то является вопросъ, есть л это свойство нѣчто простое или нѣкоторая сложность. Естественнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ является указаніе на прошедшее, настоящее и будущее время. Характеристика времени имѣетъ тройственную варіацію. Но можемъ ли мы сказать, что всю сущность и природу временнаго теченія составляетъ распаденіе его на три отдѣла. Для отвѣта на этотъ вопросъ обратимся къ разсмотрѣнію центральной и основной части времени, а именно къ настоящему. Что такое настоящее время? Очень часто говорятъ, что настоящее есть одинъ моментъ, нѣкоторый неуловимый мигъ, который превращается въ прошедшее, прежде чѣмъ мы на него успѣваемъ взглянуть... Утверждающимъ это мы отвѣтили бы, что неуловимо въ настоящемъ то, чего никто никогда и не собирался ловить, а именно чисто теоретическая неповрежденность и неподвижность всѣхъ безъ исключенія отдѣльныхъ моментовъ. Но истинное настоящее это не тѣ теоретическіе

*) См. „Бюллетени" № 12.

милліарды составныхъ частей того или иного образа или того или иного чувства, а именно ихъ органическое единство. Что это единство можетъ обладать извѣстной стойкостью и съ точки зрѣнія псевдо-времени оцѣниваться на количество 5, 10, 30 минутъ, — объ этомъ свидѣтельствуетъ непосредственный опытъ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что вы стоите передъ картиной художника, стóящей того, чтобы передъ ней простоять 5, 10, 15 минутъ. Можно ли сказать, что ваше настоящее состоитъ изъ кратчайшихъ, неуловимыхъ промежутковъ? Да вѣдь ны и не замѣчаете этихъ промежутковъ. Вообще, вы ничего не замѣчаете кромѣ картины и относящихся къ ней вашихъ мыслей, представленій и истолкованій. И именно эта совокупность всего относящагося къ картинѣ есть ваше настоящее. Сколько же оно продолжается? Да все то время, пока картина занимала ваше вниманіе и объединяла ваши мысли; иногда двѣ минуты, иногда десять. Но вотъ вашъ интересъ исчерпался, вы перешли къ другой картинѣ, и ваше настоящее смѣнилось;—и лишь тогда предыдущая картина со всѣмъ своимъ психическимъ аккомпанементомъ стала прошлымъ. Итакъ, настоящее длительно, говоритъ намъ непосредственный опытъ. Оно длится ровно столько, сколько времени наше сознаніе заполнено тѣмъ или инымъ единствомъ или даже нѣсколькими единствами воспріятій, представленій, чувствъ или настроеній. Отчего зависитъ ихъ стойкость—это вопросъ, къ которому мы перейдемъ нѣсколько далѣе, а пока фиксируемъ весьма важный для насъ выводъ, касающійся настоящаго. Выводъ этотъ заключается въ томъ, что настоящее есть нѣкоторая реальная величина, вполнѣ ясно сознаваемая... Настоящее хотя и стоитъ въ цѣломъ, но течетъ въ своихъ частяхъ, часть его таетъ въ прошедшее, часть наростаетъ изъ будущаго. Но это таяніе и нарастаніе не превращаютъ его въ прошлое, пока не нарушилось его центральное единство. Но вотъ расползается и деформируется единство данной конфигураціи настоящаго, и оно падаетъ въ прошедшее. Но и прежде чѣмъ оно кануло, оно несомнѣнно уже текло; и если бы въ немъ не было этого подтачивающаго его цѣлость измѣненія, оно стояло бы передъ нами и до сей поры, какъ настоящее. Итакъ, настоящее есть не только граница прошедшаго и будущаго, но и порождающее зерно всего временн. Въ немъ уже дана объективная природа времени, какъ въ желудкѣ дана природа дуба. И природа эта заключается въ смѣнѣ или *измѣненіи*. „Временная природа сознанія“ или „измѣняемость сознанія“ — это почти синонимическія выраженія.

Однако одно лишь измѣненіе не создаетъ еще прошедшаго, но лишь измѣненіе опредѣленнаго рода. Измѣненіе можетъ состоять, во-первыхъ, въ ростѣ и развитіи той или иной реальности и, во-вторыхъ, въ убыли и ея уничтоженіи. Наши переживанія постоянно деформируются путемъ убыли и прироста ихъ содержанія. И именно эта форма измѣненія обусловливаетъ возникновеніе для насъ прошедшаго и будущаго.

Опредѣливъ природу времени какъ „измѣненіе“ и отмѣтивъ двѣ формы этого измѣненія, какъ обусловливающія прошедшее и будущее, мы можемъ перейти къ вопросу объ объективномъ и универсальномъ значеніи времени въ міровой дѣйствительности. Что значитъ вопросъ—объективно ли время? По предыдущему истолкованію природы времени этотъ вопросъ равнозначенъ съ другимъ: объективно ли измѣненіе, объективны ли тотъ ростъ и убыль нашего сознанія, которые обусловливаютъ, съ одной стороны, убѣгающую отъ насъ пучину прошедшаго, съ другой, надвигающееся будущее. Уже изъ самой характеристики времени, какъ свойства сознанія или способа его бытія, вытекаетъ, что время столь же объективно и реально, какъ и само сознаніе. Уже изъ одной постановки вопроса въ этой именно формѣ само собою отпадаетъ то его рѣшеніе, которое дано было Кантомъ, видѣвшимъ во времени чистую форму созерцанія, какъ бы извнѣ привходящую къ самому содержанію созерцанія и по этому одному не дающую намъ никакого познанія о дѣйствительности, какъ вещи въ себѣ. Для насъ время не форма и вообще не что-либо внѣшнее въ отношеніи того, что въ немъ разсматривается, а всегдѣлимое свойство или характеръ всего созерцаемаго въ сознаніи. Сознаніе, какъ нѣкоторый видъ дѣйствительности, не является только намъ во времени, а само проникнуто временемъ, какъ измѣненіемъ. Поэтому-то самосознаніе не есть для насъ только феноменъ, а дѣйствительность, данная именно какъ „вещь въ себѣ“. Но если время есть объективная характеристика нашего собственнаго сознанія, то нѣтъ основанія признавать его за какую-то искажающую призму и тогда, когда мы разсматриваемъ въ формѣ времени всю внѣшнюю дѣйствительность. Поскольку мы понимаемъ эту дѣйствительность внутренно живой или ожи-
вляемъ ее, дѣлая содержаніемъ нашихъ воспріятій, мы вполнѣ правомѣрно примѣняемъ к
ней опредѣленія времени. Итакъ, время об
ективно не только какъ необходимая форм
познанія, но и какъ форма бытія самого по
знающаго субъекта и всего того, что, подоб

ему, имѣетъ внутреннее переживаніе измѣненія. Гораздо труднѣе отвѣтить на вопросъ, есть ли время универсальная характеристика всей міровой дѣйствительности. Если мы съ увѣренностью можемъ утверждать внутреннюю измѣняемость человѣческаго сознанія и всего того, что имѣетъ явственные признаки подобія этому сознанію, то это еще не даетъ намъ права заключать къ общей измѣняемости міровой дѣйствительности въ цѣломъ. Попробуемъ, однако, продвинуться въ разрѣшеніи этого вопроса, насколько возможно. Для этого намъ придется обратиться къ выясненію природы прошедшаго...

„Былое—было ли когда?“

„Что нынѣ—будетъ ли всегда?“—спрашиваетъ русскій мистикъ-поэтъ. Казалось бы, только ради стихотворной формы можно задать вопросъ, выраженный въ первой строчкѣ: „Былое было ли когда“? Да развѣ можно сомнѣваться, что оно было,—вѣдь иначе мы бы его не воспоминали. И, однако, вопросъ этотъ можетъ оказаться вовсе не риторическимъ, если мы спросимъ, что же такое собственно воспоминаніе? Лишь поясненіе факта памяти дѣлаетъ то, что мы не видимъ въ немъ никакой загадочности. Что собственно мы имѣемъ въ памяти—нѣкоторое переживаніе настоящаго же или переживаніе былого въ подлинномъ и точномъ смыслѣ слова? Обыкновенно думаютъ, что воспоминаніе есть лишь ослабленный, повторенный образъ прошлаго, какъ бы его эхо. Другими словами, думаютъ, что воспоминаніе есть по существу настоящее, но только истолкованное нашею мыслью, какъ прошлое. Но именно по отношенію къ такому пониманію воспоминаній умѣстенъ вопросъ поэта: „былое было ли когда?“ Въ самомъ дѣлѣ, если былое есть только истолкованіе мыслью чего-то по существу настоящаго, т.-е. нашихъ наличныхъ представленій, то бытіе его въ качествѣ былого, т.-е. прошлаго, становится весма проблематичнымъ. Пусть мы не сомнѣваемся въ томъ, что французская революція была и не сомнѣваемся потому, что наука, именуемая исторіей, наложила на это свой штемпель: „провѣрено по документамъ“. Но какая наука сможетъ насъ убѣдить, что то, что кажется намъ нашей собственной біографіей дѣтскаго или юношескаго возраста или даже событіемъ вчерашняго дня, не есть вымыселъ фантазіи. Ибо если воспоминаніе есть только настоящее, то въ чемъ же мы можемъ найти свидѣтельство тому, что оно дѣйствительно относится къ прошлому, если этого прошлаго ни въ какомъ смыслѣ уже нѣтъ? Вѣдь очевидно, что не вездѣ имѣются тѣ косвенные аргументы, которыми пользуется наука. И наука, и вся жизнь стоятъ на способности памяти, на возможности увѣренно утверждать относительно разнаго рода представленій: „это дѣйствительно было“. И увѣренность эта не какая-либо косвенная или выводная, а самая первоначальная и непосредственная. Но такой увѣренности быть не можетъ, если въ воспоминаніяхъ намъ дано лишь настоящее. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ настоящее, будучи только настоящимъ, какъ бы говорить намъ о самомъ себѣ: „хотя я и настоящее, т.-е. вотъ это въ данную минуту представляемое воспоминаніе, но я въ то же время изображаю собою прошлое“. Изъ чего видно, что это данное представленіе изображаетъ что-то другое, а не изображаетъ просто самого себя? Не изъ чего, отвѣчаемъ мы, если то другое, о которомъ идетъ рѣчь, не сохраняетъ какъ-то своего существованія. Другими словами, прошлое не могло бы вспоминаться, если бы оно не было причастно въ какомъ-то смыслѣ воспоминанію. И именно это прошлое только и можетъ подать о себѣ голосъ какъ о прошломъ и дать удостовѣреніе того, что мы имѣемъ именно воспоминаніе, а не просто образъ фантазіи. Все это легко пояснить примѣромъ эхо. Если мы, стоя на берегу рѣки, слышимъ только крикъ съ противоположнаго берега, то, конечно, мы признаемъ этотъ крикъ за первоначальный, ибо ничто не говоритъ въ немъ, что онъ есть лишь повтореніе чего-то. Но достаточно намъ какъ-либо узнать, что передъ крикомъ съ того берега былъ такой же крикъ съ нашего берега, и мы легко убѣждаемся, что съ противоположнаго берега мы слышало эхо чьего-то крика. Нѣчто подобное должно происходить и въ образахъ памяти. Чтобы быть понятыми въ качествѣ повторенія прошлаго, они должны или какъ-то соприкоснуться съ этимъ прошлымъ или вообще имѣть съ нимъ какую-то связь. Во всякомъ случаѣ кто-то долженъ засвидѣтельствовать, что образъ памяти есть не просто образъ, а повтореніе чего-то бывшаго. Итакъ, воспоминаніе есть нѣкоторое сочетаніе настоящаго съ прошлымъ, прошлое словно какъ-то протягивается къ намъ изъ пучины безвозвратнаго и спаивается съ тѣмъ „теперь“, которое его отображаетъ, въ нѣкоторое единство. Воспоминаніе есть выраженіе этого единства, доказательство того, что оно въ дѣйствительности существуетъ.

Но является вопросъ, какъ же намъ понимать это единство. Почему прошлое, не уничтожаясь совсѣмъ и даже какъ-то соединяясь съ настоящимъ, все же не существуетъ въ настоящемъ. Какъ получается это странное сочетаніе бытія и небытія, которое характери-

зуетъ прошлое. Для отвѣта на этотъ вопросъ вернемся нѣсколько назадъ. Мы нашли, что сущность времени въ измѣненіи. При этомъ мы выяснили, что именно убыль бытія или его уничтоженіе ведетъ насъ къ образованію категоріи прошедшаго. Всматриваясь въ природу явленій памяти, мы пришли къ другому выводу, состоящему въ томъ, что прошедшее должно какъ-то сохраняться. Изъ связи и сопоставленія этихъ двухъ выводовъ получается третій, состоящій въ томъ, что дѣйствительность, которая съ точки зрѣнія нашего опыта казалась намъ окончательно погибшей, на самомъ дѣлѣ вовсе не превратилась въ небытіе, а какъ-то существуетъ и свидѣтельствуетъ о своемъ бытіи въ актахъ памяти. Мы были бы очень плохо поняты, если бы нашъ выводъ былъ истолкованъ такъ, что прошлое не живетъ, а только оживаетъ въ актахъ памяти. Въ такомъ истолкованіи получилось бы нѣчто подобное той идеѣ безсмертія, которая столь обычна для позитивизма. Наши предки, говорятъ позитивисты, живутъ въ нашей памяти, въ нашихъ дѣяніяхъ. Но говорящіе такъ не хотятъ понять, что жить только въ другомъ— значитъ совсѣмъ не жить, т.-е. что понятіе жизни предполагаетъ *самочувствіе* или *самосознаніе*. То же самое слѣдуетъ сказать и о прошломъ. Если наши разсужденія о природѣ памяти вѣрны, то они приводятъ вовсе не къ тому выводу, что прошлое можетъ какъ-то оживать въ настоящемъ. Нашъ выводъ существенно иной. Мы пришли къ непзбѣжности признать, что въ актахъ воспоминанія намъ дается само прошлое, какъ нѣкоторая метафизическая реальность. Въ воспоминаніяхъ мы какъ-то касаемся прошлаго, именно касаемся, а не творимъ заново въ образахъ и представленіяхъ. И если воспоминаніе исчезло, это не значитъ, что исчезла та реальность, которой мы соприкоснулись, но исчезло соприкосновеніе съ ней. Объ этомъ именно, а не о чемъ иномъ, говоритъ намъ фактъ памяти, который есть сочетаніе реальнаго настоящаго, т.-е. того или иного образа, съ реальнымъ же прошлымъ, т.-е. того, что этотъ образъ представляетъ. Но какъ же теперь онтологически или метафизически истолковать реальность прошлаго? Если представлять себѣ дѣло такъ, что все прошлое существуетъ абсолютно въ томъ же видѣ, какъ оно существовало нѣкогда въ настоящемъ, то у насъ получилось полное упраздненіе времени, прошлое оказалось бы тогда отодвинувшимся отъ насъ настоящимъ, переходъ отъ „прежде“ къ „теперь“ равнозначенъ былъ бы переѣзду изъ одного города въ другой, разница была лишь въ томъ, что не одинъ человѣкъ, а уже все человѣчество въ цѣломъ словно катится по какому-то необозримому полю дѣйствительности, оставляя позади себя свою исторію съ ея Цезарями и Наполеонами во всей неприкосновенности. Представлять себѣ дѣло такъ невозможно. Уже непосредственное переживаніе настоящаго воочію намъ показываетъ, что дѣйствительность не отодвигается отъ насъ, а именно измѣняется. Мы не отъѣхали отъ Цезаря и Наполеона, а ихъ дѣйствительно уже нѣтъ. И однако, если наши предыдущія разсужденія вѣрны, то они и не совсѣмъ погибли. Ихъ нѣтъ и въ то же время они есть. Изъ противорѣчія этого „есть“ и „нѣтъ“ только одинъ выходъ,—это признать, что они въ какомъ-то одномъ смыслѣ не существуютъ, а въ какомъ-то другомъ существуютъ. Другими словами, намъ приходится утверждать два смысла, или два вида существованія, два модуса бытія, и притомъ такіе модусы, которые, будучи существенно различными, являются въ какомъ-то отношеніи и существенно общими. Если бы настоящее измѣнялось вполнѣ и абсолютно, не могло бы быть воспоминаній. Если бы настоящее не измѣнялось совсѣмъ, не могла бы образоваться категорія прошедшаго. Отсюда выводъ: настоящее измѣняется, а именно погибаетъ, но погибаетъ не абсолютно, а какъ-то относительно, претерпѣваетъ метаморфозу, въ какое-то инобытіе... Мы не будемъ, конечно, входить въ ближайшее обсужденіе его природы. Мы только постулируемъ его иную природу, иную сферу дѣйствительности, въ которую какъ-то претворяется наше настоящее, претворяется не въ своемъ лишь внѣшнемъ обликѣ, а во всей своей глубинности, стереометричности и духовности. Представимъ себѣ человѣка какъ бы въ нѣкоторомъ плотномъ дымномъ облакѣ, которое проходитъ сквозь него и выходитъ ежемгновенно въ видѣ точнѣйшаго стереометрическаго слѣпка, при чемъ всѣ эти слѣпки какъ-то непрырывно нанизаны другъ на друга, или вложены одинъ въ другой, но именно такъ, что точная послѣдовательность всѣхъ этихъ моментовъ абсолютно точно сохранена. Тогда у каждаго человѣка получится какъ бы два тѣла: одно тѣло эмпирическое и другое тѣло какъ бы прошлаго. Но теперь представьте себѣ, что это второе состоитъ не изъ дыма, а какой-то среды гораздо бо́льшей сплошности и непрырывности, органами чувствъ не воспринимаемой. Мы прекрасно сознаемъ, что все это, конечно, слишкомъ грубые образы. И, конечно, всѣ эти кинематографы и дымныя тѣла являются лишь нѣкоторыми вспомогательными пріемами для мысли. Мысль же заклю-

чается въ томъ, что прошлое каждаго человѣка въ тончайшей формѣ запечатлѣно гдѣ-то въ какой-то средѣ и что среда эта находится въ какой-то связи съ настоящимъ. Однако, и этихъ предположеній недостаточно для объясненія возможности памяти. Пусть прошлое гдѣ-то запечатлѣно и можетъ быть приведено въ связь съ настоящимъ. Все это не послужитъ ни къ чему, если въ сознаніи нѣтъ того пункта, которому можетъ быть одновременно дано и своеобразно сохраненное прошлое и это наличное настоящее. Другими словами, память есть феноменъ душевной жизни, наиболѣе явственно приводящій къ признанію *единства сознанія*, какъ нѣкоторый стоящій надъ всякимъ измѣненіемъ и надъ всякимъ теченіемъ времени реальности...

Единство сознанія есть связующая и порождающая сила, но лишь тогда, когда есть *что* связывать и есть изъ *чего* порождать. И это *что* составляетъ принципъ тѣла, матеріи вообще. Не задавалсь вопросомъ о природѣ этой матеріи, ограничимся лишь общимъ утвержденіемъ, что наше „я“ какъ-то сопричастно двумъ мірамъ или двумъ модусамъ бытія: міру настоящаго и міру прошедшаго. Однако, въ этомъ утвержденіи есть нѣчто какъ-бы противорѣчащее нашему опыту. Вѣдь мы воспринимаемъ и знаемъ одинъ міръ, а не два. И когда мы вспоминаемъ прошлое, мы имѣемъ одинъ образъ воспоминанія, а не два. По крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касается ординарныхъ явленій памяти, мы не можетъ представлять себѣ все это такъ, что мы видимъ, хотя бы мгновеніями и хотя бы частично, ту кинематографическую ленту прошлаго, которая сопутствуетъ нашему „я“. Образъ воспоминанія самъ по себѣ вовсе не есть отрывокъ этой кинематографической ленты прошлаго. Онъ не есть само прошлое, а самое подлинное настоящее. Но кто же намъ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ относится къ прошлому и его повторяетъ? Очевидно, что свидѣтельствуетъ объ этомъ никто другой, какъ мы сами, наше „я“. Стало-быть, наше „я“ одновременно и видитъ свое воспоминаніе, и то метаморфизированное прошлое, къ которому оно относится. И если опытъ прямо объ этомъ не свидѣтельствуетъ, то изъ этого можно заключить, что двойное зрѣніе нашего „я“ далеко не равноцѣнно.

Въ самъ дѣлѣ, отчего намъ не предположить, что мы, обладая весьма точнымъ и яркимъ зрѣніемъ по отношенію къ эмпирической дѣйствительности, почти слѣпы по отношенію къ той другой. Слѣпы, однако, не вполнѣ, т.-е. не лишены нѣкоторыхъ, хотя и самыхъ бѣдныхъ, ощущеній потусороннаго. И эти ощущенія могутъ быть лишь простыми опорными точками, говорящими намъ только: „да, это такъ“, „да, это было“. Намъ не нужно для этого видѣть этого прошлаго, намъ надо только до него реально прикоснуться, намъ надо быть съ нимъ связанными какой-то непрерывной и притомъ живой нитью. И если въ нашемъ „я“ есть нѣкій узелъ или стволъ, соединяющій въ себѣ всѣ милліоны развѣтвленій въ наше прошлое, то наше „я“, не видя этого прошлаго и не имѣя въ своемъ опытѣ, какъ нѣчто развернутое, имѣетъ, однако, всѣ средства, чтобы провѣрять соотвѣтствіе настоящаго прошлому, имѣть съ точки зрѣнія этого прошлаго разнообразные отзвуки на настоящее. Все убѣждаетъ насъ въ томъ, что такъ именно и есть, что наше „я“, будучи реальнымъ средоточіемъ и единствомъ двухъ міровъ, имѣетъ открытые глаза лишь въ сторону одного міра, въ сторону же другого лишь какія-то щупальца, дающія полусознательныя, хотя и весьма важныя по своимъ результатамъ, ощущенія. Если явленіе памяти приводитъ насъ къ тому предположенію, то явленія ясновидѣнія и телепатіи прямо это подтверждаютъ. Да, мы— „жилище двухъ міръ“, согласно мѣткому опредѣленію Тютчева, который, какъ никто изъ поэтовъ, реально чувствовалъ и ощущалъ эту принадлежность нашего „я“ къ двумъ мірамъ. Но если жизнь обыденнаго человѣка почти всецѣло обращена въ этотъ эмпирическій міръ, то несомнѣнно есть люди, имѣющіе ясный двухсторонній опытъ. Наиболѣе разительные примѣры этого опыта даютъ христіанскіе святые. Мы не будемъ приводить примѣровъ и иллюстрацій, — ихъ слишкомъ много и ихъ слишкомъ легко подобрать. Мы хотимъ вмѣсто этого сдѣлать еще послѣдній шагъ въ уясненіи природы времени. И такъ какъ мы роковымъ ходомъ мысли пришли уже въ область христіанской метафизики, то этотъ шагъ будетъ прямо относиться къ сферѣ религіозныхъ вопросовъ.

Мы начали свое изложеніе противопоставленіемъ времени пространству. Нисколько не противорѣча этому противопоставленію, мы должны, однако, нѣсколько развить другую мысль, а именно мысль о глубокой метафизической связи между временемъ и пространствомъ. Какъ пространство, такъ и время порождены однимъ и тѣмъ же, а именно раздробленіемъ міровой дѣйствительности, выпаденіемъ ея изъ абсолютнаго единства природы Бога. Однако, хотя время, какъ и пространство, не мыслимы иначе, какъ въ раздробленіи, тѣмъ не менѣе ихъ роль и значеніе въ этой дробности міра существенно иныя. Про-

тяженность въ пространствѣ есть абсолютное внѣположеніе, абсолютное нарушеніе единства. Время есть уже явственное объединеніе, нѣкоторая внутренняя связность раздробленнаго. Если протяженность есть выходъ и распыленіе, то время есть возвратъ и собираніе. Протяженность есть форма чистой матеріи. Время есть форма сознанія, какъ единства, какъ собирателя раздробленныхъ силъ природы. И хотя время родной братъ пространства по происхожденію, но оно же его постоянный антагонистъ. Именно, въ теченіе времени, въ связываніи отдѣльныхъ моментовъ текущей дѣйствительности въ нѣкоторое единое „теперь“, въ объединеніи этого „теперь“ съ прошлымъ и будущимъ обнаруживается побѣждающая сила духа надъ матеріей. Въ этомъ антагонизмѣ и кроется причина постояннаго смѣшенія времени съ пространствомъ...

Итакъ, время есть форма объединенія дѣйствительности. Въ этой его роли и заключается его религіозный смыслъ. Время есть форма возврата въ природу Бога, для однихъ возврата, для другихъ окончательнаго отпаденія. И то и другое совершается въ стадіи несовершеннаго единенія, которое и есть время“.

Все отъ солнца.

„Мы вибрируемъ въ унисонъ съ такими отдѣльными вліяніями неба и земли, которыхъ не можетъ пока измѣрить наша наука“. (*Маудслей*).

Недавно наша научная литература обогатилась новой интересной книгой Скаловскаго „Микрокосмосъ и Макрокосмосъ“. Эта книга, какъ говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, представляетъ краткія выдержки изъ почти готоваго къ печати общаго изслѣдованія —„О вліяніи физическихъ силъ на ходъ жизни неорганической и органической нашей планеты“— результата тридцатилѣтнихъ трудовъ. Цѣль книги заключается въ томъ, чтобы массой вполнѣ удостовѣренныхъ фактовъ еще разъ не только подтвердить на дѣлѣ принципъ „единства физическихъ силъ“, но и показать, что эта единая сила есть электро-магнитная энергія.

Внимательно всматриваясь въ жизни нашей планеты какъ органическую, такъ и неорганическую, постепенно изучая совершающіяся въ ней физическіе, химическіе, физіологическіе и патологическіе процессы,— авторъ приходитъ къ убѣжденію, что между всѣми явленіями существуетъ связь и вездѣ красной чертой проходитъ электричество, магнетизмъ и радіоактивность.

Современныя науки—химія, біологія, физика, физіологія и даже до извѣстной степени медицина—многочисленными опытами и изслѣдованіями пришли къ опредѣленному выводу, что электричество, магнетизмъ и радіоактивность— эти три вида энергіи, присущіе всѣмъ тѣламъ неорганическаго міра, присущи также и тѣламъ міра органическаго, при чемъ электричество и магнетизмъ проявляются иногда у нѣкоторыхъ видовъ растеній и животныхъ даже непосредственно, какъ и въ тѣлахъ неорганическихъ, а радіоактивность — въ формѣ ядовитости, запасовъ, а также горечей и кислотъ. Такимъ образомъ можно думать, что электричество, магнетизмъ и радіоактивность, земные токи и ядовитость имѣютъ одно общее начало, они всѣ суть ни что иное, какъ различныя видоизмѣненія одной и той же кинетической энергіи солнца, аккумулированной еще въ первичную эпоху нашей планетой и всѣми сущими на ней и атавистически перешедшей къ современнымъ представителямъ неорганическаго и органическаго міровъ. На основаніи современныхъ научныхъ данныхъ по электрохиміи, громадный заколдованный кругъ различныхъ явленій, плохо объясняемый существующими до сихъ поръ гипотезами, объединяется на общей почвѣ электро-магнитизма.

Извѣстно, что всѣ тѣла неорганическаго и органическаго міровъ нашей планеты состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же простыхъ элементовъ и всѣ они различнымъ образомъ реагируютъ на электро-магнитныя колебанія. Извѣстно также, что молекулы, составляющіе неорганическія и органическія тѣла (въ томъ числѣ и живые организмы), представляютъ различныя сочетанія простыхъ элементовъ и ихъ группъ. Отсюда естественно слѣдуетъ, что всѣ процессы и явленія, совершающіеся въ ходѣ неорганической и органической жизни земли, суть лишь различныя передвиженія, перегруппировки элементовъ и ихъ группъ въ молекулахъ, происходящія подъ вліяніемъ измѣненій ритма колебаній окружающей ихъ электро-магнитной среды.

Такая постановка вопроса естественно переноситъ весь центръ тяготѣнія къ электронамъ, т.-е. къ современной электро-магнитной теоріи и выясняется вся огромность роли электрона въ ходѣ неорганической и органической жизни нашей планеты. Электронная теорія устанавливаетъ единство наблюдаемыхъ нами силъ. Силы междуатомныя, силы молекулярныя, химиче-

скаго сродства, матеріальнаго притяженія и, наконецъ, силы тяготѣнія сводятся, согласно электронной теоріи, къ одной и той же причинѣ—къ силамъ электричества.

Благодаря электронной теоріи получается возможность установить мостикъ между физическими и психологическими изслѣдованіями, считавшимися доселѣ діаметрально противоположными. Теперь можно смѣло сказать, что нашъ матеріальный (физическій) міръ распадается на элементы, которые въ то-же время суть и элементы психическаго міра, являясь въ этомъ случаѣ тѣмъ, что мы называемъ ощущеніями.

Такимъ образомъ въ великомъ и маломъ, въ міровыхъ свѣтилахъ и въ процессахъ земного шара, въ явленіяхъ живой природы и природы мертвой, въ клѣткахъ органическихъ и въ атомахъ, въ бактеріи и психикѣ человѣка—всюду современная наука доходитъ до послѣдняго предѣла, всюду устанавливаетъ общее и это общее является—электронъ и этимъ самымъ устанавливается общая зависимость всего отъ кинетической энергіи солнца, познаваемой нами на землѣ въ видѣ электромагнитныхъ колебаній окружающаго насъ пространства.

Итакъ, главный источникъ явленій жизни на землѣ—солнце. Однако, для объясненія существующихъ на землѣ періодичности и безконечнаго разнообразія въ физическихъ явленіяхъ неорганическаго и органическаго міровъ, одного лишь этого положенія недостаточно. Дѣйствительно, если бы солнце постоянно посылало въ пространство электро-магнитную энергію одного и того же напряженія, то она индуктировала бы у насъ постоянные токи, которые, въ свою очередь, вызывали бы на землѣ всѣ физическія явленія постояннаго характера. На самомъ же дѣлѣ этого нѣтъ. Происходитъ это отъ того, что само солнце живетъ, непрерывно бурля въ своей поверхности. Оно живетъ непрерывно мѣняющимся темпомъ. Это — прирожденная пульсація солнца.

Передаваемая колебаніями электро-магнитной энергіи,— эта пульсація солнца вызываетъ соотвѣтствующую пульсацію на землѣ и другихъ планетахъ его системы. Какъ жизнь и сердцебіеніе матери вызываетъ жизнь и сердцебіеніе въ ея утробномъ младенцѣ, связанномъ съ нею пуповиною, такъ и здѣсь передаются жизнь и сердебіеніе солнца землѣ, тѣсно связанной съ нимъ своей пуповиной — электро - магнитной энергіей. Въ извѣстныхъ предѣлахъ эта „пульсація“ солнца даже необходима для нормальнаго хода явленій въ неорганическомъ и органическомъ мірахъ нашей планеты; къ этого рода колебаніямъ все и вся приспособлено на землѣ. Но колебанія выше или ниже нормы вызываютъ уже замѣтныя „возмущенія“ не только въ движеніи земли по орбитѣ, но и во всемъ ходѣ ея физической жизни. Ураганы, магнитныя бури, сѣверное сіяніе, зодіакальный свѣтъ, различныя оптическія явленія, землетрясенія, наводненія, засухи — все это тѣ же астрономическія возмущенія, но въ неорганическомъ мірѣ; въ органическомъ мірѣ — онѣ сказываются неурожаями растеній и эпизоотіями и эпидеміями въ животномъ мірѣ. Все это суть результаты сочетаній различнаго ритма электро-магнитныхъ колебаній, посылаемыхъ намъ солнцемъ.

Такимъ образомъ современная электро - магнитная теорія подтверждаетъ мнѣніе, давно уже высказанное извѣстнымъ ученымъ, аббатомъ Секки, „что и тутъ (на землѣ) и тамъ (во вселенной) — все свершается по однимъ и тѣмъ же законамъ“. Микрокосмосъ и Макрокосмосъ! Потому изслѣдователямъ природы отъ микроскопа необходимо постоянно переводить взглядъ и къ телескопу, къ солнцу, которое даетъ всему жизнь на землѣ.

Для большей выпуклости изложеннаго познакомимъ читателей вкратцѣ съ тѣмъ, какъ авторъ разсматриваемой книги объясняетъ съ точки зрѣнія электро-магнитной теоріи возникновеніе такихъ разнородныхъ явленій, какъ экстатическія состоянія человѣка и эпидеміи (въ частности—холера).

Экстазъ.

Приводя многочисленныя факты экстатическихъ состояній, сопровождающихся, обыкновенно, странными, совершенно необъяснимыми физическими явленіями, авторъ замѣчаетъ, что во всемъ этомъ комплексѣ явленій нѣтъ ничего таинственнаго съ точки зрѣнія электро-магнитной теоріи.

Всѣ многочисленные изслѣдователи природы, производившіе наблюденія въ различныхъ мѣстахъ земного шара и въ различныя эпохи,— говоритъ онъ,—всѣ единогласно утверждаютъ, что въ природѣ электрическій разрядъ сопровождается какими-то особаго рода явленіями: свѣтовыми, своеобразными звуками и шепотомъ листьевъ, тишиной (не похожей на обыкновенную — „зловѣщая“), движеніемъ вѣтра (опять-таки не похожимъ на обыкновенный вѣтеръ, даже очень слабый), а также ощущеніями въ это время людьми — какой-то дрожи, дуновенія и паутины, скользящей по лицу, особаго запаха, а также подъема и переноса какъ неодушевленныхъ предметовъ, такъ и животныхъ, и людей. Эти явленія всегда, или почти всегда, сопровождаютъ ураганы, вихри

смерчи, грозы, градъ, вулканическія изверженія и землетрясенія. Доминирующая роль электро-магнитной энергіи въ образованіи этихъ, такъ сказать, „экстазовъ“ вселенной давно уже подчеркивалась всѣми наиболѣе авторитетными изслѣдователями.

Перейдемъ теперь къ выясненію экстатическихъ явленій у человѣка.

Фактъ свѣченія въ органическомъ мірѣ давно уже засвидѣтельствованъ наукою.

Современные ученые вполнѣ раздѣляютъ взглядъ впервые высказанный Гумбольдтомъ относительно электро-магнитнаго характера жизненнаго процесса, связаннаго у низшихъ организмовъ съ выдѣленіемъ свѣта и признаютъ, что фосфоресценція всецѣло обязана разрядамъ ихъ электричества, вызываемаго внѣшними или внутренними причинами, при чемъ воля (психика) играетъ значительную роль въ явленіи свѣченія.

Фактъ свѣченія свойствененъ и человѣку— это тоже вполнѣ установлено.

Обнаженный головной мозгъ не только часто свѣтится въ темнотѣ живымъ, блестящимъ свѣтомъ, но и способенъ переноситься на другіе, не свѣтящіеся ранѣе трупы и вызывать у нихъ сіяніе.

По утвержденіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ не только мозгъ, но и вообще весь человѣческій организмъ постоянно излучаетъ какъ поглощенную извнѣ, такъ и самостоятельно выработанную электро-магнитную энергію, проявляющуюся въ формѣ свѣтовыхъ лучей.

Съ точки зрѣнія современной электро-химіи, человѣка, какъ и всякій животный организмъ, можно разсматривать, съ одной стороны, какъ сложную систему замкнутыхъ цѣпей съ перемѣненными токами, т.-е., какъ „*мы*“ раздробленнаго организма, а съ другой, какъ электро-магнитный конденсаторъ, т.-е. какъ цѣлое „*я*“ организма.

Жизнь физическая есть не что иное, какъ своего рода „тихій электрическій разрядъ“. Жизнь же психическая, т.-е. волевые акты у человѣка имѣютъ тѣснѣйшую связь и зависимость отъ электро-магнитной энергіи.

Отсюда, естественно, экстазъ, т.-е. высшая форма проявленія психологическаго „я“ есть высшая степень напряженія его цѣлаго „я“, этого электро-магнитнаго конденсатора.

Обобщая относящіеся сюда многочисленные факты, можно притти къ заключенію, что почти всѣ явленія, соединенныя со свѣченіемъ, звуками, шорохами и т. п., необыкновенныя съ перваго взгляда, находятъ вполнѣ раціональное объясненіе и освѣщеніе въ принципѣ электромонизма.

Такимъ образомъ всѣ наиболѣе характерные признаки „экстаза“ у людей поразительно сходятся съ таковыми же подмѣченными въ природѣ, когда она находится въ состояніи своего рода „экстаза“, разражающагося землетрясеніями, вулканическими изверженіями, ураганами и грозами.

И здѣсь въ Микрокосмосѣ (человѣкъ) и тамъ въ Макрокосмосѣ (земля)—эти состоянія „экстаза“ всегда сопровождаются появленіемъ особаго рода свѣтовыхъ, звуковыхъ, обонятельныхъ ощущеній, а также и другими разными феноменами, но какъ здѣсь, такъ и тамъ они находятся въ тѣсной связи и зависимости отъ электро-магнитной энергіи.

Холера.

Происхожденіе холеры, этого бича человѣчества, интересовало всегда, интересуетъ и теперь. Отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса зависитъ если не полная побѣда надъ этимъ страшнымъ врагомъ, то болѣе раціональная борьба. Естественно, что ученые всего міра работали и продолжаютъ работать надъ рѣшеніемъ этого вопроса.

Мнѣніе объ электро-магнитномъ происхожденіи холеры давно уже высказывалось многими медиками - изслѣдователями, въ особенности англійскими и французскими, которые въ своихъ тропическихъ колоніяхъ чаще сталкивались съ этой страшной болѣзнью. Послѣ эпидемій 1848 и 1854 гг. въ Европѣ къ тому же выводу пришли и нѣкоторые изъ германскихъ и нашихъ врачей. Они уже тогда констатировали рѣзкое усиленіе отрицательнаго электричества, дѣйствію котораго на организмы они и приписывали возникновеніе холеры.

Вычерченныя авторомъ книги „Микрокосмосъ и Макрокосмосъ“ кривыя суточнаго хода колебаній атмосфернаго электричества въ эпидеміи 1892 и 1894 гг. въ Петербургѣ вполнѣ подтвердили наблюденія врачей.

Наблюденія 1908 года снова дали тѣ же результаты.

Какъ было уже указано, главнымъ источникомъ жизни на землѣ является солнце. Оно непрерывно посылаетъ въ окружающее пространство свою кинетическую энергію въ формѣ электро-магнитныхъ колебаній. Землѣ эти колебанія вполнѣ привычны. Но колебанія выше или ниже нормы вызываютъ возмущенія какъ въ неорганическомъ мірѣ, такъ и органическомъ, гдѣ создаются условія благопріятныя для развитія микроорганизмовъ, вызывающихъ эпидеміи въ животномъ мірѣ, а также у человѣка.

Согласно наблюденіямъ атмосферныхъ коле-

баній 1892, 1894 и 1908 гг., мы знаемъ, что въ эти годы состояніи солнца подъ вліяніемъ разныхъ космическихъ причинъ отличались отъ состоянія его въ предшествующіе и послѣдующіе года, что въ эти годы замѣчалось рѣзкое усиленіе отрицательнаго электричества.

Подъ вліяніемъ измѣненій колебаній электромагнитнаго пространства неминуемо должно было произойти нарушеніе физико-химическихъ процессовъ въ организмѣ. Между тѣмъ изъ физики извѣстно, что положительный полюсъ притягиваетъ кислоты, а отрицательный — щелочи. Слѣдовательно, подъ вліяніемъ рѣзкаго усиленія отрицательнаго электричества, нарушеніе физико-химическихъ процессовъ въ организмѣ сопровождается усиленнымъ выдѣленіемъ кислотъ (азотныя соединенія). Изслѣдованія, произведенныя надъ холерными больными, подтверждаютъ это положеніе. Такъ, въ 1908 г. проф. Эммерихъ, изслѣдуя рвотныя массы больныхъ холерой, нашелъ въ нихъ усиленіе кислотной реакціи.

Химикъ В. Андреевъ говоритъ, что „въ холерное время преобладаетъ отрицательное электричество. Какъ отрицательный полюсъ притягиваетъ изъ языка щелочь, будучи приложенъ къ нему, такъ гигантскій электродъ земли и воздуха, охватывая тѣла людей, высасываетъ, такъ сказать, изъ нихъ щелочи. Эти щелочи выдѣляются изъ срединныхъ солей организма, кислоты котораго остаются въ организмѣ, все болѣе и болѣе окисляя его“.

Отъ дѣйствія усиленнаго атмосфернаго электричества, образующаяся въ организмѣ азотистая кислота отнимаетъ изъ крови соли, удерживавшія и впитывавшія въ себя влагу; поэтому, потерявъ влагу и соли—кровь холерныхъ червѣетъ и густѣетъ; образовавшіяся же азотно-кислыя соединенія выдѣляются больными рвотой.

И такъ, въ то время, когда среди людей свирѣпствовала эпидемія холеры, ясно было видно, что въ громадной лабораторіи природы дѣйствительно совершалась тогда масса физико-химическихъ процессовъ, не улавливаемыхъ грубыми инструментами, но вліявшихъ весьма ощутительно на живые организмы, до развитія болѣзней у людей включительно.

Повидимому въ это время вездѣ происходили какіе-то временные молекулярные процессы — и въ составѣ вещества воздуха, которымъ мы живемъ, и въ составѣ веществъ, окружающихъ насъ водъ: рѣкъ, озеръ и почвенныхъ, наконецъ, и въ составѣ самой почвы какъ поверхностной, такъ и на глубинѣ.

По всей вѣроятности это-то и были тѣ „измѣненія физическихъ агентовъ“, на которыя опредѣленно указывали и тысячи нашихъ военныхъ врачей при эпидеміи гриппа 1889 года.

Вѣроятно, прекращеніе этихъ измѣненій и было то „что-то“, что, по словамъ доктора Страховскаго, внезапно прекратило вспышку эпидеміи чумы въ Астраханской губерніи, еще до прибытія противочумной комиссіи.

Очевидно, что это „что-то“ есть не что иное, какъ тѣ же „возмущенія“ въ макрокосмосѣ астрономовъ, сказывающіяся такъ на микрокосмосѣ—физіологовъ.

Макрокосмосъ и микрокосмосъ!

Затменія, солнечныя пятна, землетрясенія, вулканическія изверженія, ураганы, вихри, смерчи, грозы, взрывы и... эпидеміи.

Грозныя конвульсіи природы, съ одной стороны, и микроколебанія, микробы, молекулы и „электроны“—съ другой.

И все это благодаря солнцу.

Все это—результатъ преобразованій непрерывно посылаемой солнцемъ кинетической энергіи. Все это продуктъ непрестанныхъ измѣненій въ колебаніяхъ окружающаго насъ электромагнитнаго пространства.

„Единство физическихъ силъ природы“.

Идея старая, какъ сама земля.

Кому приходилось непосредственно сталкиваться съ природой въ моменты рѣдкихъ грозныхъ ея проявленій; кто хоть разъ воочію видѣлъ и испытывалъ ихъ — тотъ уже на всю жизнь проникается яснымъ сознаніемъ этого единства физическихъ силъ.

Появленіе книги „Микрокосмосъ и Макрокосмосъ“ уже отмѣчено въ печати. М. Новорусскій посвятилъ ей большую статью въ газетѣ „Современное Слово“. Приводимъ оттуда нѣкоторые выводы, которые, какъ говоритъ авторъ статьи, „напрашиваются сами собой при обзорѣ всей совокупности новѣйшихъ научныхъ открытій и которые авторъ „Микрокосмоса и Макрокосмоса“ старался объяснить многочисленными и весьма разнообразными ссылками на болѣе или менѣе доказанные факты“...

„Чѣмъ больше мы расчленяемъ органическую и неорганическую матерію, чѣмъ глубже мы уходимъ въ своемъ анализѣ въ физику частичныхъ силъ, въ химію іоновъ или въ біологію мелкихъ клѣточныхъ ядеръ въ клѣткахъ организма, тѣмъ ближе и ближе подходимъ мы къ дѣйствію малыхъ электрическихъ силъ.

Пронизывая всѣ вещи или обрекая ихъ безъ малѣйшей задержки тончайшими эфирными струями, электричество можетъ казаться совершенно безсильнымъ по сравненію съ гру-

бымъ, косным матеріальнымъ веществомъ. Но перенесите сферу приложенія электрическихъ силъ на мельчайшія, почти невѣсомыя частицы, и тогда электричество окажется во всякихъ процессахъ не только сильнымъ, но и всесильнымъ.

Огромное количество фактовъ, подмѣченныхъ во всѣхъ областяхъ научнаго знанія, установило съ несомнѣнностью, что электричество присутствуетъ при наступленіи всевозможныхъ, совершенно непохожихъ другъ на друга явленій, вездѣ, гдѣ происходятъ замѣтныя перемѣны въ движеніи, въ температурѣ, или въ химическомъ составѣ.

Всякая такая перемѣна неизмѣнно влечетъ за собой измѣненіе и въ электрическомъ состояніи. А если оба эти измѣненія неизмѣнно связаны другъ съ другомъ, то все равно, сопричтены ли они другъ другу причинно, или нѣтъ, мы можемъ съ увѣренностью судить о наступленіи нѣкотораго явленія, лишь только мы подмѣтимъ какое-нибудь возмущеніе въ электрической стихіи.

И это одинаково вѣрно какъ тогда, когда мы судимъ о тревожной перемѣнѣ въ окружающей насъ атмосферѣ, перемѣнѣ, которая сулитъ намъ неожиданное измѣненіе погоды, такъ и тогда, когда мы судимъ о нѣкоторыхъ неуловимыхъ процессахъ внутри нашего организма, процессахъ, которые сопровождаются заболѣваніями, или замѣтнымъ нарушеніемъ нашего душевнаго равновѣсія.

Электричество „работаетъ“ не только при наступленіи такихъ стихійныхъ бѣдствій, какъ ураганъ, либо землетрясеніе, предвѣщая намъ ихъ наступленіе. Его дѣятельность неизмѣнно сопровождаетъ и такія спокойныя и совершенно ординарныя явленія, какъ всасываніе воды растеніемъ, оплодотвореніе яйцеклѣтки мужскимъ элементомъ, или „влеченіе“ подвижной клѣтки къ расположенному въ сосѣдствѣ пищевому веществу.

Отсюда понятно, что если мы вооружимся тонкими электрическими приборами и будемъ тщательно наблюдать всѣ перемѣны въ состояніи электричества, о которыхъ даютъ знать эти приборы, то мы можемъ судить о наступленіи и характерѣ множества разнообразныхъ явленій, совершенно не похожихъ на явленія электрическія.

Если установимъ, что животный организмъ есть ложная система замкнутыхъ электромагнитныхъ цѣпей, то всякій процессъ въ организмѣ и всякое измѣненіе въ этомъ процессѣ, совершенно неуловимое никакими другими приборами, можетъ быть уловлено электрическими приборами. И такъ какъ электрическіе приборы обладаютъ необыкновенной, ни съ чѣмъ несравнимой чувствительностью, то новый электробіологическій методъ наблюденія дастъ намъ въ руки настоящій волшебный ключъ, которымъ мы можемъ открывать недоступныя намъ прежде двери, ведущія въ тайники жизни.

Тончайшія явленія внутриклѣточной жизни, нормальныя и ненормальныя отправленія мелкихъ, почти невидимыхъ, клѣтокъ, которыя прежде мы могли замѣчать только въ видѣ совокупной работы, составляющей дѣятельность цѣлаго большого органа, теперь мы можемъ улавливать посредствомъ спеціально приспособленныхъ электрическихъ приборовъ.

И не только улавливать, но и судить о нихъ. И не только судить, но и воздѣйствовать. Въ самомъ дѣлѣ, какова бы не была связь между электрическими и біологическими явленіями, разъ эта связь существуетъ, то она можетъ быть двусторонней. Т.-е. не только біологическія перемѣны обусловливаютъ собою наступленіе электрическихъ явленій, всегда сопутствующихъ имъ, но и сами электрическія явленія, если мы произведемъ ихъ изъ посторонняго источника, могутъ воздѣйствовать на біологическіе процессы.

Въ грубой формѣ эта истина давно признана. Мы давно уже имѣемъ электротеранію, которая довольно слѣпо нащупываетъ разные электрическіе способы воздѣйствія на больной организмъ или на отдѣльные больные органы. Не слѣпымъ, а увѣреннымъ и планомѣрнымъ это воздѣйствіе будетъ тогда, когда мы посредствомъ спеціальныхъ электрическихъ приборовъ изучимъ многообразныя комбинаціи электрическихъ колебаній, сопровождающихъ клѣточную жизнь нашего организма.

Но самое главное, что даетъ намъ въ руки электрическое изслѣдованіе всякаго явленія какъ въ органической, такъ и въ неорганической природѣ, это—возможность наблюдать ихъ съ большого разстоянія. Электрическая передача почти мгновенна. Значитъ, если мы наблюдаемъ явленія посредствомъ электрическихъ органовъ чувствъ, которыхъ насъ лишила природа, но которыя мы сами для себя умѣемъ строить примѣнительно къ разнымъ потребностямъ, то для насъ безразлично, наблюдать ли электрическую перемѣну на самомъ мѣстѣ ея происхожденія, или же за сотню верстъ отъ это мѣста.

Гдѣ-то далеко-далеко падаетъ градъ, а въ нашей комнатѣ электрическій приборъ трещитъ и оповѣщаетъ насъ объ этомъ. Гдѣ-то въ клиникѣ неправильно бьется больное человѣческое сердце, а докторъ у себя въ каби-

нетѣ всматривается въ электрическій приборъ и наблюдаетъ за этимъ біеніемъ.

Бьется ли больное сердце человѣка, или пульсируетъ могучее сердце природы, тяжело дышитъ больная грудь, или идетъ здоровая борьба фагоцитовъ съ болѣзнетворными микробами, — дайте намъ хорошій электрическій аппаратъ, и мы будемъ ясно чувствовать всѣ эти таинственныя пульсаціи живой и мертвой природы, и притомъ будемъ чувствовать тамъ, гдѣ насъ нѣтъ.

А вмѣстѣ съ этимъ, картинно и осязательно рѣшается въ положительномъ смыслѣ старый метафизическій вопросъ:

— Можетъ ли вещь дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ?

Едва только біологія стала на собственныя ноги и уяснила въ общихъ чертахъ главнѣйшіе жизненные процессы, какъ ей приходится породниться съ совершенно новой, только-что назрѣвшей, научной дисциплиной, и подъ именемъ электробіологіи приняться за изученіе такихъ явленій въ организмѣ, которыя либо совсѣмъ игнорировались, либо вовсе не замѣчались".

Физическимъ окомъ въ оккультный міръ.

Въ 5—6 номерахъ „Вѣстника Теософіи" статья В. С. знакомитъ насъ съ содержаніемъ недавно вышедшей книги д-ра Кильнера „Человѣческая атмосфера или аура, видимая при посредствѣ химическихъ экрановъ".

Существованіе эманаціи человѣческаго тѣла, обладающей столь загадочными и могучими свойствами, давно уже было подтверждено цѣлымъ рядомъ строго научныхъ изысканій (еще въ 1862 году доктору Рейхенбаху удалось запечатлѣть эманаціи человѣческаго тѣла на свѣточувствительной пластинкѣ), но лишь теперь, послѣ опытовъ доктора Кильнера, явилась возможность наблюдать эту эманацію непосредственно даже невооруженными глазами.

Стало возможнымъ наблюдать эманацію не только отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла, но и установить существованіе нѣкой общей эфирной эманаціонной оболочки всякаго живого тѣла, иначе говоря, позитивной наукѣ впервые пришлось вплотную подойти къ тому явленію, которое въ оккультизмѣ давно уже фигурируетъ то подъ названіемъ астральнаго тѣла, то подъ названіемъ „ауры".

Дѣйствительно, предметъ наблюденій, описываемыхъ Кильнеромъ, столь близко касается оккультныхъ ученій, говоритъ В. С., что авторъ, въ своемъ предисловіи, во избѣжаніе обвиненій въ склонности къ мистикѣ, находитъ нужнымъ заранѣе предупредить читателя въ его полномъ отреченіи отъ вліяній оккультизма, а также въ томъ, что, несмотря на всю видимую невѣроятность научнаго обоснованія описываемыхъ явленій, онъ, въ своихъ опытахъ, пользовался исключительно методомъ положительныхъ, строго научныхъ изслѣдованій, не придавая своему открытію значенія опредѣленной теоріи, но лишь гипотезы и сборника матеріаловъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы продолжать эти, столь интересные, опыты.

Свое открытіе Кильнеръ сдѣлалъ совершенно случайно, быть можетъ также случайно, какъ были сдѣланы всѣ великія открытія: тяготѣніе, паръ, электричество и т. д. Онъ заинтересовался дѣйствіемъ X-лучей на свѣточувствительную пластинку сѣрнистаго кальція, которые даютъ возможность фотографированіе мыслей.

Производя наблюденіе надъ дѣйствіемъ разныхъ цвѣтовъ спектра на эманацію человѣческаго тѣла, а также нѣкоторыхъ другихъ тѣлъ, какъ-то: магнита, намагниченнаго желѣза, кристалловъ радіеваго нитрата и т. д., д-ръ Кильнеръ пришелъ къ заключенію, что въ человѣческомъ тѣлѣ, кромѣ тепла, есть какія-то силы, вліяющія на колебанія магнитной стрѣлки, и что эти силы лежатъ въ ультра-красномъ и ультра-фіолетовомъ концахъ спектра. Онъ подумалъ, что если бы наблюдать эманаціи сквозь экраны соотвѣтствующей упомянутымъ спектрамъ окраски, то, можетъ быть, эманаціи эти сдѣлались бы доступными воспріятіямъ глаза.

Однажды ночью, въ то время, когда имъ были заказаны стеклянные экраны съ жидкостью, которую Кильнеръ называлъ спектравраниномъ и содержавшіе растворъ диціанина съ карминомъ, Кильнера, усиленно думавшаго о предстоящихъ опытахъ, „вдругъ осѣнила мысль" о томъ, что неизвѣстная субстанція есть ни что иное, какъ аура.

Дѣйствительно, какъ только были изготовлены экраны, удовлетворяющіе требованіямъ опытовъ и сохранявшіе окраску въ теченіе достаточно продолжительнаго времени, Кильнеръ немедленно приступилъ къ наблюденіямъ надъ однимъ изъ своихъ сотрудниковъ, и тотчасъ увидѣлъ, что фигуру послѣдняго окружила тонкая дымка сѣроватаго цвѣта.

При этомъ онъ замѣтилъ, что глазъ, подъ вліяніемъ спектравранина, быстро пріобрѣтаетъ, хотя и на короткое время, способность различать ауру и безъ помощи приборовъ непосред-

ственно послѣ наблюденія сквозь экраны, сначала свѣтлые, а затѣмъ темные.

Для того, чтобы аура сдѣлалась видимой, необходимо точное соблюденіе нѣкоторыхъ условій обстановки и освѣщенія, настолько, впрочемъ, простыхъ, что они не составятъ затрудненія для желающихъ производить опыты.

При извѣстномъ навыкѣ аура становится видимой немедленно, но иногда черезъ нѣсколько секундъ.

Она представляетъ собой какъ бы тонкое, со всѣхъ сторонъ обволакивающее тѣло паціента облако, плотность котораго зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей наблюдаемаго. Видимая безъ помощи экрановъ, аура кажется сиповато-сѣраго цвѣта.

Наилучшимъ положеніемъ для паціента будетъ стоять лицомъ къ наблюдателю и къ свѣту, съ опущенными вдоль туловища руками. При такомъ положеніи видна общая элиптическая форма ауры, наиболѣе широкое мѣсто которой приходится вокругъ плечъ и головы. Сфера постепенно суживается къ ногамъ.

Въ этомъ положеніи ширина ауры становится доступною точному измѣренію, что имѣетъ важное діагностическое значеніе, такъ какъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ аура бываетъ уже съ одной стороны, нежели съ другой.

Ширина ауры бываетъ весьма различна. Въ этомъ отношеніи играютъ роль возрастъ, полъ и состояніе здоровья паціента, при чемъ у женщинъ размѣры ауры въ особенности представляютъ различіе. Такъ, въ раннемъ дѣтствѣ ихъ аура почти одинакова съ аурой мальчиковъ, отличаясь лишь бо́льшей тонкостью ткани, но съ 12 до 20 лѣтъ онѣ какъ бы формируются, постепенно переходя отъ общаго типа къ характерному типу взрослой женщины, съ несравненно бо́льшимъ развитіемъ въ ширинѣ и плотности, чѣмъ у мальчиковъ этого же возраста.

Аура взрослыхъ мужчинъ достигаетъ до 4—5 д. шир. вокругъ туловища, что составляетъ приблизительно $^1/_{15}$ высоты роста. Возлѣ головы она бываетъ шире на 2 д. и постепенно суживается къ ногамъ до 5 д. Аура, окружающая руки, почти одинакова по ширинѣ съ аурой ногъ, только у кистей она немного расширяется, а на концахъ пальцевъ нерѣдко выступаетъ впередъ на очень значительное разстояніе.

Наблюденія надъ аурой дѣтей показываютъ, что она имѣетъ очень тонкую ткань, такъ что иногда не представляется возможнымъ точно опредѣлить ея наружную границу. Окраска дѣтской ауры обыкновенно сѣро-голубого оттѣнка. Младенецъ наиболѣе младшаго возраста, наблюдавшійся Кильнеромъ, былъ 15-ти часовъ отъ рожденія. Его аура была сѣраго цвѣта съ желтымъ оттѣнкомъ. Его мать и кормилица обѣ увидѣли его ауру, когда Кильнеръ предложилъ имъ взглянуть на дитя сквозь экранъ.

Всѣ дѣти, подвергавшіяся наблюденіямъ въ возрастѣ около 4-хъ мѣсяцевъ, имѣли ауру приблизительно въ 1 д. шир. возлѣ тѣла и нѣсколько шире вокругъ головы. Къ 4—5 годамъ дѣтская аура достигаетъ отъ 3 до 6 д. ширины, колеблясь въ зависимости отъ крѣпости организма. Для мальчиковъ характерной можно считать ширину ауры въ 3 дюйма.

У взрослыхъ женщинъ, въ здоровомъ состояніи, аура сохраняетъ свой сине-сѣрый оттѣнокъ и ширина достигаетъ 15 д. у туловища, съ значительнымъ увеличеніемъ вокругъ головы.

Въ виду того, что ширина женской ауры весьма разнообразна, ее невозможно сравнивать съ аурой мужчинъ. Практически для этого единственнымъ способомъ служитъ измѣреніе ширины вокругъ туловища, т.-е. по бокамъ, когда паціентъ стоитъ лицомъ къ наблюдателю. Между шириной ауры и высотой роста у женщинъ, повидимому, не существуетъ опредѣленнаго отношенія.

Такимъ образомъ, среднія цифры, показывающія ширину ауры у различныхъ лицъ, слѣдующія: для ауры женщинъ отъ 8 до 10 д. въ наиболѣе широкихъ мѣстахъ и по бокамъ. Для мужчинъ отъ $3^1/_2$ до 5 д., и для дѣтей— отъ $2^1/_2$ до 3 д. ширины вокругъ всего тѣла.

Наслѣдственность и въ этомъ, какъ вообще въ передачѣ различныхъ качествъ, играетъ немалую роль. Въ своихъ наблюденіяхъ Кильнеръ замѣтилъ, что размѣры ауры (узкая, средняя или широкая) дѣтей всегда соотвѣтствуетъ ширинѣ ауры родителей или, вѣрнѣе, одного изъ родителей.

Кромѣ того, значительное вліяніе оказываютъ особенности темперамента и умственныхъ способностей. Такъ, дѣти, обладающія болѣе живымъ характеромъ и развитые умственно, имѣютъ ауру шире, нежели тупые и флегматичные.

У взрослыхъ наблюдается та же зависимость роста ауры отъ индивид. особенностей: наиболѣе широкая аура окружаетъ наиболѣе интеллигентныхъ субъектовъ, тогда какъ узкая— бываетъ у тупыхъ и неразвитыхъ. Разница эта особенно замѣтна у мужчинъ вокругъ головы. Для женщинъ въ этомъ отношеніи является характернымъ не столько ростъ ауры, сколько степень тонкости ея ткани. Наиболѣе тонкая встрѣчается у разумныхъ отъ природы, вне-

чатлительныхъ, но не склонныхъ къ нервнымъ заболѣваніямъ субъектовъ.

Далѣе Кильнеръ переходитъ къ болѣе детальнымъ наблюденіямъ, которыя производятся при помощи другихъ экрановъ, имѣющихъ нѣсколько иную окраску, и называемыхъ заглавными буквами A, B, C, D. Этими экранами Кильнеръ совѣтуетъ пользоваться лишь послѣ того, какъ глазъ пріобрѣлъ навыкъ видѣть общую ауру безъ помощи приборовъ. Экраны A, B, C и D даютъ возможность изучить ауру въ различныхъ спеціальныхъ отношеніяхъ и по частямъ.

Общая аура, повидимому, состоитъ изъ четырехъ слоевъ ткани.

Непосредственно прилегающая къ тѣлу и наиболѣе узкая часть ауры названа Кильнеромъ „Эфирнымъ Двойникомъ", т. к. она состоитъ изъ однородной, довольно плотной субстанціи, видимой какъ полоса темной дымки, охватывающей тѣло со всѣхъ сторонъ и точно слѣдующая его очертаніямъ. Обыкновенно, ширина эфирнаго двойника не превышаетъ $^3/_{16}$—1д. Будучи наблюдаемъ сквозь разноцвѣтные экраны на черномъ или бѣломъ фонѣ, безразлично, эфирный двойникъ всегда кажется или чернымъ или темнымъ, за исключеніемъ того случая, когда наблюденіе производится сквозь свѣтло-карминный экранъ B, на бѣломъ фонѣ.

Тогда эфирный двойникъ кажется розовымъ, хотя и совершенно иного оттѣнка нежели цвѣтъ, принимаемый фономъ отъ карминнаго экрана.

Сверхъ эфирнаго двойника лежитъ слой внутренней ауры, которая, въ свою очередь, переходитъ въ наружную и затѣмъ въ ультра-ауру.

Для наблюденія внутренней ауры служатъ экраны A (темно-карминный), B (свѣтло-карминный) и C (свѣтло-синій). Видимая сквозь экранъ C, эта часть ауры представляется рѣзко очерченной и болѣе плотной, чѣмъ остальныя. Она имѣетъ отъ 2 до 4 д. ширины, у дѣтей бываетъ уже, нежели у взрослыхъ. Эта ширина всегда одинакова какъ вокругъ головы, такъ и у туловища, и только у нижнихъ конечностей слегка суживается, въ точности слѣдуя очертаніямъ тѣла.

Въ случаяхъ патологическихъ эта аура кажется расширенной и какъ бы состоитъ изъ зеренъ, расположенныхъ рядами, которые образуютъ совершенно параллельныя полосы, идущія подъ прямымъ угломъ къ тѣлу.

Чаще всего это явленіе наблюдается вокругъ таліи у женщинъ и возлѣ креста у мужчинъ.

Строеніе ткани внутренней ауры очень нѣжное; ея зернистыя полосы имѣютъ неодинаковую длину и потому по краямъ образуютъ зубцы, лежащіе въ дымкѣ наружной ауры. Эти полосы опредѣленнаго цвѣта не имѣютъ и не всегда одинаково ясно видны, такъ что необходимо особенно тщательно подобранное освѣщеніе и экраны.

Полосатость внутренней ауры при мѣстныхъ заболѣваніяхъ часто замѣняется безпорядочной зернистостью, которая заполняетъ собой и эфирный двойникъ.

Наружная аура начинается непосредственно за внутренней и выступаетъ вокругъ тѣла на неопредѣленное, иногда очень далекое, разстояніе, такъ постепенно сливаясь съ пространствомъ, что нерѣдко представляется затруднительнымъ опредѣлить ея внѣшнюю границу и ширину.

Для наблюденій ея лучше всего пользоваться экраномъ C (синимъ), такъ какъ при экранѣ B (свѣтло-карминномъ) она становится почти невидимой.

Наиболѣе тонкую, сливающуюся съ пространствомъ, едва уловимую часть наружной ауры Кильнеръ называетъ ультра-аурой. Она имѣетъ одинаковое строеніе съ наружной аурой и является какъ бы ея продолженіемъ.

Наружная аура состоитъ изъ тонкой, безцвѣтной дымки, обволакивающей тѣло сферой овальной формы, самое широкое мѣсто которой приходится приблизительно на высотѣ плечъ. Иногда сквозь нее виднѣются лучи или полосы свѣта, исходящіе изъ различныхъ частей тѣла. Нѣкоторые изъ лучей то появляются, то исчезаютъ въ теченіе самаго короткаго времени, тогда какъ другіе остаются видимыми въ продолженіе всего наблюденія. Появляясь въ одной какой-нибудь части ауры, они кажутся болѣе плотными, то лишенными окраски, то окрашенными въ разные цвѣта, отъ желтаго до рубиново-краснаго. Ихъ можно раздѣлить на три группы: 1) лучи появляющіеся внутри ауры и какъ бы окруженные ею, не прикасающіеся къ тѣлу и свѣтлые, идущіе параллельно тѣлу; 2) лучи, исходящіе изъ разныхъ частей тѣла вверхъ или въ сторону, и 3) лучи, прямо исходящіе изъ тѣла въ пространство.

Наблюденія выяснили, что лучи первой категоріи, т.-е. параллельные тѣлу, представляютъ собой уплотнившіеся края внутренней ауры въ мѣстахъ ея соединенія съ Эфирнымъ Двойникомъ, съ одной стороны, и съ наружной аурой—съ другой.

Сквозь экранъ A (темно-карминный) эти лучи кажутся зернистыми. Степень зернистости опредѣляется грубымъ, среднимъ и тонкимъ

состояніемъ зеренъ и служитъ признакомъ общей болѣзненности или мѣстныхъ разстройствъ.

Лучи 2-й группы, испускаемые любой частью тѣла, направляются обыкновенно къ другой какой-нибудь его части, если онѣ не очень удалены одна отъ другой, напр., между рукой и туловищемъ, перпендикулярно послѣднему. Подобное же направленіе получаютъ лучи между двумя экспериментаторами, когда одинъ держитъ свою руку на небольшомъ разстояніи 6—8 д. отъ другого. При этомъ ауры обоихъ становятся значительно свѣтлѣе, а появляющійся лучъ кажется особенно блестящимъ, иногда окрашеннымъ въ разные цвѣта. Такіе лучи особенно ясно видны исходящими изъ концовъ пальцевъ. Они могутъ лежать надъ различными углами къ тѣлу, но никогда не идутъ дугообразно.

И наконецъ лучи третьей группы имѣютъ наиболѣе грубое строеніе; они отбрасываются тѣломъ въ пространство и достигаютъ крайнихъ предѣловъ видимой ультра-ауры, выдѣляясь въ ней своимъ свѣтлымъ тономъ.

По первому впечатлѣнію аура представляется парообразной, но опытъ доказалъ, что это несомнѣнный обманъ зрѣнія, такъ какъ никакія температурныя измѣненія не вліяютъ на нее, и никакое движеніе воздуха не вызываетъ ни малѣйшихъ измѣненій ея формы.

Наблюденія надъ эманаціями нѣкоторыхъ тѣлъ показали, что аура есть сила, исходящая изъ нихъ, невидимая сама по себѣ, но обнаруживаемая по ея воздѣйствію на атмосферу. Подобное опредѣленіе сущности ауры является по аналогіи съ эманаціями такихъ тѣлъ, какъ: магнитъ, радій, намагниченное желѣзо, электричество и т. д. Опытъ и наблюденія надъ эманаціями послѣднихъ, при помощи экрановъ Кильнера, показали, что вокругъ магнитной подковы въ желѣзной оправѣ, со всѣхъ сторонъ находилась дымка, съ наружной стороны имѣвшая около $^1/_2$ д. ширины, а внутри подковы заполнявшая все пространство.

Наблюденія надъ кристаломъ ураніеваго нитрата неправильной формы, въ 1 д. длины и $^1/_2$ д. ширины, при условіяхъ, подобныхъ предыдущему опыту, также обнаружили вокругъ него дымку.

Разсматривая подобнымъ же образомъ полюсы гальванической батареи, можно было замѣтить, что проводникъ, соединяющій оба полюса, былъ окруженъ также дымкой. Она была голубого цвѣта, становившагося болѣе густо окрашеннымъ отъ синяго экрана. Ея ткань казалась грубѣе ткани уранієвой дымки, которая, въ свою очередь, не такъ была тонка, какъ дымка магнита.

Явленіе человѣческой ауры, повидимому, отчасти аналогичное упомянутому, представляется лишь болѣе сложнымъ, т. к. производитъ два различныхъ вида дымки — ауры внутренней и наружной. Очевидно также, что онѣ родственны другъ другу, такъ какъ взаимно притягиваются.

Основываясь на разницѣ строенія ихъ ткани, можно сказать, что онѣ являются результатомъ двухъ различно дѣйствующихъ силъ, благодаря чему внутренняя аура имѣетъ грубое строеніе, полосатость, рѣзко очерченные зубчатые края, указывающіе на неодинаковую интенсивность производящей ихъ силы, тогда какъ наружная аура цѣликомъ представляется облачной, съ неопредѣленными, сливающимися съ пространствомъ, очертаніями и не имѣетъ лучей, отраничивающихъ свое положеніе ея предѣлами.

Кромѣ того бываютъ случаи, когда увеличивается въ объемѣ одна только наружная аура, безъ измѣненія въ размѣрахъ внутренней, какъ, напримѣръ, наблюдается у женщинъ въ періодъ формированія. Силы, производящія эти два рода ауры, Кильнеръ называетъ дѣятелями. 1-й даетъ явленія внутренней ауры, 2-й — явленія ауры наружной.

Главная особенность 1-го дѣятеля заключается въ томъ, что интенсивность его дѣйствія въ значительной мѣрѣ можетъ быть повышаема вліяніемъ собственной воли паціента и выражается въ произвольномъ вызываніи и удлиненіи лучей во внутренней аурѣ.

Второй дѣятель болѣе подвиженъ, такъ какъ, повидимому, располагаетъ болѣе широкимъ полемъ для своихъ проявленій и совершенно не зависитъ отъ воли субъекта. Измѣненія, происходящія въ наружной аурѣ, вслѣдствіе патологическихъ состояній организма, заключаются въ перемѣнѣ ширины и окраски. Послѣднія далеко не всегда сопровождаются соотвѣтствующими измѣненіями во внутренней аурѣ, но не наоборотъ.

Аура не имѣетъ никакого цвѣта въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, т.-е. цвѣта, который можно было бы видѣть при обыкновенныхъ условіяхъ. Несмотря на многочисленныя попытки наблюдать ее въ темнотѣ, также не было обнаружено никакихъ признаковъ ея присутствія.

Какъ извѣстно, способность быть видимымъ, зависитъ отъ способности предмета отражать свѣтъ.

Способность ауры дѣлаться видимой проявляется лишь въ отношеніи нѣкоторыхъ частей спектра, вслѣдствіи чего она можетъ быть

видна лишь сквозь синій, желтый и красный экраны, и то въ различной степени отчетливости. Наиболѣе благопріятнымъ для наблюденій является темно-красный экранъ, обнаруживающій присутствіе обѣихъ ауръ особенно ясно, а также полосы и зерна внутренней ауры.

Несмотря на свой карминный оттѣнокъ, этотъ экранъ показываетъ ауру въ совершенно другомъ тонѣ краснаго цвѣта, нежели его собственный, при чемъ замѣчено, что аура вообще гораздо лучше видна при слабомъ освѣщеніи, нежели при яркомъ.

Приведенныя соображенія наводятъ Кильнера на мысль, что причины невидимости ауры при обыкновенномъ свѣтѣ заключаются въ особой тонкости вибрацій ея, лежащихъ внѣ видимаго солнечнаго спектра.

Такъ какъ Кильнеръ изучаетъ явленія ауры главнымъ образомъ съ медицинской точки зрѣнія, то его книга прежде всего имѣетъ цѣлью описаніе опытовъ надъ больными и выясненіе вопроса о значеніи этихъ наблюденій во врачебной практикѣ.

Всѣхъ примѣровъ приведено 40, и хотя это число далеко не можетъ считаться достаточнымъ для какихъ-либо окончательныхъ выводовъ о законахъ, управляющихъ явленіями ауры, тѣмъ не менѣе даже это количество даетъ возможность замѣтить, что, повидимому, главнымъ факторомъ измѣненія тканей ауры являются нервныя заболѣванія. Среди послѣднихъ въ особенности рѣзко измѣняютъ ткань и форму ауры — истерія и эпилепсія.

Въ здоровомъ состояніи аура окружаетъ тѣло совершенно симметрично со всѣхъ сторонъ, сохраняя полосатое строеніе во внутренней аурѣ.

Однимъ изъ наиболѣе часто встрѣчаемыхъ измѣненій является нарушеніе симметричности ауры и замѣна полосатости — болѣе грубыми зернами.

При истеріи, которая, какъ видно, наслѣдственно передается въ формѣ нарушенія очертаній ауры, ея дѣйствіе выражается въ томъ, что аура, достигающая наибольшей ширины у бедеръ, сразу сильно сжимается, вмѣсто того, чтобы постепенно суживаться у ногъ, образуя овальную сферу. На спинѣ она дѣлается немного шире нормы и у поясницы, какъ и по бокамъ, сразу сжимается до минимума.

При эпилепсіи измѣненіе ауры заключается въ томъ, что она съ одной стороны значительно шире, чѣмъ съ другой и въ мѣстахъ суженія имѣетъ грубо зернистую ткань. Замѣчено, что эта разница въ ширинѣ чаще всего бываетъ вокругъ головы, при чемъ суженіе обыкновенно находится съ лѣвой стороны.

Кромѣ этихъ измѣненій въ формѣ ауры, на составъ ея ткани вліяютъ въ значительной степени также различныя мѣстныя заболѣванія. Въ такихъ случаяхъ, какъ: язва желудка, гастрическія болѣзни, параличъ, болѣзни легкихъ и почекъ, при проектированіи на тѣлѣ паціента полосъ дополнительныхъ цвѣтовъ, удается точно установить такъ сказать центры локализаціи этихъ заболѣваній, которые выражаются появленіемъ во внутренней аурѣ лучей и пятенъ иногда болѣе свѣтлаго, иногда болѣе темнаго цвѣта, грубо-зернистаго строенія. Почти во всѣхъ случаяхъ появленія такихъ пятенъ, мѣста эти были чувствительны и болѣзненны при прикосновеніи. Наблюденія показали, что чѣмъ гуще окраска пятенъ, тѣмъ сильнѣе въ этихъ мѣстахъ боль.

Не менѣе могущественнымъ факторомъ измѣненія ауры у женщинъ является состояніе беременности. Уплотненіе и расширеніе ауры на соотвѣтствующихъ мѣстахъ и выпуклостяхъ тѣла настолько характерны, что даютъ возможность, повидимому, безошибочно опредѣлять беременность въ самые ранніе ея періоды. Это состояніе организма даетъ во внутренней аурѣ измѣненія цвѣта, но не ткани, т. к. нѣжная полосатость ея не смѣняется обычной при функціональныхъ разстройствахъ зернистостью, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда беременность сопровождается нѣкоторыми болѣзненными явленіями, явно перваго происхожденія.

Ширина ауры при беременности прекращаетъ свой ростъ и возвращается къ обыкновеннымъ предѣламъ лишь въ случаяхъ насильственнаго прекращенія беременности. Въ примѣрѣ, приводимомъ Кильнеромъ, такое сокращеніе ауры наступило вслѣдствіе смерти ребенка, вызванной испугомъ матери, въ концѣ 6-го мѣсяца, а было констатировано за 2 мѣсяца до опредѣленія смерти дитяти обычнымъ путемъ.

Свое предположеніе о томъ, что одна часть ауры, а именно, внутренняя аура, главнымъ образомъ находится въ непосредственной зависимости отъ нервной системы, д-ръ Кильнеръ подтверждаетъ рядомъ опытовъ надъ дѣйствіемъ воли на расширеніе и сокращеніе произвольно вызываемыхъ лучей изъ разныхъ частей тѣла.

Кильнеръ приводитъ нѣсколько примѣровъ тому, какъ, подъ вліяніемъ сосредоточенія мысли на желаніи вызвать такой лучъ изъ тѣла экспериментаторовъ, въ теченіе самого короткаго времени, дѣйствительно появлялись длинныя, свѣтлыя полосы, располагавшіяся всегда подъ прямымъ угломъ къ тѣлу.

Когда воздѣйствіе воли бывало направлено

на плоскія поверхности, какъ, напримѣръ,— поверхность подвздошной области, то вмѣсто луча вся аура здѣсь становилась гораздо свѣтлѣе и на гребешкѣ ея выступала такимъ же острымъ гребнемъ.

Продолжая дальнѣйшіе опыты въ этомъ направленіи, Кильнеръ получилъ также изумительные результаты въ измѣненіи окраски ауры подъ вліяніемъ воли субъекта.

Экспериментаторшей была натурщица. Ее просили вызвать окраску ауры въ назначенныхъ мѣстахъ въ опредѣленный цвѣтъ, что и было исполнено въ теченіе почти одной минуты, по истеченіи которой сама экспериментаторша, хорошо знакомая съ точнымъ опредѣленіемъ цвѣтовъ, сказала, что видитъ тонъ краснаго вермилліона. Наблюдатель же описываетъ наступившую перемѣну слѣдующимъ образомъ: сначала вся аура, не измѣняя формы и ширины, стала казаться поблекшей и образовала какъ бы черное пространство на томъ мѣстѣ, гдѣ было указано заранѣе, въ данномъ случаѣ между туловищемъ и лѣвой рукой, опущенной на бедро, съ отведеннымъ въ сторону локтемъ. Затѣмъ она стала то появляться, то исчезать, колеблясь такимъ образомъ два-три раза и, наконецъ, сдѣлалась сѣровато-красной, вмѣсто бывшей раньше сѣровато-голубой.

Когда было выражено желаніе получить голубую ауру на правой сторонѣ, она и здѣсь немедленно измѣнила свой цвѣтъ, соотвѣтственно указанному; такимъ образомъ наблюдателю представилось необычайно красивое зрѣлище ауры, съ одной стороны оставшейся попрежнему красной, а съ другой— нѣжно-голубой.

Далѣе была сдѣлана попытка вызвать на лѣвой сторонѣ желтую окраску, въ результатѣ чего появилась аура цвѣта темно-желтой охры.

Изъ упомянутыхъ цвѣтовъ наиболѣе легко вызывались красный и голубой.

Продолженіе опытовъ выяснило, что воздѣйствіемъ воли можно вызвать окраску не только большихъ пространствъ ауры, но и малыхъ пятенъ на любомъ мѣстѣ тѣла.

Описывая случаи наблюденія ауры здоровыхъ и больныхъ людей, Кильнеръ нигдѣ не упоминаетъ объ опытахъ наблюденія сквозь экраны мертвыхъ или умирающихъ. Судя по описанному случаю уменьшенія слоя ауры вокругъ тѣла женщины, беременность которой прекратилась за смертью ребенка, можно предположить, что аура исчезаетъ съ момента прекращенія жизненныхъ функцій организма.

Таковы свойства и особенности ауры, видимой при помощи химическихъ экрановъ.

Какъ уже было упомянуто, дѣлалось много попытокъ доказать существованіе ауры экспериментально-научнымъ путемъ, но кромѣ нихъ мы имѣемъ еще болѣе многочисленныя свидѣтельства ясновидящихъ, со временъ глубочайшей древности до нашихъ дней, интуитивнымъ путемъ познававшихъ эти явленія флюидовъ, окружающихъ человѣческое тѣло, а также древнія ученія объ астральной матеріи, входящей въ составъ тѣла въ числѣ семи различныхъ состояній матеріи.

Слѣдуя всѣ эти данныя, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что флюиды, описываемые ясновидцами и древней наукой, составляютъ не что иное, какъ ауру, или атмосферу, видимую сквозь экраны д-ра Кильнера.

На самомъ дѣлѣ, въ обоихъ случаяхъ наблюденій форма ауры представляется овальной, ткань ауры тонкой, сливающейся съ пространствомъ. Въ обоихъ случаяхъ въ ней констатируется появленіе свѣтовыхъ лучей, окрашенныхъ въ одни и тѣ же цвѣта: красный, желтый, голубой и т. д., измѣняющихся въ зависимости отъ нервнаго состоянія, воли, здоровья и т. д.

Въ обоихъ случаяхъ въ этой окраскѣ находитъ примѣсь сѣроватаго тона, характеризующаго низкую степень духовнаго развитія.

Такимъ образомъ свидѣтельства ясновидящихъ вполнѣ совпадаютъ съ данными научно-позитивнаго опыта, поскольку въ настоящее время онъ можетъ имѣть мѣсто.

Такой результатъ сравненія двухъ способовъ наблюденія надъ однимъ и тѣмъ же явленіемъ ауры заставляетъ насъ еще съ большимъ вниманіемъ отнестись къ открытію доктора Кильнера, какъ одной изъ первыхъ скрѣпъ союза между наукой и мистикой, гармоническое единеніе которыхъ лишь одно способно повести человѣческія званія по пути вѣчныхъ истинъ.

Новая интимная книга В. В. Розанова.

(„Опавшіе листья“).

Новая книга В. Розанова „Опавшіе листья“ является какъ бы продолженіемъ раньше вышедшей книги бы того же автора „Уединенное“ *). Тотъ же стиль, та же черезчуръ откровенная интимность, тѣ же удивительныя помѣты (на подошвѣ туфли... прислонившись къ дому на

*) Объ этой книгѣ см. „Бюллетень“ № 19 за прошлый годъ.

Надеждинской... за истребленіемъ комаровъ...) *).

Слѣдуетъ отмѣтить, что и здѣсь, въ этой новой книгѣ, встрѣчается немало страницъ истинно „розановской“ глубины мысли, страницъ нѣжнаго, раздумнаго лиризма, остроумія отдѣльныхъ литературныхъ сужденій.

Несмотря, однако, на это, „Опавшіе листья“ не производятъ уже на читателя того впечатлѣнія, какое въ свое время произвела книга „Уединенное“.

Не потому ли это, что подобныя книги, необычныя и по формѣ, и по содержанію, пріемлемы только какъ интересные уникумы. Имъ не должно повторяться. Именно неповторяемость ихъ даетъ имъ значительность явленія, болѣе чѣмъ литературнаго.

Ниже мы приводимъ отдѣльныя мѣста изъ „Опавшихъ листьевъ“, наиболѣе характерныя для Розанова.

Не понимаю, почему я особенно не люблю Толстого, Соловьева и Рачинскаго. Не люблю ихъ мысли, не люблю ихъ жизни, не люблю самой души. Я могъ ими всѣми тремя любоваться (и любовался), цѣнить ихъ дѣятельность (и цѣнилъ), но никогда ихъ почему-то не могъ любить, не только много, но и ни капельки. Послѣдняя собака, раздавленная трамваемъ, вызывала большее движеніе души, чѣмъ ихъ „философія и публицистика“ (устно). Эта „раздавленная собака“ пожалуй кое-что объясняетъ. Во всѣхъ трехъ не было абсолютно никакой „раздавленности“, напротивъ, сами они весьма и весьма „давили“ (полемика, враги и пр.). Толстой ставитъ то „3“, то „1“ Гоголю: пріятное самообольщеніе. Всѣ три вотъ и были самообольщены: и отъ этого не хотѣлось ихъ ни любить, ни съ ними „водиться“ (знаться). „Ну, и успѣвайте, господа,— мое дѣло сторона“. Съ дѣтства мнѣ было страшно врождено сострадавіе: и на этотъ главный пафосъ души во всѣхъ трехъ я не находилъ никакого объекта, никакого для себя „предмета“. Какъ я любилъ и люблю Страхова, любилъ и люблю К. Леонтьева; не говоря о „мелочахъ жизни“, которыя люблю безмѣрно. Почти вашелъ разгадку: любить можно то, или—того, о комъ сердце болитъ. О всѣхъ трехъ не было никакой причины „душѣ болѣть“, и отъ этого я ихъ не любилъ.

*) Эти помѣты, какъ оказывается, сдѣланы не зря. Онѣ имѣютъ моральный мотивъ, о которомъ авторъ обѣщаетъ сообщить какъ-нибудь потомъ.

* * *

Сущность молитвы заключается въ признаніи глубокаго своего безсилія, глубокой ограниченности. Молитва — гдѣ „я не могу“; гдѣ „я могу“ — нѣтъ молитвы.

* * *

Есть ли жалость въ мірѣ? Красота — да, смыслъ — да. Но жалость? Звѣзды жалѣютъ ли? Мать — жалѣетъ: и да будетъ она выше звѣздъ.

* * *

Какой это ужасъ, что человѣкъ (вѣчный филологъ) нашелъ слово для этого — „смерть“. Развѣ *это* возможно какъ-нибудь назвать? Развѣ оно имѣетъ имя? Имя—уже опредѣленіе, уже „что-то знаемъ“. Но вѣдь мы же объ этомъ ничего не знаемъ. И, произнося въ разговорахъ „смерть“, мы какъ бы танцуемъ бламанжэ для ужина или спрашиваемъ: „сколько часовъ въ мискѣ супа“. Цинизмъ. Безсмыслица.

* * *

Есть даръ слушанія голосовъ и даръ видѣнія лицъ. Ими проникаемъ въ душу человѣка. Не всякій умѣетъ слушать человѣка. Иной слушаетъ слова, понимаетъ ихъ связь и связно на нихъ отвѣчаетъ. Но онъ не уловилъ „подголосковъ“, *тѣней звука „подъ* голосомъ“, — а въ нихъ-то, и притомъ въ нихъ однихъ, говорила душа.

* * *

Не языкъ нашъ—убѣжденія наши, а сапоги наши—убѣжденія наши. Опорки, лапти, смазные, „отъ Вейса“. Такъ и классифицируйте себя.

* * *

Суть „вашего времени“—что оно все обращаетъ въ шаблонъ, схему и фразу. Былъ Шопенгауэръ: и „пессимизмъ“ сталъ фразою. Былъ Ницше: и „Антихристъ“ его заговорилъ тысячею лошадиныхъ челюстей. Слава Богу, что на это время Евангеліе совсѣмъ перестало быть читаемо: случилось бы тоже.

* * *

Можетъ быть, даже и нѣтъ идеи безсмертія души, но есть чувство безсмертія души, и проистекаетъ оно изъ любви.

* * *

Нѣжная-то идея и переживаетъ желѣзныя идеи. Порвутся рельсы. Поломаются машины. А что человѣку „плачется“ при одной угрозѣ „вѣчною разлукою“—это никогда не порвется, не истощится. Вѣрьте, люди, въ нѣжныя идеи. Бросьте желѣзо: оно — паутина. Истинное же-

лѣзо — слезы, вздохи и тоска. Истинное, что никогда не разрушится — одно *благородное*. Имъ и живите.

* * *

Памятники не удаются у русскихъ (Гоголю и т. д.), потому что единственный нормальный памятникъ — часовня, и въ ней неугасимая лампада „по рабѣ Божіемъ Николаѣ“ (Гог.).

* * *

Нужно, чтобы о комъ-нибудь болѣло сердце. Какъ это ни странно, а безъ этого пуста жизнь.

* * *

Конечно, я цѣнилъ умъ (безъ него скучно): но ни на какую степень его не любовался. Съ умомъ — интересно; это — само собою. Но почему-то не привлекаетъ и не восхищаетъ (совсѣмъ другая категорія). Чѣмъ же насъ тянетъ Б. . .? Явно — не умомъ, не „премудростью“. Чѣмъ же? Любованье мое всегда было на душу. Вотъ тутъ я смотрѣлъ и „забывался“ (какъ при музыкѣ)... Душа — обворожительна (совсѣмъ другая категорія). Тогда не тянетъ ли Б. міра „обворожительностью“? Во всякомъ случаѣ онъ тянетъ душою, а не мудростью. Б.—*душа міра*, а—не *міровой разумъ* (совсѣмъ разница).

* * *

Мы не по думанью любимъ, а по любви думаемъ. Даже и въ мысли—сердце *первое*.

* * *

Все воображаютъ, что душа есть существо. Но почему она не есть музыка? И пишутъ ея „свойства“ („свойства предмета“). Но почему она не имѣетъ только строй?

* * *

Выростаніе — отхожденіе. И именно — отъ родителей. Дѣти — сучья на стволѣ: но развѣ сукъ съ каждымъ днемъ не отдаляется отъ ствола—своимъ „зеленькимъ“, своимъ „кончикомъ“, прикасаясь къ стволу только бездумнымъ основаніемъ. Въ этомъ „зеленомъ“ и въ „кончикѣ“, въ листочкахъ сука—его мысль, сердце, душа. Также и люди, дѣти, такъ—въ семьѣ. Судьба. Рокъ. Плачь или не плачь—а не перемѣнишь.

* * *

Необыкновенная сила Церкви зависитъ (между прочимъ) отъ того, что прибѣгаютъ къ ней люди въ самые лучшіе моменты своей души и жизни: страдальческіе, горестные, страшные, патетическіе. „Кто-нибудь умеръ“, „самъ умираю“. Тутъ человѣкъ совсѣмъ другой, чѣмъ всю жизнь. И вотъ этотъ „совсѣмъ другой“ и „лучшій“ несетъ сюда свои крики, свои стоны,— слезы, мольбы. Какъ же этому мѣсту, „куда все снесено“, не сдѣлаться было наилучшимъ и наимогущественнѣйшимъ. Она захватила „острія всѣхъ сердецъ“: и нѣтъ иного мѣста съ такимъ же могуществомъ, какъ здѣсь.

Любовь выдающихся людей.

(Контрасты любви).

Если уже вообще возбуждаютъ въ насъ живой интересъ письма избранниковъ человѣчества,—какъ и біографическія подробности о нихъ,—то съ какимъ волненіемъ и вниманіемъ читаемъ мы ихъ любовныя письма! Любовь — это солнце жизни—способно озарить чудеснымъ яркимъ свѣтомъ душу даже самаго послѣдняго изъ „простыхъ смертныхъ“. Какою же роскошью красокъ должна она расцвѣтить душу *великаго* человѣка... Лучи любви, точно ключи волшебные, открываютъ одну за другой потайныя двери человѣческаго „я“; человѣка въ моментъ его любви мы можемъ познать лучше, тоньше, чѣмъ во всю его остальную жизнь. Какіе же заманчивые горизонты должны открыться передъ нами тогда, когда любовь посѣщаетъ великаго человѣка!..

Ан. Чеботаревской пришла недурная мысль соединить въ сборникѣ избранныя страницы изъ любовной переписки замѣчательныхъ людей, преимущественно писателей („Любовь въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX вв.“ М. 1913 г.). Объемистая книга эта, содержащая въ себѣ полностью или въ извлеченіяхъ около 200 писемъ 75 лицъ, даетъ, къ сожалѣнію, гораздо меньше, чѣмъ ожидаешь (вѣроятно, долю разочарованія нужно отнести на счетъ не совсѣмъ удачнаго выбора матеріала): но все-таки въ сборникѣ вы найдете десятокъ-другой любопытнѣйшихъ документовъ, цѣнность которыхъ еще увеличивается ихъ близкимъ сосѣдствомъ здѣсь,—„вещи всего лучше познаются сравненіемъ“. Въ этихъ выразительныхъ, столь различныхъ по своему характеру, по темпераменту, любовныхъ изліяніяхъ какъ нельзя выпуклѣе проявляются главные *типы* любви. Особенно рѣзко выступаютъ отличительныя особенности ихъ, когда мы поставимъ рядомъ письма такихъ лицъ, какъ Герценъ и Флоберъ, или Флоберъ и Жоржъ Зандъ, или Лассаль и Альфредъ Мюссе (или, напр., Жуковскій).

Герценъ.

Дружественная переписка А. И. Герцена и его кузины Н. А. Захарьиной, привязавшихся

другъ къ другу еще въ дѣтствѣ, какъ извѣстно, въ началѣ 1836 г. приняла иное направленіе,—когда оба молодые люди распознали, наконецъ, истинную суть связывавшихъ ихъ взаимныхъ симпатій.

(Герценъ—Захарьиной. 15. I. 1836. Вятка). Я удученъ счастьемъ, моя слабая земная грудь едва въ состояніи перенесть все блаженство, весь рай, которымъ даришь ты меня. Мы поняли другъ друга! Намъ не нужно, вмѣсто одного чувства, принимать другое. Не дружба—любовь! Я тебя люблю, Natalie, люблю ужасно, сильно, насколько душа моя можетъ любить. Ты выполнила мой идеалъ, ты забѣжала требованіямъ моей души. Намъ нельзя не любить другъ друга. Да, наши души обручены, да будутъ и жизни наши слиты вмѣстѣ. Вотъ тебѣ моя рука, она твоя. Вотъ тебѣ моя клятва, ея не нарушитъ ни время, ни обстоятельства. Всѣ мои желанія. думалъ я въ иныя минуты грусти, несбыточны; гдѣ найду я это существо, о которомъ иногда болитъ душа? Такія существа бываютъ созданія поэтовъ, а не между людей. И возлѣ меня, вблизи, расцвѣло существо, говорю безъ увеличеній, превзошедшее изящностью самую мечту, и это существо меня любитъ, это существо—ты, мой ангелъ. Ежели всѣ мои желанія такъ сбудутся, то гдѣ я возьму достойную молитву Богу?

(Захарьина—Герцену. 29. I. 1836. Москва). Научи меня, ангелъ мой, молиться, научи благодарить Того, Кто въ чашу моей жизни вплъ столько блаженства, столько небеснаго, кто такъ рано далъ мнѣ вполнѣ насладиться счастьемъ. Когда я хочу принесть Ему благодареніе, вся тлѣнность исчезаетъ, я готова предъ лицомъ самого Бога вылить всю душу молитвой. Но этого мало, и жизни моей не станетъ довольно возблагодарить Его; ты научилъ познать Его, научи, научи благодарить Его, ангелъ мой!

Напрасно ты боялся, другъ мой, чтобъ меня не отняли отъ тебя. Когда я встрѣтила тебя, душа моя сказала: вотъ онъ! И я не видала никого, кромѣ тебя, и любила одного тебя. Я не знала, что люблю тебя; думала, что это дружба, и предпочитала ее всему на свѣтѣ, и не желала узнать любви, и никѣмъ не желала быть любимой, кромѣ тебя. Вѣрь, Александръ, я бы была довольно счастлива, ежели бы умерла и сестрою твоей, да, довольно, а теперь я слишкомъ счастлива! Тебѣ этого не довольно, ты слишкомъ великъ и пространенъ самъ, чтобъ ограничиться такимъ маленькимъ счастьемъ; въ обширной груди твоей и за нимъ будутъ кипѣть волны другихъ желаній, другихъ красотъ и цѣлей. Богъ создалъ тебя не для одной любви, путь твой широкъ, но труденъ, и потому каждое препятствіе, остановка и неудача застанутъ тебя забыть маленькое счастье, которымъ ты обладаешь, заставятъ тебя отвернуться отъ твоей Наташи. А я, мой другъ, мнѣ нечего желать, мнѣ нечего искать, мнѣ некуда стремиться; путь мой, желанія, цѣль, счастье, жизнь и весь міръ — все въ тебѣ!

Тебѣ душно на землѣ, тѣсно на морѣ, а я, я потонула, исчезла, какъ пылинка, въ душѣ твоей; и мудрено ль, когда душа твоя обширнѣе моря и земли? И неужели, другъ мой, я могу сказать: „j'ai pour ami, pour époux, pour serviteur, pour maître, un homme, dont l'âme est aussi vaste qu'une mer sans bornes, aussi féconde en douceur, que le ciel... un Dieu enfin"... Да, я могу, я должна говорить это. И ты, другъ мой, говори: „Наташа, ты любишь меня", говори мнѣ это, ангелъ мой, въ этихъ словахъ мое счастье, ибо я сама и любовь моя созданы тобою.

Я видѣла твой портретъ. Ты можешь вообразить, что это за минута была для меня, но зачѣмъ тутъ были люди? Они мнѣ не дали насмотрѣться на тебя, наговориться съ тобою. О, въ эту минуту я бы расцѣловала ту руку, которая изобразила такъ похоже твое лицо и его выраженіе! А если бы видѣла его, на колѣняхъ упросила бы списать для меня.

...„Я тебя люблю, насколько душа моя можетъ любить", а насколько же душа твоя можетъ любить? Какой океанъ блаженства! Знаешь ли, я никогда не вѣрю своему счастью,— такъ велико, такъ дивно оно. Тотъ ли это Александръ, передъ которымъ я прекловялась душою, тотъ ли, чьи слова были мнѣ запонѣдью, тотъ ли, кого я боготворила?.. И прошедшія надежды и мечты, которыми я жила, по которыя мнѣ казались несбыточны, снова возстаютъ толпами въ душѣ, и волнуютъ ее; по вдругъ я обращаюсь къ настоящему,— воскресаю всѣмъ существомъ, и облако сомнѣнія исчезаетъ, и ясно вижу ясное небо...

(Она же. 22. II. 1836). Другъ мой, ангелъ мой, одно слово, одно только слово, потому что некогда, а хочу непремѣнно писать тебѣ сегодня,—я пріобщалась. Ты можешь вообразить, какъ чиста теперь душа моя, какъ я небесна, какъ люблю тебя! Никогда не говѣла я съ такимъ благоговѣніемъ, не исповѣдалась съ такимъ раскаяніемъ, и никогда не чувствовала себя такъ достойною сообщаться съ Христомъ. Какъ я чиста теперь, мой ангелъ! Вотъ теперь я чувствую, что я достойна тебя, Але-

ксандръ, другъ мой! Ты не хочешь, чтобъ я хвалила тебя, ну, что жъ ты хочешь? Вѣдь, ты знаешь, я люблю тебя, обожаю, боготворю, и эта любовь возвышаетъ меня, я чувствую сама, мнѣ другіе говорятъ это. Я стала добрѣе, лучше, и это именно ты, ты, ангелъ, твоя любовь сдѣлала меня такой! Теперь не могу видѣть бѣднаго, несчастнаго; сердце обольется кровью, я заплачу о томъ, что не имѣю средствъ помочь, и тотчасъ ты предо мною, и я ищу утѣшенія въ твоихъ глазахъ, и удѣляю своего счастья несчастному, и, кажется, ему легче, кажется, участь его уже облегчилась отъ того, что ты тутъ. Развѣ я придаю тебѣ слишкомъ много?.. Полно, Александръ, полно, другъ мой, не говори мнѣ этого: неужели въ тебѣ мало, и еще надо дополнять воображеніемъ твое достоинство? О, нѣтъ, мой Александръ, мнѣ порукой въ томъ моя любовь, ибо я никого бы не могла такъ любить, какъ люблю тебя. Отвять у меня эту любовь, значитъ, отнять всю чистоту, всю святость, все прекрасное, все возвышенное, и что же послѣ я останусь?.. Прощай, устала ужасно; кругомъ меня говорятъ, кричатъ. Прощай, обнимаю тебя...

(Герценъ — Захарьиной. 20. VII. 1836). Вчера былъ я ночью на стекляномъ заводѣ. Синій алый пламень съ какимъ-то неистовствомъ вырывался изъ горна и изъ всѣхъ отверстій, свистя, сожигая, превращая въ жидкость камень. Но наверху, на небѣ свѣтила луна, ясно было ея чело и кротко смотрѣла она съ неба. Я взялъ Полину за руку, показалъ ей горнъ и сказалъ: „Это я!“ Потомъ показалъ прелестную луну и сказалъ: „Это она, моя Наташа!“ Тутъ огонь земли, тамъ свѣтъ неба. Какъ хорошо они вмѣстѣ!

Любовь—высочайшее чувство; она столько выше дружбы, сколько религія выше умозрѣнія, сколько восторгъ поэта выше мысли ученаго. Религія и любовь, онѣ не берутъ часть души, имъ часть не нужна, онѣ не ищутъ скромнаго уголка въ сердцѣ, имъ надобна вся душа, онѣ не дѣлятъ ея, онѣ пересѣкаются, сливаются. И въ нихъ-то слитія жизнь полная, человѣческая. Тутъ и высочайшая поэзія, и восторгъ артиста, и идеалъ изящнаго, и идеалъ святого. О, Наташа! Тобою узналъ я это. Наташа, повторяю тебѣ, душа моя полна чувствъ сильныхъ, она разовьетъ передъ тобой цѣлый міръ счастья, а ты ей возвратишь родное небо. Провидѣніе, благодарю тебя!..

(Захарьина—Герцену. 26. VIII. 1836. Загорье.) Здравствуй, милый, единственный другъ! Сію минуту открыла глаза,—и тотчасъ за перо. Чѣмъ же мнѣ начать мой праздникъ, какъ не словомъ къ тебѣ, чѣмъ подарить себя болѣе, какъ не этимъ? Итакъ, уже и 26, опять бумага, опять перо передаютъ тебѣ мою душу... Когда жъ, когда жъ?..

Вчера я долго сидѣла надъ рѣкой одна. Благовѣстили ко всенощной. Какъ спокойна, какъ чиста была моя душа въ это время! Исчезло все суетное, житейское; я видѣла одно небо, слышала одинъ призывъ святого храма, а душа, душа... она была тогда вся ты, и послѣ восторга, послѣ молитвы я обратилась на себя. Что бы могло сдѣлать меня несчастною? Смерть твоя?—нѣтъ, потому что я не переживу тебя. Итакъ, что же можетъ убить меня при жизни твоей? Если ты перестанешь любить меня, — можетъ, это убьетъ меня, я тогда умру, но несчастной не назовусь. Дунулъ вѣтеръ, и навѣялъ пылинку на твое лицо, дунулъ въ другой разъ,—и ея уже нѣтъ; а лицо твое все такъ же ясно, чисто, все такъ же благородно, прекрасно и величественно, а пыль исчезла; коснувшись лица твоего, она не падетъ ужъ ни на что, она стала освященною. Можетъ быть, Провидѣніе такъ же и меня навѣяло на твою душу, какъ пылинку; можетъ, Его же рука сотретъ меня, и ты все такъ же чистъ, высокъ, святъ и божественъ, и буду ль смѣть я роптать на Него, на тебя? Кто отниметъ у меня то, что дано было мнѣ твоею любовью, кто отниметъ тогда у меня мою любовь? Нѣтъ, клянусь тебѣ, мой ангелъ, я и тогда буду счастлива, сжели будешь счастливъ ты. Молиться о тебѣ, служить тебѣ, любить тебя — развѣ это не счастье, не блаженство?...

(Герценъ—Захарьиной. 3. III. 1838. 9 час. утра, Владиміръ). Итакъ, совершилось. Теперь я отдаюсь слѣпо Провидѣнію, только то я упросилъ, просьба услышана, твой поцѣлуй горитъ на моихъ устахъ, рука еще трепещетъ отъ твоей руки. Наташа, я говорилъ какой-то вздоръ, говорилъ не языкомъ, ту рѣчь, широкую какъ Волга, слышала ты. Это свиданьнаше, его у насъ никто не отниметъ. Это первая минута любви полной, память ея пройдетъ всю жизнь, и когда явится душа тамъ, она скажетъ Господу, что испытала все святое, скажетъ о 3 мартѣ. Все волнуется... но не такъ, какъ вчера, о, нѣтъ, что-то добродѣтельное (я не умѣю выразить), свѣтлое, уноеніе—слышалъ я слово любви изъ твоихъ устъ, что же я услышу когда-нибудь послѣ полнѣе, голосъ Бога? — Это онъ-то и былъ. Ты благословила меня, когда я пошелъ, но врядъ замѣтила ли, что тогда было со мной, я приподнялъ руку, хотѣлъ благословить тебя, взглянулъ, и рука опустилась, передо мной

стоялъ ангелъ, чистый, Божій — молиться ему,—а благословляетъ онъ, и я не поднялъ руку.

По теперь все это у меня смутно, перепутано, все поглощено однимъ—видѣлъ любовь, видѣлъ воплощеніе ангела, и быстро, какъ молнія, и также ярко, оно прошло,—о, нѣтъ, оно въ насъ, оно вѣчно, это свиданье.— Теперь я слепъ и святъ,—мнѣ свиданье было необходимо. Natalie, пусть же Провидѣніе безусловно царитъ надъ нами, лишь бы указывало Оно путь,—идемъ. Быть великимъ человѣкомъ, быть ничтожнымъ,—все, все, да и разницы нѣтъ, выше я не буду. Не молнія, а сѣверное сіяніе, вѣжно-лазоревое, трепещущее, окруженное снѣгомъ. Я чувствовалъ огонь твоихъ щекъ, твой локонъ касался, я прижималъ тебя къ этой груди, которая три года задыхалась при одной мысли. Ты говорила. Чего же больше, умремъ. Нѣтъ, и это слишкомъ, воля Провидѣнія безусловная. И будто это не сонъ? Ну, пусть сонъ, за него нельзя взять не сонъ вселенной. Довольно, прощай, еще благослови путника, еще пламенный поцѣлуй его любви тебѣ...

(Онъ же. 9. III. 1838). Милая, милая невѣста! Что чувствовалъ и сколько чувствовалъ я недѣлю тому назадъ? Каждая минута, секунда была полна, длинна, не терялась, какъ эта обычная стая часовъ, дней, мѣсяцевъ. О, какъ тогда грудь мѣшала душѣ, эта душа была свѣтопосна, она хотѣла бы порвать грудь, чтобъ озарить тебя. Пятый часъ; я стоялъ передъ Emilie теперь, а внутри кипѣла буря, нѣтъ, не буря, а предчувствіе, — его испытаетъ природа наканунѣ преставленія свѣта, ибо преставленіе свѣта — верхъ торжества природы. Душа моя до того была поглощена тобою, что я почти не обратилъ вниманія на городъ, и ежели я ему бросилъ привѣтъ горячій, со слезою, когда его увидѣлъ, онъ не долженъ брать его на свой счетъ, и этотъ привѣтъ былъ тебѣ, съ нимъ мы увидимся послѣ. Возвращаясь, я еще меньше думалъ о немъ, смотрѣлъ пристально и видѣлъ въ воздухѣ туманно набросанный образъ Дѣвы благословляющей. Когда мы искали домъ Emilie, извозчикъ провезъ мимо васъ, я увидѣлъ издали домъ и содрогнулся, я умоляю К. воротиться, такъ сразу я не могъ вынести тотъ домъ. Вечеромъ я подошелъ смѣлѣе, мысль близости обжилась въ груди. Утромъ, когда я входилъ, мнѣ такъ страшно было, я убѣжалъ бы отъ собаченки, отъ птицы. Ты дала мнѣ время собраться. Ожидая тебя, я стоялъ, прислонясь локтемъ къ печи и закрывъ лицо рукою,—поклонись этому мѣсту. Потомъ я бросилъ взглядъ любви полный на фортепіано и на пяльцы, которыя стояли на полу (вѣрно твои), потомъ быстро влетѣла ты,—объ этомъ и теперь еще не могу говорить. Да и никогда не буду говорить, оно такъ глубоко въ душѣ, какъ мысль безсмертія. Знаю одно: я тебя разглядѣлъ, когда уже мы сидѣли на диванѣ, до этого наши души оставили тѣла, и были одна душа, онѣ не могли попять себя врозь.

8 часовъ вечера. Дай, дай, моя подруга, моя избранная, дай еще прожить тѣмъ днемъ. Восемь... Льется огонь изъ верхняго окна, я стоялъ въ переулкѣ, прижавшись къ забору, К. ушелъ, я одинъ. Вотъ Аркадій—такъ, стало, въ самомъ дѣлѣ я близко, вотъ Костенька—да, да я ее увижу, завтра въ пять часовъ въ путь. „Чего вы желали бы теперь отъ Бога?“ спросилъ, шутя, гусаръ вечеромъ. „Чтобы этотъ пятакъ превратился для міра въ часы“; гусаръ думалъ, что я съ ума сошелъ. „Для чего?“ — „Онъ не умѣетъ показывать ничего, кромѣ пять, а въ пять туда къ ней“. Къ подробностямъ этихъ дней надобно сказать, что я два дня съ половиной ничего не ѣлъ, кусокъ останавливается въ горлѣ.

Позже. Ты моя невѣста, потому что ты моя. Я тебѣ сказалъ: „у меня никого нѣтъ, кромѣ тебя“. Ты отвѣтила: „да, вѣдь я одна твое созданье“. Да, еще разъ, ты моя совершенно, безусловно моя, какъ мое вдохновеніе, вылившееся гимномъ. И какъ вдохновеніе поэта выше обыкновеннаго положенія, такъ и ты, ангелъ, выше меня,—но все-таки моя. Оно тѣлесно внѣ меня, но оно мое, оно я. Тебѣ Богъ далъ прелестную форму. А мысль въ эту душу заронилъ я, а проникъ ее любовью— я, я осмѣлился сказать ангелу: люби меня, и ангелъ мнѣ сказалъ: люблю. Я выпилъ долгій поцѣлуй съ ея устъ, одинъ я и передалъ ей поцѣлуй. Моя рука обвилась около ея стана,— и ничья не обовьется никогда. Понимаешь ли эту поэзію, эту высоту моего полнаго обладанія? Въ минуту гордаго упоенья любви, я радъ, что ты не знала любви отца и матери и эта любовь пала на мою долю. Вчера читалъ я Жанъ-Поля, онъ говоритъ: любовь никогда не стопитъ, или возрастаетъ, или уменьшается,— я улыбнулся и вздумалъ предостеречь тебя, а то я кончу тѣмъ, что слишкомъ буду любить, сожгу любовью. Скоро ночь — святая, а тамъ и седьмой часъ.

Отчего же я такъ спокоенъ теперь, а 3 марта не пропеднее, вотъ оно живое, свѣтлое въ груди. Умереть,—нѣтъ еще, не вся чаша жизни выпита, жить, жить! Будемъ сидѣть долго, долго, цѣлую ночь, и когда солнце проснется, и когда утренній Геспоръ блеснетъ,

выйдемъ къ нимъ и подъ открытымъ небомъ сядемъ съ ними, тогда умремъ. Стѣны давятъ, опасность давитъ, быстрота давитъ. Тогда же одна гармонія разольется на душѣ, ей будетъ тепло, и прахъ согрѣется солнцемъ. Или на закатѣ, когда усталое оно падетъ на небосклонъ, и кровью разольется по западу и изойдетъ въ этой крови, и природа ставетъ засыпать,—тогда умремъ. И роса прольетъ слезу природы на холодное тѣло. А чтобъ люди были далеко, далеко!..

(Захарьина—Герцену. 10. III. 1838 Москва). Вчера получила письмо отъ 4; послѣ 3-го и писанное слово сдѣлалось теплѣе, звучнѣе, одушевленнѣе. Да, послѣ 3-го марта и все перемѣнилось: червое прошедшее залито свѣтомъ, черное будущаго свѣтлѣетъ имъ, настоящее—это все свѣтъ. И я, Александръ, сдѣлалась достойнѣе тебя — съ этого дня, да, въ этотъ день твое созданіе дополнилось, усовершенствовалось.

Ангелъ мой, мнѣ кажется, мы будемъ вѣкъ говорить другъ другу о 3-мъ мартѣ, и вѣкъ не доскажемъ. Странно, я много читала о свиданьяхъ и поцѣлуяхъ, еще больше слыхала о нихъ отъ пріятельницъ и ближе пріятельницъ— и всегда дивилась: что находятъ въ этомъ пріятнаго, мнѣ казалось глупо, и я никогда не рѣшилась бы ни за что на свѣтѣ, — но вотъ и со мной сбылось 3 марта, только оно не помирило меня съ ихъ поцѣлуями, съ ихъ восторгами, они остались ихъ, а 3 марта — мое 3 марта!

Въ небѣ я не была бы святѣе, какъ въ твоихъ объятіяхъ, передъ Нимъ я не желала бы явиться чище, какъ была на груди твоей, и отъ Него не желала бы болѣе награды, какъ твой поцѣлуй. О! мой Александръ! мой Александръ! Вѣдь, я видѣла въ твоемъ взорѣ любовь, любовь твою, я видѣла во всемъ, что ты мой, и цѣлая-то жизнь наша будетъ не что иное, какъ 3-е марта. О, мой Александръ! ни о чемъ я еще не могу теперь думать, мысль и слово отстали вмѣстѣ съ тѣломъ и землей. Я сказала тогда нелѣпость, ясное доказательство, что намъ не нужно тогда было говорить. Я не могу вообразить, что будетъ за жизнь тогда, какъ мы дойдемъ до того, чтобъ ее размѣрить, учредить, сдѣлать порядочною,—а жизнь эта будетъ, я вѣрую! Оглянусь направо— свѣтъ, блаженство, все свято, все благословлено Имъ, мы — Его ангелъ; оглянусь налѣво,—страшно, тамъ проклятье, преступленье, тамъ разлука, страданье.

...Мы едва прикоснулись къ чашѣ блаженства нашего, а она безъ дна, безъ краевъ... Вѣдь я не насмотрѣлась на тебя, красота моя, да такого красавица нѣтъ во вселенной, потому что ни на комъ рука Его не видна такъ ясно. О, Александръ, нѣтъ, вѣдь, недостаточно, несвоспо говорить черезъ бумагу, когда ужъ разъ попробовалъ лепетать живою рѣчью, хоть едва понятною, ребячьею, — но все она лучше, превосходнѣе мастерского писанья! Нѣтъ, еще мы будемъ говорить, будемъ, я вѣрю. Мы доскажемъ другъ другу все здѣсь, и уже тогда пойдемъ разсказывать Богу...

Флоберъ.

Знаменитый романистъ пережилъ въ молодости серьезную привязанность къ „m-me X...“ (писательница Луиза Коле). Отношенія ихъ длились, съ перерывами, восемь лѣтъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что приведенныя ниже письма,—начальнаго періода ихъ любви,—Флоберъ писалъ въ томъ самомъ возрастѣ, что и Герценъ; ему тоже было тогда около 25 лѣтъ.

(7. VIII. 1846). Съ тѣхъ поръ, какъ мы признались, что любимъ другъ друга, ты постоянно спрашиваешь себя,—почему я не рѣшаюсь прибавить „навѣки“. Почему? Потому что я угадываю будущее, и потому, что я вообще склоненъ къ антитезамъ. Всегда, когда я вижу ребенка, я думаю о томъ, что онъ состарится; когда я вижу колыбель, я вспоминаю о могилѣ. Когда я смотрю на женщину, мнѣ представляется ея скелетъ. Радостныя картины наводятъ на меня грусть, а грустныя мало меня трогаютъ... Я слишкомъ много страдаю въ глубинѣ души, чтобы еще проливать слезы; прочитанное волнуетъ меня сильнѣе, чѣмъ дѣйствительныя страданія. Когда у меня была семья, мнѣ иногда хотѣлось, чтобы ея не было; я былъ бы свободенъ и могъ бы поѣхать въ Китай или къ дикарямъ. Теперь, когда семьи нѣтъ, я сожалѣю объ этомъ и цѣпляюсь за стѣны, гдѣ еще витаетъ ея тѣнь. Другіе бы гордились твоей любовью, ихъ честолюбіе нашло бы себѣ полное удовлетвореніе, ихъ мужской эгоизмъ былъ бы безконечно польщенъ; а мое сердце изнемогаетъ отъ тоски, когда моменты страсти проходятъ. и я говорю себѣ: она меня любитъ, и я люблю ее, но люблю недостаточно сильно. Если бы она меня не звала, ей не пришлось бы проливать всѣхъ тѣхъ слезъ, которыя она теперь проливаетъ.

Дитя! ты думаешь, что будешь любить меня всегда: всегда! какъ высокомѣрно звучитъ это слово въ устахъ человѣка! Вѣдь ты любила уже и раньше, не правда ли, — какъ и я; вспомни,—и тогда ты говорила, — навѣки. Я поступаю жестоко, я огорчаю тебя... Но я

предпочитаю омрачить твое счастье теперь, чѣмъ сознательно преувеличивать его, какъ дѣлаютъ всѣ, чтобы потомъ утрата счастья заставляла еще больше страдать... Кто знаетъ? Можетъ быть, ты мнѣ будешь благодарна потомъ за то, что у меня хватило мужества не быть черезчуръ нѣжнымъ... Это такъ свойственно моей жалкой природѣ; если бы ты меня не любила, я бы отъ этого умеръ; ты меня любишь, а я стараюсь охладить твое чувство. Я бы хотѣлъ быть въ твоей жизни прохладнымъ ручьемъ, освѣжающимъ ея страждущіе берега, а не бурнымъ потокомъ, вносящимъ опустошеніе; я бы хотѣлъ, чтобы воспоминаніе обо мнѣ вызывало терпетъ въ твоемъ тѣлѣ и улыбку въ душѣ. Не проклинай меня никогда! лишь послѣ самой сильной любви я смогу разлюбить тебя. Я буду всегда благословлять тебя; твой образъ всегда будутъ для меня окруженъ ореоломъ поэзіи и нѣжности, подобно вчерашней ночи въ опаловыхъ парахъ ея серебристаго тумана.

...Въ глубинѣ моей души, что бы тамъ ни говорили, я—паяцъ. Въ дѣтствѣ и въ юности у меня была страстная любовь къ подросткамъ. Я былъ бы, можетъ быть, великимъ актеромъ, если бы мнѣ суждено было родиться болѣе бѣднымъ. Да и теперь еще я выше всего люблю форму; лишь бы она была прекрасна, мнѣ больше ничего не надо. Женщины черезчуръ страстныя и односторонне мыслящія не понимаютъ этого культа красоты, лишеннаго чувствительности. Имъ всегда нужна причина и цѣль. Я одинаково люблюсь мишурой и золотомъ. Поэзія мишуры для меня еще выше, такъ какъ въ ней есть грусть. Въ мірѣ для меня существуютъ только прекрасные стихи, стройная, гармоничная, пѣвучая рѣчь, красивые закаты, лунный свѣтъ, колоритныя картины, античный мраморъ, выразительныя лица. Все остальное — ничего. Я хотѣлъ бы лучше быть Тальмой, чѣмъ Мирабо, потому что онъ жилъ въ мірѣ болѣе чистой красоты. Птицы въ клѣткѣ мнѣ внушаютъ такую же жалость, какъ и люди въ рабствѣ. Единственно, что я признаю въ политикѣ, это — возстаніе; фаталистъ, какъ турокъ, я думаю, что совершимъ ли мы все возможное для прогресса человѣчества или нѣтъ, — будетъ совершенно все равно... Что касается прогресса, я туго воспринимаю туманныя идеи. Все относящееся къ этому роду понятій наводитъ на меня безумную тоску. Я ненавижу современную тиранію, потому что она сама по себѣ глупа, слаба и робка, но я преклонюсь передъ тираніей древнихъ, въ которой я вижу одно изъ самыхъ прекрасныхъ проявленій человѣка, когда-либо существовавшихъ. Я прежде всего человѣкъ фантазіи, каприза, неожиданностей. Когда-нибудь я уѣду далеко отсюда, и никто обо мнѣ ничего больше не услышитъ.—Что же касается того, что обыкновенно болѣе всего задѣваетъ мужчинъ, и что для меня является второстепеннымъ въ вопросѣ плотской любви, — это я всегда отдѣлялъ отъ другого. Я замѣтилъ, какъ ты однажды высмѣивала это по поводу В... вѣдь это — моя исторія. Ты, конечно, единственная женщина, которую я любилъ.

Я любилъ другую въ возрастѣ отъ четырнадцати лѣтъ, не говоря ей объ этомъ, даже не прикасаясь къ ней; потомъ я прожилъ три года, совершенно не чувствуя себя мужчиной... Былъ моментъ, когда я думалъ, что это будетъ такъ до самой смерти, и благодарилъ за это Небо... Ты единственная, которой я посмѣлъ захотѣть понравиться и, можетъ быть, единственная, которой я понравился. Благодарю, благодарю. Но поймешь ли ты меня до конца, сумѣешь ли ты перенести всю тягость моей тоски, моихъ странностей, моихъ капризовъ, моихъ внезапныхъ охлажденій и страстныхъ возвращеній? Ты, напримѣръ, хочешь, чтобы я писалъ тебѣ каждый день, и если я этого не сдѣлаю, ты будешь меня обвинять. Ну, такъ вотъ, мысль, что ты ждешь каждое утро отъ меня письма, будетъ мѣшать мнѣ это дѣлать. Позволь мнѣ любить тебя, какъ я хочу, какъ свойственно мнѣ, какъ диктуетъ мнѣ моя индивидуальность. Не принуждай меня ни къ чему, я все сдѣлаю. Пойми меня, и не осуждай. Если бы я считалъ тебя легкомысленной и пустой, подобно другимъ женщинамъ, я осыпалъ бы тебя обѣщаніями, словами, клятвами. — Что бы мнѣ стоило это сдѣлать? Но я хочу, чтобы слова мои были ниже, а никакъ не выше моего чувства.

У нумидійцевъ, говоритъ Геродотъ, существуетъ странный обычай. Маленькимъ дѣтямъ обжигаютъ кожу на головѣ раскаленными угольями, чтобы они потомъ были менѣе чувствительны къ лучамъ солнца, губительнымъ въ ихъ странѣ. И потому—они самый здоровый изъ всѣхъ народовъ на землѣ. Вообрази себѣ, что я воспитался въ Нумидіи. И не даромъ имъ говорятъ:—Вы ничего не чувствуете, даже солнце васъ не грѣетъ.—О, не бойся: если сердце закалено, оно отъ этого не дѣлается менѣе нѣжнымъ.

(9. VIII. 1846)... Благодарю за твое нѣжное письмо, но не люби меня такъ, не люби такъ сильно,—ты огорчаешь меня этимъ! Позволь *мнѣ* любить тебя; развѣ ты не знаешь, что такая безмѣрная любовь приноситъ обоимъ несчастье; это похоже на тѣхъ дѣтей, которыя

рано умираютъ, слишкомъ заласканныя въ дѣтствѣ; жизнь создана не для этого, счастье — чудовищность! и тѣ, кто къ нему стремятся, бываютъ наказаны.

...Передъ тѣмъ, какъ я познакомился съ тобою, я былъ спокоенъ, я дошелъ до этого. Я жилъ съ правильностью машины, сдѣланной для особаго употребленія. Я все понялъ въ себѣ, такъ хорошо разобралъ и распредѣлилъ, что не было болѣе спокойнаго періода до этого въ моей жизни, хотя всѣ, наоборотъ, считали, что я нахожусь въ самомъ жалкомъ состояніи.—Ты явилась, чтобы кончикомъ пальчика опрокинуть все это. Старыя дрожжи забушевали, озеро моего сердца затрепетало. Но буря создана вѣдь для океана! — Когда она взволнуетъ прудъ, отъ него подымается только зловоніе. — Говорю это тебѣ только потому, что люблю тебя. Забудь меня, если можешь, вырви свое сердце обѣими руками и растопчи его, чтобы изгладить впечатлѣніе, которое я оставилъ въ немъ.—Полно, не сердись.

Несчастная манія анализа положительно изводитъ меня. Я сомнѣваюсь во всемъ, даже въ самомъ моемъ сомнѣніи. Ты считаешь меня молодымъ, а я старъ.—Мнѣ приходилось часто бесѣдовать со старниками о земныхъ радостяхъ, и меня всегда поражало, какимъ восторгомъ загорались при этомъ ихъ потухшіе глаза, и какъ съ изумлевіемъ слушая меня, они повторяли:—Въ вашемъ возрастѣ, въ вашемъ возрастѣ!... вы! вы!... Отнимите у меня нервное возбужденіе, игру воображенія, минутныя плюзіи—и у меня почти ничего не останется. Вотъ на чемъ держится человѣкъ.—*Я не созданъ для наслажденія*—не надо понимать этого выраженія въ низменномъ смыслѣ, но надо почувствовать его метафизическую сущность.—Я всегда говорю себѣ, что я принесу тебѣ несчастье, что не будь меня—твоя жизнь не была бы омрачена, что придетъ день, когда мы разстанемся (и заранѣе уже возмущаюсь этимъ). Тогда безумная тоска хватаетъ меня за горло, — я начинаю чувствовать къ самому себѣ невыразимое отвращеніе, а къ тебѣ—безконечную нѣжность.

Безконечно — только небо со своими звѣздами, море — съ глубиной своихъ водъ, да сердце человѣка — съ безконечностью своихъ слезъ.—Одно это дѣлаетъ его великимъ,—все остальное—ничтожно.—Развѣ не правду я говорю?—Подумай, постарайся понять это спокойнымъ умомъ.—Два-три счастливыхъ исключенія; зато всѣ человѣческія несчастья могутъ встрѣтиться тамъ и могутъ считать себя тамъ хозяевами.

Ты говоришь мнѣ о работѣ; да, работай,— люби искусство. — Изо всѣхъ обмановъ жизни оно менѣе другихъ обманываетъ. Старайся полюбить его любовью страстной, исключительной, самозабвенной. На это ты способна. Только Идея — безсмертна, только безъ нея немыслима жизнь. Теперь уже нѣтъ такихъ художниковъ, какъ прежде, такихъ, вся жизнь и разумъ которыхъ были слѣпыми орудіями ихъ стремленія къ Красотѣ, божественнымъ проявленіемъ въ нихъ Бога. Міръ не существовалъ для нихъ; никто не оодозрѣвалъ объ ихъ страданіяхъ; каждый вечеръ они засыпали печальные, и созерцали они человѣческую жизнь такъ удивленно, какъ мы, разсматривая муравейникъ.

Ты судишь обо мнѣ, какъ женщина —Жаловаться ли мнѣ на это?—Ты такъ меня любишь, что создаешь себѣ иллюзіи; находишь у меня талантъ, умъ, стиль... — Это у меня! у меня!—Но ты сдѣлаешь меня тщеславнымъ,— а я-то гордился отсутствіемъ у меня этого чувства. — Замѣть, какъ ты уже измѣнилась съ начала нашего знакомства. Ты уже утратила критическую способность, и принимаешь за великаго человѣка того, кто тебя любитъ.— Отчего я не великъ! чтобы дать тебѣ возможность мною гордиться (ибо я горжусь тобою. Я говорю себѣ: — Это вѣдь она тебя любитъ! возможно ли! это она). Да, я хотѣлъ бы написать прекрасныя, великія вещи, — чтобы ты плакала надъ ними отъ восторга.—Я бы поставилъ пьесу, ты сидѣла бы въ ложѣ, смотрѣла бы и слушала, какъ мнѣ апплодируютъ.—Но, наоборотъ, — стремясь всегда поднять меня до созданнаго тобою образа, не утомишься ли ты?..

Въ дѣтствѣ я мечталъ о славѣ, — подобно всѣмъ,—ни болѣе, ни менѣе; благоразуміе пробудилось во мнѣ поздно, но пышно расцвѣло. А потому весьма проблематично, чтобы публика получила когда-либо отъ меня хоть строчку, а если бы это и случилось, то не ранѣе, какъ черезъ десять лѣтъ.

Не знаю, что меня соблазнило читать тебѣ— прости мнѣ эту слабость. Я не могъ устоять противъ искушенія заставить тебя меня уважать. Развѣ я не былъ увѣренъ въ успѣхѣ? Какое ребячество съ моей стороны! — Твоя идея—сочетать насъ въ книгѣ—очаровательна; я былъ ею умиленъ; но я не хочу ничего опубликовывать. Это — рѣшеніе, клятва, которую я далъ въ торжественную минуту жизни. Я работаю совершенно безкорыстно, безъ всякой задней мысли, нисколько не заботясь о дальнѣйшемъ. — Вѣдь я не соловей, а малиновка, пронзительно кричащая и прячущаяся въ чащѣ лѣса, чтобы ее никто не слушалъ,

кромѣ меня самой.—Если бы когда-либо я появился, — то вооруженный всѣми моими произведеніями, но у меня никогда не хватитъ на это смѣлости.

Уже моя фантазія меркнетъ, вдохновеніе гаснетъ, слова наскучили мнѣ самому, и если я храню написанное мною, то только потому, что люблю окружать себя воспоминаніями,— ради чего я не продаю даже моей старой одежды. — Отъ времени до времени я отправляюсь взглянуть на нее въ чуланъ, гдѣ она хранится, и мечтаю о томъ времени, когда эта одежда была нова, и обо всемъ томъ, что я дѣлалъ, щеголяя въ ней.

Жоржъ Зандъ.

Въ 1833 г. между романисткой и Альфредомъ Мюссе въ Италіи началось охлажденіе: она увлеклась докторомъ Пагелло, лѣчившимъ Мюссе во время горячки. Затѣмъ Жоржъ Зандъ снова сходится съ поэтомъ, но уже не суждено было возродиться ихъ бурному роману...

(Жоржъ Зандъ—доктору Пагелло). У насъ,— рожденныхъ подъ различными небесами, не только мысли, но и самый языкъ — различны, но одинаковыя ли по крайней мѣрѣ у насъ сердца? Влажный и сырой воздухъ моей родины оставилъ на мнѣ свой меланхолическій и нѣжный слѣдъ, но какими страстями одарило тебя благородное солнце, позлатившее твой лобъ? Я знаю, что значитъ любить и и страдать—но какое у тебя понятіе любви? Твой огненный взглядъ, твои безумныя объятія, твои дерзкія желанія плѣняютъ меня и въ то же время внушаютъ мнѣ страхъ. Я не умѣю ни побороть твою страсть, ни раздѣлить ее. Въ моей странѣ любятъ не такъ—рядомъ съ тобою я кажусь блѣдной статуей, я взираю на тебя съ изумленіемъ, желаніемъ и тревогой. Я не знаю —любишь ли ты меня взаправду? И не узнаю этого никогда. Ты едва умѣешь лепетать нѣсколько словъ на моемъ языкѣ, а я не знаю твоего настолько, чтобы предлагать тебѣ столь тонкіе вопросы. Можетъ быть, ты и никогда не поймешь меня, даже если бы я и изучила основательнѣйшимъ образомъ твой языкъ. Мѣста, гдѣ мы жили, люди, которые насъ воспитали, виноваты въ томъ, что несомнѣнно наши мысли, чувства и потребности дѣлаютъ насъ чужими другъ другу. Моя слабая прирора и твой огненный темпераментъ должны порождать совершенно различныя представленія. Тысячи мелкихъ огорченій, которымъ я подвержена, для тебя не существуютъ, ты, вѣроятно, смѣешься надъ тѣмъ, надъ чѣмъ я плачу. Или,—быть можетъ, ты совсѣмъ не знаешь слезъ?

Найду ли я въ тебѣ товарища или властелина? Будешь ли ты утѣшать меня въ страданіяхъ, которыя я вытерпѣла раньше того, какъ встрѣтила тебя на моемъ жизненномъ пути? Узнаешь ли ты, почему я печальна? Знакомы ли тебѣ состраданье, терпѣнье и дружба? Можетъ быть, тебя воспитали въ убѣжденіи, что у женщинъ нѣтъ души? Увѣренъ ли ты, что душа у нихъ есть? Ты не христіанинъ, но и не мусульманинъ, не культурный и не дикій человѣкъ, да и вообще, что ты за человѣкъ? Что скрывается за этой надменно-выпяченной грудью, за этимъ львинымъ взглядомъ, за этимъ царственнымъ лбомъ? Посѣщаютъ ли тебя чистыя, благородныя мысли, братскія и возвышенныя чувства? Подымаешься ли ты къ небесамъ, хотя бы во снѣ, въ грезахъ? Упованіе ли на Бога, когда люди дѣлаютъ тебѣ зло? Буду ли я твоимъ другомъ или твоею рабою? Хочешь ли ты меня или дѣйствительно любишь? Сумѣешь ли ты быть благороднымъ, когда страсть твоя утихнетъ? Сумѣешь ли отразить счастье, когда я его тебѣ подарю? Знаешь ли ты меня, тревожитъ ли тебя это незнаніе? Кажусь ли я тебѣ чѣмъ-то невѣдомымъ, о чемъ грезятъ и мечтаютъ, или я въ твоихъ глазахъ только женщина, подобная тѣмъ, которыя прозябаютъ въ гаремахъ? Не отражаетъ ли твой взглядъ, въ которомъ мнѣ почудился небесный лучъ, желанія, удовлетворяющагося этими женщинами? Знаешь ли ты потребность души, которую время не усыпляетъ и человѣческія ласки безсильны утомить? Когда я увижу тебя успокоеннымъ, смогу ли я различить—думаешь ты или отдыхаешь? Когда взглядъ твой заволакивается—признакъ ли это нѣжности или просто—утомленія?—Я не зваю—ни твоего прошлаго, ни твоего характера, не знаю, что думаютъ о тебѣ люди, которые тебя знаютъ. Я люблю тебя, не зная, смогу ли я тебя уважать. Я люблю тебя потому, что ты мнѣ нравишься, быть можетъ скоро я буду вынуждена тебя ненавидѣть. Если бы ты былъ человѣкомъ моей страны, я бы выпытала тебя, и ты бы понялъ меня. Но, быть можетъ, я была бы еще несчастнѣе, потому что ты сталъ бы меня обманывать. По крайней мѣрѣ, ты не будешь меня обманывать, не будешь давать мнѣ пустыхъ обѣщаній, лживыхъ клятвъ. Будешь любить меня такъ, какъ ты понимаешь любовь и какъ умѣешь любить. То, чего я тщатно искала въ другихъ, вѣроятно, я не найду и въ тебѣ, но пусть я буду вѣрить, что въ тебѣ это было. Ты позволишь мнѣ истолковывать по-моему, — безъ примѣси

лживыхъ словъ, взгляды и ласки, такъ часто меня обманывавшіе. Я буду краснорѣчиво истолковывать твои грезы и твое молчаніе. Я буду приписывать твоимъ поступкамъ то толкованіе, котораго мнѣ бы хотѣлось. Когда ты будешь со мною нѣженъ, я буду думать, что твоя душа обращается къ моей; тогда ты будешь взирать на небо, я буду думать, что твой духъ стремится къ вѣчному горнилу, изъ котораго исходитъ. Итакъ, останемся такими, какими мы есть, не прибѣгая къ изученію нашихъ языковъ. Не хочу знать, что ты дѣлаешь изъ своей жизни, и какую роль ты играешь среди людей. Прячь отъ меня свою душу, чтобы я могла всегда представлять ее себѣ прекрасной!

Мюссе.

(Жоржъ Зандъ. 30. IV. 1834. Парижъ)

...Ты можешь гордиться, моя славная Жоржъ,— ты сдѣлала изъ ребенка человѣка. Будь счастлива, будь любима, будь благословенна, отдыхай, прости меня! Что былъ бы я безъ тебя, любовь моя? Вспомни наши бесѣды въ твоей комнатѣ, посмотри — какимъ ты меня взяла и какимъ оставила. Прослѣди твое вліяніе въ моей жизни, посмотри, какъ все это очевидно, несомнѣнно, какъ ты мнѣ ясно сказала: твоя дорога—не здѣсь; какъ ты взяла меня за руку, чтобы направить на мой путь.— Присядь отдохнуть на краю этого скромнаго пути, о дитя мое, ты была слишкомъ утомлена, чтобы долго итти по нему со мной. Но я пойду по нему. Ты должна мнѣ часто писать, и позволять мнѣ описывать тебѣ мою жизнь съ теченіемъ времени. Подумай о томъ, что у меня только ты одна — я все отвергъ, все подвергъ хулѣ и сомнѣнію, кромѣ тебя. Скажи мнѣ, хватило бы у тебя на это мужества? Всегда ли въ бурю, подымая взоры къ небу подобно растерявшемуся кормчему, увижу я тамъ свою звѣзду, единую звѣзду моей ночи? Спроси себя. Эти три письма, полученныя мною, долженъ ли я считать за послѣднее рукопожатіе покидающей меня возлюбленной, или за первое—друга? Забудь меня, сдѣлайся равнодушна — что изъ того? Развѣ не держалъ я тебя вотъ въ этихъ объятіяхъ. Знаешь, почему я не люблю никого, кромѣ тебя? Знаешь, почему теперь, когда я являюсь въ свѣтъ, я смотрю исподлобья, словно пугливая лошадь? Я не обманываюсь относительно твоихъ недостатковъ: но ты никогда не лжешь. Вотъ почему я тебя люблю. Я отлично помню ту ночь, когда я писалъ письмо. Развѣ ты говорила мнѣ, что любишь меня? Развѣ я не былъ предупрежденъ? Имѣлъ ли я какое право? О, мое дорогое дитя,—когда ты любила меня, ты меня не обманывала. Въ чемъ могъ я тебя упрекать въ теченіе семи мѣсяцевъ, когда видѣлся съ тобой изо дня въ день? Развѣ тотъ не жалкій трусъ, кто рѣшится назвать вѣроломной женщину, достаточно уважающую его для того, чтобы предупредить, что его часъ пробилъ? Ложь—вотъ что меня отталкиваетъ, что дѣлаетъ меня самымъ недовѣрчивымъ изъ людей,—и, быть можетъ, самымъ несчастнымъ. Но ты такъ же правдива, какъ благородна и горда.

Вотъ почему я довѣряю тебѣ и буду защищать тебя передъ пѣлымъ міромъ, до послѣдняго издыханія. Теперь, кто хочетъ, можетъ меня обманывать, издѣваться надо мною, топтать меня, я могу перенести всѣ страданія, я знаю, что ты существуешь. Если во мнѣ есть что хорошее, если я создаю что-либо большое, скажи—ты вѣдь знаешь, откуда все это? да, Жоржъ, во мнѣ есть что-то болѣе цѣнное, чѣмъ я предполагалъ; когда я увидалъ этого славнаго Пагелло, я узналъ въ немъ всѣ свои лучшія стороны, только въ очищенномъ и облагороженномъ видѣ. Тогда-то я и понялъ, что нужно уѣхать. Не сожалѣй о томъ, моя дорогая сестра, что ты была моей возлюбленной. Это было необходимо для того, чтобы я тебя узналъ (здѣсь строка зачеркнута), но никогда не вспоминай о томъ несправедливомъ словѣ, что я тебѣ сказалъ и о которомъ ты говоришь въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Радость, которую я нашелъ въ твоихъ объятіяхъ, была, правда, болѣе цѣломудренна, но не думай, что она была менѣе велика, чѣмъ у другихъ. Нужно знать меня, какъ я знаю себя, чтобы понимать все это. Припомни строку изъ Намуны. Въ твоихъ объятіяхъ былъ моментъ, воспоминаніе о которомъ мѣшаетъ мнѣ до сихъ поръ, и еще долго будетъ мѣшать приблизиться къ другой женщинѣ.

А между тѣмъ у меня будутъ другія возлюбленныя; сейчасъ деревья покрываются листвою и ароматъ сирени доносится сюда вѣтромъ; все возрождается и сердце во мнѣ прыгаетъ противъ воли. Я еще молодъ; первая женщина, которую я возьму, будетъ также молода, я не смогу больше довѣрять *зрѣлой* *) женщинѣ. Того, что я нашелъ въ тебѣ, — достаточно, чтобы не желать искать еще.

Я написалъ тебѣ печальное, можетъ, малодушное, послѣднее письмо, я его не помню. Я возвратился съ набережной Malaquais и признаюсь, это еще единственное, чего я до сихъ поръ не переношу, я былъ тамъ только три

*) Мюссе было въ это время 23 года. ей—31.

раза, и постоянно возвращался одурѣлымъ на весь день, не будучи въ состояніи сказать съ кѣмъ-либо слова... Я нашелъ сигаретки, которыя ты приготовила къ нашему отъѣзду, оставленныя на подносѣ. Я выкурилъ ихъ со странной грустью и наслажденіемъ. Затѣмъ я взялъ полусломанную маленькую гребенку съ туалета, и повсюду ношу ее въ карманѣ.

Видишь—я разсказываю тебѣ всѣ свои глупости: но зачѣмъ сталъ бы я изображать себя болѣе геропчнымъ, чѣмъ я есть! Ты поможешь своему другу утѣшить твоего возлюбленнаго. Знаешь—что очаровало меня въ твоемъ письмѣ? Тонъ, которымъ ты говоришь о Пагелло, о его заботахъ о тебѣ, о его преданности, и откровенность, съ которой ты позволяешь мнѣ читать въ твоемъ сердцѣ. Будь со мною всегда такова. Этимъ я горжусь. Другъ мой, — женщина, говорящая такъ о своемъ новомъ возлюбленномъ покинутому ею и еще любящему ее, даетъ ему доказательство самого большого уваженія, какое только можетъ получить мужчина отъ женщины.

. . . . . .

Передай Пагелло, что я благодарю его за любовь къ тебѣ и заботы. Не правда ли, это самое комичное въ мірѣ чувство? Я люблю этого малаго, почти такъ же, какъ тебя, считайся съ этимъ, какъ знаешь. Онъ — причина того, что я потерялъ все мое жизненное богатство, а я люблю его, словно онъ мнѣ его подарилъ. Мнѣ бы не хотѣлось видѣть васъ вмѣстѣ, но я счастливъ, думая что вы вмѣстѣ. О! мой ангелъ, мой ангелъ, будь счастлива и я буду счастливъ этимъ.

Прощай, мой братъ, мой ангелъ, моя птичка, моя обожаемая крошка, прощай все, что я люблю подъ этимъ мрачнымъ небомъ, все, что я нашелъ на этой жалкой землѣ. Поешь ли ты иногда мои старые испанскіе романсы? Думаешь ли когда объ умирающемъ Ромео? Прощай, моя Джульетта. Ramenta il nostr'amor...

Лассаль.

(Еленѣ фовъ-Денвигесъ или графинѣ Гауфельдъ (?). Августъ или сентябрь 1860 г.).

...Теперь разскажу тебѣ, какъ я понимаю любовь.

Если женщина любитъ меня, то отдается мнѣ всецѣло, растворяется во мнѣ совершенно, и за это получаетъ—лишь мѣсто въ моемъ существѣ, и, несмотря на то, что отдалась мнѣ вся, получаетъ взамѣнъ не всего меня, а лишь часть моей души.

Неравный обмѣнъ, скажешь ты! Быть можетъ! Но если ты немного подумаешь, то увидишь, что это—обычная и *естественная* разница между любовью мужчины и любовью женщины. Уже наукѣ и завоеванію положенія въ жизни мужчина долженъ отдавать часть своего существа, которая необходимо отрываетъ его отъ любви. Итакъ, онъ заранѣе обреченъ на то, чтобы отдавать себя любви лишь отчасти. Женщина—цѣлый индивидъ, можетъ и *должна* отдаваться въ любви всецѣло, въ полную собственность.

Если такова первоначальная и естественная разница между любовью всякаго мужчины и любовью всякой женщины, то, разумѣется, прежде всего, я имѣю полное право поддерживать эту разницу, именно потому, что являюсь истиннымъ *мужемъ*, не только по сравненію съ женщинами, но и по сравненію съ мужчинами, а также и вслѣдствіе всей моей жизненной судьбы.

Я перенесъ уже *всѣ* виды несчастья и мукъ, кромѣ одного, который никогда не смѣлъ и не долженъ смѣть ко мнѣ приблизиться, а именно кромѣ внутренняго раскола. Душевная цѣлость, которую я всегда умѣлъ сохранять, была и будетъ моею гордостью, моимъ единственнымъ счастьемъ...

Итакъ, кто хочетъ *любить* меня и быть мною любимымъ, кто хочетъ быть частью *моего* существа, тотъ долженъ вступить въ *полное* единеніе со мною, совершенно раствориться во мнѣ, *любить* то, что я люблю, думать, какъ я думаю, и т. д., соединиться со мною путемъ полнаго сліянія міра нашихъ мыслей и міра чувствъ—разумѣется, лишь въ существенномъ, главномъ.

. . . . . .

Поэтому, моя любовь имѣетъ въ себѣ нѣчто *поглощающее*. Она претворитъ и уподобитъ себѣ совершенно то существо, которое хочетъ любить меня, если оно съ самаго начала со мною не согласно. Итакъ, кто созданъ иначе, съ одной стороны, и не можетъ, съ другой стороны, давать себя такъ поглощать и претворять,—тотъ долженъ стоять на своей недоступной независимости, и *не* захочетъ полюбить *меня*.

. . . . . .

Подобно тому, какъ Семела таетъ въ объятіяхъ Юпитера, такъ женщина должна растаять въ моей душѣ, если я долженъ ее любить и смотрѣть на нее, какъ на любящую меня.

Это можетъ оказаться очень неудобнымъ для такой любящей, въ природѣ которой этого нѣтъ. Но въ концѣ-концовъ это—неизмѣнное условіе, чтобы составлять со мною *одно цѣлое* и имѣть мѣсто въ моемъ *сердцѣ*. И я умышленно не соблазнялъ тебя любить меня,

напоминаю объ этомъ, чтобы ты не могла упрекнуть меня, если бы ты (весьма ошибочно) приняла такую любовь за эгоизмъ. Я не проявлялъ инищіативы. Ты первая сама сознала это, какъ внутреннюю необходимость, и заявила объ этомъ. Я никогда не взялъ бы на себя починъ именно потому, что знаю, что *моя* любовь можетъ принести мало радости, и что лишь очень немногія женщины способны къ такой *серьезной* любви, къ такой полной отдачѣ себя.

(Софьѣ Адр. Солнцевой. 7/х. 1860 г. Берлинъ). ...Наконецъ, Софи, донелъ я мое письмо-рукопись *) до конца; наконецъ, я переписалъ его! О, Софи, въ какомъ все усиливающемся лихорадочномъ состояніи я его писалъ! Теперь рѣшеніе въ вашихъ рукахъ! О, какъ я дрожу при этой мысли! Теперь начинается, собственно, пытка. Боже! Что буду я дѣлать до полученія вашего отвѣта? Самыя противорѣчивыя мысли мучаютъ меня.

Я говорилъ вамъ уже въ Ахенѣ, при нашей игрѣ въ вопросы и отвѣты, какъ много я страдалъ въ жизни; думалъ, что для меня уже не существуетъ новыхъ страданій; но вижу, что вы мнѣ ихъ, навѣрное, причините. Пусть такъ! Мужество! Терпѣніе! Твердость! Стонать, плакать, жаловаться, унывать,—не достойно меня. Я буду покоенъ. Пусть въ душѣ у насъ будетъ горе, смерть, а на лицѣ—спокойствіе, на губахъ—улыбка, если такъ должно быть!

Я отказался отъ первоначальной мысли—привезти самому вамъ это письмо въ Дрезденъ. Нѣтъ, я не хочу вліять на васъ ни моимъ присутствіемъ, ни электричествомъ страсти, нѣтъ, ваше рѣшеніе должно быть вполнѣ свободно и самостоятельно.

Думайте только о себѣ, ни въ коемъ случаѣ не думайте обо мнѣ, умоляю васъ!

Не думайте ни минуты о томъ, что мнѣ придется выстрадать! Это—безразлично, люди моего склада созданы для страданій. Какъ говорилъ про меня Гейне, когда мнѣ было всего 19 лѣтъ, я рожденъ, чтобы умереть, какъ гладіаторъ, съ улыбкою на устахъ. Совершенно безразлично, больше или меньше придется мнѣ страдать въ жизни. Пусть будутъ счастливы другіе! Для такихъ натуръ, какъ моя, достаточно бороться, медленно, до послѣдней капли проливать свою кровь, сжигать свое сердце, и со смертью въ душѣ улыбаться.

Я не думалъ, что могу еще полюбить. Вы пробудили вновь во мнѣ это чувство. Вы заставили меня полюбить васъ. Да, я люблю васъ, и для моей мужской гордости сдѣлать это признаніе гораздо труднѣе, чѣмъ самой робкой изъ самыхъ застѣнчивыхъ дѣвушекъ.

Если вы меня теперь отвергнете, то я только вернусь къ убѣжденію о невозможности для меня личнаго счастья, какъ это и было раньше, чѣмъ я съ вами познакомился.

Такимъ образомъ, если вы разобьете мое сердце, то разобьете только вещь, которою я уже давно пожертвовалъ: мое личное счастье. Не думайте о немъ!

Я въ двадцать разъ охотнѣе согласился бы потерять васъ, чѣмъ получить васъ подъ вліяніемъ хотя бы тѣни состраданія, какъ бы слабо оно ни было.

Итакъ, въ результатѣ — думайте только о себѣ.

Лишь объ одномъ прошу васъ, Софи, не томите меня пыткою ожиданія.

Можно примириться съ сознаніемъ своей смерти; но не знать, умеръ ли ты или живъ— это ужасно!

. . . . . .

Позвольте мнѣ начать съ объясненія того, что могло показаться вамъ страннымъ во мнѣ во время нашего разговора въ Кельнѣ. Вы отвѣтили, что вы, быть можетъ, полюбите меня! Какъ я вамъ уже сказалъ, я—въ высшей степени гордый человѣкъ; я никогда не буду въ состояніи взять женщину приступомъ, я никогда не буду даже содѣйствовать тому, чтобы ускорить раскрытіе чувства, которое самостоятельно еще до этого не дошло.

Женщина должна полюбить меня свободно, добровольно и всецѣло; она должна отдаться мнѣ сама, и только тогда я возьму ее. Вы по этому случаю назвали меня *избалованнымъ ребенкомъ*. Нѣтъ, поступаю я такъ по отношенію къ вамъ не потому, что я играю роль избалованнаго ребенка, не изъ высокомѣрія, а единственно по чувству долга.

Если женщина любитъ меня не всею силою своего существа, если она любитъ не изъ самыхъ нѣдръ сердца, влекомая какою то неодолимою силою, то я не смогу сдѣлать ее счастливою черезъ союзъ со мною. Я принесу ей, быть можетъ, больше горя, нежели счастья. Бываютъ случаи, когда умѣренной любви для счастья женщины достаточно; это даже такъ въ большинствѣ случаевъ. Но бываютъ и положенія,—и таково мое—когда любовь женщины должна быть всепожирающимъ огнемъ, который отъ препятствій лишь усиливается непобѣдимымъ ураганомъ, который постоянно возобновляется самъ собою, чтобы навѣкъ охранить и въ то же время вознаградить эту жен-

*) Заключающее въ себѣ 36 печатныхъ страницъ, большого формата.

щину за всѣ опасности, которыя ей предстоятъ.

Поэтому, для меня долгомъ чести является принимать лишь несомнѣнную, огромную, никѣмъ не вынужденную любовь. Иначе я не могу быть увѣренъ въ вашемъ счастье, и, конечно, лучше самъ тысячу разъ откажусь отъ всѣхъ радостей жизни, какъ бы онѣ сладки ни были, нежели совершу по отношенію къ вамъ, счастливое, боготворимое дитя, чудовищную несправедливость и поставлю на карту счастье вашего существованія, чтобы украсить мою жизнь.

Если бы чувство долга по отношенію къ вамъ и не принуждало меня такъ думать, все же осторожность и эгоизмъ обязали бы меня къ этому, такъ какъ если бы я когда-нибудь увидѣлъ васъ несчастной, то былъ бы несчастенъ и самъ! Къ себѣ я безсердеченъ. У меня нѣтъ ни состраданія, ни жалости, никакого иного чувства къ моей собственной жизни, которую я посвятилъ долгой и упорной борьбѣ. Вотъ причина, вслѣдствіе которой я никогда не могу быть несчастливъ, пока я *одинъ*! Для меня несчастье *невозможно*. Пусть разрушатъ голую одинокую скалу моей жизни, я ничего не почувствую, какъ ничего не чувствуетъ и скала, когда ее разрушаютъ.

. . . . . .

Да, клянусь вамъ, до сихъ поръ не было на свѣтѣ женщины, у которой мысль о замужествѣ не причиняла бы мнѣ трепета. Вы—единственная, которую я почитаю, съ нѣжнѣйшею любовью, съ желаніемъ *отдаться* самому, единственная, для которой я готовъ принести неслыханную жертву женитьбы, а вы знаете, что мой взглядъ на жертву въ любви сводится къ тому, чтобы заставить почувствовать ее не какъ *жертву*, а какъ *счастье*.

Вы—единственная женщина, которую я могъ бы взять въ жены, и взялъ бы такою, какова она есть. Если бы вы сами приказали мнѣ взять васъ иною,—я этого не сдѣлалъ бы! Видите ли, прекрасная моя роза, происходитъ это оттого, что я васъ столько же почитаю, сколько и люблю. Быть можетъ, и я люблю то васъ такъ, потому что почитаю васъ.

Итакъ, я женюсь на васъ, если вы согласитесь. Но согласитесь ли вы?

. . . . . .

Софи, долженъ ли я прибавить? Какъ ни разрѣшился бы вашъ выборъ,—я могу думать объ этомъ не иначе, какъ съ трепетомъ,—я никогда не перестану благословлять васъ и вашу память! Я никогда не перестану быть для васъ вѣрнѣйшимъ и преданнѣйшимъ другомъ! Я буду благословлять васъ со слезами на глазахъ.

Въ гостяхъ у Вагнера.

(Къ столѣтію со дня его рожденія).

Весьма кстати пришлись къ вагнеровскому юбилейному дню тѣ воспоминанія о геніальномъ музыкальномъ новаторѣ, которыя попутно даетъ въ своихъ мемуарахъ В. С. Сѣрова, разсказывая о покойномъ своемъ мужѣ и его друзьяхъ. Съ Вагнеромъ А. Н. Сѣровъ былъ связанъ многолѣтней дружбой, и всякій разъ, когда авторъ „Рогнѣды“ попадалъ за границу, онъ уже заранѣе радовался возможности повидаться въ великимъ Рихардомъ.

Женатымъ Сѣровъ былъ два раза за границей. Встрѣчи друзей вдова нашего композитора описываетъ въ февральской и майской книжкахъ „Рус. Мысли“. Впервые увидала она Вагнера въ Вѣнѣ, гдѣ Сѣровы имѣли счастье принимать его у себя.

„Если Сѣровъ,—разсказываетъ авторъ воспоминаній,—былъ жизненъ, подвиженъ, юрокъ, то Вагнеръ еще въ гораздо большей степени соединялъ въ себѣ всѣ эти свойства. Положительно, ему не сидѣлось на мѣстѣ.

Онъ предложилъ дальнюю прогулку въ лѣсъ, и мы помчались въ коляскѣ по чудеснѣйшей дорогѣ въ горы. Тамъ удержу не было его веселости! Онъ взлѣзалъ на деревья, прыгалъ, шалилъ, рѣзвился, какъ ребенокъ. Какой-то шарманщикъ наигрывалъ оффенбаховскую мелодію изъ „Орфея въ аду“. Вагнеръ передалъ ему золотую монетку, увѣряя, что творецъ оперетокъ шлетъ ему благодарность на популяризацію его великихъ произведеній. Физіономія шарманщика выражала одинъ испугъ...

Нахлобучивъ какъ-то особенно шляпу на глаза, Вагнеръ увѣрялъ, что передъ нами сидитъ саксонскій портье, и дѣйствительно, когда верхняя часть лица была закрыта и при умышленной поддѣлкѣ подъ простонародный типъ, онъ совсѣмъ не похожъ былъ на интеллигентнаго человѣка, но какъ только онъ обнажалъ лобъ, такъ немедленно сидящій съ нимъ пропикался глубочайшимъ благоговѣніемъ передъ тѣмъ геніальнымъ cachet (отпечатокъ), которое получала вся его маленькая особа. Веселье Вагнера, переходящее какъ будто черезъ край, было вызвано чрезвычайными событіями, имѣвшими рѣшающее дѣйствіе на дальнѣйшую судьбу его. По выходѣ въ свѣтъ брошюрки „Обращеніе къ друзьямъ“ ему предложена была королемъ баварскимъ истинно-королевская помощь: выплатить всѣ его долги (ихъ было немало), вилла въ Штарнбергѣ (на томъ озерѣ, въ которомъ король нашелъ преждевременную смерть) и мѣсто въ Байрейтѣ для постройки опернаго театра. Понятно, что 50-тилѣтній Вагнеръ могъ

превратиться въ юношу, лазившаго на деревья отъ избытка радости, отъ веселья. Онъ бросался на траву, вбирая широкой грудью душистый воздухъ, и задыхался отъ безмѣрнаго глубокаго счастья, переживая канунъ реализаціи своей обширной идеи: устройства празднествъ наподобіе древнегреческихъ.

Сѣровъ видѣлъ часто Вагнера, онъ былъ съ нимъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ. Но все-таки при Вагнерѣ Сѣровъ затихалъ и только успѣвалъ слѣдить за ходомъ мыслей друга, мѣнявшихъ быстро свое теченіе, за которымъ не угнаться было даже наиболѣе тренированному умственно человѣку. Правда, что самъ Сѣровъ особенно умѣлъ вызывать въ Вагнерѣ эту потребность расточать свои умственные капиталы.

— Единственный музыкантъ нашего времени, которому я уступаю въ силѣ своихъ мыслительныхъ аппаратовъ, въ силѣ энергіи, это онъ. Но только ему!—сказалъ Сѣровъ.—Передъ нимъ я пасую, чувствую себя болѣе слабымъ партнеромъ, поэтому я всегда такъ счастливъ, когда его вижу; я залюбовываюсь имъ какъ чуднымъ феноменомъ богатой природы. У меня до такой степени къ нему беззавѣтна, безкорыстна привязанность, что я не желаю ему даже играть своихъ сочиненій, чтобы онъ ни на минуту не чувствовалъ какой-нибудь связанности въ отношеніи меня ради нашей дружбы, не желаю накладывать никакого пга на него: вѣдь я знаю, что у него интереса къ другимъ авторамъ нѣтъ. Когда онъ самъ заговорилъ о „Юдноѳ“, узнавъ, что я ее пишу, онъ меня разспрашивалъ: какъ я распланировалъ сюжетъ? Въ 5-ти актахъ будетъ опера? Народъ, Юдноѳ одна, потомъ она въ лагерѣ, убійство и возвращеніе! — точь въ точь попалъ въ задуманную концепцію. Вспоминаю теперь, какъ познакомился съ нимъ. Это было въ Швейцаріи, гдѣ онъ находился въ изгнаніи; пріѣзжаю въ отель, смотрю, сидитъ маленькій человѣчекъ, съежившись, разсерженный (у него приколачивали ковры къ дверямъ): онъ встрѣчаетъ меня жалобой на проклятый піанизмъ, мѣшавшій ему писать и думать. Потомъ къ нему пришелъ какой-то художникъ, и Вагнеръ съ жалобной физіономіей мнѣ шепнулъ:

— Jetzt werde ich ausgehauen und bemalt. (Меня теперь побьютъ и разрисуютъ).

Тогда его слава только-что начала устанавливаться, Листъ продирижировалъ въ Веймарѣ его „Лоэнгрина“, самъ аплодируя за дирижерскимъ пультомъ: этотъ аплодисментъ былъ такъ обязателенъ для веймарской публики, что успѣхъ оперы былъ предрѣшенъ Листомъ. Отсюда „Лоэнгринъ“ отплылъ на своемъ лебедѣ, чтобы причалить къ опернымъ сценамъ всей Германіи. А вѣдь не будь великаго Франца, Вагнеру пришлось бы похоронить „Лоэнгрина“. Каково положеніе композитора, когда даютъ его оперу, а онъ не имѣетъ права пріѣхать на представленіе! Впрочемъ, это далеко не такъ непріятно, какъ быть свидѣтелемъ провала, какъ это было въ Парижѣ, когда въ „Тангейзерѣ“ французамъ надоѣли арфы, и они закричали среди спектакля: „à bas les harpes!“ (Долой арфы!)

Черезъ нѣсколько лѣтъ Сѣровы опять побывали за границей. Они направлялись въ тогдашній центръ нѣмецкой музыкальной жизни—Мюнхенъ—на вагнеровскія торжества.

„Мюнхенъ... Мы въѣхали въ тотъ городъ, гдѣ призведенія Вагнера были освящены и санкціонированы музыкальными священнослужителями, но не ранѣе, чѣмъ раздалось королевское слово: „я признаю Вагнера геніемъ!..“ Германія глумилась, но признала, наконецъ Вагнера своимъ національнымъ реформаторомъ въ музыкѣ. Правда, что средствъ не жалѣли, дана была возможность развернуться и провести реформы. До переселенія Вагнера въ Мюнхенъ, т.-е. до полновластнаго его хозяйничанья въ театрѣ, вагнеріанцы были разбросаны по разнымъ государствамъ и городамъ, представляя собою типъ убѣжденныхъ бойповъ; перомъ, дирижествомъ или горячимъ словомъ отстаивали они принципы своего великаго маэстро. Со стороны музыкальнаго ареопага и публики сыпались глумленія и пасмѣшечки: вагнеріанцевъ окрестили прозвищемъ „будущпковъ“ (Zukünftler); всякое безобразное музыкальное сочетаніе обзывали „вагнеріановскимъ“, приписывали самому Вагнеру нелѣпое стремленіе къ звукоподражанію въ родѣ стука тарелокъ, вилокъ и проч. Все это не мѣшало, конечно, стремиться массой на его спектакли и концерты.

Повторяю, вагнеріанцы 60-хъ годовъ за границей были просвѣщенными бойцами, отличавшимися пылкимъ сочувствіемъ къ новаторствамъ вообще, а къ вагнеровскимъ въ частности. Мюнхенъ служилъ центромъ для нихъ сборищъ, а кто не могъ жить около дорогого учителя, тотъ считалъ своимъ долгомъ посѣщать образцовые спектакли, руководимые самимъ авторомъ. Въ это время вагнеризмъ переживалъ свои золотые годы; беззавѣтная вѣра укрѣпилась отъ фактическаго осуществленія вагнеровскихъ мечтаній, внезапный успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія, потому что оперы послѣдняго стиля стали не только возможными для исполненія, но даже любимыми (до мюн-

хенскаго почина „Тристанъ и Изольда“ считалась оперой немыслимой для сцены, и поклонники ея восторгались, изучая партитуру глазами, не питая надежды видѣть когда-нибудь на сценѣ это чудное произведеніе).

Мы пріѣхали въ Мюнхенъ въ самый разгаръ лѣтняго сезона. Назначены были „Мейстерзингеры“ и „Изольда“ для пріѣзжихъ гостей; персоналъ состоялъ изъ избранныхъ силъ среди оперныхъ трупп всей Германіи. Вагнера въ Мюнхенѣ не было, потому что жизнь его становилась небезопасной въ баварской столицѣ. Государству, понятно, не дешево обошлось поклоненіе короля вагнеровскимъ идеямъ; въ народѣ проскользнули нелѣпые слухи о безконтрольныхъ тратахъ государственныхъ доходовъ исключительно на Вагнера и его театръ. Отрицатели искусства взбунтовались противъ виновника вѣчнаго дефицита и въ одинъ прекрасный день на улицѣ начали швырять камнями въ знаменитаго композитора. Вѣроятно, его переселенію въ Швейцарію способствовало еще одно событіе совершенно противоположнаго, неполитическаго характера. Бюловъ, извѣстный у насъ въ Россіи, какъ піанистъ и дирижеръ, былъ въ числѣ вагнеріанцевъ тогдашней формаціи; всей душой проповѣдывалъ онъ вагнеровскія теоріи, съ энтузіазмомъ и чисто германской выдержкой. Его жена, дочь Листа, съ не менѣе глубокой преданностью отдалась общему новаторскому теченію и незамѣтно перенесла свое увлеченіе на виновника этого движенія. Смѣло, открыто, съ сознаніемъ зрѣлаго человѣка, рѣшила она соединить свою судьбу съ судьбою Вагнера, несмотря на то, что семья ея была довольно многочисленна. Въ Германіи подобные поступки не прощаются. Вся пресса поднялась противъ этой женщины, смѣшивая съ грязью ея имя, уснащая постыдными анекдотами интимныя свѣдѣнія объ ея частной жизни. На ея несчастье король вздумалъ вступиться за нее гласно... Послѣ этого ей было небезопасно показываться на улицахъ Мюнхена.

Послѣ ряда репетицій, наконецъ, объявлены были „Мейстерзингеры“. Это былъ поистинѣ праздничный спектакль! Однако, какъ Сѣровъ ни былъ восхищенъ первымъ спектаклемъ „Мейстерзингеровъ“, впечатлѣніе отъ него не могло равняться эффекту, произведенному оперою „Тристанъ и Изольда“. Онъ никогда не сомнѣвался въ интенсивности дѣйствія первой оперы, нынѣ вполнѣ популярной, но въ удобоисполнимость второй онъ рѣшительно не вѣрилъ. Пришлось повѣрить въ эту плюзію... афишка съ назначеннымъ спектаклемъ была у насъ въ рукахъ! Отправляясь на „Мейстерзингеровъ“, мы какъ будто продолжали жить суетной, уличной жизнью, освѣщенной Вагнеромъ въ остроумной фабулѣ и оформленной имъ въ характерной, живой музыкѣ.

На „Тристана и Изольду“ мы отправились въ театръ со священнымъ трепетомъ... Обыкновенно въ антрактахъ мы обмѣнивались нѣсколькими словами, касающимися только что изображенныхъ сценъ, проглатывая любезно предлагаемое театральнымъ кондитеромъ „Gefrorenes“. Тутъ намъ было не до того. Молча просидѣли мы весь спектакль, и къ концу я увидѣла у Сѣрова тихо скатывающіяся слезы по болѣзненно измѣнившемуся лицу. Мы прошлись по парку, глубоко потрясенные драмой, музыкой—всѣмъ! Придя домой, Сѣровъ, наконецъ, нашелъ возможность излить въ словахъ волненіе, имъ овладѣвшее.

— Такою мощной любовью не могутъ любить обыкновенныя существа; размѣры взяты сверхъ нормальнаго масштаба. Тутъ изображена германская любовь въ абстрактѣ. Каждая черточка глубоко-нѣмецкая, насквозь пропитана германизмомъ; но это не сантиментальная любовь современнаго нѣмца, а чистѣйшій гимнъ любви еще не выродившагося народа, сохранившаго свои первобытныя національныя черты характера. Какъ различно совершается процессъ сгоранія отъ любви у итальянцевъ; но какъ одинаково вѣрно выдержаны національныя черты въ обѣихъ знаменитыхъ, геніальныхъ драмахъ! Ромео и Джульета сразу охвачены пламенемъ любви, сразу отдаются другъ другу, несмотря на внѣшнія преграды, которыя они даже не стараются устранить. Стремглавъ бросаются они навстрѣчу губящимъ ихъ событіямъ и падаютъ жертвами не своей страсти (какъ обыкновенно комментируютъ), а внѣшнихъ препятствій. Не то съ Тристаномъ и Изольдой. Медленно создавая себѣ искусственныя затрудненія, зрѣетъ зародышъ любви въ германскихъ сердцахъ, сильныхъ, привычныхъ къ борьбѣ. Растетъ онъ съ такою мощью, что устраняетъ преграды роковымъ образомъ. Среда какъ будто мирволитъ этому могучему союзу. Любящая же другъ друга чета сама создаетъ себѣ ненужныя страданія,—она губитъ себя, падая жертвой своихъ собственныхъ ошибокъ. Итальянская страсть проста, естественна, довѣрчива, быстра, а у германцевъ она тяжеловѣсна, съ желѣзной послѣдовательностью доходитъ до высшаго, любовнаго экстаза. Боже мой, какъ все это выходитъ у Вагнера логично, цѣльно, крѣпко сковано, какъ бы стальными звеньями... Я еще до сихъ поръ не могу въ себя притти! Ахъ, этотъ трупъ въ рукахъ Изольды... этотъ безумный взглядъ, ловящій признаки жизни у

Тристана... этотъ возгласъ! Господи... какъ это хорошо! какъ это правдиво! Да, умереть въ объятіяхъ... любимой женщины! это великое счастье!..

...Мы въ Люцернѣ... Тихо скользитъ лодочка по зеркальной поверхности изумруднаго, живописно окаймленнаго озера; шутя управляетъ ею, стоя, молодой швейцарецъ, разсказывая о владѣльцѣ мызника Трибшена розсказни фантастическаго содержанія, не подозрѣвая того, что этотъ чародѣй-владѣлецъ — другъ пассажира, нетерпѣливо поворачивающагося на своей скамьѣ и пытливо высматривающаго пристань въ виллѣ неприступнаго „баварскаго изгнанника“, какъ его величалъ перевозчикъ.

— Съ суши страшныя собаки мѣшаютъ сообщаться, а съ озера—отвѣсныя скалы,—сказалъ онъ.

Хотя эти скалы были незначительны, но все-таки подъѣзжать было затруднительно.

— Я долженъ пристать гдѣ-нибудь,—увѣрялъ тревожно Сѣровъ.

— Невозможно! Незнакомцевъ, а особенно иностранцевъ, не пропускаютъ,—упорствовалъ швейцарецъ.

— Везите къ пристани,—приказалъ Сѣровъ.

— Вы увидите, что я правъ. Васъ не пропустятъ къ виллѣ.

Нѣчто продѣ маленькой бухты показалось вдали. Сѣровъ вышелъ на берегъ, но скоро вернулся, сообщивъ, что Вагнеръ работаетъ до обѣда и никого не принимаетъ: даже не вышелъ навстрѣчу къ нему, но просилъ всей семьей притти и отобѣдать на слѣдующій день. Какъ это было „не по-нашенски!“, подумали мы оба. Не вытерпѣлъ бы русскій человѣкъ! Незамѣтно оторвался бы отъ работы и покинулъ былъ ее хоть на одну минуточку, чтобъ обнять друга-пріятеля... Вагнеръ, съ нѣмецкой педантичностью, не хотѣлъ оставлять свою партитуру до извѣстнаго часа. Признакомъ высшаго вниманія было приглашеніе къ обѣду, потому что онъ жилъ въ то время очень замкнуто. На слѣдующій день мы уже смѣлѣе подъѣзжали къ негостепріимнымъ скаламъ, и перевозчикъ изъ сообщающаго чичероне обратился въ вопрошающаго, любопытствующаго субъекта. Мы причалили къ берегу. Сѣдовласый старикъ, камердинеръ Вагнера, повелъ Сѣрова къ нему, мнѣ указалъ входъ въ покои Козимы Бюловъ, а нашего сына горничная отвела къ дѣтямъ. Черезъ нѣкоторое время насъ позвали обѣдать. Торжественно убранный столъ, за которымъ распоряжался старый Johann, находился рядомъ съ комнаткой, узкой, но длинной, разукрашенной большого формата картинами, изображавшими героевъ оперъ Вагнера. Войдя въ хоромы Вагнера, посѣтитель сразу проникался сказочнымъ духомъ нѣмецкой саги.

Вагнеръ былъ въ хорошемъ настроеніи, велѣлъ Johann'у подать стараго рейнвейна.

Послѣ обѣда... Вагнеръ вдругъ заговорилъ интимнымъ тономъ о томъ, что его семейное положеніе становится несноснымъ, что, пока Козима не будетъ его женой, они рискуютъ подвергнуться различнымъ непріятностямъ. Они ждутъ только развода, чтобъ освободиться отъ тяжкаго положенія. О Бюловѣ выражались не иначе, какъ въ утонченно деликатныхъ терминахъ; Вагнеръ прямо отозвался о немъ, какъ о благороднѣйшемъ существѣ. Эта сцена въ бесѣдкѣ осталась незабвенна для насъ навсегда. Мы долго не могли забыть взгляда, который Козима бросила на Вагнера, когда онъ, какъ-то особенно душевно склонившись къ ней, промолвилъ:

— Nun es kommen noch bessere Zeiten! (Но станутъ лучшія времена).

Въ то время Индія вошла въ моду. Любители величавыхъ картинъ природы, поклонники причудливой, изощренной поэтической фантазіи, вѣрующіе въ возникновеніе новой религіи, изслѣдователи таинственныхъ явленій психической жизни, —всѣ обращали свои очарованныя очи на страну экзотическихъ легендъ, на героевъ аскетизма и религіозныхъ гипотезъ, основанныхъ частью на научныхъ началахъ, частью на таинственныхъ, грандіозныхъ мечтаніяхъ. Вагнера также не миновала индійская горячка... Высоко-нравственный образъ Будды соединялся въ воображеніи Вагнера съ другимъ, съ которымъ уже столѣтіями сродднлись души нашихъ вѣрующихъ предковъ. Эти два чудные образа волновали душу великаго музыканта, и онъ мечталъ затронуть музыкально одну изъ высоко-этическихъ міровыхъ задачъ; въ „Парсифалѣ“ онъ ее блестяще рѣшилъ. Идеальный образъ героя достигаетъ высшей ступени нравственнаго начала: милосердіе, состраданіе служатъ юношѣ спасительнымъ маякомъ; святость, чистота его поступковъ исцѣляютъ падшую грѣшницу, приводятъ ее, преступницу, къ раскаянію и нравственному перерожденію. Особенно ярко всплываетъ оно передъ глазами зрителей въ сценѣ омовенія ногъ: Парсифаль, облаченный въ бѣлое одѣяніе, своимъ магическимъ взоромъ пробуждаетъ новую, чудную вѣру въ душѣ одичавшей Кундры. Обо всемъ этомъ тогда только мечталось великому германцу; его грезы возвышали сердца слушателей, и все обаяніе виллы Трибшенъ состояло именно въ этомъ чувствѣ наэлектризованности, уносящемъ на недосягаемую высоту... Слушая,

затанвъ дыханіе, мой сынъ поздно нечеромъ, не засыпая, поконлся у меня на колѣняхъ, не смѣя шелохнуться: такъ торжественно дѣйствовали на него наше полненіе, голосъ Вагнера и чарующая тишина кругомъ. Вагнеръ немало удивлялся тому, что мы безъ боязни всюду брали его съ собой, и тому, что онъ такъ легко подчиняется всевозможнымъ условіямъ.

— О, русскіе—энергичный народъ!—говорилъ онъ".

Во второе свое посѣщеніе Сѣровы были свидѣтелями, какъ какіе-то французскіе почитатели Вагнера упросили его сыграть что-нибудь на роялѣ („намъ съ Сѣровымъ это никогда въ голову не приходило",— замѣчаетъ авторъ). Вагнеръ сыгралъ брачное шествіе изъ „Лоэнгрина", явно, чтобъ отдѣлаться отъ навязчивыхъ просьбъ гостей. Дойдя до половины, онъ запутался въ гармоніи и, буркнувъ: Der Teufel weiss, was hier für Harmonie folgt! [1])—покинулъ инструментъ, ткнувъ кулакомъ въ клавиши.

Народническая критика о романѣ Ропшина.

Теперь, когда романъ „То, чего не было" законченъ, критика снова приступила къ нему, чтобы подвести итоги художественному, а главное, идейному разбору романа и рѣшить этотъ кардинальный, такъ долго остававшійся открытымъ вопросъ: *было* ли, въ самомъ дѣлѣ, или *не было*?.. Неудивительно, что усерднѣе другихъ занялись этимъ волнующимъ вопросомъ въ самыхъ „Завѣтахъ" (Ивановъ-Разумникъ и Я. Вѣчевъ, апр. кн.).

Сдѣлаемъ существенные выдержки изъ статьи Иванова-Разумника.

Не странно ли, — замѣчаетъ онъ: — Толстой, закончивъ „Войну и миръ", такъ-таки никогда и не сумѣлъ продолжить эту эпопею, такъ и не написалъ много разъ начинаемыхъ „Декабристовъ"! Отчего? Да все оттого же, отчего не написалъ онъ и задуманнаго романа о Петрѣ I: оттого, что „декабристы" это—*революція*, оттого, что Петръ I—*революціонеръ*, и Толстой безсознательно чувствовалъ невозможность приложить къ этимъ темамъ свою историческую философію *безсилія личности*. То-есть приложить-то можно было, отчего же, но тогда оба романа превратились бы въ сатиру, въ полное отрицаніе и Петра, и декабристовъ, ибо и тотъ, и другіе, какъ и всякіе подлинные революціонеры, являются воплощеніемъ вѣры въ *силу личности*. Когда эта вѣра гордо вынячивается въ Наполеонѣ, въ Мюратѣ — Толстой ее безпощадно казнитъ; и вотъ отчего Наполеонъ вышелъ у него съ явнымъ налетомъ сатиры, про Мюрата нечего и говорить. Но художественный геній удержалъ Толстого отъ такой же сатиры на Петра или на декабристовъ, точно также какъ удержалъ бы его отъ сатиры на дѣятелей 1789—1793 гг., когда люди свято и вылко вѣрили въ свои силы, въ силу человѣка.

В. Ропшинъ сдѣлалъ то, чего не сдѣлалъ Л. Толстой: онъ приложилъ аксіому безсилія личности къ революціи и революціонерамъ. Но въ то же время онъ вовсе не желалъ, не думалъ, не предполагалъ писать сатиру — избави Боже! Онъ полагалъ, что пишетъ „объективный романъ", правдиво описываетъ свои и чужія переживанія, радости и печали: а многимъ читателямъ казалось, что это совсѣмъ не „объективный романъ", а явная сатира. Этимъ объясняется по существу и тотъ протестъ противъ романа, который шелъ отъ „друзей и сторонниковъ представляемаго „*Завѣтами*" направленія" (см. „Завѣты", 1912 г. № 8). Кто же былъ правъ: авторъ или читатели? И тотъ, и другіе, — ибо весь романъ проникнутъ *двойственнымъ тономъ*. Воспроизводится то, что было, но объясняется всюду философіей безсилія личности. *Революцію* и революціонеровъ авторъ хочетъ рисовать правдиво, но всюду освѣщаетъ ихъ *анти-революціонной* философіей исторіи, взятой у Толстого. Въ этомъ все дѣло. Ибо нѣтъ философіи исторіи болѣе анти-революціонной, чѣмъ эта, выражаемая въ аксіомѣ безсилія личности.

Знаетъ ли авторъ, что въ его романѣ о революціонерахъ нѣтъ почти ни одного революціонера?.. Ибо какіе же „революціонеры" всѣ эти герои романа — Арсеніи Ивановичи, Вѣры Андреевны, Геннадіи Геннадіевичи, Залкинды, Болотовы? *Почему* они „революціонеры"? Потому ли, что живутъ „нелегально", создаютъ „воспрещенное закономъ" сообщество, устраиваютъ тайные съѣзды и бросаютъ бомбы? Но развѣ только этими внѣшними признаками, убѣдительными лишь для „агентовъ охраны", опредѣляется лицо хотя бы русскихъ революціонеровъ шестидесятыхъ, семидесятыхъ годовъ, или вообще подлинныхъ революціонеровъ любой эпохи и любого народа? Развѣ внѣшней формой выражается внутренняя сущность, „духъ" революціонера?

Конечно, нѣтъ. Революціонеръ есть воплo-

[1]) Самъ чортъ не разберетъ, какая тутъ гармонія слѣдуетъ.

щевіе *духовнаго максимализма*,—вотъ его глубочайшая сущность, каковы бы ни были ея проявленія. Именно потому не нижу революціонеровъ въ романѣ В. Ропшина... Вотъ почему такъ удивлялъ меня тотъ сердитый шумъ, который многіе подняли вокругъ этого романа, оскорбляясь за „неправильно“ нарисованныхъ въ романѣ „революціонеровъ“. Много разъ хотѣлось спросить у этихъ протестантовъ: господа, да неужели же вы не видите, что король голъ? что почти ни одного революціонера (несмотря на видимое ихъ множество) нѣтъ въ романѣ „То, чего не было“?..

...У любимаго героя автора, Андрея Болотова, кромѣ вопроса о „личности“, есть еще и другая „основная идея“, заполняющая собою психологическое задавіе романа и являющаяся какъ бы „моральнымъ стержвемъ“ всего произведенія. Это все та же идея, на которой былъ выстроенъ „Конь блѣдный“ того же автора, все тотъ же вопросъ: вопросъ о „крови“. Гдѣ и въ чемъ право одного человѣка убить другого?

Вотъ, какъ онъ ставитъ этотъ вопросъ. „Насъ разстрѣливаютъ, вѣшаютъ, душатъ... Такъ. Мы вѣшаемъ, душимъ, жжемъ... Такъ... Но почему, если я убилъ Слезкина (жандармскаго полковника) — я герой, а если онъ повѣсилъ меня, онъ мерзавецъ и негодяй? Одно изъ двухъ: либо убить всегда можно... либо убить нельзя никогда“... (IV, 32—33). Такъ онъ ставитъ вопросъ. А отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ (такъ же, какъ отвѣчалъ авторъ и въ „Конѣ блѣдомъ“): убить нельзя никогда, ибо если бы „не убій“ не было бы общественной этической нормой, то тогда было бы „все дозволево“. Существуетъ абсолютная этическая норма „не убій“, но въ то же время жизнь приводитъ къ неизбѣжности нарушенія этой нормы. Но, нарушая ее, „не надо говорить что это позволено, что это оправдано, что это хорошо... Нѣтъ, надо имѣть смѣлость сказать: это дурно, жестоко и страшно, но неизбѣжно“... (VII, 19).

Стоило огородъ городить изъ-за такого вывода, стоило мучиться на протяженіи доброй половины романа! Вся бѣда тутъ—въ половинчатости мысли, въ недодуманности, я бы сказалъ даже—въ трусости мышленія.

Вопросы, поставленные Болотовымъ, бьютъ гораздо дальше, чѣмъ самъ онъ полагаетъ. Вопросъ объ общеобязательной этической нормѣ непзбѣжно опирается на непзмѣримо болѣе общій вопросъ—*объ объективномъ смыслѣ жизни*, или, еще общѣе, объ „объективной цѣлесообразности“. Что такое *цѣль*: есть ли она независящій отъ человѣка принципъ творчества природы, или она есть только точка зрѣнія человѣка на природу? Для насъ несомнѣнно второе, — и уже въ „Критикѣ способности сужденія“ Кантомъ было установлево (и никѣмъ никогда не опровергнуто), что понятіе „цѣли“ имѣетъ исключительно субъективное значеніе. Вотъ почему *конечная цѣль* совершенно недоступна человѣческому познанію, какъ объективное понятіе; но если въ этой конечной цѣли мы условимся видѣть *субъективный идеалъ*, то она становится и допустимой, и необходимой въ человѣческомъ познаваніи. Для насъ такой конечной цѣлью является *человѣкъ*, и субъективнымъ идеаломъ является принципъ этическаго индивидуализма: *человѣкъ—самоцѣль*. Выше этого этическаго принципа нѣтъ ничего: онъ одновременно является и мѣриломъ нашихъ поступковъ, и конечнымъ идеаломъ нашего міровоззрѣнія.

Но вотъ вопросъ; можемъ ли мы признать этотъ принципъ этическаго индивидуализма — общеобязательной, нравственной нормой? Не можемъ, ибо вообще отрицаемъ общеобязательную, нравственную ворму, самую ея возможность. Если бы она существовала, то существовала бы и объективная, внѣ субъекта лежащая цѣль, существовалъ бы тогда и объективный смыслъ человѣческой жизни, въ который можво только вѣрить желающимъ. Мы далеки отъ этой вѣры, наше воззрѣніе иное. Мы видимъ въ каждой человѣческой жизни глубокій *субъективный смыслъ*, видимъ его и въ жизни всего человѣчества, но именно потому отказываемся вѣрить въ объективный смыслъ жизни. А если нѣтъ его, то *нѣтъ и общеобязательной нравственной нормы*.

Въ этомъ и заключается отвѣтъ на старые вопросы, возобновленные Болотовымъ. Но если этическій индивидуализмъ не есть общеобязательная этическая норма, то отсюда,—думаетъ Болотовъ, — слѣдуетъ, что „все дозволево“. Такъ думаетъ онъ, потому что стоитъ на почвѣ логическаго противопоставлевія: если есть *а* и *b*, и если *а* нами отвергнуто, то остается принять *b*. Но и въ этомъ онъ ошибается, ибо мы не принимаемъ *ни* того, *ни* другого, ибо нашъ этическій индивидуализмъ зиждется не на почвѣ логики, а на почвѣ психологіи. Этической нормы нѣтъ, и пусть этически „все дозволено“, но существуетъ, какъ фактъ, „психологическая норма“ и расчетъ съ ростомъ человѣчества. Мы не можемъ убивать направо и налѣво нашихъ личныхъ враговъ по той же причинѣ, по которой не можемъ стать, напримѣръ, людоѣдами: этому препятствуетъ вовсе не логическій выводъ, вовсе не этическая норма, но лишь *непо-*

средственное чувство, не логика, не этика, а психологія человѣка и человѣчества.

Ну, а если найдется человѣкъ, или найдутся люди, которые будутъ за предѣлами этой психологіи? Да, такіе люди есть, и яркимъ представителемъ ихъ является созданный Достоевскимъ типъ „подпольнаго человѣка“. Чѣмъ можно опровергнуть подпольнаго человѣка, если онъ провозгласитъ, что „все дозволено“? Отъ этого лозунга общество людей защищается юридическими нормами. Но вѣдь это только палка; а развѣ палка — отвѣтъ? Нѣтъ, конечно. И отвѣта *нѣтъ* вообще. Но и наоборотъ: на нашъ лозунгъ этическаго индивидуализма — нѣтъ отвѣта у подпольнаго человѣка, ибо здѣсь нельзя „опровергнуть“, здѣсь только можно „противопоставить“ два полярныхъ воззрѣнія, здѣсь мѣсто не логики, а психологіи. Нашъ этическій индивидуализмъ, *какъ и рѣшительно всякое иное этическое воззрѣніе*, не имѣетъ никакой общеобязательности, но, несмотря на это, является общей субъективной цѣлью множества людей, является ихъ субъективнымъ идеаломъ. Наша вѣра въ жизнь и вѣра въ человѣка тянутъ свои корни именно въ этой почвѣ.

И вотъ почему намъ такъ не страшны тѣ вопросы, которыми мучается Андрей Болотовъ. Нельзя оставаться на поверхности этихъ вопросовъ, надо вести „подкопъ аршиномъ глубже“ ихъ—и тогда неизбѣжно придемъ къ ихъ рѣшенію, тому или иному. Можно увѣровать въ объективную и абсолютную истину, трансцендентный смыслъ жизни и исторіи, въ абсолютную этическую норму — и къ этому пути духовно ближе всего Болотовъ; но можно и отвергнуть общеобязательность нравственныхъ нормъ, а принять „психологическую норму“ человѣка самоцѣли, принять имманентную жизнь и субъективный смыслъ ея. Тогда вопросы Болотова исчезаютъ, но возникаютъ другіе, важнѣйшіе, до которыхъ Андрей Болотовъ такъ и не дошелъ...

И эта вторая возможность, это второе воззрѣніе—не есть что либо случайное, мимолетное, преходящее. Нѣтъ, это воззрѣніе имѣетъ глубокіе корни въ исторіи русской общественной мысли, оно тѣсно связано съ Герценомъ и съ его послѣдователями. Андрей Болотовъ объ этомъ и не вспомнилъ. Онъ все ходилъ кругомъ да около одного и того же навязчиваго для него вопроса: либо убить можно всегда, либо убить нельзя никогда, но такъ-таки ни разу и не думалъ, какой смыслъ влагаетъ онъ въ слова „можно“ и „нельзя“. Онъ не видѣлъ, что рѣшеніе лежитъ глубже, что жаждущій можетъ найти воду, глубоко копая землю, а не тончась на поверхности ея. А, вмѣсто этого, онъ удовлетворялся дѣтскимъ отвѣтомъ: когда убиваешь,—помни, что поступаешь дурно...

Герой романа не пошелъ дальше неразрѣшимаго вопроса, не сошелъ съ мертвой точки, не подвинулся ни на шагъ въ духовныхъ поискахъ. И въ результатѣ — герой есть, но *нѣтъ трагедіи*, нѣтъ роста души человѣческой, нѣтъ рожденія ея. Передъ нами все время только тяжелая и неразрѣшимая *драма*, а драма тѣмъ и отличается отъ трагедіи, что въ трагедіи человѣкъ духовно рождается, а въ драмѣ онъ случайно погибаетъ.

И вотъ тутъ-то возникаетъ основной вопросъ: „было или не было“? Дѣйствительно ли у насъ не было революціи? И дѣйствительно ли не было трагедіи въ душевныхъ переживаніяхъ дѣятелей ея?

Дѣйствительно ли не было революціи? — на этотъ вопросъ, неизбѣжно вытекающій изъ романа, у меня нѣтъ двухъ отвѣтовъ. Дѣйствительно ли не было трагедіи въ душевныхъ переживаніяхъ дѣятелей ея?—и здѣсь отрицательный отвѣтъ несомнѣненъ, и право на такой отвѣтъ лежитъ въ личномъ опытѣ многихъ и многихъ.

У Андрея Болотова такого права не было. Съ нимъ происходитъ только та „псевдо-трагедія“, которая можетъ лишь по недоразумѣнію считаться подлинной. Ибо, повторяю еще разъ: между драмой и трагедіей та разница, что драма есть смерть человѣка, а трагедія— духовное рожденіе его въ мукахъ и страданіяхъ. Но муки, страданія — они и въ драмѣ на лицо, не ими опредѣляется трагедія души человѣческой. Андрей Болотовъ жилъ и работалъ; пришло время—и заболѣлъ онъ неотвязнымъ вопросомъ—мы знаемъ, какимъ. Но мы знаемъ также, что ни на одинъ шагъ не подвинулся онъ впередъ, страдая надъ этимъ вопросомъ о нравственной нормѣ. „Поступая такъ, знай, что поступаешь дурно“, — это отвѣтъ не героя трагедіи, это вопль затравленнаго героя драмы. И когда авторъ старается рисовать возрастающую радость и спокойствіе Андрея Болотова, мы не вѣримъ его старанію, ибо чувствуемъ, что этого „не было“. Когда, передъ смертью, Болотовъ съ молитвенной вѣрой говоритъ восторженныя слова о великомъ русскомъ народѣ и о революціи, въ нихъ нѣтъ рожденія человѣка, не видишь, не чувствуешь радости рожденія. Онъ весь прежній, и его радость и спокойствіе не должны имѣть мѣста. Это именно то, чего „не было“, ибо не должно было быть.

Въ романѣ этомъ *нѣтъ революціи*, хотя онъ и романъ о революціи; въ романѣ этомъ

нѣтъ трагедіи, хотя авторъ все время старается проводить ее. Но все это „было“ въ жизни, хотя и „не было“ въ романѣ. Есть, однако, и другое—что однакоже „было“ и въ жизни, и въ романѣ „То, чего не было“. Это—та „пѣна“, тѣ „брызги“, которыя неизбѣжны всюду, гдѣ только разбиваются о берегъ валы. Брызги В. Рошшинъ изобразилъ въ романѣ, а о вѣчной правдѣ валовъ только „сказалъ“ въ заключительныхъ строкахъ. Но хорошо, что хоть сказалъ, ибо, поистинѣ, только въ этой жизни моря, только въ этомъ постоянномъ движеніи впередъ — та вѣчная правда, которая была, есть и будетъ.

Изъ революціоннаго прошлаго.

Бѣгство Льва Гартмана за границу.

Извѣстіе о смерти въ Нью-Іоркѣ Л. Н. Гартмана, — одного изъ народовольцевъ, въ частности, одного изъ главныхъ участниковъ взрыва 19 ноября 1879 г. на Моск.-Курск. ж. д.,—извѣстіе это вызвало въ печати новую страничку воспоминаній о тѣхъ героическихъ временахъ,— а именно воспоминаніе объ удачномъ, весьма рискованномъ бѣгствѣ Гартмана изъ Россіи вскорѣ же послѣ покушенія. Воспоминанія появились въ „Совр. Сл.“ (№ 1913) и принадлежатъ перу друга революціоннаго дѣятеля, В. Л. Осипову, того самаго лица, которому Комитетъ поручилъ проводить Гартмана за границу.

Участіе и роль послѣдняго въ дѣлѣ 19 ноября уже были установлены (по доносу Гольденберга), его біографія печаталась въ газетахъ, его фотографіи были выставлены на улицахъ и за его поимку была назначена награда.

Быстрое раскрытіе его личности сильно повліяло на Гартмана. Имъ завладѣла одна мысль — мысль о томъ, чтобы не отдаться живымъ. Онъ сталъ поэтому первничать. При малѣйшемъ шумѣ въ коридорѣ гостиницы (гдѣ онъ скрывался) онъ баррикадировалъ свою дверь изнутри столами и стульями. Такими предосторожностями онъ легко могъ обратить на себя вниманіе. Вотъ почему и рѣшено было немедленно отправить Гартмана за границу.

В. Л. Осиповъ, державшій тогда вмѣстѣ съ Гесей Гельфманъ конспиративную квартиру въ Петербургѣ, увѣдомленъ былъ объ этомъ экстреннымъ рѣшеніи знаменитымъ „дворникомъ“— А. Д. Михайловымъ.

„Вскорѣ послѣ ухода Михайлова я,— вспоминаетъ г. Осиповъ, — открылъ на звонокъ дверь. На порогѣ появился хорошо одѣтый молодой человѣкъ въ форменной фуражкѣ, закутанный въ бѣлое кашнэ. Это былъ Гартманъ. Я сразу его не узналъ. Онъ былъ рыжеватый блондинъ, но теперь изъ-подъ кашнэ выглядывали темныя баки. Однако, появившійся вслѣдъ за нимъ Михайловъ разсѣялъ мои сомнѣнія. Михайловымъ было установлено правило не приходить вдвоемъ или втроемъ на конспиративныя квартиры. Теперь, идя сзади Гартмана, онъ могъ убѣдиться, слѣдятъ ли за нимъ или нѣтъ. Заботливость Михайлова о безопасности конспиративныхъ квартиръ была замѣчательна. Онъ производилъ наблюденія на улицахъ, гдѣ были расположены квартиры, осматривалъ условные знаки, слѣдилъ за поведеніемъ обитателей квартиры. Разъ я пріѣхалъ на извощикѣ прямо домой съ покупкой, которую было бы тяжело нести въ рукахъ. Откуда ни возьмись, явился Михайловъ и сталъ бранить меня за неосторожность.

— Что же, пѣшкомъ не можешь идти? Хотя бы до угла только доѣхалъ, а то прямо до воротъ. Такъ никогда не замѣтишь, если за тобою слѣдятъ.

Вслѣдъ за приходомъ Гартмана и Михайлова былъ снятъ съ окна спеціальный знакъ, выставленный для перваго.

Насколько мнѣ помнится, Гартманъ провелъ у насъ до отъѣзда двое сутокъ.“

Въ назначенный день съ самаго утра начались „приготовленія“ къ отъѣзду.

„Прѣсняковъ и Михайловъ принялись въ задней комнатѣ за превращеніе Гартмана въ англійскаго денди. Его стригли, брили, красили въ черный цвѣтъ, подводили брови и рѣсницы жидкостями изъ оловянныхъ трубочекъ. Блѣдный цвѣтъ его лица сдѣлался смуглымъ. Прѣсняковъ, молодой, интеллигентный рабочій, считался спеціалистомъ по гриму и самъ неоднократно превращался изъ блондина въ брюнета.

Когда превращеніе Гартмана было окончено, Михайловъ преподалъ намъ цѣлый рядъ практическихъ совѣтовъ и наставленій. Все было предусмотрѣно до мельчайшихъ подробностей. Свой прописанный видъ я оставилъ дома, чтобы не скомпрометировать квартиры на случай провала, и для дороги я получилъ отъ Михайлова другой видъ.

Оставалось только два часа до отхода поѣзда съ Варшавскаго вокзала. Я отправился впередъ. По дорогѣ я купилъ дорожный сакъ, большой разноцвѣтный шерстяной шарфъ, подушку и нѣкоторыя другія дорожныя вещи для Гартмана. На вокзалъ я пріѣхалъ заблаговременно, чтобы стать у кассы въ числѣ первыхъ. Я взялъ два билета въ третьемъ классѣ до

Дипіска, тогда называвшагося еще Дипабургомъ.

На вокзалѣ было много народа. Небывалое множество жандармскихъ и полицейскихъ мундировъ всѣхъ ранговъ и штатскихъ агентовъ, сновавшихъ по всѣмъ угламъ вокзала, оглядывавшихъ съ ногъ до головы всякаго вновь пришедшаго и безцеремонно всматривавшихся въ людскія лица и затылки, повидимому, удручало публику. Не слышно было громкихъ разговоровъ. Уѣзжавшіе и провожавшіе все больше говорили шепотомъ. На моихъ глазахъ двухъ молодыхъ людей пригласили въ жандармскую комнату, очевидно, для удостовѣренія личности. Никогда я не переживалъ такихъ тревожныхъ минутъ, какъ тогда. Мнѣ вспомнилась особая примѣта Гартмана, указанная въ казенномъ объявленіи—„громадные рубцы на шеѣ и затылкѣ отъ золотушныхъ ранъ въ дѣтствѣ“, и стало казаться, что драма неминуема. При этой мысли я весь внутри холодѣлъ. Даже освѣщеніе вокзала мнѣ казалось сильнѣе обыкновеннаго. Я себѣ представлялъ, какъ онъ войдетъ въ ярко освѣщенный залъ, и тысячи глазъ устремятся на него, и потомъ... онъ вытащитъ споп два револьвера.

Наконецъ, открыли дверь на перронъ. Я поторопился занять два мѣста въ вагонѣ на разныхъ скамьяхъ, такъ, чтобы я могъ съ своего мѣста наблюдать за Гартманомъ. Его сакъ я положилъ въ углу у самаго входа въ вагонъ. Я не долженъ былъ сидѣть съ нимъ рядомъ, чтобы въ случаѣ чего-нибудь не быть задержаннымъ. —„Помни,—сказалъ мнѣ Михайловъ передъ отъѣздомъ, — что ты долженъ беречь свою квартиру“.

Занявши мѣста, я вышелъ на платформу. Гартманъ долженъ былъ притти къ третьему звонку, послѣдовать за мною въ вагонъ и на площадкѣ незамѣтно для другихъ взять у меня изъ рукъ билетъ.

Послѣ второго звонка я началъ волноваться. Осталась одна минута, полминуты до отхода поѣзда, а его нѣтъ. Вотъ раздался первый ударъ третьяго звонка. Я подбѣжалъ къ выходу изъ залы. Посмотрѣлъ — вокзалъ былъ совершенно пустой. Всѣ разновидности полицейской власти куда-то исчезли, но его не было...

Вдругъ изъ противоположныхъ дверей показалась стройная и высокая фигура изящно одѣтаго молодого человѣка. То былъ Гартманъ. Въ своемъ новомъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ, бѣлымъ кашнэ на шеѣ и высокимъ шапо-клякъ онъ былъ похожъ на молодого англичанина. Я понялъ тогда, какъ удачно былъ выбранъ Михайловымъ моментъ. Гартманъ быстро прошелъ залъ, вышелъ на платформу и пошелъ за мною къ вагону. Уже раздался свистокъ оберъ-кондуктора. Теперь на платформѣ тоже не было полиціи, кромѣ длиннаго ряда, неподвижныхъ какъ статуи, желѣзнодорожныхъ жандармовъ, вытянувшихся во фронтъ лицомъ къ вагонамъ.

На площадкѣ вагона, когда поѣздъ уже запыхтѣлъ и колеса дрогнулись, я передалъ Гартману билетъ. Онъ отправился за мною въ вагонъ. Въ небольшой спеціальной онъ успѣлъ сложить цилиндръ, положить его за пазуху и надѣть старую барашковую шапку. Въ вагонѣ я указалъ ему взглядомъ мѣсто, гдѣ лежалъ его сакъ, и самъ сѣлъ въ сторонѣ.

Въ большомъ вагонѣ третьяго класса царилъ полумракъ. Большіе чемоданы и узлы, загромождавшіе верхнія полки, заслоняли и безъ того тусклый свѣтъ стеариновой свѣчки. Всѣ устраивались поудобнѣе, перекладывали багажъ. Въ полумракѣ своего углового мѣста завозился и Гартманъ, и скоро я различилъ его фигуру, уже безъ кашнэ и безъ мѣхового воротника (который былъ только пристегнутъ къ пальто), но съ купленнымъ пестрымъ шарфомъ, закрывавшимъ его рубцы на шеѣ. Голова его приклонилась къ стѣнѣ. Въ нахлобученной шапкѣ онъ со своимъ бритымъ лицомъ уже болѣе былъ похожъ на чухонца, чѣмъ на англичанина. Онъ имѣлъ видъ человѣка, который собирается спать. Въ вагонѣ все стихло. Время было тяжелое, и пассажиры неохотно разговаривали между собою. Какая-то чуйка начала было неодобрительный разговоръ о „скубентахъ“, виновныхъ въ причиненіи безпокойствъ честной публикѣ, но сосѣди не откликались.

Вскорѣ послышалось изъ сосѣдняго вагона бряцаніе шпоръ. Публика насторожилась. Представители полиціи, исчезнувшіе куда-то съ вокзала, а потомъ и съ платформы, оказались въ поѣздѣ. Одновременно, двумя партіями, и изъ двухъ противоположныхъ концовъ поѣзда, они стали осматривать вагоны. Такъ открылось это шествіе и въ вашемъ вагонѣ. Нижніе чины освѣщали публику ручными фонарями, а агенты въ погонахъ и штатскіе разсматривали лица. И этотъ осмотръ для насъ окончился благополучно. Въ публикѣ потомъ говорили, что какихъ-то молодыхъ людей изъ другихъ вагоновъ сняли съ поѣзда“.

Переправа черезъ границу тоже совершилась благополучно, и черезъ нѣсколько дней Гартманъ былъ уже въ Парижѣ.

Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что русское правительство потребовало у Франціи выдачи Гартмана, протпвъ чего поднялась сильная агитація передовыхъ французовъ, съ Викторомъ Гюго во главѣ. Гартманъ выданъ по-

этому не былъ, но ему все же пришлось перебраться въ Англію, откуда уже впослѣдствіи онъ переселился въ Америку.

Къ дѣлу Чернышевскаго.

Д-ромъ А. М. Серебренниковымъ въ майской кн. „Сибир. Арх.“, въ числѣ прочихъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ пребыванію Н. Г. въ Вилюйскѣ, опубликована „инструкція для наблюденія за государственнымъ преступникомъ Чернышевскимъ“. Вотъ эта инструкція.

1. Важность преступленій, совершенныхъ Чернышевскимъ, и значеніе, которымъ онъ пользуется въ средѣ сочувствующихъ ему поклонниковъ, вызываютъ со стороны правительства особыя мѣры для устраненія Чернышевскому возможности побѣга и отклоненія его вреднаго вліянія на общество.

2. По пріемѣ Чернышевскаго отъ верхчинскаго коменданта слѣдуетъ обратить особое вниманіе на снабженіе этого преступника вполнѣ теплою одеждою на дорогу, чтобы за недостаткомъ послѣдней не приходилось дѣлать въ пути частыхъ и продолжительныхъ остановокъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать.

3. Чернышевскій долженъ быть доставленъ къ мѣсту назначенія на почтовыхъ лошадяхъ подъ конвоемъ двухъ жандармовъ и наблюденіемъ офицера.

Одинъ изъ конвоирующихъ его жандармовъ долженъ постоянно быть бдительнымъ и въ пути сидѣть на козлахъ, а во время остановокъ безотлучно находиться при преступникѣ; другой же — сидѣть вмѣстѣ съ нимъ въ повозкѣ.

4. Офицеру назначенному для наблюденія, постоянно слѣдить за повозкой и во время остановокъ на станціяхъ помѣщаться въ одной съ Чернышевскимъ комнатѣ.

5. Строго наблюдать, чтобы Чернышевскій ни съ кѣмъ изъ постороннихъ лицъ не имѣлъ сообщеній и не передавалъ имъ писемъ для доставки помимо установленнаго для сего порядка.

6. Обходиться съ Чернышевскимъ кротко и вѣжливо, но въ случаѣ явнаго съ его стороны неослушанія дозволяется употреблять законныя мѣры для приведенія его къ повиновенію.

7. Если во время дороги Чернышевскій захвораетъ, то стараться довести его до мѣста, гдѣ ему можетъ быть оказана медицинская помощь. Въ этомъ случаѣ помѣщать Чернышевскаго не на станціи, а на особой квартирѣ, въ которую, кромѣ медика, никого не допускать, и при которой безотлучно находиться офицеру и по очереди жандармамъ.

8. Посѣщеніе медика допускать не иначе, какъ въ присутствіи офицера, предложивъ первому о ходѣ болѣзни Чернышевскаго вести скорбный листъ.

9. Въ проѣздъ до Иркутска въ случаѣ затрудненія испрашивать указаній по телеграфу, донося депешами о прибытіи въ Иркутскъ, Читу, Посольскъ.

10. По прибытіи въ Якутскъ представить преступника губернатору и, получивъ отъ него наставленія, слѣдовать дальше.

11. Въ Вилюйскѣ передать Чернышевскаго исправнику, и, помѣстить затѣмъ въ указанномъ домѣ, наблюдать, чтобы Чернышевскій не выходилъ изъ своей квартиры безъ сопровожденія жандармскаго унтеръ-офицера; чтобы посторонніе лица посѣщали Чернышевскаго не иначе, какъ съ разрѣшенія унтеръ-офицера или исправника, чтобы въ ночное время одинъ изъ конвойныхъ, по очереди, постоянно наблюдалъ Чернышевскаго, не обращая на это его вниманія, и чтобы домъ въ продолженіе ночи былъ запертъ.

12. Вся корреспонденція Чернышевскаго, какъ подлежащая надзору, не можетъ быть отправляема непосредственно имъ, а должна поступать чрезъ исправника на просмотръ къ губернатору.

Изъ писемъ, адресованныхъ на имя Чернышевскаго, выдаются ему только тѣ, кои, пройдя установленную цензуру, поступятъ въ официальномъ порядкѣ.

13. Въ случаѣ болѣзни пользовать Чернышевскаго на его квартирѣ чрезъ мѣстнаго врача.

14. Для содержанія Чернышевскаго имѣетъ быть назначена особая денежная сумма, размѣръ коей долженъ быть представленъ мѣстнымъ исправникомъ сообразно съ цѣнами на предметы продовольствія.

Утвержденіе этихъ цѣнъ зависитъ отъ генерала-губернатора.

15. О поведеніи Чернышевскаго и его здоровьи доносить съ каждой почтой генералъ-губернатору и отъ него же получать разъясненія по всѣмъ случаямъ, настоящею инструкціею не предусмотрѣннымъ.

16. Приставленный для постояннаго наблюденія за Чернышевскимъ жандармскій унтеръ-офицеръ долженъ жить въ одномъ съ нимъ домѣ и сопровождать его въ прогулкахъ и вообще при отлучкахъ изъ дома; но этотъ надзоръ онъ долженъ устроить незамѣтно, чтобы не раздражать Чернышевскаго и не придавать ему вида арестанта. Урядники даже обязаны исполнять распоряженія Чернышевскаго, но одинъ изъ нихъ долженъ быть всегда дома.

17. Унтеръ-офицеръ при сопровожденіи Чернышевскаго можетъ быть въ партикулярной одеждѣ.

Отзывы о книгахъ.

573. Лиданова. 087.1

Море не шутитъ. Разсказы для дѣтей. Съ рис. М. 1912. Ц. 70 к., въ папкѣ 85 к.

Въ этомъ сборникѣ для дѣтей школьнаго возраста помѣщены 4 разсказа: „Море не шутитъ", „Минутка счастья", „Въ башкирскомъ аулѣ" и „Горная сказка". Содержаніе всѣхъ пьесъ взято изъ инородческой жизни, и поэтому отъ нихъ вѣетъ чѣмъ-то восточнымъ, красочнымъ. Въ первомъ разсказѣ описана судьба маленькаго турченка — Давлича (сына пропавшаго рыбака), котораго прочіе рыбаки-компаніоны постарались сбыть съ рукъ, подаривъ его кордонному вахмистру. Солдатъ, самъ испытавшій сиротство, сильно привязался къ турченку и приручилъ этого дикаго звѣрька, обучивъ его даже грамотѣ. Въ одну изъ командировокъ по кордонамъ вахмистръ утонулъ въ морѣ, и турченка выгнали изъ казармы. Отсюда начинаются скитанія его по ближнему приморскому городу. Давлича попадаетъ въ компанію уличныхъ дѣтей-промышленниковъ, пробуетъ торговать и самъ, хотя неудачно. Умѣя хорошо плавать, онъ утилизируетъ эту способность, вылавливая серебряные гривенники, бросаемые въ воду пароходною публикою ради забавы. Но тутъ Давлича находитъ себѣ смерть, попавъ на мертвую зыбь. Этотъ разсказъ, по коему названа и вся книга, самый сильный, но въ то же время и самый мрачный, способный угнетающе подѣйствовать на нервы своими нѣсколькими смертями.

Иной характеръ носитъ разсказъ „Минутка счастья", гдѣ выводится армянка-сиротка Марта, чистильщица сапогъ въ Кисловодскѣ. Будучи страстной любительницей музыки, она стремится попасть въ паркъ, для чего и справляетъ себѣ новое розовое платье и башмаки. Но эта минутка счастья тутъ же и обрывается: за неумѣніе прилично держать себя на музыкѣ, сторожъ изгоняетъ ее изъ парка, какъ не имѣющую сезоннаго билета.

„Въ башкирскомъ аулѣ" — воспроизведена пестрая бытовая картинка изъ инородческой жизни. Она даетъ дѣтямъ бѣглое понятіе о трудовыхъ будняхъ башкиръ и ихъ праздникахъ, о господствующемъ положеніи мужчинъ и рабскомъ подчиненіи имъ женщинъ и проч.

Наиболѣе слабымъ является послѣдній фантастическій разсказъ подъ названіемъ „Горная сказка". Здѣсь, заблудившійся въ горахъ мальчикъ Ираклій попалъ въ болото и схватилъ страшную кавказскую лихорадку, чуть было не сведшую его въ могилу. Но эту „болотную нечисть" прогналъ отъ сакли Ираклія добрый горный духъ Казбека, и мальчикъ поправился.

Въ общемъ, авторъ стремится будить въ душѣ юного читателя добрыя чувства: состраданія къ турченку и Мартѣ, а въ дикихъ башкирахъ учитъ видѣть равныхъ себѣ людей. Умѣя разсказомъ заинтересовать читателя и недурно владѣя литературнымъ языкомъ, авторъ, къ сожалѣнію, иногда допускаетъ странные обороты какъ то: „весело осклабясь вся" (120 стр.), „цѣлое наслажденіе" (101 стр.), „телепокъ брякнется гдѣ-нибудь у изгороди" (111 стр.) и т. п., или прибѣгаетъ къ такимъ словамъ, какъ „наскучливо" (144 стр.) и т. д.

Несмотря на эти недочеты, книжка охотно прочтется „маленькимъ народомъ". (*Кргл. „Из. Об. Год. М." 1912—26. VIII*).

Владѣя вообще благоприличной литературной техникой, авторъ въ книгѣ какъ бы щеголяетъ топографическими и этнографическими красками. Л. стоитъ за человѣколюбіе и состраданіе къ слабому. Но въ ея строительствѣ больше стилистичности, нежели художественнаго тепла. (*А. Налимовъ. „Рус. Шк." 1913—2*).

Въ общемъ, разсказцы содержательны, мѣстами интересны, но къ числу выдающихся ихъ нельзя причислить. Изд. чистенькое, со сносными рисунками. (*М. В. С—въ. „Педаг. Сборн." 1913—5*).

Разсказъ „Море не шутитъ" лучше большинства прежнихъ произведеній Л. Изъ др. разсказовъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, слѣдуетъ указать на разсказъ „Въ башкирскомъ аулѣ". Менѣе удаченъ образъ армянской дѣвочки Марты изъ разск. „Минутка счастья". Даже съ внѣшней стороны разсказы „Море не шутитъ" и „Въ башкирскомъ аулѣ" лучше другихъ. Въ нихъ меньше шаблонныхъ фразъ и небрежностей въ выраженіяхъ. (*С. Р. „Семья и Шк." 1913—1*).

Хорошая, крупная печать, весьма недурныя иллюстраціи дѣлаютъ книжку весьма заманчивой для покупателей тѣмъ болѣе, что и цѣна такая доступная. Но, прочитавъ эту книжку, испытываешь разочарованіе: ни одинъ образъ не завладѣваетъ вашимъ вниманіемъ, не остается живымъ и яркимъ въ вашей памяти. Лучше другихъ разсказъ „Въ башкирскомъ аулѣ". (*М. Черняева. „Дошк. Восп." 1913—2*).

574. Аркадьевъ, Е. И. 098(47)„1911"

Запрещенная литература. Книги, брошюры, газеты и журналы, арестованныя въ 1911 г. Съ портр. Маркса, Бебеля, Каутскаго. М. 1913. Стр. 38. Ц. 25 к.

О томъ, какъ трудно разбираться сейчасъ въ морѣ конфискованной всякими учрежденіями литературы, знаетъ каждый, кому съ ней приходится имѣть дѣло. Давно уже назрѣла необходимость въ какомъ-нибудь систематическомъ путеводителѣ по этому морю, дабы можно было благополучно избѣжать всѣхъ Сциллъ и Харибдъ нашего библіотечнаго и библіофильскаго дѣла. Одно изъ такихъ немногихъ изданій лежитъ сейчасъ передо мною. Это довольно объемистая брошюрка А., заключающая въ себѣ перечень книгъ, брошюръ, газетъ и журналовъ, арестованныхъ судомъ, комитетомъ по дѣламъ печати и полиціей въ 1911 г. Брошюрка эта ничего, кромѣ сухого алфавитнаго перечня изданій, не

заключаетъ, но тѣмъ не менѣе для внимательнаго читателя она говоритъ многое, или, вѣрнѣе, о многомъ умалчиваетъ. Прежде всего, если мы подсчитаемъ всѣ перечисленныя въ ней изданія, то окажется, что таковыхъ за 1911 г. было арестовано свыше 600, изъ нихъ—около двухъ третей по судебнымъ приговорамъ. Обращая вниманіе на содержаніе арестованныхъ изданій, поскольку о немъ можно судить по имени автора и по заглавію, мы видимъ, что всѣ изданія распадаются на три группы: это, прежде всего, сочиненія политико-экономическія, затѣмъ—изящная литература, и, наконецъ, историческія, учебныя, періодическія, справочныя и т. д. Если же мы пожелаемъ остановиться на родѣ преступности каждаго изъ арестованныхъ изданій, то сразу натолкнемся на крупный дефектъ брошюры: въ ней совершенно не указаны тѣ статьи матеріальнаго права, которыя легли въ основу арестовъ. Обывателю, который пожелалъ бы сдѣлать въ этомъ направленіи свои выводы и обезопасить себя не только отъ имѣющихся у него книгъ, но и отъ риска купить что-либо преступное въ будущемъ, приходится поэтому гадать.

Я готовъ вовсе безъ гаданія признать, что у властей компетентныхъ были всѣ основанія снять арестъ съ конфискованной было брошюрки „Іудейскія звѣрства, обнаруженныя въ иностранныхъ государствахъ“ и оставить подъ арестомъ столь преступныя вещи, какъ обложка шоколадной фабрики І. Л. Дингъ съ портретомъ Л. Н. Толстого и текстомъ изъ его сочиненій, брошюра П. Казанцева „Букварь и первый курсъ внѣшкольнаго образованія“, извѣстный наполеоновскій маршъ „Chant de départ“, записанный и положенный на ноты Гартевельдомъ, романы Арцыбашева, Винниченко, Гарина („Инженеры“), Гюисманса, Ожешко, Тетмайера, Мирбо и другихъ, вплоть до страшнаго „Острова Пингвиновъ“ Франса, стихи Вальмонта, Уота Уитмана, Тараса Шевченко и др. Въ этомъ отношеніи выводы мною сдѣланы, и я въ безопасности, но кто же мнѣ дастъ основанія для выводовъ въ сторону путей менѣе проторенныхъ? Кто дастъ критерій для того, чтобы разбираться въ рисункахъ? Вѣдь „Рампа и Жизнь“, оказывается, была конфискована за рисунокъ: „Мученичество Габріэля д'Аннунціо—продажа съ аукціона его виллы“; въ педагогическихъ журналахъ? Вѣдь „Семейное Воспитаніе“ конфискована за „рецензію о дѣтскихъ журналахъ вообще и о „Свѣтлячкѣ“ въ частности“; въ сочиненіяхъ спеціально историческихъ? Вѣдь конфискована брошюра барона Мантейфеля „Изъ исторіи Дерптскаго университета“; наконецъ,— во всѣческихъ „дневникахъ“, „трудахъ“ и „запискахъ“? Вѣдь, были арестованы „Труды X съѣзда старообрядцевъ“, „Извѣстія общества астраханскихъ врачей“ и даже—горе мнѣ, грѣшному,—„Дневникъ всероссійскаго съѣзда коннозаводчиковъ“! (*О. Кобецкій. „День“ 1913—40*).

Перечень неполный. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ указаны основанія ареста. При такихъ условіяхъ не напрасно ли трудился составитель перечня? Портреты, очень плохо исполненные, имѣютъ самое отдаленное отношеніе къ тексту и не могутъ увеличить цѣнности труда г. А. (*М. „Сибир. Жизнь“. 1913—41*).

Что объ этой книжечкѣ сказать? Хотя на обложкѣ и стоитъ только одна фамилія А., но тѣмъ не менѣе это коллективный трудъ... многихъ засѣданій суда, комитетовъ по дѣламъ печати и др.; и нужно сказать, что книжечка составлена разнообразно, богато и интересно. Въ частности для библіотеки по соціализму это былъ бы очень недурный указатель. Соціализмъ разсматривается съ разнообразнѣйшихъ сторонъ... Очень богатъ отдѣлъ народныхъ изданій, провинціальной прессы, рабочей печати. Если судить по количеству запрещенныхъ книгъ, то Л. Толстой стоитъ впереди всѣхъ. (*С. Зерновъ. „Завѣты“. 1913—3*).

575. Карръ, У. 1(Б)

Философія Бергсона. Популярное изложеніе. Перев. съ англ. Изд. „Творчество“. М. 1913. Стр. 62. Ц. 30 к.

Въ настоящей брошюрѣ, принадлежащей перу англійскаго послѣдователя Бергсона, мы имѣемъ болѣе полное изложеніе всего его ученія, по крайней мѣрѣ, главныхъ его сторонъ, и изложеніе это сдѣлано до такой степени ясно, просто и элементарно, что его можно вполнѣ рекомендовать даже начинающему. Книжка была прочитана въ рукописи самимъ Бергсономъ, который далъ ей и заглавіе: „Философія измѣнчивости“. (*„Совр. Сл. 1912—1756*).

Довольно значительное по размѣрамъ литературное наслѣдство Бергсона умѣло втиснуто въ предѣлы маленькой книжки. „Пусть, по Бергсону, философія не даетъ намъ ни Бога, ни безсмертія въ старомъ богословскомъ значеніи,— она все-таки наполняетъ душу глубокимъ убѣжденіемъ, что человѣчество вмѣстѣ съ своей планетой можетъ быть безконечно малой частью всемірной жизни, но оно едино и тождественно съ этой жизнью, и наша борьба и наши стремленія составляютъ одно цѣлое съ нею“. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл.“ 1912—283*).

Изложеніе К. отличается общедоступностью; напрасно только онъ думаетъ, что подчеркиваніе Бергсономъ фундаментальнаго понятія жизни, которое должно дать ключъ къ сущности познанія, составляетъ черту, отличающую міропониманіе Бергсона отъ всѣхъ предшествовавшихъ системъ. Въ опроверженіе этихъ словъ можно указать хотя бы на Ницше, въ частности на „Веселую науку“ (особенно см. § 354 „О геніи рода“). Дѣйствительная оригинальность Бергсона заключается скорѣе въ признаваемой имъ „субстанціальности измѣнчивости“: онъ приближается въ этомъ къ Шопенгауэру, „слѣпая воля“ котораго соотвѣтствуетъ „порыву“ Бергсона. Но у Шопенгауэра измѣнчивость есть слѣдствіе слѣпоты воли, у Бергсона, наоборотъ, порывъ есть лишь проявленіе измѣнчивости, этой единой, по его мнѣнію реальности. Однако, какъ можетъ проявиться измѣнчивость безъ субстрата, безъ объектовъ, этого философъ нашъ не выяснилъ. Здѣсь—ахиллесова его пята, мѣшающая ему догнать черепаху міра, какъ не можетъ этого сдѣлать Ахиллесъ въ знаменитомъ парадоксѣ Зенона, являющемся, кстати сказать, исходною точкой философіи Бергсона. Отправляясь отъ этого парадокса, онъ и приходитъ къ заключенію о недѣлимости движенія и времени въ отличіе отъ дѣлимаго пространства. Но дѣло-то въ томъ, что въ смыслѣ непрерывности и пространство недѣлимо: на то и понадобилось созданіе высшей математики (анализа безконечно малыхъ), чтобы установить мостъ между непрерывностью природы и прерывистымъ характе-

ромъ числовыхъ величинъ. Въ этомъ смыслѣ философія Бергсона какъ бы запоздала на три столѣтія, хотя въ другихъ отношеніяхъ и подходитъ очень близко къ энергетическимъ воззрѣніямъ современныхъ ученыхъ. (*Ar. „Kiev. Мысль". 1913—108*).

Слѣдуетъ замѣтить, что на русскомъ языкѣ имѣется подробный трудъ о Б.: это двѣ статьи Б. Бобынина („Вопр. Фил. и Псих." за 1911 г., кн. 108 и 109) и должно признать, что эти послѣднія гораздо ближе подходятъ къ изученію міросозерцанія философа, чѣмъ изложеніе К. Карръ ведетъ изложеніе болѣе примитивно, въ общихъ чертахъ и менѣе точно. Есть нѣкоторыя ошибки: напр., никакъ нельзя влагать въ уста Бергсона сужденіе, что движеніе творческой воли стремится къ цѣли (стр. 57). Многіе центральные вопросы обойдены молчаніемъ (какъ, напр., проблема измѣримости психическихъ явленій). Не поставленъ Б. и въ историческую связь съ другими философами, что, несомнѣнно, облегчило бы его пониманіе. Но во всякомъ случаѣ нельзя не привѣтствовать появленія на книжномъ рынкѣ перевода новаго научнаго труда, позволяющаго лицамъ и неимѣющимъ философскаго образованія познакомиться съ мыслителемъ, о которомъ такъ много говорятъ за послѣднее время. (*П. Поповъ. „Гол. Мин." 1913—3*).

576. Вавулинъ, Н, 132

Безуміе, его смыслъ и цѣнность. Психологическіе очерки. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Проблема безумія въ наше время начинаетъ получать совсѣмъ другое освѣщеніе, прямо противоположное тому, которое ей давалось въ прошломъ. Смертью и безуміемъ зовемъ мы наши новыя скрижали, можетъ быть въ этой темной и неизвѣданной странѣ, гдѣ нѣтъ еще пошлости человѣческой, предстанетъ предъ нами если не полная истина, то по крайней мѣрѣ одна изъ ея зловѣщихъ и манящихъ масокъ?

То, что пошлая масса человѣческая зоветъ безуміемъ, для насъ имѣетъ особенную, почти религіозную цѣнность: здѣсь скрываются невидимыя нити всего сложнаго, великаго, глубокаго, геніальнаго; здѣсь источники творчества, колыбель великихъ людей, основателей религіи, пророковъ. Психологія генія соприкасается въ нѣдрахъ своихъ съ безуміемъ, но безуміемъ называемъ мы также все непонятное для насъ, все выходящее за предѣлы общепризнаннаго и традиціоннаго, все героическое, все устремленное выше жизни, все тонкое, неуловимое, неназванное и тайное въ мыслихъ людей, въ переживаніяхъ творцовъ, въ грезахъ любви, въ молитвѣ, въ религіи.

Уже давно глубочайшіе изъ нашихъ писателей относились къ идеѣ безумія именно такъ, какъ относится авторъ разсматриваемой нами книги, т.-е. они признавали за безуміемъ положительную, а не отрицательную цѣнность, видѣли здѣсь невѣдомое море чудесъ, проникали въ тѣ творческія дали, которыя имъ раскрывались въ этой области. Такъ, Эдгардъ По передавалъ эту мысль въ слѣдующихъ словахъ: „еще вопросъ, не представляетъ ли безуміе высшей степени разумѣнія, не возникаетъ ли все главное и глубокое изъ разстройства мысли, изъ особенныхъ настроеній души, экзальтированной на счетъ разсудка". („Элеонора".) А вспомнимъ удивительное признаніе одного изъ интереснѣйшихъ мыслителей 40-хъ годовъ, князя В. Одоевскаго, автора нынѣ воскрешенныхъ „Русскихъ ночей": „то, что мы называемъ безуміемъ, экстатическимъ состояніемъ, бредомъ, не есть ли иногда высшая степень умственнаго человѣческаго инстинкта, степень столь высокая, что она дѣлается совершенно непонятною, неуловимою для обыкновеннаго наблюденія. (Кн. В. Одоевскій: „Русскія ночи".)

И уже въ наши дни Джемсъ призналъ особенную цѣнность за „психопатологическими" элементами въ сферѣ религіознаго чувства. Впрочемъ, за примѣрами дѣло не станетъ и не въ нихъ главное, важенъ въ данномъ случаѣ тотъ поворотъ въ художественномъ и психологическомъ толкованіи безумія, который приводитъ къ неожиданнымъ и любопытнымъ результатамъ и который нашелъ себѣ отраженіе въ интересной и рѣдкостной книгѣ В. Мысль о плодотворности и психологической цѣнности безумія проходитъ сквозь всю книгу. Авторъ разсматриваетъ сначала психологію безумцевъ различныхъ странъ и временъ, при чемъ приходитъ къ тому выводу, что во всѣ времена безумцами считались всѣ выдающіеся и незаурядные люди. Затѣмъ, въ наиболѣе существенной, второй главѣ входитъ въ разсмотрѣніе психологическихъ основъ безумія (здѣсь дается оригинальное освѣщеніе такимъ болѣзненнымъ явленіямъ человѣческой психики, какъ галлюцинаціи, навязчивыя идеи и бредъ). Разсмотрѣвъ формы безумія геніальныхъ людей, писателей и пророковъ, авторъ приходитъ къ опредѣленію абсолютной цѣнности высшаго безумія, говоря „что высшее безуміе ничто иное, какъ вѣхи, намѣчающія путь развитія человѣческой души. Безуміе двигало человѣчество впередъ, освѣщая будущее, подобно Моисееву столпу, свѣтящему тѣмъ, что шелъ въ обѣтованную землю. Безуміе вносило содержаніе въ эмоціональную жизнь народовъ, будило ихъ мысль и способствовало развитію культуры и цивилизаціи" (стр. 128).

Проводя параллель между творчествомъ художниковъ и творчествомъ обитателей сумасшедшихъ домовъ, авторъ иллюстрируетъ свои мысли цѣлымъ рядомъ приложенныхъ къ книгѣ произведеній безумцевъ: разсказовъ, стихотвореній, карикатуръ и рисунковъ. Эти произведенія являются своего рода кладомъ для психолога и увеличиваютъ интересъ книги В., которая, безъ сомнѣнія, заставитъ призадуматься надъ проблемою безумія тѣхъ, кто ее прочтетъ. (*А. Закржевскій. „Огни". 1913—15*).

Искреннее слово всегда идетъ отъ сердца къ сердцу. Вотъ почему книжка В. будетъ съ интересомъ прочитана всякимъ, кому она подвернется подъ руку. Чуткіе люди изъ общества и врачебнаго міра будутъ имѣть лишній случай подумать о ненормальномъ положеніи нѣкоторыхъ разрядовъ „безумцевъ" въ нашихъ больницахъ, будутъ имѣть лишній поводъ вспомнить, что тѣ, кого психіатрія называла душевно-больными, зачастую дарили много радости человѣчеству и способствовали его движенію впередъ. Таковы, я бы сказалъ, публицистическія достоинства книги, но самъ авторъ придаетъ равное, если не большее, значеніе „теоретической" части. Между тѣмъ, на мой взглядъ, она довольно слаба. Для самостоятельной разработки и оригинальнаго рѣшенія научныхъ вопросовъ, въ особен-

ности, сложныхъ вопросовъ психіатріи, недостаточно одной начитанности. Для этого требуется еще строгій методъ, научная дисциплинированность, которая, прежде всего, сознаетъ трудности научной работы своей и чужой. Несмотря на это мы все же рекомендуемъ эту книгу, написанную притомъ хорошимъ, простымъ языкомъ. (*И. К—ль. „День“. 1913—40*).

Вся книга В.— парадоксъ. Его родила страстная, пламенная жалость къ людямъ пошатнувшагося ума, и это прямо трогательное чувство какая то юношеская искренность автора примиряютъ съ парадоксомъ, заставляютъ смотрѣть на него безъ ироніи. Шатко поставленна аргументація В. Къ несчастію, онъ не спеціалистъ, а только любитель. Онъ не медикъ и не ученый. Въ его распоряженіи только русская переводная литература о психическомъ недугѣ. Если его книгу прямо не отвергнутъ спеціалисты, то только за тотъ сырой матеріалъ, какой занялъ ея вторую половину. Здѣсь стихи, разсказы, рисунки психически больныхъ. (*А. Пемайловъ. „Рус. Сл.“ 1913—283*).

Къ сожалѣнію, при описаніи и толкованіи культурно-историческихъ фактовъ и данныхъ психопатологіи обнаруживается большая безпомощность. Парадоксальныя утвержденія, противорѣчащія всѣмъ даннымъ простого и научнаго наблюденія, смѣшеніе понятій безумія и геніальности и т. п. Приложенные къ книгѣ рисунки и небольшія поэтическія произведенія интересны сами по себѣ, но совершенно не характерны для творчества душевно-больныхъ. При всей искренности исканій автору не удалось справиться съ выдвинутымъ имъ глубоко интереснымъ вопросомъ. (*И. Эфруси. „Рус. М.“ 1913—5*).

577. Введенскій, А. И., проф. 16(02)
Логика для гимназій. 2-е изданіе. Спб. 1913 г. Ц. 80 к.

Изъ существующихъ въ русской литературѣ учебниковъ по логикѣ данный учебникъ приходится признать наилучшимъ. Къ достоинствамъ его должно отнести ясность изложенія, отчетливость формулированія и разграниченія логическихъ вопросовъ и понятій. Оригинальность сказывается въ освѣщеніи и трактованіи ряда вопросовъ и въ распредѣленіи матеріала. Необычность этого распредѣленія, можетъ быть, нѣсколько осложнитъ работу учителя при прохожденіи логики по этому учебнику, но зато усвоеніе этого учебника дастъ возможность учащемуся сознательно отнестись ко всему изучаемому, ибо всѣ отдѣлы въ этомъ учебникѣ такъ тѣсно связаны между собою, что усвоеніе одного требуетъ основательнаго знанія предшествующаго. Изложеніе логическихъ законовъ, напр., таково и помѣщены они такъ, что видно непосредственное примѣненіе ихъ. Стройность и послѣдовательность изложенія особенно бросаются въ глаза въ главахъ, посвященныхъ методологіи. Обыкновенно въ элементарныхъ учебникахъ логики въ этихъ главахъ царитъ хаотичность и отсутствіе связи между отдѣльными положеніями. Къ недостаткамъ учебника нужно отнести нѣкоторую сухость, что объясняется схематичностью изложенія. Этотъ недостатокъ чувствуется въ школѣ, гдѣ логика усваивается людьми еще въ такомъ возрастѣ, когда ихъ мышленіе еще требуетъ образовъ. Книгу эту особенно можно порекомендовать лицамъ, желающимъ освѣжить свои свѣдѣнія по элементарной логикѣ. Она также можетъ служить прекраснымъ справочнымъ пособіемъ по элементарной логикѣ при чтеніи трудовъ по логикѣ и по философіи. (*А. И. Гребенкинъ. „День“. 1913—126*).

Въ этомъ новомъ, совершенно переработанномъ и значительно расширенномъ изданіи трудъ проф. В., безспорно, представляетъ собой одно изъ самыхъ выдающихся явленій логической литературы послѣднихъ лѣтъ. Все въ немъ свидѣтельствуетъ о томъ: и подлинная оригинальность самостоятельной и повсюду проводимой точки зрѣнія, и глубокая продуманность каждаго утвержденія, и поразительная обстоятельность развитія своихъ ученій, и рѣдкая послѣдовательность въ изложеніи и аргументировкѣ. Такъ пишутся только труды, представляющіе собой дѣло цѣлой жизни и раскрывающіе новый взглядъ на трактуемую дисциплину и ея соціальное содержаніе. Нѣтъ въ немъ ничего лишняго, нѣтъ и ничего недоговореннаго для развиваемой имъ точки зрѣнія. И работа надъ нимъ должна дать каждому (даже и принципіальному противнику), какъ богатый матеріалъ для собственныхъ размышленій, такъ и глубокое умственное удовлетвореніе. (*Б. Яковенко. „Логосъ“. 1912-13. Кн. I и II*).

Отличительной особенностью учебника проф. В. является строгая систематичность и принципіальность. По книгѣ проф. В. можно научиться дисциплинировать мысль и пріучить ее къ логическимъ операціямъ. Для преподавателя учебникъ логики проф. В. удобенъ еще и въ томъ отношеніи, что на ряду съ нимъ имѣется и крупная книга того же автора „Логика, какъ часть теоріи познанія“, въ которой находятъ себѣ подробную разработку различныя проблемы, сжато изложенныя въ учебникѣ. (*Г. Гордонъ. „Пед. Обозр.“. 1913—3*).

* **Лезинскій, Е.** 179.3:371
См. поридк. № 584.

578. Карсавинъ, Л. 271„04:15“
Монашество въ средніе вѣка. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ). Спб. 1912. Стр. 110. Ц. 1 р.

Монашество—одно изъ существенныхъ проявленій нѣчнаго искательства человѣка, безудержно, но часто и безпомощно рвущагося отъ „мерзости міра“ къ далекой желанной выси „небесной родины“. Въ рѣдкомъ по увлекательности изложеніи авторъ открываетъ предъ читателемъ всѣ разнообразные этапы этого шествія человѣка къ своему Богу. Пути—разные: порой извилистые, итти по которымъ едва подъ силу отдѣльнымъ лицамъ, крупнымъ индивидуальностямъ съ желѣзной волей и нечеловѣческой увѣренностью въ свои силы, порой — широкія, торныя дороги, по которымъ слышенъ мѣрный топотъ тысячъ увѣренныхъ ногъ немалаго человѣческаго стада. Пріемы и проявленія тоже разные: то бурные и мятежные, доходящіе въ восточномъ изувѣрствѣ до самоистязанія, граничащаго съ самоистребленіемъ, то, какъ на Западѣ, уравновѣшенные, внушительно-красивые и соціально-полезные. И вездѣ идутъ лучшіе, наиболѣе отзывчивые, стремясь посильно примирить мірское съ небеснымъ, удѣлъ человѣческій и жребій ангельскій. Книга по исторіи монашества поэтому есть книга о великомъ, неизсякаемомъ энтузіазмѣ, и манера

письма автора какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ особенностямъ его темы. Изложеніе и пластично, и реально въ одинаковой мѣрѣ; богатый запасъ свѣдѣній изъ первыхъ рукъ позволяетъ автору всегда счастливо и естественно вплетать отрывки изъ первоисточниковъ, приближая къ намъ тогдашняго реальнаго человѣка, а не безличную лишь его историческую проекцію. Изобразительность сообщаемаго—одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ книги, и автору не было нужды прибѣгать къ инымъ какимъ-либо ходячимъ способамъ украшенія и усиленія разсказа; нѣтъ, напримѣръ, никакихъ попытокъ схематизаціи, которую такъ привыкли употреблять какъ разъ при историческомъ освѣщеніи религіозныхъ явленій. Именно исторію монашества зачастую разсматривали sub speciei schematis: брезгливо сторониться отъ міра, затѣмъ — итти въ міръ, освѣщая и просвѣщая его, наконецъ, не только юріять міръ, желая воздѣйствовать на него, но и подпасть подъ его вліяніе, капитулировать предъ могучими велѣніями реальнаго и матеріальнаго,—вотъ, якобы, историческій ходъ монашества, и формула его поэтому: отъ міра, въ міръ и... за міромъ. Такую формулу, въ которой отмѣчены въ послѣдовательности и подъемъ, и паденіе, „легко“ связать и съ другой схематизаціей, картиной паденія и постепеннаго разложенія средневѣковаго католицизма вообще, на смѣну котораго идетъ „добрая“ Реформація, какъ и взамѣнъ темныхъ массъ монашествующихъ идутъ свѣтлые люди Возрожденія. Такъ „осмысливаются“ крупные и историческіе процессы, но такъ и творится великое насиліе надъ ними; вмѣсто подлинной исторической дѣйствительности получается исторія въ ретортѣ; единственный выходъ—заставить и людей, и факты говорить за самихъ себя; такъ и сдѣлано въ книгѣ К.: подлинныхъ красокъ достаточно, чтобъ не прибѣгать къ искусственной ретушировкѣ. Таковы неудюжинныя особенности книги, о значеніи и пользѣ которой для широкаго читателя говорить не приходится. Нужно лишь отмѣтить значеніе труда К. и въ качествѣ чисто научной новинки, такъ какъ соотвѣтствующаго обзора нѣтъ не только у насъ, но и на Западѣ. Прибавляется такимъ образомъ, и рядъ новыхъ наблюденій и требованій, о которыхъ здѣсь въ виду ихъ спеціальности, не мѣсто говорить. Подлежитъ указанію лишь одинъ недочетъ: въ книгѣ удѣлено не достаточно вниманія (одна лишь небольшая заключительная глава) религіозвымъ quasi-монашескимъ организаціямъ міранъ. Вопросъ сложный, мало разработанный, плохо и отрывочно освѣщенный въ источникѣ. Но тѣмъ болѣе онъ нуждается въ компетентномъ разсмотрѣніи: разъ монашество есть одна изъ типичныхъ формъ религіознаго самосознанія, т.-е. фактъ великой жизненности, то уже а priori нельзя замыкать его въ узкій кругъ официально признанныхъ его проявленій. (*Д. Егоровъ. „Рус. М.“ 1912—10*).

Небольшая книжка К. носитъ названіе неточное: это—исторія не всего монашества, а только западнаго. Разумѣется даже для самаго общаго, самаго популярнаго изложенія исторію одного только западнаго монашества 104-хъ страницъ — все-таки совершенно недостаточно. И, дѣйствительно, книжка К. поражаетъ краткостью, бѣглостью, часто поверхностью въ изложеніи исторіи монашества въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ до Франциска Ассизскаго. Время Франциска и послѣдующая эпоха, повидимому, и извѣстны автору ближе, и самого интересуютъ больше: это сказывается и въ содержаніи и въ изложеніи послѣднихъ четырехъ главъ. Конецъ книжки (начиная съ Франциска) лучше, нежели ея начало и средина. Въ общемъ же, конечно, нужно принять во вниманіе и чрезвычайную сложность и огромность темы, пестроту фактовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло при подобной работѣ. А помимо всего,—ничтожные размѣры книжки таковы, что даже и конспектъ исторіи монашества оказалось возможнымъ дать лишь съ большими и существенными пропусками. (*„Рус. Бог.“. 1912—11*).

Въ книжкѣ данъ богатый и хорошо подобранный матеріалъ по монашескому движенію. Особенно интересны гл. о Бенедиктѣ Нурсійскомъ и его уставѣ, объ итальянскихъ еремитахъ, о рыцарскихъ орденахъ, о францискаццахъ и доминиканцахъ. Недостаточно мѣста удѣлено авторомъ роли монастырей и монашества въ экономической жизни средневѣковья. (*„Вѣст. Евр.“. 1913—2*).

Книга К. написана мѣстами довольно неразумительно и предполагаетъ такія спеціальныя познанія, которыхъ нельзя требовать отъ широкой публики. Иногда К. выражается такъ, что его оригинальную книгу можно принять за плохой переводъ. (*П. Б. „Ист. Вѣст.“. 1913—1*).

Книга К. даетъ много цѣнныго и свѣжаго матеріала и можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для всякаго, кто пожелалъ-бы самостоятельно заняться монашествомъ, какъ культурно-историческимъ явленіемъ. (*П. Бицилли. „Изв. Одес. Библ. О-ва“. 1913, т. II, вып. 4*).

579. В. П. 331.823

Страхованіе рабочихъ отъ болѣзней. Новый законъ 23 іюня 1912 г. Саратовъ. 1913. Стр. 18. Ц. 5 к.

Брошюра В. П. сжато, но наглядно и доступнымъ языкомъ излагаетъ общія основанія закона, статьи закона о доходахъ кассъ, пособіяхъ и лечебной помощи и т. д., отмѣчаетъ его недостатки и пути къ ихъ устраненію—и въ общемъ даетъ возможность каждому рабочему войти въ курсъ дѣла и подготовиться къ предстоящей дѣятельности, освобождая его отъ необходимости копаться въ официальныхъ изданіяхъ, загромажденныхъ массой деталей и потому не такъ доступныхъ для легкаго усвоенія. Можно пожелать ей самаго широкаго распространенія. (*І. И. „Саратъ. Вѣст.“ 1913—19*).

Появленіе на свѣтъ брошюры В. П.—явленіе несомнѣнно отрадное. Страхованіемъ, какъ видно, занимаются и интересуются не только въ столицахъ, но и въ провинціи. Къ сожалѣнію, брошюра В. П. написана хотя и общедоступными словами, но въ высокой степени сумбурно. Встрѣчаются очень досадные промахи.

Брошюра В. П. несомнѣнно можетъ сослужить извѣстную службу въ Саратовѣ, гдѣ автора вѣроятно знаютъ; тамъ къ нему могутъ обратиться за разрѣшеніемъ многихъ недоумѣній и недоразумѣній, вызываемыхъ брошюрой. За предѣлами Саратова брошюра въ настоящемъ ея видѣ распространяться не должна. (*Д. „Правда“. 1913—61*).

Попутно авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя критическія замѣчанія и даетъ практическія указанія. Къ сожалѣнію, критическія замѣчанія автора

носятъ нѣсколько случайный характеръ. Но въ общемъ брошюрку можно рекомендовать для первоначальнаго ознакомленія съ закономъ. (*Г. Б. „Лучъ“. 1913—60*).

580. Поссе, В. 334

Вырожденіе и возрожденіе. Изд. ж. „Жизнь д. Вс.“ Спб. 1912. Ц. 60 к.

П.—одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ проповѣдниковъ возрожденія человѣчества черезъ кооперацію. Читая книгу П. нельзя не сочувствовать и защищаемому имъ дѣлу, и его благородному идеализму, который позволяетъ автору думать, что усилія людей могутъ внести и весьма существенныя поправки въ желѣзные законы исторической необходимости и развитія соціальныхъ аггрегатовъ. И вотъ въ первой половинѣ своей книги, съ своей точки зрѣнія, П. описываетъ вырожденіе современнаго намъ человѣчества,—не исключая и Россіи,—поскольку оно, т.-е. вырожденіе, выражается въ усиленіи пьянства, въ ростѣ проституціи, преступности, случаевъ сумасшествія и самоубійства. Не довольствуясь ролью лѣтописца, авторъ въ разныхъ стчаяхъ книги указываетъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ уничтожить зло, какъ бороться съ вырожденіемъ.

Для обоснованія своей мысли и для иллюстраціи отдѣльныхъ подробностей содержанія своей книги, авторъ пользуется самыми разнообразными источниками и въ томъ числѣ—художественной литературой, что не только оживляетъ книгу, но и дѣлаетъ ее интересной и увлекательной, независимо отъ интереса возбуждаемаго самой темой. Вторая часть книги заключаетъ въ себѣ описаніе возникновенія и развитія разнаго вида кооперативовъ. И здѣсь, кстати сказать, авторъ позволяетъ себѣ выпады противъ соціаль-демократовъ, обычные для публицистовъ либеральной буржуазіи. Прощая П. увлеченіе полемикой, мы рекомендуемъ книгу П. о кооперативахъ, потому что она даетъ элементарное знакомство съ кооперативнымъ движеніемъ нашего времени, выясняетъ его сущность и отдѣльные этапы, а попутно возбуждаетъ вопросы о строительствѣ жизни, притомъ нерѣдко—съ ссылками на Л. Н. Толстого. (*Н. П. „Вятск. Р.“ 1913—59*).

Есть книги, не претендующія на всеобщее вниманіе, но, имѣстѣ съ тѣмъ, заслуживающія этого вниманія болѣе, чѣмъ другія. Пусть въ нихъ говорится о томъ, что всѣмъ давно извѣстно, о чемъ уже писалось раньше, о чемъ будетъ еще много-много разъ писаться; цѣнность ихъ отъ этого не убавится. Дѣло не въ этомъ. Какъ написать, какъ сказать, вотъ что. главное. Какъ подойти къ извѣстному вопросу, чтобы незамѣтно для читателя заставить его внимательно прочитать книгу. П. въ своей небольшой книгѣ „Вырожденіе и возрожденіе“ нашелъ этотъ способъ, и онъ несложенъ: искренность и простота. То-есть тѣ качества, которыя, какъ мы сказали выше, дѣйствуютъ привлекающе и располагающе. Хорошая искренняя книга, и не даромъ посвящена она авторомъ —„свѣтлой памяти великаго печальника о русскомъ вырожденіи А. П. Чехову“. (*М. „Куб. Край“. 1913—6*).

Хвалебныя рѣчи кооперацій, громи справа и слѣва, заполняютъ все наше вниманіе, отвлекаютъ насъ порою отъ болѣе насущныхъ и живыхъ вопросовъ общественности...

Однимъ изъ самыхъ вредныхъ кооператоровъ является, безусловно, П. Вреденъ онъ потому, что во всемъ его кооперативномъ многословіи гораздо больше вздора, чѣмъ цѣннаго матеріала и притомъ вздоръ этотъ излагается обычно въ достаточно легкой для усвоенія формѣ, такъ что пріобрѣтаетъ для рядового читателя характеръ убѣдительности. Здѣсь—изобиліе ученыхъ цитатъ, статистическихъ свѣдѣній, горькихъ обвиненій. Все въ общемъ въ должной мѣрѣ благородно и прилично. Но вотъ въ чемъ бѣдно: П. упорно замалчиваетъ тотъ фактъ, что въ основѣ и проституціи, и самоубійствъ, и преступности, и пьянства лежатъ причины экономическаго свойства, что все это порождено нищетой и жестокостями классовой борьбы. По мнѣнію же П. „пьяная зараза шла отъ правящихъ классовъ“ (стр. 33), проституція—отъ душевной развинченности женщинъ (стр. 50), такъ-наз. „аффективныя“ преступленія порождаются пьянствомъ (стр. 75), а самоубійства и сумасшествія чаще всего происходятъ съ сифилитиками. Просто и ясно.

Есть и курьезы: паденіе Кіевской Руси отчасти объясняется пьянствомъ той эпохи (стр. 30); разительные успѣхи соціаль-демократіи въ Германіи стоятъ въ связи съ ея борьбой за трезвость (стр. 47); преступность въ Англіи увеличилась благодаря выступленіямъ суффражистокъ и революціонныимъ стачкамъ рабочихъ (стр. 75). Оригинальная историческая философія у П. и хороши его познанія по соціологіи нашихъ дней... Вся книга пропитана типичнымъ мѣщанствомъ, ловко загримированнымъ бѣлилами сомнительной учености. На рядового читателя она должна произвести сильное впечатлѣніе, ибо въ ней много цифръ, таблицъ, цитатъ и авторитетныхъ разсужденій. Но если мы внимательно приглядимся къ этой философіи внѣклассовой кооперація, къ пропагандѣ мирной постепеновщины, къ подчеркнутому недовѣрію къ русскому рабочему—тогда намъ станетъ ясно убожество и самого П., и тѣхъ маленькихъ литераторовъ, которые рабски подражаютъ ему въ своихъ звонкихъ статьяхъ, посвященныхъ безоглядному восхваленію нашего сомнительнаго „возрожденія“. (*Д.м. Илимскій. „Сиб. Вѣсти.“ 1913—73*).

Съ чисто внѣшней стороны подходитъ авторъ къ разрѣшенію широкихъ вопросовъ современности, со стороны строительства внѣшнихъ формъ жизни и самъ приводитъ страницу за страницей, факты, какъ эти формы разбивались и гибли. Несомнѣнно, этими опытами выковывается новаи, болѣе современная форма, но нельзя забывать содержанія. „Несостоятельность природы внутренней“—вскользь брошенныя авторомъ слова въ одномъ мѣстѣ книги. На эту несостоятельность и надо обращать вниманіе. Только при серьезной внутренней работѣ надъ собой, при ясномъ сознаніи, что я и міръ—одно, и вытекающей отсюда задачѣ—работы служенія міру, возможно въ самое строительство формы влить живое содержаніе единенія-любви, и тогда можетъ быть разрѣшеніе Л. Н. Толстымъ вопроса „Чѣмъ люди живы“ будетъ ближе подходить къ истинѣ. (*М. Ф. „Вѣст. Тсос.“ 1913—3*).

581. Пиленко, А., проф. 355(497.2)

Около Болгарской войны. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

На автора этихъ корреспонденцій нападали за „личный“ характеръ его путевыхъ замѣтокъ.

Между тѣмъ вся цѣнность сообщаемыхъ свѣдѣній именно и заключается въ этомъ якобы „личномъ" характерѣ дневника очевидца. Разсказъ П. о своихъ бѣдахъ и невзгодахъ,— вѣдь это свидѣтельское показаніе, человѣческій документъ, рисующій обстановку современной войны. Безхитростное повѣствованіе П. о своемъ „я" пріобрѣтаетъ такимъ образомъ огромное показательное значеніе. На собственномъ примѣрѣ онъ показалъ, что будетъ испытывать на войнѣ культурный воинъ. П. рисуетъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ общую обстановку войны, ея бытовыя условія, ея изнанку. Тяжела подчасъ эта изнанка, но побѣда остается за тѣмъ, кто силою своего духа твердо рѣшитъ ее побороть. (*И. Овчинникова.* „*Нов. Вр.*" *1913—13262*).

Читается книжка П. съ неослабѣвающимъ интересомъ, полна настоящей правды и, благодаря искренности, безхитростности и чувству горячей симпатіи къ возставшимъ за свою свободу, производитъ на читателя большое впечатлѣніе. (*М. А. С.* „*Истор. Вѣст.*" *1913 –3*).

Всѣ войны, по мнѣнію П., есть не что иное какъ цѣпь многихъ мукъ, мелкихъ лишеній, слагающихся въ великое, почти безконечное страданіе. Война есть страданіе во всѣхъ достижныхъ человѣческому воображенію формахъ. Геройство военныхъ есть геройство въ страданіи— прежде всего и необходимѣе всего. И поэтому описаніе войны авторъ сводитъ къ описанію страданій личныхъ и общихъ. И если вы не найдете въ книгѣ лѣтописи военныхъ дѣйствій, то ее замѣнитъ нѣчто болѣе существенное и цѣнное—это совокупность переживаній, настроеній, взрывовъ энтузіазма, которыми проникнуты и по сіе время всѣ славянскія войска. (*„Гол. М". 1913—98*).

Странная книга, и увы!—пока единственная объ этой единственной въ своемъ родѣ войнѣ. Будемъ надѣяться, что др. корреспонденты, несмотря на „единственнаго" П., тоже побывавшіе въ „пеклѣ войны", разскажутъ русскому читателю о томъ, чего не сумѣлъ видѣть и разсказать нововременскій профессоръ. (*М. Сл. „Вѣст. Евр." 1913—4*).

Книга издана превосходно и можетъ пригодиться для легкаго чтенія въ вагонахъ жел. дор., на вокзалахъ и т. п. Серьезнаго значенія, за немногими исключеніями, она представлять не можетъ, такъ какъ объективность и вдумчивость не принадлежатъ къ числу свойствъ нововременскаго военнаго корреспондента. (*І. Н. „Сарат. Вѣст." 1913—49*).

Профессоръ, общественный дѣятель, публицистъ—п, однако, какія колоссальныя убожество мысли и пошлость переживаній проявилъ П. въ своей книгѣ-дневникѣ. Я не говорю о томъ, что въ книгѣ П. нѣтъ собственно военныхъ впечатлѣній. Я согласенъ, что описаніе войны должно быть описаніемъ страданій общихъ и частныхъ, ибо въ нихъ и въ конечной безцѣльности ихъ и лежитъ ужасъ войны. Но выдѣлить на первый планъ свои личныя маленькія страданія, и даже не страданія, а просто лишенія, и почти не замѣтить „краснаго смѣха" войны, цинично смѣяться при всякомъ случаѣ, запоминать житейскія мелочи при самыхъ ужасающихъ фактахъ насилія и не обратить должнаго вниманія ни на проявленія героизма, ни на проявленія озвѣренія человѣчества,—все это нельзя оправдать увѣреніемъ въ своей правдивости. П. искрененъ, тѣмъ хуже для него, ибо, прочтя его книгу, по адресу автора каждый броситъ: „пошлякъ". (*М. К. „Сиб. Жизнь". 1913—45*).

Корреспонденціи П. съ театра войны уже обратили на себя всеобщее вниманіе. Оцѣнка ихъ была весьма единодушна: Хлестаковъ на войнѣ... Полтора мѣсяца пробылъ на войнѣ, видѣлъ все своими глазами... А попробуйте въ его книгѣ зачеркнуть мѣста, относящіяся къ его личнымъ переживаніямъ, и страницы, гдѣ онъ доказываетъ, что онъ ничего не знаетъ и не понимаетъ— въ книгѣ останется нѣсколько тощихъ страничекъ: описаніе нѣсколькихъ случаевъ подлинной беззавѣтной храбрости, подвиговъ, которыхъ не могъ не замѣтить даже П., и о которыхъ онъ разсказалъ какъ бы для того, чтобы яркимъ, рѣзущимъ контрастомъ подчеркнуть внутренній смыслъ своихъ воплей о простуженной мавушкѣ. П. утверждаетъ, что онъ какъ-то по особенному „понѣрилъ въ эту войну". А между тѣмъ, на всей книгѣ лежитъ печать душевной сухости, неповоротливости, неотзывчивости. Общему тону книги вполнѣ гармонируютъ даже разсказы о томъ, какъ П. остался лежать въ единственномъ, уцѣлѣвшемъ отъ деревни хлѣву и не пустилъ больныхъ солдатъ, какъ съ бою бралъ мѣста въ переполненномъ поѣздѣ, предназначенномъ для раненыхъ солдатъ—картины, воистину аллегорическія для „Нов. Времени"...

Въ этомъ и значеніе книги, что П. искренно, развязно, съ цинизмомъ выставляетъ на показъ то, что чувствуютъ многіе его соратники. Послѣ прочтенія книги трудно сомнѣваться. Нѣтъ, наши присяжные славянолюбы не понимаютъ, не сочувствуютъ славянамъ. И если о нихъ кричатъ,— значитъ на нихъ спекулируютъ. (*В. Станчъ. „День". 1913—26*).

582. Лозинскій, Е. 371

Новыя проблемы воспитанія. Томъ I. Спб. 1912. Стр. 287. Ц. 1 р. 75 к.

Вотъ уже лѣтъ восемь, какъ авторъ этой книги печатаетъ въ нашихъ лучшихъ педагогическихъ журналахъ (главнымъ образомъ, въ московскомъ „Вѣст. Восп.") статьи о воспитаніи. Отличительною особенностью этихъ статей всегда является возможно большая объективность, основанная на всестороннемъ изученіи всякаго затрагиваемаго вопроса. Можно было бы упрекнуть автора въ отсутствіи оригинальности, если бы въ вопросахъ воспитанія на первомъ планѣ не стояло нѣчто болѣе важное, чѣмъ оригинальность, а именно: гармоническое и совершенное развитіе воспитываемаго. Впрочемъ, у Л. имѣется и нѣкоторая оригинальная черта: его педагогическія статьи не узко-теоретичны и не просто практичны, а всегда носятъ и общественную окраску. Охотнѣе всего онъ цитируетъ тѣхъ авторовъ, которые подходятъ къ педагогикѣ съ соціальной точки зрѣнія, а если ему приходится имѣть дѣло съ теоріями, не принимающими въ расчетъ соціальнаго момента, то онъ необходимо восполняетъ этотъ недостатокъ отъ себя. Въ Л. чувствуется человѣкъ, переболѣвшій всѣми соціальными стремленіями и чаяніями начала нашего вѣка.

Затронутые авторомъ вопросы имѣютъ не временный, а довольно длительный интересъ. Въ статьѣ „Религіозное начало въ жизни и воспитаніи ребенка" авторъ дастъ „объективный и

разностороннiй матерiалъ", на основанiи котораго читатель можетъ себѣ составить то или иное мнѣнiе по данному вопросу. Здѣсь, очевидно, сказалось убѣжденiе автора, что „религiи—частное дѣло", но данный имъ объективный матерiалъ все-таки таковъ, что ведетъ къ религiозному воспитанiю. Слѣдующiя три статьи, трактующiя о нравственномъ воспитанiи, хороши тѣмъ, что, не вдаваясь въ метафизическiя тонкости, идутъ по слѣдамъ философа—наиболѣе серьезнаго и дѣльнаго изъ позитивистовъ—Гюйо. Но особливую цѣнность представляютъ двѣ статьи о половомъ воспитанiи дѣтей, о тѣхъ средствахъ, которыя надо примѣнять родителямъ, чтобы дѣти ихъ были въ половомъ отношенiи здоровы, и о тѣхъ методахъ, какiе слѣдуетъ употреблять при первомъ ознакомленiи дѣтей съ областью половой жизни. Эти статьи мы настойчиво рекомендуемъ вниманiю родителей и воспитателей. Хотя педагогическая литература въ наше время развивается и растетъ непрерывно, но можно думать, что еще добрый десятокъ лѣтъ эти статьи о сексуальномъ воспитанiи будутъ читаться съ несомнѣнною пользой помимо всякой другой литературы по данному вопросу. Повторяемъ, книга Л. не оригинальна, то-есть составлена на основанiи цѣлаго ряда другихъ книгъ, но это—книга въ высшей степени добросовѣстная и полезная, и всякiй интеллигентный читатель найдетъ въ ней много для себя цѣннаго. (*П. Книжникъ. „Рѣчь". 1913—48*).

Отдѣльному изданiю статей Л. нельзя не порадоваться. Перестраивающаяся жизнь такъ часто указываетъ на недостатки старыхъ пріемовъ воспитанiя, ставитъ такiе жгучiе вопросы, что невольно рождается интересъ къ работамъ мыслящихъ людей съ цѣлью поискать въ нихъ рѣшенiй наболѣвшихъ вопросовъ. Книга Л. и является любопытной попыткой стать посредникомъ между научными дѣятелями и обыкновенной читающей публикою, которая въ большинствѣ своемъ является родителями, т.-е. активными участниками семейнаго воспитанiя. (*Ал. Острогорскiй. „Педаг. Сборн." 1912—10*).

Интересная и содержательная книга Л. не всегда даетъ опредѣленные выводы, но зато даетъ обширный матерiалъ для самостоятельныхъ размышленiй по затронутымъ, безспорно, весьма важнымъ вопросамъ. (*Н. Б. „Нар. Образ." 1912—12*).

Всѣ статьи написанны на основанiи богатаго матерiала, внимательно изученнаго авторомъ и хорошо использованнаго. (*Сергѣевъ. „День". 1913—12*).

583. Сѣрополко, С. О. 371(08)

Внѣшкольное образованiе. Сборникъ статей. Изд. журн. „Педагогич. Листокъ". М. 1912. Стр. 128. Ц. 40 к.

Въ послѣднее время внѣшкольное образованiе, какъ планомѣрная дѣятельность для закрѣпленiя и продолженiя работы школы, заняло важное мѣсто въ числѣ задачъ текущей работы по народному образованiю. Правда, сдѣлано еще очень мало, но зато поставлено очень много на очередь, составлено немало проектовъ. Въ виду этого книга С. является весьма кстати: она будетъ полезна и для народнаго учителя, и для земскаго дѣятеля, и для всѣхъ, желающихъ вообще войти въ курсъ современныхъ основныхъ нуждъ внѣшкольнаго образованiя. Не давая непосредственныхъ практическихъ указанiй, сборникъ достаточно ясно и полно освѣщаетъ общее теченiе просвѣтительной работы и мысли въ разсматриваемой отрасли народнаго образованiя, указывая въ то же время подходящую литературу, необходимую для непосредственной работы. (*А. Обуховъ. „Рус. М." 1912—11*).

Нельзя не привѣтствовать появленiе въ свѣтъ настоящей книги, составленной изъ ряда интересныхъ статей по различнымъ вопросамъ внѣшкольнаго образованiя, въ сiе время помѣщенныя авторомъ — большимъ знатокомъ этого дѣла—въ педагогическихъ журналахъ. Книга содержитъ статьи: Внѣшкольное образованiе и народный учитель. Внѣшк. образ. на общеземскомъ съѣздѣ по нар. образ. Народныя библiот. въ Россiи. Принципъ общественности въ народно-библ. дѣлѣ. О подготовкѣ библiотечнаго персонала. Первый Всероссiйскiй съѣздъ по библ. дѣлу. Книжная торговля. Въ концѣ книги помѣщены въ приложенiи резолюцiи съѣзда по библ. дѣлу, по вопросамъ внѣшкольнаго образ., резолюцiи секцiи внѣшкольнаго образ., не разсмотрѣнныя общественнымъ съѣздомъ, и справочныя свѣдѣнiя (правила о книжныхъ складахъ, Народныхъ библ. и объ урокахъ и курсахъ для взрослыхъ). (*М—евъ. „Нед. Обозр." 1912—9*).

Авторъ хорошо сдѣлалъ, собравъ воедино свои статьи по вопросамъ внѣшкольнаго образованiя. (*„Народ. Уч." 1913—7*).

Сборникъ С. является крупнымъ вкладомъ въ педагогическую литературу, и всѣ, кто хочетъ помочь народу въ его стремленiи къ солнцу знанiя, нравственно обязаны внимательно проштудировать эту культурную книгу. Желаемъ сборнику С. самаго широкаго успѣха и распространенiя. Всякiй, желающiй притти на помощь народу въ дѣлѣ просвѣщенiя, найдетъ въ книгѣ С. дѣльныя и яркiя указанiя, какъ это сдѣлать. (*Ан. Доброхотовъ. „Оренб. Кр." 1913—92*).

584. Лозинскiй, Е. 371:179.3

Вегетарiанство и воспитанiе. Изд. „Посредника". Стр. 80. Ц. 25 к.

Мы совершенно согласны съ авторомъ разбираемой книги въ томъ, что „вегетаризмъ" не слѣдуетъ понимать какъ попросъ кулинарный и дiэтическiй, имѣющiй въ виду якобы одно улучшенiе пищеваренiя. Это вопросъ *педагогическiй по преимуществу*, включающiй, „вопросы этическаго содержанiя". Книжка Л. является чуть ли не первой попыткой, первымъ шагомъ въ этомъ направленiи. Несмотря на небольшiя размѣры работы, автору ея удалось затронуть много интересныхъ и важныхъ проблемъ педагогики. Разбирая вопросъ о физическомъ воспитанiи, авторъ разсматриваетъ проблему питанiя матери или кормилицы въ периодѣ кормленiя, питанiе ребенка, преимущества вегетарiанскаго режима и его вліянiе на физическое воспитанiе молодого поколѣнiя. Касаясь вопроса о духовномъ воспитанiи, Л., понимая подъ этимъ „воспитанiе въ ребенкѣ прежде всего обязанностей по отношенiю къ окружающему его міру и необходимости посвященiя своей жизни разъ избранному нравственному идеалу", говоритъ далѣе, что „для пробужденiя и укрѣпленiя въ немъ любви и преданности" къ „абсолютно-безкорыстному идеалу", являющимуся „истинно-нравственнымъ и истинно-цѣннымъ", „необходимо пробуждать и укрѣплять въ ребенкѣ состраданiе ко всему безвинно-стра-

дающему живому міру, въ томъ числѣ и къ животнымъ. Въ этомъ отношеніи вегетаріанство способно сыграть нѣкоторую положительную роль въ духовномъ развитіи ребенка".

Далѣе Л. затрагиваетъ проблему сексуальнаго воспитанія, воспитаніе нравственное вообще и много др. вопросовъ, способныхъ пробудить работу мысли въ этомъ направленіи. Спеціально педагогической части своей работы Л. предпосылаетъ краткій историческій очеркъ вегетаріанскаго ученія, останавливаясь подробно на взглядахъ Руссо, и разборъ главнѣйшихъ діэтическихъ теорій, приводя взгляды Молешота, Хейга и особенно Ламанна и др.

Трудно требовать отъ первой и столь небольшой работы въ области, почти что не разработанной, большаго, чѣмъ привлеченія интереса читающей публики къ данному вопросу и намѣченія хотя бы въ общихъ чертахъ тѣхъ перспективъ и горизонтовъ, которые обѣщаютъ раскрыться въ случаѣ болѣе подробнаго изслѣдованія. Л. это сдѣлалъ и мы убѣждены, что его работа возбудитъ живой интересъ и явится большимъ сюрпризомъ для всякаго, кто искренно интересуется проблемой воспитанія дѣтей. Книжка издана великолѣпно и безъ сомнѣнія получитъ широкое распространеніе. (*Ю. Иронъ. „Вѣст. Обозр." 1912—8-9*).

Л. написалъ очень хорошую брошюру. Горячо рекомендуемъ брошюру Л., очень краткую и богатую содержаніемъ. Она дѣйствительно достойна библіотеки всякаго воспитателя и вообще всякаго вдумчиваго читателя. (*И. Книжникъ. „Нов. Жур. д. Вс." 1912—11*).

Брошюра Л. отстаиваетъ необходимость безубійнаго питанія для нашего физическаго и духовнаго благополучія и даетъ объективный отчетъ о вегетаріанскомъ движеніи нашихъ дней. Къ сектантской сторонѣ вегетаріанства авторъ относится отрицательно, подчеркивая необходимость широкаго соціальнаго обоснованія. (*Сергѣевъ. „День". 1913—12*).

585. Фрей, В. 372

Сельскія гимназіи. Изложеніе и критика современной новой школы. Перев. съ нѣм. Изд газ. „Школа и Жизнь". 1912. Спб. Стр. 77. Ц. не обозн.

Вѣроятно, каждый учитель знаетъ, что такъ наз. новыя школы (д-ра Редди, Бедлэя—въ Англіи, Демолена—во Франціи, Литца—въ Германіи, Ферьера—въ Италіи и др.) борются за освобожденіе школы отъ пута рутины и схоластики, за свободу развитія ученика, за приближеніе обученія и воспитанія—съ одной стороны—къ интересамъ и потребностямъ развивающагося дѣтскаго организма, съ другой—къ условіямъ дѣйствительной жизни. Но *какъ* они организованы, чѣмъ отличаются отъ существующихъ, и заслуживаютъ ли подражанія—вотъ тѣ вопросы, на которыя пытается отвѣтить въ своей книгѣ Ф., знакомый съ новыми школами не только по сухимъ книжнымъ отчетамъ о нихъ, но и по личнымъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ во время работы въ этихъ школахъ. Давая краткую исторію этихъ школъ, авторъ ставитъ ихъ въ связь съ филантропами 18 вѣка и останавливается, главнымъ образомъ, на сельскихъ гимназіяхъ (въ Германіи) д-ра Литца.

Основные принципы организаціи новыхъ школъ, по мнѣнію автора, можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) школьная жизнь, служащая образованію характера, стремящаяся развить всѣ стороны дѣтской природы, жизнь и первъ которой составляетъ разносторонняя дѣятельность среди здоровой и красивой обстановки и, какъ непремѣнное условіе, въ сельской мѣстности; 2) преподаваніе, которое по учебному плану и по практическому выполненію соотвѣтствуетъ психологическимъ законамъ дѣтской природы; 3) ручной трудъ, который не только порождаетъ техническую ловкость, но служитъ также здоровому физическому развитію и духовной культурѣ, болѣе того—образуетъ основу и исходную точку послѣдней; 4) гигіена въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, въ занятіяхъ, уменьшеніе односторонней работы мозга, жизнь на воздухѣ. Заслуживаютъ ли новыя школы подражанія? По мнѣнію Ф., онѣ образуютъ исходный пунктъ побѣдоноснаго реформаторскаго движенія въ области педагогики.

Критикѣ новыхъ школъ посвящена вторая часть. Подчеркивая положительныя черты новыхъ школъ, Ф. проходитъ молчаніемъ мимо другихъ, которыя не позволяютъ считать эти школы дѣйствительнымъ рѣшеніемъ вопроса о новомъ воспитаніи. Ахиллесова пята новыхъ школъ это то, что онѣ не демократичны,—это школы для избранныхъ, для богатыхъ. Несомнѣнно, однако, что во многихъ отношеніяхъ новыя школы заслуживаютъ самаго широкаго вниманія и подражанія, если послѣднее, разумѣется, не ограничивается одной внѣшностью. Познакомившійся съ книгою Ф., читатель увидитъ, что нельзя считать *новой* ту школу, въ которой дѣти ходятъ въ англ. костюмахъ и подъ предлогомъ закаливанія простуживаются въ нетопленыхъ комнатахъ. Настоящей новой школой надо считать только ту, которая, порвавъ съ вѣковой рутиной, всѣмъ своимъ строемъ дѣйствительно обнаруживаетъ глубокое пониманіе природы ребенка и потребностей окружающей жизни, въ которой не только новая внѣшняя форма, но и живетъ новый духъ. (*Н. Румянцевъ. „Русск. Шк." 1913—2*).

Интеллектуальная цѣнность человѣка, съ т. з. руководителей сельскихъ гимназій, заключается не въ знаніяхъ, но въ его образѣ мыслей. Поэтому сельскія гимназіи опредѣляютъ свое преподаваніе, какъ „средство пробуждать въ питомцахъ работу міросозерцанія". Въ результатѣ своей оцѣнки авторъ приходитъ къ самымъ благопріятнымъ заключеніямъ о воспитательной и образовательной системѣ сельскихъ гимназій. (*Р. Г. „Вѣст. Восп." 1912—6*).

Свѣдѣнія, сообщаемыя Ф. и его разсужденія по основнымъ вопросамъ педагогики, нельзя не признать очень интересными и заслуживающими самаго широкаго распространенія. Къ сожалѣнію, русскій переводъ книги настолько неудовлетворителенъ, что можетъ отбить всякую охоту дочитать ее до конца. Очень небрежна и корректура. Цѣна книги—высока. (*Д. М. Б—скій. „Для Нар. Уч." 1912—20*).

586. [. . . . . 5(02)

„Естествознаніе въ школѣ". Подъ ред. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова. Сборникъ № 2. Ц. 80 к. Изд. „Образованіе". Спб. 1913 г.

Новые выпуски „Образованія" преслѣдуютъ тѣ же цѣли, что и предыдущіе—популяризацію новѣйшихъ методовъ преподаванія и ознакомле-

ніе съ новѣйшими предметами науки в методики наукъ. Второй сборникъ по естествознанію посвященъ вопросамъ преподаванія начальнаго природовѣдѣнія. Сборникъ разсматриваетъ общеметодическіе вопросы, связанные съ курсомъ неживой природы, и даетъ нѣкоторыя указанія къ опытно-наглядной постановкѣ начальнаго природовѣдѣнія. (*„Совр. Сл. 1913—1818*).

Статьи гг. Ягодовскаго и Ульянинскаго вводятъ читателя въ кругъ спорныхъ вопросовъ методики преподаванія и даютъ рядъ цѣнныхъ указаній относительно распредѣленія и формы изложенія учебнаго матеріала. Особое вниманіе удѣлено труднѣйшему отдѣлу курса—химическимъ явленіямъ. По мнѣнію авторовъ, учащимся необходимо сообщать только тѣ химическія свѣдѣнія, которыя пригодятся имъ для пониманія процессовъ, совершающихся въ живыхъ организмахъ. Но даже въ такомъ сокращенномъ видѣ химія едва ли доступна дѣтскому пониманію. Практическимъ занятіямъ посвящена очень интересная статья г. Райкова и отчасти г. Ускова, который описываетъ рядъ самодѣльныхъ приборовъ, легко изготовляемыхъ домашними средствами и одинаково пригодныхъ какъ для классныхъ демонстрацій, такъ и для веденія практическихъ занятій. Всѣ статьи написаны живо, съ пониманіемъ дѣла и могутъ дать рядъ полезныхъ указаній даже и для опытнаго педагога-практика. (*А. Н. „Бюлл. Харьк. О-ва Л. Пр.“ 1913—1*).

Статьи представляютъ много интереснаго матеріала, которымъ и можетъ воспользоваться въ своихъ искапіяхъ преподаватель. Сама противоположность точекъ зрѣнія обоихъ авторовъ представляетъ большой интересъ. Книга читается съ интересомъ, издана хорошо, снабжена необходимыми рисунками, не дорога, и мы ее горячо рекомендуемъ преподавателямъ естествознанія. (*В Граціановъ. „Природа“. 1913—3*).

587. Перельманъ, Я. 53(024.7)

Занимательная физика. 140 парадоксовъ, задачъ, опытовъ, замысловатыхъ вопросовъ и пр. Съ 160 рис. въ текстѣ. Спб. 1913. Изд. П. П. Сойкина. Стр. 212 Ц. 1 р.

Очень поучительная и занимательная книжка, въ самыхъ обыденныхъ и на первый взглядъ простыхъ вопросахъ и отвѣтахъ, знакомящая съ основными законами физики. Правда, собственно физическимъ опытамъ въ книжкѣ отведено второстепенное мѣсто, на первое же мѣсто выдвинуты занимательныя задачи, замысловатые вопросы и парадоксы изъ области начальной физики. Для большей занимательности приведены тутъ выдержки изъ произведеній Жюля Верна, Камилла Фламаріона, Э. Поэ и др., въ которыхъ названные авторы касаются тѣхъ или иныхъ вопросовъ физики.

Вся книга раздѣлена на XII главъ, посвященныхъ вопросамъ механики, свойствамъ жидкостей и газовъ, теплоты, свѣту и звуку. Читая настоящую книжку, написанную легкимъ слогомъ, многіе могутъ соединить пріятное съ полезнымъ.

Изъ опытовъ надо замѣтить, въ книжку помѣщены не только поучительные, но и занимательные, которые къ тому же могутъ быть выполнены при помощи предметовъ, находящихся у каждаго подъ рукой. Книга богато снабжена также иллюстраціями. Съ внѣшней стороны книжка издана прекрасно. (*„Нов. Вр. 1912—13355*).

Эту книгу слѣдовало бы рекомендовать въ качествѣ подарочной книги дѣтямъ младшаго возраста. Въ каникулярное время, въ часъ домашняго досуга, въ забавныхъ и остроумныхъ опытахъ, легко осуществимыхъ, они могутъ быстро ознакомиться съ главнѣйшими физическими явленіями. Тутъ есть статика и динамика, газы и жидкости, теплота и звукъ, свѣтъ и обманы зрѣнія. Нѣтъ только электричества. Конечно, здѣсь есть опыты всѣмъ извѣстные, которые описываются во всякой книгѣ по природовѣдѣнію. Но на ряду съ ними есть много совершенно оригинальнаго и неожиданнаго, такъ какъ большая часть фактовъ и явленій взяты изъ самыхъ разнообразныхъ областей природы и жизни. Описанные опыты могутъ быть легко продѣланы дома безъ всякихъ приборовъ. (*М. Новорусскій. „Рѣчь“. 1913—135*).

Приведенные въ книгѣ опыты очень интересны и, несомнѣнно, укрѣпятъ въ дѣтяхъ полученныя ими изъ учебниковъ физики свѣдѣнія. Очень удачно авторъ использовалъ матеріалъ по физикѣ изъ произведеній Жюля Верна, Камилла Фламаріона, Эдгара Поэ и др. (*„Рус. Молва“. 1913—152*).

588. Понтопаиданъ. 839.81—3

Счастливчикъ Перъ. Романъ. Перев. М. П. Благовѣщенской. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Спб. 1913. Въ 3-хъ томахъ, по 1 р.

Въ произведеніяхъ скандинавскихъ авторовъ читатели давно уже привыкли искать идейнаго, даже тенденціознаго элемента, разработки тѣхъ или другихъ общихъ вопросовъ. За послѣднее время появилось въ русскомъ переводѣ нѣсколько романовъ и пьесъ съ довольно яркою идейною окраской. Таковъ, напримѣръ, трехтомный романъ датскаго беллетриста П. „Счастливчикъ Перъ“, оконченный авторомъ еще 9 лѣтъ тому назадъ. Это — исторія сына пастора Седеніуса, который хочетъ оторваться отъ своей среды и ея міросозерцанія, войти въ жизнь, вступить въ борьбу, примѣнить къ дѣлу всѣ свои способности, но въ извѣстный моментъ, послѣ длиннаго ряда усилій, начинаетъ чувствовать, что его мечты не сбудутся и что старая закваска уже незамѣтно беретъ верхъ въ его душѣ. (*Ю. Веселовскій. „Рус. Вѣд.“ 1913—83*).

Трудно оторваться отъ этой книги въ тысячу слишкомъ страницъ, трудно указать лишнюю, ненужную черточку въ этой біографіи одной человѣческой души. „Счастливчикъ Перъ“—воистину счастливецъ. Б. Сильверсванъ въ весьма сомнительной цѣнности и надобности предисловіи, находитъ, что „иллюзіи его теряютъ крушевіе при столкновеніи съ жестокой дѣйствительностью“. Напротивъ: дѣйствительность отъ колыбели до могилы служитъ герою съ рабской покорностью, но онъ самъ каждый разъ отказывается отъ ея услугъ и подарковъ. Одно только ему не удается, при всей его способности къ компромиссу и житейской ловкости, и въ этомъ-то его высшее счастье: заглушить внутренній голосъ, который велитъ человѣку привести въ гармоническое цѣлое свое чувство, умъ и волю. Ему было послано свыше „великое, сказочное мужество — желать увидѣть себя во всей божественной наготѣ“. Онъ не дошелъ до конца, не побѣдилъ, но онъ палъ, какъ храбрый воинъ, въ этой борьбѣ, и его жизнь, со всѣми грѣхами и паденіями, получила божественное оправданіе и освѣтилась высокимъ

нравственнымъ смысломъ. Въ какую бы бездну онъ ни погружался, всегда взоры его невольно искали свѣта. Вотъ та старая, какъ міръ, и вѣчно новая тема, на которую великій датскій поэтъ написалъ свой романъ, такой трогательный, ясный, цѣломудренный. Архитектоника романа проста и величава, изумительна зоркость общественныхъ и психологическихъ наблюденій. Едва ли найдется пять-шесть произведеній, которыя такъ полно и проникновенно рисовали бы душу современной Европы. (*Н. Л.* „*Рѣчь*“. *1913—89*).

589. Лопе-де-Вега. 86—2

Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора. Ред. и критико-біографич. очеркъ М. В. Ватсонъ. Т. I. Книг-во „Просвѣщеніе“. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Двухъ величайшихъ испанскихъ драматурговъ, Лопе-де-Вега и Кальдерона, у насъ все еще не достаточно знаютъ, хотя уже довольно давно избранныя пьесы ихъ были переведены по-русски, какъ переведена была подъ ред. проф. П. Стороженко и обширная „Исторія испанской литературы“ Тикнора, заключающая въ себѣ между прочимъ и характеристики двухъ корифеевъ испанской драматической литературы. Предпринятое теперь въ Петербургѣ собраніе сочиненій испанскаго драматурга можно только привѣтствовать, такъ какъ оно, по всей вѣроятности, познакомитъ нашу читающую публику съ большимъ количествомъ пьесъ Л.-де-В., чѣмъ то, которое доступно было ей раньше. Изъ 470 драматическихъ произведеній „испанскаго Шекспира“, дошедшихъ до нашего времени (всего же было имъ написано, по преданію, 1,500 драмъ: цифра поистинѣ колоссальная, даже мало вѣроятная), можно, конечно, сдѣлать извѣстную выборку, предложивъ русскому читателю лучшія, истинно-художественныя произведенія. На первый разъ перепечатаны, мѣстами съ большими измѣненіями принадлежащіе С. А. Юрьеву переводы драмъ „Наказаніе — не мщеніе“ и „Фуенте-Овехуна“. Книгѣ предпосланъ составленный г-жей Ватсонъ не особенно большой, но содержательный біографическій очеркъ Л.-де-В., а передъ каждой пьесой помѣщенъ вступительный этюдъ переводчика, заключающій въ себѣ общій разборъ содержанія драмы и характеристику главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Къ первому тому собранія сочиненій испанскаго автора приложенъ портретъ его — снимокъ съ портрета работы художника Луиса Тристана, находящагося въ петербургскомъ Эрмитажѣ. Въ общемъ изданіе производитъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. (*Ю. Веселовскій*. „*Рус. Вѣд.*“ *1913—77*).

Мысль дать собраніе сочиненій испанскаго классика нельзя не одобрить. Біографическій очеркъ составленъ М. В. Ватсонъ слишкомъ бѣгло, а указанія на литературу слѣдовало бы пополнить спискомъ русскихъ работъ по Л.-де-В. Цѣна за книгу, заключающую только перепечатку, безмѣрно высока. (*„День“. 1913—62*).

Очеркъ Ватсонъ суммируетъ новѣйшую освѣдомленность о жизни Л.-де-В. съ достаточной полнотой и стройностью. Вопросъ о критической оцѣнкѣ его формальныхъ, историческихъ, и бытовыхъ и психологическихъ особенностей оставленъ безъ разрѣшенія. Между тѣмъ многое уже сдѣлано у насъ въ этой области и дѣлается и нынѣ (я разумѣю въ особенности диссертацію проф. Д. К. Петрова). Переводъ С. А. Юрьева часто далекъ отъ оригинала. Во всякомъ случаѣ текстъ Ю. удобопонятенъ и не лишенъ оживленія. Въ общемъ — это цѣнное пріобрѣтеніе нашей переводной литературы. (*А. Левинсонъ*. „*Совр. М.*“ *1912—12*).

Вся работа выполнена какъ нельзя болѣе удачно. Г-жа В. даетъ въ своемъ скромномъ, но обстоятельномъ біографическомъ очеркѣ, все существенно необходимое для правильнаго пониманія условій, въ которыхъ могла зародиться народная драма въ Испаніи, именно въ лицѣ Л.-де-В. Будемъ надѣяться, что предпринятое изданіе не остановится на первомъ томѣ и мы обогатимся недостающимъ намъ собраніемъ произведеній поистинѣ геніальнаго драматурга. (*М. Ковалевскій*. „*Вѣстн. Евр.*“ *1913—3*).

590. Мартини, Э. 82(09)

Исторія римской литературы. Пособіе для студентовъ-филологовъ и преподавателей латинскаго языка. Перев. и дополн. Т. Тюлеліева. Ч. I. Литература республики. Спб. 1912. Изд. М. О. Вольфъ. Стр. 417. Ц. 2 р. 50 к.

Въ книгѣ, кромѣ введенія, 14 главъ. Введеніе даетъ понятіе о предметѣ и задачахъ исторіи римской литературы о семьѣ италійскихъ діалектовъ и о латинскомъ языкѣ, который характеризуется, какъ однородный въ своемъ строеніи, развившійся на основѣ унаслѣдованнаго лексическаго богатства и впитавшій въ себя всѣ чуждые элементы, не разстроивъ собственныхъ органовъ. Указаніемъ періодовъ исторіи рамской литературы и важнѣйшихъ трудовъ по этой исторіи оканчивается введеніе, и далѣе идетъ изложеніе самой исторіи по періодамъ: I) эпоха древнѣйшихъ, до-литературныхъ памятниковъ языка, до 240 г. до Р. Х.; 2) архаическая эпоха римской художественной литературы отъ Ливія Андроника до выступленія Цицерона (240—81 гг. до Р. Х.); Золотой вѣкъ отъ выступленія Цицерона до смерти Августа (81 г. до Р. Х.—14 г. по Р. Х.). Ознакомленію читателя съ первой эпохой отведено двѣ главы, второй—5 главъ, и третьему періоду (характеристикѣ Золотого вѣка, прозы въ вѣкъ Цицерона, ученой литературы эпохи Цицерона, исторической литературы и поэзіи времени Цицерона)—7 главъ. Самая большая глава въ книгѣ — X-я — посвящена обзору жизни Цицерона, его переписки и политической карьеры и характеристикѣ его рѣчей, риторическихъ, философскихъ и другихъ сочиненій.

Книга даетъ mon multa, sed multum: въ сжатомъ, но очень удачномъ, сгущенномъ, такъ сказать, изложеніи характеризуетъ рядъ эпохъ въ исторіи римской литературы, съ описаніемъ всѣхъ видовъ поэзіи и прозы, а также и творчества отдѣльныхъ писателей. (*Н. П.* „*Вятск. Р.*“ *1912—236*).

Трудъ проф. М., представляющій переработку извѣстной, но устарѣвшей книги проф. Макса Целлера, „Очеркъ исторіи римской литературы“, во всякомъ случаѣ, представляетъ большой вкладъ въ слишкомъ бѣдную литературу предмета на русскомъ языкѣ, почему нельзя не выразить глубокой благодарности переводчику и издателю. (*А. Л.* „*Россія.*“ *1912—2096*).

Книга М. не только удовлетворяетъ своему главному назначенію, но и представляетъ зна-

чительный интересъ для прямыхъ спеціалистовъ по римской литературѣ. При выдающемся знаніи текста литературныхъ памятниковъ и обширной начитанности въ огромной разноязычной ученой литературѣ, имъ посвященной, авторъ вполнѣ владѣетъ такими областями знанія, безъ которыхъ трудно обходиться современному историку литературы: мы разумѣемъ, напр., философію, общую исторію и право; и если характеристики отдѣльныхъ писателей и произведеній покажутся не всегда достаточно яркими, то, съ другой стороны, общіе руководящіе культурные очерки заслуживаютъ похвалы за свою обстоятельность и даже мѣткость. (*М. М. Покровскій.* „*Гол. Мин.*“ *1913—4*).

Слѣдуетъ признать весьма удачной мысль перевести на русскій языкъ компедіумъ лейпцигскаго проф. М., гдѣ мы находимъ и яркую краткость и доступность по цѣнѣ. Переводъ въ общемъ и цѣломъ исполненъ удовлетворительно. (*И. Холодняк.* „*Изв. по Нар. Обр.*“ *1913—3*).

Обыкновенный читатель, не спеціалистъ-филологъ врядъ ли будетъ имѣть терпѣніе одолѣть всю книгу подъ рядъ; для послѣдовательнаго чтенія сочиненіе М. не годится. Оно и черезчуръ сухо для этого, и переполнено такими подробностями, которыя широкой публикѣ покажутся прямо излишними. Но авторъ прекрасно выполнилъ свою скромную задачу—дать надежный учебникъ избраннаго имъ предмета. Переводъ вполнѣ добросовѣстенъ. Русскій текстъ своею цѣною провоцируетъ стоимость оригинала, потому что т-во Вольфъ сочло нужнымъ прибавить къ книгѣ рядъ рисунковъ, многіе изъ которыхъ еще не появлялись въ русскихъ изданіяхъ. (*А. Малеинъ.* „*Вѣст. Евр.*“ *1913—1*).

Въ русской литературѣ въ хорошихъ переводахъ—вопіющая нужда. Сжатое руководство по исторіи римской литературы является очень кстати. Главное достоинство книги—библіографія. (*С. Шамбинаго.* „*Рус. М.*“ *1913—2*).

591. Журинъ, А. 891.7—1

Вѣчныя мгновенья. Стихи. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Стихи Ж. невольно хочется выдѣлить изъ потока стихотворній молодыхъ поэтовъ—этихъ, большею частью, просто хорошихъ „русскихъ мальчиковъ“, поющихъ о веснѣ, о первой встрѣчѣ, о первой любви и т. д., и стихи которыхъ важны и цѣнны, можетъ быть, только для нихъ самихъ. Ж. не просто говоритъ хочется; у него есть что сказать. И то, немногое пока, что сказано въ его стихахъ, далеко выходитъ изъ предѣловъ индивидуальной цѣнности.

И если въ его стихахъ сказывается неизбѣжное подражаніе русскимъ поэтамъ, то это не простое подражаніе, а вдумчивая преемственность, душевное родство, и потому оно идетъ и не отъ Бальмонта, и не отъ Блока, а отъ первоисточника русской поэзіи,—отъ Пушкина. Въ стихахъ Ж. цѣнна не только ихъ своеобразная музыка,—въ нихъ много интересныхъ и глубокихъ мыслей о „неповторяемости души“, объ откровеніи въ „сочетаньи словъ“.

— А мысль несказанная—мука!
Пусть слово насъ обманетъ... Что-жъ?—
Намъ правду скажетъ прелесть звука.
Въ удачномъ сочетаньи словъ,
Въ созвучной музыкѣ стиховъ
Всегда невольно и случайно
Есть неразгаданная тайна.

Среди стиховъ этого томика особенно хороши: „Морскія волны“, „Діалогъ“, „Пѣсни“ и „Поэтъ любимый“. (*С. К.* „*Гол. М.*“ *1913—22*).

Нѣсколько интересны стихи Ж. И лексиконъ обширнѣй, и стихъ гибче, разнообразнѣй, и богаче размѣры. И все-таки та же специфическая болѣзнь, постигшая лириковъ: блѣдная немочь. Мало умѣть, *какъ* сказать, надо имѣть *что* сказать. Надо ли безъ конца повторять, что нѣто и перепѣто другими, притомъ въ переживаніяхъ рядовыхъ, въ мыслихъ и образахъ самыхъ общихъ. Ахъ, не увѣряйте, что предѣлъ лирики замкнутъ поневолѣ, что главнѣйшія переживанія—общій удѣлъ всѣхъ. Пронзите это общее своей остротой, и оно станетъ новымъ, какъ новы у любящаго старыя, точно міръ, слова любви. Въ стихахъ Ж. нѣтъ остроты, они прѣсны по преимуществу. Впрочемъ, если бы книгу сократить на половину, она бы очень выиграла. Отдѣльныя вещи хочется перечесть. Прямо хорошо стихотвореніе „Родныя божества“. Недурно посвященіе стихотворцу Е. Янтарену, гдѣ сей послѣдній живописно сравненъ съ дѣвой, плачущей на рѣкахъ Вавилонскихъ. (*С. Кречетовъ.* „*У. Рос.*“ *1913—51*).

„Вѣчныя мгновенія“ Ал. Ж. имѣютъ нѣкоторый благообразный. Рѣчь большей частью опрятна, попадается удачный эпитетъ, разумный образъ; есть даже хорошія строки, но все это тонетъ въ сѣрой массѣ стиха. Напрасно Ал. Ж. перенимаетъ у Бальмонта внѣшнюю струистость рѣчи, напрасно старается заимствовать у Пушкина мудрую структуру стиха: въ стихѣ нѣтъ внутренняго движенія,—и звукъ его пустъ. (*А. Полянинъ.* „*Рус. Молва*“. *1913—68*).

Большая, изящно изданная книга. Когда берешь ее въ руки, то ненольно думаешь: вотъ это, вѣроятно, хорошіе стихи, — и торопишься ознакомиться съ ними. Но скучно читать ихъ. (*А. У.* „*Нижег. Л.*“ *1913—61*).

592. Шершеневичъ, В. 891.7—1

Carmina. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Если угодно, авторъ не лишенъ даронаній. Только за цѣлымъ потокомъ его холодноватыхъ и утонченныхъ лирическихъ раздумій не чудится подлинныхъ переживаній, безъ которыхъ лирика есть кимвалъ брящущій, а видится голонная, отчасти книжная, искусственная, порой нескусная надуманность. Все ли въ томъ, что стихи сдѣланы технически неплохо, когда у нихъ нѣтъ души, нѣтъ того пламенѣющаго ядра, которое зажигало бы изнутри мертвыя красивыя формы. Слабъ въ книгѣ отдѣлъ „Клавесина звуки“ съ маркизами, пастушками, арлекинами и Коломбинами, которыхъ почитаютъ обязательнымъ воспѣвать по долгу службы современные молодые стихотворцы. При этомъ авторъ обнаруживаетъ малое знакомство съ внѣшними деталями изображаемаго имъ стиля и нечуткость къ самому его духу. Всего слабѣе отдѣлъ „Пѣтушки на воротахъ“, стихи въ псевдонародномъ духѣ. Этого родастихи Ш. питетъ, какъ молодой иностранецъ, видѣвшій народъ только проѣздомъ на станціяхъ, да на оперной сценѣ. (*С. Кречетовъ.* „*У. Рос.*“ *1913 — 97*).

„Carmina“ Ш., пріятно изданныя и украшенныя достаточно острымъ карандашемъ Л. Зака,

еще завѣдомо подражательна. Симпатична и интересна смѣна иллюзій: изъ плѣна ритмики и образовъ А. Блока молодой поэтъ спасается подъ „созвѣздье буквъ": „à Counillefl". („Рѣчь". *1913—18*).

Книга Ш. по нутру своему пріятна. Правда, авторъ пока не самостоятеленъ, но онъ, кажется, и не хочетъ скрывать этого передъ читателемъ... Невзрывными кажутся намъ въ книгѣ рисунки Л. Зака, хотя сами по себѣ они не плохи. Книга издана любовно и хорошо. (*И. С.* „*Путь*". *1913—3*).

Выступленіе молодого поэта должно привѣтствовать. У него много любви къ стиху и проявляется настоящее, несмотря на досадные срывы, дарованіе. („*День*". *1913—119*).

Для критика всегда большая радость встрѣтиться съ новой поэтической индивидуальностью. Къ сожалѣнію, именно этой радости Ш. никому не доставитъ. Если вернуть изъ его книги каждому современному поэту то, что у него заимствовано,—отъ самого автора не останется ничего, кромѣ усидчивости и аккуратности, — качествъ весьма похвальныхъ, но не дѣлающихъ поэтомъ того, кто обладаетъ только ими... У Ш. есть умѣнье писать стихи, но писать ему не о чемъ. (*В. Х*—чъ. „*Гол. М*". *1913—55*).

593. Милицына, Е. 891.7—3
Сазсказы. Т. III. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Безъ фальши и сантиментальности, безъ риторики и романтическихъ преувеличеній, съ теплымъ человѣческимъ сочувствіемъ, просто, жизненно, поэтически убѣдительно и поэтически красиво, мѣстами—сильно и широко, изображаетъ М. нѣкоторые эпизоды, картины и сцены изъ достопамятной эпохи „освободительнаго движенія", великой разрухи, великаго потрясенія русской жизни. Фонъ ея картины—преимущественно деревня, и крестьянская душа (особенно душа „освободительно" настроеннаго крестьянина)—родникъ ея наблюденій и художественныхъ воплощеній. Такъ, въ разсказѣ „Ожиданія" съ поэтической чуткостью, съ психологической правдой переданы жуткія предчувствія подготовляющагося разгрома помѣщичьей усадьбы—въ настроеніи крестьянской массы и помѣщичьей семьи. Красочно изображенъ и самый этотъ разгромъ съ его слѣдствіями—растерянностью и приниженностью очнувшейся, какъ отъ кошмара, крестьянской массы. Достигаетъ мѣстами большой силы разсказъ „Въ ожиданіи приговора", въ которомъ изображ. судъ надъ крестьянскимъ революціоннымъ „братствомъ". Въ изображеніи всей обстановки суда, судей, стражниковъ, свидѣтелей, подсудимыхъ, „смертниковъ", ихъ отцовъ, матерей и женъ, напряженно взволнованныхъ скорбно-жуткимъ ожиданіемъ смертнаго приговора надъ ихъ близкими, чувствуется нѣкоторый отблескъ той простой и странной художественной правды, которую во всей ея силѣ и глубинѣ можно встрѣтить у Толстого въ „Воскресеніи" и у Л. Андреева въ „Разск. о семи повѣшенныхъ". Интереснѣ очеркъ „Въ сборной", какъ художественное отраженіе тѣхъ тяжелыхъ настроеній и ожесточенныхъ отношеній, которыя порождены въ деревнѣ Столыпинскимъ „землеустройствомъ". Быть можетъ, лучшій въ худож.-поэтическомъ отношеніи, если не самый яркій, то самый красивый разсказъ „Призраки". Женскій монастырь, его придушенный, полуфантастическій бытъ, его мистицизмомъ и ханжествомъ изуродованная душа, его тѣни-монахини и рабыни-послушницы изображены штрихами скорѣе импрессіонистскими, чѣмъ реалистическими, но это и придаетъ разсказу особое очарованіе, мрачное озареніе той „Страшной сказки", которую писательница, кажется, вообще склонна видѣть въ жизни (или, покрайней мѣрѣ, изображать жизнь, какъ „Страшную сказку").

Въ общемъ въ этой кн. М. чувствуется „правда и поэзія" жизни,—поэтическая правда и правдивая поэзія,—и лишь иногда, какъ особенно въ очеркѣ „Ночь" (бесѣда послѣ погрома евреи и еврейки), подлинныя переживанія человѣческой души замѣняются абстрактно-поэтическими, даже риторическими, настроеніями. („*Вѣст. Зк.*" *1913—4*).

Языкъ М. очень богатъ,—даже, можно сказать, черечуръ,—простонародными выраженіями, прибаутками, пословицами. Видимо, авторъ хорошо знакомъ съ русской деревней, но лиризмъ, болѣе свойственный ему, ослабляетъ впечатлѣніе у читателя, когда авторъ береть такіе трагическіе моменты, для которыхъ необходимы пафосъ и болѣе яркая художественная изобразительность. Объективное отношеніе писательницы къ деревнѣ, отсутствіе тенденціозности являются большимъ достоинствомъ книги, особенно въ настоящее время, когда такъ „модно" ругать деревню. (*А.—скій.* „*Завѣты*". *1913—2*).

М.—писательница, получившая отъ академіи наукъ Пушкинскую премію и почетный отзывъ о своихъ произведеніяхъ... Особенно сильное, потрясающее впечатлѣніе производитъ разсказъ „Въ ожиданіи приговора", въ большей части посвященный мукамъ материнскаго сердца, страданіямъ матери-крестьянки, пришедшей на послѣднее свиданіе съ сыномъ своимъ, осужд. на смертную казнь. (*А. М.* „*Нар Журн.*" *1913—13*).

Никакой тенденціозности въ разсказахъ М. нѣтъ, а есть простая неприкрашенная правда жизни, которая для многихъ непріятна. (*Л. Козловскій.* „*Рус Вѣд.*" *1913—71*).

Книга эта вся занята одной „страшной сказкой"—о народѣ страдающемъ. Страдающемъ теперь, какъ страдалъ прежде—какъ всегда страдалъ. Реальная тема: страданія мужика-бѣдняка; что можетъ быть реальнѣе и—уже этой темы? Но М. очень своеобразно подходитъ къ этой темѣ,—ведетъ свой разсказъ въ полной образовъ формѣ сказки. Въ этой формѣ реальное содержаніе углубляется, расширяется. (*Клодъ Л. „Сарат. Вѣст."* *1912—274*).

Разсказы М.—очень докучливая книга. Трудно выдержать ва всемъ ея трехсотстраничномъ пробѣгѣ все тѣ же, все тѣ же избитые ухабы. Что можетъ быть несноснѣй недорогихъ либеральныхъ узоровъ, расшиваемыхъ на беллетристической канвѣ кропотливыми дамскими ручками? Ахъ! Возмутительны казни, экзекуціи, разстрѣлы, погромы и всякіе специфическіе кошмары русской жизни! И каждое сердце, у кого оно есть, не можетъ не содрагаться въ отвѣтъ на нихъ болью и гнѣвомъ. Но такова магическая сила дамскаго пера, что даже ужасы эти, даже безуміе, кровь и огонь на страницахъ этой книги становятся не страшными, не ранящими душу, а сѣрыми, скучными и бѣдными. И „хорошія мысли" автора случать, какъ капли осенняго дождя, по кры-

мѣ читательскаго вниманія. Языкъ разсказовъ неинтересный, незначительный, съ красками использованными и множествомъ словесныхъ трафаретовъ. (*С. Кречетовъ. „У. Рос.“ 1913.—22*).

594. Яблоновскій, А. 891.7 — 3.

Родныя картинки. Т. Ш. М. 1913 Ц. 1 р. 25 к.

Переживаемое нами время, конечно, не изъ тѣхъ, надъ которыми историкъ можетъ останавливаться съ отраднымъ и пріятнымъ чувствомъ. Время темное, съ атмосферой отравленной всевозможными болотными испареніями, но и время сложное, съ поучительными исканіями и мучительными жизненными недоразумѣніями. Блестящій и вдумчивый фельетонистъ, изо-дня въ день отзывающійся на всѣ, болѣе или менѣе значительныя перипетіи современной общественной неурядицы, является своего рода лѣтописцемъ, и въ этомъ смыслѣ нельзя не привѣтствовать самой мысли собранія и изданія отдѣльной книгой такихъ откликовъ современности. Я. выпускаетъ уже третій томъ своихъ статей, и когда ихъ читаешь въ книгѣ, одну за другой, „букетъ“ современности бьетъ въ носъ особенно сильно. Характерны самыя рубрики, по которымъ авторъ распредѣлилъ свои статьи: „Бѣлые монахи“, „Попечители, родители, учителя“, „Гг. дипломаты“, „Громкія репутаціи“, „Сказки Ѳемиды“, „Продова литература“... Да, все это звучитъ дѣйствительно современно, все это говоритъ воистину о „родныхъ“ герояхъ и ихъ подвигахъ. О качествахъ литературнаго жанра г. Я. и достоинствахъ его статей едва ли нужно говорить: наши читатели, конечно, сами давно оцѣнили ихъ. (*„Собр. Сл.“ 1913—1885*).

За послѣдніе годы на литературномъ рынкѣ довольно ярко опредѣлился новый родъ литературы. Въ то время, какъ чисто художественная литература, такъ называемая беллетристика, все болѣе и болѣе идетъ на убыль, падаетъ количественно и качественно, въ ежедневной прессѣ выработалась и пріобрѣла права гражданства новая литературная форма — общественный фельетонъ. Подчиняясь духу времени и спросу, художники снова, несомнѣнно, перекочевываютъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ въ ежедневную газету, и чистое искусство приносятъ въ жертву „злобѣ дня“. Такова книжка Я. Это сборникъ блестящихъ фельетоновъ, иногда изящныхъ, иногда, напротивъ, нѣсколько грубоватыхъ, по сокрушительно сильныхъ своимъ искреннимъ негодованіемъ. Я. — это большой талантъ и мастеръ стиля. Въ немъ мало, — можетъ быть, и вовсе нѣтъ, юмора. Его смѣхъ это дьявольскій хохотъ, безпощадное глумленіе. Врагу не пожелаетъ попасть подъ его рапиру: она не царапается, а бьетъ больно, жестоко, безпощадно. (*В. Ф. „Утро“. 1913—1963*).

Я.—одинъ изъ самыхъ остроумныхъ современныхъ русскихъ фельетонистовъ-публицистовъ. Его „Родныя картинки“ — своего рода лѣтопись русской жизни, въ ея уродливыхъ или смѣшныхъ проявленіяхъ, написанная острымъ выдержанымъ перомъ. (*„Сарат. Вѣст.“ 1913—99*).

Имѣетъ ли смыслъ издавать отдѣльной книгой злободневные фельетоны? Въ литературныхъ замѣткахъ повторяются общія мѣста, а въ „сказкахъ Ѳемиды“, факты вчерашняго дня, поблекшіе и угасшіе. (*„Рус. Молва“. 1913—119*).

595. Булганова, Е. 891.7 — 3 : 9.

Марина Мнишекъ или отъ царскаго дворца до мрачнаго подземелья. Историч. повѣсть для юношества изъ эпохи Смутнаго времени. Съ иллюстр. худ. Кудрюмова. Изд. „Задруга“ М. 1913. Стр. 212. Ц. 1 р. 50 к.

Въ произведеніи Б. судьба М. Мнишекъ прослѣжена отъ времени ея обрученія съ Лжедмитріемъ I до смерти въ московской тюрьмѣ. Авторъ тщательно описываетъ окружающую Мнишекъ среду польской аристократіи и приближенныхъ Лжедмитрія. Особенно можно поставить автору въ заслугу живое и правдоподобное изображеніе жизни въ Тушинскомъ таборѣ. Повѣсть освѣщаетъ правдоподобно и интересно запутанныя событія Смутнаго времени, что даетъ легкій и надежный способъ зафиксировать ихъ въ памяти юныхъ читателей. Конечно, авторъ далеко не исчерпалъ богатый историческій матеріалъ, представляемый событіями Смутнаго времени. Такъ, политическая сторона событій едва намѣчена. Книга заслуживаетъ быть одобренной для средняго и старшаго возраста. Что портитъ ее — это рисунки. (*„Нов. Дѣтск. Лит.“ 1913—6*).

Болѣе или менѣе умѣлыми беллетристическими пріемами Б. оживляетъ довольно подчасъ мертвенную *прозу* историческихъ учебниковъ и источниковъ. И еще должно отмѣтить, что авторъ печется объ *объективности* своихъ представленій. Но въ своихъ воплощеніяхъ лицъ и событій и Б. не выдѣляется изъ ряда многихъ, историческихъ романистовъ, которые уже читаются юношествомъ. Поверхностна беллетристическая психологія и соціологія повѣстя. (*А. Налимовъ. „Рус. Шк. 1913—2*).

Новое издательство „Задруга“ дебютируетъ интересной и содержательной исторической повѣстью Б. изъ эпохи Смутнаго времени — Марина Мнишекъ; книгу можно рекомендовать подросткамъ 13—15 л. (*Н. А. Скворцовъ. „У. Рос.“. 1913—80*).

Характеръ названія повѣсти выдержанъ и въ текстѣ. Это — знакомый историческій лубокъ съ эффектами, какой вызываютъ въ умѣ историческія представленія для народа, съ изобиліемъ крови и бенгальскаго огня. Заурядная повѣсть разнообразится иллюстраціями Кудрюмова. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл.“ 1913—39*).

596. Кузьминскій, К. 891.81—8.

Болгарскій сборникъ. Очеркъ развитія новой болгарской литературы. Народныя пѣсни. Стихотворенія. Повѣсти. Разсказы. М. 1913. Кн-во „Звѣзда“, Орфенова Ц. 1 р.

Во вступительномъ этюдѣ къ сборнику отмѣчаются культурныя завоеванія болгарскаго народа, сдѣланныя въ короткій сравнительно періодъ и свидѣтельствующія о воспріимчивости, жизнеспособности и энергіи болгаръ. „Однимъ изъ наиболѣе разительныхъ примѣровъ, показывающихъ, что болгары успѣли за 30 лѣтъ свободной жизни стать народомъ вполнѣ европейскомъ, можетъ служить ихъ литература, которая по своей красотѣ и оригинальности выдается въ настоящее время среди литературъ другихъ славянскихъ народностей“. Познакомить съ этою литературой и ея теченіями и является тою задачей, которую поставилъ себѣ редакторъ настоящаго сборника, гдѣ однако обзоръ начатъ съ болѣе

ранняго періода, предшествовавшаго политическому освобожденію страны. Въ чисто художественномъ отношеніи далеко не всѣ произведенія, помѣщенныя въ сборникѣ, могутъ представить интересъ, но почти всѣ они любопытны какъ отраженія народной жизни и тѣхъ идей, которыя воодушевляли наиболѣе отзывчивую часть общества. Нужно ли говорить, что вплоть до освобожденія Болгаріи преобладали въ ея литературѣ ноты патріотической скорби, воспоминанія о давно утраченной свободѣ, горячіе призывы къ обновленію и борьбѣ за свѣтлое будущее? Эти мотивы явились своего рода традиціей, перешедшей къ новой болгарской словесности отъ народной поэзіи, образчики которой помѣщены въ томъ же сборникѣ: болгарскія народныя пѣсни, по сюжетамъ своимъ вообще весьма трагичныя, полныя потрясающихъ деталей, даже когда онѣ не касаются положенія страны, отразили въ себѣ участь народа въ пору турецкаго владычества. Болгарскіе поэты и беллетристы, продолжая то, что было начато народными пѣвцами, отвели въ своемъ творчествѣ видное мѣсто картинамъ бѣдствій родины и отголоскамъ постепеннаго роста національнаго самосознанія. Въ новѣйшее время въ болгарскую литературу, естественно, должны были проникнуть иные мотивы въ виду измѣнившихся политическихъ условій и отсутствія необходимости дѣлать долѣе литературныя произведенія орудіемъ національной борьбы: и дѣйствительно, въ сборникѣ мы находимъ между прочимъ нѣкоторыя произведенія, лишенныя ярко выраженной національной окраски и тенденціознаго элемента. Въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ болгарскихъ писателей видное мѣсто занимаетъ чисто-бытовая сторона, безспорно интересная, въ частности для русской читающей публики. Въ „Болгарскомъ сборникѣ“ представлены такіе авторы, какъ Петко и Пенчо Словейковы, Чинтуловъ, Левъ Каравеловъ, Ботевъ, Яворовъ, Константиновъ, Арнаудовъ, Тодоровъ и др. Къ числу наиболѣе яркихъ прозаическихъ произведеній, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, принадлежатъ: разсказъ талантливаго Вазова, знакомаго и раньше русскимъ читателямъ: „Дѣдъ Іоцо смотритъ“ и юмористическій очеркъ А. Константинова „Бай Ганю“, герой котораго олицетворяетъ всѣ отрицательныя стороны полуобразованнаго болгарина, попавшаго въ европейскую среду. Сборнику предпосланъ вступительный этюдъ г. Кузьминскаго, посвященный болгарской литературѣ. (*Ю. Веселовскій. „Рус. Вѣд.“ 1913—100*).

Если бы эта содержательная книжка и не отличалась тѣми достоинствами, которыя умѣлъ ей сообщить ученый составитель, ее все-таки надлежало бы привѣтствовать хотя бы лишь за своевременность ея появленія. Само собой разумѣется, что иной читатель возразилъ бы кое-что противъ выбора отдѣльныхъ текстовъ. Что же касается непосредственнаго труда самого К., то это часть книги достойна всякой похвала. (*Акад. Ѳ. Коршъ. „У. Рос.“ 1913 — 86*).

Издана книжка вполнѣ прилично и изящно, но, къ сожалѣнію, не безъ опечатокъ. Жаль также, что къ сборнику не приложены библіографическія указанія на другія, имѣющіяся на русскомъ языкѣ, произведенія болгарскихъ писателей и статьи о новой болгарской литературѣ: такія указанія были бы очень цѣнны для читателя, котораго заинтересуютъ приведенные въ сборникѣ писатели. Во всякомъ случаѣ, сборникъ К. слѣдуетъ привѣтствовать, какъ весьма отрадное явленіе. (*Ив. Д-скій. „Одес. Л.“ 1913-50*).

Сборникъ этотъ даетъ отчетливое и доступное представленіе о литературѣ нашихъ сородичей. Сжатый, но выпуклый очеркъ К. содержитъ достаточно свѣдѣній о ходѣ литературнаго развитія, а умѣлые переводы выдающихся образцовъ являются прекраснымъ пособіемъ къ практическому ознакомленію съ „таинственной незнакомкой“ — болгарской литературой. Намъ остается пожелать литературѣ братьевъ-болгаръ дальнѣйшаго самобытнаго развитія, а вышедшему „Болгарскому сборнику“ — самаго широкаго распространенія. (*А. Буркакикъ. „Нов. Вр.“ 1913-13293*).

„Болгарскій сборникъ“ даетъ довольно ясное представленіе о литературѣ болгарскаго народа. Составленъ съ любовью и вполнѣ умѣло и поэтому заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. (*Всеславянскій. „Моск. Вѣд.“ 1913-63*).

* **Булгакова, Е.** 9:891.7—3.

См. поряд. № 595.

597. Багалѣй, Д. И., проф. 9(47)

Очерки изъ русской исторіи. Т. II. Монографіи и статьи по исторіи Слободской Украйны. Харьковъ. 1913. Стр. 374. Ц. 1 р. 80 к.

Настоящій 2-ой томъ „Очерковъ изъ русской исторіи“, являясь продолженіемъ 1-го тома, вышедшаго въ свѣтъ 2 года тому назадъ, содержитъ въ себѣ рядъ историческихъ монографій и статей по исторіи заселенія бывшей Слободской Украйны, экономическаго и соціальнаго ея быта, служащихъ дополненіемъ къ капитальной работѣ того же автора—„Очеркамъ по исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства“. (*М. Ш—въ. „Утро“. 1913—1876*).

Второй томъ сочиненій, также какъ и первый, не лишенъ излишняго балласта, придающаго книгѣ нѣкоторую ненужную припухлость. Слишкомъ уже бережно собираетъ авторъ всѣ свои прежнія писанія, хотя бы это были мелкія библіографическія замѣтки, дотучіе газетные отрывки или полемическія наброски, значеніе которыхъ давно миновало. За всѣмъ тѣмъ въ книгѣ находится, конечно, немало статей, переизданіе которыхъ слѣдуетъ признать желательнымъ и полезнымъ. Въ этомъ отношеніи во второмъ томѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія статьи о ярмарочной торговлѣ въ Слободской Украйнѣ XVII и XVIII вв. и статья объ участіи дворянства Слободской Украйны въ екатерининской коммиссіи по составленію новаго уложенія. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд“. 1913—13*).

Знакомство съ трудами Б. всегда оставляетъ отрадное впечатлѣніе въ читателѣ. Точность, содержательность и надежность сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній — эти качества дѣлаютъ изученіе его трудовъ благодарнымъ занятіемъ. (*Кудряшовъ. „Ист. Вѣст“. 1913—4*).

Изучая прошлое Слободской Украйны, проф. Б., можно безъ преувеличенія сказать, создалъ и научно разработалъ во всевозможныхъ отношеніяхъ эту область русской исторіи и показалъ, что ввела Слободская Украйна въ общую сокровищницу русской исторіи. (*„Рус. Стар“. 1913—4*).

598. [. . . . . 9(47)

Историко-культурный атласъ по русской исторіи, съ объяснительнымъ текстомъ, составл. Н. Д. Полонской, подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-

Запольскаго. Изд. В. С. Кульженко. Вып. 1. Кіевъ. 1913. Стр. VI+56+XLII таблицы in 4°. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Атласъ состоитъ изъ 42 таблицъ, очень удачно составленныхъ и хорошо исполненныхъ. Нѣкоторыя исполнены даже въ краскахъ. Таблицамъ предпосылается текстъ. Онъ составленъ съ большимъ вниманіемъ и знаніемъ дѣла. Написанный сжатымъ, яснымъ языкомъ, текстъ прямо вводитъ пользующагося атласъ въ изученіе тѣхъ памятниковъ, снимки съ которыхъ помѣщены въ таблицахъ. Съ методологической точки зрѣнія мы находимъ такого рода пріемъ удачнымъ. Атласъ можетъ сослужить большую службу при изученіи памятниковъ быта и въ особенности археологическихъ древностей. Первый выпускъ атласа распадается на два отдѣла — древности не славянскія и славянскія. Первый отдѣлъ обнимаетъ собой каменную, бронзовую культуру, древности Кавказа, Средней Азіи, греческія, скиѳскія, готскія, финскія, литовскія, древности волжскихъ болгаръ, хазарскія древности, древности кочевниковъ, Византіи и Херсонеса. Отдѣлъ этотъ, какъ видно изъ перечня, довольно богатъ снимками. То же нужно сказать и о второмъ отдѣлѣ, имѣющемъ въ виду древности славянскія. Здѣсь мы имѣемъ древности полей погребенія и курганнаго періода, виды городовъ и укрѣпленій, жилищъ и домашней утвари, посуды, одежды, украшеній, вооруженій, средствъ передвиженія, орудій производства, монеты, церквей кіевской, владиміро-суздальской Руси, Новгорода и Пскова; затѣмъ рисунки церковной утвари и книжнаго искусства. Послѣдняя (дополнительная) таблица заключаетъ въ себѣ рисунки съ видами наиболѣе замѣчательныхъ и характерныхъ кургановъ. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшіе выпуски этого интереснаго и въ высшей степени полезнаго изданія не задержатся своимъ выходомъ въ свѣтъ. (*Них. Василенко. „Кіев. Мысль“. 1913—115*).

Новое изданіе восполняетъ пробѣлъ въ пособіяхъ по изданію русской исторіи. Таблицы сопровождаются сжатымъ, но живымъ текстомъ, составленнымъ Д. П. Издается атласъ хорошо. (*А. Б—въ. „День“. 1913—106*).

Въ общемъ, атласъ представляетъ собой превосходное начальное пособіе по древнѣшей археологіи Россіи. (*„Рус. Молва“. 1913—104*).

599. Кабановъ, А. М. 9(47)„1613“

Смута Московскаго государства и Нижній-Новгородъ. Изд. 3-е, „Задруга“. М. 1913. Ц. 7 к.

Для широкой массы совсѣмъ неподготовленныхъ читателей и школьниковъ младшаго возраста очень пригодна брошюра К. Г. Кабанова очень удалось просто и ясно очертить внутреннее состояніе Московскаго государства передъ началомъ смуты и условія жизни различныхъ классовъ общества въ то время. Живо и обстоятельно разсказаны и событія самой смуты. Жаль только, что авторъ почти не коснулся тѣхъ плановъ преобразованія государственнаго порядка, которые выдвигались въ теченіе смуты изъ различныхъ круговъ населенія. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд.“ 1913 — 71*).

Книга даетъ больше, чѣмъ можно предполагать по заглавію. Это очень популярный, но въ то же время научный очеркъ всей эпохи смуты. Новгороду же спеціально отведена лишь одна небольшая глава. Дешевая цѣна и одобреніе ея министерствомъ во 2-мъ изд. даютъ ей возможность широкаго распространенія, чего она вполнѣ заслуживаетъ. (*К. Сивковъ. „Вѣст. Восп.“ 1913 — 2*).

Главнымъ достоинствомъ книжки является то, что въ ней обрисована вся предшествующая смутѣ исторія Московскаго государства, и притомъ на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій. (*С. Вознесенскій. „Рус. Шк.“ 1913 — 2*).

Изъ огромнаго числа брошюръ, посвященныхъ смутѣ, заслуживаетъ вниманіе брошюра К., излагающая въ простой формѣ исторію смуты вплоть до избранія на царство Мих. Ѳед. К. вскрываетъ внутреннее состояніе русскаго общества передъ смутой и въ періодъ смуты. (*„Педаг. Л.“ 1913 — 3*).

Хорошая, очень популярная книжка. Главное ея достоинство, что въ ней обрисована вся предшествовшая смутѣ исторія Моск. государства. (*„Нар. Журн.“ 1913 — 14*).

600. Корольковъ, Н. Ѳ. 9(47)„1613“.

Событія смутнаго времени на Руси. Воцареніе Дома Романовыхъ. Изд. Постоянной Комиссіи Народныхъ чтеній. Съ 31 рис. и карт. Спб. 1912. Стр. 167. Ц. 50 к.

Книжка К. охватываетъ по преимуществу событія 1605—1612 гг. О событіяхъ, предшествовавшихъ Смутѣ и причинахъ ея говорится всего на 4 страницахъ; слѣдствій Смуты не указано совсѣмъ. Характеристики лицъ, участвовавшихъ въ Смутѣ, крайне кратки и неполны — это скорѣе какія-то тѣни, чѣмъ живые люди. Изложеніе очень подробное, а часто томительно-тягучее. Трудно сказать, съ какой точки зрѣнія К. смотритъ на Смуту: вѣрнѣе ни съ какой... Думается, эта книга просто лишняя: она ничего не прибавила къ популярной литературѣ по исторіи Смуты, и кто ея не прочтетъ — ничего не потеряетъ. Рисунки довольно плохи. (*„Нов. Дѣтск. Лит.“ 1913—6*).

Книжка К. просто скучная книжка, къ тому же очень посредственно изданная. (*К. Сивковъ. „Вѣст. Восп.“ 1913—2*).

Солидная книжка К. неудачна во многихъ отношеніяхъ. При довольно бѣгломъ указаніи причинъ Смуты, авторъ не сумѣлъ выяснить ни того, въ чемъ заключается экономич. переворотъ, развѣявшій населеніе и сокрушившій культуру въ срединныхъ московскихъ областяхъ къ концу XVI в., ни того, чѣмъ былъ вызванъ переворотъ политическій. Самое развитіе смуты представлено очень расплывчато и безсвязно. Изложеніе не свободно и отъ ошибокъ, обусловленныхъ, повидимому, не незнаніемъ предмета, а скорѣе узко-патріотическимъ настроеніемъ автора. (*С. Вознесенскій. „Рус. Шк.“ 1913—2*).

Трудъ К. отличается религіознымъ и патріотическимъ духомъ, написанъ общедоступно; обильно иллюстрированъ хорошо исполненными рисунками. Онъ представляетъ интересное и полезное чтеніе и для юношества и для взрослаго читателя. (*В. Федоровъ. „Нар. Образ.“ 1913—1*).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Библіотеки“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ.

Общія сочиненія [0]

1980. Якобсонъ, А. 016:52

Что читать по астрономіи? Спб. 1913. Изд. Комитета по постройкѣ учительск. дома въ Спб. Стр. 19. Ц. 10 к.

***** [. . . . . 02(47):06

См. пор. № 1982.

1981. Хвостовъ, В. М. 06

О значеніи и задачахъ научнаго института. Рѣчь, произн. 24-го марта 1913 г. въ общ. собр. „Об-ва Московск. Научнаго Института въ память 19-го февр. 1861 г.“. М. 1913. Стр. 24.

1982. [. . . . . 06(47):02

Пятидесятилѣтіе Румянцовскаго музея въ Москвѣ. 1862—1913. Историческій очеркъ. М. 1913. Стр. 194. съ портр. и рис.

1983. Нордау, М. 081

Собр. соч. Т. V. Парадоксы. Рѣчи на конгрессахъ сіонистовъ. Изд. В. М. Саблина. М. 1913. Стр. 410. Ц. 1 р.

Содержаніе. Парадоксы. Оптимизмъ или пессимизмъ? Большинство и меньшинство. Ретроспективный взглядъ на исторію. Успѣхъ въ жизни. Психо-физіологія генія и таланта. Внушеніе и благодарность. Содерж. поэтической литературы. Естественная исторія любви. Эволюціонная эстетика. Симметрія. Обобщеніе. Гдѣ истина? Національность. Картина будущаго. — Рѣчи на I, II, III и V конгрессахъ сіонистовъ въ Базелѣ. Рѣчь на IV конгрессѣ сіонистовъ въ Лондонѣ.

1984. Суворинъ, А. А. 081

(Алексѣй Порошинъ). „Новый человѣкъ“. Съ 65 рис. и чертеж. Спб. 1913. Стр. 530. Ц. 2 р. 25 к.

Содержаніе. Здоровье человѣка и его тѣло. Пища и питаніе. Жилище. Общественная жизнь. Кооперація. Изъ переписки. Человѣкъ въ мірозданіи. Новое въ человѣкѣ. Подсознаніе. Сверхсознаніе. Философія индусовъ. Востокъ и Западъ о человѣкѣ и мірозданіи. „Аще не умрешь, не оживешь“. Приложенія: „Моя система“ Мюллера. „Новая система“ А. Анохина. И. П. Мечниковъ о питаніи. Схема пищеварительнаго аппарата человѣка. Распаденіе личности. Потребительная кооперація.

1985. [. 082

Minerva. Сборникъ, издаваемый при Историко-филологическомъ Семинаріи Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Кіевѣ. Вып. I. Кіевъ. 1913. Стр. IV+161. Ц. 80 к.

Содержаніе: Куприевичъ, А. А. Стихотворенія въ прозѣ Тургенева и „Діалоги“ Леопарди.—Полонская, С. Г. Драма Лопе де Вега „Великій Князь Московскій“. — Голубовская, Н. П. Географическія данныя въ Русской правдѣ.

1986. Горбуновъ, Конст. 087.1

Торжество правды. Армян. сказка. Съ 2 орнг. рис. худ. А. П. Эйснера.—Абрскилъ. Легенда. Съ 2 рис. худ. Д. Г. Окраянца. Дѣтское кн-во „Медвѣженокъ“. Спб. 1913. Стр. 20. Ц. 15 к.

1987. Густавсонъ. 087.1

Что приснилось маленькому Свену. Сказка. М. 1913. Изд. „Посредника“. Стр. 16. Ц. не обозн.

1988. Черный, Саша. 087.1

Тукъ-тукъ! Стихи для дѣтей. Рис. В. Фалилеева. М. 1913. Стр. 24. Съ рис. Ц. 15 к.

1989. Шведеръ Евг. 087.1

Весна идетъ. Сказочки для дѣтей младшаго возраста. М. 1913. Стр. 24. Съ рис. Ц. 25 к.

Философія [1]

1990. [. . . . . 1(0ˢ2)

Новыя идеи въ философіи. Неперіодич. изд., выходящее подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборн. № 9. Методы психологіи. I. Изд. „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. 124. Ц. 80 к.

Содержаніе: Э. Л. Радловъ. Самонаблюденіе въ психологіи. — Г. П. Челпановъ. Объ экспериментальномъ методѣ въ психологіи. — Г. П. Зеленый. Современная біологія и психологія.—А. Ѳ. Кони. Психологія и свидѣтельскія показанія. — Г. Геймансъ. Методы спеціальной психологіи.

1991. Штенбергенъ, А. 1(Б)

Интуитивная философія Анри Бергсона. Переводъ Б. С. Бычконскаго. Спб. 1913. Изд. „Прометей“. Стр. 22. Ц. 1 р. 25 к.

1992. Абедана ида Суоми. 13

Какъ сдѣлаться іогомъ. Спб. 1913. Ц. 80 к.

Содержаніе: Что такое іога. Хата-іога. Раджа-іога. Кума-іога. Бхакти-іога. Жвава-іога. Наука о дыханіи. Концентрація и медитація.

1993. Рамачарака, іогъ. 13

Основы міросозерцанія индійскихъ іоговъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 20 к.

Содержаніе: Первые три начала. Душевныя начала. Духовныя начала. Человѣческая суета. Динамика мысли. Телепатія, ясновидѣніе и пр. Человѣческій магнетизмъ. Оккультное лѣченіе. Психическое вліяніе. Астральный міръ. По ту сторону. Духовная эволюція. Законъ причинъ и слѣдствія. Пути достиженія іоговъ.

1994. Штейнгардтъ, Зин. 13

Задачи и цѣль жизни. Посвящается невѣрующимъ и неспиритамъ. Спб. 1913. Стр. 91. Ц. 1 р.

Содержаніе: Возникновеніе и проявленіе

духа. Развитіе ихъ. Историч. справки. Способности духа. Стремленіе къ идеѣ о безсмертіи. Ученія Европы, Азіи и Америки. — Уясненіе гипотезы бытія духа и признаніе его ученными. Непосредственное письмо. Проникновеніе флюидовъ духа черезъ матерію и насквозь ее. Духи-музыканты. Матеріализація. Опыты В. Крукса.— О проявленіи духовной силы при медіумахъ. Какъ и сдѣлалась спиритка. Ребенокъ медіумъ. Предсказанія и предчувствія. Инкарнація. Неожиданныя общенія. Призраки. Медіумъ — г-жа Эспарансъ у А. Н. Аксакова. Сеансы въ Санъ-Франциско. Анкеты въ декабрѣ 1912 г.

* **Сакулинъ, П. Н.** 141:92(0)

См. пор. № 2085.

1995. Пальй, И. Г. 15

Физическій методъ развитія произвольнаго вниманія. Кіевъ. 1913. Изд. автора. Стр. 22. Ц. не обозн.

1996. [. 176

Половое воспитаніе. Сборникъ статей учителей, родителей и воспитателей. „Библ. свободн. воспитанія, образованія и защиты дѣтей.“ Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. М. 1913. Стр. 127. Ц. 55 к.

Содержаніе. Отъ издателя. Мысли о половомъ воспитаніи. А. Квтаева. Къ вопросу о половомъ воспитаніи. Е. П. Изъ опыта одной матери. О. Л. Н—на. Борьба съ низшими инстинктами человѣка. И. Накашидзе. Изъ личнаго опыта. Б. Піонъ. О преподаваніи въ общ. школахъ фактовъ, относящихся къ половому вопросу. К. Шмитъ. Съ англ. Вопросы полового воспитанія на съѣздахъ и конгрессахъ въ Америкѣ, Швеціи и Германіи. По вопросу о половомъ воспитаніи дѣтей. Мать.

Религія [2]

1997. Платоновъ, В., свящ. 243

Психологія молитвы. (Отдѣльн. оттискъ изъ журн. „Странникъ“). Спб. 1913. Стр. 28. Ц. не обозн.

Содержаніе: I. Молитва есть всеобщій фактъ душевной жизни человѣка. II. Происхожденіе молитвы. III. Воспитаніе и значеніе молитвы.

1998. Апраксинъ, С. 244

Изъ исповѣди увѣровавшаго интеллигента. Рига. 1913. Изд. Религіозно-нравств. о-ва. Тип. Г. Гемпель и К° (Крѣпостная, 7), 8° (14×22). Стр. 8.

1999. Ѳома Кемпійскій. 244

О подражаніи Христу. Перев. съ латинскаго гр. М. М. Сперанскаго. Съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ разныхъ твореній того же сочинителя, избранныхъ также гр. М. М. Сперанскимъ. М. 1913. Стр. 258+V. Ц. 60 к.

2000. Платонова, Ал. 244(08)

Подъ сѣнью вѣры. Сборникъ религіозно-нравственныхъ статей. Спб. 1913. Изд. И. Л. Тузова. Стр. 178+12. Ц. 50 к.

2001. Антоній, І. (Булатовичъ). 273

Апологія вѣры во имя Божіе и во имя Іисусъ. Изд. „Религіозно-философ. Библ.“. М. 1913. Стр. XIV+189. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Отъ редакціи. Общій взглядъ на ересь имеборствующихъ. Свидѣтельство Свящ. писанія и св. Отецъ о томъ, что имя Божіе есть воистину самъ Богъ. Имя Божіе есть сама Божесть. сила, но не сила посредствующая. Всякая молитва о Имени Божіемъ дѣется. Исповѣданіе Имени Іисусова въ Іисусовой молитвѣ есть самъ Господь Іисусъ Христосъ. О значеніи и о Божественн. достоинствѣ Имени Іисусъ. Имя „Іисусъ“ есть имя Богочеловѣческое и есть Имя паче всякаго имени. Разборъ Акаѳиста и Умилительнаго Канона по Сладчайшему Іисусу. Свидѣтельство изъ псалтири объ Имени Божіемъ. Свидѣтельство объ Имени Божіемъ изъ Библіи. Понятія „Имя Божіе“ и „Самъ Богъ“ въ Богослуженіи совмѣщаются. Божественн. литургія есть поклоненіе Богу о Имени Іисусовѣ. Заключеніе.

2002. Писаревскій, Н., прот. 284:3

Общественная жизнь на протестантскомъ Западѣ. Спб. 1913. Стр. 108. Ц. не обозн.

Соціальныя науки [3]

* **Писаревскій, Н., прот.** 3:284

См. пор. № 2002.

2003. [. . . . . 301(082)

Новая идея въ соціологіи. Неперіодич. изд., подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и Е. В. де-Роберти. Сборн. № 1. Соціологія. Ея предметъ и современное состояніе. Изд. „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. 142. Ц. 80 к.

Содержаніе: Отъ редакціи.—М. М. Ковалевскій. Соціологія на Западѣ и въ Россіи.— Е. В. де-Роберти. Современное состояніе соціологіи—П. А. Сорокинъ. Границы и предметъ соціологіи. — Г. Зиммель. Проблемы соціологіи. Перев. Г. Федотонъ.

2004. Осоргинъ, Мих. 308(45)

Очерки современной Италіи. М. 1913. Стр. 260. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе. Предисловіе. Изъ окна вагона. Италія показная и подлинная. Итальянцы. Каморра. Чувство Рима. Римъ. Контрасты римской обывательщины. Исторія одного квартала. Пахари римскаго пола. Римская народная сатира. Замѣтки о литературѣ: Надежды на пришествіе генія. Послѣдняя книга д'Аннунціо. Джованни Пасконн. Антоніо Фогацаро. Сэмъ Бенелли. Футуристы. Искусство прошлаго и современность: Приключенія Ніобиды. Дѣвочка изъ Анціо. Фіговый листъ. Каменное чудище. Царство мертвыхъ. Мессеръ Санъ-Марко. Карнавалъ и Ругантино.

2005. Баянъ-Рославлевъ. 32(08)

Пыль. Сборникъ политическихъ статей. 1907—1912 гг. М. 1913. Стр. 232. Ц. 1 р.

2006. Бруцкусъ, Б. Д. 325(×92.4)

Еврейскія земледѣльческія поселенія Екатеринославской губерніи. Спб. 1913. Изд. еврейск. колонизаціон. общества. Стр. V+96. Ц. 1 р.

2007. Соловьевъ, Б. 331.825

Лѣченіе рабочихъ по закону 23-го іюня 1912 г. Съ приложеніемъ правилъ о врачебной помощи, принятыхъ страховымъ совѣтомъ. Спб. 1913. Изд. „Прибой“. Стр. 44. Ц. 15 к.

2008. Тюринъ, С. 331.88

Московское Центральное Бюро профессіональн. союзовъ.—Семинарій по экономич. политикѣ подъ руковод. І. М. Гольдштейна при

Моск. Комм. Инст. Изд. семинаріи по эконом. пол. при Моск. Ком. Инст. М. 1913. Стр. XVI+192. Ц. 85 к.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Возникновеніе Центральн. Бюро и его первые шаги. „Законъ 4-го марта" и легальная дѣятельность союзовъ. Возрожденіе Ц. Б. (первый и второй періоды). Ц. Б. послѣ роспуска второй Госуд. Думы. Заключеніе. Указатель литературы. Приложенія.

2009. Кофодъ, А. 333.5(47)

Русское землеустройство. Спб. 1913. Стр. 122 съ рис.+1 карта.

2010. Онуфріевъ, В. А. 334

Значеніе потребительныхъ обществъ въ жизни деревни. „Библіотека сельскаго кооператора". № 6. (О-во Сельскаго Хозяйства. Комитетъ Содѣйствія Сельской Коопераціи). Харьковъ. 1913. Стр. 14. Ц. 5 к.

2011. Тотоміанцъ, В. 334

Двадцать апостоловъ кооперацiи. „Взаимная помощь". Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 2-й. Изд. Горб.-Посадова. М. 1913. Стр. 32. Ц. 10 к.

Содержаніе: Ш. Фурье. Ф. Бюше. Ж. Леклеръ. Ж. Б. А. Годэнъ. Р. Оуэнъ. Ф. Д. Морисъ. Ванситартъ-Нильсъ. Д. Д. Холіокъ. Г. Шульце-Деличъ. Ф. В. Райффейзенъ. Ф. Вигано. В. Максуэль. І. К. Грей. Г. Мюллеръ. Г. Кауфманъ. Л. Луццати. Ш. Жидъ. Э. Де-Буавъ. С. Хегсбро. Гр. А. Кароли.

2012. Бондаревъ, Н. А. 334(07)

Курсы по кооперацiи. Организація и практика кооперативныхъ учрежденій мелкаго кредита въ Россіи. М. 1913. Изд. универс. А. Л. Шанявскаго. Стр. 148. Ц. 80 к.

2013. Зельгеймъ, В. Н. 334(07)

Курсы по кооперацiи. Организація и практика потребительныхъ обществъ въ Россіи. М. 1913. Изд. универс. А. Л. Шанявскаго. Стр. 322. Ц. 1 р. 75 к.

2014. Кулыжный, А. Е. 334(07)

Курсы по кооперацiи. Кооперативный сбытъ продуктовъ мелкаго хозяйства. М. 1913. Изд. универс. А. Л. Шанявскаго. Стр. 90. Ц. 45 к.

2015. Нюренбергъ, А. М. 336.2

Положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ по официальному изданію 1913 года измѣненное и дополненное по дѣйствующимъ приложеніямъ и позднѣйшимъ узаконеніямъ съ извлеченіями изъ законодательныхъ мотивовъ, указовъ Правительствующаго Сената, разъясненій и циркуляровъ Министерства Финансовъ, и съ приложеніями инструкцій, правилъ о примѣненіи сего положенія къ обложенію промышленныхъ предпріятій, добывающихъ золото и платину, предметнаго и хронологическаго указателей. М. 1913. Изд. кн. маг. „Правовѣдѣніе", И. К. Голубева, 5-е. Стр. XV+412.

2016. Покровскій, І. А., проф. 34(37)

Исторія римскаго права. Спб. 1913. Изд. Юрид. Кн. скл. „Право". Стр. XVII + 571. Ц. не обозн.

2017. Іоффе, М. С. 342(47)

Важнѣйшіе законодательные акты (1908—1912 гг.) съ алфавитнымъ, предметнымъ и хронологическимъ указателями. Подъ ред. и съ пред. проф. В. М. Гессена. Спб. 1913. Изд. юрид. кн. скл. „Право". Стр. IV+1038. Ц. 3 р. 50 к.

2018. Евреиновъ, Н. 343(47)

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Спб. 1913. Изд. В. К. Ильинчика. Стр. 235. Съ рис. Ц. не обозн.

2019. Пусторослевъ, П. П., проф. 343(47)

Русское уголовное право. Особенная часть. Вып. I. Введеніе. Преступленія и проступки противъ тѣлесной неприкосновенности, противъ чести, противъ жизни, противъ неприкосновенности и душевнаго спокойствія въ области чувства безопасности, противъ свободы, противъ имущества, противъ неприкосновенности правового состоянія личности, противъ доброкачественности путей сообщенія и противъ доброкачественности денежныхъ знаковъ. Юрьевъ. 1913. Изд. 2-е, испр. и доп. Стр. 414. Ц. 2 р. 25 коп.

2020. [. 347

Сборникъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената съ 1866 по 1914 г. въ сокращенной обработкѣ для практики, подъ ред. Е. В. Васьковскаго. Вып. I. Одесса. 1913. Стр. 91+64. Ц. не обозн.

2021. Маевскій, Н. Н. 353

Гмина и войтъ. Руководство для гминныхъ войтовъ, уполномоченныхъ, писарей и др. должностныхъ лицъ гминнаго и сельскаго самоуправленія, а равно для чиновъ уѣздной администраціи въ губерніяхъ Царства Польскаго. Спб. 1913. Изд. автора, 4-е доп. и испр. Стр. XIV+488. Ц. 4 р.

2022. Галкинъ и Карлсонъ. 355(436)

Вооруженныя силы Австро-Венгріи. Дислокаціонная карта и высшіе начальники. Масштабъ 1: 1.800.000=ок. 43 вер. въ 1 дм. Кіевъ. Изд. авторовъ. Стр. 39. Съ портр. + 1 карта. Ц. не обозн.

2023. Викторовъ, В. П. 371

Основы новой педагогики. М. 1913. Изд. И. Д. Сытина. Стр. 581. Ц. 1 р. 60 к.

2024. Дистервегъ, Ад. 371

Руководство для нѣмецкихъ учителей. Обработка и предисловіе К. Ваккера. Пер. съ нѣм. А. Ѳ. Гретманъ. Съ предисл. Д. Н. Корольконова. „Педагогическая библ." подъ ред. Д. Н. Корольконова. М. 1913. Изд. кн-ва К. И. Тихомирова. Стр. IV+321+1 портр. Ц. 1 р. 50 к.

2025. Лазурскій, А. 371

Школьныя характеристики. Спб. 1913. Изд. К. Л. Риккера, 2-е испр. и доп. Стр. VI+214. Ц. 1 р. 60 к.

2026. Стражевъ, В. И. 371

„Колосья". Школьно-хрестоматическая библіотека для чтенія. Родная старина. (Родная быль). М. 1913. Изд. І. Кнобель. Стр. 183 съ рис.

2027. Теръ-Рубинянъ, Г. 371

Что такое экспериментальная педагогика. Съ рис. Докладъ. Стр. 20. Ц. 15 к.

2028. Фаддѣевъ, Т. Д., д-ръ. 371

Школьная педагогика. Кн. І. Психологія. М. 1913. Стр. XXX+544. Съ рис. Ц. 3 р. 50 к.

Филологія [4]

2029. Кабановъ, Н. 412—3
Полный эсперантско-русскій словарь. Въ двухъ частяхъ. Ч. I. Коренныя слова. Ч. II. Производныя и составныя слова. Изд. „Посредникъ". М. 1913. Стр. 220 Ц. 70 к.

Чистыя науки [5]

2030. Игнатьевъ, Е. И. 511(08)
Математическая хрестоматія. Кн. I. Ариѳметика. М. 1913. Изд. т-ва П. Д. Сытина. Стр. 273+II. Съ рис. и табл. Ц. 1 р.

2031. [. . . . . 52(082)
Новыя идеи въ астрономіи. Неперіодич. изд., выходящее подъ ред. проф. А. А. Иванова. Сборн. 2. Земля. Ея внѣшняя форма и внутреннія строенія. Изд. „Образованіе". Спб. 1913. Стр. 153 Ц. 80 к.

Содержаніе. А. А. Ивановъ. Внѣшняя форма и внутреннее строеніе Земли по геодезическимъ и астрономическимъ наблюденіямъ.—П. Пюизе. Внутреннее строеніе Земли по даннымъ астрономіи, физики и геологіи. Перев. Н. Е. Грибфельдъ. — Ш. Лаллеманъ. Упругость земного шара въ связи съ приливами и отливами земной коры. Перев. С. А. Алексѣевъ.—Проф. А. Левъ. Измѣненіе фигуры Земли подъ дѣйствіемъ деформирующихъ силъ. Перев. П. Юшкевичъ.— Э. Г. Геодинамика и фигура Земли. Перев. П. Юшкевичъ. — М. Нэжъ. Изучевіе Земли. Перев. П. Юшкевичъ.

* **Якобсонъ, А.** 52:016
См. пор. № 1980.

* **Кравецъ, Т. П.** 53:92(Л)
См. пор. № 2083.

2032. Жуковскій, Н. Е., проф. 531
Теоретическая механика. М. 1913. Изд. Студенч. Издательск. Об-ва при Имп. Моск. Техн. Учил., 4-е. Стр. 228+139+114 +13 табл. Ц. 4 р.

2033. Содди, Ф., проф. 541
Матерія и энергія. Перев. съ англійскаго С. Г. Займовскаго, подъ ред., съ предисл. и примѣч. Н. Морозова. „Естественно-историч. библ.-природа". Изд. „Природа". М. 1913. Стр. 182. Ц. 70 к.

Содержаніе: Періодическая таблица элементовъ (Вариантъ первый, по Содди). Періодич. табл. элементовъ гелидовъ (нарiантъ второй, по теоретич. соображеніямъ). Поисненіе ко второй періодич. таблицѣ. Предисловіе къ русскому переводу. — Физическая исторія всего на свѣтѣ Матерія: I. Атомы и молекулы. Матерія: II. Элементы. Теплота и кинетическая теорія матерія. Потенціальная и химическая энергія. Элементы и ихъ-лучи. Инверція. Радіація. Радіоактивность. Космическая энергія.

2034. Бекеръ, Вл. 55
Серія геологическихъ преданій, реставрированныхъ на основаніи данныхъ науки. Рига. 1913. Стр. 26. Съ чертеж. Ц. 20 к.

Содержаніе: Потерянный рай. Допотопные люди. Гиганты. Гибель Фаэтона. Преданія о всемірномъ потопѣ: Вавилонское, Китайское, Еврейское, Сибирское, Персидское. Измѣненіе неба. Вѣчная зима. Гибель Атлантиды. Возвышеніе Скандинавіи.

2035. Третьяковъ, Д. К., проф. 57
Безсмертіе и долголѣтіе. „Библіотека натуралиста". Спб. 1913. Изд. А. С. Панафидиной. Стр. 68. Съ рис. Ц. 30 к.

2036. Фаусекъ, В. А. 57
Біологическіе этюды. Спб. 1913. Изд. посмертное. Стр. XVIII + 472 съ портр. и 56 рисун. Ц. 2 р.

2037. Гольдшмидтъ, Р., проф. 575.1
Основы ученія о наслѣдственности въ двадцати лекціяхъ для естественниковъ, медиковъ и сельскихъ хозяевъ. Перев. съ нѣм. П. Ю. Шмидта. Спб. 1913. Изд. А. Ф. Девріена. Стр. VIII + 428. Съ рис. Ц. 3 р. 50 к.

2038. Мажаевъ, П. И. 58
Знакомство съ жизнью растеній путемъ наблюденій и опытовъ. М. 1913. Изд. А. К. Залѣской, 3-е. Стр. 93. Съ рис. Ц. 50 к.

2039. Кралль, К. 591.151
Мыслящія животныя. Перев. съ нѣм. съ предисл. редактора и прилож. статьи проф. Ed. Claparède'a. „Вопросы и психологіи безсознательнаго". Подъ ред. д-ра Н. Котика. Изд. „Начало". М. 1913. Стр. XXV + 233. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Предисловіе редактора. Предисл. автора. Введеніе. Успѣхи преподаванія. Изслѣдов. внѣшнихъ чувствъ. Изслѣд. умственныхъ способностей Ганса. Гипотеза о знакахъ. Своеволіе лошади. Начало обученія. Обученіе счету и ариѳметич. дѣйствіямъ. Обученіе азбукѣ и чтенію. Самостоятельныя высказыванія. Слѣпые опыты. Факты и мысли по поводу обученія животныхъ. — Приложеніе: Ученыя лошади въ Эльберфельдѣ. Ст. проф. Ed. Claparède'a.—Благопріятныя заключенія разныхъ ученыхъ.—Заявленіе-протестъ.—Примѣч. редактора.

2040. Беклей, А. 596
Побѣдители въ жизненной борьбѣ. Великая семья позвоночныхъ. Перев. съ англ. В. Н. Львова. М. 1913. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ, 2-е. Стр. VIII + 341. Съ рис. Ц. 2 р.

Прикладныя науки [6]

2041. Голубовъ, Евг. 6(47)
Міръ русскихъ изобрѣтеній. Бесѣды о спящемъ богатствѣ Россіи. Спб. 1913. Изд. автора. Стр. 59. Съ рис. Ц. не обозн.

2042. Успенскій, Н. И. 61
Крупъ и его лѣченіе. М. 1913. Стр. 68. Ц. 40 к.

2043. Высоковичъ, В. К., проф. 611
Патологическая анатомія. Изъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра. Вып. II. Кіевъ. 1913. Изд. студ.-медиковъ, 3-е. Стр. 181+1 нен. Съ портр. Ц. 1 р. 20 к.

2044. Мечниковъ, Н. И. 612
Этюды о природѣ человѣка. М. 1913. Изд. „Научнаго Слова", 4-е. Стр. VIII + 238. Съ рис. +1 портр. Ц. 2 р.

2045. Рамачарака, Іогъ. 612
Наука о дыхавіи индійскихъ іоговъ. Дыханіе по восточнымъ методамъ, какъ средство физиче-

ского, умственнаго, душевнаго и духовнаго развитія. Спб. 1913. Стр. 95. Ц. 60 к.

Содержаніе. Дыханіе—жизнь. Экзотерическая и эзотерическая теорія дыханія. Нервная система. Дыханіе черезъ ноздри и черезъ ротъ. Четыре способа дыханія. Какъ пріобрѣсти „полное дыханіе“ іоговъ. Физіологическое дѣйствіе полнаго дыханія. Ученіе іоговъ. Упражненіе іоговъ. Вибраціи и ритмическое дыханіе іоговъ. Явленія, создаваемыя „психическимъ дыханіемъ“ іоговъ. „Духовное дыханіе“ іоговъ.

2046. Побѣдинскій, А. В., д-ръ. 616.89

Главныя причины душевныхъ болѣзней. Прочитано на торжеств. публич. засѣданіи Общества Врачей Могилевской губ. 8 февраля 1913 г. Приложія: Замѣтка д-ра М. И. Гольянца по поводу 50-лѣтняго юбилея общества врачей Могилевской губерніи. Письмо въ редакцію д-ра М. Г. Яковенко. Могилевъ. 1913. Стр. 37. Ц. 30 к.

2047. [. 618.2

Совѣты и рецепты по акушерской терапіи. Пер. съ франц. В. Л. Гусева съ предисл. проф. Н. Побѣдимскаго. М. 1913. Изд. Студенч. мед. взд. комис. П. Н. Пирогова. Стр. VIII + 340. Ц. не обозн.

2048. Драницынъ, Дм. 631

Почвы западнаго Заангарья Енисейской губ. (Почвенно-географическій очеркъ). 1-й вып. части 1-й Почвенныхъ изслѣдованій 1910 г. подъ ред. проф. К. Д. Глинки. (Труды почвенно-ботаническихъ экспедицій по изслѣдованію колонизаціонныхъ районовъ Азіатской Россіи). Спб. 1913. Изд. Переселенческ. Упр. Главн. Упр. Землеустр. и Землед. Стр. 177. Съ рис. и чертеж. Ц. не обозн.

2049. Рюмкеръ, К.-фонъ, проф. 631

Очередные вопросы современнаго земледѣлія. Очеркъ II. Основные вопросы удобренія. Пер. съ нѣм. Е. В. Джунковской, подъ ред. В. В. Вилера. Спб. 1913. Изд. Г. У. З. и З. Департ. Земледѣлія. Стр. 51. Ц. не обозн.

2050. Чаяновъ, А. 633.4

Ленъ и другія культуры въ организаціонномъ планѣ крестьянскаго хозяйства нечерноземной Россіи. Т. I. Вып. 2. Смоленская губернія. М. 1913. Стр. LIII + 210. Ц. 2 р. 75 к.

2051. Жирковъ, Ив. 635

Бесѣды объ огородѣ. Съ рис. Е. Г. Аверкіевой. „Библіотека народной школы“. М. 1913. Изд. Рязанск. уч. мастерск. П. О. Жиркова, 8-е. Стр. IV + 106. Съ рис. Ц. 25 к.

2052. Богдановъ, Е. А., проф. 636

Происхожденіе домашнихъ животныхъ. (Одинъ изъ опытовъ критическаго сопоставленія основъ теоріи и практики скотозаводскаго искусства). М. Изд. Кн-ва студент. Московск. Сельско-хоз. Инст. Стр. VIII + 405. Съ рис. Ц. 4 р.

2053. Комаровъ, И. 639.21

Уженье рыбы. Сборникъ руководительныхъ статей и разсказовъ. М. 1913. Изд. С. А. Малиновскій Стр. 205. Съ рис. Ц. 1 р.

2054. Честухинъ, А. А. 657

Конспектъ практическихъ пріемомъ по разсмотрѣнію торговыхъ книгъ. М. 1913. Изд. Податныхъ Инспекторовъ гор. Москвы. Стр. 51.

2055. Бѣляевъ, Н. Д. 68

Прогрессъ кустарной промышленности. Спб. 1913. Стр. 68. Ц. 50 к.

Изящныя искусства [7]

2056. Геварть, Ф. А. 781

Новый курсъ инструментовки. Перев. Н. Арса. М. 1913. Изд. П. Юргенсона, 2-е. Стр. 345. Ц. 6 р.

2057. Металловъ, В. М., прот. 783 (47)

Русская симіографія. Изъ области церковно-пѣвческой археологіи и палеографіи. Текстъ съ приложеніемъ CXIX таблицъ фото-литографскихъ снимковъ съ крюковыхъ рукописей X—XVII вв. М. 1913. Изд. Имп. Археол. Инст. имени Импер. Николая II. Стр. 114.+119 табл. Ц. 5 р.

Литература [8]

2058. [. . . . . 8—8

Поросль. Литературно-художеств. кавказскій альманахъ. Кн. I. Тифлисъ. 1913. Стр. 206. Ц. 1 р.

Содержаніе: Н. Реулло. Стихи. Д. Медынскій. За облаками. Разсказъ. Г. Дараганъ. Стихи. И. Давдаровъ. На переломѣ. Разсказъ. Армо. Стихи. В. фонъ-Бадеръ. Одна жизнь. Повѣсть. С. Спасскій. Стихи. И. Дебровъ. Степь. Повѣсть. А. Радике. Стихи. Л. Кипіани. Удардела. Хизанъ Пепо. Разсказъ. І. Арьенцъ. Цвѣты сорваны. Разсказъ. А. Агароннвъ. Новорожденный. Разсказъ. М. Сирота. Сумасшедшій. Монологъ. Д. Ведребисели. Въ поднебесной амбулаторіи. Л. Тарасевичъ. Въ горахъ. Разсказъ. Клара Б. Стихи. С. Нуровъ. Монастырскій прудъ. Разсказъ.

2059. [. . . . . 8—8

„Проблескъ“. Литературно-художественный сборникъ. М. 1913. Стр. 92. Ц. 65 к.

Содержаніе: Отъ редакціи.—А. Липецкій. Старый домъ. стих.—Ив. Трубинъ. Забытый сонъ, разск.—С. Ганшинъ. Весна, стих.—Его же. Пѣсня, стих.—В. Вѣтвицкій. „Когда забудусь сномъ“, стих.—В. Сердюковъ. На родинѣ, разск.—Д. Богдановъ. Отшельникъ, стих.—С. Кошкаровъ. Горе рыбачки, стих. — Р. Кумовъ. Телеграфистъ, очеркъ.—Е. Гадмеръ. „Юность, юность!“, стих.—С. Кошкаровъ. Спи, дитя, стих.—Е. Гадмеръ. „Не ной ты, сердце!—стих.—С. Ганьшинъ. „Я хотѣлъ бы любить“—стих.—Д. Богдановъ. Ошибка, разск.—И. Трубинъ. Мой домикъ, стих.—В. Вѣтвицкій. „Я люблю нашъ городъ“, стих.—В. Сердюковъ. „Меркнетъ день“, стих.—Е. Тюринъ. „Не бѣда, что землю“, стих.—И. Трубинъ. Отдыхъ писателя, комедія въ 3-хъ карт.

2060. Киплингъ, Р. 82—3

Свѣтъ погасъ. Романъ. Перев. съ англ. М. А. Энгельгардта. „Универс. Библ.“. М. 1913. Изд. „Польза“, В. Антвкъ и К°. Стр. 287. Ц. 30 к.

2061. Уйда. 82—3

Избранные разсказы. Пер. съ англійск. В. Керженцева. Спб. 1913. Изд. М. И. Семенова. Стр. 157. Съ рис. Ц. 75 к.

Содержаніе: Маленькій графъ. Нелло и Патрашъ. Муфлу.

2062. Гофманъ, Э. Т. А. 83—1

Золотой горшокъ. Перев. и предис. Вл. Соловьева. Изд. „Альціона". М. 1913. Стр. 97. Ц. 1 р.

2063. Алексѣевъ, С. 891.7 (075)

Литературная хрестоматія. Пособіе при прохожденіи курса теоріи словесности въ среднихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. Кіевъ. 1913. Изд. „Сотрудникъ". Стр. VIII+159. Ц. въ обозн.

2064. Акимова, С. (Рахманинова). 891.7—1

Пѣсни старости. Стихотворенія: лирическія, юбилейныя, историческія, Л. Толстому, Балканскимъ и др. текущ. событіямъ. Кн. 1 и 2. Изд. автора. М. 1913. Стр. 32+30. Ц. по 50 к. за кн.

2065. Стреминъ, М. 891.7—1

Замкнутый Кругъ. Стихи. Обложка раб. В. Сварога. Спб. 1913. Стр. 94. Ц. 75 к.

2066. Чулковъ, М. Дм. 891.7—1

Сочиненія. Томъ I. Собраніе разныхъ пѣсенъ. Части I, II и III-я съ прибавленіемъ. Спб. 1913. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Стр. VIII+780. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

2067. [. . . . . 891.7—1

Эго-футуристы. Бей!.. (Но выслушай!..) Изд. „Петербургскій Глашатай". Спб. 1913. Стр. 16. (Съ портр. И. В. Игнатьева). Ц. 50 к.

Содержаніе: Слѣдомъ за... Третій входъ. Непрестанность. Онанъ. Маршрутъ. Финала. Всев. Свѣтлановъ. — Символическая симфонія. (Опытъ стихійной симфоніи). Димитрій Крючковъ. Ликомъ милымъ... Матово. Въ солнечный день. Не будь, какъ Марѳа... Вад. Шершеневичъ. Золотая свадьба. Поэма для пародій.

2068. Анненскій, Ин. 891.7—2

Ѳамира-Кіѳарэдъ. Вакхическая драма. Изд. посмертное, В. П. Португалова. М. 1913. Стр. 128. Ц. (не обозн.). [Изд. въ колич. 100 экз.].

2069. Арцыбашевъ, М. 891.7—3

У послѣдней черты. Романъ. М. 1913. Изд. „Моск. Книгоизд." Стр. 296. Ц. 2 р. 50 к.

2070. Герцо-Виноградскій, П. Т. (Лоэнгринъ). 891.7—3

Химеры. Ростовъ-на-Дону. 1913. Стр. 80. Ц. 40 к.

Содержаніе: Сочельникъ одинокихъ. Старая мебель. Въ библіотекѣ. Жизнь прогрессивнаго журналиста. Исторія одной болѣзни. Ласточка. Отстанка стараго года. Щелчки. Добрыя и злыя дѣти. Розга. Диккенсъ подвелъ. Недоконченная сказка. Рождественской ночью. Первое мая.

2071. Гринъ, А. 891.7—3

Собр. соч. Т. II. Проливъ бурь. Изд. „Прометей", Н. Н. Михайлова. Спб. 1913. Стр. 215. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Проливъ бурь. Смерть Ромелинка. Дьяволъ оранжевыхъ водъ. На склонѣ холмовъ. Трагедія плоскогорья Суанъ. Жизнь Гнора.

2072. Ефименко, А. Я. 891.7—3

На Украйнѣ. Очерки и разсказы. Вып. второй. „Библіотека для семьи и школы". М. 1913. Изд. 5-е, журн. „Юная Россія". Стр. 128. Съ рис. Ц. 30 к.

2073. Семеновъ, С. Т. 891.7—3

Настасья Большенина. Разсказъ крестьянки. Для взрослыхъ. М. 1913. Изд. „Посредника". Стр. 47. Ц. 3 к.

2074. Тыркова, А. 891.7—3

Жизненный путь. Романъ. Спб. 1913. Стр. 226. Складъ: „Провинція". Ц. 1 р. 25 к.

2075. Ѳедоровъ, А. М. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. VII. Солнце жизни. Ч. I. М. 1913. Изд. Н. П. Клочкова. Стр. 183. Ц. 1 р. 25 к.

2076. Алейхемъ, Шоломъ. 892.4—3

Собр. соч. Т. II. Блуждающія звѣзды. Ч. III. Романъ. Изд. „Универс. книгоизд.", Л. А. Столяръ. М. 1913. стр. 296. Ц. 1 р. 10 к.

2077. Лагерлефъ, Сельма. 839.7—3

Платокъ свитой Вероники. Легенда. Пер. М. П. Благовѣщенской. Съ 7 ориг. худ. К. Н. Хридберга. Дѣтское кн-во „Медвѣженокъ". Спб. 1913. Стр. 47. Ц. 25 к.

Исторія и географія [9]

2078. Пирлингъ, П. 9(04)

Историческіе статьи и замѣтки. Спб. 1913. Изд. Я. Башмакова и К°. Стр. 191. Ц. 1 р. 25 к.

* **Бунина, П.** 9(47):92(М)

См. пор. № 2084.

2079. Имануэль. 9(495/7)

Балканская война 1912 года. Вып. I. Событія до войны. Вооруженныя силы сторонъ. Обзоръ театра военныхъ дѣйствій. Пер. съ нѣм. Д. К. Лебедевъ. Спб. 1913. Изд. В. Березовскаго. Стр. 72+1 карта. Ц. 75 к.

2080. Беличъ, А., проф. 9(497.1/2)

Сербы и Болгары въ Балканскомъ союзѣ. Спб. 1913. Стр. 83. Съ 5 карт. Ц. 75 к.

2081. Истоминъ, В. А. 9(51)

Китай и китайцы въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Изъ чтеній по всеобщей исторіи. М. 1913. Изд. комис. по организ. чтеній для рабочихъ. Стр. VII+90. Съ рис. Ц. 40 к.

2082. Слобожанскій, С. 91(4)(08)

Европа. Географич. хрестоматія. Съ 25 рис. Ч. II. Югъ: Южные полуострова. Изд. „Вятскаго т-ва". Спб. 1913. Стр. 255. Ц. 80 к.

Содержаніе: Кастильское плоскогорье.— Доза. Мадридъ.— Сидорова и Яковлева. Барселона.— Буквы. Въ Севильѣ. — Немировичъ-Данченко. Искусств. орошеніе полей въ Испаніи.— Вегенера. Въ Андалузіи.—Кильларде... На черной горѣ. — Буквы. Сербы. — Мюзе. Болгарскій крестьянинъ.—Де-Лонэ... Въ горахъ Албаніи.—Вонга... Константинополь.— Сидорова. Турецкая деревня.—Гарнетъ. Современные греки.—Де-Маркеттъ, въ пер. Врагинскаго. Аѳины. — Маркова.

2083. Кравецъ, Т. П. 92(Л):53

Лебедевъ и созданная имъ физическая школа. (Изъ публичной рѣчи памяти покойнаго). (Отд. изъ журн. „Природа" 1913 г. № 3). М. 1913. Стр. 15.

2084. Бунина, П. 92(М):9(47)

Боярыня Морозова. „Историч. библ." № 57. М. 1913. Изд. „Дѣло". Стр. 94. Ц. 10 к.

2085. Сакулинъ, П. Н. 92(0):141

Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. О. Одоевскій. Мыслитель-писатель. Т. I. Ч. 1. М. 1913. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Стр. VI 616.

2086. Панкратовъ, А. С. 929(С)

Потомки Ивана Сусанина. Изд. В. П. Португалова. М. 1913. Стр. 46. Ц. 20 к.

Содержаніе журналовъ.

„Вопросы Психіатріи и Неврологіи". (1913—5). Изъ Харьковскаго о-ва непропатологовъ и психіатровъ.—Рецензіи.—Рефераты.—Хроника.

„Вѣстникъ Знанія". (1913—5). Проф. А. К. Бороздинъ. Среди народныхъ учителей.—Н. А. Томилинъ. Практическія занятія и демонстраціи по электричеству.—Н. Арнольдовъ. Попытка объяснить тяготѣніе и нѣкоторыя другія явленія природы.—Проф. Ф. Энгюи. Развитіе эмбріологіи.—Д-ръ М. Меллеръ. Цвѣтущія лѣсныя деревья.—Какъ отличить животное отъ растенія.—Проф. Видлингмайеръ. Къ южному полюсу.—С. Стовновъ. Монголія.—Н. Пасѣчникъ. Кролиководство, какъ новый промыселъ.—Какъ слѣдуетъ устраивать громоотводы.—В. Г. Голиковъ. Литературная мозаика.—Библіографія.—В. В. Битнеръ. Бесѣды съ молодежью.—К. Эвальдъ. Невидимки.—Проф. Ж. Фабръ. Свѣтлячекъ.—Д-ръ Ф. Солимена. Предусмотрительность птицъ.—Ч. Тиди. Добываніе огня.—Изъ нашей лабораторіи. Вопросы науки и практики.—Задачи.

„Вѣра и Разумъ". (1913—9). Проф. Т. П. Буткевичъ. Протестантство въ Россіи.—Проф. Н. Стеллецкій. Опытъ нравственнаго Православнаго богословія въ апологетическомъ освѣщеніи. (Продолж.).—Е. Н. Одинъ изъ опытовъ современнаго богословія на Западѣ.—П. Нечаевъ. Къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры. (Оконч.).—С. Н. А. Библіографическая замѣтка.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы". (1913—5). I. Общественная жизнь: Дредноуты. Отзывъ австрійскаго дипломата о роли Австро-Венгріи въ современныхъ событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Адріатическая выставка въ Вѣнѣ. Дочь спирита. Къ исторіи бильярда въ Вѣнѣ. Радость и прелесть обнаженности. Что думаетъ современ. барышня о современ. молодомъ человѣкѣ.—II. Историческія новости: Мадемуазель Гого. Изъ мемуаровъ англ. фельдмаршала, виконта Уольслэя. III. Театръ и искусство: Импрессіонизмъ въ музыкѣ. Кружева. Христосъ въ искусствѣ.—IV. Изъ области науки: Новая электрическая лампа.—Г. Ружо. Власть пищи. Съ фр.—I. Бойеръ. Жизнь. Съ норвежск.—К. и А. Вильямсонъ. Гости Геркулеса. Съ англ.—Э. де-Свабра. Сокровища Бразиліи. Съ портр.—Сарафъ Кумаръ Тюшъ. Среди людоѣдовъ.—А. Негри. Преступленіе.—С. Эгглестонъ. Въ гардеробной.—В. В. Джэкобсъ. Перемѣна фронта.—I. Коббъ. Жертва коммерціи.—Клеве. Двѣ дамы.

„Вѣстникъ Психологіи, Криминальной Антропологіи и Педологіи". (1913—вып. III, т. X). Акад. В. М. Бехтеревъ. О воспитаніи въ младенчествующемъ возрастѣ. — И. П. Файнгеръ. — Дѣтская самостоятельность въ вопросахъ сравнительной психологіи. — Хроника психологической лабораторіи. П. Н. И.—Рефераты и сообщенія.—Оффиц. часть: Докладная записка проф-овъ В. П. Вартанова и А. С. Гинзберга. Программа курса психологіи дѣтскаго возраста и педагогической психологіи. Проф. К. П. Поварнинъ.

„Вѣстникъ Теософіи". (1913—5-6). А. Безантъ. Путь къ посвященію и совершенствованію характера. Перев. В. Пушкиной.—П. Тимофеевскій. Вопросы нѣчные и теософіи, докладъ.—Ч. Ледбитеръ. Ясновидѣніе. Перев. М. Станюковичъ.—Н. Павлинова. Пиеагоръ.—М. Станюковичъ. Жизнь въ произведеніяхъ С. Лагерлёфъ. — Н. Батюшковъ. Путь духовнаго познанія. — С. Гедроицъ. Сосна, сказка. Стихотворенія.—Н. Павлинова. Бѣлый лотосъ, стих.—В. Пушкина. Обзоръ теософической литературы.—В. М. Хроника теософическаго движенія.—Н. Т. Хроника жизни.—Н. Т. Изъ газетъ и журналовъ.—В. С. Человѣческая атмосфера или аура, видимая сквозь химическіе экраны.—М. Бермовъ. Письма изъ Адіары.—Вопросы и отвѣты.—Гарденина. Отзывы о книгахъ.—Е. П. Блаватская. Эволюція символизма. (Изъ Тайной Доктрины).—Древне-китайскія изреченія.

„Голосъ Минувшаго". (1913—5). П. Шрейдеръ. Джузеппе Мадзини о національн. вопросѣ.—R. Валерізнъ Лукаспнскій.—Е. Колосовъ. М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій.—В. Максимовъ. Автобіогр. записки. (Продолж.).—П. Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминаній. (Оконч.)—Автобіогр. замѣтка П. В. Засодимскаго. Сообщ. Вѣтринскій.—И. Степененко. Изъ воспомин. о П. В. Засодимскомъ. — И. Артоболенскій, свящ. Къ біограф. В. О. Ключевскаго.—Н. Іорданскій. Изъ недавняго прошлаго.—С. Мельгуновъ. Моск. университетъ въ 1894 году.—А. Черткова. Л. Н. Толстой и его знакомство съ духовно-православной литературой.—Изъ писемъ В. О. Ключевскаго.—М. Гершензонъ. О способахъ распространенія „Колокола".—Гр. В. Н. Паниинъ о Герценѣ.—По поводу „Неизвѣстной сатиры" отъ редакціи.—Обзоръ журналовъ.—Критика и библіографія.—Хроника.—Л. Браунъ. „Письма маркизы", романъ. Перев. Э. Пименовой.

„Для Народнаго Учителя". (1913—9). М. Рубинштейнъ. Умственное утомленіе.—Д. М. Б-скій. Психологія женщины въ связи съ вопросомъ о совмѣстной школѣ.—Дѣтскіе рисунки, ихъ психологическое значеніе.—М. Рубинштейнъ. Наглядность въ обученіи.—Педагогическая конференція въ Ярославлѣ.—М. Обуховъ. Письма съ мѣстъ.—М. Тих-овъ. Вопросъ о дополнительныхъ школахъ въ Московскомъ уѣздномъ земствѣ. —Библіографія.—В. Доброгурская. Обзоръ дѣтскихъ произведеній Д. Н. Мамина-Сибиряка. — Н. Обзоръ журнальной и книжной литературы.—Н. Чеховъ. Учительскія общества, ихъ задачи и организація.—В. Бабаковъ. Школьный музей.—Учительскіе курсы предстоящимъ лѣтомъ.—Разныя извѣстія.

„Для Народнаго Учителя". (1913—10). П. Ильинъ. Воспитаніе гражданственности по Герценштейну.—Н. Рыбниковъ. Дѣтскіе рисунки, ихъ психологическое и педагогическое значеніе. — А. Рожковъ. Взгляды Локка и Каменскаго на дисциплину.—П. Ѳ. М. Зависимость дѣятельности народныхъ библіотекъ отъ ихъ организаціи.—П. Скотниковъ. Къ общеземскому съѣзду по статистикѣ народнаго образованія.—С. І. Байковскій. Письма съ мѣстъ.—М. С-въ. Библіографія. —

В. Доброгурская. Обзоръ дѣтскихъ произведеній. Д. Н. Мамина-Сибиряка.—Н. Обзоръ журнальной и книжной литературы.—М. Тихоміровъ. Сельскія просвѣтительныя общества.—Н. В. Чеховъ. Учительскія общества, ихъ задачи и организація.—Экскурсіонная комиссія Московскаго общества грамотности.

„Естествознаніе и Географія". (1913—4). Д-ръ Л. Н. Александровъ. Изъ поѣздки по крайнему Сѣверу Россіи.—Проф. д-ръ Вейле. Погребеніе у индѣйскихъ племенъ. Перев. Е. С.—Д-ръ Г. Штели. Самцы въ роли нянекъ у позвоночныхъ животныхъ. Перев. А. П.—Б. В. Игнатьевъ. Ботаническія экскурсіи въ Малаховкѣ и ея окрестностяхъ. (Оконч.).—Р. Резе. О растворахъ. Перев. Е. С.—В. Альбанскій. На Новую землю. (Продол.).—Д-ръ Шпильгеръ. Опыты надъ пищевыми веществами. Перев. Е. С.—Г. Шомбургкъ. Карликовый бегемотъ. Перев. Е. С.—С. Бастамовъ. Климатическій очеркъ Москвы.—Д-ръ Шпильгеръ. Біологическіе опыты, заимствованные изъ новѣйшей литературы. Перев. Е. С.—М. Вагнеръ. Изъ практики школьныхъ садовъ.—Критика и библіографія.—Смѣсь.—Хроника.

„Извѣстія по Народному Образованію". (1913—5). Правительственныя распоряженія.—Я. Н. Рудневъ. Объ организаціи и постановкѣ учебнаго дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ.—Э. Л. Эрдманъ. Методическіе пріемы и научная система въ обученіи иностранному языку.—А. П. Ограновичъ. Очеркъ воспитанія и практическаго обученія въ Швеціи.—А. В. Круковскій. Очерки педагогическаго прошлаго въ Сѣверо-Западномъ краѣ. I.—Отзывы о книгахъ.

„Обновленіе Школы". (1913—XV). Н. Е. Румянцевъ. Борьба за „Обновленіе Школы".—В. Лай. Цѣль и преподаваніе естествознанія.—Интересы у дѣтей. Переводъ Мальцевой.—Н. Румянцевъ. Пробужденіе души. П. Милль.—Хроника.

„Педагогическое Обозрѣніе". (1913—4). Н. Румянцевъ. Память, ея природа и развитіе у дѣтей.—А. Ферьеръ. Біогенетическій законъ и образованіе. (Оконч.).—Н. Флеровъ. Естествознаніе въ начальной школѣ.—В. Мурзаевъ. Какъ обучать рисованію въ начальной школѣ. (Продолж.).—Д. В—скій. Какъ обучаютъ десятичнымъ дробямъ въ начальныхъ школахъ Нѣмецкой Швейцаріи. (Продолж.).—В. Б—въ. Обзоръ журналовъ.—Хроника школьной жизни.—Изъ школьной практики.—Критика и библіографія.

„Педагогическій Сборникъ". (1913—6). П. Самохваловъ. Къ постановкѣ курса анализа безконечно-малыхъ въ кадетскихъ корпусахъ.—С. Аржановъ. Нѣсколько словъ о географіи и постановкѣ ея въ кадетскихъ корпусахъ.—Вл. Шидловскій. О желательности ознакомленія учащихся старшихъ кл. нашей средн. школы со способомъ интерполированія.—Н. Гусевъ. Къ 100-му юбилею Омскаго кадетскаго корпуса.—Изъ дневника редакціи.—Критика и библіографія.

„Популярный Литературно-Медицинскій Журналъ". (1913—4). М. Росляковъ. Грѣхъ, разск.—Д-ръ мед. Л. Левенфельдъ. Бракъ и счастье. Сокращ. перев. съ 3-го нѣм. изд. Б. А. Винницкой подъ ред. д-ра Е. А. Аркина. (Продолж.).—Д-ръ мед. К. Тэннигесъ. Преждевременная старость. Перев. съ нѣм. В. М. Познера. (Оконч).—**„Домашній Докторъ"**. (1913—4). Д-ръ Л. Гиршъ. Нормальное зрѣніе и близорукость.—Листокъ съ объявленіемъ раковой болѣзни.—А. Бахтіаровъ. Питаніе бѣднаго класса въ столицѣ.—С. Берсеневъ. Эпидемія на курортахъ.—Практическая медицина.—Общественная медицина.—Домашняя ветеринарія.—Медицинскія замѣтки.—Почтовый ящикъ.

„Природа". (1913—5). А. А. Михайловъ. Поглощеніе свѣта въ космическомъ пространствѣ.—А. Думанскій. Коллоидальные растворы.—А. Гаммъ. Наша атмосфера.—Б. Берконгеймъ. Побѣда надъ невѣсомымъ.—Проф. П. П. Бахметьевъ. Въ поискахъ за ●———○. (Отрывокъ изъ моихъ изслѣдованій партеногенезиса).—Л. П. Кравецъ. О культурѣ тканей внѣ организма.—Проф. Э. Бордажъ. Наслѣдственность и теорія мутаціи.—А. А. Волковъ. Жозефъ-Луи Лагранжъ.—Научныя новости.—Смѣсь.—Астрономическія извѣстія.—Географическія извѣстія.—Библіографія.

„Русская Мысль". (1913—5). В. С. Сѣрова. Ал. Ник. Сѣровъ. Воспом. (Оконч.)—В. Брюсовъ. Простенькая пѣсня, стих.—А. Беннетъ. Леонора, ром. Перев. съ англ. Э. К. Пименовой.—(Оконч.)—М. Л. Толмачева. Вѣчное.—Д. фонъ-Лиліенкронъ. Вышка, разск. Перев. съ нѣм. Н. Дегенъ.—А. П. Чапыгинъ. Бѣлый скитъ, повѣсть. (Продолж.)—Б. Садовскій, С. Парнокъ и А. Мейеръ. Стихотворенія.—В. Викторовъ-Топорковъ. Драма молодой Болгаріи.—М. Гал—инъ. Среди хроникеровъ. Картинки и впечатлѣнія.—Волжскій. Достоевскій и Чеховъ. Параллель.—Н. Нордовъ. Флотъ и общество.—Е. В. Гешинъ. Трифоново-Печенскій монастырь. Изъ путевыхъ впечатл.—С. Булгаковъ. Философія хозяйства.—П. Н. Березинъ. Искусственное оплодотвореніе и опытъ гибридизаціи.—Л. Гуревичъ. Послѣднія постановки Художественнаго театра.—Е. Гаршинъ. Матеріалы по исторіи русск. литер. и культуры. Литературный дебютъ Вс. Гаршина.—Въ Россіи и за границей.—Критическое обозрѣніе.

„Русская Школа". (1913—4). Законод. постановленія и правительств. распоряженія.—Е. Медынскій. Основы организаціи внѣшкольнаго образованія.—Проф. Д. П. Кониси. Народная школа въ Японіи.—Л. Кравченко. Въ защиту дѣтей.—Е. Кувшинская. Охрана дѣтскаго труда.—М. Ларисъ. Еще объ экскурсіяхъ учениковъ начальныхъ школъ.—С. Константиновъ. Два года въ земской школѣ. (Оконч.)—К. С. Митигинъ. Вопросъ о совмѣстномъ обученіи на I Всерос. Съѣздѣ по образованію женщинъ. (Оконч.).—Н. Соколовъ. Вопросы совмѣстнаго обученія и воспитанія на съѣздѣ по семейному воспитанію.—Н. Костинъ. Московскіе курсы ручного труда.—Е. А. Кенигсбергъ-Коварская. Экспериментальные уроки, какъ одинъ изъ пріемовъ естественнаго эксперимента.—Библіографія отд. эксперим. педагогики.—Критика и библіографія.—Педагогическая хроника.

„Свободное Воспитаніе". (1912-13—8). Т. Сухотина. Марія Монтессори и свободное воспитаніе.—А. Китаевъ. О лѣтнихъ подготовит. школахъ, организованныхъ Воронежской уѣздной земской управой.—К. Вентцель. Свободное воспитаніе и семья.—И. Кохановъ. Воскресная школа въ дѣлѣ свободнаго воспитанія.—С. Дурылинъ. В. М. Гаршинъ, какъ дѣтскій писатель.—Б. Вашингтонъ. Новый типъ сельской школы въ Америкѣ. Съ англ.—Секція дѣтской гигіены на 15 междунар. конгрессѣ по гигіенѣ и демографіи въ Вашингтонѣ. Съ англ. Н. К.—Изъ

газетъ и журналовъ.—Чѣмъ должна быть народная школа.—Отовсюду.

„Современникъ“. (1913—5). М. Горькій. Хозяинъ, повѣсть. (Оконч.).—И. Бунинъ. Художникъ, стих.—С. Семеновъ. Бѣдняки.—Л. Старкъ. Въ горахъ, стих.—В. Дмитріева. Сухари, повѣсть. (Оконч.).—Эсъ до-Кересъ. Преступленіе отца Амаро, романъ. Перев. Т. Герценштейнъ.—М. Росляковъ. Пришелъ, разск.—Л. Пиранделло. Живая и мертвая, разск. Перев. Е. Шестаковой.—А. Бережниковъ. Всѣ пути скрещиваются.—Суперанскій М. П. А. Гончаровъ и Н. И. Надеждинъ.—О. Бауеръ. Борьба за Албанію. Пер. Н. Гарри.—А. Шебунинъ. Обществ. и политич. взгляды И. И. Тургенева.—С. Анисимовъ. Какъ это было.—В. Водовозовъ. Новый походъ на печать.—Новое о прошломъ.—Г. Цыперовичъ. Уснѣхи карательнаго движенія въ Россіи.—А. Черный. Элегическая сатира въ прозѣ.—Итоги и факты.—Ф. Батюшковъ. Гастроли Художеств. театра.—Е. Ольховскій. Провинціальные отклики.—Новыя книги.

„Сѣверныя Записки“. (1913—4). А. Блокъ. Спутникъ, стих. — С. Патрашкинъ. Мертвые цвѣты, разск.—А. Овсянниковъ. Крестьяне и крестьянская доля въ старой французской поэзіи.—А. Герцыкъ. Мои романы.—Стендаль. Излишняя благосклонность вредитъ, новелла. Перев. І. Брюсовой.—В. Галаховъ. Три стихотворенія.—Н. Шапиръ. Елизавета Павловна, разск.— С. Гедройцъ. Сонъ, стих.— Н. Гнѣсина. Открытіе Э. Жана-Далькроза.— А. Кривинская. Мальвида фонъ-Мейзенбугъ.— А. Полянинъ. Отмѣченныя имена.— Н. Лернеръ. Изъ поэтическаго наслѣдія Пушкина.—Б. Эйхенбаумъ. Достоевскій въ иностранной критикѣ.—Н. Гекеръ. Михайловскій Х-го тома. — Г. Ландау. Увалень и культура. (Полемическіе отрывки).—Н. Быковскій. Трагедія культурныхъ порывовъ.—Замѣтки о книгахъ.

„Украинская Жизнь“. (1913—5). С. А. Ефремовъ. Писатель-гуманистъ. (Къ 40-лѣтію литературной дѣятельности Ив. Франка).— М. Данько. Писатель своего народа. (Ив. Франко какъ беллетристъ).—С. В. Петлюра. Ив. Франко-поэтъ національной чести.—Б. С. Познанскій. Воспоминанія. (Оконч.).—Вол. Я. Петербургская академія наукъ и украинская литература.—П. І. Стебницкій. Петербургская „Просвѣта“.—С. Ф. Русова. Украина въ европейской прессѣ.—Дм. Донцовъ. Начало конца. (Письмо изъ Галиціи).— С. А. Ефремовъ. На текущія темы.—На Украинѣ и внѣ ея.—Литературная лѣтопись.

„Художественно-Педагогическій Журналъ“. (1913—8). М. В. Первый съѣздъ по вопросамъ семейнаго воспитанія.— Гаель. Отрывки изъ „Разговоровъ Родена объ искусствѣ“. Перев. съ франц. С. Тарасова.—М. В. Легкія работы по дереву въ связи съ черченіемъ. — Искусство и жизнь.—Хроника.— Иностранная художественная хроника.—Библіографія.

Книги, поступившія въ редакцію.

Изд. „Посредникъ“. М.

Въ защиту жизни. Мысли Л. Н. Толстого и другихъ, вписанныя ими въ альбомъ Гашкентской вегетаріанской столовой. 15 к.

Т. Галецкій. Л. Н. Толстой и вегетаріанство. 10 к.

В. Тотоміанцъ. Двадцать апостоловъ коопераціи. 10 к.

Н. Кабановъ. Полный эсперанско-русскій словарь. 70 к.

Половое воспитаніе. Сборникъ статей, составл. родителями, учителями и воспитателями. 70 к.

Изд. В. П. Португалова. М.

А. С. Панкратовъ. Потомки Ивана Сусанина. 20 к.

Ин. Анненскій. Фамира-Кифаредъ. Вакхическая драма.

Изд. „Нижегор. Ежегодникъ“. Н.-Н.

А. Н. Яшковъ. По русскому Сѣверу. 40 к.

В. В. Корсаковъ, д-ръ мед. Санаторіи и курорты. Финляндіи. 37 к.

М. Стреминъ. Замкнутый кругъ. Стихи. 75 к.

Народныя библ. Харьковской губ. за 1911 г. Статистич. обзоръ. Изд. Харьк. Губ. З. Упр.

С. К. Анимова (Рахманинова). Пѣсни старости. Кн. 1 и 2. Изд. автора. По 50 к.

К. Крайль. Мыслящія животныя. Изд. „Начало“. 1 р. 75 к.

„Поросль“. Кавказскій литературно-художествен. альманахъ. Кн. 1-я. 1 р.

„Проблески“. Литерат.-худож. сборникъ. 65 к.

Г. Теръ-Рубинянъ. Что такое экспериментальная педагогика. 15 к.

П. Т. Герцо-Виноградскій (Лоэнгринъ.) Химеры. 40 к.

В. П. Вахтеровъ. Основы новой педагогики. т. І. 1 р. 60 к.

В. И. Колпаковъ. Методическія бесѣды по теоріи пѣнія. Изд. ж. „Русск. Шк.“ 50 к.

П. Борскій. На семейномъ посту. Разск. Оттискъ и журн.

А. Горностаевъ. Глубокимъ утромъ. Стихи. Изд. Н. И. Дорофѣевой. 50 к.

И. Егуновъ. Малоспособности учащихся дѣтей и мѣры борьбы съ ней. Изд. 2-е. 60 к.

Н. Н. Любовичъ, проф. Варшава въ 1812 г.

Кн. Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Т. ІІ. Изд. К. Ф. Некрасова. 2 р.

Издатели: { В. Крандіевскій. В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

„ПРОМЕТЕЙ“

С.-Петербургъ, Поварской, 10—9.

„Прометей“. Лит.-худож. сборники. Книга I. Избранныя произведенія современной русской литературы. . . . . —.50

Ив. Всльновъ. Повѣсть о днихъ моей жизни 1.25

Токутоми Кэнджиро. Лучше не жить! (Трагедія женской души). Японскій романъ съ предисл. Льва Жданова . . 1.25

Александръ Гринъ. Т. I. Штурманъ четырехъ вѣтровъ. 1.25
Т. II. Проливъ бурь 1.25

Келлерманъ, Б. Идіотъ. Романъ . . . 1.25

Иларій Шадринъ. Бурса. Повѣсть изъ сонр. жизни семинарій и духовенства. 1.50

Кн. Барятинскій, В. Е. Царственный мистикъ (Императоръ Александръ I—Ѳедоръ Кузьмичъ) 1.25

Дастръ. Жизнь и смерть. 1.25

Штэнбергенъ. Интуитивная философія Анри Бергсона 1.25

АМФИТЕАТРОВЪ, А.

Паутина. Романъ 1.25
Аглая. Романъ. 1.25
Раздѣлъ. Романъ. 2.25

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

Въ стѣнахъ Варшавы. Ч. I и II . . 1.50
Осажденная Варшава 1.25
Сгибла Польша! 1.25
Былые дни Сибири 1.25
Послѣдній фаворитъ. 1.75

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ.

Т. 12. Приключеніе. 1.25
Т. 13. До Адама. . . . . 1.—
Т. 15. Мои скитанія . . . . . 1.—

УПТОНЪ СИНКЛЕРЪ.

Т. 1. Испытанія любви. 1.50
Т. 2. Джунгли. . . . . 1.—
Т. 3. Деньги . . . . . 1.—
Т. 4. Царь Мидасъ 1.25

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталогъ безплатно.

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА

ПРЕССЫ и ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА РОССІИ ВО ДВОРЦѢ МЕЖДУНАРОДНАГО ОТДѢЛА ГЕНТСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ

(май — ноябрь 1913 г.).

Программа выставки: газеты и журналы, издательства, книжные магазины, библіотеки, публикаціонное дѣло и вообще всѣ учрежденія и предпріятія, обслуживающія прессу и книгоиздательство. Участники русскаго отдѣла пользуются всѣми правами экспонентовъ всемірной выставки, т.-е. имѣютъ право на полученіе дипломовъ и медалей. Детальныя свѣдѣнія по первому требованію. Писать: Musée de la presse russe, rue de la Madeleine, 46. Bruxelles. Экспертиза экспонатовъ состоится въ сентябрѣ т. г.; экспонаты принимаются до конца августа.

печати и читающей частью общества, а низкая цѣна издания дѣлаетъ этотъ безусловно полезный органъ печати вполнѣ доступнымъ для широкой публики"... „Сѣв. Утро": „Журналъ... въ дѣльныхъ обстоятельныхъ статьяхъ дастъ книгу - ассепцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... точно отмѣчаетъ, какъ бьется въ данный моментъ пульсъ человѣческаго генія во всѣхъ его проявленіяхъ... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго"... „Русск. Молва": „Все то важное, что терялось въ гущѣ журналовъ и пестромъ содержаніи газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ не только тѣ, которые спеціально въ этой области работаютъ — для нихъ журналъ незамѣнимъ, — но и самые широкіе круги читателей... Немногіе имѣютъ время и возможность слѣдить за всѣми органами печати, и потребность въ журн. типа „Бюллетеней", держащемъ своего читателя въ курсѣ литературной жизни, — велика".

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ЖУРНАЛА РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 3 р. Допускается разср.: 1 р.—къ 1 сент., 1 р.—къ 1 янв. и 1 р.—къ 1 мая. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учителей при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала подписная цѣна на годъ — 2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почт.-телеграфн. учрежден. Имперіи. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Продажа производится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ, въ газетн. кіоскахъ и на ст. жел. дор.

Книгоиздательства приглаш. присылать исключительно на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ библіограф. свѣдѣній. Имѣются полн. компл. журн. „Бюллетени" за 1910 — 11 и 1911 — 12 гг. Цѣна комплекта 1-го года — 2 р., 2-го — 3 р. съ пересылкой.

Цѣна за оба комплекта въ переплетѣ (3 тома)—6 р. 50 к.

Адресъ конт. и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. 1-е отд. конт.: Б. Никитская, 10, кн. маг. „Наука". 2-е отд. конт.: С.-Петербургъ, Стремянная, д. 6, кн. складъ „Провинція".

СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ ПОВСЕМѢСТНО

АГЕНТЫ-СОТРУДНИКИ

безъ малѣйшихъ затратъ и риска на опредѣленное жалованіе и %%. Подробн. усл. высыл. безпл. Иркутскъ. Контора газеты „СИБИРСКІЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ". Почтамтская, № 14.

Открыта подписка на журналъ

ФЕЛЬДШЕРСКАЯ МЫСЛЬ.

Органъ Ростовскаго и-Д. Общества фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ, издаваемый Правленіемъ О-ва. Выходитъ 12 разъ въ годъ по слѣдующей программѣ: I. — Статьи по общественной медицинѣ, гигіенѣ, санитаріи и вопросамъ фельдшерско-акушерскаго образованія, быта и права. II. — Хроника выдающихся событій изъ жизни фельдшерско-акушерскихъ обществъ и Союза ихъ; фельдшерскіе съѣзды. III. — Обозрѣніе фельдшерской и врачебной печати. IV. — Протоколы засѣданій Правленія и Общихъ Собраній Ростовскаго-на-Дону Общества фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ: обзоръ дѣятельности этого общества. V.— Библіографія. VI.— Некрологи. VII.— Разныя извѣстія. VIII. — Объявленія. Членамъ Общества журналъ высылается безплатно, въ продажѣ цѣна отдѣльн. № 15 коп. Лица и учрежденія, желающія получать журналъ по предварительной подпискѣ, уплачиваютъ ОДИНЪ рубль въ годъ. ПОДПИСКА принимается въ Правленіи Общест. Ростовъ н-Д., вокзалъ, пріемн. покой Влад. ж. д. Редакторъ Г. П. Задера.

„Школьное Дѣло“.

НАГЛЯДНЫЯ УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ.

МОСКВА,

Кузнецкій Мостъ, пассажъ Джамгаровыхъ. **Телефонъ 178-83.**

Наглядныя учебныя пособія по всѣмъ предметамъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Выпущены научно-систематизированные каталоги на русскомъ языкѣ по естествовѣдѣнію и географіи, со списками пособій, необходимыхъ при прохожденіи этихъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Учебнымъ заведеніямъ и гг. преподавателямъ [каталоги высылаются безплатно.

Оборудованіе физическихъ и химическихъ кабинетовъ.

ЗАВѢТЫ.

Продолжается подписка на 1913-й г. на большой журналъ. 11-й г. изданія. Постоянные отдѣлы: Дѣла и дни—Я. Вѣчевъ. (В. Черновъ). Литература и общественность — Ивановъ-Разумникъ. По градамъ и весямъ — М. Пришвинъ. Свое и чужое (русская жизнь) — С. Мстиславскій. Подписная цѣна: на 12 мѣс. 10 руб.; на 6 мѣс.—5 руб.; на 3 мѣс. — 2 руб. 50 коп.; на 1 мѣс.—85 коп. Романъ Р. Ролшина. „То, чего не было“, напечатанъ въ 8 кн. ж. „Завѣты“ за 1913 г. Всѣ книги высылаются за 7 руб. Въ тѣхъ же книжкахъ напечатано: И. Бунина (Веселый дворъ), В. Вишневскаго (Исторія Акимова зданія), М. Горькаго (Рожденіе человѣка), Ив. Вольнаго (Повѣсть о днях моей жизни), М. Пришвина (Иванъ-Осляничекъ), А. Ремизова (Бисеръ малый, Свѣтъ немеркнущій), С. Сергѣева-Ценскаго (Около моря), Ал. Толстого (Лѣнтяй), К. Тренева (Ярмарка, Владька), П. Сургучева (Торговый домъ), В. Шишкова (Краля), Ив. Шмелева (Поденка) и мн. друг. Всѣ №№ за 1912 и 1913 г.г. разосланы подписчикамъ и находятся въ продажѣ въ кн. магазинахъ. Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Косой пер., 11, уг. Соляного. Телефонъ 193—27. Въ Москвѣ: складъ—книжнаго маг. „Наука“.

Редакторъ *И. И. Краевскій.* Издательница *С. А. Иванчина-Писарева.*

ОТЪ КОНТОРЫ.

Въ Западной Европѣ объявленія для „Бюллетеней Литературы и Жизни“ принимаются, между прочимъ, Коммерческимъ Агентствомъ при Музеѣ русской прессы въ Брюсселѣ (Musée de la Presse Russe, Rue Madeleine, 46. Bruxelles.). Тамъ же продаются отдѣльные №№ журнала и принимается на него подписка.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 88-60 и 1-31-34.

ц. 20 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 20. Іюнь. 1913.

(Четвертый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. Оазисы философской мысли Востока. (Шри Рамакришна Парамагамза) 873
2. Вопросы вѣчные и теософія 876
3. Чѣловѣкъ на пути къ новому міроощущенію 883
4. Тоска по стихійной непосредственности 888
5. Смерть въ пониманіи Метерлинка. 891
6. О футуризмѣ и его родоначальникѣ 894
7. Нынѣшній Максимъ Горькій 900
8. Безсиліе человѣческаго слова („Русскія вочи“ кн. В. Ѳ. Одоевскаго) 902
9. Н. А. Морозовъ о своихъ тюремныхъ настроеніяхъ и злоключеніяхъ ... 905

Отзывы о книгахъ. — Новыя книги. — Содержаніе журналовъ. — Объявленія.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Москва, Б. Никитская, д. 10, кн. маг. „Наука“. Тел. 254-99. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція“.

МОСКВА.

СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ 1912 ГОДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный журналъ новаго типа

(4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ большого формата въ два столбца.

Задача журнала „Бюллетени Литературы и Жизни“ — по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Все временное, скоропреходящее, хотя бы и сенсаціонное, по нехарактерное для жизни человѣческаго духа, журналомъ „Бюллетени“ совершенно игнорируется, какъ ненужный балластъ, только затемняющій подлинное лицо жизни. Наоборотъ, изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ, главнымъ образомъ, то, что не носитъ характера случайности, а имѣетъ *длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.* Библіографическій отдѣлъ журнала „Бюллетени“ представленъ въ такомъ, можно сказать, исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ общихъ журналовъ. Библіографія въ томъ видѣ, какъ она ведется въ „Бюллетеняхъ“, необход. для самаго широкаго круга читателей.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„Утро Рос.“: „Журналъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ періодическій органъ дѣйствительно новаго типа, потребность въ которомъ ощущалась давно, о чемъ своевременно особенно энергично высказались еще Достоевскій и Гл. Успенскій. Въ журналѣ сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью — журналами, газетами и новыми книгами...“ „Рус. Вѣд.“: „Бюллетени“ довольно хорошо справляются со своею задачею... Они знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явленіями современной жизни“... „Бирж. Вѣд.“: „По Бюллетенямъ хорошо можно слѣдить за движеніемъ въ современной литературѣ, за подъемами литературы, за ея паденіемъ, за всѣми обрѣтеніями и потерями“... „Русск. Школа“: „Бюллетени“ дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюллетени“ оказываютъ огромную услугу“... „Огни“: „Бюллетени“ завоевываютъ себѣ все большія и большія симпатіи публики. Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культурными запросами, который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журналѣ. Онъ ластъ въ каждомъ номерѣ статьи о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ, о всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ литературой, наконецъ, о всѣхъ новыхъ книгахъ, о всѣхъ журналахъ“... „Рус. Сл.“: „Въ журналѣ запечатлѣна вся литературная жизнь года“. При этомъ ему „нельзя отказать въ значеніи хорошаго справочника, пользованіе которымъ облегчается соотвѣтствующими указателями“... „Совр. Сл.“: „Бюллетени“ переплетены теперь въ два изящныхъ тома и представляютъ собой обзоръ минувшаго года въ литературномъ, художественномъ и идейномъ отношеніи... Задача журнала имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе“... „Голосъ“: „Бюллетени“ отмѣчаютъ все болѣе или менѣе выдающееся во всѣхъ отрасляхъ науки и литературы... Въ журналѣ сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли“. „Иллюстр. Обозр. Голоса Москвы“: „Бюллетени безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ. Кромѣ живости и широты, проявляемыхъ въ подборѣ статей, интересныхъ для чтенія и самообразованія, „Бюллетени“ являютъ собой рѣдкій, необходимый каждому читающему и пишущему человѣку, справочникъ. Все то, что потребено за годъ въ затерянныхъ выпускахъ, промельнувшихъ отзывахъ и статьяхъ, вновь воскресаетъ въ „Бюллетеняхъ“ и оказываетъ незамѣнимую услугу въ литературной работѣ. Можно только привѣтствовать дѣло „Бюллетеней“ и пожелать имъ наибольшаго распространенія“. „Новый Журналъ для Вс.“: „Бюллетени“ незамѣнимы особенно въ провинціи, столь бѣдной библіотеками и компетентными людьми для рекоменд. книгъ. Всѣ интересующіеся книгой и журналомъ найдутъ въ нихъ полезное пособіе. „Рязанск. Вѣст.“: „Бюллетени“ умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни... Въ журналѣ отмѣчается все наиболѣе интересное, что поступаетъ на книжный рынокъ. Здѣсь читатель находитъ полный перечень новыхъ книгъ съ краткимъ содержаніемъ ихъ, трактовки философскихъ и др. проблемъ, критическій разборъ литературныхъ новинокъ и т. п. Въ журналѣ сосредоточены всѣ новости нашей литературы, а это позволяетъ читателю постоянно быть въ курсѣ современныхъ исканій не только нашей русской, но и міровой мысли... Журналъ очень симпатично, сочувственно встрѣченъ отзывами современной

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

стр. . . . . 50 р.
стр. . . . . 30 р.
стр. . . . . 20 р.
стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

стр. . . . . 35 р.
стр. . . . . 20 р.
стр. . . . . 14 р.
стр. . . . . 8 р.
строка петита . . 50 к.

№ 20 — Іюнь 1913 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 10 м.—2 р. 50 к.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к.; на 4 м.—1 р.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора: Москва, Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67.

Оазисы философской мысли Востока.

(Шри Рамакришна Парамагамза).

Неисчерпаемый источникъ восточной мудрости издавна привлекаетъ къ себѣ тысячи паломниковъ Запада. Въ настоящее время это „паломничество“ особенно интенсивно; объ этомъ свидѣтельствуетъ вамъ хотя бы нашъ книжный рынокъ, гдѣ, въ качествѣ „новинокъ“, все чаще и чаще фигурируетъ сѣдая мудрость Востока въ изложеніи старыхъ и новыхъ жрецовъ ея.

Конечно, было бы желательно черпать изъ самаго источника,—читать подлинныя творенія древнихъ и новыхъ учителей Востока, а не „краткія“ и „популярныя“ ихъ изложенія, разбавленныя западной водицей и преподносимыя намъ чуть ли не подъ видомъ практическихъ руководствъ („какъ сдѣлаться іогомъ“), но нужно надѣяться, что все придетъ въ свое время, а пока можно только радоваться, что имена Свами Вивекананды, Музумдара, Шри-Рамакришны уже не совсѣмъ чужды для насъ, и особенно цѣнить тѣ немногія ихъ строки, которыя доходятъ до насъ, хотя и пострадавъ отъ перевода, но безъ особыхъ комментарій, во всей ихъ наивно-глубокой чистотѣ. Къ числу такихъ „строкъ“ мы должны отнести и изреченія Рамакришны. Шри Рамакришна Парамагамза никогда не обладалъ настоящимъ *научнымъ* знаніемъ Веданты, онъ совершенно не зналъ по-санскритски, онъ никогда не писалъ ученыхъ трактатовъ о ведантизмѣ, но онъ весь былъ проникнутъ духомъ этой философіи, и его краткія изреченія, повидимому столь простыя, могутъ въ значительной степени подготовить нашу мысль къ воспріятію истинъ Веданты въ научно стройной и сложной системѣ. Здѣсь мы приводимъ лишь нѣсколько наиболѣе характерныхъ изреченій Рамакришны, заимствуя ихъ изъ книжки Макса Мюллера „Шри Рамакришна Парамагазма, его жизнь и ученіе“. Знакомясь съ Рамакришной даже по этимъ краткимъ выдержкамъ, нельзя не согласиться, что онъ—простой „бакти“, т.-е. поклонникъ, любящій Бога, познающій Его эмоціональной стороной своего существа, стоялъ къ Нему ближе многихъ „гнани“,—постигающихъ разумомъ Его сущность.

Если мы ударяемъ въ колоколъ, мы можемъ различать эти бом... бом... одно отъ другого, но если мы переставемъ бить въ него, то будетъ слышенъ только неопредѣленный звукъ. Мы можемъ отличить одинъ звукъ отъ другого, какъ будто бы они имѣли форму, но длительный, непрерывный звукъ, который тянется, когда прекратились удары, какъ бы безформенъ. Подобно звуку колокола—Богъ и имѣетъ форму и не имѣетъ ея.

* * *

Одинъ и тотъ же Аватара, поднявшись въ одномъ мѣстѣ, считается людьми Кришной, и опустившись и снова поднявшись уже въ другомъ мѣстѣ, считается ими Христомъ.

* * *

Въ сказкахъ говорится о фантастической птицѣ Хома, которая живетъ высоко въ небесахъ и такъ любитъ эти высоты, что никогда не спускается на землю. Говорятъ даже, что она и яйца свои несетъ тамъ. Подчиняясь силѣ притяженія, яйца эти падаютъ на землю, но во время паденія изъ нихъ выводятся птенцы, которые сразу же понимаютъ, что они падаютъ внизъ, и, влекомые силой инстинкта, тотчасъ же сами направляются вверхъ, въ тѣ области, въ которыхъ имъ свойственно жить. Такъ и совершенный человѣкъ отказывается отъ всего

мірского и поднимается всегда въ высочайшія области истиннаго Знанія и Божественнаго свѣта.

* * *

Однажды снятой человѣкъ шелъ по улицѣ и нечаянно наступилъ на ногу прохожаго, который былъ человѣкъ злой. Тотъ со злобой бросился на него и сталъ его бить и билъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не упалъ въ обморокъ. Ученики святого только съ большимъ трудомъ привели его въ сознаніе, и когда онъ пришелъ немного въ себя, они спросили его: „Учитель, узнаешь ли ты, кто ухаживаетъ за тобой?“ Тотъ отвѣчалъ: „Тотъ, кто побилъ меня“. Истинно совершенный человѣкъ не дѣлаетъ различія между другомъ и врагомъ.

* * *

Вѣтеръ несетъ запахъ сандальнаго дерева и запахъ падали, но не смѣшиваетъ ихъ. Точно такъ же и совершенный человѣкъ живетъ въ мірѣ, но не смѣшиваетъ своей жизни съ его жизнью.

* * *

Украшенія не могутъ быть сдѣланы изъ чистаго золота,—нужна нѣкоторая примѣсь другихъ металловъ, чтобы сдѣлать ихъ. Человѣкъ, совершенно освободившійся отъ власти Майи, не можетъ жить. До тѣхъ поръ, пока у человѣка есть тѣло, онъ долженъ быть хотя въ самой малой степени подъ властью Майи, чтобы тѣло его могло жить.

* * *

Магнитная скала, скрытая подъ водой, когда надъ ней проходитъ корабль, вытягиваетъ изъ его корпуса всѣ желѣзные гвозди, отчего доски, которыми онъ обитъ, разъединяются, и пароходъ идетъ ко дну. Точно такъ же человѣческая душа притягивается магнетизмомъ Мірового Сознанія: въ одно мгновеніе оно разрушаетъ ея личность и себялюбіе и погружаетъ ее въ океанъ безконечной божественной любви.

* * *

До тѣхъ поръ, пока человѣкъ все взываетъ: о, Боже... о Господи..., будьте увѣрены, что онъ не нашелъ еще Бога, потому что человѣкъ, который нашелъ Его, затихаетъ...

* * *

Когда человѣкъ находится въ долинѣ, онъ видитъ и низкорослую траву и могущественныя сосны и говоритъ: какъ мала эта трава и какъ величественны эти сосны!.. Но если онъ поднимается въ горы и смотритъ внизъ съ ихъ высокихъ вершинъ, и величественныя сосны, и трава сливаются для него въ одну сплошную зеленую массу. Такъ же и въ глазахъ мірскихъ людей существуетъ разница въ положеніи людей на землѣ, но когда открывается человѣку Божественная мудрость, для него уже не существуетъ развицы между высокимъ и низкимъ.

* * *

Когда воду вливаютъ въ пустой кувшинъ, то слышевъ журчащій звукъ, но какъ только кувшинъ полонъ, то звукъ прекращается. Пока человѣкъ не нашелъ Бога, онъ исполненъ шума безполезныхъ споровъ, но какъ только онъ найдетъ Его, всякая суета прекращается, и онъ молчаливо наслаждается Божественнымъ блаженствомъ.

* * *

Женщина естественно избѣгаетъ передавать тѣ разговоры, которые она ведетъ съ своимъ мужемъ, людямъ,—развѣ только своимъ близкимъ подругамъ. Точно такъ же и вѣрующій не любитъ разсказывать тѣ радости, которыя онъ испытываетъ въ общеніи съ Богомъ,—развѣ только такому же, какъ и онъ самъ, вѣрующему. Нѣтъ, даже иногда ему не хочется говорить объ этомъ и съ вѣрующими...

* * *

Разсказываютъ, что жемчужная раковина оставляетъ свое мѣсто на днѣ моря и поднимается на его поверхность, чтобы захватить дождь, который бываетъ, когда всходитъ звѣзда Сватп. Она плаваетъ по поверхности моря съ раскрытой раковиной до тѣхъ поръ, пока ей не удается схватить одну каплю этого чудеснаго дождя. Затѣмъ она снова опускается на дно морское и остается тамъ въ покоѣ, пока изъ захваченной капли дождя ей не удается сдѣлать въ тишинѣ прекрасную жемчужину. Точно такъ же есть истинно ищущіе люди, которые переходятъ изъ одного мѣста въ другое въ поискахъ совершеннаго учителя, который сказалъ бы имъ завѣтное слово Божіе, открывающее врата вѣчнаго блаженства. И если кто изъ такихъ искателей встрѣтитъ такого учителя и услышитъ отъ него это давно жданное Слово, которое навѣрное разбиваетъ всѣ оковы, онъ сразу уходитъ отъ людей въ самыя глубины сердца своего и остается тамъ, пока не обрѣтетъ вѣчнаго мира.

* * *

Однажды одинъ ученый спросилъ Рамакришну: что есть знаніе, познающій и познаваемое? Рамакришна отвѣчалъ: я ничего не понимаю въ этихъ ученыхъ тонкостяхъ, доб-

рый человѣкъ. Я знаю только, что есть Богъ и что я сынъ Его.

* * *

Какъ легко сдѣлать отпечатокъ на мягкой глинѣ и невозможно сдѣлать его на камнѣ, точно такъ же образъ Божій легко отражается въ душѣ вѣрующаго и не входитъ въ сердце человѣка мірского.

* * *

Ястребъ носится высоко въ воздухѣ, но все время онъ смотритъ внизъ, не видно ли гдѣ-нибудь какой вонючей падали. Такъ же и мірской ученый человѣкъ говоритъ много и плавно о Божественномъ знаніи, но все это только разговоры одни, такъ какъ умъ его постоянно занятъ тѣмъ, какъ бы добыть посредствомъ этихъ разговоровъ денегъ, почестей, власти и пр., — пустая цѣль всего ихъ ученія.

* * *

Изъ всѣхъ птицъ ворона считается наиболѣе разумной и сама она думаетъ о себѣ то же. Она никогда не попадается въ западню. Она отлетаетъ при малѣйшей опасности и крадетъ себѣ кормъ съ величайшей ловкостью. Но вся эта мудрость ея не даетъ ей ничего, кромѣ всякой грязи и отбросовъ.

* * *

„Я долженъ достигнуть совершенства еще въ этой жизни,—нѣтъ, въ теченіе трехъ дней я найду Бога, — нѣтъ, Онъ придетъ тотчасъ же, какъ только я произнесу сейчасъ вотъ Его имя...“ Господь часто тотчасъ же отвѣчаетъ на такую горячую любовь, въ то время какъ человѣкъ, любящій Его только тепленькой любовью, употребитъ всю жизнь, чтобы дойти до Него, да и то едва ли.

* * *

Человѣкъ любящій Бога (бакти), и человѣкъ, познавшій Бога (гнани), шли однажды лѣсомъ. Вдругъ они увидали тигра. Гнани сказалъ: нѣтъ никакого основанія для того, чтобы мы бѣжали: Всемогущій Богъ, конечно, защититъ насъ. На это человѣкъ, любящій Бога, отвѣчалъ: нѣтъ, братъ, побѣжимъ лучше,— зачѣмъ будемъ мы тревожить Господа тамъ, гдѣ мы можемъ сами сдѣлать что-нибудь?..

* * *

Знаніе Бога и любовь къ Нему въ концѣ-концовъ одно и то же,—нѣтъ разницы между чистымъ знаніемъ и чистой любовью.

* * *

Нѣсколько рыбачекъ, возвращаясь съ отдаленнаго базара домой, были застигнуты въ дорогѣ сильнымъ градомъ, а было уже поздно. Имъ пришлось искать убѣжища въ ближайшей цвѣточной лавкѣ. Цвѣточникъ по добротѣ своей разрѣшилъ имъ провести ночь въ одной изъ его комнатъ, въ которой стояло много цвѣтовъ для продажи. Воздухъ въ комнатѣ былъ слишкомъ хорошъ для рыбачекъ и онѣ, благодаря этому, никакъ не могли заснуть, пока одна изъ нихъ не надоумила остальныхъ: пусть каждая изъ насъ держитъ у себя подъ носомъ свою пустую корзину изъ-подъ рыбы,— тогда этотъ надоѣдливый запахъ цвѣтовъ не будетъ мѣшать намъ спать. Всѣ съ радостью приняли ея предложеніе и тотчасъ же захрапѣли. Таково вліяніе и власть дурныхъ привычекъ надъ тѣми, кто предается имъ.

* * *

Въ календаряхъ есть предсказанія дождей, но какъ не выжимай этотъ календарь, ни одной капли дождя не выжмешь изъ него. Точно такъ же много въ книгахъ есть всякихъ добрыхъ изреченій, но сколько ихъ ни читай, религіознымъ человѣкомъ не сдѣлаешься. Для этого надо исполнять то, что говорится въ этихъ изреченіяхъ.

* * *

Одинъ человѣкъ послѣ четырнадцатилѣтней тяжелой аскетической жизни пріобрѣлъ способность ходить по водѣ, какъ по суху. Обрадованный этимъ, онъ пришелъ къ своему наставнику и разсказалъ ему это. Учитель отвѣчалъ: бѣдный человѣкъ, ты употребилъ четырнадцать лѣтъ тяжкаго труда, чтобы достигнуть того, что другіе люди достигаютъ только тѣмъ, что платятъ нѣсколько копеекъ перевозчику.

* * *

Одинъ земледѣлецъ орошалъ свое поле, засаженное сахарнымъ тростникомъ, въ теченіе всего дня. Кончивъ работу, онъ увидѣлъ, что ему не удалось совсѣмъ промочить почвы: вся вода стекла подъ землю черезъ норы, прорытыя крысами. Таково же положеніе набожнаго человѣка, который поклоняется Богу, но тайно въ сердцѣ своемъ имѣетъ мірскія желанія славы, удовольствій, удобствъ, честолюбія. Онъ молится каждый день, но не подвигается впередъ ни на одинъ шагъ, потому что вся его набожность уходитъ чрезъ крысиныя дыры его желаній, и въ концѣ своей долгой жизни онъ таковъ же, какимъ былъ и въ началѣ: онъ не подвинулся ни на одинъ шагъ.

* * *

Одинъ дровосѣкъ велъ очень бѣдную жизнь на тѣ мелкіе гроши, которые онъ зарабаты-

валъ своимъ трудомъ, продавая ту вязанку дровъ, которую онъ могъ добыть въ сосѣднемъ лѣсу. Однажды мимо него, въ то время, какъ онъ работалъ, проходилъ самніазинъ, т.-е. странствующій монахъ, и посовѣтовалъ ему дальше углубиться въ лѣсъ, такъ какъ тамъ онъ найдетъ лучшій заработокъ. Дровосѣкъ послушался и пошелъ въ глубину лѣса, гдѣ онъ напалъ на хорошее мѣсто, поросшее сандальнымъ деревомъ. Онъ нарубилъ столько, сколько могъ нести, и продалъ дерево на базарѣ по хорошей цѣнѣ. Тогда ему пришло въ голову, что монахъ не говорилъ ничего о сандальномъ деревѣ, а говорилъ только, что онъ долженъ итти въ лѣсъ глубже. На слѣдующій день онъ прошелъ мимо сандальнаго лѣса и пошелъ дальше и нашелъ мѣдную руду. Набравъ столько, сколько можно было, мѣди, онъ продалъ ее и выручилъ хорошія деньги. На слѣдующій день онъ прошелъ и мимо мѣди и напалъ на серебряные пріиски, набралъ серебра и сталъ еще богаче, а на слѣдующее утро онъ прошелъ уже и мимо серебра и дошелъ до золотой розсыпи, а потомъ до брилліантовыхъ копей, и сталъ страшно богатымъ человѣкомъ. Точно то же бываетъ и съ человѣкомъ, который стремится къ истинному познанію. Если онъ не остановится на своемъ пути, онъ въ скоромъ времени станетъ человѣкомъ истинно богатымъ вѣчнымъ богатствомъ истины.

* * *

Если на днѣ сосуда есть хотя маленькая дырочка, то вся вода изъ него уйдетъ чрезъ эту дырочку. Точно такъ же, если у вѣрующаго есть хотя небольшая привязанность къ вещамъ міра сего, то вся его духовная работа сводится на нѣтъ.

* * *

Когда хвостъ у головастика отпадаетъ, онъ можетъ жить какъ въ водѣ, такъ и на сушѣ. Когда у человѣка отпадаетъ хвостъ невѣдѣнія, онъ становится свободнымъ,—онъ можетъ жить одинаково хорошо какъ въ Богѣ, такъ и въ мірѣ.

Вопросы вѣчные и теософія.

Говорятъ, что великій позитивистъ Дарвинъ имѣлъ два кабинета: въ одномъ изъ нихъ родились его безсмертные труды о происхожденіи видовъ, о естественномъ подборѣ и др., а въ другомъ... въ другомъ онъ молился. Какъ, кому,—это другой вопросъ, очевидно лишь то, что двинувъ могучимъ толчкомъ позитивную науку, отвѣтивъ на вопросы „первостепенной важности“, великій ученый не далъ ни людямъ, ни, прежде всего, самому себѣ отвѣта на вопросы „вѣчные“. И ни онъ, и никто не нашелъ къ нимъ ключа и, не найдя, — кто изъ ищущихъ явно или тайно не слѣдовали примѣру Дарвина? Но всяческія попытки отвѣтить, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать эти вопросы менѣе острыми, попытки смягчить безысходность и ужасъ нашего невѣдѣнія были и будутъ всегда, этой же цѣлью задается и теософія.

Въ послѣднемъ № „Вѣстн. Теософ.“ появилась статья П. Тимофеевскаго подъ заглавіемъ: „Вопросы вѣчные и Теософія“...

Алмазъ нельзя шлифовать глиной; если вѣчные вопросы не подлежатъ критикѣ, не входятъ въ компетенцію ни одной изъ существующихъ наукъ и философскихъ школъ,—теософія и, въ частности, названная статья пытаются подойти къ нимъ нѣсколько иными путями, какими именно—мы увидимъ изъ самой статьи, приводимой здѣсь лишь съ незначительными сокращеніями.

„Какъ бы не старались мы, придавая чрезвычайное значеніе разнымъ житейскимъ событіямъ, забыть о томъ, что мы—люди, какъ бы не бружились мы въ бѣшеномъ потокѣ заботъ, желаній, маленькихъ радостей и сѣренькихъ неудачъ, какъ бы глубоко не погружались мы въ злобу дня сего,—все же время отъ времени становятся передъ нами великіе, ненужные, проклятые и вѣчные вопросы.

Въ звѣздную ночь случается иногда взглянуть въ находящуюся надъ нами бездну. И вотъ мысль о безконечности стучится въ душу, и душа не можетъ вмѣстить ея. Если нестись вверхъ, какъ угодно быстро, быстрѣе свѣта, быстрѣе мысли; если продолжать полетъ этотъ какъ угодно долго — столѣтія за столѣтіями, зоны за зонами — достигнемъ ли мы точки, гдѣ начинается небытіе? Можно представить себѣ, что остались внизу солнца, созвѣздія и туманности. Можно вообразить, что вся видимая вселенная стала слабо мерцающей точкой, что она исчезла. Но вѣдь мракъ, пустота, пространство вокругъ существуютъ? Значитъ „бытіе“ продолжается? Значитъ нестись можно вѣчность? Значитъ конца нѣтъ? Или есть грань, за которой простирается нѣчто, гдѣ нѣтъ даже пространства, нѣтъ пустоты? И разумъ останавливается равно безсильный представить и конечность и безконечность бытія.

Безконечность вверхъ и безконечность внизъ— и она существуетъ — мы видимъ, почти осязаемъ ее — откуда она?

Снова безсильно трепещетъ мысль... Неужели всегда? Неужели какъ далеко не заглянемъ мы въ прошлое, всегда мы увидимъ тѣ же свер-

кающіе въ гармоничномъ порядкѣ міры? Неужели вѣчно? Неужели начала нѣтъ? Или былъ моментъ, когда ничто породило нѣчто? И снова останавливается разумъ, равно безсильный принять и начальность и безначальность бытія.

Точка въ безконечности — земля. Пылинка на землѣ — человѣкъ. И передъ этой бездной, необъятнымъ: „всегда“, „всюду“, „безъ начала“, „безъ конца“ Космоса — всеобъемлющій Разумъ съ дерзновеннымъ вопросомъ: „откуда?“. Не самое ли интересное: откуда возможность такого вопроса, откуда надежда, что возможенъ отвѣтъ? Почему есть у человѣка понятіе о безконечномъ и вѣчномъ, откуда онъ—этотъ вопрошатель — сынъ праха и рабъ смерти, творящій и разрушающій въ разумѣ своемъ цѣлыя вселенныя?

Мы можемъ гнать отъ себя эти вопросы, и мы гонимъ ихъ, но уходятъ они не всегда и не всѣ. Одинъ вопросъ этого порядка вѣчно стоитъ между нами и счастьемъ, тѣмъ счастьемъ, котораго такъ жадно добиваемся мы. Съ „откуда“ Космоса тѣсно связано „куда“ Человѣка.

Пройдетъ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ и ни одного изъ находящихся здѣсь и слушающихъ меня не будетъ болѣе. Вы всѣ умрете. Такъ же будутъ сіять звѣзды и благоухать цвѣты, также будетъ шумѣть толпа и кипѣть битва за мѣстечко подъ солнцемъ, но Васъ не будетъ. Уйдетъ въ таинственное ничто тотъ вихрь интересовъ и надеждъ, великихъ порывовъ и позорныхъ паденій, который называется человѣкомъ. Ни одинъ изъ присутствующихъ здѣсь не спасется и день разрушенія придетъ также неизбѣжно, какъ неизбѣжно придетъ завтрашній день, такъ же вѣрно, какъ вѣрно, что взойдетъ солнце. И если насъ здѣсь сто пятьдесятъ человѣкъ, то одинъ изъ сидящихъ тутъ пройдетъ черезъ смерть ранѣе чѣмъ наступитъ весна. Этого вопроса, что будетъ съ послѣднимъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ, что будетъ съ первымъ изъ насъ черезъ три мѣсяца, этого вопроса ни забыть, ни замолчать намъ не удастся. Если будетъ,— то что? если не будетъ — зачѣмъ?

Зачѣмъ? Минутныя радости, постигаемыя только потому, что имъ предшествуетъ и за ними слѣдуетъ страданіе, радости, оканчивающіяся ранѣе, чѣмъ ихъ успѣешь осознать, дѣтская приманка никогда не осуществляющихся надеждъ и океанъ безысходнаго, непрекращающагося горя. Такъ было. Такъ будетъ. Зачѣмъ?

Если дѣйствительно міръ слѣпая игрушка слѣпого случая, комбинація въ непонятной игрѣ, сонъ пьянаго, если нѣсколько быстротечныхъ мгновеній дѣйствительно превратятъ насъ со всѣми нашими вопросами въ блаженное ничто, въ великій покой небытія, къ чему тогда сладкій самообманъ морали и этики, науки и искусства, славы или самопожертвованія? Не долженъ ли сильный вырвать у жизни все, что можетъ дать минутную радость, слишкомъ презирая плѣсень земли, называемую человѣчествомъ, чтобы бояться ея угрозъ, или добиваться ея признательности, не долженъ ли мудрый, разочтя цѣною какого горя покупается горсточка радости, съ усмѣшкой отклонить сдѣлку и уйти въ небытіе; не должно ли человѣчество, теряя и мудрыхъ и сильныхъ, продѣлать обратную дорогу и возвратиться къ потерянному раю животнаго? Не это ли выходъ?

Нѣтъ, что-то мѣшаетъ. Что-то внутри властно говоритъ — это не такъ. Иногда это называютъ совѣстью. Иногда соціальнымъ инстинктомъ. Иногда это чисто эстетическое ощущеніе—„некрасиво“. Но какъ бы оно не называлось — власть его громадна. Человѣкъ дѣлаетъ не то, что ему слѣдовало дѣлать, руководствуясь разсудкомъ, не то, къ чему толкаетъ его непосредственное чувство. Онъ выдумываетъ такія слова, какъ долгъ, идеалы, истина — и умираетъ за нихъ. Загадка превращается въ издѣвательство. Мало того, что насъ послали въ застѣнокъ, мало того, что двери этого сада пытокъ оставили открытыми, въ насъ вложили непобѣдимый инстинктъ, заставляющій любить этотъ застѣнокъ и свое страданіе въ немъ, заставляющій — и часто—предпочитать страданіе наслажденію. И эта нелѣпость особенно сильно заставляетъ искать отвѣта на вѣчное „зачѣмъ“?

Не говорите, что страхъ смерти гонитъ человѣка къ небеснымъ пескамъ. Страхъ смерти заставляетъ закутываться въ мелочи жизни. И не страхъ жизни гонитъ къ нимъ человѣка, ибо попытка бѣгства менѣе страшна, чѣмъ вѣчныя загадки. Нелѣпость жизни, осознанная или смутно ощущаемая, та нелѣпость, что человѣкъ хочетъ счастья и не беретъ его, беретъ наслажденіе и страдаетъ, потому что не имѣлъ права его взять, эта вѣчная помѣха стремленію, эта вѣчная отрава достиженія, вотъ что заставляетъ человѣка искать отвѣта на основныя „что“, „откуда“, „зачѣмъ“?

И жажда отвѣта равна только безнадежности поисковъ. Наука — настоящая наука съ спокойствіемъ честнаго наемника — отвѣчаетъ: „не знаю“, „это не мое дѣло“. И жрецы ея съ тихимъ налетомъ скорби прибавляютъ: „и не узнаемъ“— и причина и цѣли лежатъ за гранью научнаго познанія. Все, что мы знаемъ,

отвѣчаетъ на вопросъ „какъ“, а не „почему“ и „зачѣмъ“. Религія? Кто вѣритъ, для того разрѣшены всѣ вопросы, а посылать къ ней невѣрующаго — это пытаться накормить голоднаго нарисованнымъ хлѣбомъ. Именно тогда становятся передъ человѣкомъ проклятые вопросы, когда религія перестаетъ удовлетворять его, когда разумъ еще больше, чѣмъ нелѣпостью жизни, возмущается кажущеюся противорѣчивостью религіозныхъ ученій. Для отравленной сомнѣньемъ души, съ ея пробудившимся бѣсомъ критики, религіозное лѣкарство будетъ хуже болѣзни. Если можно еще примириться съ мыслью о себѣ и о мірѣ, какъ о случайной комбинаціи хаоса, то допустить, что все зло и страданіе наше—дѣло Благого Существа, къ прежнимъ загадкамъ прибавить новую: о злыхъ плодахъ дѣятельности Добраго,— допустить это не значитъ удовлетворить разумъ, не значитъ создать себѣ вѣру.

И когда мы спрашиваемъ, какъ достигнуть вѣры — намъ отвѣчаютъ, что вѣра на можетъ основываться на разумѣ, что вѣра кончается тамъ, гдѣ начинается знаніе, что вѣра есть даръ и счастье, котораго нельзя пріобрѣсти никакими усиліями.

Остается философія. Но та самая система, которая кажется глубоко содержательной своему творцу и людямъ одного съ нимъ типа мышленія, вѣрующимъ въ тѣ же истины, что скрыто или явно положены авторомъ въ основу своего труда,— для нераздѣляющаго предпосылокъ будетъ сборищемъ нѣсколькихъ произвольныхъ предположеній, разбавленныхъ значительнымъ количествомъ общихъ мѣстъ. Словомъ, и наука, и религія, и философія не дадутъ отвѣта на вѣчныя загадки тому, у кого нѣтъ талисмана вѣры, а талисмана этого нельзя добыть никакою цѣною. Вѣчно колеблющіеся между „хочу“ и „долженъ“,— мы не узнаемъ звѣря или совѣсть должны мы убить въ себѣ; захваченная нами добыча — всегда будетъ отравлена раскаяніемъ, принесенная нами жертва — всегда будетъ опозорена сожалѣніемъ. Поиски напрасны, выхода нѣтъ, тѣ пути, по которымъ можетъ итти всякій — не приведутъ никуда, тѣ, которые могутъ привести—доступны только для нехотящихъ итти. Одинокіе и затерянные въ безпредѣльности, подгоняемые страданіемъ и прикованные къ этому страданію, мы осуждены только мѣнять пассивное отчаяніе агностика на активное отчаяніе ищущаго безъ надежды найти. Такъ было. Такъ будетъ. Помните Ницше: „о, вѣчное вездѣ, о, вѣчное нигдѣ, о, вѣчное напрасно“.

Если въ такомъ состояніи человѣкъ соприкоснется съ Теософіей — она не потребуетъ отъ него ни отреченія отъ основныхъ проблемъ, какъ позитивная наука, ни вѣры, какъ религія, ни принятія предварительныхъ предпосылокъ, какъ философія,— она скажетъ ему: „попробуй“.

И если у ищущаго найдется мужество не отбрасывать предлагаемыя мысли только потому, что они облечены въ непривычную форму, найдется терпѣніе сперва ознакомиться съ системой и только послѣ этого осудить ее, если у ищущаго окажутся эти качества, съ нимъ произойдетъ нѣчто. Въ грудѣ предложеннаго матеріала, среди массы понятій, непріемлемыхъ, чуждыхъ, непонятныхъ и антипатичныхъ, вдругъ окажется нѣсколько идей издавна смутно парившихъ, бывшихъ неясно формулированными, но всегда такихъ, въ истинности и реальности которыхъ сомнѣнія быть не можетъ, идей, не только не требующихъ доказательствъ, но являющихся тѣми основаніями, на которыхъ строятся доказательства. Разъ будетъ найдена въ литературѣ точная, законченная и обоснованная формулировка хотя одной такой невыявленной, но очень „своей“ идеи— читатель уже не будетъ абсолютно враждебенъ къ Теософіи, будетъ допускать, что въ ней встрѣчаются и правильные взгляды.

Если къ поверхностному чтенію для ознакомленія присоединится нѣкоторое размышленіе, нѣкоторая фиксація мысли на предложенныхъ проблемахъ, то процессъ усложнится. Во-первыхъ, за изложеніемъ нѣкоторыхъ чуждыхъ по формѣ мыслей почувствуется содержаніе родственное, если не тождественное, „своимъ“ идеямъ, во-вторыхъ, мысли, на которыхъ будетъ остановлено вниманіе, окажутся болѣе содержательными, чѣмъ это представлялось первоначально, у нихъ откроются новыя, незамѣченныя ранѣе стороны, неожиданныя глубины. Читатель убѣдится, что и его собственныя идеи, принадлежавшія ему до встрѣчи съ теософической литературой, подъ вліяніемъ сопоставленія съ идеями, предлагаемыми въ этой литературѣ, подъ вліяніемъ иногда борьбы съ ними, раскрываются и растутъ. Читатель замѣтитъ, что въ сферѣ его сознанія появляется нѣчто, чего не было прежде, въ реальности— чего онъ безъ блемо убѣжденъ. Другими словами, замѣтитъ, что онъ узнаетъ что-то и узнаетъ достовѣрно.

Будетъ ли это явленіе замѣчено или нѣтъ, придастъ ли ищущій значеніе происходящему съ нимъ или не придастъ—событіе это имѣетъ громадвѣйшее значеніе. Пріобрѣтается навыкъ видѣть за внѣшними формами сущность и узна-

вать ее подъ самыми разнообразными покровами и, кромѣ того, познается то, на чемъ мы базируемъ свои доказательства, свою увѣренность въ реальности того или иного явленія, правильности того или иного сужденія.

Въ самомъ дѣлѣ: никогда внѣшній опытъ самъ по себѣ, свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ не признается нами достовѣрнымъ критеріемъ реальности. Мы совсѣмъ не вѣримъ тому, что дерево становится больше по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ нему, что луна находится въ рѣкѣ, что горы на горизонтѣ бѣгутъ со скоростью поѣзда, хотя все это мы видимъ совершенно отчетливо. Каждое полученное извнѣ наблюденіе мы повѣряемъ по невидимымъ внутреннимъ чертежамъ и признаемъ его истиннымъ только при отсутствіи противорѣчій. Если же наблюденіе расходится съ внутреннимъ образомъ, съ тѣмъ, что ожидалось нами — мы „не вѣримъ глазамъ нашимъ“, бываемъ убѣждены, что стали жертвою иллюзіи. Если сейчасъ этотъ столъ подымется и, трижды повернувшись въ воздухѣ, спокойно, станетъ на мѣсто, мы придумаемъ тысячи гипотезъ для объясненія обмана нашихъ чувствъ, десятки для объясненія вліянія воли человѣка на матерію, но никогда не согласимся признать проявленіе свободной воли со стороны самого стола. Это представленіе не найдетъ себѣ мѣста въ нашей внутренней картинѣ міра, и мы не признаемъ его, какъ бы не увѣряли насъ внѣшнія чувства. Такимъ образомъ, рѣшающій голосъ въ системѣ доказательствъ, всегда принадлежитъ внутренней картинѣ міра. Подходящій къ Теософіи и убѣдится, что эта внутренняя картина міра становится у него глубже и шире.

Обративъ рано или поздно вниманіе на эту внутреннюю картину міра, въ цѣломъ своемъ невидимую, проявляющуюся только отдѣльными участками въ мѣрѣ надобности, когда необходимо провѣрить какое-нибудь наблюденіе, предпринять рѣшеніе, или высказать сужденіе, ищущій убѣдится, что вся она проникнута глубокимъ закономъ гармоніи, и что по принципамъ этой гармоніи происходитъ и постройка этой картины и пользованіе ею.

Если мы пробуемъ внести въ картину міра какую-нибудь деталь, мы чувствуемъ, реальна она или нѣтъ, такъ же непосредственно, какъ непосредственно ощущаемъ „идетъ“ ли данный оттѣнокъ къ фону, гармонична или негармонична данная комбинація звуковъ.

Не слѣдуетъ полагать, что это чувство гармоніи безошибочное доказательство истины. Интересующая насъ деталь можетъ гармонировать съ общей картиной міра, но какая-нибудь другая деталь, поставленная на ея мѣстѣ, будетъ въ большей гармоніи и, слѣдовательно, болѣе отразитъ единство, т.-е. реальность. Мало того „чувство интеллектуальной гармоніи“, если можно такъ выразиться, столь же различно въ степеняхъ своихъ, какъ то, что мы называемъ „слухомъ“ или „вкусомъ“. Но—и это есть великій залогъ бодрости—чувство интеллектуальной гармоніи и развивается такъ же, какъ другія чувства. Не будучи—у насъ—абсолютнымъ критеріемъ истины, чувство это, по мѣрѣ роста своего становится таковымъ, не будучи самою истиною, является несомнѣннымъ путемъ къ ней, тѣмъ органомъ, который современемъ будетъ отдѣлять свѣтъ отъ тьмы въ интеллектуальномъ мірѣ такъ же быстро, точно и безошибочно, какъ глазъ нашъ дѣлитъ ихъ въ символическомъ мірѣ нашего теперешняго бытія.

Если ищущій осознаетъ свое чувство интеллектуальной гармоніи, если онъ началъ прислушиваться къ нему,— онъ уже сталъ теософомъ, хотя бы не раздѣлялъ ни одного положенія теософической доктрины, или даже былъ враждебенъ имъ, ибо онъ подошелъ къ самому важному въ каждой отрасли знанія — *подошелъ къ методу*. Такое осознаніе сопровождается всегда большимъ приливомъ бодрости и увѣренности, является смутная надежда, что кольцо не такъ плотно замкнуто, какъ казалось прежде, что гдѣ-то возможенъ выходъ.

Обращая вниманіе не на форму, въ которую облечена идея, а на то непередаваемое въ словахъ, что скрывается за этой формой, провѣряя эту невоплощенную сущность ученія чувствомъ интеллектуальной гармоніи, теософъ убѣждается въ глубокой внутренней связи отдѣльныхъ положеній теософической доктрины. Онъ видитъ, что достаточно углубиться въ какое-нибудь одно положеніе, скажемъ о кармѣ или о перевоплощеніи, чтобы оказались затронуты всѣ прочіе вопросы, онъ убѣждается, что отдѣлить одинъ вопросъ отъ другого такъ же невозможно, какъ точно указать, гдѣ на морскомъ берегу начинается море и гдѣ кончается земля, онъ убѣждается, что нельзя отбросить ни одной идеи, безъ того, чтобы это не отразилось на всей системѣ. И такъ какъ нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ идей онъ еще ранѣе считалъ своими, то теперь убѣдившись въ неотдѣлимости другъ отъ друга теософическихъ положеній, въ живой внутренней связи между всѣми отдѣлами, онъ въ принципѣ принимаетъ ученіе. Это не значитъ, что теософъ непоколебимо и въ равной мѣрѣ убѣжденъ въ реальности всѣхъ безъ исключенія положеній теософической доктрины. Нѣтъ. Нѣкоторыя изъ этихъ положеній онъ принимаетъ буквально такъ, какъ они изложены въ популярныхъ бро-

шюрахъ, нѣкоторыя—и эта самая дорогая часть его сокровища—онъ понимаетъ совсѣмъ по-своему,но видитъ, почему онѣ изложены такъ, а не иначе и знаетъ, что подъ другими словами скрывается та же реальность.

Но какъ бы индивидуально не было воспріятіе теософической доктрины, какъ бы разнообразно не представлялась она „изнутри“ отдѣльному субъекту, все же—для нашей эпохи, и нашего уровня сознанія—три идеи Единства, Эволюціи и Закона воспринимаются почти одинаково. Эта одинаковость воспріятія влечетъ за собою, разумѣется, и одинаковость слѣдствій. Зная цѣль эволюціи — Единство и методъ Эволюціи — Законъ, ни одинъ мыслящій человѣкъ не можетъ быть совершенно равнодушенъ къ тому, совпадаетъ ли его движеніе съ общимъ эволюціоннымъ потокомъ или противится ему. Разъ на мѣсто хаоса сталъ Законъ, индивидуумъ будетъ съ нимъ считаться. Это можетъ произойти по разнымъ мотивамъ,— одинъ будетъ стремиться избавиться отъ страданій, другой—достигнуть блаженства Нирваны,— третій исполнитъ то, что требуется отъ него, потому что такъ нужно, таковъ долгъ,— но всѣ нѣчто предпримутъ, чтобы стать лучше. Здѣсь теософическая литература окажетъ широкую и серьезную помощь, ибо методика внутренней работы разработана въ ней детальнѣйшимъ образомъ и, руководствуясь ею, систематичести концентрируя на томъ или иномъ объектѣ колоссальнѣйшую изъ имѣющихся въ распоряженіи человѣка энергій — вниманіе, стремящійся передѣлаетъ себя такъ же неизбѣжно, какъ неизбѣжно падающая капля воды пробьетъ гранитъ. Размышленіе надъ своими качествами, осужденіе нежелательныхъ, яркое представленіе вырабатываемыхъ, рано или поздно станутъ настолько серьезными агентами въ системѣ мотивовъ и контрмотивовъ поступковъ, что измѣнятся и эти послѣдніе. Стремящійся начнетъ поступать иначе, чѣмъ поступалъ онъ прежде.

Во время этой работы перестройки характера трудящагося ожидаетъ великая помощь. Какъ только изъ сферы мыслей и желаній работа его перейдетъ въ сферу поступковъ, какъ только начнетъ выкристаллизовываться во внѣшнемъ мірѣ робкая попытка его идти къ единенію,—результатомъ этихъ поступковъ явится великій и страшный даръ Любви. Произойдетъ чудо ея рожденія.

Если мы кинемъ общій взглядъ на эволюцію любви, начиная отъ первой ея ступени, когда любятъ вещь, доставившую наслажденіе, существо, приносящее благо, обстоятельства, изъ которыхъ можетъ проистечь нѣчто пріятное въ будущемъ, то-есть той ступени, когда любовь вызывается наслажденіемъ, вызывается жертвой, принесенной намъ, затѣмъ перейдемъ черезъ любовь - привычку (вызванную объектами, не причинявшими страданія) къ высшей ступени любви, любви къ тому, что создано или создается нами, на что затрачены наши усилія, что куплено нашими муками, то-есть къ той ступени, когда любовь вызывается страданіями, вызывается жертвой, принесенной нами, если мы взглянемъ на эту эволюцію, на вершинѣ дуги ея мы увидимъ любовь къ тому, жертвою чего мы должны быть, любовь къ несуществующему, которое надо создать,къ сокровенному, которое надо проявить, къ грядущему, которое цѣною нашихъ мукъ и жизней, цѣною нашего самопожертвованія, должно стать настоящимъ. Эта любовь, любовь къ идеалу — съ каждымъ днемъ своего роста расширяетъ кругъ существъ, на которыхъ она изливается, и дѣйствительно перерождаетъ человѣка.

Обратите вниманіе на то, что дѣлаетъ любовь — это дитя и мать Жертвы — даже въ низшихъ своихъ аспектахъ: то, что любимо нами, — всегда прекрасно. Объектъ можетъ имѣть недостатки, но если мы полюбили его, эти недостатки исчезли, мы или не видимъ ихъ, или не считаемъ существенными, или прямо находимъ достоинствами. Такъ дѣйствуетъ любовь на свои объекты. Но и субъектъ любви не остается неизмѣннымъ. Если рѣчь идетъ о среднихъ и высшихъ аспектахъ любви, то любящій очень быстро переходитъ за грань, гдѣ объектъ любви становится болѣе важнымъ, чѣмъ субъектъ ея. Любящій учится любить нѣчто внѣшнее больше чѣмъ себя, и по мѣрѣ роста этой любви, объектъ становится въ глазахъ его все прекраснѣе и важнѣе, а самъ онъ величиною все болѣе и болѣе ничтожною. Маленькое благо для любимаго дѣйствительно болѣе цѣнно, чѣмъ величайшее страданіе для себя. „Любить и погибнуть“, — говоритъ Ницше,—„это согласуется между собою отъ вѣчности. Желать любить—это значитъ готовымъ быть къ смерти“.

Теперь представьте себѣ, что объектомъ любви является все болѣе растущій кругъ существъ, границы котораго опредѣляются только способностью любящаго разглядѣть въ данной формѣ ея лучезарную сущность, увидѣть чрезъ покровы разъединенія „Единаго безъ второго“. Магическій свѣтъ любви дѣлаетъ все находящееся внутри круга прекраснымъ, болѣе цѣннымъ „чѣмъ я“, заставляетъ жертвовать собою этому прекрасному, также естественно, какъ естественно музыканту отказать себѣ въ самомъ необходимомъ, чтобы имѣть возмож-

ность послушать прекрасную музыку; и какъ только осуществленъ хотя малѣйшій отказъ отъ „своего“ блага ради блага другого, какъ съ правильностью механическаго аппарата жертва рождаетъ любовь, кругъ расширяется, міръ дѣлается еще прекраснѣе во всемъ, кромѣ маленькой ничтожной, незамѣтной и ненужной точки, которая недавно еще была всѣмъ, центромъ мірозданія, первопричемъ бытія, „мною самимъ“.

Если бы ощущеніе этой вселенской любви продолжалось сколько-нибудь значительное время — острое наслажденіе его разорвало бы человѣческое сердце. И на этой ступени—они приходятъ, какъ рѣдкая небесная радость. Малѣйшее колебаніе настроенія, яркая мысль, физическая боль и человѣкъ снова прикованъ къ маленькой точкѣ самости, снова интересы „тѣни“ важнѣе задачъ Космоса, снова міръ тѣменъ и тусклъ, а люди безобразны и неинтересны. Но уже было испытано высшее,— и знаетъ ученикъ, что не міръ потускнѣлъ и измѣнился, а густой туманъ личности скрылъ красоту сущаго.

И то, что было, является залогомъ грядущаго. Рѣже и рѣже будутъ паденія въ тинистую яму личности, продолжительнѣе и продолжительнѣе пребываніе на снѣжныхъ высотахъ любви, ярче воспоминаніе объ этихъ высотахъ и горячѣе стремленіе достигнуть ихъ снова, съ тѣмъ, чтобы уже не спускаться.

Гдѣ же на этихъ вершинахъ проклятые вопросы? Они не разрѣшены — но жало ихъ вырвано. Два обстоятельства дѣлаютъ эти вопросы мучительными: представляется невозможнымъ ихъ рѣшить, и рѣшеніе ихъ существенно нужно для каждаго человѣка. Тому, кто соприкоснулся хотя на минуту съ тѣмъ аспектомъ любви, о которомъ я говорилъ сейчасъ, ясно, что вопросы эти могутъ рѣшаться, такъ какъ нѣкоторая часть ихъ уже рѣшена. Онъ не ощущаетъ уже безвыходности, неразрѣшимости проблемы, такъ какъ передъ нимъ открыто широкое поле возможности познаванія, въ реальности котораго онъ убѣжденъ болѣе, чѣмъ въ реальности всего видимаго міра. Но — и это самое главное—въ этомъ, залитомъ солнцемъ познанія, прекрасномъ и гармоничномъ мірѣ, гдѣ все, что отталкивало и пугало насъ, является только оттѣнкомъ единаго свѣта, только гранью алмаза, отражающаго лучъ въ сторону противоположную намъ, и потому кажущуюся темной, гдѣ все, бывшее едва удовлетворительнымъ, поражаетъ своей красотой, а казавшееся прекраснымъ заставляетъ сознаніе замереть въ одномъ мигѣ до боли доходящаго чувства восторга, въ этомъ мірѣ глубоко безразлично надо ли или не надо рѣшать какіе бы то ни было вопросы тому существу, которое только усиліемъ памяти и воображенія удается снизать съ растворяющимся въ благоговѣніи, блаженствѣ и жаждѣ жертвы и конца центромъ, условно называемымъ „я“. „Я“— желаетъ въ эти минуты одного, чтобы его ощущеніе Всего было вѣчно. Что произойдетъ съ тѣмъ „моимъ“, которое называется тѣломъ, ощущеніями, желаніями и мыслями, такъ же не интересно, какъ не интересна участь пера, которымъ я написало этотъ докладъ.

Необходимо, однако, согласиться, что наслажденіе или страданіе отдѣльнаго индивидуума еще не являются достаточнымъ основаніемъ для признанія элемента ихъ вызвавшаго общественно полезнымъ или общественно вреднымъ. Больной прогрессивнымъ параличомъ можетъ испытывать величайшее ощущеніе блаженства, но эти приступы блаженства, это самодовольство паралитика покупаются цѣною гибели интеллекта; психически больной или наркоманъ вреденъ для окружающихъ, ибо уменьшаетъ сумму благъ здоровыхъ. Чтобы признать, слѣдовательно, только что схематически очерченный мною процессъ общественно полезнымъ, общественно положительнымъ явленіемъ, необходимо изслѣдовать вреденъ или полезенъ обществу человѣкъ, пошедшій этимъ путемъ, надо изслѣдовать, что сдѣлается съ обществомъ, если нѣкоторое сравнительно значительное число его членовъ увлекутся подвигомъ внутренней культуры.

Прежде чѣмъ разбирать — радость или страданіе даритъ міру праведникъ тайной стези, посмотримъ, что лежитъ въ основаніи страданій человѣчества. Если оставить на время въ сторонѣ чисто физическія причины страданій — болѣзни, старость, смерть любимыхъ— наиболѣе частыми видами скорбей будутъ въ наше время тѣ, которыя вызываются прямымъ или не прямымъ физическимъ насиліемъ или, что является чаще, насиліемъ экономическимъ. Эти причины страданій у всѣхъ на виду и съ ними борются тѣ наши братья, которые полагаютъ, что измѣненіе внѣшнихъ формъ общежитія есть вѣрнѣйшій и кратчайшій путь къ счастью человѣчества.

Пойдемъ немного дальше и посмотримъ, что собственно заставляетъ то меньшинство, ради котораго осуществляются всѣ виды насилія, защищать свое положеніе, и что дѣлаетъ положеніе этого меньшинства завиднымъ, привлекательнымъ для большинства, что заставляетъ людей искать и добиваться этого положенія?

Если искать богатства и власти заставляетъ иногда стремленіе къ физическимъ наслажде-

ніямъ, то сохранять имѣющееся заставляетъ не эта жажда, и это надо отмѣтить прежде всего. Гамму наслажденій той категоріи, которая можетъ быть пріобрѣтена деньгами или властью, построенную исключительно на отношеніяхъ, исключительно на контрастахъ и непосредственныхъ наслажденій, меньшинство переживаетъ даже меньше, чѣмъ большинство. Иначе обстоитъ дѣло съ посредственными вторичными наслажденіями, наслажденіями того порядка, что я могу сдѣлать все или почти все, недоступное для другихъ, что никто не имѣетъ того, что имѣю я, что всѣ зависитъ отъ меня и нуждаются во мнѣ, что я важнѣе и выше всѣхъ, что я центръ міра и источникъ наслажденія и страданія всего, копошащагося вокругъ меня. Стремленіе къ этимъ ощущеніямъ своего превосходства надъ людьми заставляетъ надѣвать на себя брилліанты и имѣть десятки слугъ, оно требуетъ дворцовъ и яхтъ, оно, а не вкусовыя ощущенія, заставляетъ питаться соловьиными языками и пить растворъ жемчужинъ въ уксусѣ, изъ-за него раскуриваютъ трубки кредитными билетами и тушатъ папиросы о тѣло арестованной. Причина одна— стремленіе хотя на минуту почувствовать себя выше всѣхъ, дѣлающихъ то, чего не можетъ сдѣлать никто, почувствовать себя всемогущимъ.

И посмотрите, здѣсь уродлива только звѣриная форма, а не заключенная въ ней божественная сущность. Вѣдь быть источникомъ наслажденія и страданія окружающихъ дѣйствительно право человѣка, быть всемогущимъ дѣйствительно его задача. Вѣдь это стремленіе заставить другихъ прекловяться передъ собою есть въ сущности своей преклоненіе передъ тѣмъ „Единымъ безъ второго“, тѣмъ „Самосущимъ Господомъ“, который смутно осознается личностью, находящеюся на этой ступени эволюціи, за туманнымъ, колеблющимся и неопредѣленнымъ покровомъ его личнаго „я“. Вѣдь все дѣло въ томъ, что личность эта не видитъ своего Господа еще нигдѣ внѣ своей оболочки.

Но эта самая божественная основа стремленія личности возвыситься дѣлаетъ это стремленіе несокрушимымъ. Мы можемъ измѣнить форму, даже уничтожить ее, какъ уничтожено— почти—въ нѣкоторыхъ странахъ физическое насиліе. Но неумирающая жизнь, одухотворявшая прежде всѣ формы проявленія грубой силы, перевоплотилась только въ другую оболочку; то, что нѣсколько столѣтій тому назадъ заставляло строить замки и грабить проѣзжихъ, нѣсколько десятилѣтій — покупать крѣпостныя души,— теперь принуждаетъ основывать фабрики. И если такъ недавно человѣкъ доказывалъ, что онъ законный сынъ Бога, имѣющій всѣ права Отца, тѣмъ что побѣждалъ противника силою мышцъ и искусствомъ фехтованія въ вооруженной схваткѣ, то теперь, повергая противника въ пропасть искусвой игрой на повышеніе въ биржевомъ залѣ, банкиръ стремится доказать тѣ же самыя права свои, которыя онъ доказывалъ равьше мечомъ.

Пройдутъ года или столѣтія, и экономическое насиліе будетъ уничтожено такъ же, какъ уничтожено насиліе физическое. Но смерть формы попрежнему не уничтожитъ сущности. Много еще останется путей, чтобы возвыситься, унижая другихъ, и тогда, когда не будетъ болѣе богатства и политической власти. Много еще останется страданій и тогда, когда не будетъ пятнадцатичасового труда, смерти отъ недоѣданія и наказаній плетьми. Но нѣтъ инѣшней власти, которая могла бы принудить талантливаго художника или блестящаго ученаго видѣть въ косноязычномъ уродѣ равнаго себѣ человѣка, несчастнаго брата и потому любимаго. Порцію хлѣба будутъ равны, но у меньшинства— опять у меньшинства—будутъ еще цвѣты, собранные руками ихъ друзей. Кровъ и очагъ будутъ и всѣхъ, но будутъ дымные очаги угрюмыхъ, старыхъ и больныхъ, одиноко сидящихъ, забытыхъ всѣми и будутъ чертоги полные пѣсенъ и музыки, смѣха и декламацій, гдѣ сверкающая любовь будетъ приносить дары свои опять-таки избравнымъ. И что обойденнымъ до того, что теперешніе избранники пользуются дарами счастья не потому, что родились въ знатной семьѣ, не потому, что отличались звѣриной храбростью въ бою, или звѣриной же увертливостью въ страшныхъ битвахъ экономической войны, все равно они помазаны были при рожденіи, росли съ печатью таланта мысли или слова, паянія или живописи, обладаютъ чарами смѣха, обаяніемъ красоты, таинственнымъ очарованіемъ симпатіи. Что за дѣло мнѣ, скучному, неразговорчивому и тугомыслящему человѣку до того, что „имъ“ радостно и весело по праву, если они не замѣчаютъ меня, какъ не замѣчаютъ пола, на которомъ стоятъ, оставляютъ меня одного въ моей скорби, считаютъ ничтожествомъ меня, меня, который именно по убѣжденію своему сознаетъ себя центромъ міра. И моя горесть только больше оттого, что этого уже измѣнить нельзя никакими внѣшними формами. И знаи, что измѣнить этого нельзя, я и сообщники мои, такіе же тусклые, тупые и пошлые люди, будемъ возмущаться отсутствіемъ равенства, будемъ измышлять бунтъ противъ власти красоты, таланта, молодости и веселья, противъ всего, что выходитъ изъ ординара. И если

намъ удастся, мы будемъ гильотинировать людей только за то, что они лучше насъ.

Когда „строители формъ“, вѣрящіе въ цѣлительность внѣшняго принужденія, видятъ въ воображеніи своемъ труды свои законченными и всѣ формы перестроенными, они одновременно видятъ перемѣнившимися и людей, ибо самая красивая соціальная утопія превращается въ помѣсь каторги и богадѣльни, если допустить на минуту, что люди не измѣнились. Скрытое допущеніе этой перемѣны есть у всѣхъ; „строители формъ“ ожидаютъ безсознательно, что пока они будутъ перестраивать формы, кто-то передѣлаетъ людей, что, конечно, совершенно справедливо, потому что процессъ эволюціи идетъ параллельно по всѣмъ линіямъ и форму не удастся перестроить ранѣе, чѣмъ перестроены будутъ люди. Представимъ, однако, себѣ, ради выясненія сравнительной цѣнности той или другой работы, на минуту, что процессы эти могутъ происходить изолированно. Тогда, если полнѣйшее измѣненіе формъ при неизмѣнившихся людяхъ оказалось бы безполезнымъ, то измѣненіе большинства людей сдѣлало бы совершенно ненужнымъ измѣненіе формъ, ибо тѣ, кто перемѣстилъ центръ своего поклоненія и служенія изъ своего „я“ во внѣшній міръ, распространяютъ вокругъ себя свѣтъ и радость, счастливы сами и дѣлаютъ людей счастливѣе при всякихъ формахъ общежитія. Не надо, конечно, доказывать, что никакая форма насилія не можетъ быть свойственна „реформированному“ человѣку, что насиліе исчезнетъ изъ міра, при измѣненіи людей, такъ же, какъ и при измѣненіи формъ, но при измѣненіи людей будетъ трансформирована самая жизнь, одухотворяющая разныя формы насилія. Какъ раньше человѣкъ доказывалъ свою божественность, отнимая, такъ теперь, съ тою же энергіею онъ будетъ доказывать ее, даря. Какъ раньше онъ видѣлъ первенство въ томъ, чтобы ему служили, такъ теперь онъ будетъ стремиться служить, потому что только въ этомъ онъ увидитъ первенство. Принять услугу будетъ значить оказать милость, быть больнымъ, несчастнымъ, отсталымъ или неразвитымъ будетъ значить быть центромъ нѣжной любви и ласки всѣхъ окружающихъ. Тѣ молодыя души, которыя будутъ узнавать Бога еще только въ себѣ, будутъ требовать себѣ поклоненія и первенства, будутъ счастливы, какъ никогда не были счастливы земные владыки всѣхъ истекшихъ временъ, ибо они будутъ окружены только слугами и не будутъ имѣть завистниковъ. Талантъ, способности, искусство—все будетъ имѣть цѣну только потому, что можно будетъ служить всѣмъ этимъ болѣе обездоленнымъ братьямъ. И въ то время какъ ушедшіе впередъ будутъ счастливы своей жертвой, оставшіеся позади будутъ наслаждаться всѣмъ тѣмъ, что почитается за счастье въ настоящее время.

И это „Царство небесное“, которое находится „внутри насъ“, наступитъ не тогда, когда всѣ или подавляющее большинство людей откажутся отъ самости. Каждый воинъ своей рати есть уже центръ, вокругъ котораго измѣнился соціальный строй, измѣнился, разумѣется, въ мѣру того, насколько беззавѣтно сражается онъ съ вспоенною вѣками гидрою самости.

Мы зовемъ не къ земному счастью, мы не строимъ храма личнаго благополучія, наши цѣли лежатъ дальше. Но по дорогѣ къ нашимъ цѣлямъ, попутно и незамѣтно, осуществляются условія земного счастья въ предѣлахъ, безконечно превосходящихъ мечтанія соціологическихъ утопій. Досугъ, знаніе, хлѣбъ и кровъ, какъ право каждаго рожденнаго человѣкомъ, лежатъ и на нашемъ пути, но здѣсь еще лежитъ право каждаго имѣть преданныхъ друзей, терпѣливыхъ слугъ, внимательныхъ слушателей и тонкихъ цѣнителей того истинно прекраснаго, что есть въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы убогъ онъ не былъ. Нѣтъ, самая придирчивая критика не докажетъ, чтобы человѣчество, какъ цѣлое, проигрывало съ увеличеніемъ числа людей внутренняго подвига; каждый идущій этимъ путемъ является общественно положительнымъ явленіемъ, а то, что полезно для вида и приноситъ блаженство индивидууму, не можетъ быть признано патологическимъ явленіемъ.

Человѣкъ на пути къ новому міроощущенію.

А. А. Суворинъ выступилъ съ большой книгой „Новый человѣкъ“, въ которой онъ собралъ плоды своего многолѣтняго изученія новѣйшихъ работъ по психологіи, физіологіи, философіи и другимъ наукамъ о человѣкѣ — съ тѣмъ, чтобы, какъ онъ говоритъ, помочь читателямъ, особенно молодымъ читателямъ, „не терять десятилѣтія на блужданіе по окольнымъ дорогамъ, но стать прямо на начала новыхъ путей“. „Новые пути“— это пути къ *новому человѣку*, духовно новому, для котораго „міръ сверхчувственный станетъ міромъ точно познаваемымъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшихъ своихъ частяхъ“. Путь, намѣчаемый авторомъ данной книги, въ конечномъ пунктѣ сливается съ дорогой, давно уже проложенной

на Востокѣ — философіей индусовъ. Такимъ образомъ, въ трудѣ г. Суворина видимъ новую попытку сблизить западное умозрѣніе съ восточной мыслью.

„Огромныя нервныя, мускульныя и иныя жизненныя силы,— говоритъ названный авторъ,— сложены въ организмѣ человѣка, какъ въ погребѣ. Онѣ даны человѣку, но обладаніе ими у человѣка очень неполное. Къ нимъ протянуты только тоненькія ниточки отъ его воли, чуть намѣчены волосные каналы, которыми можно къ нимъ проникнуть. Расширить эти каналы, укрѣпить эту связь, ускорить движеніе волевыхъ внушеній по этимъ каналамъ — все это находится вполнѣ во власти человѣка, но требуетъ намѣренной работы воли для этого, работы человѣка надъ самою волею. И эта работа не только увеличитъ его физическую крѣпость, но и дастъ яркое душевное обновленіе, ибо воля—основа и родникъ энергіи, а энергія — все въ жизни.

... Желаніе имѣетъ великую творческую силу. По индусской легендѣ, Богъ Вишну увидѣлъ однажды красавицу и сталъ страстно глядѣть на нее. Смущенная дѣвушка, чтобы укрыться отъ его взора, зашла за правое плечо его—но надъ правымъ ухомъ у бога выросъ глазъ и сталъ также смотрѣть на нее. Она зашла вдѣво, и надъ лѣвомъ ухомъ у бога выросъ глазъ и сталъ смотрѣть на нее. Тогда она зашла за спину его, и у бога явился глазъ на затылкѣ и сталъ смотрѣть на нее.

Это ярко и вѣрно изображаетъ творящую силу желанія, а насколько чудесно могущественна, разнообразна силами и послушна волѣ человѣка данная ему природой батарея нервныхъ узловъ, можно видѣть изъ самаго этого миѳа о Вишну. Какъ о прямомъ чудѣ, въ немъ разсказывается о томъ, что богъ видѣлъ затылкомъ, а вотъ точные факты современности, въ которыхъ люди по желанію слышатъ пальцами, видятъ, читаютъ лбомъ, желудкомъ, пальцами, даже локтемъ—въ темной комнатѣ съ завязанными глазами!..

Объ извѣстной американкѣ Элленъ Келлеръ, которая, 19-мѣсяцевъ отъ роду потерявъ зрѣніе и слухъ, все-таки сумѣла изъ слѣпого и глухо-нѣмого ребенка къ 16 годамъ развить себя въ чрезвычайно интеллигентную дѣвушку, говорящую на трехъ языкахъ, превосходно изучившую литературу и исторію — Л. Вальдштейнъ въ „Подсознательномъ Я“ сообщаетъ, что изъ многочисленныхъ способностей ея самая удивительная—это пониманіе музыки. Она, будучи совершенно глухою, воспринимаетъ музыку по вибраціи инструмента, котораго она касается пальцами, а также черезъ полъ, хотя бы онъ былъ закрытъ коврами... „Я видѣлъ ее глубоко взволнованной женскимъ голосомъ, который она воспринимала, касаясь пальцами горла пѣвицы... Пользуясь осязаніемъ, она создала въ себѣ органъ для чисто слуховыхъ впечатлѣній точно такой же, какимъ обладаемъ мы, нормальные люди, только у насъ центръ его связанъ со слуховыми нервами, а у Элленъ Келлеръ — съ нервными окончаніями въ кожѣ и мускулахъ“.

Новаго органа Элленъ Келлеръ создать въ себѣ, конечно, не могла, но она заставила звучать въ себѣ тотъ внутренній органъ, который у другихъ остается спящимъ — въ запасѣ для будущаго человѣчества.

Марія Жаэлль („Un nouvel état de conscience“. Paris, 1910.) обращаетъ вниманіе на чрезвычайную чувствительность нашихъ рукъ и ихъ пальцевъ. Это — совершенно особый органъ, которымъ мы не умѣемъ пользоваться. „Наши руки начинаютъ у насъ старѣть уже съ дѣтскаго нашего возраста“. По утвержденію г-жи Жаэлль, пальцы рукъ нашихъ способны ощущать вибраціи, намъ теперь не замѣчаемыя, передающія намъ сразу и осязаніе, и звукъ, и цвѣтъ. Г-жа Жаэлль достигаетъ этихъ ощущеній искусственнымъ пріемомъ, каждый палецъ представляя себѣ цвѣтнымъ — краснымъ, синимъ, желтымъ и т. д.— и заставляя свое сознаніе одновременно со звукомъ воображать себѣ и движеніе пальца и его цвѣтъ. Ощущеніе осязанія и слуха разрастается при этомъ необыкновенно. „Нажимая большимъ, среднимъ и мизиннымъ пальцемъ на какую-либо поверхность, я слышала въ тишинѣ ночи одинъ и тотъ же аккордъ звучащимъ въ теченіе часовъ не прерываясь“.

Что въ человѣкѣ дѣйствительно есть неизвѣстный ему пока органъ, которымъ онъ можетъ воспринимать ощущенія совершенно необычайнаго качества,— въ которыхъ осязаніе и зрѣніе, зрѣніе и слухъ смѣшиваются въ какую-то противоестественную пока для насъ и сказочно поражающую смѣсь—это доказываютъ замѣчательные факты, установленные вполнѣ точно и научно“.

Авторъ „Новаго человѣка“ приводитъ рядъ примѣровъ изъ области гипнотизма, обнаруживающихъ наличность въ человѣческой психикѣ не только этихъ, но еще и другихъ изумительныхъ способностей (напр., такъ назыв. ясновидѣнія) и замѣчаетъ по поводу такихъ опытовъ: „Никакихъ новыхъ силъ человѣку при этомъ (т.-е. въ гипнозѣ) не прибавляется. Въ психикѣ его совершается лишь одна большая перемѣна: та *рукоять всѣхъ силъ* человѣка, которую человѣкъ во время бодрство-

ванія безсиленъ и все не умѣетъ въ себѣ найти и захватить,— но время гипноза выдвигается изъ невѣдомыхъ глубинъ и сама передается въ руку гипнотизеру, велѣніямъ котораго гипнотизируемый подчиняется всецѣло. Вотъ — все! И человѣкъ подъ управленіемъ гипнотизера начинаетъ проявлять способности прямо чудесныя!"

Новыя „возможности" въ нашей психикѣ могутъ открыться, однако, строго говоря, не только въ состояніи гипноза или подъ вліяніемъ магнетическихъ пассовъ. Это видно, между прочимъ, изъ замѣчательныхъ опытовъ русскаго изслѣдователя д-ра Н. Котика, описанныхъ имъ въ книгѣ „Непосредственная передача мыслей", на которой подробно останавливается А. А. Суворинъ.

Но разъ идетъ рѣчь о *новыхъ* познавательныхъ силахъ человѣка, то гдѣ же искать центра или центровъ ихъ? Вотъ что по этому вопросу читаемъ мы въ книгѣ г. Суворина.

„Думаю, слѣдовательно существую". Этой фразой Декарта установлено было въ европейской наукѣ представленіе о человѣкѣ, какъ о существѣ, въ которомъ разумъ, сознаніе и личность объединены въ одно и разумъ въ немъ — предсѣдатель.

Это представленіе успѣло стать въ культурномъ мірѣ всеобщимъ, хотя на всѣхъ языкахъ земли для всѣхъ и каждаго продолжала быть вполнѣ понятной фраза: „это онъ понялъ не разумомъ, а сердцемъ!" Фраза эта, казалось бы, ясно указывала, что человѣкъ чувствуетъ въ себѣ и еще какой-то центръ познанія—„сердце", а не одинъ разумъ.

Какъ бы то ни было, вся европейская философія стояла до сихъ поръ на томъ предположеніи, что центръ познанія у человѣка одинъ—разумъ, и одни же его орудія познанія—пять внѣшнихъ чувствъ: зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе и вкусъ, всѣ прочія средства и способы познанія — басни и фантазія.

И вотъ въ наши дни научнѣйшая философія объявляетъ, что центровъ познанія у человѣка не одинъ, а по крайней мѣрѣ два: разумъ и инстинктъ (А. Бергсонъ); научнѣйшая психологія въ то же время утверждаетъ, что центровъ познанія въ человѣкѣ не два, а можетъ быть десятки, а научнѣйшая физіологія—что центровъ этихъ въ человѣкѣ не десятки, а — милліарды — по числу клѣтокъ его тѣла.

Такъ какъ каждому центру познанія, очевидно, соотвѣтствуетъ свое сознаніе, т.-е. опознаніе получаемыхъ ощущеній, то вотъ отвѣты современной философіи, психологіи и физіологіи на вопросъ, сколько сознаній у человѣка:

— два,
— десятки,
— милліарды.

Въ лонѣ ортодоксальной науки образовалась цѣлая спеціальная наука, именно „анормальная психологія", которая въ теченіе послѣдней четверти вѣка собрала массу поразительнѣйшихъ фактовъ, доказывающихъ, что дѣйствительно въ человѣкѣ могутъ существовать одновременно нѣсколько центровъ сознанія, совершенно самостоятельныхъ, не только сознающихъ, но и осмысливающихъ свои впечатлѣнія и способныхъ проявляться въ жизни этого человѣка каждый въ формѣ отдѣльной, вполнѣ своеобразной, особенной личности. „Анормальнаго" въ этой психологіи есть только то, что она работаетъ главнымъ образомъ надъ болѣзненными отступленіями человѣческой психики, надъ анормальностями ея, надъ „больными" людьми, но выводы ея примѣнимы и прямо относятся и къ самымъ нормальнымъ людямъ.

Въ личности нормальной „вторые" центры сознанія существуютъ совершенно такъ же и въ такомъ же числѣ, какъ и въ личности больной. Разница лишь въ томъ, что въ нормальномъ человѣкѣ эти вторые познавательные центры прочно подчинены головному мозгу, а въ людяхъ „больныхъ", въ которыхъ деспотія головного мозга почему-либо потрясена, эти вторые центры вступаютъ другъ съ другомъ въ междоусобіе, добиваясь очистить въ ослабѣвшемъ центрѣ общаго управленія тѣломъ мѣсто каждый своей личности - представителю. При благопріятныхъ обстоятельствахъ личность второго сознанія вдругъ беретъ верхъ надъ потрясеннымъ главнымъ сознаніемъ и—завладѣваетъ тѣломъ. И является поразительная картина: въ одномъ человѣкѣ, въ одномъ человѣческомъ тѣлѣ, оказывается, живетъ, смѣняя другъ друга, а иногда и проявляясь даже одновременно, нѣсколько человѣческихъ личностей, нѣсколько людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ

свой характеръ,
свои желанія и цѣли, часто совершенно различныя,
свои способности и разную ихъ силу,
свои наклонности и недостатки,
свой объемъ и воспоминанія памяти,
свои личные интимные вкусы,
своихъ враговъ и друзей,
свое даже здоровье и, наконецъ, даже
свой особый возрастъ, не совпадающій съ возрастомъ главной личности...

Только одно отличаетъ каждую изъ этихъ „повторныхъ личностей" отъ личности нор-

мальной: отсутствіе общей гармоніи въ психикѣ, общей уравновѣшенности и необычная общая возбудимость! Но, Боже мой, мало ли кругомъ насъ неуравновѣшенныхъ людей?! До какой степени тутъ границы неопредѣленны и растяжимы, показываетъ общее наблюденіе психіатровъ, что люди, у которыхъ распадъ личности уже совершившійся фактъ, обыкновенно вовсе не возбуждаютъ къ себѣ особеннаго вниманія своихъ ближайшихъ знакомыхъ, которыхъ „повторныя личности“ человѣка быстро привыкаютъ очень находчиво обманывать, въ своихъ же интересахъ скрывая себя и свое самозванное существованіе [1]).

Вторые духовные центры (а съ ними и опасность появленія повторныхъ личностей), существуютъ и въ каждомъ самомъ нормальномъ человѣкѣ, но только въ немъ эти основные раздѣльные цвѣта его психики деспотіей головного мозга соединены въ ровный бѣлый цвѣтъ, а въ человѣкѣ больномъ этотъ бѣлый цвѣтъ распадается вслѣдствіе усобицы „второрыхъ цвѣтовъ“ на основные свои цвѣта, и тутъ-то оказывается, изъ какихъ, въ сущности, разныхъ и притомъ „темныхъ“ цвѣтовъ, состоитъ этотъ бѣлый, повидимому „такой прозрачный и безцвѣтный“ свѣтъ нормальной психики человѣка!

Что касается новѣйшей физіологіи, то ею даются факты, доказывающіе, что человѣкъ есть *весь* кристаллизованное сознаніе и что въ человѣкѣ сознаній столько же, сколько въ немъ клѣтокъ, ибо, повидимому, изъ каждаго кусочка ткани его можетъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ возникнуть особое существо, а съ нимъ и особое сознаніе (опыты проф. Кареля,— см. „Бюл.“ 1912, № 20-21,— и Берроуса). Этотъ выводъ удивительно сходится съ воззрѣніемъ индусовъ, которые говорятъ, что человѣкъ, какъ и всякое живое существо, состоитъ изъ „маленькихъ жизней“ и что по смерти человѣка происходитъ не что иное, какъ то, что эти „маленькія жизни“ расходятся по новымъ дорогамъ каждая. „Маленькія жизни“, составляющія большого человѣка, разбѣгаются въ міръ и начинаютъ въ немъ, опять собираясь въ группы, новыя „большія жизни“.

Здѣсь уже теряется уловимая для насъ черта раздѣленія между сознаніемъ и жизнью. Сознаніе переходитъ просто въ силу жизни, которою исполненъ міръ.

Итакъ, разумъ не есть „свойство“ личности человѣка, а лишь орудіе ея. Сознаніе тоже не „свойство“ личности, а общая черта всякой живой клѣтки.

Что же такое самая эта „*личность*“ человѣка?.. Что такое то, что человѣкъ ощущаетъ какъ свое „я“, какъ нѣчто самое несомнѣнное для него въ мірѣ?! Вопросъ этотъ вдругъ поднимается на страшную высоту. Кто *онъ* и что *онъ*—онъ, который связываетъ въ себѣ воедино всѣ входящіе въ него впечатлѣнія и разнообразіе ихъ превращаетъ въ единство—ибо личность, несомнѣнно, едина въ себѣ—окрашиваетъ ихъ красками своего духа и, творчески переработавъ ихъ, отдаетъ ихъ міру обратно?..

Повидимому—въ нынѣшнемъ развитіи человѣка сознаніе его высшей личности всего прямѣе и тѣснѣе соединено съ его головнымъ мозгомъ. Черезъ него оно имѣетъ и къ прочимъ центрамъ необычайно сложнаго механизма человѣческаго тѣла нити и провода, пока чрезвычайно тонкіе, по которымъ однако оно должно суметь проникнуть въ эти вторые центры, постепенно приводя въ свою власть и обладаніе всѣ силы и способности, въ громадныхъ „возможностяхъ“ заложенныя въ человѣкѣ.

Эту работу человѣкъ только еще начинаетъ...

Въ духовномъ мірѣ человѣка такимъ образомъ теперь почувствованъ и сознанъ какой-то порогъ, выше котораго царитъ ясное и свѣтлое сознаніе головного мозга, наше *дневное* сознаніе, а ниже—огромная и темная область новыхъ силъ и ощущеній человѣка, его „подсознаніе“, *ночная* сторона его природы.

Въ безбрежномъ океанѣ человѣческой психики мы до сихъ поръ знали только одинъ островъ — высокій пикъ головного нашего разума. На немъ, этомъ островѣ, мы жили и думали—будемъ жить вѣчно, ибо—такъ мы полагали—онъ въ этомъ океанѣ единственный и за предѣлами его горизонта кончается міръ, данный намъ въ удѣлъ.

Но вотъ Колумбы проникли и за эту вѣчную черту и въ сосѣдствѣ со Старымъ Свѣтомъ оказались огромные континенты Новаго, повидимому гораздо большіе, чѣмъ тотъ островъ, съ котораго они были открыты.

Открылъ дверь наукъ въ эту область подсознанія—гипнотизмъ (магнетизмъ). Онъ же и показалъ, что въ ней происходитъ.

По указаніямъ новой психологіи, физіологическимъ центромъ и рабочимъ орудіемъ новыхъ силъ подсознанія служитъ въ насъ мозжечокъ (часть головного мозга, расположенная внизу затылка) и симпатическій нервъ. Этотъ

[1]) Какъ о самомъ поразительномъ примѣрѣ этого рода, А. А. Суворинъ подробно разсказываетъ о паціенткѣ американскаго психіатра проф. М. Принса — м-съ Бьючемпъ (см. о ней „Бюл.“ 1911, № 7).

нервъ представляетъ собою сѣть большихъ и малыхъ нервныхъ узловъ, „сплетеній“, соединенныхъ между собою нервными нитями,—которая проходитъ внутри грудной клѣтки человѣка, примыкая къ основанію позвоночнаго столба. Самый крупный центръ его составляетъ „солнечное сплетеніе“ (plexus solaris), расположенное между сердцемъ и желудкомъ противъ „подложечки“.

Симпатическій нервъ завѣдуетъ эмоціями (волненіями), а также кровообращеніемъ, дыханіемъ, пищеваренiемъ. Благодаря этому смѣшенію дѣятельностей его при волненіяхъ, напр., гнѣва и стыда лицо человѣка краснѣетъ, а огорченія, страхъ и т. п. дѣйствуютъ на сердце и пищевареніе, вызывая въ то же время слезы, внезапную испарину и т. п.

Повидимому, именно этотъ симпатическій нервъ и представляетъ собою тотъ второй мозгъ („брюшной мозгъ“, по выраженію нѣкоторыхъ), который завѣдуетъ инстинктами, подобно тому, какъ головной—логическимъ мышленіемъ. Имъ получаемъ мы впечатлѣнія отъ міра сверхчувственнаго для головного нашего мозга. Имъ воспринимаются нами эти удивительныя ощущенія—чтенія локтемъ, слышанія пальцами, видѣнія звуковъ и т. п. Повидимому, именно это солнечное сплетеніе не спитъ никогда, хранитъ въ себѣ вторую память, читаетъ человѣческую мысль и пр. Именно оно одарено способностью прозрѣнія и ясновидѣнія и въ немъ человѣкъ имѣетъ связь съ сущностью вещей, каковы онѣ есть „въ себѣ“, и съ Перворазумомъ міра — Богомъ. Для всего этого оно составляетъ такой же центръ, какимъ для познанія внѣшней стороны міра служитъ человѣку головной мозгъ.

Подчинить его своей волѣ, какъ подчиненъ ей мозгъ головной и его способности—значитъ для человѣка стать человѣкомъ новымъ по силамъ и могуществу въ мірѣ, проникнувъ во внутреннюю сущность его, сдѣлавшись центромъ всей его жизни, всѣхъ токовъ и движеній въ немъ.

Возможно ли это? Не пытался ли кто-нибудь до насъ достигнуть этого хотя въ одной какой-либо части?

Съ литературой по новѣйшей психологіи мнѣ пришлось знакомиться одновременно съ чтеніемъ книгъ по религіямъ Индіи, теософіи, оккультизму и пр. И съ неожиданнымъ фактомъ мнѣ пришлось встрѣтиться.

На Западѣ религія и наука, идя путями разными:—первая путемъ вѣры и прозрѣнія и вторая путемъ знанія и изслѣдованія,— стремились къ одному и тому же:— познать Начало Жизни, которое религія называла Богомъ, а наука — Абсолютомъ.

И представьте себѣ — именно изслѣдующая наука просмотрѣла въ человѣкѣ колоссальный органъ общаго познанія, между тѣмъ, какъ религія пользовалась имъ постоянно. Она всегда признавала недостаточной силу головного разума и выставляла на первое мѣсто „познаніе сердцемъ“. Объ этомъ твердили подвижники и постники, отцы церкви, проповѣдники, и въ то время, какъ наука и ученые съ особеннымъ усиліемъ стремились утвердить все именно только на одномъ разумѣ, религія и подвижники примѣняли къ познанію міра, скрытой и невидимой его стороны, всегда два орудія: разумъ и сердце.

Что же это за „сердце“ такое, которое, оказывается, обладаетъ способностью проникать въ суть вещей и достигать даже до Бога?!

А все то же „солнечное сплетеніе“, которое находится именно между желудкомъ и сердцемъ.

Христіанскіе подвижники обращались къ нему, какъ къ органу познанія „сверхчувственнаго міра“, съ полной сознательностью, хотя и обманывались вполнѣ точнымъ мѣстомъ его. Устремляя мысль и волю свою къ Богу, они чувствовали, что эта мысль ихъ и воля направляются черезъ область сердца, и неотступно стучались въ эту дверь, за которой было для нихъ желаннѣйшее. Только тотъ, кто успѣвалъ перенести мысль свою изъ головы въ сердце свое, могъ, какъ они повторяли, увидѣть Бога! Для толпы въ этихъ словахъ первый внѣшній и легкій смыслъ былъ тотъ, что это обращеніе къ сердцу есть-де аллегорія, которую нужно понимать какъ приглашеніе отъ дѣлъ житейскихъ перейти къ чувствамъ любви, всепрощенія, милосердія и пр.—„Человѣкъ съ сердцемъ—человѣкъ чуткій и добрый“. И толпа на этомъ легкомъ и фигуральномъ пониманіи слышимыхъ словъ и останавливалась. Ей казалось, что она все поняла въ этихъ словахъ, а она поняла ихъ совершенно ложно, взяла скорлупу ихъ, отбросивъ самое зерно. Слова эти нужно было понимать именно совершенно буквально, какъ подвижники сами это и выясняли, входя въ чисто физіологическія подробности. Подлинный смыслъ ихъ словъ былъ тотъ, что надо свое созваніе усиліемъ воли перевести изъ головного разума, откуда видна лишь внѣшняя форма вещей, въ сердце, откуда всѣ становятся видны въ своей сущности, „въ себѣ“. Это былъ именно прямо физіологическій актъ, и такимъ онъ и изображается въ наставленіяхъ подвижниковъ, какъ

это доказательно показалъ г. Лодыженскій въ своей содержательной книгѣ „О сверхсознаніи“.

Упражненія ихъ были очень систематическія, послѣдовательныя и продолжительныя, и „сердце“, т.-е. солнечное сплетеніе,— неизмѣнно играло въ нихъ главную роль.

Читая объясненія подвижниковъ, вы видите, какъ настаиваютъ эти люди именно на механической сторонѣ акта: „захвати умъ съ клубомъ воздуха и опусти въ сердце и держи его тамъ“. Чтобы помочь сосредоточиться, дается опять механическое средство —„повторяй имя Іисусово тысячи и тысячи разъ“. „Это уже навѣрно,— испробовано“. Такіе люди, натуры такого исканія, аллегоріями не удовлетворялись и не могли удовлетворяться. Для нихъ нуженъ былъ фактическій результатъ и строго прямы и дѣловиты они были въ словахъ, принятыхъ нами за аллегорію. Однако духовное никогда не можетъ даваться одними механическими средствами, духъ всегда выше всякой механики и „сведеніе ума въ сердце“ для подвижниковъ было только началомъ — средствомъ открыть въ себѣ внутренній глазъ, которымъ однако нужно было еще и увидѣть!

Способъ достиженія общенія съ „сверхчувственнымъ“ міромъ черезъ погруженіе въ сердце былъ цѣликомъ заимствованъ подвижниками христіанства отъ индусскихъ религіозныхъ, вѣрнѣе, философскихъ школъ.

Однако, общее отношеніе къ силамъ тѣла и къ разуму у индусовъ совершенно иное, чѣмъ мы видимъ у христіанскихъ подвижниковъ. Въ „сердце“ подвижники эти бросались какъ въ глубокій колодезь, на днѣ котораго ихъ манила кристальная вода родника. Разумъ и все тѣло со всѣми его силами и страстями они бросали на землѣ, какъ ветошь и вредъ для себя. Индусы же къ силамъ „сердца“ спускались постепенно, не теряя твердой опоры въ разумѣ и изъ него ведя завоеваніе новой силы. Они ни отъ чего не отказывались, они только пріобрѣтали и создавали въ себѣ новаго человѣка, новаго по силамъ и по самой сферѣ своей высшей жизни“.

Тоска по стихійной непосредственности.

Любопытно я, конечно, чрезвычайно знаменательно—для всей современной культуры—то обстоятельство, что въ послѣдніе годы наиболѣе мощные „голоса“ философіи, съ одной стороны, и жизни,—въ частности, ея выразительницы литературы,— съ другой, не только зазвучали гармоничнымъ аккордомъ, но и сливаются уже въ унисонъ. И здѣсь и тамъ, все явственнѣе, слышится въ сущности одно — одинъ и тотъ же настойчивый призывъ: поменьше *разсудочности*, побольше *непосредственности*! дорогу стихійнымъ откровеніямъ *„инстинкта“*, задавленнаго интеллектомъ!

Въ этомъ отношеніи напрашивается поучительная параллель между нѣкоторыми изъ мыслей и указаній, данныхъ выше, въ статьѣ „Человѣкъ на пути къ новому міроощущенію“, и нижеслѣдующими обобщеніями г. Бѣлорусссова, къ которымъ приводитъ его знакомство съ новинками французской беллетристики.

Старѣютъ и дряхлѣютъ цѣлые народы,— читаемъ мы въ одномъ изъ фельетоновъ этого парижскаго корреспондента „Рус. Вѣд.“ (№119);—иногда отдѣльные ихъ слои и вмѣстѣ съ ними созданныя ими культуры. Тогда ихъ представители проникаются старческими умственными настроеніями, начинаютъ грустить и тосковать о демонически-сильномъ, стихійномъ, непосредственномъ, мечтать о первобытномъ, первосозданномъ, естественномъ. Ювоша, мечтая о женщинѣ, мыслитъ о ней какъ о богинѣ, какъ о героинѣ. Шамкающій старичокъ сюсюкаетъ:

— „Дайте мнѣ женщину, женщину дикую“!!.

Когда Тургеневъ написалъ „Дымъ“ и „Вешнія воды“ и любящей рукой создалъ образы сильныхъ, жадныхъ, плотоядныхъ и чувственныхъ женщинъ,—онъ отразилъ ущадочные вкусы изжившаго себя дворянства. Когда Руссо сложилъ гимнъ естественному состоянію и естественному человѣку, онъ положилъ клеймо на одряхлѣвшую въ переутонченности и распутствѣ культуру „великихъ королей“ и ихъ послѣдышей.

Поэтому, когда я вижу кругомъ себя людей, вздыхающихъ о сильномъ, непосредственномъ, первобытномъ, естественномъ, юношески страстномъ, чувственномъ, элементарномъ, я невольно спрашиваю:

— Кого же они хоронятъ? И кто умретъ теперь? Наша культура?..

А вздыхателей этихъ много. Очень много ихъ въ искусствѣ, ищущихъ въ архаическомъ мірѣ, у ассирійцевъ, у египтянъ, у древнѣйшихъ грековъ, у византійцевъ, — или у народовъ, до сихъ поръ не вышедшихъ изъ состоянія дѣтства, — ищущихъ недостающаго имъ самимъ творческаго вдохновенія.

Достаточно этихъ вздыхателей и въ литературѣ. Съ тремя изъ нихъ позвольте васъ познакомить.

Бинэ-Вальмеръ — новеллистъ средней руки. Большинство его разсказовъ забывается послѣ прочтенія. Но одинъ остановилъ мое вниманіе. Содержаніе слѣдующее.

Жили два друга, связанные глубокой и искренней связью, опиравшейся на совмѣстно проведенную юность, близость взглядовъ и вкусовъ и общее дѣло. Они вмѣстѣ, наподобіе братьевъ Гонкуровъ и Эркмана и Шатріана, писали романы и драмы. Вмѣстѣ же познакомились они съ дѣвушкой, которую оба и полюбили. Но дѣвушка полюбила только одного изъ нихъ и только за одного изъ нихъ вышла замужъ. Другой затаилъ поэтому свое чувство глубоко въ сердцѣ, и о немъ не узнали даже счастливые влюбленные. Такъ и прошло пять лѣтъ, проведенныя тремя этими людьми въ тѣсномъ и дружескомъ общеніи, и въ совмѣстной работѣ двухъ мужчинъ, изъ которыхъ одинъ вносилъ въ общія произведенія свою солнечную радость, другой же свою трагическую печаль. Ихъ романы и драмы только выигрывали отъ этого, переливаясь, какъ алмазы, всѣми огнями, горящими въ душѣ человѣка. Между тѣмъ въ теченіе этихъ пяти лѣтъ любовь женщины совершила свой естественный кругъ: распустилась пышнымъ цвѣтомъ и отцвѣла. Осталась дружба къ мужу, все, что угодно, но онъ пересталъ быть для нея центромъ жизни, источникомъ свѣта, радости и страданія. А затѣмъ она внимательнѣе прежняго и ласковѣе прежняго взглянула на друга, и такъ какъ тотъ любилъ ее и давно, и глубоко, то между ними затеплилась,— сначала робкая, — искра взаимности. Ее раздула весна. Былъ весенній день, безпокойный, полный движенія, птичьяго гомона, яркихъ красокъ, аромата цвѣтовъ и пряныхъ запаховъ разогрѣтой плодородной земли. Грозное небо сверху, разнѣженная земля, душистый и пьяный вѣтеръ, тысячи рожденій вокругъ,— все говорило о безумномъ броженіи творческихъ силъ и все будило въ людяхъ тревогу и рои смутныхъ и сладкихъ желаній. Эта колдовская весна толкнула ихъ другъ къ другу, и случилось такъ, что, когда они въ первый разъ поцѣловались, мужъ видѣлъ,—видѣлъ и понялъ, что старая любовь умерла, новая же родилась.

Онъ могъ поступить различно. Могъ притвориться, что не знаетъ ничего, и позволить себя обманывать; могъ взять „кинжалъ“ и зарѣзать измѣнщицу на манеръ Позднышева; могъ прогнать друга; убить его: могъ отряхнуть грязь оскверненнаго семейнаго очага отъ своихъ ногъ и отправиться искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть сердцу уголокъ. Но онъ родился въ XX вѣкѣ, принадлежалъ къ числу хорошихъ, справедливыхъ, культурныхъ и вдумчивыхъ людей, и потому онъ поступилъ иначе. Онъ разсудилъ, что не вернешь утраченной любви, особенно насиліемъ и скандаломъ; что долгая и испытанная дружба стоитъ того, чтобы ее поберечь; что нельзя не считаться съ душевными потребностями любви; что союзы любви — по самой своей сущности союзы свободные и могутъ покоиться только на внутреннемъ влеченіи двухъ существъ. Сообразивъ все это, онъ, воспользовавшись отсутствіемъ жены, усадилъ своего друга въ соломенное кресло въ саду, самъ сѣлъ напротивъ и задалъ ему вопросъ:

„Что же мы сдѣлаемъ теперь?“ И затѣмъ добавилъ: „Неужели даже мы въ такомъ большомъ, но и такомъ обычномъ вопросѣ, не сумѣемъ найти рѣшенія, возвышающагося надъ обыденщиной“?

Бинэ-Вальмеръ очень трогательно описываетъ эту бесѣду друзей. Онъ хочетъ оставить у читателя впечатлѣніе,—и оставляетъ его,— что передъ нимъ два дѣйствительно хорошихъ, гуманитарно-развитыхъ человѣка. Общими усиліями они находятъ „человѣчное“ рѣшеніе проблемы. Оно таково: надо сохранить свободу и благородство въ любви и вѣрность въ дружбѣ. Надо поэтому, во-первыхъ, дѣйствовать прямо и открыто, т.-е. немедленно привлечь къ обсужденію и любимую обоими женщину; во-вторыхъ, надо предложить ей слѣдующій выходъ; оба друга, — и мужъ, и новый возлюбленный,—немедленно уѣзжаютъ, чтобы дать ей возможность сосредоточиться, углубиться въ себя, освободиться отъ непосредственнаго физіологическаго воздѣйствія человѣка, переждать, пока колдунья-весна не смѣнится сухимъ перемякшимъ лѣтомъ. Въ уединеніи она рѣшитъ, кто ей дороже и нужнѣе,—тотъ ли, кого она уже любила пять лѣтъ, или тотъ, кто сталъ ей только-что близокъ. Въ условленный день и часъ она вызоветъ его, а черезъ нѣсколько времени затѣмъ пріѣдетъ и другой, чтобы занять безпритязательное мѣсто общаго друга.

Когда они предложили ей это рѣшеніе, она сначала ужасно взволновалась. Мужа, который говорилъ, она перебила съ глухимъ нетерпѣливымъ пренебреженіемъ и, мѣшая гнѣвъ и страхъ, спросила друга:

— И вы тоже? Вы согласны? Онъ говоритъ и отъ вашего имени?!

— Да. Мы вмѣстѣ приняли это рѣшеніе.

Тогда по ея лицу разлилась покорная скука, и очень грустно и очень равнодушно она отвѣтила:

— Тогда и я согласна. Пусть будетъ какъ вы хотите.

Они уѣхали, какъ было условлено, но въ условленный день и часъ ни одинъ изъ нихъ не получилъ призывнаго письма. Послѣ колебанія они поѣхали къ ней оба узнать, въ чемъ дѣло, и нашли запертую дверь и закрытыя ставни. Прислуга сообщила имъ, что madame уѣхала неизвѣстно куда, не оставивъ адреса. А еще черезъ день оба получили по письму съ тождественнымъ содержаніемъ:

„Я уѣхала въ поиски за любовникомъ, умѣющимъ любить“.

Очень хорошо описываетъ Бинэ, какъ вечеромъ этого дня два оставшихся въ дуракахъ гуманитарно-развитыхъ друга вновь сидѣли одинъ противъ другого въ саду на соломенныхъ креслахъ и предавались печальнымъ размышленіямъ. Наконецъ, бывшій мужъ вздохнулъ и сказалъ:

— Вѣроятно, мы въ самомъ дѣлѣ не умѣли любить...

Бывшій же нелюбленный отвѣтилъ ему въ тонъ:

— И потому она оставила насъ, обоихъ!

И, расписавшись въ своей дряблости и „неумѣлости“, друзья остались сидѣть въ соломенныхъ креслахъ.

Такова повелла, полная сострадательнаго презрѣнія къ гуманитарно-развитымъ друзьямъ и нѣкотораго преклоненія даже передъ элементарно-скудной женщины, полагающей, что настоящая любовь это—та, которая топчетъ все. Двадцатилѣтняя глубокая дружба, общій трудъ, общая жизнь — все на смарку, когда заговорило весеннее колдовство. Захочу — полюблю, захочу—разлюблю. Цыганская психологія, какъ перлъ творенія. Властность физіологическихъ зововъ, какъ проба достоинства. Поиски благороднаго компромисса, какъ показатель дряблости.

Только въ пзжитой, одряхлѣвшей средѣ можетъ сложиться такая аберрація. Или неправда?

Индивидуальная душа приходитъ къ культу первобытнаго, сильнаго и дикаго различными путями. Октава Мирбо привелъ къ нему тотъ процессъ, который создаетъ въ современномъ обществѣ революціонеровъ, анархистовъ и мизантроповъ.

Современное общество удивительно сложное и поэтому прѣчное общество. Это какъ желѣзнодорожный мостъ или Эйфелева башня, гдѣ тысячи тонкихъ перекладинъ, гдѣ хитро разсчитанный кружевной переплетъ придаетъ постройкѣ несокрушимую крѣпость. Изъ чего состоитъ этотъ переплетъ въ современномъ обществѣ? Изъ грубыхъ интересовъ, лицемѣрно окрашенныхъ въ цвѣта принциповъ, разведенныхъ на маслѣ общественныхъ конвенансовъ. Грабятъ Марокко—во имя цивилизаціи: эксплоатируютъ рабочаго—во имя свободы труда. Итакъ повсюду. Съ другой стороны: такъ какъ строй прочевъ, все благоустроено, налажено и пригнано къ общему удовольствію, то на долю индивидуальнаго усилія оставлено очень мало: становись на рельсы и катись. Мѣщанская культура поэтому — синонимъ не только общественнаго лицемѣрія, но и личной дряблости, подъ которой течетъ широкій потокъ замаскированной звѣриной жестокости,— звѣриной, но въ то же время подлой и трусливой. Такова общая концепція буржуазной прилизанной культуры, составленной революціонеромъ, почти анархистомъ и мизантропомъ, Октавомъ Мирбо.

Отсюда до панегирика Динго, дикой австралійской собаки,—одинъ только шагъ. И шагъ этотъ Мирбо сдѣлалъ. Въ своей послѣдней повѣсти онъ описалъ своего друга Динго, принесеннаго ему щенкомъ изъ Австраліи и выросшаго въ Парижѣ или подъ Парижемъ, среди всѣхъ людей, которыхъ знаетъ, видитъ и наблюдаетъ Мирбо, — т.-е. среди насъ. Мирбо ходитъ среди насъ со своимъ другомъ Динго и описывая его и насъ, создастъ удивительную и яркую антитезу. Динго — самая дикая природа. Динго — воинъ и охотникъ, хитрый, лукавый, безумно смѣлый и открытый. Въ немъ могучъ голосъ инстинктовъ, и онъ отдается имъ всецѣло, безразсчетно, безъ мелкихъ и подленькихъ уловокъ. Динго — умный, наблюдательный, вѣчно живой, потому что въ жилахъ его течетъ живая, богатая, сильная жизненными соками кровь. И онъ — вѣрный другъ, — настоящій другъ, любовь и преданность котораго безграничны. Онъ и умираетъ отъ тоски по тяжело заболѣвшей хозяйкѣ своей, и эта смерть дорисовываетъ намъ образъ благороднаго разбойника, всегда вѣрнаго голосу сердца и инстинкта.

А рядомъ съ нимъ—мы: дряблые, лживые, наглые, трусливые, экономные, размѣрные по вершкамъ, легкомысленные и вѣтряные, скучающіе и пустые, — пустыя дѣти ничтожной культуры. Кажется, не было еще литературнаго произведенія, въ которомъ искренно и серьезно дикій песъ изъ австралійскихъ болотъ изображался бы въ качествѣ недосягаемаго идеала для французовъ XX вѣка.

И, наконецъ, еще одно литературное произведеніе,—на этотъ разъ цѣлый большой романъ, правда, немножко устарѣлый, двухлѣтней

давности, но идущій къ нашему случаю. Романъ Рони Старшаго „La vague rouge“, описывающій нравы синдикалистовъ, антимилитаристовъ и саботажниковъ. Рони даетъ изображеніе патроновъ, рабочихъ, желтыхъ, нейтральныхъ, красныхъ. Разные между ними люди, — умные и глупые, трудолюбивые, жадные, лѣнивые и неряхи,—но выше ихъ всѣхъ, и умныхъ и трудолюбивыхъ, стоитъ синдикатскій агитаторъ, проповѣдующій непрерывный бунтъ, подбивающій солдатъ дезертировать, саботирующій, etc.

Самъ Рони — не революціонеръ, не саботеръ, не антимилитаристъ. Отчего же окуталъ онъ своего героя флеромъ поэзіи? Оттого, что учуялъ въ немъ бродящую, буйную силу, рвущуюся наружу, къ творчеству, къ разрушенію, учуялъ въ немъ то, что всего цѣннѣе, всего выше, всего прекраснѣе въ полумертвой, худосочной и хилой средѣ, какъ бы высоко она ни стояла на лѣстницѣ культуры.

Итакъ, я подвожу итогъ приведенному здѣсь, а также множеству аналогичныхъ явленій, вмѣстить которыя въ небольшой фельетонъ я не въ силахъ, и констатирую:

Въ этой разлитой повсюду жаждѣ стихійнаго, цѣльнаго, дикаго, сильнаго, непосредственнаго—вѣрный признакъ, что кто-то старый стоитъ на краю черной могилы и вздыхаетъ: Ah, si viellesse pouvait! („если бы старость могла!“) и мечтаетъ объ юномъ „могущемъ“.

Кто-то скоро умретъ. Кого-то скоро засыплютъ землей.

Кого?

Смерть въ пониманіи Метерлинка.

Безусловно литературнымъ событіемъ является новое произведеніе Мориса Метерлинка, его книга „La Mort“ (Смерть), — не только потому, что эту книгу написалъ Метерлинкъ, но и потому, что именно авторъ „Смерти Тентажиля“, „Непрошенной гостьи“, „Тамъ внутри“ подошелъ здѣсь наконецъ вплотную къ вопросу о смерти. Въ будущемъ мы разсчитываетъ познакомить нашихъ читателей съ книгой бельгійскаго драматурга - философа поближе; теперь же ограничимся предварительнымъ ознакомленіемъ — со словъ одного изъ наиболѣе обстоятельныхъ рецензентовъ ея, Владимира Чернова („Завѣты“, май).

„Метерлинкъ нисколько не претендуетъ на разрѣшеніе проблемы смерти; онъ считаетъ ее даже не разрѣшимой, но тѣмъ не менѣе настаиваетъ на важности ея постановки. „Я ничего не прибавилъ ко всему тому, что было извѣстно раньше“, говоритъ онъ въ заключительной главѣ своей книги. „Я просто попытался отдѣлить то, что можетъ быть истиннымъ, отъ того, что намъ ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ, ибо, если намъ неизвѣстно, гдѣ находится истина, то тѣмъ не менѣе мы можемъ установить съ полной увѣренностью, гдѣ искать ее не слѣдуетъ. И, можетъ быть, въ этихъ поискахъ недосягаемой истины, мы, пристально устремляя глаза свои въ ея сторону, пріучимъ ихъ преодолѣть страхъ послѣдняго часа“.

Преодолѣніе страха смерти — такова задача Метерлинка. Его исходнымъ пунктомъ является положеніе, что въ нашей жизни и въ нашей вселенной наша смерть, безъ всякаго сомнѣнія, должна представлять собою то единственное событіе, съ которымъ мы по-истинѣ не можемъ не считаться.

Метерлинкъ начинаетъ съ того, что снимаетъ со смерти отвѣтственность за всѣ тѣ страданія и болѣзни, которыя ей предшествуютъ, и единственнымъ источникомъ которыхъ является наше тѣло; это естественные спутники жизни, и не смерть ихъ приводитъ съ собой, напротивъ, она сама за ними только слѣдуетъ и освобождаетъ отъ нихъ, ибо за ея порогомъ, несомнѣнно, никакихъ страданій уже не будетъ. Итакъ, остается собственно страхъ передъ неизвѣстностью, въ которую она насъ ввергаетъ. Здѣсь Метерлинкъ рѣшительно отвергаетъ религіозную концепцію загробной жизни, такъ же какъ и матеріалистическое ученіе о полномъ уничтоженіи. „Уничтоженіе матеріально невозможно; религіозныя рѣшенія занимаютъ цитадель безъ дверей и оконъ, куда человѣческій разумъ не проникаетъ“. Передъ положительными религіями, равно оказавшимися несостоятельными, Метерлинкъ отдаетъ явное предпочтеніе теософской гипотезѣ, съ ея ученіемъ о перевоплощеніи и послѣдовательныхъ очистительныхъ существованіяхъ. Въ моральномъ отношеніи это ученіе представляется Метерлинку несравненно болѣе высокимъ, чѣмъ „небо и чудовищный адъ христіанъ, съ вѣчнымъ воздаяніемъ за проступки или добрыя дѣла, чаще всего ребяческія, неизбѣжныя или случайныя“. Но, помимо этого „сентиментальнаго аргумента“, совершенно недостаточнаго, разумѣется, чтобы принять ихъ гипотезу, всѣ утвержденія теософовъ („безсмертной троицы“, „трехъ міровъ“, „астральнаго тѣла“, „вѣчнаго атома“ или „Кама-Лока“) оказываются „совершенно произвольными“ и „висящими въ пустотѣ“. Въ связи съ теософскимъ ученіемъ возникла нео-спиритская гипотеза, отцомъ

которой былъ Вильямъ Крукесъ, рѣшительно вступившій на почву экспериментальнаго метода въ той загадочной области, къ которую стремились заглянуть теософы—переживанія и перевоплощенія послѣ смерти. Ученію нео-спиритовъ и въ особенности тѣмъ чисто-научнымъ изысканіямъ, которыя ихъ ученіемъ были вызваны, Метерлинкъ удѣляетъ самое серьезное вниманіе. Въ особенности большія заслуги онъ признаетъ въ развитіи „новаго знанія“ за лондонскимъ Society for Psychical Research, возникшимъ 28 лѣтъ тому назадъ. Это общество, дѣятельное участіе въ которомъ принялъ извѣстный и у насъ философъ Вильямъ Джемсъ, отецъ прагматизма, усердно занялось изученіемъ всѣхъ фактовъ, относящихся къ сверхнормальной психологіи и повышенной чувствительности. „Proceedings S. R. P.“, протоколы этого общества, составившіе до настоящаго времени уже 25 толстыхъ томовъ, даютъ богатѣйшій и единственный въ своемъ родѣ матеріалъ въ области сверхнормальныхъ проявленій, телепатіи, телергіи, предвидѣній, подсознательной передачи мыслей, зрѣнія на растояніи, ясновидѣнія въ прошломъ и т. п. Въ послѣдніе годы, помимо обычнаго вызыванія умершихъ, предприняты также опыты, такъ называемой, перекрестной корреспонденціи.

Внимательное изученіе подлежащаго матеріала приводитъ Метерлинка къ справедливому заключенію, что собственно о загробной жизни „духи“ намъ ничего не могутъ сообщить, потому, очевидно, что сами о ней ничего не знаютъ. Но для нашей земной жизни они порой даютъ изумительно чудесныя подробности. Ясно, что медіумы заблуждаются, ссылаясь при этомъ на умершихъ, и что эти чудесныя психическія способности приходится приписать самимъ медіумамъ: въ меньшей мѣрѣ ихъ удалось уже, впрочемъ, открыть и у другихъ людей. Итакъ, безспорно, что въ спиритическихъ сеансахъ не заключается ничего, что бы по-истинѣ приходило къ намъ изъ другого міра, напротивъ, и это очень характерно, что все здѣсь вращается въ этомъ мірѣ. Если хотите, прибавляетъ Метерлинкъ, это чудесные пограничные инциденты; но утверждать, чтобы эта граница была перейдена въ этихъ сеансахъ, невозможно. Все здѣсь, слѣдовательно, сводится къ внушеніямъ нашего безсознательнаго я (Ницшевскій „большой разумъ“, „голосъ тѣла“), которое, очевидно, знаетъ несравненно больше, чѣмъ наше сознательное я („малый разумъ“ Ницше или бергсоновскій интеллектъ, какъ соціальное орудіе, созданное біологической эволюціей исключительно для практическихъ потребностей тѣлесной жизни среди матеріальнаго міра физическихъ тѣлъ). Въ этихъ темныхъ для насъ областяхъ, въ которыя бросается пока лишь первый, слабый просвѣтъ, открывается, дѣйствительно, чудесный новый міръ.

Но передъ спиритической гипотезой переживанія и перевоплощенія слѣдуетъ отдать предпочтеніе безсознательному или непроизвольному внушенію, какъ болѣе вѣроятному, какъ, несомнѣнно, пмѣющему мѣсто въ реальномъ мірѣ и даже шире распространенному, а иногда и болѣе могучему, чѣмъ другое гипнотическое внушеніе. Чтобы объяснить невѣроятныя чудеса нѣкоторыхъ сеансовъ, не прибѣгая къ опороченной гипотезѣ спиритовъ, Метерлинкъ приводитъ рядъ чрезвычайно интересныхъ соображеній. Передача мысли, замѣчаетъ онъ, возможна всякій разъ, какъ кто-нибудь изъ присутствующихъ на сеансѣ освѣдомленъ о фактѣ, который предполагается установить черезъ посредство медіума; мало того, освѣдомленность эта можетъ быть подсознательной, иначе говоря, самый фактъ можетъ быть забытъ даннымъ лицомъ. Основываясь на одномъ очень интересномъ сеансѣ, Метерлинкъ готовъ даже допустить, что на медіума, безъ его вѣдома, можетъ дѣйствовать подсознательнымъ путемъ кто-нибудь отсутствующій. „Наконецъ, чтобы все предвидѣть, прежде чѣмъ допустить появленіе на сценѣ смерти, добавляетъ Метерлинкъ, было бы необходимо твердо установить, что не можетъ играть неожиданной роли атавическая память. Это не невѣроятно. Мы носимъ въ себѣ все прошлое, весь опытъ нашихъ предковъ; почему, спрашиваетъ онъ, если бы можно было магически освѣтить чудесныя сокровища подсознательной памяти, мы не открыли бы тамъ происшествій и фактовъ, источниковъ этого опыта? Прежде чѣмъ обратиться къ загробному неизвѣстному, мы должны исчерпать до дна всѣ возможности земного неизвѣстнаго“. Кстати, очень интересно, что эти соображенія Метерлинка имѣютъ много точекъ соприкосновенія съ біологической метафизикой Бергсона; впрочемъ, сближеніе можно было отмѣтить и еще на двухъ, трехъ пунктахъ: напр., когда Метерлинкъ спрашиваетъ себя, не слѣдуетъ-ли въ нашихъ внѣшнихъ чувствахъ и нашемъ разумѣ видѣть собственно какія-то иллюзорныя вещи, ремесленные инструментики, хрупкое орудіе, пригодное на одинъ часъ, и никогда не имѣвшее своимъ прямымъ назначеніемъ пытать или бравировать вселенную?

Такимъ образомъ, хотя спиритическая гипотеза переживанія и перевоплощенія въ глазахъ Метерлинка и не опровергнута окончательно, онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе телена-

тическому объясненію наблюденныхъ удивительныхъ фактовъ, какъ несравненно болѣе вѣроятному, и предсказываетъ большую будущность новой наукѣ, подвигающейся на этомъ, еще вчера только поставленномъ фундаментѣ. „Не въ тридцать лѣтъ, конечно, замѣчаетъ онъ по этому поводу, можно построить мостъ, самый смѣлый изъ всѣхъ, какіе только предпринимались человѣчествомъ — черезъ рѣку смерти. Большинство наукъ имѣетъ за собою цѣлые вѣка неблагодарныхъ и тщетныхъ усилій и сомнительныхъ результатовъ; и немногія изъ самыхъ молодыхъ наукъ, думаю я, могли бы, подобно этой, съ первыхъ же часовъ обѣщать такую обильную жатву: правда, эта жатва, можетъ быть, не та, на какую разсчитывали, когда дѣлали посѣвъ: но уже явно показывается завязь какихъ-то невѣдомыхъ и любопытныхъ плодовъ“.

Разставшись съ теософами и спиритами, Метерлинкъ пытается проникнуть въ загробный міръ одинъ, безъ ихъ невѣрной помощи. Метерлинкъ считаетъ себя послѣдовательнымъ трансформистомъ, притомъ не связаннымъ матеріалистическими представленіями, и, въ качествѣ такового, онъ не считаетъ возможнымъ абсолютное прекращеніе нашего духовнаго существованія. Слѣдовательно, предстоитъ выбирать между переживаніемъ безъ сознанія и переживаніемъ съ видоизмѣненнымъ сознаніемъ. Съ сенсуалистической точки зрѣнія первое было бы совершенно равносильно небытію: „Тѣло разлагается и не можетъ болѣе страдать; мысль, отдѣленная отъ источника радостей и страданій, гаснетъ, разсѣивается и теряется въ безграничномъ мракѣ; и это былъ бы тотъ высшій покой, къ которому такъ часто взываютъ, сонъ безъ мѣры, безъ пробужденія и безъ сновидѣній“. Но Метерлинкъ усматриваетъ тутъ скрытое недоразумѣніе, вѣрнѣе, недомысліе, ибо, очевидно, имѣютъ въ виду въ такомъ случаѣ только наше нынѣшнее сознаніе, ибо человѣческая мысль едва-ли можетъ представить себѣ, чтобы какая-либо другая форма сознанія могла удержаться въ безконечности. Но какъ отрицать всякій видъ сознанія за безконечной вселенной? „Не значитъ ли это смѣло и слѣпо, среди ночного мрака, разсѣчь мечомъ самый высокій и самый таинственный вопросъ, каковой только можетъ встать въ человѣческомъ мозгу?“

Метерлинкъ отчетливо понимаетъ, что между двумя терминами: сознаніе и безконечность есть даже существенное противорѣчіе, ибо что же такое сознаніе, какъ не конечное, которое стремится сосредоточиться и опереться на самое себя, чтобы распознать и ощупать свои тѣснѣйшія границы и извлечь изъ того наименьшія выгоды для себя? Но онъ замѣчаетъ, опять-таки въ интимномъ согласіи съ Бергсономъ, что не всякій разумъ трансформируется въ сознаніе, ссылаясь при этомъ на біологическую эволюцію и обнаруживаемый ею творческій разумъ, съ которымъ—по его мнѣнію — нашъ человѣческій умъ и думать не можетъ сравняться. „Все, что существуетъ, и самъ человѣкъ прежде всего, безпрестанно черпаетъ изъ этого неистощимаго резервуара“. А тутъ мы имѣемъ еще дѣло только съ природой нашей маленькой земли, представляющей лишь точку въ пространствѣ. И какъ же не спросить себя, не является ли этотъ универсальный на нашей планетѣ біологическій разумъ эманаціей какого-то невѣдомаго и непостигаемаго безконечнаго сознанія, или, можетъ быть, подобное сознаніе еще только вырабатывается всей безконечной вселенной.

Быть можетъ, нашъ человѣческій разумъ и наша мысль, выше которыхъ мы ничего не знаемъ, въ этой безконечной вселенной занимаютъ очень высокое мѣсто въ общей іерархіи духовныхъ возможностей. Конечно, намъ очень трудно подняться надъ антропоморфическими представленіями. Такъ или иначе, въ это безконечное, въ этотъ океанъ какой-то высшей духовной жизни, и должна погрузить насъ смерть. „Здѣсь начинается открытое морс, Здѣсь начинается восхитительное по своей смѣлости предпріятіе, единственное, какое достойно человѣческой пытливости, единственное, какое поднимается такъ же высоко, какъ и высочайшее желаніе человѣка“. Нужно пріучить себя смотрѣть на смерть, какъ на форму жизни, которую мы еще не понимаемъ“, и съ счастливой мыслью объ этой высшей духовной жизни мы сможемъ „спокойно сѣсть на ступеняхъ могилы“. „Едва ли можно представить себѣ, чтобы наше духовное существо не слилось по смерти съ міровой субстанціей, т.-е. съ безконечностью; и это будетъ состояніемъ, которое, если и нельзя назвать его радостнымъ, можетъ быть только покоемъ болѣе высокимъ и чистымъ, чѣмъ радость“.

И въ томъ, что мы составляемъ неразрывное цѣлое съ этой безконечностью, съ его точки зрѣнія можно усматривать вѣрный источникъ спокойствія и надежды. Цѣлое не можетъ хотѣть зла своей части, не можетъ хотѣть зла для себя и идти къ нему; то, что намъ представляется зломъ, можетъ быть только преходящимъ, неудачнымъ опытомъ и не можетъ быть цѣлью мірового процесса.

Метерлинкъ предвидитъ, что его размышленія о смерти многіе сочтутъ пустой спекуляціей, ибо они относятся къ непознаваемому.

Но для него въ нашемъ невѣдѣніи непознаваемаго слѣдуетъ различать низшія и высшія ступени, и восхожденіе по этимъ ступенямъ обозначаетъ завоеваніе разума. „Все, на что только можетъ надѣяться человѣческое знаніе,—это именно опредѣлять съ возрастающей полнотой объемъ того, что оно не знаетъ". Въ самомъ дѣлѣ развѣ есть вещи, полное знаніе которыхъ было бы возможно для нашего разума? Развѣ не все въ этомъ мірѣ связано съ непостигаемымъ цѣлымъ?

Закончимъ свою замѣтку о любопытной книгѣ Метерлинка, мысли котораго о смерти такъ тѣсно связаны, быть можетъ, съ самымъ любопытнымъ и самымъ сильнымъ теченіемъ современной философской мысли (читайте, напр., о вѣчности у Виндельбанда), слѣдующимъ энергическимъ пассажемъ: „Наша идея непознаваемости, я согласенъ, была и всегда будетъ смутной, но тѣмъ не менѣе это самая значительная идея человѣческаго рода. Вся наша мораль, все, что есть самаго глубокаго въ нашемъ существованіи, всегда было основано на этой смутной идеѣ, не представляющей никакой раціональной цѣнности. Сегодня, какъ вчера, хотя бы еще яснѣе обозначилось, что она никогда не будетъ имѣть реальнаго значенія, при всей ея неполнотѣ и относительности, все же необходимо поднять ее наивозможно выше. Она одна создаетъ ту единственную атмосферу, въ которой можетъ жить то лучшее, что есть въ насъ".

О футуризмѣ и его родоначальникѣ.

Послѣ того, какъ въ рукахъ побываютъ двѣ-три болѣе чѣмъ худодосочныя брошюрки издательства „Петербургскій глашатай", когда прочтешь нѣсколько газетныхъ статей, посвященныхъ не столько „поэзамъ" русскихъ футуристовъ, сколько ихъ дѣяніямъ, то футуризмъ, какъ новое литературное теченіе, кажется такой quantité négligeable, что и вниманія на него обращать не стóитъ... Какъ пузыри въ дождевой лужѣ—вскочатъ и лопнутъ безъ всякихъ послѣдствій, такъ лопнутъ едва мелькнувъ и футуристы...

Но если пузырь самъ по себѣ и ничего не стоитъ, то свой „raison d'être" онъ все-таки имѣетъ, а народная примѣта, та даже говоритъ, что „пузыри—это къ дождю!"

Разсматривать произведенія футуристовъ нѣтъ смысла, но нельзя не считаться съ характеромъ общественныхъ вкусовъ и нравовъ, которые взростили такое дѣтище, какъ футуризмъ, и не мѣшало бы задать вопросъ: а къ чему это? что знаменуетъ и предвѣщаетъ футуризмъ?

Попробуемъ обратиться за отвѣтомъ къ фельетону В. Гиппіуса на страницахъ „Рѣчи" (№ 107).

„Новое искусство мертво, и нельзя отъ него ждать жизни, если смерть вокругъ!"—Давно уже о нашемъ теперешнемъ положеніи, о нашей современности не было сказано такъ сильно и страшно, какъ это сдѣлалъ Бепуа въ проведенныхъ словахъ.

Я, пишетъ Гиппіусъ, вспоминаю по поводу этихъ словъ — „смерть вокругъ насъ" — тѣ же слова, давно сказанныя — по давнишнему, но, можетъ быть, не совсѣмъ по другому поводу. Когда Герценъ, полвѣка тому назадъ покинувъ Россію, пріѣхалъ въ Парижъ, думая, что онъ изъ царства „мертвыхъ душъ", гдѣ только одинъ смѣхъ былъ честнымъ лицомъ, изъ городовъ, которые другой писатель назвалъ Некрополисами, т.-е. тоже городами мертвыхъ, и моля Бога о приближеніи на мѣсто ихъ царства Божьяго на землѣ, — когда Герценъ пріѣхалъ въ „Парижъ, Парижъ!", — какъ онъ восклицалъ восторженно заранѣе, онъ увидалъ—посвюду, во всей Европѣ, на улицахъ, на каѳедрахъ, въ парламентѣ, въ театрахъ, въ литературѣ—смерть, а во главѣ ея жирного мертвеца Гизо, руководителя тогдашней конституціонной Франціи (вліятельной,—какъ всегда,— по всей Европѣ),—подававшаго свою окоченѣлую руку представителю русской власти, правившей надъ мертвыми душами и Некрополисами. И Герценъ бѣжалъ въ Италію,— тамъ, думалъ онъ, одна надежда на живую жизнь, тамъ пробуждался народъ, тамъ онъ выходилъ на улицы и площади для новой жизни, въ которую Герценъ и окунулся, какъ для крещенія; и навсегда, послѣ множества позднѣйшихъ томленій и разочарованій, сохранилъ счастливое воспоминаніе о революціонно-поэтической Италіи, странѣ неумолкающей жизни.

Прошло полвѣка — и изъ этой же Италіи повѣяло трупами, оттуда именно отплылъ „корабль мертвецовъ". Тамъ капитанъ его—Маринетти создалъ новое міровоззрѣніе, основаніе новаго искусства: футуризмъ или проповѣдь безжизненности, проповѣдь смерти... Да, смерти!.. а не жизни—этимъ отличается это новое движеніе отъ всѣхъ движеній предшествующихъ, съ его исповѣданіемъ техники, ремеслъ, машинъ, фабрикъ, заводовъ, аэроплановъ, автомобилей, взамѣнъ бунта противъ всей этой цивилизованной мертвечины, — чѣмъ и живо было до сихъ поръ всякое искусство.

Я думаю, говоритъ Гиппіусъ, что мы на

ущербѣ вѣры, и прежде всего, на ущербѣ любви, потому и на ущербѣ жизни, потому и въ реакціи, и вообще—въ смерти.

Было сказано, что передъ концомъ міра охладѣетъ любовь. Я не знаю, близокъ ли конецъ міра, и охладѣла ли любовь навсегда, но иногда кажется, что она уже охладѣла!

Непосредственно — на каждомъ шагу — въ воздухѣ, въ случайныхъ, кажется, незначащихъ словахъ, мимолетныхъ замѣчаніяхъ, иногда больше по отсутствію признаковъ, чѣмъ по присутствію иныхъ, противоположныхъ,—я чувствую вездѣ и повсюду этотъ ущербъ и охлажденіе любви, и рядомъ съ этимъ, какъ признакъ сомосохраненія, ростъ самообожанія, ощущеніе себя все напряженнѣе, все настойчивѣе, я бы сказалъ, все воспламененнѣе, если бы думалъ, что о самообожаніи можно говорить какъ о внутренней самовоспламененности,—нѣтъ! Все суше. Представленіе о „сухости“ всегда сливалось съ представленіемъ о равнодушіи къ окружающему міру и прежде всего къ людямъ. Великій поэтъ начала теперь уже прошлаго столѣтія, характеризуя современнаго ему человѣка, называлъ его душу „безнравственной“ именно потому, что она была „себялюбивая и сухая“. (Пушкинъ объ Онѣгинѣ). Эта сухость — слѣдствіе вырожденія любви—есть у всѣхъ современныхъ намъ людей. Раньше этимъ томились и даже стыдились, кутаясь въ „страждущую снѣсь“, теперь не томятся, не стыдятся—и ни во что не кутаются.

Когда я слушалъ лекцію мальчика, носившаго, какъ мнѣ передавали, еще въ прошломъ году гимназическую курточку, срывающимся, полуотроческимъ голосомъ повторявшаго передъ петербургской публикой свою московскую лекцію о новомъ итальянскомъ эстетическомъ и вообще умственномъ движеніи, которое хочетъ себя проповѣдывать повсюду, я думалъ не о томъ, что манифесты Маринети, провозглашаемые имъ по бумажкѣ, можетъ быть, ему самому не совсѣмъ ясны, судя по тѣмъ дополненіямъ, которыя онъ къ нимъ присоединялъ,—я думалъ все о томъ же — объ охлажденіи души, о сухости, о внутренней безжизненности современныхъ людей — несмотря на крикъ и азартъ, и еще думалъ о томъ — добрый онъ мальчикъ или недобрый?

Мальчикъ говорилъ о футуризмѣ, о „лучизмѣ“ и пр., и исполнительно, и возбужденно, какъ на публичномъ экзаменѣ, отчеканивалъ, что новое движеніе отрицаетъ всю старую культуру. Не только со всѣми ея художественными воспоминаніями и преданіями: античностью, Флоренціей, Венеціей, во имя аэроплановъ, автомобилей, кинематографовъ, Эйфелевой башни, сапогъ изъ магазина механической обуви,—въ этихъ предѣлахъ шла бы борьба вкусовъ, которая никогда страшной не бываетъ; но отрицанію подлежитъ едва ли не вся область человѣческихъ стремленій, вся психологія человѣческая, издавна идеализируемая, все, что люди любили и любятъ: природа, эротика, особенно, романтизируемая...

Новое движеніе отрицаетъ „глупыя мечты о всеобщемъ счастьѣ“, „глупыя мечты о всеобщемъ мирѣ“, о „человѣколюбіи“; оно исповѣдуетъ вѣчную борьбу, войны, націонализмъ. Мальчикъ не прибавилъ—и погромы, мальчикъ не сдѣлалъ обобщенія — и реакцію! Добрый онъ мальчикъ или недобрый? Охладѣла любовь или не охладѣла?

Нѣтъ, не пустяки, и не просто мода новыя движенія, которыя теперь передъ нами. И только случайностью было то, что на каѳедрѣ стоялъ мальчикъ, а не взрослый человѣкъ. И если есть въ новыхъ пріемахъ живописи или поэзіи фокусы — то, правда, въ какомъ же новаторствѣ ихъ не было? И потому отмахиваться отъ новизны словами — мальчишество, мода или чѣмъ-нибудь другимъ въ этомъ родѣ—и легко, и успокоительно—но не надолго: пока неизбѣжно не наступятъ „слѣдствія“—и тогда-то мы отшатнемся, но тогда, можетъ быть, будетъ уже слишкомъ поздно.

А что если всѣ,—ну, не всѣ, а очень многіе,—теперешніе юноши, въ общемъ, въ массѣ, въ томъ, что опредѣляется понятіемъ поколѣніе, всѣ футуристы, всѣ преклонились предъ успѣхами европейской техники до обожанія, до восхищенія, до одуренія—не только эстетическаго, но и общественнаго, — до идеализаціи чуть ли не религіозной? Механически отпечатываютъ въ своемъ безжизненномъ сознаніи и природу, и людей, и небо, и землю, а то, „чѣмъ люди живы“, ушло отъ нихъ, покинуло, и они среди насъ уже съ опустошенными сердцами? И каждый хоть сейчасъ сдастъ экзаменъ не только словомъ, но и дѣломъ—на футуриста? И безъ всякой подготовки, безъ всякихъ лекцій и безъ всякаго Маринети, и не думая заранѣе, что выше—сапоги или Шекспиръ, а инстинктивно, всей своей охлажденной душой, всѣмъ своимъ существомъ утративъ всѣ влеченія не то, что къ „запредѣльному“, но ко всему, что зоветъ куда-нибудь отъ механическаго „пріятія“ этого самаго реальнаго міра—автомобилей, кинематографовъ, башмаковъ, равныхъ по красотѣ Венерѣ Милосской, войнъ, погромовъ, исключенія студентовъ за неотданіе чести, арестовъ и самоубійствъ гимназистовъ, изнасилованій

новорожденныхъ... и торжества суффражистокъ, которымъ ничего не останется въ этомъ очаровательномъ мірѣ, какъ, одѣвшись съ иголочки, по-мужски, летать на аэропланахъ для собственнаго развлеченія или для военныхъ надобностей?..

Охладѣла любовь, охладѣла душа вообще. Что значитъ, какъ не омертвѣніе души—этотъ новый эстетическій принципъ: улавливать явленія во что бы ни стало въ движеніи, подчиняясь процессу, а не, владѣя имъ, останавливать его въ художественномъ преображеніи (въ чемъ и назначеніе искусства и для чего нужна душевная пламенность), — что это, какъ не бѣснованіе мертваго сознанія, или агонія впечатлительности, которая безцѣльно гонится за пѣной жизни, не ощущая ея сущности—воды живой? Или другой, въ связи съ этимъ, основной принципъ новаго сознанія: въ стремленіи уловить процессъ „разлагать“ явленіе на составныя части? Развѣ это не безсиліе замирающей впечатлительности?

Я не знаю, какое значеніе имѣетъ такая психологія, такая „душа“ для Италіи, для Франціи, для Англіи,—о чужомъ со стороны судить трудно. Но знаю, что для насъ это опустошеніе, это смерть, это—реакція. У насъ мы всѣ футуристы, если мы охладѣли любовью, если мы утратили то человѣческое чувство жизни, которое по всѣмъ глубочайшимъ ощущеніямъ и сознаніямъ спокона вѣковъ было обожествляемо, или признавалось прямо божественнымъ по своему происхожденію, и опредѣляло собой всѣ эпохи великихъ реформъ и великой любви; если мы утратили то міровоспріятіе, которое улавливаетъ и останавливаетъ живыми глазами и руками сущность вещей, а не мертвѣющими губами ловитъ движенія!

Но кто же этотъ Маринети, этотъ капитанъ „корабля мертвецовъ“, отплывшаго въ море общеевропейской литературы и жизни изъ вѣчно юной Италіи? Недурной, хотя и бѣглый очеркъ о Маринети и „иже съ нимъ“ мы находили въ книгѣ М. Осоргина „очерки современной Италіи“.

Маринети — родомъ итальянецъ, родился въ Египтѣ, выкормленъ „пылкой седанской кормилицей“, воспитанъ въ колледжѣ французскихъ іезуитовъ и уже 15 лѣтъ отъ роду основалъ въ Александріи Египетской журналъ „Папирусъ“. Двадцати лѣтъ онъ окончилъ Сорбонну въ Парижѣ и затѣмъ избралъ своей резиденціей Миланъ, гдѣ отецъ-милліонеръ устроилъ „блудному сыну“ роскошную квартиру, въ которой, по словамъ біографа, побывало много міровыхъ знаменитостей, а также „тайно побывали и красивѣйшія женщины: итальянки и иностранки“. Теперь молодой поэтъ располагаетъ „цѣлымъ дворцомъ, убраннымъ въ египетскомъ стилѣ, съ глубокими мистическими залами, полными тѣней и тонкихъ ароматовъ“, и здѣсь-то и происходятъ собранія футуристовъ; здѣсь всевластно царитъ поэзія, здѣсь редактируется журналъ подъ тѣмъ же названіемъ, выходящій на превосходной бумагѣ, заполненный стихами и прозой на всѣхъ европейскихъ языкахъ, а главнымъ образомъ—рекламой футуризма и его основателя. Люди будущаго,—великіе поэты-поджигатели, — проводятъ здѣсь цѣлые дни за чашкой лучшаго шока, которое приготовляетъ настоящій турецкій groom.

Маринети одинаково владѣетъ языками французскимъ и итальянскимъ и одинаково обильно дѣлаетъ вклады въ литературы двухъ родственныхъ народовъ. Свою поэтическую славу, хотя бы и въ узкомъ кругу единомышленниковъ, онъ создалъ поэмой „Conquête des Etoiles“, сборникомъ лирики „Destruction“, памфлетомъ „D'Annunzio intime“, драмой „La Momie Sanglante“ и главнымъ образомъ упомянутой уже сатирической трагедіей „Le Roi Bombance“ дѣйствительно не лишенной таланта и своеобразнаго интереса.

Прибавимъ еще, со словъ біографа, что Маринети — врагъ реальности, ненавидитъ землю за ея геометрическую правильность, отрицаетъ политику, какъ ставящую границы развитію индивидуума, и считаетъ синонимами слова: „абсурдъ, ирреальность, невозможное, безконечность, идеалъ, ничто“. „Чувствовать себя абсурдомъ“ онъ называетъ великой радостью; пессимизмъ же его питается презрѣніемъ къ землѣ и къ ея логикѣ.

Въ своей ненависти къ землѣ онъ утѣшается страстной любовью къ морю.

Маринети—безспорно талантливый писатель. Но нѣкоторой извѣстности въ Италіи и Франціи онъ обязанъ не столько своимъ дарованіямъ, сколько своему богатству. Ни одно итальянское издательство не тратитъ такъ много на рекламу, какъ кружокъ Маринети. Дорогой и роскошный журналъ Poesia печатается въ 30-ти тысячахъ экземплярахъ и, конечно, не меньше 20-ти тысячъ разсылается безплатно. Стоитъ выразить какой-нибудь интересъ къ писаньямъ футуристовъ, чтобы всѣ они прислали безплатно томы своей лирики и даже съ прочувствованнымъ собственноручнымъ посвященіемъ проявившему къ нимъ любопытство незнакомцу. Каждому томику предшествуетъ 20—30 страницъ рекламы предыду-

шихъ изданій въ самыхъ пышныхъ выраженіяхъ.

Время отъ времени футуристы обращаются ко всѣмъ своимъ и иностраннымъ литературнымъ критикамъ, писателямъ, артистамъ, художникамъ съ просьбой высказать ихъ авторитетныя мнѣнія о твореніяхъ и идеяхъ „людей будущаго“. Всѣ эти отзывы немедленно печатаются и пускаются въ оборотъ. И нужно отдать справедливость футуристамъ — они не скрываютъ мнѣній неодобрительныхъ. Въ этомъ отношеніи они послѣдовательны: лучше брани, но не замалчивай. И поэтому въ рекламныхъ сборникахъ футуристовъ встрѣчаются иногда такіе, напримѣръ, любопытные отвѣты, какъ письмо Пьера Лоти къ Маринети:

„Cher monsieur! Я—страстный поклонникъ прошлаго; я пугаю ужасъ и отвращеніе къ модернизму. Если вы прочли хоть одну строчку изъ моихъ книгъ, какъ же могли вы не знать этого и какъ вы могли не смѣха ради просить моего присоединенія, хотя бы частичнаго, къ вашему манифесту? Впрочемъ, по вашимъ словамъ, людей старше 40 лѣтъ слѣдуетъ выкидывать на панель. Но тогда на что же я могу быть вамъ годнымъ?..“

Не менѣе любопытенъ отвѣтъ Поля Адана, чрезвычайно любезный, гдѣ писатель заявляетъ, что онъ лишь въ одномъ расходится съ футуристами, какъ проповѣдниками разрушенія стараго:

Il ne faut rien détruire! Il faut toujours créer *)!

Но самую энергичную и при томъ самую серьезную отповѣдь получилъ Маринети отъ молодого поэта Лучини, краткія свѣдѣнія о которомъ и письмо его къ Маринети, мы находимъ въ статьѣ Луначарскаго въ „Кіевской Мысли“.

„Какъ среди русскихъ футуристовъ, являющихся даже по сравненію съ итальянскими прототипами довольно безобразнымъ, одновременно и тусклымъ и абсурднымъ отраженіемъ, оказался одинъ талантъ — Игорь Сѣверянинъ, такъ одинъ талантъ являлся въ глазахъ многихъ сверкающимъ украшеніемъ веселой банды атамана Маринети. Какъ Игорь Сѣверянинъ ушелъ въ настоящее время отъ футуристовъ, бросивъ имъ въ лицо презрительную кличку „обнаглѣвшая бездарь!“, такъ и Лучини, притомъ негласно уже давно, а недавно въ высшей степени гласно, отрясъ прахъ маринетизма отъ своихъ ногъ.

Итальянскій стихъ былъ менѣе французскаго скованъ разными классическими правилами, и ему недоставало той свободы, которая необходима для перваго и разнообразнаго лиризма современной души, въ музыкѣ давно разбившаго всѣ классическія правила. Лучини явился именно героемъ свободнаго стиха въ Италіи. Онъ продѣлалъ ту работу, которая совершена была символистами во Франціи. Нечего и говорить, что Маринети сразу всею душою сталъ на сторону свободнаго стиха. Повидимому, красивыя и сильныя, дѣйствительно вполнѣ современныя стихотворенія Лучини также произвели на него впечатлѣніе. Но крайнѣй мѣрѣ, Лучини былъ первымъ, къ которому обратился отецъ футуризма съ приглашеніемъ подписать первый манифестъ новой школы. Въ своемъ письмѣ, опубликованномъ теперь Лучини, Маринети называетъ его „огромнымъ геніемъ“, „давно уже футуристомъ“, его книгу „шедевромъ свободнаго стиха“ и объявляетъ его первоучителемъ новой церкви.

Тогда же серьезный, благородный и высокоталантливый поэтъ отвѣтилъ Маринети письмомъ, которое должно было бы заставить задуматься пламеннаго новатора, если бы какіе бы то ни было Бурлюки на свѣтѣ склонны были задумываться.

Лучини писалъ, что затѣя Маринети полная „бѣшенства разрушенія“, свидѣтельствуетъ о „чрезмѣрной юности“. „Въ концѣ концовъ, это новый взрывъ идеологіи, второе изданіе романтизма!“.

„Нельзя созлавать школы, поучаетъ Лучини, онѣ появляются естественно, въ результатѣ коллективной потребности, это организмы, нарождающіеся въ искусствѣ въ потребное время. Ты хочешь разрушить музеи, картинныя галлереи и библіотеки? Что въ нихъ памятникъ нашего прошлаго величія! Знаешь, почему они раздражаютъ насъ, почему мы хотимъ ихъ гибели?—Потому, что намъ стыдно быть такими маленькими и жалкими передъ этими колоссами мысли, эстетической доблестью гражданскаго мужества и пистинаго патріотизма. Въ каждомъ изъ насъ шевелится скрытый Геростратъ. Твой манифестъ? Но это бредъ янки, опившагося виски и заболѣвшаго печенью. Нѣтъ! идите въ вѣчную базилику итальянскаго искусства, безъ всякихъ очковъ на носу, безъ классицизма, безъ футуризма, съ дѣвственнымъ сердцемъ, какъ умные и честные итальянцы, и не слушайте сутулыхъ и лысыхъ господъ, которые начнутъ вамъ растолковывать шедевры. Смотрите сами. Вы не взволнованы? Дурно, очень дурно: такіе молодые люди и столько старческаго равнодушія!

*) Ничего не надо разрушать! Нужно всегда творить!

Этой позой вы осуждаете сами себя. Какой ужъ тутъ футуризмъ! *Со всей вашей стремительной жаждой жизни — вы уже мертвецы.* Футуризмъ! Свободы я хочу. Свободно творить—вотъ это фактъ, а всѣ художественные манифесты—болтовня"...

„Не вѣрь, пишетъ далѣе въ своемъ прекрасномъ письмѣ Лучини, не вѣрь, что можно нарушать всѣ правила эстетики. Конечно, мы не знаемъ еще всѣхъ гармоническихъ аккордовъ, въ какихъ развернется въ будущемъ красота міра. Мы постоянно открываемъ новые, но это не значитъ, что можно переступать всѣ пороги и что за многими изъ нихъ мы не натыкаемся уже на шумъ, безвкусицу, не подмѣняемъ варварски высокое наслажденіе плохо переносимой болью, прикрытой свобизномъ".

„Давай упрощать жизнь и искусство. Довольно громозвучныхъ прилагательныхъ, довольно яркихъ вывѣсокъ, довольно маленькихъ часовенъ. Искусство не любитъ рекламы. Всякое опредѣленіе искусства ограничиваетъ его. Оно существуетъ! Единственная атмосфера, въ которой оно нуждается—свобода! Я хочу искусства нагого, прямого, искренняго и личнаго!"

Лучини возмущается также и политической неразборчивостью Маринети. Онъ удивляется, какъ могъ разсчитывать Маринети на его сочувствіе, выражая въ тоже время свои симпатіи триполитанской авантюрѣ и марая гнусными издѣвательствами женщину.

Въ безшабашномъ отвѣтѣ, тоже опубликованномъ Лучини, Маринети называетъ все это пустяками: „Ты можешь уважать женщинъ сколько хочешь, а для меня нѣтъ разницы между женщиной и матрацемъ. Но развѣ въ этомъ дѣло? Для насъ важно не это, а наша огненность, нашъ бунтъ и наши плевки. Оставь при себѣ твои идеи—ты все-же можешь присоединиться къ нашему энтузіазму! Что касается слова „школа", то это уступка для дураковъ-журналистовъ. Сейчасъ они нужны, а послѣ можно ихъ хоть и уничтожить. Ты понимаешь меня?"

Но Лучини не понялъ. Правда, нѣкоторое время длилось недоразумѣніе. Маринети противъ воли поэта помѣстилъ его имя подъ манифестомъ. Лучини снесъ и довольно нелѣпое предисловіе, которымъ снабдилъ издатель-Маринети его послѣднюю книжку, но, наконецъ, терпѣніе его лопнуло и онъ публично, высокомѣрно и рѣзко заявилъ, что давно переросъ футуризмъ, не интересуется этими шалостями и не желаетъ, чтобы къ его имени привѣшивали бубенцы маринитизма, а оно, въ свою очередь, служило бы главнымъ колоколомъ въ рекламномъ трезвонѣ геростратовъ.

Обращаясь снова къ книжкѣ Осоргина мы находимъ въ ней и знаменитый манифестъ Маринети.

„1. Мы хотимъ воспѣвать любовь къ опасности, навыкъ къ энергіи и дерзости.

2. Мужество, отвага, бунтъ будутъ существеннымии элементами нашей поэзіи.

3. Литература восхваляла до сихъ поръ задумчивую неподвижность, экстазъ и сонъ. Мы желаемъ восхвалять наступательное движеніе, лихорадочную бессонницу, бѣглый маршъ, saUo mortale, пощечину и кулакъ.

4. Мы утверждаемъ, что вѣликолѣпіе міра обогатилось новой красотой, — красотой быстроты. Гоночный автомобиль со своимъ цилиндрическимъ ящикомъ, украшеннымъ толстыми трубами, которыя подобны змѣямъ, дышащимъ взрывами... автомобиль рыкающій, который кажется бѣгущимъ по картечи,—онъ прекраснѣе самооракійской Побѣды!

5. Мы хотимъ воспѣвать человѣка, правящаго маховымъ колесомъ, невидимая ось котораго пронзаетъ землю, бѣгущую по своей орбитѣ.

6. Пусть поэтъ расходуется съ огнемъ, блескомъ и расточительностью, чтобы усилить вдохновенный пылъ первородныхъ элементовъ

7. Внѣ борьбы нѣтъ красоты. Не можетъ быть шедевромъ твореніе, не имѣющее агрессивнаго характера. Поэзія должна быть дерзкой аттакой противъ силъ невѣдомыхъ, чтобы заставить ихъ преклониться предъ человѣкомъ.

8. Мы — на крайнемъ мысѣ вѣковъ... Зачѣмъ намъ оглядываться назадъ, если мы хотимъ сорвать таинственныя двери невозможнаго? Время и пространство умерли вчера. Мы живемъ въ абсолютномъ, ибо уже создали вѣчную вездѣсущую стремительность.

9. Мы хотимъ прославить войну, — единственную гигіену міра, — милитаризмъ, патріотизмъ, разрушительный жестъ анархистовъ, прекрасныя идеи, ради которыхъ умираютъ, и презрѣніе къ женщинѣ.

10. Мы хотимъ уничтожить музеи, библіотеки, академіи всѣхъ родовъ и бороться противъ морализма, феминизма и противъ всякой трусости оппортунистической и утилитарной.

11. Мы воспоемъ громадную толпу, возставшую во имя труда, наслажденія или бунта; мы воспоемъ многоцвѣтные и многозвучные приливы и отливы революцій въ современныхъ столицахъ; мы воспоемъ ночное дрожаніе арсеналовъ и верфей, залитыхъ могучимъ свѣтомъ

электрическихъ лунъ; жадныя станціи, пожирающія дымящихся змѣй; фабрики, привѣшенныя къ облакамъ на скрученныхъ нитяхъ своего дыма; мосты, подобные гимнастамъ-гигантамъ, которые перешагиваютъ черезъ рѣки, сверкающіе на солнцѣ блескомъ стали; корабли, познавшіе горизонтъ въ погонѣ за приключеніями; широкогрудые локомотивы, топающіе по рельсамъ, какъ огромные стальные кони, взнузданные трубами, и скользкій полетъ аэропланова, винты которыхъ трепещутъ по вѣтру, будто знамена или аплодисменты восхищенной толпы.

Изъ Италіи бросаемъ мы міру этотъ нашъ манифестъ пламеннаго насилія и переворота, которымъ мы сегодня кладемъ основу „футуризму“; ибо мы хотимъ освободить эту страну отъ зловонной гангрены профессоровъ, археологовъ, гидовъ и антикваріевъ. Уже слишкомъ долго Италія была рынкомъ старьевщиковъ. Мы хотимъ освободить ее отъ безчисленныхъ музеевъ, которые всю ее покрываютъ безчисленными кладбищами.

Самымъ старымъ среди насъ тридцать лѣтъ: значитъ, намъ остается еще, по крайней мѣрѣ, десятокъ лѣтъ, чтобы выполнить наше дѣло. Когда мы достигнемъ сорокалѣтняго возраста, другіе люди, моложе и сильнѣе насъ, пусть бросятъ насъ въ корзины, какъ безполезныя рукописи. Мы хотимъ этого!

Конечно, говоритъ Осоргинъ, въ манифестѣ футуристовъ есть большая доза того absurde и illogique, которымъ поклоняется Маринети. Но не на этотъ сразу бросающійся въ глаза вздоръ хотѣлъ бы я обратить вниманіе, а именно на положительныя ноты футуристскихъ заповѣдей. Проповѣдь здоровья, радости и энергіи, бунтъ противъ Паралича и Подагры,— все это приходится поставить на плюсъ футуристамъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ манифесту, такъ какъ, къ сожалѣнію, творенія ихъ значительно ниже принциповъ, которыми они должны быть вдохновлены. Было бы неправильно причислять футуристовъ за ихъ идеи къ великой арміи декадентовъ, хотя ихъ творенія, повторяю, нерѣдко сами просятся на этотъ разрядъ литературныхъ отбросовъ. Что же касается разрушенія музеевъ и сожженія библіотекъ, то сами футуристы толкуютъ это лишь, какъ символъ, и даже со свойственной имъ безцеремонностью называютъ мѣднолобыми идіотами тѣхъ, кто понимаетъ это утвержденіе буквально.

И именно въ Италіи зарожденіе футуризма является знаменіемъ времени, тогда какъ для Франціи оно было бы лишь простой выходкой крикуновъ, безъ всякаго значенія. Италія дѣйствительно обращена въ страну археологовъ, антикваріевъ и кладбищъ искусства какъ античнаго, такъ, къ сожалѣнію, и современнаго. Въ глазахъ Европы молодая Италія лишена интереса, и лишь старина ея привлекаетъ вниманіе изслѣдователей и любопытствующихъ форестьеровъ... Пусть нелѣпо выраженъ, пусть слѣпъ, пусть наивенъ, но все же законенъ протестъ футуристовъ противъ такого обиднаго обращенія живой и развивающейся страны въ интересное кладбище. „Мы, молодые и сильные футуристы, не хотимъ болѣе знать прошлаго! — восклицаютъ они. — Вы же, если угодно, можете тратить свои силы на его вѣчное и безполезное созерцаніе“. И еще одно замѣчаніе. Пусть произвольно назначаютъ футуристы сорокъ лѣтъ предѣльнымъ возрастомъ для людей будущаго. Но если и это понимать лишь какъ символъ, нельзя не привѣтствовать ихъ протеста противъ затхлости обветшалой мысли и противъ деспотизма старости. И въ Италіи, гдѣ авторитетъ преданія и писанія тѣснитъ и давитъ новое искусство со всѣхъ сторонъ,—въ Италіи этотъ протестъ и не можетъ вылиться въ форму иную, кромѣ стихійно анархической. Не менѣе естественно, что къ футуристамъ-поэтамъ прежде всего присоединились футуристы живописи, поднявшіе знамя возстанія противъ академій и художественныхъ критиковъ и уже успѣвшіе выпустить рядъ манифестовъ съ призывомъ „разрушить культъ прошлаго, педантизма и формализма.

Но тутъ, говоритъ Осоргинъ, „отдавъ справедливость“, я останавливаюсь въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ... Слѣдовало бы привести нѣсколько образчиковъ футуристской поэзіи, но поступить такъ мнѣ мѣшаетъ не только недостатокъ мѣста, но и недостатокъ выдающихся вещей. Все, что въ футуристской поэзіи красиво и благозвучно, имѣетъ слишкомъ мало отношенія къ принципамъ ихъ манифеста; то же, что болѣе или менѣе характерно, не заслуживаетъ вниманія.

Насколько справедлива эта „давь справедливости“, которую Осоргинъ отдаетъ футуристамъ—большой вопросъ. Въ попыткѣ привести что-либо заслуживающее вниманіе и притомъ характерное, иначе говоря—пытаясь достойно, представитъ новое литературное теченіе, и онъ „пришелъ въ замѣшательство“, что же касается футуризма, какъ общественнаго явленія, то... это, пожалуй, „къ засухѣ“.

Нынѣшній Максимъ Горькій.

Есть писатели (и не только писатели, конечно), которые проходятъ все свое литературное поприще, отъ начала до конца, съ единымъ, прочнымъ, разъ навсегда сложившимся отношеніемъ къ міру, къ людямъ, къ жизни. Ужъ таковъ у нихъ строй души. Но есть и другіе писатели, чьи воззрѣнія постоянно, такъ сказать, въ движеніи, въ періодѣ строительства, на пути къ „сдвигу“, „перелому“. Въ теченіе своей, хотя бы даже сравнительно короткой, дѣятельности они обыкновенно переживаютъ нѣсколько такихъ идейныхъ переворотовъ, такъ или иначе отражающихся на ихъ писаніяхъ. Ко второй категоріи писателей слѣдуетъ отнести, между прочимъ, М. Горькаго.

Обозначившаяся недавно—и теперь, съ появленіемъ его повѣсти „Хозяинъ“, уже достаточно опредѣлившаяся — перемѣна „образа мыслей“ въ творчествѣ Горькаго послужила критику „Совр. Сл.“ Ал. Ожигову темой для очередного фельетона его (№ 1929). Тема эта не лишена серьезнаго интереса и значенія, хотя бы уже потому, что новыя переживанія капрійскаго отшельника, какъ говоритъ названный критикъ, „далеко не безразличны для учета его художественнаго вліянія въ Россіи“.

Послѣднія произведенія М. Горькаго, — читаемъ мы въ фельетонѣ, — носятъ на себѣ отраженія весьма серьезныхъ переломовъ въ настроеніи и міропониманіи писателя. Этотъ процессъ ясно сталъ виденъ съ появленія „Городка Окурова“. Уже здѣсь, въ этомъ произведеніи, М. Горькій безпощадно сбрасываетъ романтическія одежды, столь щедро розданныя имъ русской демократіи въ предыдущую полосу его творчества. За рабочимъ, воспѣтымъ и перепѣтымъ М. Горькимъ, сталъ видѣться пошехонецъ, таскавшій коровъ на крыши ѣсть солому.

Послѣ перерыва, заполненнаго неудачными драматическими попытками сказать свое слово въ этой области, М. Горькій снова возвращается къ своему обычному литературному труду, а новое его критическое устремленіе разгорается еще ярче, какъ пожаръ охватывающій жадный къ огню предметъ. Писатель долженъ былъ пересмотрѣть всѣхъ своихъ божковъ въ старой божницѣ и призадуматься надъ всѣми молитвами, произносившимися имъ когда-то въ экстазѣ предъ старымъ алтаремъ.

Мы не говоримъ, что эта фаза уже совершенно опредѣленно наступила у М. Горькаго, или что она отражается въ законченныхъ формахъ. Нѣтъ она только намѣчается, пробивается, даетъ о себѣ знать.

Въ большой и весьма интересной повѣсти „Хозяинъ“ („Современникъ“, II—V), М. Горькій являетъ передъ нами черты новаго своего лика.

Героемъ повѣсти является владѣлецъ большого булочнаго и хлѣбопекарнаго предпріятія, бывшій рабочій, сдѣлавшій свою карьеру при помощи любовной связи съ женой прежняго хозяина, который какимъ-то страннымъ путемъ былъ отправленъ на тотъ свѣтъ. Вокругъ этого героя бьется въ тяжкихъ силкахъ рабочая жизнь, проклятая, осточертѣлая, нудная. Нѣсколько десятковъ рабочихъ эксплоатируются по всѣмъ правиламъ научьей системы, и ихъ повседневное бытіе есть бытіе адова проклятья. М. Горькій мастеръ описывать эту каторжную жизнь рабочихъ, къ тому же имъ извѣданную на опытѣ. Но на этотъ разъ описаніе М. Горькаго лишено обычныхъ пріемовъ его пера.

Теперешніе рабочіе М. Горькаго пропитаны уже не романтизмомъ и не позпрующей фантазіей, а правднымъ чувствомъ жизни, фотографическимъ къ ней отношеніемъ, чуждымъ вымысловъ и прикрасъ. Это уже не армія труда, которая такъ красиво несетъ боевыя знамена освобожденія, а простые люди, въ которыхъ тьма земли русской, общая некультурность и отсталость отразились какъ въ зеркалѣ и преломились самымъ болѣзненнымъ образомъ.

И та грубость, которая въ прежнихъ твореніяхъ М. Горькаго почиталась проявленіемъ неизбывной силы, которая такъ живчикомъ по жилушкамъ и переливается, теперь — только отвратительная грубость, результатъ рабьей забитости, рабьяго отношенія къ себѣ, какъ къ человѣку, полнаго нежеланія осмотрѣться критически и видѣть правду жизни.

И прежніе рыцари-новаторы—теперь невольники жизни, несущіе ея ярмо почти что безропотно, считаясь съ ея давленіемъ, съ ея непобѣдимостью, съ ея устойчивостью.

Лишенные прежнихъ красиво-нарядныхъ романтическихъ одеждъ, рабочіе предъ нами во всей неприкрашенности житейской правды, слѣдовательно, во всей неприглядности. Правда, въ одинъ и именно заключительный моментъ, просыпается въ нихъ чувство протеста. Забытые рабочіе, истомленные каторжнымъ трудомъ своимъ, приниженные имъ, извращенные имъ до глубинъ душевныхъ, до полной власти хамства, вдругъ просыпаются и небольшой забастовкой добиваются нѣкотораго улучшенія своего положенія. Но вслѣдъ затѣмъ,

въ трактирѣ, лишь только появляется среди нихъ хозяинъ, вся рабья душа ихъ воскресаетъ вновь, и все прежнее хамство кричитъ о себѣ съ особой силой.

Прежній Горькій не создалъ бы такого финала. Прежній Горькій былъ бы лучшаго мнѣнія о природѣ человѣческой вообще и о натурѣ русскаго народа въ частности.

Но какъ же жить при теперешнихъ условіяхъ? Гдѣ выходъ? Въ чемъ борьба и ея смыслъ?

Нѣтъ торжествующихъ пѣсенъ теперь на эти темы. Безумству храбрыхъ не поется уже пѣсня, смѣлая какъ безумство, и приходится теперь вести нѣкоторый учетъ жизни и ея активу и пассиву.

Владѣлецъ хлѣбопекарни вышелъ изъ рабочей среды. Типъ онъ свѣжій и оригинальный и написанъ на этотъ разъ сильнымъ перомъ, можно сказать, даже радостнымъ перомъ хотя по существу недостаточно объективенъ М. Горькій, чтобы такихъ людей подымать надъ общимъ уровнемъ. Хозяинъ — умный человѣкъ. И даже матеріалистически настроенный. Онъ на томъ пути, на какомъ и его противники. И поэтому-то его сбить съ пути крайне трудно. И когда между противными сторонами завязывается идейный споръ, то авторъ не съ прежней легкостью готовитъ побѣду демократіи. Противникъ хозяина сознается, что въ демократическомъ міровоззрѣніи есть какая-то прорѣха, которой хозяинъ-эксплоататоръ пользуется весьма ловко и искусно, „показывая темныя пустоты (между „непрочными, бессвязными, безкровными мыслями и мечтами"), наполняя душу тоскливой тревогой". „Трудно было оберечь правду отъ его плевковъ... Дѣло уже шло не о томъ, чтобы опровергнуть его, а чтобы защитить свой внутренній міръ, куда просачивался темный ядъ сознанія безсилія предъ цинизмомъ хозяина... Умъ его, тяжелый, какъ топоръ, обрубилъ всю жизнь, раскололъ ее на правильные куски и уложилъ ихъ плотной полѣницей".

Сознательный рабочій изъ арміи рыцарей-освободителей признаетъ, такимъ образомъ, себя въ нѣкоторомъ родѣ побѣжденнымъ. Не потому, конечно, что хозяинъ своими бьющими въ цѣль аргументами разбрасываетъ въ клочья цѣльность демократическаго міросозерцанія. А потому, что жизнь лукаво посмѣялась уже однажды надъ преувеличеніями красныхъ вымысловъ романтизма и показала свои язвы. А это обязываетъ.

Хозяинъ острыми глазами видитъ разруху жизни. Но онъ рѣшительно отказывается найти спасеніе отъ нея тамъ, гдѣ видитъ его молодая сила рабочаго. Наука? О, хозяинъ видитъ и знаетъ ее, но вѣритъ въ нее не можетъ. Вѣдь наука воплощается предъ его умственнымъ взоромъ въ реальнѣйшія явленія жизни, самаго непосредственнаго свойства. Наука у него воплощена въ людяхъ, а о нихъ онъ невысокаго мнѣнія: „Стоитъ громадный домище, называется университетъ, ученики, молодые парни, по трактирамъ пьянствуютъ, скандалятъ на улицахъ, про святого Варламья зазорно поютъ, уходятъ на Пески, въ публичные дома, живутъ вообще, какъ приказчики, что ли бы... И вдругъ послѣ всего этого,— докторъ, судья, учитель, адвокатъ! Стану я вѣрить имъ? Да, они еще можетъ поганѣй меня?.. Не могу я вѣрить никому"!..

И на жизненную борьбу онъ смотритъ тоже глазами человѣка, познавшаго, что такое власть и что значитъ ея образованные представители.

Въ газетахъ его „пропечатали": сообщили про санитарныя безобразія въ его пекарняхъ. И что же? — разсуждаетъ хозяинъ. Все осталось по-прежнему. „Вотъ тебѣ и газета, и наука, и совѣсть". Достаточно было взятки, чтобы положить конецъ всякимъ разоблаченіямъ. И отсюда выводъ: разъ начальство хозяйскими пятачками питается, то куда же рабочему затѣвать борьбу съ нимъ; въ такомъ положеніи рабочій— „тараканъ противъ цѣпной собаки". И вся повѣсть М. Горькаго точно подтверждаетъ правильность этого пессимистическаго вывода. И даже больше. Авторъ незамѣтно для себя, и во всякомъ случаѣ внѣ своего идейнаго плана, оставляетъ все же въ читателѣ весьма симпатичное впечатлѣніе отъ хозяина. Хозяинъ—преступникъ, подлый и низкій эксплоататоръ, павшій до послѣднихъ ступеней животнаго— не даромъ же онъ такъ любитъ спиней; тѣмъ не менѣе онъ все-таки не является окончательно непріемлемымъ. Есть мостокъ между нимъ и рабочимъ людомъ лучшаго типа. И не потому, что теперешній разбойникъ былъ когда-то простымъ рабочимъ, а потому, что, при всей дикости и нелѣпости хозяйской души, въ ней живетъ тревожная мысль, какое-то исканіе, стремленіе. Недаромъ хозяинъ уже прошелъ матеріалистическія ступени. Онъ не вѣритъ въ религію, не вѣритъ въ существованіе души, не какъ жестокій вампиръ-кулакъ, а какъ думающій человѣкъ. Онъ можетъ бунтовать, итти противъ Бога. Онъ говоритъ: „я передъ Богомъ молчать буду. Спроситъ онъ: ну, Василій, говорю, въ чемъ грѣшенъ. А я скажу: Ты, Господи, самъ долженъ все это знать,—твоя душа, не моя"... „Ты мнѣ, скажу, душу далъ? Далъ. А послѣ

взялъ? Взялъ. Значитъ, и въ расчетѣ мы. Квитъ. Разбирай самъ, что у меня въ душѣ накоплено, что тамъ напутано"...

Потому-то хозяинъ, чувствующій порывы и стремленія молодого рабочаго новаго типа, болѣе или менѣе чутко относится къ нему и укрощаетъ при немъ свои дикіе порывы. Потому-то въ концѣ концовъ этотъ хозяинъ, ставящій всей своей хозяйской дѣятельностью рабочій вопросъ въ злой остротѣ, все же не остается на уровнѣ только безсмысленнаго или сознательнаго эксплоататора. Ему самому невтерпежъ. Онъ тоже мечется отъ жизни, не сознавая своихъ мечтаній и порывовъ. Онъ заводитъ трехъ любовницъ, самъ не знаетъ, для чего именно нужны ему три женщины, кромѣ жены-старухи. И въ концѣ концовъ онъ бросаетъ налаженное предпріятіе и бѣжитъ, оставивъ долговъ на нѣсколько десятковъ тысячъ. Предварительно онъ проситъ своихъ кредиторовъ посадить его въ тюрьму. Кредиторы принимаютъ эту просьбу за шутку. Но хозяинъ не шутитъ и бѣжитъ...

Безсиліе человѣческаго слова.

(„Русскія Ночи" кн. В. Ѳ. Одоевскаго).

Мысль изреченная — есть ложь.

Тютчевъ.

La langue n'existe que pour cacher la pensée.

Талейранъ.

Если мы бросимъ взглядъ на исторію человѣчества, если мы всмотримся въ жизнь современныхъ человѣческихъ группъ и, наконецъ, если мы провѣримъ самихъ себя въ своихъ личныхъ, интимныхъ отношеніяхъ къ нашимъ ближнимъ,— всюду и вездѣ мы столкнемся съ однимъ и тѣмъ-же явленіемъ—явленіемъ взаимнаго непониманія. Иногда это „непониманіе простыхъ словъ" намъ кажется страннымъ и непріятнымъ, иногда мы находимъ, что это „въ порядкѣ вещей" и лишь изрѣдка насъ, какъ молніей, обжигаетъ мысль, что вѣдь это непониманіе и есть та преграда, которую никогда не преодолѣть человѣчеству въ его самыхъ свѣтлыхъ, самыхъ чистыхъ стремленіяхъ. Идея мира, идея коллективнаго творчества, идея сліянія личности съ обществомъ, идея счастья въ лучшемъ значеніи этого слова — осуществимы-ли онѣ при условіи взаимнаго непониманія? И мысль о несовершенствѣ нашего способа передачи мысли, о безсиліи нашего слова, то съ горечью, то съ гнѣвомъ, то съ иронією повторяется на землѣ уже много вѣковъ. Не звучитъ-ли она въ словахъ Христа о камнѣ вмѣсто хлѣба и змѣѣ вмѣсто рыбы? На протяженіи вѣковъ она занимала философскіе умы. Съ нею-же мы встрѣчаемся и въ русскихъ словахъ кн. Одоевскаго. Перелистывая „Русскія Ночи", изданныя недавно подъ редакціей С. Цвѣткова, многое находимъ въ нихъ и наивнымъ и устарѣвшимъ, многое имѣетъ только историко-литературный интересъ, но эта мысль — о безсиліи могучаго слова человѣческаго—она не можетъ быть старой, наоборотъ: по мѣрѣ того, какъ внутренній міръ человѣка растетъ и становится болѣе тонкимъ и сложнымъ, она становится лишь еще болѣе острой, болѣе ощутительной и потому навсегда сохранитъ свой жгучій интересъ.

Здѣсь мы приводимъ именно тѣ отрывки изъ „Русскихъ Ночей", гдѣ Одоевскій касался „вопроса о словѣ", и по нимъ можно судить, сколь значительнымъ и сколь мучительнымъ казался этотъ вопросъ одному изъ лучшихъ русскихъ умовъ своего времени.

Продолжительное чтеніе Платона—говоритъ Одоевскій—привело меня къ мысли, что если задача жизни еще не рѣшена человѣчествомъ, то потому только, что люди не вполнѣ понимаютъ другъ друга, что языкъ нашъ не передаетъ вполнѣ нашихъ идей, такъ что слушающій никогда не слышитъ всего того, что ему говорятъ, а или больше, или меньше, или влѣво, или вправо. Отсюда вытекало убѣжденіе въ необходимости и даже въ возможности (!) привести всѣ философскія мнѣнія къ одному знаменателю. Юношеской самонадѣянности представлялось доступнымъ изслѣдовать каждую философскую систему порознь (въ видѣ философскаго словаря), выразить ее строгими, однажды навсегда принятыми, какъ въ математикѣ, формулами, и потомъ всѣ эти системы свести въ огромную драму, гдѣ бы дѣйствующими лицами были всѣ Философы міра отъ Элеатовъ до Шеллинга или, лучше сказать, ихъ ученіе, — а предметомъ, или вѣрнѣе основнымъ анекдотомъ, была бы ни болѣе ни менѣе какъ задача человѣческой жизни.

Но въ этомъ дѣлѣ случилось то, что разсказываетъ Пушкинъ о помѣщикѣ села Горохона, который задумалъ написать поэму: Рурикъ, — потомъ нашелъ нужнымъ ограничиться одою, и кончилъ — надписью къ портрету Рурика.

Мечта первой юности рушилась; трудъ былъ не по силамъ; на одинъ философскій словарь, какъ я понималъ его, не достало бы человѣческой жизни, а эта работа должна была быть лишь первой ступенькой для дальнѣйшей главной работы... что говорить далѣе,—дроби остались

съ различными знаменателями, какъ можетъ быть и навсегда останутся.

Въ „первой ночи“, затронувъ вопросъ „зачѣмъ мы живемъ“, авторъ, устами одного изъ собесѣдниковъ, говоритъ: Зачѣмъ мы живемъ? спрашиваете вы. Трудный и легкій вопросъ. Можетъ быть на него можно отвѣчать однимъ словомъ; но этого слова вы не поймете, если оно само не выговорится въ душѣ вашей... Вы хотите, чтобы васъ научили истинѣ?— Знаете ли великую тайну: истина не передается! Изслѣдуйте прежде, что такое значитъ *говорить*? Я, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ, что говорить есть не иное что, какъ возбуждать въ слушателѣ его собственное внутреннее слово: если его слово не въ гармоніи съ вашимъ — онъ не пойметъ васъ; если его слово свято—ваши и худыя рѣчи обратятся ему въ пользу; если его слово лживо—вы произведете ему вредъ съ лучшимъ намѣреніемъ. Неоспоримо, что словомъ исправляется слово; но для того дѣйствующее слово должно быть чисто и откровенно, — а кто поручится за полную чистоту своего слова?—Вотъ вамъ побасенка въ родѣ Хемницера: на улицѣ стоялъ человѣкъ слѣпой, глухой и нѣмой отъ рожденія; лишь два чувства были ему оставлены природою: обоняніе и осязаніе; что открывало ему чутье, то непремѣнно ему хотѣлось ощупать, и когда это было невозможно, глухо-нѣмой слѣпецъ ужасно сердился и даже въ досадѣ билъ костылемъ прохожихъ. Однажды добрый человѣкъ подалъ ему милостыню; слѣпецъ почуялъ, что то была золотая монета, и обрадовался безъ ума, почелъ себя первымъ богачомъ въ свѣтѣ, отъ радости принялся прыгать... но радость его была непродолжительна: онъ уронилъ монету! Въ отчаяніи тщетно онъ шарилъ и въ углу стѣны, и вокругъ себя по землѣ, и рукою, и костылемъ, тщетно ропталъ, тщетно жаловался; часто онъ чуялъ запахъ монеты, казалось, близко — тщетная надежда: монета была ненаходима! Какъ спросить о ней у прохожихъ? какъ услышать, что они скажутъ? Тщетно тѣлодвиженіями онъ умолялъ окружающихъ помочь его горю: одни ни понимали его, другіе надъ нимъ смѣялись, третьи говорили ему, но онъ не слыхалъ ихъ. Мальчишки со смѣхомъ дергали его за платье; онъ еще болѣе принимался сердиться и, въ гнѣвѣ гоняясь за ними съ костылемъ своимъ, забывалъ даже о своей монетѣ. Такъ провелъ онъ цѣлый день въ непрестанномъ терзаніи; къ вечеру усталый онъ возвратился домой и бросился на груду камней, служившихъ ему постелью; вдругъ онъ почувствовалъ, что монета покатилась по немъ и—укатилась подъ камни— на сей разъ уже невозвратно: она была у него за пазухой!.. Кто мы, если не такіе же, глухіе, нѣмые и слѣпые отъ рожденія? Кого мы спросимъ, гдѣ наша монета? Какъ поймемъ, если кто намъ и скажетъ, гдѣ она? Гдѣ наше слово? Гдѣ слухъ нашъ? Между тѣмъ усердно мы шаримъ вокругъ себя на землѣ и забываемъ только одно: посмотрѣть у себя за пазухой...

Въ самомъ ли дѣлѣ мы понимаемъ другъ друга? — задаетъ вопросъ Одоевскій. — Мысль не тускнетъ ли, проходя сквозь выраженіе? То ли мы произносимъ, что мыслимъ? Слухъ не обманываетъ ли насъ? То ли мы слышимъ, что произноситъ языкъ? Мысли высокихъ умовъ не подвергаются ли тому оптическому обману, который безобразитъ для насъ отдаленные предметы?

Простолюдинъ понимаетъ своего собрата, но не слова свѣтскаго человѣка; свѣтскіе люди понимаютъ другъ друга и не понимаютъ ученаго; и между учеными нѣкоторымъ удавалось писать цѣлыя книги съ твердою увѣренностью, что ихъ поймутъ только два или три человѣка во всемъ мірѣ. Соедините же оба конца этой цѣпи, поставьте простолюдина передъ выраженіемъ мысли мудрѣйшаго изъ смертныхъ: тотъ же языкъ, тѣ же слова, — а низшій обвинитъ высшаго въ безуміи! И послѣ этого, мы еще вѣримъ нашимъ выраженіямъ, мы не боимся передавать имъ своихъ мыслей? Или осмѣливаемся думать, что смѣшеніе языковъ прекратилось?

Въ ночи девятой Одоевскій говоритъ: Два человѣка могутъ согласно вѣрить, или, если угодно, чувствовать истину, но никогда согласно думать о ней, и тѣмъ менѣе свое согласіе выразить словами. Объясню это весьма простымъ примѣромъ: кто изъ насъ не знаетъ, что такое металлъ? Каждый, даже неучившійся минералогіи или химіи, знаетъ, что значитъ, когда говорятъ: „такое-то тѣло есть металлъ“. Въ старинныхъ химіяхъ находились весьма подробныя опредѣленія металла и отличія его отъ другихъ минераловъ. Новѣйшіе химики принуждены были отказаться отъ опредѣленія: что такое металлъ? И дѣйствительно, невозможно: чѣмъ отличается металлъ отъ другихъ тѣлъ? крѣпостью,—но алмазъ крѣпче металла; ковкостію,—тогда, куда отнести ртуть? тѣмъ, что онъ простое тѣло? но простыхъ тѣлъ болѣе полсотни; блескомъ? но сѣра, слюда имѣютъ металлическій блескъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ; наконецъ, къ довершенію бѣдъ, открыли тѣло, имѣющее въ своихъ соединеніяхъ всѣ свойства металловъ, и между-тѣмъ, этого тѣла никто не видалъ; химія не

можетъ уловить его, оно почти не существуетъ— это, какъ знаешь, металлъ амоній. А между тѣмъ, мы понимаемъ другъ друга, когда говоримъ о металлахъ, и отнюдь не смѣшиваемъ этого тѣла съ другими. Что же это значитъ? что мы къ данному слову присовокупляемъ еще какое-то понятіе, не выражаемое словами, понятіе, сообщенное намъ не внѣшнимъ предметомъ, но самобытно и безусловно исшедшее изъ нашего духа. Я привелъ въ примѣръ слово простое, означающее предметъ простой; но что же должно происходить въ нашихъ словахъ, когда мы говоримъ о понятіяхъ неосязаемыхъ, о понятіяхъ, заключающихъ въ себѣ тысячу другихъ понятій, каковы, напримѣръ, понятія нравственныя. Полное вавилонское смѣшеніе языковъ! Отсюда часто проистекаетъ мое убѣжденіе, что мы говоримъ не словами, но чѣмъ-то, что находится внѣ словъ, и для чего слова служатъ только загадками, которыя иногда, но отнюдь не постоянно, наводятъ насъ на мысль, заставляютъ насъ догадываться, пробуждаютъ въ насъ нашу мысль, но отнюдь не выражаютъ ее. Оттого, чѣмъ подробнѣе мы хотимъ изложить какое-либо понятіе, тѣмъ болѣе мы должны употреблять словъ или неопредѣленныхъ знаковъ, словомъ, чѣмъ яснѣе, т.-е. чѣмъ матеріальнѣе хотимъ выразить нашу мысль, тѣмъ болѣе она теряетъ опредѣленности. Въ этомъ смыслѣ, можетъ-быть, и говорилъ Сократъ: „все, что я знаю, это — что ничего не знаю“, а отнюдь не въ духовномъ смыслѣ, какъ обыкновенно полагаютъ; ибо рѣчь внутренняя всегда понятна для людей, находящихся въ нѣкоторой степени симпатіи; въ этомъ былъ убѣжденъ и Сократъ—и тому доказательство: онъ не молчалъ. Одно условіе понимать другъ друга: говорить искренно и отъ полноты душевной; тогда всякое слово получаетъ ясность отъ своего вышняго источника. Когда два или три человѣка говорятъ отъ души, они не останавливаются на бо́льшей или меньшей полнотѣ своихъ словъ; между ними образуется внутренняя гармонія; внутренняя сила одного возбуждаетъ внутреннюю силу другого; ихъ соединеніе, какъ соединеніе организмовъ въ магнетическомъ процессѣ, возвышаетъ ихъ силу; они оба дружно съ быстротою неисчислимою переходятъ цѣлые міры различныхъ понятій и согласно достигаютъ искомой мысли; если этотъ переходъ выразить словами, то, по ихъ несовершенству, они едва означатъ лишь конечныя грани: точку отправленія и точку покоя; внутренняя нить, ихъ связывающая, для словъ недоступна. Отъ того, въ живомъ, откровенномъ, искреннемъ разговорѣ, кажется, нѣтъ логической связи, а между тѣмъ, лишь при этомъ гармоническомъ столкновеніи внутреннихъ силъ человѣка рождаются нежданно самыя глубокія наблюденія, какъ замѣтилъ мимоходомъ Гёте *). Этотъ гармоническій процессъ объяснить словами еще труднѣе, нежели объяснить, что такое металлъ; ва этотъ процессъ, обыкновенно, не обращаютъ вниманія, а между тѣмъ, онъ такъ важенъ, что безъ предварительнаго изученія этого процесса—всякое философическое понятіе, выраженное словами, есть не иное что, какъ простой звукъ, могущій имѣть тысячи произвольныхъ значеній; словомъ, безъ предварительнаго изученія процесса выраженія мыслей никакая философія невозможна, ибо при первомъ шагѣ она должна уже употребить этотъ процессъ, а между тѣмъ, явленія до нѣкоторой степени однородныя съ этимъ процессомъ, у насъ ежедневно предъ глазами; возьмемъ примѣръ самый простой: кто не знаетъ, что лучшій способъ убѣжденія не логика, но такъ называемое нравственное вліяніе; отсюда различіе между рѣчью импровизированною и рѣчью читаемою; отсюда простое слово: „впередъ“, произнесенное опытнымъ полководцемъ, дѣйствуетъ на воиновъ сильнѣе самой лучшей диссертаціи; отсюда, напримѣръ, чудное дѣйствіе рѣчей Наполеона, которыя въ чтеніи— лишь наборъ напыщенныхъ словъ; отсюда, наконецъ, прелесть дружеской, откровенной бесѣды и нестерпимая тоска чопорнаго разговора.

„Мы каждымъ словомъ вздымаемъ прахъ тысячи смысловъ, говоритъ Одоевскій (стр. 329), но для той „неизмѣримой бездны“, откуда раздаются въ конечномъ счетѣ всѣ слова человѣческія—и нѣтъ полнаго выраженія!“ „Русскія ночи“ полны яркихъ и образныхъ сравненій, но особенно хорошо это послѣднее сравненіе Одоевскаго, которое мы находимъ въ его эпилогѣ къ „Русскимъ Ночамъ“.

Мы всѣ похожи на людей, которые пришли въ огромную библіотеку: кто читаетъ одну книгу, кто другую, кто смотритъ только на переплетъ... заговорили, каждый говоритъ о своей книгѣ,— какъ понять другъ друга? съ чего начать, чтобы понять другъ друга? Если бы мы всѣ читали одну и ту же книгу, тогда бы разговоръ былъ возможенъ,—всякій бы понялъ, съ чего надобно начинать и о чемъ говорить. Дать вамъ прежде прочесть мою книгу—невозможно!—въ ней сорокъ томовъ, напечатанныхъ мелкимъ, мучительнымъ шрифтомъ! — читать ее—терзанье невыносимое, невыразимое; листы въ ней перемѣшаны, вырваны мукою отчая-

*) Wilhelm Meisters Lehrjahre.

нія,—и что всего досаднѣе. книга далеко не кончена,—многое еще въ ней осталось неполнымъ, загадочнымъ... пѣтъ! я не могу дать прочесть мою книгу,—вы ее отбросите съ нетерпѣніемъ.

Н. А. Морозовъ о своихъ тюремныхъ настроеніяхъ и злоключеніяхъ.

Въ ялтинской полицейской тюрьмѣ, гдѣ Н. А. Морозову пришлось провести первые, самые тяжкіе, дни своего недавняго послѣдняго (послѣдняго ли?..), по счету четвертаго, заключенія, одинъ изъ товарищей его по положенію, редакторъ ультра-правой газетки „Гроза“, какъ-то въ разговорѣ съ нимъ сказалъ:

— Я совсѣмъ не могу себѣ представить, какъ вы, высидѣвъ двадцать восемь лѣтъ, могли сохраниться. Вамъ теперь должно быть тяжелѣе, чѣмъ кому другому, снова попасть въ заключеніе!

— Да, это правда, — отвѣчалъ Н. А., — особенно когда чувствуешь, что ни за что, какъ я теперь. А вотъ нѣкоторые, не бывшіе въ заключеніи, говорятъ обо мнѣ: „что ему лишній годъ тюрьмы? Онъ уже привыкъ!“ И не понимаютъ, что къ этому блюду нельзя привыкнуть. Чѣмъ больше имъ кормятъ, тѣмъ отвратительнѣе кажется оно, и даже при одной мысли о возможности его повторенія у меня на свободѣ по временамъ шевелились волосы на головѣ...

„Повторевіе“ такъ и не минуло бывшаго шлиссельбуржца, и мы можемъ уже заранѣе представить себѣ, съ какимъ именно отвращеніемъ, больше чѣмъ отвращеніемъ, долженъ былъ почтенный поэтъ-ученый отвѣдать *теперь*, отвѣдать вновь, этого ужаснаго „блюда“, къ которому „нельзя привыкнуть“...

Въ „Вѣст. Евр.“ (IV—VI) описываетъ онъ свѣжія свои впечатлѣнія отъ столь знакомой ему „глубины преисподней“, какъ образно называетъ авторъ въ заголовкѣ очерка мѣсто своего подневольнаго пребыванія.

Лишили свободы Н. А. Морозова въ Крыму, гдѣ онъ тогда,—лѣтомъ прошлаго года,—поправлялъ здоровье, набираясь силъ для новыхъ своихъ работъ. Произошло это совершенно неожиданно, — въ гостяхъ, въ имѣніи сосѣдей близъ Гурзуфа.

„...Вдали, въ бесѣдкѣ, былъ уже сервированъ обѣдъ, но хозяйки еще не было дома. Она спѣшила сюда, какъ мнѣ сказали, изъ Сукъ-Су, куда ее вызвала въ это утро заболѣвшая знакомая. Въ ожиданіи ея возвращенія, виночерпій выставилъ намъ, для утоленія жажды, бутылки краснаго и бѣлаго вина собственнаго изготовленія, и, сидя подъ навѣсомъ около дома, мы утоляли имъ свою жажду, подливая въ нихъ холодной воды изъ горнаго родника.

Вдругъ прислуга вызвала студента-гувернера, и черезъ минуту онъ возвратился совершенно встревоженный.

— Пришелъ урядникъ,—говоритъ онъ мнѣ,— съ какой-то бумагой, которую долженъ вручить вамъ. Что ему сказать?

Я сразу почувствовалъ недоброе. Никогда еще не приходило ко мнѣ начальство съ чѣмъ-либо хорошимъ! Ксана (жена) поблѣднѣла. Дѣти тревожно смотрѣли по направленію ко входу въ усадьбу. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ съ видимымъ спокойствіемъ пойти навстрѣчу предстоящей опасности, хотя я съ несравненно большей охотой встрѣтился бы съ медвѣдемъ въ лѣсу, чѣмъ со служителемъ современной нашей всемогущей бюрократіи, вооруженнымъ бумагой!.. И предчувствіе не обмануло меня.

— Я тотъ, кого вамъ нужно! — сказалъ я и принялъ бумагу.

Она была отъ прокурора Симферопольскаго окружнаго суда въ ялтинское полицейское управленіе и содержала приказъ о моемъ немедленномъ арестѣ и заключеніи въ тюрьму на годъ, по приговору Московской судебной палаты, осудившей меня за семь стихотвореній въ моей книжкѣ „Звѣздныя пѣсни“.

Въ одинъ мигъ разлетѣлись всѣ мои ближайшіе научные планы: осмотрѣть вершины Чатыръ-Дага и Ай-Петри съ геологической точки зрѣнія и возвратиться на вторую половину лѣта къ себѣ въ Борокъ, чтобы пожить тамъ съ матерью и дописать, наконецъ, свое исторіко-астрономическое изслѣдованіе о библейскихъ пророкахъ, долженствующее доказать, что они представляютъ изъ себя подражаніе апокалипсису и написаны въ средніе вѣка. Все, казалось, вдругъ перевернулось передъ моими глазами. Это не было внезапное землетрясеніе въ природѣ, оно не приводило въ ужасъ всѣ окрестности, но для меня и близкихъ мнѣ это была несомнѣнная катастрофа.

Впереди была новая тюрьма. Какъ-то я перенесу ее?—приходило въ голову.

— Я долженъ препроводить васъ въ Гурзуфъ, къ приставу!—сказалъ мнѣ урядникъ.

— Но какъ же, — протестовала Ксана,— прокуроръ Московской судебной палаты самъ отпустилъ насъ въ Крымъ для поправленія здоровья, да и приговоръ долженъ быть при-

веденъ въ исполненіе не здѣсь, а, какъ всегда дѣлаютъ, въ мѣстѣ постояннаго нашего жительства, въ Ярославской губерніи.

— Ничего не знаю!—отвѣчалъ урядникъ.— Мнѣ приказано доставить въ Гурзуфъ.

— Хорошо!—сказалъ я.— Но только подождите немного, пока возвратится хозяйка этого имѣнья, чтобы я могъ проститься.

— Слушаю-съ! — сказалъ урядникъ и отошелъ вдаль.

Мы снова сѣли за столъ, и я началъ допивать свой стаканъ. Нѣсколько минутъ продолжалось всеобщее молчаніе.

— Это какое-то издѣвательство!—произнесла, наконецъ, Ксана, обращаясь къ окружающимъ, и въ голосѣ ея звучали раздраженіе и сдержанныя слезы. — Вѣдь насъ предупреждали въ Петербургѣ очень освѣдомленныя лица, что приговоръ признанъ неправильнымъ, что онъ не будетъ исполненъ, и говорили это не только намъ, но и многимъ другимъ, и писателямъ, и общественнымъ дѣятелямъ. Когда мы справлялись, отпустятъ ли насъ въ Крымъ, намъ отвѣчали: „пусть ѣдетъ куда угодно". Неужели все это было нарочно, чтобы оттянуть время до лѣта, когда всѣ наши друзья *) разъѣдутся, и арестовать его здѣсь, въ Крыму, вдали отъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ?

Негодующія слова Ксаны выражали также и мои мысли. Я старался объяснить себѣ, какъ же это могло случиться? Только что отпустили путешествовать и вдругъ арестуютъ въ дорогѣ. И всѣ странности въ моемъ процессѣ мгновенно пронеслись передъ моими глазами.

— Разскажите, въ чемъ же дѣло? — спросилъ меня съ участіемъ студентъ-репетиторъ.— По газетамъ я не ясно понялъ.

— Да очень просто! Слишкомъ два года тому назадъ, книгоиздательство Скорпіонъ, въ Москвѣ, пріобрѣло у меня право изданія всѣхъ моихъ, возможныхъ для печати, при современныхъ условіяхъ, стихотвореній въ формѣ сборника. Я назвалъ его: „Звѣздныя пѣсни", такъ какъ въ большинствѣ этихъ стихотвореній, такъ или иначе, фигурируютъ небесныя свѣтила. Почти всѣ они, какъ написанныя на общіе сюжеты, ничего не говорящіе о современной Россіи, не возбудили у издателя никакихъ опасеній. Единственное, относительно котораго возникъ у него вопросъ, было „Беззвѣздное стихотвореніе". Оно касалось явно современнаго и въ то же время жгучаго вопроса.—Оно особенно опасно, такъ какъ направлено явно противъ Азефа и другихъ провокаторовъ охраннаго отдѣленія, а за Азефа уже осудили Лопухина,—сказалъ мнѣ издатель.— Лучше исключить его совсѣмъ!—Нѣтъ, ни за что!—отвѣчалъ я.—Оно единственное, за которое я буду стоять во что бы то ни стало. Каждый писатель долженъ выразить свое возмущеніе подобными людьми. И пока я этого не сдѣлалъ такъ или иначе, мнѣ будетъ казаться, что я не исполнилъ своего гражданскаго долга.

Такъ и вышли мои „Звѣздныя пѣсни". Я уѣхалъ въ деревню, а Ксана — въ Норвегію. И вдругъ, черезъ двѣ недѣли послѣ моего отъѣзда, приходятъ ко мнѣ нумера московскихъ газетъ съ извѣстіемъ, что комитетъ по дѣламъ печати привлекаетъ по поводу моей книжки издателя къ суду, за дерзостное неуваженіе къ верховной власти въ Россіи и за воззваніе къ ея ниспроверженію!

Мысль, что за мое произведеніе и, можетъ быть, благодаря моей настойчивости относительно „Беззвѣзднаго стихотворенія", будетъ посаженъ въ тюрьму издатель, не давала мнѣ покоя. Я написалъ въ московскій цензурный комитетъ, что „ужъ если кто-нибудь долженъ поплатиться тюремнымъ заключеніемъ за свой оптимизмъ по отношенію къ существующимъ у насъ цензурнымъ порядкамъ—то пусть лучше я, а не издатель". Комитетъ сейчасъ же любезно согласился перенести обвиненіе съ издателя на меня и направилъ мое письмо въ Московскую судебную палату, оказавшуюся не менѣе предупредительной ко мнѣ. И вотъ судъ, въ закрытомъ засѣданіи, осудилъ меня на годъ въ крѣпость...

Въ этотъ самый моментъ пришла хозяйка дома, пригласившая насъ обѣдать. Она была страшно встревожена. Я извинился передъ нею, какъ могъ, и мы съ Ксаной пошли внизъ вмѣстѣ съ урядникомъ.

— Нельзя ли намъ зайти домой, чтобы онъ могъ переодѣться и захватить съ собой бѣлье и платье?—сказала ему Ксана.

— Никакъ нѣтъ! — отвѣчалъ урядникъ.— Я долженъ представить ихъ немедленно приставу, для отправки въ Ялту съ первымъ пароходомъ.

И вотъ, я пошелъ съ нимъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ полчаса назадъ вскочилъ въ лодку послѣ своего купанья. На головѣ моей не было ничего, а штаны были до пояса мокры отъ морской воды, еще не обсохшей со времени нашихъ недавнихъ приключеній. Отправляясь обѣдать, мы смѣялись, что будетъ очень эффектно явиться къ богатой сосѣдкѣ въ такомъ видѣ, прямо изъ моря; но еще эффектнѣе было теперь войти такъ въ крѣпость для отбы-

*) Т.-е. вліятельные петербургскіе друзья—члены Госуд. Думы и Госуд. Совѣта.

тія наказанія за стихи и по пути представляться всему начальству. Комическое перемежалось у меня въ душѣ съ трагическимъ во время этого пути. Въ одинъ моментъ чувствовалась со всей остротой рѣзкая перемѣна въ жизни, разлука съ Ксаной, переходъ отъ кипучей научно-литературной дѣятельности, которой я отдавался каждой фиброй души, за послѣднія шесть съ половиной лѣтъ моей жизни на свободѣ, къ тишинѣ и принужденному бездѣйствію темницы. Въ другой моментъ становилось смѣшно при взглядѣ на свою фигуру.

Прошло около часа. Урядникъ донелъ меня, все еще на половину мокраго, до Гурзуфа, гдѣ, предложивши мнѣ погулять съ Ксаной въ мѣстномъ паркѣ — отправился разыскивать по всему мѣстечку пристава. Цѣлыхъ полчаса пропадалъ онъ гдѣ-то, затѣмъ прошелъ обратно и, увидѣвъ насъ съ Ксаной на одной изъ скамеекъ парка, крикнулъ издали:

— Все не могу найти! Погуляйте еще! — и снова ушелъ. Это было очень трогательное довѣріе!

Наконецъ урядникъ явился и повелъ меня къ приставу.

— Я долженъ былъ немедленно отправить васъ въ Ялту,—сказалъ онъ,—въ тюрьму, но пароходъ уже ушелъ, а слѣдующій придетъ только черезъ четыре часа. Вамъ придется подождать.

— Нельзя ли намъ воспользоваться временемъ, чтобы съѣздить въ Артекъ, — сказала Ксана. — Вѣдь его арестовали при поѣздкѣ въ лодкѣ по морю, всего мокраго, безъ шапки, безъ бѣлья. Ему нельзя такъ итти въ тюрьму.

Гурзуфскій приставъ пошелъ переговорить съ пріѣхавшимъ сюда на нѣсколько часовъ ялтинскимъ исправникомъ и возвратился съ разрѣшеніемъ.

Въ имѣніи насъ встрѣтили взволнованные наши друзья.

— Но вы не можете теперь садиться въ крѣпость! — сказалъ мнѣ докторъ. — Они не имѣютъ права арестовывать васъ, потому что вы больны, и серьезнѣе, чѣмъ думаете сами. У васъ расширеніе сердца и неврозъ. Я, какъ врачъ, уже писалъ отъ себя въ Московскую судебную палату, что ваша болѣзнь требуетъ продленія нашего пребыванія въ Крыму на мѣсяцъ и теперь же ѣду съ вами, чтобъ заявить это и ялтинскому исправнику.

Всѣ обрадовались такому средству продлить хоть на мѣсяцъ мое пребываніе на свободѣ, и мнѣ самому нѣкоторая отсрочка казалась привлекательной, чтобъ безъ стражи переѣхать на родной сѣверъ, гдѣ для Ксаны была бы возможность время отъ времени посѣщать меня.

Но, какъ только, вызвавъ съ кухни урядника, мы пріѣхали въ Гурзуфъ, а затѣмъ на пароходѣ въ Ялту, мѣстный исправникъ сказалъ моимъ докторамъ, что ничего не можетъ сдѣлать. Предписаніе о моемъ арестѣ помѣчено спѣшнымъ, и онъ могъ бы оставить его безъ приведенія въ исполненіе лишь въ томъ случаѣ, если бы урядникъ нашелъ меня лежащимъ въ постели.

Все это было такъ ново, сравнительно съ другими процедентами, что оба доктора сначала взглянули другъ на друга въ недоумѣніи, а затѣмъ настаивали на томъ, чтобы теперь же имъ разрѣшили написать хоть свидѣтельство о моей болѣзни и направили его къ прокурору Симферопольскаго окружнаго суда, для пріостановки ареста.

Исправникъ согласился на это, заявивъ, что онъ оставитъ меня въ ялтинской полицейской тюрьмѣ до полученія отвѣта.

— А если будетъ отказъ?—спросила Ксана.

— Тогда для отбытія наказанія я долженъ буду препроводить его въ Симферопольскую тюрьму!

Это было новымъ ударомъ для Ксаны и для всѣхъ моихъ друзей! У меня, какъ петербургскаго жителя, не было здѣсь ни одного знакомаго, за исключеніемъ пріѣхавшихъ въ Крымъ на лѣтніе мѣсяцы.

...И вотъ я въ первый разъ очутился снова одинъ, снова въ тюремной кельѣ, еще болѣе темной и унылой, чѣмъ шлиссельбургская.

То, чего я боялся болѣе всего, именно и случилось, черезъ какихъ-нибудь полчаса одиночества, при тускломъ сіяніи крошечной жестяной керосиновой лампочки принесенной солдатомъ въ мою окончательно потемнѣвшую камеру. Опять нахлынули старыя воспоминанія. Шесть лѣтъ жизни на свободѣ, свѣтлыя, поэтическія воспоминанія о первой встрѣчѣ съ Ксаной, о нашей взаимной любви и пятилѣтнемъ безоблачномъ счастьѣ среди кипучей, интенсивной работы, у меня—въ области науки, у нея —въ области искусства и музыки,— показались мнѣ свѣтлымъ сномъ, отъ котораго я теперь вдругъ пробудился къ своей тусклой темничной дѣйствительности, захватившей половину моей жизни. И мнѣ стало болѣзненно жалко своего свѣтлаго сна!

Я взглянулъ на желѣзную рѣшетку въ окнѣ, посмотрѣлъ черезъ нее въ ночную тьму на небольшой дворикъ, на дверь съ четыреугольнымъ окошечкомъ въ ней, для наблюденія за мною дежурнаго тюремщика, стоявшаго вдали и читавшаго, бормоча, какую-то маленькую

книжку, потомъ, начавъ ходить какъ маятникъ, изъ угла въ уголъ своей камеры—четыре шага въ одну сторону и четыре обратно, съ крутымъ и рѣзкимъ поворотомъ на каблукѣ въ каждомъ углу,—я задалъ себѣ вопросъ: способенъ ли я себѣ представить, что это вничто иное, какъ продолженіе моей шлиссельбургской жизни, что мой выпускъ на свободу и все, что тамъ случилось, были только галлюцинаціи, результатъ моего временнаго помѣшательства въ Шлиссельбургѣ, въ который я снова возвратился?

Нѣтъ, при всѣхъ моихъ усиліяхъ, я не могъ себѣ этого представить! Шесть лѣтъ жизни провели ничѣмъ неизгладимую черту между моимъ прошлымъ и настоящимъ заточеніемъ. Даже заключенный вновь въ своей прежней шлиссельбургской камерѣ, — казалось мнѣ, — я едва ли забылъ бы о нихъ. Воспоминаніе о быломъ освобожденіи никогда не исчезало у меня, даже и во снѣ.

Странное, удивительное дѣло!—думалось мнѣ. Время отъ времени мнѣ снилось, что я гимназистъ и держу экзаменъ по латинскому языку и греческому, и все, что было со мной въ жизни послѣ періода юности, исчезало изъ памяти, уходило для меня снова въ невѣдомое будущее! А между тѣмъ, освобожденіе изъ Шлиссельбурга всегда мнѣ помнилось, даже и во снѣ. Я нерѣдко, видѣлъ себя по ночамъ вновь въ его стѣнахъ, схваченнымъ гдѣ-то на улицѣ, невѣдомо ни для кого, и водвореннымъ обратно въ свою прежнюю камеру въ Шлиссельбургѣ, какъ человѣкъ лишь по ошибкѣ выпущенный на свободу и слишкомъ намозолившій послѣ этого глаза начальству; но никогда за всѣ шесть лѣтъ не видалъ я сна, въ которомъ отсутствовало бы воспоминаніе о моемъ бывшемъ освобожденіи, о Ксанѣ, о послѣдующей научной дѣятельности.

— Какъ-то буду я чувствовать себя теперь?—думалось мнѣ. — Вотъ я сбылся, хоть нѣсколько въ другой формѣ, мой зловѣщій сонъ о новомъ періодѣ неволи, который долженъ притти для меня.

Я попробовалъ лечь на привезенный мнѣ грязный, длинный мѣшокъ, набитый измельчившейся отъ времени и употребленія соломой, составлявшій мой матрацъ, и только тутъ замѣтилъ, что въ желѣзной кроватп глубоко продавились всѣ тонкія продольныя желѣзныя полосы, и мнѣ приходилось спать лишь на четырехъ поперечныхъ, жесткихъ желѣзныхъ прутьяхъ, одинъ изъ которыхъ приходился подъ головой, другой поперекъ моей спины, третій подъ бедромъ, а на четвертомъ покоились мои колѣна. Все остальное пространство казалось совершенно провалившимся. Я посмотрѣлъ, нельзя ли положить мою постель, какъ я дѣлывалъ не разъ въ такихъ случаяхъ ранѣе, прямо на полъ. Но полъ былъ такъ невообразимо грязенъ, и заплеванъ отдыхавшей здѣсь стражей, и всѣ эти плевки такъ свѣже размазаны шваброй, что я не рѣшился.

— Лучше ужъ какъ нибудь проваляюсь всю ночь на этомъ прокрустовомъ ложѣ!—подумалъ я, и началъ ждать разсвѣта.

Сердце сильно билось, въ вискахъ какъ будто стучали молотки; привычная мнѣ въ Шлиссельбургѣ тупая тяжесть въ мозгу снова начала овладѣвать мною къ разсвѣту. Я ворочался съ бока на бокъ, стараясь подставлять на желѣзные стержни, вмѣсто наболѣвшихъ, другія части тѣла и, пройдя всю возможную ихъ очередь возвратиться къ прежнимъ, отдохнувшимъ мѣстомъ

Въ окнѣ показалось первое сиреватое сіяніе разсвѣта.

— Подымайтесь! Подымайтесь, говорю! — раздался внезапно въ коридорѣ спѣшный, сердитый крикъ, скорѣе ревъ, какъ будто случился пожаръ или землетрясеніе.

— Кого это будятъ? Вѣрно общую камеру,— подумалось мнѣ.

Такой же крикъ повторился въ другомъ мѣстѣ, очевидно—передъ дверью женской камеры. Я ждалъ, что теперь подойдутъ ко мнѣ, но ничего подобнаго не случилось.

— Ну, не валандайся, подымайся скорѣе!— доносились вновь до меня тѣ же спѣшные крики.

Я посмотрѣлъ на часы. Было половина пятаго. Вотъ раздался грохотъ желѣзныхъ запоровъ, скрипъ отворяемой желѣзной двери...

— Стройсь, ровняйсь!—заоралъ опять тотъ же спѣшный, на этотъ разъ какъ будто испуганный, голосъ.

— Здраю желаемъ!! — послышался крикъ нѣсколькихъ мужскихъ голосовъ.

Очевидно, это кричали арестованные. Я подумалъ, что произошелъ неожиданный ночной визитъ высшаго начальства.

— Не ко мнѣ ли? — мелькнуло у меня въ головѣ.—Не отправляютъ ли меня неожиданно въ Симферопольскую тюрьму?

Я лежалъ неподвижно на своихъ стержняхъ, дѣлая видъ, что сплю и ничего не слышу. Скоро все затихло; ко мнѣ только посмотрѣли въ дверное окошечко, но не зашли.

Эта предразсвѣтная тревога сильно подѣйствовала на мои нервы. Мнѣ припомнилось, какъ во время дознавія въ Петропавловской крѣпости, чтобы расшатать мои нервы, ко мнѣ врывалась по временамъ часа въ три ночи,

когда я крѣпко спалъ, цѣлая толпа тюремныхъ сторожей вмѣстѣ со смотрителемъ. Они съ грохотомъ отворяли тяжелые желѣзные запоры, рванувъ, раскрывали мою дверь, бѣгомъ окружали мою постель и съ грубымъ окрикомъ: „одѣвайтесь“! совали мнѣ мою куртку и штаны, а затѣмъ бѣгомъ вели меня куда-то внизъ по коридорамъ, какъ будто въ застѣнокъ для пытки. Потомъ, поднявшись снова вверхъ, они вводили меня въ другую камеру и также крикнувъ: „раздѣвайтесь“! забирали съ собой всю мою одежду и съ шумомъ уходили, предоставивъ мнѣ оканчивать ночь въ новомъ мѣстѣ.

— „Неужели и здѣсь выработались такіе же способы для разрушенія нервовъ?“—подумалось мнѣ.

Утромъ состоялось свиданіе съ женой и крымскими друзьями. Они явились съ сообщеніемъ о задуманномъ планѣ добиться отсрочки ареста, для чего женѣ Н. А. надо было лично съѣздить въ Симферополь.

„Я остался опять одинъ и снова началъ безъ конца ходить взадъ и впередъ по тюремному дворику-коробочкѣ. Я чувствовалъ, что если я не измучу себя физически до полнаго изнеможенія, то не буду въ состояніи заснуть и въ эту ночь, несмотря на перспективу мягкой постели и ровной кровати. А для того, чтобъ устать, надо было ходить, ходить безъ конца. И вотъ я ходилъ и ходилъ подъ палящими лучами солнца, отражавшимися отъ голыхъ стѣнъ и асфальтоваго пола моего дворика. Въ головѣ было тупо и тяжело, и нервы были сильно напряжены отъ этой рѣзкой и неожиданной перемѣны въ моей жизни. Каждая минута, какъ ночью во время болѣзни, казалось нескончаемой. Я взглядывалъ вверхъ, въ голубое небо. Тамъ быстро неслись и кружились въ высотѣ, какъ когда-то надъ моимъ Шлиссельбургскимъ дворикомъ, стрижи и ласточки. И воспоминанье унесло меня обратно туда, гдѣ они и теперь кружатся надъ новыми заключенными, одинъ изъ которыхъ гуляетъ теперь тамъ, гдѣ когда-то гулялъ я.

Мои глаза разболѣлись отъ жгучихъ лучей солнца и, невольно щури ихъ, я прошелся нѣсколько разъ въ тѣни тюремной ограды.

Я сдѣлалъ въ этотъ день взадъ и впередъ не менѣе тридцати верстъ, по самому умѣренному подсчету часовъ моего хожденія. Ноги болѣли и едва двигались, но общей физической усталости и соотвѣтствующаго ей успокоенія души все еще не было. Голубоватая вечерняя мгла начала окутывать вершину Ялты на западѣ; всѣ детали обращеннаго ко мнѣ ея склона стали исчезать, стушевываться на одномъ общемъ громадномъ контурѣ. Прямо надъ крышей моей тюрьмы, на югѣ, заблистала яркая звѣздочка.

Это былъ Юпитеръ. Я радостно поздоровался съ нимъ, какъ и всегда по вечерамъ съ первой звѣздой, и его появленіе надъ моей кельей показалось мнѣ хорошимъ предзнаменованіемъ.

— Пора пить въ камеру!—обратился ко мнѣ вошедшій на дворъ „старшій“.

Я простился съ Юпитеромъ и вошелъ въ темныя сѣни своей тюрьмы, а изъ нихъ повернулъ въ закоулокъ направо, гдѣ находилась въ углу зданія моя комната, освѣщенная уже тусклой жестяной лампочкой. Вспомнивъ, какъ когда-то въ Шлиссельбургѣ я совершалъ, борясь за свою жизнь, каждый вечеръ нѣсколько взмаховъ руками, голоной и поясницей, чтобы привести въ порядокъ кровообращеніе, я сдѣлалъ это и теперь.

Надо возвратиться къ старому, уже испытанному режиму, чтобы пережить этотъ тяжелый годъ и выйти на свободу безъ большого увѣчья, подумалъ я и легъ въ постель.

Но, несмотря на предыдущую безсонную ночь и на сильную усталость въ ногахъ, я все же долго никакъ не могъ заснуть.

— Да, насталъ для насъ черный годъ!—сказалъ я невольно вслухъ, снова переворачиваясь въ постели и не находя себѣ удобнаго мѣста.

И вдругъ прояснилась предо мною и другая сторона моего положенія. Въ природѣ ничто не пропадаетъ безслѣдно! Не пропадетъ и каждая капля горечи страдающихъ теперь за убѣжденія, но отзовется какими-то невидимыми путями на будущемъ. А ты теперь даже много счастливѣе, чѣмъ другіе, потому что твои новыя страданія болѣе, чѣмъ многія другія, будутъ способствовать осуществленію твоихъ общественныхъ идеаловъ. Если гоненія рано или поздно губятъ гонителей, то гоненіе на тебя имъ принесетъ особенно много вреда... Если не теперь, то въ предстоящемъ будущемъ! Ты уже не „тотъ, невѣдомый никому узникъ, о которомъ никто не жалѣлъ, кромѣ родныхъ и друзей, цѣлыхъ двадцать восемь лѣтъ заключенія! Какъ должна быть легка тебѣ теперь эта новая неволя, когда сотни горячихъ сердецъ бьются въ унисонъ съ твоимъ, страдаютъ за тебя... Всѣ эти разнородныя ощущенія быстро смѣняли въ моей душѣ другъ друга. То овладѣвала тоска о недавнемъ прошломъ, то охватывало умиленіе предъ предстоящей чашей новаго страданія за людей! Иногда хотѣлось плакать, а затѣмъ вдругъ откуда-то изъ глубины души поднималось радостное чувство,

и я тихо повторялъ стихи моего давнишняго товарища по заключенію, Волховскаго:

О, братство святое, святая свобода!
Въ вину не поставьте мнѣ жалобъ моихъ,
Я слабъ, человѣкъ я, и въ мигъ, какъ не-
взгода
Сжимаетъ въ желѣзныхъ объятьяхъ своихъ,
Напраснаго стона не въ силахъ сдержать я—
Ужасны тюрьмы и неволи объятья!
Но быстро минутная слабость проходитъ,
И снова свѣтлѣютъ и сердце, и умъ,
Гнетущее чувство далеко уходитъ,
И рой благодатныхъ и радостныхъ думъ
Мнѣ въ душу низводитъ лучъ тихаго свѣта:
Мнѣ чудится звукъ мірового привѣта!

— Только бы не ослѣпнуть въ темнотѣ,— думалъ я,—только бы пережить какъ-нибудь этотъ годъ!

— И все-таки выживу, выживу на зло всѣмъ вамъ!—обращался я мысленно къ своимъ врагамъ, брыкаясь ногами подъ одѣяломъ и подскакивая всѣмъ тѣломъ въ постели отъ внезапнаго приступа энергіи.

Такъ, въ нервномъ возбужденіи, взволнованный внезапнымъ крушеніемъ всѣхъ своихъ плановъ, быстро переходя отъ одного настроенія къ другому, я провалялся въ своей постели почти до разсвѣта. Наконецъ я забылся тяжелымъ полусномъ, съ постоянными пробужденіями и кошмарными снами, такъ памятными мнѣ въ Шлиссельбургѣ и Петропавловской крѣпости...

...Быстро и безъ всякой охоты выпивъ чай, я снова вышелъ на свой дворикъ-коробочку и снова началъ быстро ходить по нему взадъ и впередъ, подъ жгучими лучами солнца. На лоскуткѣ бумажки, сохранившемся у меня, въ этотъ день было написано:

„Ходить, ходить до тѣхъ поръ, пока не измучишь себя физически, иначе не будешь спать. Крѣпкій совъ въ твоемъ положеніи—единственное спасенье для тебя“.

Мнѣ было особенно грустно въ это утро. Мой товарищъ по заключенію спалъ, Ксана и О. В. уѣхали въ Симферополь хлопотать объ отсрочкѣ моего заточенія, остальные друзья по необходимости уѣхали въ Артекъ. Я въ этотъ день никого не ждалъ и, почувствовавъ временное подкрѣпленіе силъ послѣ утренняго чая, началъ понемногу, какъ и въ прежнія времена, отдаваться мечтамъ.

— Пустякъ,—говорилъ я самъ себѣ,—вообрази, что ты отправился въ далекое и трудное путешествіе на годъ. Въ твоей коморкѣ ты, какъ въ вагонѣ третьяго класса на желѣзной дорогѣ. Этотъ дворикъ—платформа станціи, на которую ты выходишь погулять, тебѣ остались еще 363 остановки и, наконецъ, большая станція — Россія—конечный пунктъ твоего назначенія! И все будетъ кончено! И ты вновь будешь съ Ксаной и со всѣми твоими родными и друзьями, и вновь начнешь прерванную работу. Кто знаетъ, можетъ быть, даже хорошо для тебя поволноваться немного!

И вдругъ сильные перебои сердца почувствовались мною въ груди, какъ рѣзкое возраженіе противъ такой мысли.

Я пошелъ посидѣть въ свою полутемную коморку и написалъ тамъ на новомъ лоскутѣ:

„У меня нервное состояніе, но я его не стыжусь. Я никогда не былъ и не хочу быть безчувственнымъ истуканомъ. Я хочу всегда сильно чувствовать и радость, и горе. И пусть теперь сердце сжимается и трепещетъ! Я знаю, что справлюсь съ нимъ, когда будетъ нужно, или упаду мертвымъ. Когда свободолюбивому человѣку приходится войти въ тюрьму, онъ не можетъ не испытывать сильнаго возбужденія нервовъ. Только рабъ или истуканъ относится равнодушно къ лишенію свободы. Вотъ почему и я чувствую теперь горечь этой чаши каждой фиброй своей души. Теперь передо мною новый годъ страданія и тоски. Вспомнитъ ли обо мнѣ добрымъ словомъ кто-нибудь изъ моихъ товарищей, писателей, въ газетахъ и журналахъ? Вспомнитъ ли кто-нибудь изъ моихъ друзей среди профессоровъ о моихъ только что изданныхъ научныхъ книгахъ? Напишетъ ли кто-нибудь теперь мой некрологъ? Срочное заточеніе—вѣдь это смертная казнь на опредѣленный срокъ. Убивается не вся жизнь, а только ея опредѣленная доля. Вотъ у меня теперь будетъ убито въ суммѣ уже двадцать девять лѣтъ жизни... Вся лучшая пора ея смыта, и то, что было суждено мнѣ сдѣлать для науки и человѣчества, осталось не оконченнымъ. Насталъ моментъ, когда обнаружатся всѣ мои истинные друзья, а объ остальныхъ можно будетъ сказать, какъ въ евангеліи: „Когда я былъ нагъ, вы не одѣли меня, когда я былъ въ темницѣ, вы не посѣтили меня“.

И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ въ эту пессимистическую замѣтку карандашемъ на лоскутѣ бумаги, у воротъ раздался звонокъ. Бросивъ писать, я вышелъ на дворикъ, на солнце, посмотрѣть, и увидѣлъ быстро идущаго ко мнѣ отъ воротъ молодого человѣка. Сначала я его не узналъ.

— Вы, видно, не помните меня—сказалъ онъ. Моя фамилія—Ш—инъ. Мы видѣлись на второмъ Менделѣевскомъ съѣздѣ, когда вы дѣлали свой докладъ объ эволюціи вещества небесныхъ свѣтилъ, а кромѣ того, я у васъ былъ одинъ разъ съ товарищемъ, справляться объ одномъ молодомъ рабочемъ, котораго мы считали провокаторомъ. Я узналъ изъ газетъ,

что вы тутъ и поспѣшилъ принести намъ привѣтъ и сочувствіе отъ здѣшней молодежи.

Это было такъ радостно, такъ неожиданно!

...Перебирая мои ежедневные карандашные наброски для памяти о моихъ переживаніяхъ, нахожу тамъ въ этотъ день такія строки: „Да, только бы пережить, не умереть, не ослѣпнуть отъ полумрака нашихъ одиночныхъ темницъ новаго образца, съ ихъ окнами подъ потолкомъ и мракомъ внизу, какъ въ подвалѣ. И я употреблю всѣ усилія для этого. Я не хочу быть какъ тѣ жалкіе, малодушные молодые самоубійцы, словно испугавшіеся своего будущаго, добровольно бѣжавшіе изъ жизни, какъ трусы съ поля битвы. Огорченіе ихъ малодушіемъ заглушаетъ во мнѣ сегодня чувство горести объ ихъ безвременномъ концѣ; мнѣ жалко было не ихъ, а тѣхъ, кто любилъ ихъ, кто теперь страдаетъ и убивается надъ ихъ могилами; мнѣ жалко было своей родины, которую они оставляютъ ради покоя могилы... Вѣдь даже въ моей темной комнатѣ съ рѣшеткой въ окнѣ, за этими замками, можно любить, можно думать и работать для людей, или готовиться умственно къ будущей работѣ. Мнѣ чувствуется и здѣсь, что я исполняю въ общечеловѣческой жизни какое-то, предопредѣленное мнѣ, назначеніе... Пусть я теряюсь въ безконечной вселенной, какъ невидимый атомъ ея вѣчной жизни, но все же я въ ней необходимъ, какъ и всякій другой атомъ. Что значитъ одинъ кирпичъ въ зданіяхъ огромнаго города? Кажется, можно было бы обойтись безъ него, вынуть изъ стѣны и бросить вонъ безъ вреда и для зданія, и для города. Но это неправда, съ абсолютной точки зрѣнія, потому что подобное же разсужденіе можно приложить и къ каждому другому камню, а что осталось бы отъ города безъ нихъ? Такъ же точно зачѣмъ-то необходима въ вѣчной и безконечной вселенной моя крошечная и мгновенная жизнь, и я не откажусь отъ нея, несмотря ни на какія страданія. Цѣль всякой дѣятельности жизни (а бездѣятельная жизнь—не жизнь)—преодолѣвать препятствія, и потому, какъ ни тяжела теперь будетъ предстоящая мнѣ ноша, я не уклонюсь отъ нея. Моя жизнь состоитъ какъ бы изъ двухъ жизней, совершенно непохожихъ одна на другую; каждая изъ нихъ черезъ долгій или короткій періодъ смѣняла другую. Такъ, вѣрно, будетъ до конца обѣихъ. Четыре раза меня заточали въ одиночество и три раза выбрасывали на волю. Черезъ годъ, вѣроятно, выбросятъ и въ четвертый разъ... Надолго ли? Не знаю.

Нервно-радостное, навѣянное посѣтителями, настроеніе скоро смѣнилось у меня другимъ. Мнѣ подали обѣдъ „на мой счетъ, изъ кухмистерской“, такъ какъ Ксана въ первый же день заказала мнѣ тамъ обѣдовъ на цѣлую недѣлю впередъ. Ѣсть не хотѣлось, и я ѣлъ насильно, потому что нужно было поддерживать свои силы.

Въ самомъ началѣ обѣда повѣяли ко мнѣ, вмѣстѣ съ вѣтромъ изъ коридора, черезъ дверное окошко, трудно выносимыя для носа испаренія, несущіяся изъ находящагося тамъ отдѣльнаго чулана. Испаренія эти были по истинѣ тошнотворны.

„Стараюсь мужественно встрѣчать эти вѣянья нашего времени“—написалъ я снова на листкѣ,—„стараюсь продолжать обѣдъ, не зажимая носа!—„Не считай нечистымъ, что Богъ очистилъ“ вспомнился мнѣ почему-то голосъ съ неба, прозвучавшій апостолу Петру, когда къ нему спустилась оттуда скатерть со змѣями и всякими другими пресмыкающимися и земноводными и велѣно было все это съѣсть.—Въ самомъ дѣлѣ, что такое несущіеся ко мнѣ теперь запахи? Результатъ химическихъ реакцій!.. При лабораторныхъ занятіяхъ мнѣ приходилось вдыхать и болѣе ѣдкіе и вредные для здоровья газы. Для развлеченія я могу даже анализировать ихъ носомъ. Вотъ несется ко мнѣ смѣсь амміачныхъ соединеній съ меркаптанами, сѣроводородомъ и другими органическими газообразными веществами... Для мухъ и многихъ другихъ насѣкомыхъ они пахнутъ лучше самыхъ душистыхъ розъ и влекутъ ихъ къ себѣ неопредолимо... Значитъ, все на свѣтѣ условно! не считай же и ты нечистымъ, что Богъ очистилъ, и продолжай, какъ можешь, свой обѣдъ“...

Никакой отсрочки не послѣдовало, несмотря на благопріятное въ этомъ отношеніи свидѣтельство полицейскаго врача, и Н. А. Морозова повезли на сѣверъ, по пути временно запрятавъ его въ севастопольскую тюрьму. Отсюда, какъ выяснилось, — „предстояло ѣхать болѣе двухъ тысячъ верстъ окружными путями (въ Витебскъ, по этапу) съ 88 копейками на пропитаніе, не считая 10 копеекъ суточныхъ! Больше двухъ бутербродовъ въ день не купишь въ дорогѣ на такія деньги!..

А затѣмъ предстоятъ остановки въ губернскихъ тюрьмахъ по недѣлямъ, въ ожиданіи сбора попутныхъ этаповъ. Я уже чувствовалъ у себя подъ ложечкой будущій мучительный, многодневный голодъ, который я испыталъ когда-то при первомъ заключеніи и потомъ, въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Если бы этихъ предварительныхъ опытовъ не было, я чувствовалъ бы себя въ тысячу разъ легче, но я уже два раза успѣлъ узнать, что значитъ уми-

рать отъ голода, и мнѣ казалось, что третьяго такого испытанія уже никто не можетъ выдержать. Мнѣ начинало казаться, что прежній адъ снова разверзаетъ передо мною свою пасть, чтобъ ужъ окончательно проглотить меня. Наступаетъ для меня разлука съ Ксаной, съ наукой, съ природой, съ полетами по воздуху...

Какъ горькая пронія вспомнилось мнѣ, что именно здѣсь, въ Севастополѣ, находится теперь авіаторъ Ефимовъ, съ которымъ я встрѣтился мѣсяцъ тому назадъ и условился летѣть вмѣстѣ на его новомъ моноплане черезъ всю Россію, отъ Чернаго до Балтійскаго моря. И вотъ, вмѣсто полета по воздуху, судьба и начальство уже приготовляли мнѣ путешествіе по простымъ этапамъ, и какъ разъ по тому же самому направленію! Вмѣсто панорамъ городовъ и деревень, рѣкъ и озеръ съ высоты птичьяго полета—мнѣ приготовленъ осмотръ всѣхъ русскихъ тюремъ между Чернымъ и Балтійскимъ моремъ—можетъ быть, для того, чтобы я успѣлъ описать ихъ ужасы до своей смерти!

Пять конвойныхъ съ саблями на-голо окружили меня и, по командѣ, повели по улицамъ Севастополя къ пристани. Я шелъ между ними съ эмалированнымъ жестянымъ чайникомъ въ одной рукѣ и съ чернымъ мѣшкомъ въ другой, гдѣ были положены мыло, полотенце, запасная рубашка, булка, фунтъ копченой колбасы, фунтъ чаю и три фунта сахара. Мы шли по срединѣ улицъ. Случайные прохожіе безучастно,—какъ казалось мнѣ,—посматривали на меня съ тротуаровъ, и проходили мимо. Никого знакомаго не встрѣтилось на всемъ этомъ длинномъ пути...

Какой контрастъ,—думалось мнѣ,—начинающейся теперь части моего пути съ только что минувшей частью! Раньше сопровождавшіе меня одиночные стражники и околодочные нарочно уходили отъ меня по временамъ, оставляя одного и какъ бы говоря: „да убѣги же ты, наконецъ, избавь насъ отъ непріятности“!.. а теперь полная перемѣна фронта. „Знаемъ мы, что ты каждую минуту только и думаешь, чтобы сбѣжать, но это, братъ, тебѣ не удастся!“ И мнѣ казалось, что все это дѣлается умышленно, что въ началѣ моего ареста властямъ очень хотѣлось, чтобъ я убѣжалъ, и этимъ выставилъ себя непослѣдовательнымъ трусомъ, предложившимъ, чтобъ его судили вмѣсто другого, а затѣмъ сбѣжавшимъ отъ неблагопріятнаго приговора. А затѣмъ, когда я не исполнилъ ожидаемаго,—думалось мнѣ—они рѣшили поступать со мною такъ, какъ будто бы я только и думалъ о побѣгѣ“.

Первый этапъ—одесская тюрьма.

„...Маленькая камера-особнякъ, изолированная отъ всѣхъ другихъ, съ рѣшетчатымъ окномъ вверху, находилась передо мною. Я вошелъ, и желѣзная дверь захлопнулась за мною.

Четыре шага впередъ... четыре назадъ... рѣзкій поворотъ на каблукѣ... и такъ далѣе, и такъ далѣе въ продолженіе часа, двухъ, трехъ, четырехъ, пяти и сколько ихъ далѣе, неизвѣстно! Въ промежутки я поднимался на кончикахъ пальцевъ и выглядывалъ на дворикъ. Вотъ раздался звонъ колокольчика, и на него по два и по три вмѣстѣ тихо вышли заключенные. Всѣ они были съ бритыми головами, въ бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ и курткахъ, и въ такихъ же бѣлыхъ шапочкахъ, по покрою напоминающихъ фески. Платье на всѣхъ сидѣло мѣшками, сшитое по одной мѣркѣ, или во всякомъ случаѣ не болѣе чѣмъ по двумъ-тремъ мѣркамъ разной величины. Они пошли безъ интереса, безъ оживленія, по два и по три вмѣстѣ, а иногда и по одному, на круглой дорожкѣ, вяло обмѣниваясь тихими словами. Ни вправо, ни влѣво они не смотрѣли, имъ было все давно извѣстно, и я мысленно проникъ въ ихъ души, въ тупую тяжесть въ ихъ умахъ отъ этого вѣчнаго однообразія, отъ вѣчной встрѣчи съ тѣми же самыми товарищами, о которыхъ имъ было все давно извѣстно. Неужели и я самъ представлялъ двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ такую же вялую бѣлую фигуру на шлиссельбургскомъ тюремномъ дворикѣ!? Да, вѣрно! И картина эта вызвала рядъ тяжелыхъ воспоминаній о прошломъ, о товарищахъ.

Мнѣ вспомнилось въ этотъ моментъ угольныя копи въ Донецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ, гдѣ я пробылъ глубоко подъ землей нѣсколько часовъ.

...Вотъ мы пришли въ подземную конюшню, съ нѣсколькими стойлами, вырытыми въ угольномъ пластѣ. И изъ каждаго стойла, когда мы проходили мимо, поворачивалась и печально смотрѣла на насъ черная лошадиная фигура. Здѣсь всѣ онѣ были черны отъ покрывавшей ихъ угольной пыли.

— Долго живутъ онѣ здѣсь?—спрашиваю я.

— Иногда года три. Всѣ умираютъ отъ чахотки.

— Ихъ не поднимаютъ потомъ вверхъ?

— Нѣтъ! Онѣ слѣпнутъ, попавъ снова на дневной свѣтъ!—отвѣчаетъ мнѣ штейгеръ.— Поэтому, разъ опустивъ, ихъ не поднимаютъ уже до самой смерти“.

Отзывы о книгахъ.

601. Радловъ, Э. Л. 1(03)

Философскій словарь. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М. 1913. Стр. 698. Ц. 2 р.

Въ этой книгѣ представлены въ алфавитномъ порядкѣ всѣ понятія, входящія въ область логики, психологіи, этики, эстетики, религіи и исторіи философіи, а также всѣ философы, сказавшіе свое слово въ какой-нибудь изъ указанныхъ здѣсь областей знанія и вѣры. Опредѣленія понятій отличаются краткостью и ясностью, вполнѣ достаточными для начинающаго изученіе философіи. Но нельзя сказать того же самаго о краткихъ замѣткахъ, въ которыхъ характеризуются многіе философы. Иногда указывается только одно или два сочиненія названнаго философа безъ обозначенія даже направленія, къ которому онъ принадлежитъ. Зато приведены и такіе философы, какъ В. В. Розановъ, Н. А. Бердяевъ и др. Впрочемъ, въ словарѣ, предназначенномъ для начинающихъ, подобная краткость неизбѣжна, такъ какъ необходимо отмѣтить по возможности всѣхъ дѣятелей философіи, между тѣмъ недостатокъ мѣста заставляетъ ограничиваться очень немногимъ. Второе изданіе отличается отъ перваго нѣсколько большей полнотой біографическихъ указаній и ссылокъ на русскіе труды по философіи. Но кое-гдѣ имѣются упущенія и здѣсь. Такъ, не указана новая работа объ А. С. Хомяковѣ—Н. А. Бердяева; Г. В. Плехановъ названъ І. В.; кой-гдѣ бросаются въ глаза чисто-корректорскіе недосмотры. Эти немногія погрѣшности, однако, не умаляютъ нѣсколько значительныхъ достоинствъ книги, способной ориентировать всякаго начинающаго изученіе философіи. Въ виду полнаго отсутствія у насъ словарей подобнаго рода (словари Гоголицкаго и Галича давно уже представляютъ собою библіографическую рѣдкость), появленіе труда необходимо привѣтствовать. Сравнительно скорая распродажа перваго изданія свидѣтельствуетъ, что книга почтеннаго академика отвѣчаетъ вполнѣ назрѣвшей въ средѣ учащейся молодежи потребности. (*И. Книжникъ. „Рѣчь“. 1913—135*).

Несмотря на исправленія и дополненія, словарь въ своей библіографической части все же далеко неполонъ. Нѣтъ совсѣмъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ ученыхъ (напр. о Виндельбандѣ, о Фолькельтѣ). Неполно указана литература по исторіи греческой философіи: не названы труды Виндельбанда и Арнима (оба существуютъ въ русскомъ переводѣ). Среди книгъ П. Ѳ. Каптерева не названъ такой большой его трудъ, какъ „Исторія русской педагогики“. Справочныя пособія должны быть издаваемы особенно тщательно, по возможности безъ корректурныхъ ошибокъ. И въ этомъ отношеніи „Философскій словарь“ заставляетъ желать лучшаго, такъ какъ изданъ крайне небрежно, съ громаднымъ количествомъ опечатокъ, особенно при этомъ пострадали названія иностранныхъ трудовъ и имена авторовъ, а также иногда и философскіе термины. (*Ник. Яковлевъ. „День“. 1913—106*).

Книга вполнѣ заслуживаетъ успѣха. Второе изданіе выгодно отличается отъ перваго тѣмъ, что главное вниманіе составителя обращено на пополненіе библіографическихъ указаній и ссылокъ на русскія философскія сочиненія. Необходимость этого вытекаетъ, по заявленію составителя, съ одной стороны, изъ того, что русская философская литература за послѣднее время чрезвычайно разрослась, а, съ другой—изъ того, что для начинающихъ заниматься философіей важнѣе всего, конечно, знать, что по извѣстному вопросу имѣется въ русской литературѣ. Техническія трудности, обычно неизбѣжныя при подобныхъ изданіяхъ, въ данномъ случаѣ преодолѣны болѣе, чѣмъ удовлетворительно. Цѣна словаря не велика, если принять во вниманіе богатство его содержанія. (*Андр. „Сиб. Жизнь“. 1913—121*).

602. Чеховъ, А. П. 081

Письма. Т. III. (1890—1891), съ плюстр. Изд. М. П. Чеховой. М. 1913. Стр. Ц. 1 р. 25 к.

Въ означенномъ томѣ писемъ А. П-ча отразился особенно тревожный моментъ его жизни. Его внутреннее безпокойство проявляется въ безпрестанныхъ порывахъ куда-то ѣхать, или просто перемѣнить мѣсто. Какъ-то вдругъ онъ предпринимаетъ труднѣйшее путешествіе на Сахалинъ; едва успѣвъ оттуда возвратиться, уѣзжаетъ за границу, собирается отправиться на голодъ и т. д. И то, что для этихъ поѣздокъ даже его родные не находятъ опредѣленныхъ побудительныхъ причинъ, невольно заставляетъ искать послѣднія во внутренней неудовлетворенности Ч. Общій тонъ и характеръ этихъ писемъ, а также нѣкоторые факты, извѣстные изъ др. источниковъ (воспоминанія родственниковъ), невольно заставляютъ предположить, что Ч. въ эту пору испытывалъ острую потребность въ к.-н. сильной встряскѣ, которая избавила бы его отъ тяжелаго состоянія вялости. Кто знаетъ, какую роль въ созданіи послѣдней сыграло унынie конца 80-хъ гг., такъ проникновенно изображенное Ч. въ разсказахъ, относящихся къ тому времени... Почему же Ч. остановился именно на путешествіяхъ, какъ на средствѣ избавиться отъ тоски, и почему, главное, предпринялъ столь мало специфически „увеселительную“ и жизнерадостную поѣздку на Сахалинъ? Матеріалы III т. писемъ, не давая на вопросъ прямыхъ отвѣтовъ, все-таки бросаютъ на него нѣкоторый свѣтъ... Интересъ къ Сахалину, интересъ къ голодающимъ, интересъ къ З. Европѣ... Намъ кажется, что этотъ рядъ съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что закончился періодъ „безпечнаго“, на зло всеобщей апатіи жизнерадостнаго и веселаго Ч., порой (часто) легкомысленнаго, веселаго „одиночки“, что въ немъ проснулось это характерно-русское сознаніе отвѣтствен-

ности одного за всѣхъ, толкающей на вмѣшательство въ жизнь. И вотъ — надо посмотрѣть, какъ живутъ самые несчастные русскіе люди на Сахалинѣ, и какъ живутъ голодные, и какъ живутъ тамъ, гдѣ все не такъ, лучше и свѣтлѣе, чѣмъ у насъ, въ Россіи. Сахалинъ, голодъ, Европа—это не случайности, а вѣхи глубокаго душевнаго процесса...

Внутренній ростъ личности—вотъ, попрежнему, главное и важнѣйшее въ письмахъ Ч. А затѣмъ и въ этомъ томѣ, какъ и въ предыдущихъ, безконечное количество интересныхъ частностей, описаній, характеристикъ, отдѣльныхъ мыслей, не мало, какъ и прежде такого, что колеблетъ установившіяся уже мнѣнія, относящіяся къ Ч. и его работѣ. (*„Завѣты“. 1913—5).*

Въ цѣломъ—вновь напечатанныя письма Ч., во всемъ, что въ нихъ есть интимнаго, представляютъ такой драгоцѣнный вкладъ въ нашу литературу, даютъ такой превосходный матеріалъ не только для ближайшаго знакомства съ самимъ художникомъ, но и для мысли вообще, что нужно сказать лишь спасибо тѣмъ, кто взялъ на себя немалый трудъ собиранія и упорядоченія изданія ихъ. Вѣдь въ этихъ письмахъ — помимо всего прочаго,—такая бездна ума и таланта. Въ нихъ и свѣжесть непосредственныхъ, только что пережитыхъ впечатлѣній, отражающихъ жизнь, и сознательность необычайная къ людямъ и къ самому себѣ — острая, трезвая сознательность, побѣждающая свойственную всякому человѣку склонность къ рисовкѣ и обычное людямъ стремленіе „романтизировать“ все воспринимаемое и переживаемое... Письма Ч. — это настоящій кладъ для человѣка, изучающаго психологію творчества: столько въ нихъ личныхъ признаній, сообщеній, столько въ нихъ драгоцѣнныхъ мыслей о задачахъ художника, о возможности научной эстетики или „философіи искусства“, объ идейныхъ вопросахъ въ художественномъ произведеніи, о нравственныхъ элементахъ въ искусствѣ. Особенно яркое и полное освѣщеніе находитъ себѣ во вновь изданныхъ письмахъ Ч. одна сторона его жизни, въ сущности,— гораздо болѣе важная, чѣмъ это можетъ съ перваго взгляда казаться. Это то значеніе, которое путешествія имѣли въ его внутренней личной и творческой жизни. Талантами обильна земля наша, богата наша эпоха. Но таланты эти не живучи. Они выдыхаются, хирѣютъ, подвергаются разнороднымъ болѣзнямъ, и все очевиднѣе становится, кажется, для наивнаго глаза, что жизнеспособность таланта стоитъ въ глубочайшей зависимости отъ характера среды, въ которой онъ растетъ, подобно тому, какъ растеніе находится въ зависимости отъ почвы, въ которой оно посѣяно. У насъ и по сей часъ можно иногда слышать разговоры мыслящихъ обывателей на тему о томъ, можетъ ли истинно-талантливый человѣкъ быть нравственно-уродливымъ, ничтожнымъ или дрянлымъ? Отвѣтъ ясенъ: можетъ, но не безнаказанно для самого таланта. Все, что угрожаетъ цѣлости души, все, что отнимаетъ у нея силы, лишаетъ его упругости, зоркости, свободы—все это пагубно для таланта. Для того, чтобы возрастить въ себѣ таланъ, мало самаго таланта, а нужно еще имѣть особыя психо-органическія свойства, особый инстинктъ душевнаго самосохраненія, который становится, повидимому, все рѣже и рѣже по мѣрѣ того, какъ ослабляется ростомъ сознанія и въ то же время не замѣняется еще достаточною силою сознательности инстинктивная жизнь человѣческой души. Опасности со всѣхъ сторонъ окружаютъ всякій возрастающій талантъ, ибо самыя условія современной жизни—жизни въ большихъ городахъ—поглощаютъ огромныя силы нервовъ и души. И чѣмъ тоньше, мягче, впечатлительнѣе душа, тѣмъ больше ратящутъ у нея люди, не заботясь о томъ, чтобы дать ей что-либо взамѣнъ. Для Ч. эти опасности были исключительно велики. Именно про него можно сказать, что самыя его достоинства, заодно съ его недостатками, могли содѣйствовать тому, чтобы онъ разбросался, израсходовался на всевозможные запросы окружающей жизни, переутомился и впалъ въ апатію и неврастенію... Возбужденіе, природная веселость смѣнилась усталостью и хандрою. Голосъ его художественной совѣсти начиналъ его предостерегать отъ безплодной траты силъ. И мечтая о „свободѣ отъ страстей“ и „свободѣ отъ насилія“ — отъ того насилія, которое чинитъ надъ нами жизнь и внѣ человѣческихъ отношеній, ничѣмъ не упорядоченныхъ и не просвѣтленныхъ высшей сознательностью по отношенію къ духовнымъ интересамъ ближняго,—онъ, несомнѣнно, чувствовалъ опасность внутренняго упадка и „застоя“, какъ онъ выражался. И онъ слишкомъ хорошо зналъ по опыту, что спасти его отъ этого застоя и упадка можетъ только прикосновеніе къ землѣ, природа, тишина, воздухъ, солнце, зовущіе къ себѣ дали, очарованіе новыхъ, невидимыхъ ранѣе мѣстъ, пробуждающихъ въ душѣ новыя мысли. (*Л. Гуревичъ. „Сѣв. Зап.“ 1913—3*).

Ч.—главный рубежъ между старой и новой литературой. Какъ бы ни измѣнились, ни переслоились и перепутались литературныя теченія, эта демаркаціонная линія останется, переходъ отъ стараго къ новому сдѣланъ. Ч. — настоящій большой новаторъ и по содержанію и по формѣ; новаторъ не умышленный, а стихійный. Такимъ онъ создалъ. Такимъ его выплеснула какая-то большая набѣжавшая на насъ волна. II и III т. т. писемъ особенно много говорятъ о Ч., какъ о художникѣ. Художникъ и человѣкъ необыкновенно гармонично сочетались въ Ч. Онъ былъ *цѣлый*, безъ всякой борьбы „десницы“ съ „шуйцей“, безъ жуткихъ больныхъ тайнъ и мучительной душевной раздвоенности, столь обычныхъ у русскихъ писателей. Ч.—совсѣмъ ясный, несмотря на всю свою скрытность и замкнутость. Однако, есть ноты, которыя звучали иначе, интенсивнѣе у Ч.-художника, чѣмъ у Ч.-человѣка. Въ обыденныхъ отношеніяхъ съ людьми и даже въ общественныхъ вкусахъ Ч. былъ чрезмѣрно благодушенъ и терпимъ до безпредѣльности. Но какъ художникъ, онъ, судя по письмамъ, былъ совсѣмъ не покладистъ, а нетерпѣливо строгъ и взыскателенъ. Какъ только дѣло коснется литературы, въ немъ загораются темные, упрямые огоньки. Онъ непримиримъ и непреклоненъ въ своихъ требованіяхъ. Чувствуется, что тутъ какъ разъ его „святая святыхъ“, тотъ очагъ, которымъ питается вся душа, освѣщается внутреннее бытіе... (*Е. Колтоновская. „Рус. М.“ 1913—4*).

Для III т., въ связи съ Сахалинской экскурсіей, болѣе характерны чеховскія письма конца 1891 г. Здѣсь опять выступаютъ общественныя настроенія Ч... Это уже далеко не тотъ упорствующій индивидуалистъ, какимъ онъ былъ и

какимъ хотѣлъ быть раньше. (*Вл. Кр. „Созр. М.“ 1913—3*).

226 писемъ третьяго тома, адресованныя 34-мъ лицамъ, относятся лишь къ короткому двухгодичному сроку. Такъ энергично велась Чеховымъ переписка... Внимательный читатель тома замѣтитъ все нарастающій въ Ч. интересъ къ общественной дѣятельности. Ч. живо заинтересованъ между прочимъ дѣломъ помощи голодающимъ. Эта общественная струна впервые начинаетъ внятно звучать въ письмахъ третьяго тома. (*Н. Эфр. „Рус. Вѣд.“ 1913—66*).

Богатое эпистолярное наслѣдство автора „Вишневаго сада“ захватываетъ читателя и способствуетъ выясненію чуткой души любимаго художника... Изданіе III тома писемъ Чехова нельзя не привѣтствовать, такъ какъ онѣ, лучше всякаго біографа, рисуютъ намъ незабвенный образъ дорогого писателя. (*Б. „Оренб. Край“. 1913—78*).

603. Городецкій, С. 087.

„Ау!“ Стихи для дѣтей, съ рис. А. Комарова. Изд. Сытина. М. 1913. Ц. 15 к.

Г.—художникъ, истинный поэтъ... У него дѣйствительно каждая былинка живетъ и кипитъ. Его маленькую книжку хорошо дать въ руки самымъ маленькимъ дѣтямъ. Тутъ все солнечно, краски ярки, все движется, все хлопочетъ... Особенно хорошо стихотвореніе „Невидимка“.. (*Е. Руднева. „Рус. Шк.“ 1913—3*).

Стихотвореній—12; между ними есть и пріятныя, легкія, какъ, напр., „Невидимочка“, „Спесивый грибъ“ и др., но есть и грубоватыя, или мало понятныя дѣтямъ, въ родѣ стих. „Грибонница“... Въ общемъ доступны дѣтямъ средняго и старшаго возраста. Рисунки удовлетворительны. (*Е. Іорданская. „Дошк. Восп.“ 1913—4*).

Всѣ вошедшія въ сборникъ стихотворенія въ большей или меньшей степени страдаютъ обычными для модернистовъ невыдержанностью ритма, погоней за искусственными пріемами, небрежнымъ отношеніемъ къ русской рѣчи, непріятной манерностью, туманностью, расплывчатостью образовъ и бѣдностью содержанія, подчасъ граничащаго съ безсмысленностью... Болѣе или менѣе удовлетворительны лишь 3 стих. („Ку-ку“, „Бѣлый цвѣтикъ“ и „Новогодніе примѣты“)... Рисунки большею частью недурны. (*„Нов. Дѣтск. Лит.“ 1913—7*).

604. Цаликозъ, А. 323(47).

Кавказъ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственнаго быта. Изд. М. Мухтарова. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Книга Ц. представляетъ собою собраніе очерковъ хозяйственно-бытовой и религіозно-культурной жизни горцевъ Сѣвернаго Кавказа и мусульманъ Поволжья. Въ частности, здѣсь можно найти свѣдѣнія о кустарной промышленности горцевъ, о мусульманскихъ разбояхъ и грабежахъ. Всѣ эти вопросы освѣщаются авторомъ въ связи съ разсмотрѣніемъ русской политики по отношенію къ туземцамъ Кавказа. Въ виду придавленности кавказской прессы, рѣшающейся освѣщать мѣстную жизнь только осторожными полунамеками, а также въ виду бѣдности нашей общей печати статьями о жизни кавказцевъ, книга Ц. представляетъ значительный интересъ какъ по богатству самостоятельныхъ наблюденій автора, такъ и по обилію цитируемыхъ имъ официальныхъ данныхъ, касающихся нашей политики на Кавказѣ. Желаніе автора содѣйствовать своей книгой тому, чтобы жители Кавказа трактовались не какъ пасынки, а какъ сыны Россіи, не можетъ не встрѣтить сочувствія читателей. (*„Рус. Молва“. 1913—120*).

Авторъ ставитъ своей цѣлью дать исторію возникновенія русской политики на Кавказѣ и обрисовать ея характеръ. Въ такой работѣ давно ощущался недостатокъ. Къ сожалѣнію, книга Ц. всецѣло не восполняетъ этотъ пробѣлъ. Ему удалось лишь собрать въ своей работѣ много цѣнныхъ документовъ и справокъ въ области культурно-хозяйственнаго быта кавказскихъ горцевъ и инородческой политики. Въ этомъ отношеніи его книга весьма цѣнна. (*„День“. 1913—126*).

Авторъ достигаетъ своей цѣли, хотя бы уже потому, что его очерки проникнуты горячей любовью къ „пасынкамъ Россіи“, искренней тоской, когда онъ говоритъ о тяжеломъ неустройствѣ быта этихъ людей, которая заражаетъ и стороннаго „пасынкамъ“ русскаго читателя. Затѣмъ авторъ самъ горецъ Сѣвернаго Кавказа и знаетъ превосходно, до мелочей, до деталей предметъ, о которомъ трактуетъ. Мы привѣтствуемъ появленіе книги Ц. особенно въ настоящее время, когда по всей русской землѣ, среди „сыновъ и пасынковъ“ идетъ переустройство жизни—она необходима. (*А. Родной, „Куб. Край“. 1913—124*).

Написана книга хорошимъ литературнымъ языкомъ; соображенія представляютъ большой интересъ. Во всякомъ случаѣ текущій моментъ жизни Кавказа освѣщенъ достаточно полно не во всѣхъ областяхъ конечно, а въ нѣкоторыхъ. Издана книга свѣжо, хорошій, четкій шрифтъ. (*„Казбекъ“. 1913—7*).

* **Бутенко, В. А.** 329:91(44)

См. порядк. № 622.

605. Мамонтовъ, Н. П. 355(497.2)

Съ болгарскими войсками отъ Балканъ до Чаталджи. Изд. А. И. Мамонтова. М. 174 стр. Ц. 1 р.

Превосходная книга, которую прочтетъ безъ пропусковъ всякій, кто возьметъ ее въ руки. У автора острый глазъ, сразу замѣчающій смыслъ общей картины и мелкія подробности, знаніе военнаго дѣла, неподдѣльная любовь къ людямъ, и слово, идущее прямо къ сердцу читателя. Бѣглыя замѣтки, сдѣланныя на бивуакѣ, на походѣ, на позиціяхъ, въ бою, около госпиталей, образовали томикъ, который даетъ какъ бы непосредственное ощущеніе Болгаріи и этой удивительной балканской войны со всѣмъ ея трагизмомъ, фантастическими неожиданностями, громовыми побѣдами, великими надеждами и тяжелыми разочарованіями. Мирный крестьянинъ, преобразившійся въ воина, профессоръ, служащій, рядовой въ качествѣ караульнаго, полицейскій, превращенный въ солдата, населеніе, безропотно пославшее на войну всѣхъ способныхъ носить оружіе, солдаты, выступающіе въ походъ съ пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ въ дулѣ винтовки, кровавыя битвы, въ которыхъ успѣхъ дается только сильному духомъ,—передъ вами проходитъ картина за картиной, уносящая мысль отъ сѣрой дѣйствительности на далекія поля и горы, гдѣ въ мукахъ нарождаются новыя

государства, гдѣ исторія творится огнемъ, мечомъ и кровью. Авторъ не гонится за дешевыми эфектами, столь соблазнительными для военнаго корреспондента. Онъ не сгущаетъ красокъ, не преувеличиваетъ ужасовъ, не скрываетъ тягостей войны. Книга рѣдкая по своей искренности и правдивому изображенію людей, ихъ подвиговъ, слабостей и преступленій. Она займетъ почетное мѣсто въ любомъ книжномъ шкафѣ. Кто начнетъ ее читать, дочитаетъ до конца. Это, кажется, лучшая похвала, которую можно сказать о какой бы то ни было книгѣ. (*Е. Е. „Нов. Вр.“ 1913—13307*).

Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе съ анализа тѣхъ политическаго и экономическаго положеній, которыя царили на Балканскомъ полуостровѣ до начала войны и которыя вызвали эту послѣднюю послѣ образованія балканскаго союза; достаточно детально останавливается онъ и на подсчетѣ силъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, а также на характеристикѣ каждаго состава армій. Въ высшей степени интересны дальше описанія авторомъ его первыхъ впечатлѣній въ Болгаріи, его „нѣсколько словъ о вооруженномъ народѣ“, о нашихъ ученикахъ—личномъ составѣ союзныхъ войскъ, паденіи Лозенграда и всей дальнѣйшей великой эпопеи, включительно до чаталджинскаго удара—этого заключительнаго аккорда перваго періода кампаніи.

Читая этого автора, непзбѣжно обращаешь вниманіе на существенное сходство балканской войны съ манчжурской, невольно вникаешь въ аналогію тѣхъ недостатковъ, которые привели сейчасъ къ паденію когда-то великую имперію и сыграли столь роковую роль и для Россіи въ ея минувшую кампанію. Несмотря на одинаковыя свойства народовъ — полная противоположность въ результатахъ народнаго напряженія. (*Этте, „У. Рос.“ 1913—74*).

606. Монтессори, М., д-ръ. 371

Домъ ребенка. Методъ научной педагогики. Изд. т-ва „Задруга“. М. 1913. Стр. XXVI+ +339. Ц. 2 р. 50 к.

Года четыре назадъ въ Римѣ возникъ институтъ дешевыхъ квартиръ. Въ бѣднѣйшемъ кварталѣ города Санъ-Лоренцо пріобрѣтенъ былъ большой участокъ съ 58 домами, гдѣ въ совершенно невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ ютилась нищета, и вмѣсто старыхъ домовъ стали устраиваться новые, разбитые на мелкія квартиры въ одну, или двѣ три комнаты съ кухней. Бѣдныя семьи получили возможность селиться особнякомъ за сравнительно дешевую плату, но обязанность содержать домъ и снаружи, и внутри въ опрятности и свѣжемъ видѣ возложена была на самихъ же жильцовъ.

Такъ какъ въ бѣдныхъ рабочихъ семьяхъ приходится уходить на работу и матери семейства, а дѣти дошкольнаго возраста, отъ трехъ до семи лѣтъ, остаются цѣлый день безъ призора, то вскорѣ явилась мысль объ устройствѣ при этихъ квартирахъ спеціальнаго помѣщенія для дѣтей. Организаціей этого дѣла занялась женщина-врачъ Марія Монтессори, основавшая за послѣдніе 2—3 года цѣлый рядъ „Домовъ ребенка“ въ разныхъ городахъ Италіи и сумѣвшая заинтересовать этимъ дѣломъ и другія страны. Въ „Домѣ ребенка“ о дѣтахъ, лишенныхъ личнаго попеченія родителей, заботятся директриса, врачъ и смотритель, развивая ихъ физически и нравственно путемъ упражненій, соотвѣтствующихъ ихъ возрасту. Родители не платятъ за это ничего, но зато обязаны посылать дѣтей въ „Домъ ребенка“ въ урочное время чисто вымытыми и въ опрятной одеждѣ съ передникомъ. Кромѣ того, родители обязаны не менѣе раза въ недѣлю сообщать директриссѣ свѣдѣнія о домашней жизни ребенка, пользоваться ея совѣтами и, такимъ образомъ, участвовать въ воспитаніи дѣтей. Коммунизація воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста дала возможность г-жѣ М. примѣнить на дѣлѣ цѣлый рядъ воспитательныхъ пріемовъ, до сихъ поръ не примѣнявшихся. Изложенію ихъ и посвящена названная выше книга.

Переводчикъ книги на русскій языкъ С. Г. Займовскій дополнилъ ее по-англійскому и американскому изданіямъ, а также прибавилъ къ ней введеніе профессора Гарвардскаго университета Генри Гольмса, выясняющаго значеніе книги для американскихъ педагоговъ. Книгу иллюстрируютъ рисунки и чертежи. Переводъ исполненъ безукоризненно. (*И. Книжникъ. „Рѣчь“. 1913—155*).

Еще Песталоцци и Фребель задачей естественной, разумной педагогики считали самостоятельное пробужденіе внутреннихъ силъ дѣтей. Въ своемъ поучительномъ педагогическомъ опытѣ М. идетъ еще дальше прежнихъ педагоговъ и всю систему своего новаго дѣтскаго сада строитъ на постепенномъ изощреніи и усиленіи функцій органовъ воспріятія, чѣмъ и вызывается новая, болѣе полная душевная жизнь дѣтей. Ребенокъ открываетъ въ себѣ новыя силы, что воспринимается имъ радостно и бодро и устремляетъ его къ дальнѣйшимъ самостоятельнымъ усиліямъ и достиженіямъ. М. всегда хочетъ считаться съ творческими пистинктами дѣтей, почему вмѣсто докучныхъ порой фребелевскихъ занятій предлагаетъ имъ, свои, разсчитанныя на большій интересъ со стороны дѣтей. Считая своими непосредственными учителями Сегева и Итара, впервые завившихся воспитаніемъ дефективныхъ дѣтей, М. придумала много аналогичныхъ пріемовъ для воспитанія дѣтей нормальныхъ. Можно возражать противъ нѣкоторыхъ ея увлеченій,—напримѣръ, странно *постоянное* завязываніе глазъ для болѣе изощренной дѣятельности слуха и осязанія,— но въ этой работѣ читатель найдетъ много цѣннаго, въ высшей степени поучительнаго, что обнаруживаетъ въ авторѣ чуткаго, внимательнаго психолога, хорошо знающаго дѣтей. Особенно важны пріемы М. для первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ буквами при посредствѣ комбинаціи зрительныхъ, осязательныхъ и двигательныхъ ощущеній и затѣмъ воспріятій. Но педагогическій опытъ М., кромѣ этого ближайшаго психологическаго значенія, имѣетъ еще смыслъ *соціальный*. Ея „Домъ ребенка“, это—*школа внутри дома*. Здѣсь группы родителей естественно объединяются для воспитанія дѣтей. Это особенно важно для рабочаго люда, для котораго, по счастливой мысли г. Таламо, главнымъ образомъ и предназначалась подобная общественно-педагогическая организація, создаваемая его „Институтомъ дешевыхъ квартиръ“. Думаемъ, что идеи М. будутъ сочувственно восприняты многими дѣятелями дѣтскихъ садовъ и родителями. (*И. Соловьевъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—66*).

Книга эта должна обратить на себя вниманіе педагоговъ дѣтскихъ садовъ, такъ какъ въ ней М. излагаетъ свою получившую громкую извѣстность систему воспитанія дѣтей младшаго возраста, основанную на девизѣ „дисциплина на свободѣ“ и состоящую въ развитіи, прежде всего, сенсоріума ребенка, органовъ его чувствъ. Не останавливаясь на какихъ-либо незыблемыхъ, окаменѣвшихъ положеніяхъ, авторъ полагаетъ, что принципы педагогики должны постоянно контролироваться и видоизмѣняться опытомъ, такъ что система его по справедливости можетъ носить имя экспериментальной педагогики. Ограничиваетъ примѣненіе этого метода въ частной педагогіи то, что пользованіе имъ требуетъ многочисленныхъ приборовъ и коллекцій. Онъ, слѣдовательно, какъ сказано, имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, совмѣстное воспитаніе, дѣтскіе сады. (*Ач. „Кіев. Мысль“. 1913—83*).

Попытку опровергнуть господствующія системы воспитанія, указаніе на всю ихъ сухость, непонятность для ребенка, даже аморальность ставитъ себѣ задачей книга М., являющаяся результатомъ работъ автора въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ дѣтскихъ рабочихъ садахъ. Система „Дома ребенка“ цѣнна своей систематической полнотой и практическою приложимостью—она детально разработана авторомъ. М. посвятила всю свою жизнь педагогической дѣятельности съ такимъ же энтузіазмомъ и самоотреченіемъ, которые наблюдались только у Песталоцци и Фребеля. Трудъ М. съ интересомъ и пользою прочтутъ и руководители дѣтскихъ садовъ и матери, занимающіяся воспитаніемъ своихъ дѣтей. (*Ф-фъ. „День“. 1913—91*).

607. Фельцманъ, О., д-ръ. 371.

Вспомогательныя школы для психически-отсталыхъ дѣтей. Изд. „Наука“, М. 1912. Стр. 100. Ц. 50 к.

Въ статьяхъ Ф. „Роль психіатра въ вспомогательной школѣ“ и „Составъ вспомогательной школы и техника пріема“ читатель найдетъ факты изъ практики русской вспомогательной школы, и притомъ не отдѣльно стоящаго института для воспитанія и обученія дефективныхъ дѣтей, а школы, входящей въ составъ общей школьной системы г. Москвы и стоящей въ тѣсной и непосредственной связи со школою нормальной. (Д-ръ Ф. имѣлъ возможность близко наблюдать постановку дѣла и дѣтей одной изъ немногихъ московскихъ вспомогательныхъ школъ, существующей нѣсколько лѣтъ). Въ своихъ статьяхъ Ф. не даетъ сколько-нибудь систематическаго отчета о сдѣланныхъ наблюденіяхъ, но приводитъ лишь “впечатлѣнія“, вынесенныя имъ изъ занятій въ школѣ, при чемъ даже эти впечатлѣнія не выдѣлены особо, но излагаются вмѣстѣ съ свѣдѣніями о вспомогательномъ обученіи за границей, съ описаніемъ различныхъ методовъ психологическаго изслѣдованія и др. Несмотря однако на отсутствіе систематичности въ изложеніи и частыя отступленія отъ главной темы, читатель все же найдетъ въ статьяхъ д-ра Ф. интересныя свѣдѣнія о дѣтяхъ, посѣщавшихъ школу, о пріемахъ изслѣдованія и наблюденія, примѣнявшихся д-ромъ Ф., о тѣхъ задачахъ, которыя онъ себѣ ставилъ и выполнялъ. („*Вѣст. Восп.*“ *1913—2*).

Въ популярной и общедоступной формѣ авторъ излагаетъ исторію вспомог. школъ въ З. Европѣ, а также возникновеніе ихъ въ М. Въ концѣ книжки приложены примѣрныя схемы опросныхъ листовъ, планы преподаванія, расписаніи и пр. Работа автора вѣрно схватываетъ злободневный и острый вопросъ, написана очень живо и популярно и съ удовольствіемъ прочтется какъ врачомъ, такъ и широкой публикой. (*М. Захарченко. „Вопр. Психіатр. и Неврол.“ 1913—2*).

Авторъ даетъ интересный научно-педагогическій и историческій матеріалъ. Особенно важнымъ отдѣломъ въ книгѣ являются опросные листы кандидатовъ въ школѣ и перечень упражненій для отсталыхъ дѣтей. (*Н. Григорьевъ. „День.“ 1903—106*).

608. Барановъ, Е. 398.2(47.9)

Легенды Кавказа. М. 1913. Ц. 70 к.

Если говорить объ искусствѣ самого автора, то эта книга мало оригинальная. Б. по стилистъ; писатель скорѣе жесткій и грубоватый, нежели искусный мастеръ формы. Но авторъ „Кавказскихъ легендъ“ и не хочетъ, чтобы читатели восхищались его словами или чтобы разсказанныя имъ приключенія были приписаны вдохновенію и капризу его собственной фантазіи. „Легенды Кавказа“—не подражаніе и не реставрація въ духѣ новѣйшихъ стилизаторовъ. Это—дѣйствительно собраніе восточныхъ преданій и сказокъ, разсказанныхъ лицомъ, хорошо усвоившимъ внутренній напѣвъ кавказской легенды — во всей ея тысячелѣтней давности, и полнымъ вниманія и любви къ народу, создавшему эти легенды. Я не хочу этимъ сказать, что „Легенды Кавказа“ вполнѣ возрождаютъ духъ или бытъ кавказской старины, но онѣ превосходно попадаютъ въ тонъ старинной восточной сказки, которая знаетъ только людей земли, людей, созданныхъ для плоти и матеріальныхъ радостей міра. Тутъ не только кавказскія имена и кавказскіе костюмы, а грозные подвиги и дѣянія, обладающія своей особой, именно, восточной красотой и восточной покорностью судьбѣ.

Восточная легенда и сказка ничего не ищетъ. Она давно постигла фатальную загадочность жизни и полную безполезность борьбы и волненій. Она знаетъ, что все въ мірѣ обязано случаю, предопредѣленію, року, и ничему не удивляется, и все прощаетъ. Талантъ Б. заключается въ превосходной передачѣ этого очевиднаго фатализма. Хотя „Легенды Кавказа“ всѣ похожи одна на другую, но всѣ онѣ по-своему занимательны и интересны. Конечно, онѣ разсказаны европейцемъ. Но европейцемъ, какъ бы обращеннымъ въ вѣру наивныхъ горцевъ; европейцемъ, который мало думалъ о психологіи своихъ героевъ, а съ радостью изображаетъ ихъ незамысловатыя души—во всей простотѣ ихъ дикихъ и звѣриныхъ инстинктовъ, потому что и самъ онъ — авторъ „Легенды Кавказа“—знаетъ, что безполезно и скучно думать о жизни. И самой интересной, захватывающей жизнь всегда оказывается у того, кто ни о чемъ не желаетъ думать и отъ юности до преклоннаго возраста беззаботно ввѣряется судьбѣ, радуясь каждой текущей минутѣ. „Легенды Кавказа“ написаны очень свободно и читаются съ увлеченіемъ. Думаю, что книга эта не завалялся среди бумажнаго хлама. Несмотря на небольшія литературныя достоинства автора, она представляетъ безспорную и ориги

нальную цѣнность. (*Л. В. „Кіев. Мысль“. 1913—150*).

Авторъ—старый кавказскій журналистъ, проведшій много лѣтъ непосредственно среди ауловъ, и его книга легендъ счастливо выдѣляется изъ ряда другихъ, воспроизводящихъ сказанія кавказскихъ народовъ. Вѣрность, непосредственность и полное отсутствіе дѣланности и переложенія народнаго эпоса на интеллигентскій ладъ придаютъ особую цѣнность сборнику Б. и передъ читателемъ развертывается духовный міръ горцевъ въ художественно-воспроизведенныхъ твореніяхъ самого народа, высокопоэтическихъ, увлекательныхъ. (*И. Сквор-цовъ. „У. Рос.“. 1913—45*).

Легенды, собранныя Б., красивы и содержательны. Вольная Кабарда съ ея привольной, полу-разбойничьей жизнью создала эти легенды и напитала ихъ поэзіей отважныхъ набѣговъ, ужасомъ кровавой мести, безумной страстью любви, загорающейся отъ одного взгляда и совершающей подвиги и преступленія. Но нашъ авторъ не сумѣлъ дать легендамъ должной обработки, и въ его пересказѣ нѣкоторыя изъ нихъ значительно теряютъ. Языкъ его сѣръ и безсиленъ передъ величавостью снѣжныхъ горъ, бурныхъ рѣкъ, передъ дикою стихіею борьбы и страсти, въ которой жили эти люди. Пѣсня-легенда Кабарды вырывается все же и изъ сѣраго изложенія автора и даетъ истинное наслажденіе. Наиболѣе интересны: „Лебедь“, „Карамурза“, „Высоко выросъ“ и „Судьба“. Издана книга вполнѣ прилично. (*А. Ростагаевъ. „День“. 1913—94*).

„Легенды Кавказа“ Б. — мертворожденная книга. Блѣдные, не совсѣмъ грамотные очерки передаютъ давно извѣстные анекдоты о „Докшуко проклятомъ“, убившемъ брата изъ-за женщины, о Мошуко непримиримомъ, о Лебеди—любви ханскаго сына къ дочери огородника. (*„Рус. Молва“. 1913—104*).

609. Быковъ, А. Н. 614.81

Промышленный травматизмъ, его размѣры, значеніе и возможность борьбы съ нимъ. Спб. 1913. Ц. 50 к.

Брошюра Б. (отдѣльный оттискъ издаваемой министерствомъ торговли книги „Охрана труда въ промышленныхъ предпріятіяхъ“) представляетъ интересъ, главнымъ образомъ, по фактическому матеріалу, собранному авторомъ. Въ брошюрѣ сгруппированы общія данныя по главнѣйшимъ странамъ Европы и болѣе подробно разработаны данныя статистики несчастныхъ случаевъ въ Россіи, при чемъ Б. отчасти использовалъ неопубликованные матеріалы. Въ результатѣ дается достаточно полная картина промышленнаго травматизма въ Россіи, охватывающая не только предпріятія, подчиненныя надзору фабричной инспекціи, но и предпріятія горныя, желѣзнодорожныя, по водянымъ путямъ, строительныя, сел.-хозяйственн. и нѣкоторыя другія. Цифровые итоги, полученные Б., лучше всякихъ словъ иллюстрируютъ соціальное значеніе промышленнаго травматизма. Ежегодно въ промышленныхъ странахъ всего міра насчитывается не менѣе 3 милліоновъ пострадавшихъ, 30—35 тысячъ убитыхъ и одинъ милліардъ матеріальныхъ убытковъ! Въ частности, въ Россіи ежегодно происходитъ приблизительно 326 тысячъ несчастныхъ случаевъ, изъ которыхъ 39,5 тысячъ тяжелыхъ и 5,8 тысячъ смертельныхъ, общій же матеріальный ущербъ страны отъ несчастныхъ случаевъ выражается приблизительно въ суммѣ 56.9 милліоновъ рублей. Собственно въ крупной промышленности (въ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, въ горныхъ и гор.-завод. предпріятіяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ, на внутреннихъ водныхъ путяхъ и на городскихъ рельсовыхъ путяхъ) число несчастныхъ случаевъ не ниже 290 тысячъ въ годъ, при чемъ число тяжелыхъ случаевъ не ниже 27 тыс., а смертные случаи превышаютъ 4500. Къ этимъ цифрамъ прибавить нечего. Онѣ говорятъ о непсчислимыхъ жертвахъ, которыя несетъ трудъ, и оправдываютъ самыя радикальныя требованія соціальной политики, направленныя къ охранѣ труда и спасенію человѣческихъ жизней, теперь обреченныхъ на увѣчье и смерть. (*М. Б. „Кіев. Мысль“. 1913—115*).

Умѣло использованная масса статистическихъ данныхъ дѣлаетъ выводы Б. вѣскими и устойчивыми. Являясь крупнымъ вкладомъ въ литературу по рабочему вопросу, книга Б. заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. (*П—чъ. „Утро“. 1913—1923*).

Брошюра отвѣчаетъ важной потребности... Въ статьѣ этой мы имѣемъ попытку подвести общіе итоги явленіямъ промышленнаго травматизма въ Россіи—но всѣхъ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя только могли доставить автору соотвѣтствующій цифровой и вообще поддающійся учету матеріалъ. Данныя этого рода, даже официальныя, какъ извѣстно, разбросаны въ различныхъ изданіяхъ различныхъ вѣдомствъ и не блещутъ полнотой. Между прочимъ, авторъ постарался использовать и тѣ (къ сожалѣнію, незначительныя) данныя, которыя касаются несчастныхъ случаевъ въ судоходной промышленности, дополнивъ ихъ нѣкоторыми критическими комментаріями. (*„Совр. Сл.“. 1913—8105.*)

610. [. . . . . 8—8

Сборникъ Т-ва „Знаніе“. Кн. 40. За 1913 г. Ц. 1 25 к.

Самое большое по объему, и болѣе интересное, въ 40-й кн. сб. „Знаніе“ есть произведеніе А. Золотарева: „Во едину отъ субботъ“. Оно рисуетъ жизнь русской учащейся молодежи въ Парижѣ за годы, послѣдовавшіе за днями свободъ, обманувшими насъ, какъ прекрасная сказка. Произведеніе начинается картиной Парижа во время зимней непогоды въ рождественскій сочельникъ... Но вотъ мы—въ квартирѣ студентки Сорбонны, Ольги Тугариновой, оставившей три года тому назадъ Россію. Въ нынѣшнемъ году Ольга встрѣчаетъ Рождество одна одинешенька. Передъ ней гербарій, привезенный съ родины. Дѣвушка вся въ грезахъ и воспоминаніяхъ о родимой землѣ и о сельцѣ Тальникахъ, гдѣ искони жили ея дѣды и прадѣды по отцу и гдѣ сама она провела раннее дѣтство. И этотъ гербарій сельца Тальникова она берсжетъ, какъ святыню, какъ самое завѣтное сокровище, какъ горсть родной земли, какъ материнское благословеніе.

Сочиненіе написано въ духѣ самой горячей симпатіи къ главной героинѣ Ольгѣ и ко всѣмъ остальнымъ русскимъ, не по своей волѣ оставившимъ Россію, странствующимъ по Европѣ, этимъ поистинѣ перелетнымъ птицамъ. Дальнѣйшее содержаніе сочиненія З. читатель легко

себѣ представить: это—встрѣчи Ольги съ товарищами по изгнанію, ихъ сходки, собранія, бесѣды, дебаты, пирушки, ночныя похожденія, смущающія привыкшихъ къ ночной тишинѣ и раннему вставанію парижанъ, неизбѣжныя столкновенія съ полиціей, ни разу, однако, не приведшія къ протоколу и т. д. Большинство этихъ странствующихъ русскихъ испытываютъ ужасную ностальгію, т.-е. тоску по родинѣ. Гонимые этой тоской, многіе возвращаются, чтобы жить на родинѣ нелегальными людьми и, конечно, нести всѣ послѣдствія нелегальнаго существованія. Душевныя муки героевъ повѣствованія изображены довольно ярко, хотя въ приподнятомъ и даже напыщенномъ тонѣ. Несмотря на это, произведеніе З. читается легко, а иныя страницы—съ удовольствіемъ, особенно тѣ, въ которыхъ рисуется значеніе Парижа для мирового прогресса.

Гораздо меньше страницъ занимаетъ въ сборникѣ сочиненіе „Романъ тети Ани“, С. Найденова. Авторъ называетъ свое произведеніе романомъ, в, между тѣмъ, это пьеса. Завязкой въ ней служитъ открытіе, которое дѣлаетъ „тетя Аня“, главная героиня, когда замѣчаетъ, что писатель Алексѣй Владимировичъ Волковъ, котораго она, физически отцвѣтающая, любитъ, любимъ другой героиней, Ольгой Сергѣевной, женой Григорія Петровича Хмурова. Подобно мужу героини въ андреевской пьесѣ: „Екатерина Ивановна“, Хмуровъ слишкомъ занятъ и сухъ, чтобы интересоваться женой, какъ человѣкомъ, да и любви къ нему Ольга не чувствуетъ, и увлекается Алексѣемъ до забвенія упавевія и супружескихъ обязанностей къ мужу. Тетя Аня, переживающая страшныя муки оттого, что Алексѣй любитъ не ее, а Ольгу, тѣмъ не менѣе помогаетъ ихъ любви, облегчаетъ свиданія, является наперсницей для обоихъ, словомъ, приноситъ себя въ жертву... Развязка пьесы такова: не добившись, чтобы Ольга разошлась съ мужемъ, какъ того требовала логика событій, Алексѣй оставляетъ ее и домъ Хмурова; а Ольга остается при мужѣ, который собирается ее лѣчить отъ неврастеніи. Какова мораль всего этого, мы рѣшительно отказываемся понимать, но написана пьеса прекраснымъ языкомъ.

Небольшія стихотворенія въ 40-й книжкѣ „Знанія“ не представляютъ ничего выдающагося. (*Н. П. „Вятск. Р.“. 1913—13*).

Новое произведеніе З—ва, къ сожалѣнію, приходится признать неудачнымъ. Все отъ заглавія и посвященія городу Парижу, „великому историческому Перекрестку, Царскимъ вратамъ исторіи человѣчества, настежь разверстымъ въ грядущую даль вѣковъ“, и кончая всѣмъ содержаніемъ его, заключающимся, главнымъ образомъ, въ разговорахъ,—напыщенно, надуманно и безталантно. Это—рядъ не живыхъ картинокъ изъ жизни русскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ.

Въ сборникѣ помѣщена также неудачная пьеса С. Найденова „Романъ тети Ани“. Пьеса поражаетъ узостью замысла. Отдѣльныя сцены очень ярки, но это какъ разъ не тѣ, въ которыхъ должно бы протекать основное дѣйствіе пьесы. Въ сборникѣ имѣется еще четыре недурныхъ стихотворенія С. Астрова. (*П. Сергѣевъ. „День“. 1913—113*).

Несомнѣнно—это одинъ изъ самыхъ неудачныхъ сборниковъ „Знанія“. Пьеса г. Найденова производитъ впечатлѣніе чего-то стараго, давно сданнаго въ архивъ и, Богъ знаетъ ради чего, извлеченнаго изъ забвенія... И все-таки эта неудачная пьеса начинаетъ казаться поистинѣ великимъ творсніемъ рядомъ съ произведеніемъ г. Золотарева. Его—физически трудно читать! На этой вещи удобно прослѣдить, что дѣлаетъ порой переходная эпоха съ малыми дарованіями. Въ иныхъ произведеніяхъ выступаетъ благотворное вліяніе ломки старыхъ и созиданія новыхъ пріемовъ творчества, на произведеніи З. видно, какъ такая эпоха—калѣчитъ. (*А. Дерманъ. „Завѣты“. 1913—5*).

611. Сѣверянинъ, И. 891.7—1

Громокипящій кубокъ. Поэмы. Предисл. О. Сологуба. Изд. „Гриффъ“. М. 1913. Стр. 142. Ц. 1 р.

„Поэзы“. С., безспорно, свидѣтельствуютъ о свѣжемъ и красивомъ дарованіи автора. Но оно, вопреки мнѣнію г. Сологуба, далеко еще не кристаллизовалось, не сложилось, не перебродило и не опредѣлилось. Есть большая искра Божія въ этомъ поэтѣ, ищущемъ новыхъ путей, пытающемся создать новыя формы творчества и сказать новыя слова. При всей нелѣпости эго-футуризма, во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ обращающа гося въ безсмысленную арлекинаду, въ немъ есть и здоровое зерно—зерно исканій, здоровый мотивъ—мотивъ бунта противъ данныхъ формъ, склонныхъ къ консерватизму уже потому, что онѣ—данныя формы. Наше декадентство въ поэзіи тоже началось арлекинадами. И крайностямъ его отдали дань многіе поэты, которые теперь общепризнанно вѣнчаны на славу, какъ В. Брюсовъ, К. Бальмонтъ. Жизнь постепенно отметала все искусственное, ненужное. Борьба за существованіе, которая ведется и въ мірѣ идей, и въ мірѣ прекраснаго, выдвигала и сохранила сильное. Въ книгѣ С. немного оазисовъ, на которыхъ отдыхаешь душой, отъ которыхъ становится свѣтло и радостно. Среди дремучихъ новаторствъ, позированія, фиглярства, порой пошлости вдругъ зазвенитъ серебряный стихъ, зажурчитъ искреннее чувство, самобытная, своя красота засіяетъ и запискрится. И вотъ эти-то базисы и заставляютъ признать въ С. поэта, найти въ немъ цѣнность самобытную подъ густой мелухой всякой дребедени.

Когда С., уставъ отъ напряженнаго искательства новыхъ нормъ, новыхъ слонъ, дѣлается простымъ и близкимъ къ землѣ, онъ трогаетъ. Вотъ восемь строчекъ „Маленькой элегіи“.

Она на пальчикахъ привстала
И подарила губы мнѣ.
Я цѣловалъ со устало
Въ сырой осенней тишинѣ.
И слезы капали беззвучно
Въ сырой осенней тишинѣ;
Гасъ скучный день—и было скучно
Какъ все, что только не во снѣ.

Та же изящная простота въ ажурной тонкости отдѣлки и глубинѣ настроенія чуется въ очаровательномъ стихотвореніи „Въ очарованьи“.

Быть можетъ оттого, что ты не молода,
Но какъ то трогательно-больно моложава,
Быть можетъ, оттого я такъ хочу всегда
Съ тобою вмѣстѣ быть; когда, смѣясь лукаво,
Раскрость широко влекущіе глаза
И блѣдное лицо поставишь подъ лобзанья,

Я чувствую, что ты—вся нѣга, вся гроза,
Вся—молодость, вся—страсть; и чувства безъ названья,
Сжимаютъ сердце мнѣ плѣнительной тоской,
И потерять тебя—боязнь моя безмѣрна.
И ты, меня понявъ, въ тревогѣ, головой
Прекрасною своей вдругъ поникаешь нервно,—
И вотъ — другая ты: вся — осень, вся — покой...

Вотъ образчикъ вольнаго творчества, вдохновленнаго народной поэзіей:

Кружевѣетъ, розовѣетъ утромъ лѣсъ,
Паучекъ по паутинкѣ вверхъ ползъ.
Брилліантится веселая роса;
Что за воздухъ! Что за свѣтъ! Что за краса!
Хорошо гулять утрами по овсу,
Видѣть птичку, лягушенка и осу,
Слушать соннаго горлана-пѣтуха,
Обмѣняться съ дальнимъ эхомъ—„ха-ха-ха!“
Ахъ, люблю безцѣльно утромъ покричать,
Повстрѣчать и, опираясь на плетень,
Гнать съ лица ея предутреннюю тѣнь,
Пробудить ея невыспавшійся сонъ,
Ей повѣдать, какъ въ мечтахъ я вознесенъ,
Обхватить ея трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни какъ-нибудь.

Но, къ сожалѣнію, такихъ красивыхъ и цѣльныхъ произведеній немного. Но замѣчательно то, что почти въ каждомъ стихотвореніи С., среди хаоса новыхъ словъ, сочиняемыхъ неудержимо поэтомъ, среди хаоса нелѣпыхъ образовъ и кошмарныхъ описаній, вдругъ зазвучитъ та же изящная искренность, и въ этихъ мельканіяхъ красоты вы чувствуете отраженіе большого таланта, который болѣнъ вѣчнымъ позированіемъ.

Какъ относится поэтъ самъ къ своему творчеству? Конечно здѣсь позированіе достигаетъ наибольшаго развитія. Поэтъ мечтаетъ о переворотѣ. „Для насъ Державинымъ сталъ Пушкинъ, намъ надо новыхъ голосовъ,—гордо заявляетъ С., прибавляя, что именно онъ призванъ совершить этотъ переворотъ:

Я коронуюсь утромъ мая
Подъ юнымъ солнечнымъ лучомъ.

Отмѣчая для будущихъ біографовъ, что въ его жилахъ, „...въ жилахъ сѣвернаго барда струится кровь Карамзина“,—С. восклицаетъ: „Въ экстазѣ идолопоклонца молюсь таланту своему“.

Въ геніи С. стремится уже давно. Но этому никто не вѣрилъ. Убѣдилъ онъ въ этомъ прежде всего „принцессъ“. Онѣ первыя его признали:

Принцессы въ геній мой повѣрили,
Забывъ земные терема.

Но были эти принцессы особенныя:

Въ моей странѣ есть теремъ грезовый
Для намагниченныхъ принцессъ.

Конечно, отъ намагниченныхъ принцессъ нельзя требовать особеннаго чутья. Но вдохновенный имя С. уже потерялъ чувство мѣры и восклицаетъ:

Я—геній, Игорь Сѣверянинъ,
Своей побѣдой упоенъ:
Я повсегдашно осіяненъ!
Я повсесердно утвержденъ.
... Я покорилъ литературу
Взорлилъ, гремящій, на престолъ.

Но разочарованіе коснулось и „короля литературы“:

Я такъ усталъ отъ льстивой свиты
И отъ мучительныхъ похвалъ...
Мнѣ скученъ королевскій титулъ,
Которымъ Богъ меня вѣнчалъ.
Вокругъ—талантливые трусы
И обнаглѣвшая бездарь...

И въ заключеніе:

... я жалокъ
Въ своемъ величіи больномъ...

И теперь поэтъ оставляетъ „Римъ“ и, какъ пилигримъ, идетъ искать новыхъ путей.

... Не ученикъ и не учитель,
Великихъ другъ, ничтожныхъ братъ,
Иду туда, гдѣ вдохновитель
Монахъ исканій—говоръ хатъ...

Что же, въ добрый путь! Если поэтъ пойдетъ къ хатамъ, уже давшимъ ему вдохновеніе, и если онъ прислушается къ жизни, которая

... предъ вами въ траурномъ вуалѣ
Стояла, руки скорбно опустивъ,

—если онъ броситъ безплодное позированіе, приводящее его къ тому, что въ поискахъ новизны онъ приближается къ Третьяковскому, хотя и заявляетъ, что Пушкинъ для него—Державинъ, то, быть можетъ, онъ сохранится для нашей литературы самоцвѣтнымъ камнемъ, переставъ быть фальшивымъ тэтомъ. Пока поэтъ на ложномъ пути. Его прекрасныя озаренія затуманены, или, говоря его языкомъ, „омглены“ шутовской неискренностью, бредомъ самовлюбленности и эгоизма молодости, навожденіемъ новаторства, не дѣвственно-органически вытекающаго изъ зововъ души, а искусственно вызываемаго. А вѣдь отсюда недалеко до „бездаръ!“ (*Ал. Ожиговъ. „Совр. Сл.“ 1913—1893).*

Въ лицѣ С. передъ нами несомнѣнный талантъ, поэтъ „Божіей милостью“, съ опредѣлившимся поэтическимъ міросозерцаніемъ, богатствомъ фантазіи, тонкимъ и острымъ юморомъ („Нелли“, „Диссона“ и др.). Оставляя въ сторонѣ непріятную самовлюбленность поэта, слѣдуетъ признать, что въ наше время, богатое сборниками стиховъ, но не талантами, появленіе С. „воистину нечаянная радость въ сѣрой мглѣ сѣвернаго дня“ (Ѳ. Сологубъ),—и пожелать даровитому поэтому поскорѣе сбросить съ себя шутовской нарядъ эго-футуризма. (*В. А. Смильскій. „День“. 1913—88*).

Въ словарѣ С. нѣтъ ничего „ужаснаго“. Онъ, напримѣръ, любитъ образовывать глагольныя формы отъ существительныхъ: „офіалченъ и олилеенъ“, „околошитъ“, „оскленѣнъ“. Но вѣдь говоримъ же мы: окаймлять, обручаться, а В. А. Жуковскій, отнюдь не футуристъ, 80 лѣтъ тому назадъ написалъ: „и надолго нашъ край былъ обезумѣненъ“. Такіе глаголы, какъ „ручьиться“—не рѣдкость въ поэзіи Державина... Мы не имѣемъ возможности подробно остановиться на другихъ особенностяхъ языка С. Однѣ изъ нихъ болѣе удачны, другія менѣе, но всѣ онѣ такъ же мало „ужасны“, какъ только что приведенныя. Да и не въ нихъ дѣло.

„Футуристъ“—слово это не идетъ къ С. Если нужно прозвище, то для С. лучше образовать отъ слова „praesens“, „настоящее“. Его поэзія необычайно современна—и не только потому, что въ ней часто говорится объ аэропланахъ, кокот-

какъ и т. п.,—а потому, что чувства и мысли поэта суть чувства и мысли современнаго человѣка, потому что его душа—душа сегодняшняго дня. Можетъ быть въ ней отразились всѣ пороки, изломы, уродства нашей городской жизни, нашей тридцатиэтажной культуры, „гнилой, какъ рокфоръ“,—но въ ней отразилось и небо, еще синѣющее надъ нами. Образы поэта смѣлы и выразительны, пріемы—своеобразны. Онъ умѣетъ видѣть и изображать видѣнное. Его стихи музыкальны и иногда легки, какъ лучшія строки Бальмонта. Правда, коечто въ нихъ безвкусно, непріятно, развязно, но все это недостатки временные. Дарованіе поэта побѣдитъ ихъ. (*Вл. Ходасевичъ. „У. Рос.“ 1913—63*).

До сихъ поръ С.—только *поэтъ площади*, не воспѣвающій ее, но рожденный ею; здѣсь онъ выдѣлываетъ свою „мороженое изъ сирени“, думая, что это весьма „деликатное“ кушанье для „площади“, презирасмой имъ. Онъ ошибается: это кушанье грубое, хотя именно въ грубости его—его вкусъ. Но было бы грустно, если бы онъ вѣкъ остался кричать на площади, или разносить свое „мороженое изъ сирени“ по петербургскимъ дачамъ. Онъ подлинный лирическій поэтъ, и широкій путь его лежитъ отъ „дачи“—къ „природѣ“, отъ „площади“—въ лѣса, въ поля, туда гдѣ „вдохновитель его исканій—говоритъ хать“. Въ силахъ ли только онъ совершить этотъ путь и перестать выдѣлывать свое излюбленное „мороженое изъ сирени“. (*Ивановъ-Разумникъ. „Завѣты“. 1913—3*).

Нельзя не признать, что въ лицѣ С. русская поэзія можетъ привѣтствовать большой и многообѣщающій талантъ. Въ „Громокипящемъ кубкѣ“ есть нѣсколько стихотвореній, останавливающихъ вниманіе неподдѣльнымъ лирическимъ настроеніемъ и законченностью формы... Поэтъ ищетъ свою форму и, конечно, найдетъ ее. (*Вл. Кранихфельдъ. „Совр. М.“ 1913—4*).

Всѣ курьезы, капризы, вычуры, какими С. прославилъ себя, кажется, цѣликомъ остались и въ сборникѣ его стиховъ. Но въ сборникѣ замѣтнѣе и тѣ дѣйствительно прекрасныя, нѣжныя, задушевныя пьесы, которыя говорятъ о самомъ несомнѣнномъ поэтическомъ чувствованіи фофановскаго ученика. И ихъ не одна и не двѣ—ихъ много. Онъ глубоко чувствуетъ, и въ наивныхъ, немного растерянныхъ, неврастеническихъ словахъ умѣетъ разсказывать людямъ про свою грусть, про свою оскорбленную любовь, про свое обожаніе, про плачущую дѣвочку въ паркѣ, которой жалко ласточки съ переломанной лапкой

Въ дѣйствительно поэтическихъ образахъ онъ воспринимаетъ міръ, слышитъ въ шумящихъ кленахъ зеленые вальсы весны, видитъ въ тѣняхъ парка хоры позабывшихся монахинь, съ поэтической дерзостью, достойной Фофанова, превращаетъ лилію въ бокалъ для шампанскаго. Онъ чувствуетъ и весну, и позднюю осень, „когда хромаетъ ветхій мѣсяцъ, какъ половина колеса“, а морозъ выпиваетъ лужи и затягиваетъ ихъ хрупкимъ хрусталемъ... Все это хорошо и иногда прелестно у С., но какъ много рядомъ засоряющаго, безвкуснаго вычура, выдуманныхъ словъ, сравненій гостиноднорда, для котораго слово „дюшессъ“ выражаетъ превосходную степень! Какъ манерничаетъ онъ, гонясь за призраками новыхъ словъ! Какъ смѣшно и ненужно у него вѣритъ воздухъ, утрѣетъ и денѣетъ комната, и женскія ножки „молоточатъ“ паркетъ! Какой привскокъ чувствуется во всѣхъ его глаголахъ—лунѣть, якорить, іюлить, веселиться, разузорить, ажурить, вуалить, офіолить, беззвучить, озкранить, офлеритъ, обрильянтить, онездѣшниться; въ его прилагательныхъ—бальзаколѣтній, клюковый, встетный; въ его нарѣчіяхъ—панлиньевно, ореолочно, снѣгурово! Сколько дурного вкуса въ его желаніи быть изысканно тонкимъ и галантнымъ!

С. это—красавица, нюхающая табакъ, хромой принцъ, алмазъ съ отбитымъ бокомъ, джентльменъ въ пенснэ изъ польскаго золота, талантливый художникъ, почему-то предпочитающій писать помеломъ пестрые плакаты. Это не мэтръ и не ересіархъ футуризма,—наоборотъ, признаніе и любовь придутъ къ нему, конечно, въ ту минуту, когда онъ оставитъ въ дѣтской всѣ эти раннія игрушки, весь этотъ ажуръ парикмахерски прифранченныхъ словъ и найдетъ спокойный и честный языкъ для выраженія тѣхъ нѣжныхъ, наивныхъ, прелестно-грустныхъ переживаній, какія знаетъ его душа. Не рожденный въ княжьей колыбели, онъ сдѣлаетъ тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣе оставитъ своихъ придуманныхъ принцессъ и чѣмъ скорѣе выйдетъ изъ роли куприискаго героя „Гранатоваго браслета“. Не исключительное, но своеобразное, искреннее дарованіе можетъ сдѣлать изъ него задушеваго, нѣжнаго поэта, именно въ фофановскихъ тонахъ. Надо только перестать водить знакомство съ госпожою Пошлостью и сознать, что признаніе въ литературѣ покупается не гевалтомъ и благимъ матомъ, а только искренностью таланта. Тотъ ненастоящій, окалошенный, орекламленный, съ 30-ю тысячами интерныоеровъ и „льстивой снтой“, С. остался бы только мишенью газетныхъ острот. Передъ настоящимъ—иная дорога, гдѣ ему говорятъ: „добро пожаловать!..“ (*А. Измайловъ. „Рус. Сл.“. 1913—112*).

612. Штернъ, Е. 891.7—14

Современные русскіе лирики. 1907—1912. Стихотворенія. Спб. 1913. Стр. 325. Ц. 2 р.

Это сборникъ образцовъ нашей лирической поэзіи послѣдняго пятилѣтія. Преобладаютъ, разумѣется, такъ называемые модернисты всевозможныхъ школъ и оттѣнковъ. Но сборникъ составленъ все-таки объективно: на-ряду съ ними приведены и стихотворенія поэтовъ другого лагеря, тѣхъ, которые пишутъ въ тонахъ нашего былого, классическаго творчества.

Модернисты представлены въ сборникѣ значительно полнѣе, но для характеристики истекшаго пятилѣтія ихъ произведенія являются несомнѣнно документами болѣе важными. Только едва ли много цѣнныго оставитъ въ наслѣдство будущимъ поколѣніямъ наши современныя школы, яко бы ищущія новыхъ путей. Въ этихъ искаяіяхъ нѣтъ искренности, и производятъ онѣ впечатлѣніе самаго грубаго оригинальничанія, желаніи хоть чѣмъ-нибудь выдѣлиться, заставить о себѣ говорить. Довольно безотрадную картину представляетъ изъ себя сборникъ русскихъ лирическихъ стихотвореній именно въ его образцахъ, наиболѣе характерныхъ для послѣдняго времени.

А вѣдь извѣстныхъ именъ среди модернистовъ сколько угодно. Только ихъ создавала своя собственная, очень пристрастная критика, но никогда дѣйствительно не любили и не могли по-

любить читатели. Это такая искусственная и холодная, такая надуманная поэзія. Есть среди нихъ и несомнѣнно талантливые люди, прекрасно владѣющіе стихомъ, совершенствующіе форму. Часто эффектны новые интересные образы, но нѣтъ искреннихъ чувствъ и настроеній, нѣтъ волнующихъ темъ у модернистовъ, потому что они намѣренно ищутъ дорогого, тщательно вытравляя все ясное и понятное, все наслѣдственно-человѣческое. О „старцахъ“ модернизма, — Брюсовѣ, Сологубѣ и др.,—говорить конечное и стоитъ: о нихъ уже все сказано, и это люди во всѣхъ отношеніяхъ конченные. Но есть поэты болѣе молодые, есть и совсѣмъ юные, которымъ еще далеко до своего послѣдняго слова. Грустно видѣть, какъ коверкается порою живая, ясная мысль въ угоду партійной критикѣ, выдуманной программѣ какого-нибудь нелѣпаго новаторства. Одно хорошо: авторитетъ „старцевъ“ падаетъ съ каждымъ годомъ. Ищутъ собственныхъ путей. И быть можетъ найдутъ наконецъ утраченную тайну художественнаго творчества: искренность настроенія и здравый смыслъ.

Въ сборникѣ есть непонятные и непростительные пропуски: ни одного стихотворенія графа А. А Голенищева-Кутузова, ни одного стихотворенія Тэффи. Есть и ошибки: къ послѣднему пятилѣтію иногда отнесены вещи, написанныя гораздо раньше. (*В. О. „Нов. Вр“. 1913—13336*).

Недостатокъ этой книги—обычный для подобнаго сборника недостатокъ: приведены образцы далеко не всѣхъ современныхъ поэтовъ, и отборъ ихъ производится по какому-то черезчуръ субъективному масштабу. Почему отсутствуютъ Будищевъ, Гербановскій, Гессенъ, Гиляровскій, Дрентельнъ, Жиркевичъ, Вл. Жуковскій, Косуновичъ, Кугушевъ, Лебедевъ, Ленцевичъ, Лукьяновъ, Львовъ, Мазуркевичъ, Павловъ, Ратгаузъ, Тулубъ, Фругъ, Червинскій, Шестаковъ, Эвгельгардтъ? Или они уже „стары“ для этого сборника? Но, если такъ, зачѣмъ фигурируютъ въ немъ Бальмонтъ, Брюсовъ, Бунинъ, Гиппіусъ, В. Ивановъ, Коринѳскій, Ладыженскій, Лохвицкая, Мережковскій, Минскій, Скитальецъ, Ѳ. Сологубъ, Вѣра Фигнеръ, Фофановъ, Чумина, Якубовичъ? Какъ видите, среди этихъ незабракованныхъ есть не только люди немолодые (или даже покойники), но и, такъ сказать, старовѣры. Или тѣ, забракованные, кажутся составителю недостаточно „достопримѣчательными“? Но неужели бѣльшаго, чѣмъ они, вниманія заслуживаютъ приведенные въ сборникѣ Вилькина, Веселкова-Кильштетъ, Генцельтъ, Гризи, Дикса, Клюевъ, Минѣева, И. Новиковъ, Сперанская, Ник. Т—о, Шагинянъ? Въ сборникѣ этомъ отсутствуютъ также и футуристы... ну, за это я не могъ бы бросить въ него камень. (*Ач. „Кіевъ. Мысль“. 1913—82*).

Книга способна быть недурнымъ пасхальнымъ подаркомъ для любителей поэзіи. Большая, старательно изданная, кн. вмѣстила бѣльшую часть современныхъ стихотворцевъ. Здѣсь и признанныя имена, и современная молодежь: Авдрусонъ, Блокъ, Василевскій, Городецкій, Годинъ, Гумилевъ, Клюевъ и даже совсѣмъ мало извѣстныя имена, въ родѣ Гризи, Генцельтъ, Бородаевская, кн. Гагаринъ и т. д.

Сколько-нибудь значительныхъ пробѣловъ въ книгѣ почти нѣтъ, и подборъ стихотвореній сдѣланъ со вкусомъ. Справедливо и предпочтеніе настоящихъ поэтовъ, которымъ удѣлено больше мѣста. Можно спорить относительно помѣщенія нѣкоторыхъ слишкомъ субъективныхъ пьесъ, но это находитъ оправданіе въ томъ, что составитель, за немногими исключеніями, считалъ себя обязаннымъ вращаться, главнымъ образомъ, въ раіонѣ послѣдняго пятилѣтія. У любителей хорошихъ стиховъ и мелодекламацій любовно сдѣланная книга Ш. встрѣтитъ несомнѣнное сочувствіе. (*„Биржъ. Вѣд“. 1913—13192*).

Прекрасно изданная книга, составленіе которой потребовало, несомнѣнно, много упорнаго труда, содержитъ образцы 75 современныхъ поэтовъ. Подборъ ихъ, къ сожалѣнію, далеко не выдержанъ и не соотвѣтствуетъ періоду времени, указанному составительницей въ заголовкѣ (*В. С. „День“. 1913—153*).

613. Альгренъ, Э. 839.7—3

Собр. сочиненій. Т. I. Маріанна. Романъ. Перев. В. Фирсова. Изд. „Просвѣщеніе“. Спб. 1913. Стр. Ц. 1 р.

Предпринято собраніе сочиненій Викторіи Бенедиктсонъ, писавшей подъ мужскимъ псевдонимомъ Эрнстъ Альгренъ. Уже безъ малаго 25 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ эта талантливая неудачница, подавленная физическими и моральными страданіями, несчастная въ личной жизни, покончила съ собою (лѣтомъ 1888 года). Романъ „Маріанна“, появившійся теперь въ русскомъ переводѣ, считается однимъ изъ лучшихъ произведеній шведской беллетристики. Въ этомъ романѣ особенно интересна личность земледѣльца Бергера, крестьянина по происхожденію, энергичнаго и предпріимчиваго работника, который женится на принадлежащей къ иному кругу, воспитанной въ совершенно другихъ понятіяхъ Маріаннѣ, заранѣе обрекая себя на цѣлый рядъ недоразумѣній и конфликтовъ, въ тайной надеждѣ рано или поздно перевоспитать и приблизить къ своимъ взглядамъ избалованную, несвободную отъ предразсудковъ, но горячо любимую имъ женщину. Бергеръ выведенъ необыкновенно цѣльною, здоровою, энергичною натурою, скрывающею за внѣшнею грубоватостью, иногда суровостью много отзывчивости и благородства. Затяжной конфликтъ между представителями двухъ различныхъ міросозерцаній и общественныхъ слоевъ заканчивается желанной гармоніей. (*Ю. Веселовскій. „Рус. Вѣд.“*).

Романъ написанъ живо и читается съ интересомъ, хотя герой его все время раздражаетъ читателя своей узостью, даже ограниченностью, какъ не старается авторъ представить его умнымъ, тенденціозно подчеркивая при всякомъ удобномъ случаѣ, что это „мужикъ“, выходецъ изъ народа. (*М. Н. „Нов. Журн. д. Вс.“ 1913—1*).

Романъ, благодаря незаурядности, свѣжести и глубокому реализму таланта автора, занимаетъ видное мѣсто въ современной скандинавской литературѣ. (*„Изв. по Лит.“ 1913—1*).

Въ отдѣлѣ (издательства) скандинавскомъ почти безвѣстный Э. Альгренъ по справедливости долженъ былъ бы уступить мѣсто совершенно незнакомымъ лишь у насъ, но замѣчательнымъ писателямъ Альквисту, Генденстаму, пожалуй Киркегору. Въ намѣченномъ выборѣ слишкомъ временное и случайное слишкомъ часто предпочтено подлиннымъ общечеловѣческимъ цѣнностямъ. Къ книгѣ приложенъ критико-біографическій очеркъ Б. Н. Сильверсвана, своей слишкомъ ужъ „спартанской“ краткостью напо-

минающій словарныя справки. Внѣшность изд. вполнѣ удовлетворительна. (*А. Левинсонъ. „Совр. М.“ 1913—3*).

614. **Гребенщиковъ, Г.** 891.7—3.

Въ просторахъ Сибири. Разсказы. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Сибирская художественная литература обогатилась объемистымъ томикомъ разсказовъ Г. На поворотныхъ пунктахъ жизни принято подводить итоги минувшаго, такимъ итогомъ является очевидно, и книга Г. Что-то закончилось и что-то начинается. Гребенщиковъ изучилъ, сроднился и полюбилъ немудрыхъ людей земли, и ароматами сибирской деревни и ауловъ пропитана его книга. Сочными красками реалиста-бытовика пишетъ онъ свои этюды и картины родныхъ просторовъ, радуется ихъ радостями и скорбитъ ихъ печалями. Г. подкупаетъ искренностью своихъ разсказовъ, любовно наложенными штрихами, яркостью описаній и умѣніемъ интересно разсказать даже о незначительномъ фактѣ. Всякій интересующійся жизнью Сибири не можетъ не прочесть разсказовъ Г., а прочитавшій ихъ не пожалѣетъ о томъ. Сибирь нашихъ дней живетъ многосложною жизнью переломной эпохи, здѣсь многое разрушается и многое творится заново. Г. выпало на долю стать бытописателемъ этого смутнаго времени—задача и благодарная и въ то же время чрезвычайно трудная и, во всякомъ случаѣ, не оставляющая возможности быть строго объективнымъ и Г. субъективенъ, направленіе его симпатій и антипатій не оставляетъ сомнѣній, повсюду скользятъ настроенія автора, и это дѣлаетъ книгу разсказовъ еще болѣе цѣнной, придаетъ разсказамъ внутренній согрѣвъ. Г. талантливый человѣкъ и обѣщаетъ развернуться въ довольно крупную силу, но онъ не нашелъ самого себя. (*В. Ан. „Спб. Жизнь“. 1913—45.*)

Что особенно намъ пріятно въ молодомъ писателѣ, такъ это то, что у него есть любовь къ изображаемому быту и люду. Кругъ наблюденій у него не великъ, никакихъ конъюктуръ, ни политическихъ, ни классовыхъ, онъ не иллюстрируетъ, зато почти все написанное имъ дышетъ особой простотой, которая убѣдительна, душевностью открываетъ душу изображаемыхъ... Въ своихъ описаніяхъ Г. — тонкій и вдумчивый художникъ, умѣющій наслаждаться красотой въ природѣ и говорить о ней живыми, яркими и правдивыми образами... Литература наша можетъ многаго ожидать отъ молодого, свѣжаго и бодраго дарованія, которое только начинаетъ еще развертываться (*А. Гусаковъ. „Соврем.“ 1913—5.*)

Онъ любитъ Сибирь тихой влюбленностью, съ оттѣнкомъ грусти, съ затаенными, една уловимыми слезами, которыя иной разъ, однако, явственно сказываются... Онъ внушаетъ эту любовь и читателю, заражаетъ своимъ настроеніемъ. У него на палитрѣ, правда, мало яркихъ красокъ, нѣтъ бьющихъ въ глаза словъ и образовъ, но онъ умѣетъ создавать изъ обыкновенныхъ будничныхъ тоновъ правдивую картину жизни... Въ талантѣ автора мы видимъ бодрую, молодую силу Сибири, расправляющую свои крылья надъ могучей, самобытной и полной огромнаго интереса страной. Этой странѣ нужны большіе художники, и въ лицѣ Г. мы рады привѣтствовать вдумчиваго и правдиваго бытописателя. (*В. Шишкинъ. „Завѣты“. 1913—5*).

Рядъ безхитростныхъ, искреннихъ разсказовъ. Въ книгѣ около 20 отдѣльныхъ вещей, въ центрѣ которыхъ земля, сибирскій крестьянинъ и его отношеніе къ исконной кормилицѣ, и къ новымъ, извнѣ надвигающимся условіямъ жизни. „Россія“ и переселенцы изъ нея не пользуются симпатіями автора, который видитъ въ нихъ разрушителей уклада сибирскаго крестьянства. (*„Рус. Молва“. 1913—77*).

Г. совсѣмъ не мастеръ, даже вовсе не умѣетъ писать. Но у него жизненныя, плодотворныя стремленія—стремленія просто подойти къ природѣ, или коснуться самаго глубокаго въ душѣ человѣка, или разобраться въ сложномъ и большомъ явленіи общественной жизни, въ родѣ тяги переселенцевъ на Сибирь. Всю его неуклюжесть охотно прощаешь ему за эти проблески души живой: большая это рѣдкость въ блестящей, „вычищенной“ и „выглаженной“, нынѣшней литературѣ. (*Клодъ Л. „Сарат. Вѣст.“ 1913—66*).

615. **Сергѣевъ-Ценскій, С.** 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. VI. Изд. „Книгоизд. писателей въ М“. М. 1913. Стр. 232. Ц. 1 р. 25 к.

Среди разсказовъ С.-Ц. вошедшихъ въ VI т. его сочиненій, есть нѣсколько останавливающихъ на себѣ вниманіе: „Приставъ Дерябинъ“, „Неторопливое солнце“, „Медвѣженокъ“, но есть здѣсь одинъ разсказъ, о которомъ особенно хочется говорить: это — „Нѣдра“, послѣднее по времени произведеніе С.-Ц. Когда въ сборникѣ С.-Ц. доходишь до этого разсказа, то кажется, что со страницъ книги пахнуло давно забытой весенней радостью жизни, теплымъ апрѣльскимъ дыханіемъ южной ночи.

Отъ весенней любви, озарившей юную жизнь, и отъ тихо закатившейся старой жизни вѣетъ той хорошей и чистой радостью, которая такъ рѣдко встрѣчается въ современной литературѣ. Радость эта можетъ показаться особенно неожиданной у автора такихъ мрачныхъ вещей, какъ: „Лѣсная топь“ или „Печаль полей“. Но, всматриваясь пристальнѣе въ произведенія С.-Ц., мы замѣчаемъ, что мракъ, особенно густой въ болѣе раннихъ изъ нихъ, постепенно разсѣивается, становится свѣтлѣе, словно и здѣсь откуда-то медленно приближается еще невидимое то „Неторопливое солнце“, которое С.-Ц. воспѣлъ въ одномъ изъ разсказовъ, по своему свѣтлому тону уже приближающемуся къ разсказу „Нѣдра“. (*Л. Козловскій. „Рус. Вѣд“. 1913—94*).

Отъ этой книги, написанной такимъ простымъ и красивымъ языкомъ, вѣетъ глубокой оригинальностью. Если бы я не боялся того отрицательнаго эффекта, который производитъ это избитое выраженіе, я сказалъ бы, что помѣщенные въ этомъ томѣ разсказы вносятъ какую-то свѣжую струю въ литературу. Ибо въ нихъ есть та красивая непосредственность, которая дѣлаетъ самое пережеванное свѣжимъ. С.-Ц. пишетъ о простыхъ, извѣстныхъ вещахъ, о бѣлоглазой нянькѣ Пелагеѣ, о лѣнивомъ и пьяномъ печникѣ, о шестнадцатилѣтней Варенькѣ и влюбленномъ въ нее гимназистѣ Костѣ, о теплой и удобной жизни въ деревянныхъ, одноэтажныхъ домахъ,— и въ его изложеніи знакомое становится знакомѣе, ближе; простое—яснѣе и понятнѣе. Періодъ странныхъ метафоръ и нелѣпыхъ словес-

ныхъ деряновеній закончился. С.-Ц. нателъ себя. Нашолъ тихія, мечтательныя и глубокія слова, которыя творятъ что-то новое и прекрасное, и отъ которыхъ его обыденныя темы становятся талантливыми и оригинально построенными произведеніями. Какъ достигаются такія превращонія? Спросите самаго художника, и онъ вамъ скажетъ:

„Нужно сѣсть на одну изъ истерзанныхъ перочинными ножичками и исписанныхъ карандашами старенькихъ скамеекъ, сѣсть плотнѣй, и сидѣть долго и молча: смотрѣть, слушать и думать; не говорить, потому что слова отпугиваютъ то, что приходитъ.

Тогда будетъ исподволь просачиваться внутрь какая-то одна для всего въ мірѣ... — какъ назвать это?—душа ли, тайна ли, мысль или вѣчность, или какъ еще, — все равно, какъ ни назови, все будетъ не то, потому что нѣтъ слова для этого... — и все зазвучитъ согласно, и къ одной какой-то общей точкѣ схода, отъ всего кругомъ пройдутъ черезъ тебя горизонтали...

Эти пристальныя къ жизни тихія минуты, если сбылись онѣ, ихъ нужно беречь, какъ пасхальныя свѣчи, — онѣ рѣдки. Онѣ приходятъ изъ нѣдръ жизни и все преображаютъ, неизвѣстно какъ: и темную дубовую рощу, и жуткость рѣки, на днѣ которой съ той стороны переплелись корни и выпьи крики, которые въ другое время пугаютъ“. (Стр. 206.) С.-Ц. знаетъ эти тихія мечтательныя минуты. Онъ умѣетъ молчать. Умѣетъ недвижно оставаться на мѣстѣ. Умѣетъ смотрѣть на цвѣты, которыми покрыты поля, на золотыя звѣзды, которыми обрызгано небо. И дивно умѣетъ передавать то, что онъ видитъ внутри себя въ такія торжественныя минуты. У него острый, ящеричный слухъ и неугасимый интересъ къ міру. Подобно Гамсуну, онъ бродитъ съ открытой душой по бѣлу свѣту, и его манятъ къ себѣ и „сырые огоньки вдали“, и „горластый“, влажный, упругій рокотъ лягушекъ“, и хочется ему „припасть губами къ парной землѣ, къ каждой козявкѣ, къ каждому коряному сучку“. Но больше всего онъ любитъ солнце. Солнце и солнечный—это теперь любимыя слова С.-Ц. Отъ солнца некуда дѣвать глаза въ этой книгѣ. Оно заливаетъ всѣ страницы. Эта приверженность къ солнцу надѣлила его равной симпатіей ко всему на землѣ. Для него совершенно не существуетъ нелюбимыхъ или ненужныхъ темъ. Онъ любитъ все, безъ выбора, безъ исключеній.

И такъ же легко, какъ пріобщается самъ С.-Ц. къ чужой жизни, пріобщаетъ онъ и своихъ читателей къ ней. Слѣдовать за С.-Ц. удивительно легко и пріятно. Его восторги „солнечнымъ міромъ“ не подтасованы. Онъ не прибѣгаетъ къ унизительнымъ сантиментальнымъ эффектамъ. Грубое изображаетъ онъ грубымъ, одичалое — одичалымъ. Онъ знаетъ, что жизнь нерѣдко возлагаетъ на насъ тяжелую, непосильную ношу, и онъ сурово, съ глубокимъ анализомъ говоритъ о неотвратимости катастрофы. Но это не подрываетъ его довѣрія къ жизни, его безотчетной привязанности къ ней. Вмѣстѣ съ Гамсуномъ онъ страстно вѣритъ, что изъ самыхъ нѣдръ жизни брызжетъ какая-то чистая, всеисцѣляющая струя. Что самый даръ жизни уже является богатой наградой, вручаемой намъ заранѣе, въ видѣ возмѣщенія за всѣ горести жизни, за всѣ до единой...

Въ сороковыхъ годахъ говорили: только тѣ художники хороши, которые помогаютъ намъ окунуться въ пучину дѣйствительной жизни. Несмотря на романическій и символическій элементъ въ разсказахъ С.-Ц., бытовая сторона ихъ оставляетъ неизгладимый слѣдъ. Въ этомъ отношеніи особенно сильное впечатлѣніе производитъ „Приставъ Дерябинъ“. (*Л. Войтоловскій. „Кіевъ. Мысль“. 1913—129*).

Между искусствомъ и философіей С.-Ц. существуетъ явное противорѣчіе. Въ его философіи преобладаетъ ужасъ и недовольство, тогда какъ поэзія его—источникъ благоухающей нѣжности. Но С.-Ц. рѣдко подчиняется свободному чувству. Воображеніе его постоянно работаетъ подъ контролемъ теоріи, и чувство, сдавленное разсудкомъ, обрываетъ свои мечты на полусловѣ. Въ самыя радостныя минуты не забываетъ онъ о грубости жизни, о проклятіяхъ нарушающихъ красоту, о неотвратимости катастрофы, и поэтическія видѣнія уступаютъ мѣсто зябкимъ мыслямъ „степеннаго хозяина“. Бываютъ, однако, минуты, и въ послѣднее время онѣ повторяются все чаще и чаще въ творчествѣ С.-Ц., — когда различіе между умомъ и талантомъ неожиданно обрывается, и художникъ солнца, любви и дикой привязанности къ землѣ свободно отдается своему призванію. (*Л. Войтоловскій. „День“. 1913—157*).

Настоящій шестой томъ повѣстей и разсказовъ С.-Ц. является, пожалуй, самымъ лучшимъ изъ всего, что написано этимъ авторомъ послѣ знаменитой „Лѣсной топи“. Процессъ творческаго броженія идетъ на убыль, эксцессы сглажены, глубина яснѣе. Отъ того опаснаго кризиса, который не такъ давно пережила художественная эволюція талантливаго беллетриста, теперь почти не осталось и слѣда. Бодрая ясность и здоровая простота, цѣльность и жизнерадостность являются теперь непремѣнными спутниками С.-Ц., и мы съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія констатируемъ этотъ поворотъ. Тонкимъ мастеромъ проявилъ себя авторъ и въ изящныхъ беллетристическихъ миніатюрахъ: „Снѣгъ“, „Полубогъ“ и „Четыре подковы“, также вошедшихъ въ этотъ послѣдній томъ. Особенно хороша послѣдняя миніатюра, сдержанно разсказывающая объ очарованіи „загадочной женской души, которая никогда не знаетъ, чего она хочетъ, никогда не знаетъ, куда идетъ, всегда спрашиваетъ и всегда забываетъ отвѣты“... (*Г. Вяткинъ. Сиб. Жизнь“. 1913—121*).

Авторъ снова воскресаетъ передъ нами, какъ могучій, окрыленный поэтъ! То-то и драгоцѣнно, что такими скользкими, кривыми тропинками онъ выбрался на этотъ новый путь! Гдѣ только онъ ни побывалъ по дорогѣ. Былъ и анархистомъ (мистическимъ!), и „смертяшкинымъ“, и даже кубистомъ, безсознательнымъ предтечей теперешнихъ. (См. „Береговое“, „Безстѣнное“.) Куда только онъ ни тратилъ свой щедрый, богатый талантъ! Перепробовалъ всѣ идеологіи нашей пореволюціонной эпохи и вотъ, наконецъ-то, пришелъ къ этой древней, но для насъ неожиданной, новой: любите, обнимите другъ-друга... Мертвецы иногда воскресаютъ, и, быть можетъ, поэзія Ц.— первая вѣсть о воскресеніи. (*К. Чуковскій. „Рус. Сл.“ 1913—99*).

Авторъ выбиваетъ насъ изъ колеи нашей обычной жизни и властно возвращаетъ насъ къ нашимъ, давно, думалось, истлѣвшимъ, пятнадцати годамъ, когда всѣ мы въ такія же точно

ночи смущенно и растерянно сопровождали нашихъ Варенекъ, внимали благоговѣйно ихъ болтовнѣ, что-то говорили сами,—о синей дымкѣ юности, сгинувшей, думали мы, невозвратно, невоскрешаемой, но магіей художника вдругъ воскрешенной. Яркія у него здѣсь („Нѣдра") краски, пластичны характеры, непередаваемо соченъ языкъ, но всего плѣнительнѣе—это распространенное надо всей повѣстью сіяніе ранняго, вѣющаго ароматами, апрѣльскаго утра,—или весны?—или любви? (*Клодъ, Л. „Сарат. Вѣст."* *1913—116*).

Съ глубокимъ интересомъ заставляетъ С.-Ц. критику слѣдить за каждымъ своимъ новымъ произведеніемъ. Съ чувствомъ огромной радости можетъ свидѣтельствовать критика о продолжающемся ростѣ этого подлиннаго, Божіей милостью, таланта, исколесившаго до своего признанія, много кривыхъ тропинокъ и такъ недавно еще выбившагося, наконецъ, на широкую и ровную дорогу. (*Вл. Кр. „Совр. М."* *1913—4*).

С.-Ц. давъ отъ природы талантъ, но онъ этимъ талантомъ только забавляется: скользитъ по поверхности, не вдумываясь ни въ жизнь, ни въ свои впечатлѣнія,—не хочетъ снимать мастерской шапочки. Два самыхъ крупныхъ разсказа—„Медвѣженокъ" и „Приставъ Дерябинъ" оставляютъ странное, двойственное впечатлѣніе. Правильный, четкій рисунокъ вдругъ переходитъ въ какія-то капризныя загзаги, у читателя рябитъ въ глазахъ, и возникаетъ невольный вопросъ:

— Собственно, для чего все это написано?

Вся книга Ц. съ первой до послѣдней страницы оставляетъ какое-то тяжелое недоумѣніе. Тяжелое потому, что поражаетъ внутреннее равнодушіе автора, безсознательность творчества, отсутствіе любви къ тому, что онъ изображаетъ. Безсознательность творчества типична для нашего времени, когда холодное искусство внѣшней техники стоитъ на первомъ планѣ и все приносится въ жертву манерной изысканности рисунка. Въ литературѣ господствуетъ nature morte, убивая въ корнѣ живую мысль и теплоту чувства. Второстепенное царитъ надъ главнымъ и въ кропотливой чеканкѣ случайныхъ деталей теряется самый замыселъ произведенія. (*Гаррисъ. „У. Рос."* *1913—63*).

616 Шадринъ, И. 891.7—3

Бурса. Повѣсть изъ современной жизни духовныхъ семинарій и духовенства. Спб. — 1914. Стр. 369. Ц. 1 р. 50 к.

Это очень грустная повѣсть. И если она не производитъ особенно глубокаго впечатлѣнія, то потому, что при литературномъ хорошемъ слогѣ, какимъ она написана, она представляетъ не высокохудожественное произведеніе, а близкое къ прозѣ повѣствованіе о жизни семинаристовъ во главѣ съ главнымъ героемъ, Гришей. Больше, чѣмъ другими, авторъ интересуется жизнью Гриши, и мы видимъ его не только въ семинаріи, начиная съ третьяго года ученья въ ней, но и въ домашней обстановкѣ, у дикаго и пьянаго самодура отца—діакона одного изъ небольшихъ селъ сѣверной полосы Россіи. Шагъ за шагомъ разсказываетъ авторъ о четырехъ годахъ семинарской жизни, до выпускныхъ экзаменовъ, а попутно изображаетъ его товарищей и представителей духовенства и свѣтскихъ людей, съ которыми сводитъ его судьба. Нѣкоторыя второстепенныя лица повѣсти изображены довольно подробно. Но обходится и безъ романа, и страницы, ему посвященныя, довольно интересны, какъ и тѣ, что посвящены литературному творчеству Гриши и его литературнымъ интересамъ.

Въ общемъ, повѣсть читается не безъ интереса, хотя по яркости и силѣ изображенія бурсацкой жизни далеко уступаетъ „Бурсѣ" Помяловскаго. Цѣна книги, принимая во вниманіе приличную внѣшность изданія и большой объемъ, не высока. (*П. Н. „Вятск. Р."* *1913—38*).

Авторъ не нашелъ въ жизни бурсы яркихъ, запоминающихся образовъ. Его повѣствованіе окрашено въ сплошной черный цвѣтъ. Какъ художественное произведеніе, книга Ш. не существуетъ, ибо написана разговорно-сѣрымъ языкомъ. Вмѣсто типовъ и обобщеній въ книгѣ одинъ лишь назойливый „бытовой" матеріалъ, къ тому же подобранный тенденціозно. (*„Рус. Молва". 1913—140*).

Въ заключеніе своей объемистой книги авторъ извиняется передъ читателемъ за сѣрое содержаніе своей повѣсти: не онъ виноватъ, — виновата сѣрая жизнь. Конечно, если бы жизнь бурсы изобиловала яркими моментами, то и при отсутствіи художественной обработки „Бурса" Ш. читалась бы съ большимъ интересомъ. Но и про сѣрую жизнь можно было бы болѣе ярко и интересно разсказать, чѣмъ Ш. Жизнь прежней бурсы, которую описывали Помяловскій, или еще раньше Нарѣжный, не была яркою, а описанія ея получились яркія и интересныя. Положительную сторону книги Ш. составляетъ ея правдивость: при отсутствіи выдумки авторъ, повидимому, разсказываетъ все, какъ было, и только то, что было. И прочитать его стоитъ лишь для того, чтобы убѣдиться, какъ мало въ сущности „бурса" измѣнилась со временъ Помяловскаго. (*Л. Козловскій. „Рус. Вѣд."* *1913—117*).

Книга Ш. даетъ много интереснаго. Авторъ самъ прошелъ суровую школу семинарской „учебы", на себѣ испыталъ бездушное, лицемѣрное чисто формальное отношеніе отцовъ-ректоровъ, преподавателей и надзирателей и картины, рисуемыя имъ въ своей книгѣ, недалеки по изображенію отъ картинъ Помяловскаго... Авторъ, не претендуя на изящество языка, правдиво изложилъ то, чему былъ свидѣтель, что самъ испыталъ, и книга скорѣе носитъ характеръ автобіографіи; читается она съ интересомъ и легко. (*„Куб. Край". 1913—28—V*).

617. [. . . . . 85—8

Новеллы итальянскаго Возрожденія, избранныя и переведенныя Б. Муратовымъ. Изд. К. Ф. Некрасова. Ц. за два тома 5 р.

Это очень удачная мысль—дать русскому читателю выборку изъ новеллъ итальянскаго Возрожденія, того рода литературы, который полнѣе и ярче всѣхъ отражаетъ въ себѣ внѣшнюю жизнь, духъ и вкусы итальянскаго общества XIV—XVI вѣковъ. Книга получилась очень интересная, поучительная и яркая. При нынѣшнемъ литературномъ оскуденіи всякій освѣжится душой, перелистывая страницы выбранныхъ и переведенныхъ г. Муратовымъ новеллъ. Эти разсказы, веселые и грустные, забавные и жестокіе, благочестивые и непристойные, должны радовать читателя, утомленнаго изысканностью, надуман-

ностью, надорванностью современной беллетристики. Они такіе простые, въ нихъ такой здоровый эпизмъ, изображаютъ они такія человѣческія чувства, въ нихъ столько естественнаго драматизма комическаго и трагическаго: недаромъ они служили неисчерпаемымъ источникомъ сюжетовъ для мастеровъ европейской драмы. Иногда въ нихъ появляется элементъ чудеснаго,—отзвукъ легенды, созданной народной религіей, или среднев'вковыхъ героическихъ преданій. Но это чудесное очеловѣчено и какъ-то приближено къ естественному у новеллистовъ, пестрыхъ дѣтей городской, дѣловой культуры,—даже тогда, когда чудесный элементъ почти переходитъ въ волшебную сказку, какъ у Страпарозы. Романтизмъ итальянской новеллы—совсѣмъ особенный; онъ ближе къ жизни, чѣмъ въ какой бы то ни было другой затронутой романтикой литературной полосѣ.

Такова литературная сторона книги г. Муратова. Она, повидимому, была ему особенно близка и дорога. И, должно быть, оттого, что ему была близка и дорога литературная сторона новеллъ Возрожденія,—у него недостаточно освѣщено ея культурно-историческое значеніе. Что даетъ новелла для характеристики быта, соціальныхъ отношеній, нравовъ и чувствъ Италіи XIV—XVI вѣка,—объ этомъ говорится сравнительно мало въ комментаріяхъ г. Муратова, гораздо меньше, чѣмъ это было нужно. Преобладаніе литературныхъ интересовъ надъ историко-культурными сказались даже въ подборѣ новеллъ. Когда матеріалъ такъ необъятно великъ, какъ у г. Муратова, всякій подборъ естественно носитъ субъективный характеръ. Нѣтъ необходимости противопоставлять другіе критеріи выбора критеріямъ г. Муратова. Но одно замѣчаніе должно быть сдѣлано: нельзя было такъ обдѣлать и обезцвѣчивать Саккетти. Ему нужно было дать не 12 новеллъ, а значительно больше, и вмести нѣсколько болѣе для него типичныхъ. А потомъ при томъ интересѣ, который г. Муратовъ питаетъ къ литературной сторонѣ новеллистики Возрожденія, — какъ было пропустить новеллу Луиджи да-Порта „Giulietta e Romeo", въ которой грустный сюжетъ, разработанный еще Мазуччіо, впервые пріуроченъ къ Веронѣ, къ Монтекки, къ Капулетти?

Переводъ выполненъ очень хорошо, съ любовью и знаніемъ. Къ сожалѣнію, отсутствуютъ какія бы то ни было указанія на литературу. *(А. Дживилеговъ. „Рус. Вѣд." 1913—105)*..

Индивидуальныя черты у двѣнадцати писателей, избравшихъ произведенія которыхъ переведены П. Муратовымъ, выражены слабо, и всѣ они объединены общимъ духомъ и родственной манерой письма. То граціозно-веселыя и остроумныя, то трогательно-чувствительныя и даже полныя драматизма, эти пятьдесятъ новеллъ воссоздаютъ красочную жизнь далекаго прошлаго Италіи и увлекаютъ современнаго читателя своей непосредственностью и свѣжестью. Вступительная статья П. Муратова, написанная съ большимъ проникновеніемъ въ эпоху, даетъ свѣдѣнія о личности и судьбѣ каждаго изъ новеллистовъ чинквечento. *(Вл. Смѣльскій. „День". 1913—106)*.

Даже совершеннаго новичка книга вводитъ въ густую и стильную атмосферу вѣка. Для беллетриста и драматурга это неистощимый сборникъ темъ, поддающихся самымъ разнообразнымъ варіантамъ. *(А. Измайловъ. „Рус. Сл." 1913—108)*.

Прекрасна мысль Муратова познакомить насъ съ эпохой по первоисточникамъ. Знакомство съ новеллами треченто и кватроченто дастъ много новаго и для тѣхъ, кто знакомъ хорошо и съ исторіей живописи того времени. Въ этихъ новеллахъ ярко отразилась жизнь того времени: предъ читателемъ живо возникаютъ различныя картины быта и люди этой интересной эпохи. Вообще книга Муратовымъ составлена интересно и толково. *(А. Е. „Нов. Вр." 1913—13305)*.

Трудъ М. выполненъ добросовѣстно и всесторонне. *(Ач. „Кіев. Мысль". 1913—129)*.

Этотъ новѣйшій трудъ отличнаго писателя нельзя не встрѣтить съ особеннымъ удовлетвореніемъ. Слѣдуетъ отмѣтить ту свободу и увѣренность, съ которой составитель обращается съ интереснымъ матеріаломъ, выдержанность переводовъ, самостоятельность въ выборѣ образцовъ. Издана книга скромно, но достаточно хорошо. *(А. Левинсонъ. „Совр. М." 1913—4)*.

Необыкновенная живость разсказа, максимумъ художественнаго дѣйствія при чрезвычайной экономіи внѣшнихъ средствъ — таковы положительныя качества новеллы. Конечно, далеко не всѣ извѣстные намъ разсказчики XIV—XV столѣтій стоятъ на одинаковой высотѣ. Одни изъ нихъ черезчуръ безстыдны, какъ Джентиле Сермини, другіе любятъ кстати и не кстати расточать нравственныя поученія, какъ Франческо да Барберино, но въ общемъ сборникъ новеллъ представляетъ увлекательное чтеніе. *(П. И. „Съв. Зап." 1913—3)*.

Въ общемъ замыселъ М. несомнѣнно заслуживаетъ всякаго сочувствія. Исполненіе его технически вполнѣ хорошее. Переводы правильны, характеристики удачны. Но такъ какъ авторъ недостаточно цѣнитъ историко-бытовую сторону своего матеріала и невольно отдаетъ дань эстетическимъ предпочтеніямъ, то „Новеллы" вышли просто занимательной книгой для чтенія. Замыселъ автора „Образы Италіи" давалъ право разсчитывать на большее. *(А. Дживилеговъ. „Гол. Мин." 1913—2)*.

Съ гораздо бо́льшимъ интересомъ читаются не самыя новеллы, а обширное предисловіе Муратова, гдѣ онъ даетъ свѣдѣнія о жизни и личности авторовъ помѣщенныхъ въ книгѣ произведеній. *(„Рус. Молва" 1913—168)*.

618. Кэнджиро, Токутоми. 895.6

Лучше не жить! Японскій романъ. Перев. подъ ред. и съ предисл. Льва Жданова. Спб. 1913. Кн—во „Прометей". Ц. 1 р. 25 к.

„Лучше не жить",—исторія несчастной, подавленной недугомъ, рано угасающей женщины, извѣдавшей черствость и безсердечность людей. Европейскій беллетристъ по другому разработалъ бы подобный сюжетъ, удѣлилъ бы болѣе вниманія тонкому психологическому анализу или ввелъ бы въ свое повѣствованіе яркія реалистическія сцены, изображающія семейную обстановку, тяжелыя физическія и нравственныя страданія главной героини. Авторъ „Лучше не жить" скупъ на детали, о многомъ умалчиваетъ, кое-что смягчаетъ, избѣгаетъ всего слишкомъ рѣзкаго или ультра-реалистическаго. Композиція романа элементарна; всякаго рода параллели съ европейскою беллетристикою должны быть устранены съ самаго начала. Въ романѣ есть безспорныя вѣдочеты, даже помимо техническихъ дефектовъ; отъ нѣкоторыхъ пріемовъ вѣетъ чѣмъ-то для

насъ уже пережитымъ; таково, напримѣръ, противопоставленіе положительнаго героя—отрицательному, который, подобно нѣкоторымъ героямъ старыхъ мелодрамъ, является воплощеніемъ всѣхъ низкихъ замысловъ, всѣхъ видовъ коварства, злобы и страсти къ интригамъ... И все же этотъ своеобразный романъ производитъ мѣстами впечатлѣніе на читателя. Личность главной героини, искренней, любящей и глубоко несчастной Нами-Ко, вызываетъ невольную симпатію. Молодая женщина заболѣваетъ неизлѣчимымъ недугомъ, ее разлучаютъ съ любимымъ мужемъ, по японскому обычаю отсылаютъ обратно въ родительскій домъ, что знаменуетъ собою расторженіе брака. Свекровь, съ самаго начала ее не взлюбившая, выступаетъ защитницей старыхъ традицій и интересовъ доблестнаго рода, якобы требующихъ, чтобы безнадежно больная женщина была отослана къ роднымъ. Супругъ Нами-Ко, надѣленный по волѣ автора всѣми добродѣтелями, все же преклоняется передъ такимъ рѣшеніемъ, хотя и съ болью въ сердцѣ. Нравственное потрясеніе, перенесенное молодой женщиной, оказывается слишкомъ сильнымъ для нея; она вскорѣ угасаетъ. И во всей исторіи этой несчастно сложившейся жизни, при всей примитивности композиціи, есть все-же что-то правдивое, жизненное и трогательное. (*Ю. Веселовскій. „Рус. Вѣд.“ 1913—122*).

Романъ поэтиченъ трогательной чувствительностью автора и неуловимой прелестью стиля. Разсказъ занимателенъ и читается съ интересомъ. Читатель не найдетъ въ этомъ романѣ большихъ заданій и разрѣшенія „вѣчныхъ вопросовъ“. Японскій романъ побѣждаетъ читателя другимъ: свѣжестью переживаній автора и его героевъ. „Добрые“ побѣждаютъ „злыхъ“, добро торжествуетъ; такая тривіальность развязки все же не шокируетъ, ибо чувствуется подлинность разсказаннаго. Картины войны Китая съ Японіей—случайны и эпизодичны и не связаны съ общимъ дѣйствіемъ романа. (*„Рус. Молва“. 1913—160*).

Безыскусственное, наивно-трогательное повѣствованіе о судьбѣ молодой женщины — напоминаетъ прежнія хорошія дѣтскія книги: такъ непривычно-просты для современнаго читателя и самый стиль японскаго писателя, и несложная психологія страдающихъ героевъ, и схематическое раздѣленіе героевъ на добродѣтельныхъ и порочныхъ. Своеобразное сочетаніе деспотическихъ восточныхъ традицій съ новой европейской культурой, семейный укладъ, патріотизмъ японцевъ ярко выступаютъ со страницъ этого примитивнаго романа. Интересенъ образъ пожилой японки, неожиданно открывшей въ евангельскомъ ученіи источникъ примиренія съ жизненными страданіями; слабо очерчены и не типичны картины японско-китайской войны 1894 года. У себя на родинѣ романъ выдержалъ 100 изданій—свидѣтельство огромной популярности; русскимъ же читателемъ книга прочтется съ несомнѣннымъ интересомъ, какъ талантливый образчикъ своеобразнаго творчества чуждой культуры, до сихъ поръ загадочнаго Дальняго Востока. Языкъ перевода далеко не безупреченъ. (*„День“. 1913—119*).

Сравнить этотъ романъ съ любымъ европейскимъ беллетристическимъ произведеніемъ—значитъ сразу дать ему отрицательный отзывъ. Архитектура его чрезвычайно примитивна, и для мало-мальски искушеннаго читателя всѣ эти противопоставленія добра и зла, наивности и коварства отдаютъ забытыми мелодрамами и вызываютъ подчасъ нестерпимую досаду. Но тутъ для оживленія интереса автору приходитъ на помощь (мы имѣемъ, конечно, въ виду европейскаго читателя) неизвѣстный намъ бытъ и своеобразныя детали соціальныхъ отношеній въ Японіи. Этотъ чисто этнографическій элементъ становится, такимъ образомъ, центромъ вниманія читателя, а все прочее отодвигается на задній планъ, не исключая даже психологическаго анализа героини, несчастной японки Нами-Ко, попавшей въ обстановку безсердечныхъ людей, преданныхъ старымъ традиціямъ. Но романъ все же не лишенъ правдивости, подчасъ даже трогательной и, во всякомъ случаѣ, можетъ нѣсколько познакомить читателя съ характеромъ творчества писателей страны „Восходящаго Солнца“. (*„Рѣчь“. 1913—155*).

* **Николай Михайловичъ**, в. кн. 91(47):92(А)
См. порядк. № 619.

619. Николай Михайловичъ, в. кн. 92(А):(47)

Императоръ Александръ I. Опытъ историч. изслѣдованія. Т. I. Текстъ и прилож., съ 19 табл. портретовъ и рис. Стр. XIII + 580. Т. II. Приложенія. Стр. V + 745. Спб. 1912.

Новая книга в. кн. Николая Михайловича, напечатавшаго уже нѣсколько цѣнныхъ работъ по исторіи Александровской эпохи и издавшаго рядъ важныхъ документовъ этой эпохи, посвящена личности Имп. Александра I. При этомъ авторъ сознательно ограничилъ свою задачу сравнительно тѣсными предѣлами... „мы давали и даемъ,— говоритъ онъ,—матеріалы, которыми будущіе русскіе историки могутъ воспользоваться“. Это послѣднее опредѣленіе, впрочемъ, слишкомъ узко для той книги, къ которой оно относится. Матеріаловъ въ новой книгѣ опубликовано дѣйствительно немало. Въ двухъ ея томахъ немного менѣе 1000 стр. большого формата занято приложеніями и среди послѣднихъ встрѣчается много чрезвычайно цѣнныхъ и интересныхъ документовъ, извлеченныхъ издателемъ изъ архивныхъ хранилищъ. Наряду съ этимъ матеріаломъ, однако, большой интересъ въ новой книгѣ представляетъ и самый текстъ ея. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ болѣе или менѣе цѣннымъ матеріаломъ и съ комментаріями къ нему, а съ самостоятельнымъ историческимъ изслѣдованіемъ. При этомъ авторъ послѣдняго желаетъ стоять на чисто научной почвѣ, рѣшительно отказываясь отъ всякаго рода апологетическихъ соображеній. Единственною цѣлью этого изслѣдованія онъ ставитъ сообразную съ историческими фактами характеристику личности Александра I. И сравнительно съ обычными изображеніями Александра I въ прежней исторической литературѣ эта характеристика заключаетъ въ себѣ много новаго и оригинальнаго. Съ ней придется поэтому считаться всѣмъ, кто интересуется временемъ Александра I, тѣмъ болѣе, что въ значительной своей части она опирается на свѣжій матеріалъ, вновь вводимый ея авторомъ въ научный оборотъ.

Необходимо сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Прежде всего, заключающееся въ ней изслѣдованіе, даже въ тѣхъ предѣлахъ, въ какіе его

поставилъ самъ авторъ, носитъ не вполнѣ законченный характеръ. Авторъ далеко не съ одинаковымъ вниманіемъ и не съ одинаковой обстоятельностью останавливается на разныхъ сторонахъ жизни Александра I и на различныхъ моментахъ его царствованія. По отношенію къ тѣмъ моментамъ, для которыхъ въ распоряженіи автора не имѣется новаго матеріала, онъ нерѣдко довольствуется простыми ссылками на предшествующую литературу, притомъ подчасъ черезчуръ бѣглыми и недостаточно точными, благодаря чему читатель его книги иной разъ можетъ получить не совсѣмъ ясное представленіе о затрагиваемыхъ въ ней вопросахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ и въ собственныхъ своихъ утвержденіяхъ допускаетъ черезчуръ большую поспѣшность и категоричность, соединенныя иногда съ недостаточною обоснованностью. Въ результатѣ его книга не вполнѣ свободна отъ кое-какихъ пробѣловъ, а временами и отъ рискованныхъ утвержденій, съ которыми трудно было бы согласиться. Кое-что авторъ оставляетъ въ тѣни, кое о чемъ, входящемъ въ его тему, говоритъ только вскользь, и лишь на нѣкоторыхъ сторонахъ жизни избраннаго имъ для изслѣдованія лица останавливается достаточно подробно и обстоятельно, давая такимъ образомъ читателю не столько полную характеристику, сколько подготовительный этюдъ къ ней. Но въ качествѣ такого этюда изслѣдованіе автора имѣетъ большую и серьезную цѣну. (*В. Мякотинъ. „Рус. Бог." 1913—1*).

Есть „аристократическія" книги и „демократическія" книги. Первыя изъ нихъ предназначаются для избранныхъ, вторыя стараются проникнуть въ толщу населенія. Книги перваго рода пользуются въ Россіи особыми привилегіями: стало почти обычнымъ явленіемъ, что для книгъ-„аристократокъ" существуетъ одна свобода печати, а для книгъ-„демократокъ"— другая, значительно ограниченная. Къ такого рода „аристократическимъ" книгамъ принадлежитъ и трудъ вел. кн. Ник. Мих. Изданная въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, недоступная по цѣнѣ для средняго обывателя, эта книга сразу привлекла къ себѣ вниманіе не только спеціалистовъ, но и вообще лицъ, интересующихся исторіей родной страны. Въ короткое время и безъ того высокая цѣна ея (15 р. за 2 т.) поднялась до 80 и даже 100 р., а сама она стала уже библіографической рѣдкостью. Какъ историческій изслѣдователь, вел. кн. Ник. Мих. находится въ исключительныхъ условіяхъ и ему открываются такія сокровищницы архивныхъ матеріаловъ, которыя для другихъ историковъ лишь pia desiderata... Нельзя отрицать, что самый очеркъ автора представляетъ также значительный интересъ и съ удовольствіемъ прочтется читателемъ не-спеціалистомъ, если эта книга попадется ему въ руки. Въ своей характеристикѣ Александра I авторъ не пошелъ по шаблонному пути, а, пользуясь обширнымъ фактическимъ матеріаломъ документальнаго характера, попытался дать безпристрастное изображеніе своего предка, каковы бы не были отрицательныя черты его жизни и характера. Слѣдуетъ признать, что автору въ значительной степени удалось удержаться на границахъ сравнительно объективнаго изслѣдованія вопроса, но во многихъ мѣстахъ книги чувствуются націоналистическія тенденціи и автократическія навыки мысли. Несомнѣнно, характеристика Александра I, сдѣланная однимъ изъ его потомковъ, имѣетъ, помимо историческаго и общественное значеніе, давая опорный пунктъ при сужденіяхъ объ этомъ императорѣ... Каковы бы ни были болѣе или менѣе крупные недостатки у книги, слѣдуетъ признать, что тѣми матеріалами, которые въ ней опубликованы, она выдвигаются въ рядъ наиболѣе важныхъ источниковъ по исторіи эпохи Александра I. (*И. Игнатовичъ. „Свѣт. Зап.". 1913—1*).

Изслѣдованіе можетъ вызвать много общихъ и частныхъ возраженій, но во всякомъ случаѣ оно будитъ мысль, ставитъ новые вопросы и даетъ новые матеріалы. Въ этомъ его большая заслуга. (*С. Мильгуновъ. „Гол. Мин.". 1913—1*).

Трудъ вел. кн. Ник. Мих. представляетъ исключительный интересъ... хотя трудъ этотъ не лишенъ нѣкоторыхъ недочетовъ въ литературномъ отношеніи, что нѣсколько мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія при первомъ его прочтеніи. Авторъ часто прерываетъ общія замѣчанія, касающіяся характеристики Государя, фактическими справками, подчасъ мелкаго характера, опуская вмѣстѣ съ тѣмъ факты и обстоятельства серьезнаго значенія, или вставками текстовъ, которые не вызываются особенно настоятельно. Все это затѣняетъ общую картину развитія личности Александра... А картина эта весьма суровая и непривлекальная. Ангелъ въ глазахъ близкихъ людей, человѣкъ, обладавшій какой-то особой силой привлеченія симпатій и восторга, Александръ въ этомъ изображеніи лишается своего свѣтлаго ореола и предстаетъ въ основѣ характера своего двуличнымъ, двоедушнымъ, злопамятнымъ, уклончивымъ, умѣвшимъ какъ никто скрывать свои истинныя чувства.

Нѣкоторыя мнѣнія автора уже вызвали возраженія и несогласія, какъ, напр., его оцѣнка роли Императора въ событіяхъ 1812 г., взглядъ на Растопчина, отношеніе къ дѣятельности Чарторыжскаго, характеристика отношеній Александра къ конституціи Царства Польскаго, взглядъ на военныя поселенія, на дѣйствіе Александра по вопросу о престолонаслѣдіи, преувеличеніе значенія угрызенія совѣсти въ жизни Императора въ связи съ убіеніемъ Павла I, недостаточное оттѣненіе взглядовъ Александра по крестьянскому вопросу и др. (*А. В. Фроловскій. „Изв. Одес. Библ. О-ва". 1913—т. II, вып. 3*).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Библіографій“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ.

Общія сочиненія [0]

2087. Лисовскій, Н. М. 016:016:05(47)„1703:1900“.

Русская періодическая печать 1703—1900 г.г. (Библіографія и графическая таблица). Вып. III. Изд. автора. Съ 48 табл. стр. 97—192.

2088. Шуваловы, А. Ѳ. 016:087.1

Новый указатель лучшихъ дѣтскихъ книгъ. Пособіе для учителей, библіотекарей, родителей и учащихся при составленіи дѣтской библіотеки и при пользованіи ею для воспитательнаго и образовательнаго чтенія въ школахъ и дома. Вып. II. Книги для учащихся старшаго отдѣленія начальныхъ училищъ, приготовительныхъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, высшихъ начальныхъ училищъ и для дѣтей соотвѣтствующаго имъ развитія. М. 1913. Изд. Думнова, Клочкова, Луковникова и К°. X+249 стр. Ц. 1 р.

Философія [1]

2089. [. . . . . 1(082)

Новыя идеи въ философіи. Непериод. изд., выход. подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 10. Методы психологіи. II. Кн-во „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. 131. Ц. 80 к.

Содержаніе: Ю. Филипченко. Предметъ зоопсихологіи и ея методы.—С. Сухановъ. Патопсихологія.—Л. Оршанскій. Наблюденіе надъ дѣтьми въ современ. психологіи.— В. Вундтъ. Психологія въ борьбѣ за существованіе. Пер. Г. Котляръ.

2090. Гомперцъ, Теодоръ. 1(38)

Греческіе мыслители. Перев. съ нѣм. Д. Жуковскаго. Т. II. Спб. 1913. Изд. Д. Е. Жуковскаго. 205 стр. Ц. 1 р. 50 к.

2091. Робинсонъ, Л. 11(C)

Метафизика Спинозы. Спб. 1913. Изд. „Шиповникъ“. 421 стр. Ц. 3 р.

2092. Барле. 133

Оккультизмъ. Опредѣленіе. Методы. Классификація. Примѣненія. Перев. Д. І. Карабановича. Подъ ред. А. В. Троиновскаго. Спб. 1913. Изд. журн. „Изида“. Стр. 132.

2093. Лесневскій, С. И. 16

Логическія разсужденія. I. Опытъ обоснованія онтологическаго закона противорѣчія. II. Къ анализу экзистенціальныхъ предложеній. Спб. 1913. Стр. 87.

2094. Кантъ, И. 17

Объ извѣстной поговоркѣ: „Это, можетъ быть, вѣрно въ теоріи, но не годится для практики“. II. О мнимомъ правѣ лгать изъ человѣколюбія. Перев. Над. Вальденбергъ. Спб. 1913. Стр. 78. Ц. 60 к.

2095. [. 179.3

Въ защиту жизни. Мысли Л. Толстого и другихъ, вписанныя ими въ альбомъ Ташкентской вегетаріанской столовой. „Вегетар. библ.“ Изд. „Посредникъ“. М. 1913. Стр. 30. Ц. 15 к.

2096. Галецкій, Т. 179.3:92(T)

Л. Н. Толстой и вегетаріанство. Съ нѣм. С. Раевской. „Вегетар. библ.“. Изд. „Посредникъ“. М. 1913. Стр. 32. Ц. 10 к.

Религія [2]

2097. Юнгеровъ, П. 221

Книги XII малыхъ пророковъ въ русскомъ переводѣ съ греческаго текста LXX, съ введеніемъ и примѣчаніемъ. Казань. 1913. VIII+132 стр. Ц. 1 р.

2098. Ренанъ, Э. 232:92

Жизнь Іисуса. Полный перев. съ послѣдняго фр. изд. Спб. 1913. Стр. 221. Ц. 1 р. 25 к.

Соціальныя науки [3]

2099. [. . . . . 308(47)

Статистико-экономическіе очерки областей, губерній и городовъ Россіи. Подъ ред. проф. Л. Н. Яснопольскаго.

Содержаніе: 1. Озерная область. Проф. В. Г. Бажаева. 2. Подмосковныя губ. Проф. А. Ф. Фортунатова. 3. Центрально-земледѣльческая обл. К. А. Фортунатова. 4. Сѣверная область. В. Е. Пашковскаго. 5. Малороссія. А. А. Русова. 6. Юго-Западный Край. А. П. Ярошевича. 7. Новороссія. А. А. Островскаго. 8. Прибалтійскій край. И. Е. Кестнера. 9. Бѣлоруссія и Литва. А. Власова. 10. Поволжье. Я. М. Букшпана. и В. П. Флориной. 11. Пріуральскій край. А. И. Гаркулова. 12. Царство Польское. Я. М. Букшпана. 13. Кавказъ. В. К. Родзевича-Бѣлевича. 14. Западная Сибирь. Проф. М. П. Соболева. 15. Средняя Сибирь. А. Лачкова. 16. Восточная Сибирь. С. Г. Когена. 17. Туркестанъ и Киргизскій край. М. Дьякова. 18. Финляндія. А. В. Игельстрома. Кіевъ-Деміенка. 1913. Изд. Книгоизд. Т-ва Л. М. Фишъ. Стр. 481. Ц. 2 р.

2100. Струве, П. 33

Хозяйство и цѣны. Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни. Ч. I. Хозяйство и Общество. Цѣна-цѣнность. Спб. 1913. Стр. XXXV+358. Ц. 3 р. 50 к.

2101. Янковскій, Т. Л. 342.5

На кого и въ какой мѣрѣ распространяются милости и льготы, даруемыя Указомъ 21 февраля

1913 г.? Приложенія: I. Тексты Высочайшаго Указа отъ 21-го февраля 1913 года. II. Нѣкоторыя разъясненія Сената. III. Льготы по представленію къ Высочайшимъ наградамъ. IV. Высочайшія милости по военному вѣдомству. V. Высочайшія милости по морскому вѣдомству. VI. Милости духовенству. М. 1913. Стр. 52. Ц. 30 к.

2102. Мельниковъ, А. П. 343

Таблицы высшихъ и низшихъ наказаній по закону и при дачѣ снисхожденія для трехъ возрастныхъ группъ, за содѣяніе покушенія, пособничество и попустительство преступленій, предусмотрѣнныхъ улож. о наказ. (кромѣ Разд. III и V). Псковъ. 1913. Стр. 78. Ц. 1 р. 25 к.

2103. Бронелли, П. 351(47)

„Право Русскаго Гражданина". Права и ихъ защита. Порядокъ и способъ обжалованія незаконныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, въ порядкѣ административномъ. Спб. 1913. Изд. „Молодой адвокатъ". Стр. 260+2+6. Ц. 2 р. 50 к.

*** Іорданскій, М. А.** 352:368

См. пор. № 2106.

2104. Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. 355

Крѣпость „Низовая". Эпизодъ изъ Кавказской войны. Спб. 1913. Изд. уч. по Высочайшему повелѣнію. Пост. ком. нар. чтеній. Стр. 44. Ц. 5 к.

2105. Чириковъ, Евг. 355

Поѣздка на Балканы. Замѣтки военнаго корреспондента. М. 1913. Изд. „Московск. Книгоизд." Стр. 147. Ц. 75 к.

2106. Іорданскій, М. А. 368:362

Что такое земская страховка. „Библ. по страхованію". Владимиръ-на-Клязьмѣ. 1913. Изд. 2-е, „Новое Сотрудничество". Стр. 47. Ц. 12 к.

2107. Егурновъ, И. 371

Малоспособность учащихся дѣтей и пріемы борьбы со нею. Педагогическіе очерки для родителей и воспитателей. Изд. 2-е, значит. дополн. Одесса. 1913. Стр. 116. Ц. 60 к.

Изъ предисловія: „Настоящая работа представляетъ собой попытку дать отвѣтъ на вопросъ, который имѣетъ не только специально-педагогическій, но и широкій общественный интересъ".

2108. Каптеревъ, П. и Музыченко, А. 371

Современныя педагогическія теченія. Съ рис. въ текстѣ.—„Педагог. Акад. въ очеркахъ и монографіяхъ. (Воспитаніе въ семьѣ и школѣ). Подъ общей ред. проф. А. П. Нечаева". Кн-во „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 219. Съ рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 60 к.

Содержаніе: П. Ѳ. Каптеревъ. Новыя движенія въ области народнаго образованія и средней школы.—А. Ѳ. Музыченко. Современныя педагогич. теченія въ Зап. Европѣ.

2109. Кришнамурти, Дж. (Алсіонъ). 371

Воспитаніе какъ видъ служенія. Спб. 1913. Стр. 133. Ц. 50 к.

2110. Регенеръ, Ф. 371(4)

Введеніе въ исторію европейской педагогики. Переработано Г. Поповымъ. Кіевъ. 1913. Стр. 249. Ц. 1 р. 30 к.

2111. [. 374.66

Правила для экскурсантовъ Спб. Профессіональнаго Общества Приказчиковъ-Мануфактуристовъ. Спб. 1913. Стр. 65. Съ рис.

2112. Алексѣевъ, П. 375

Правила и программы испытаній на первый классный чинъ. Законоположеніе о производствѣ въ этотъ чинъ. Съ послѣдними разъясн. и доп. Кн-во „Школа". Одесса. 1913. Стр. 86. Ц. 30 к.

2113. Алексѣевъ, П. 375

Правила и программы спеціальныхъ испытаній на учительскія звавія: Учителя уѣзднаго училища. Домашняго учителя и домашн. учительницы. Общее законоположеніе въ связи съ послѣдними разъясн. и доп. и съ прилож. подробнаго регистрата для справокъ. Кн-во „Школа". Одесса. 1913. Стр. 153. Ц. 30 к.

Филологія [4]

2114. Готье, П. 44

Тетрадь для спряженія французскихъ глаголовъ. Съ прилож.: Таблица оконченій глагловъ и образцы спряженій. Таблица неправильн. глаголовъ. Спряженіе вспомог. глаголовъ. Правила образованія временъ и употребленіе вспомог. глаголовъ. Схема образованія временъ. Особенности правописанія правильн. глаголовъ. Изд. 3-е, вновь просм. Кн-во „Школа". Одесса. (Безъ г. печ.). Стр. 20 (не нум.). Ц. 8 к.

2115. Березинъ, М. 47

Латинская азбука съ упражненіями, содержащими въ себѣ: слова, встрѣчающіяся въ латин. названіяхъ въ ботаникѣ, зоологіи, химіи и астрономіи. Латинскія выраженія, пословицы и поговорки, вошедшія въ употребленіе въ русскомъ яз.—„Начатки языкознанія. Примѣнительно къ естествен. наукамъ и русскому яз.". М. 1912. Стр. 32. Ц. 25 к.

2116. Соколовъ и Тумимъ, 491.7—1

Вопросникъ по орѳографіи. Пособіе по методикѣ русскаго языка для учительскихъ семинарій и институтовъ, педагогическихъ институтовъ и курсовъ, педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и учителей. Спб. 1913. Стр. 23. Ц. 10 к.

2117. Кульманъ, Н. К., проф. 491.7—2

Элементарно-практическая грамматика русскаго языка. Этимологія. Спб. 1913. Изд. Я. Башмакова и К°. Стр. 140. Ц. 40 к.

2118. [. . . . . 491.7—8

Букварь народной школы. Для обученія чтенію и письму въ русскихъ инородческихъ школахъ. Сост. кружкомъ учителей подъ ред. Ѳ. Борисова, Н. Лаврова и А. Сольдина. М. 1913. Изд. К. И. Тихомирова. Стр. 80. Съ рис. Ц. 15 к.

2119. [. . . . . 491.7—87

Бродскій, Л., Домашевская, Е., Мендельсонъ, Н., Реформатскій, Л., Сидоровъ, Н. и Соловьевъ, П. Нашъ міръ. Книга для занятій роднымъ языкомъ въ младшихъ классахъ средней школы. Ч. 2. М. 1913. Изд. В. В. Думнова. Стр. IV+ +398. Съ рис. Ц. 1 р.

Чистыя науки [5]

2120. [. . . . . 51(082)

Новыя идеи въ математикѣ. Неперіод. изд.,

выход. подъ ред. засл. проф. А. В. Васильева. Сборникъ № 4. Ученіе о числѣ. Кн-во „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. 123. Ц. 80 к.

Содержаніе: В. Вундтъ. Числа и ихъ символы.—Ж. Танри и Ж. Молькъ. Основные принципы ариѳметики.

2121. Казаковъ, С. А. 521

Основы теоретической астрономіи. Курсъ лекцій, читанныхъ въ Императорскомъ университетѣ. М. 1913. Изд. Р. С. Тафаревича. Стр. 152. Ц. 1 р. 50 к.

2122. Дрентельнъ, Н. С. 53(07)

Физическіе опыты въ начальной школѣ. Руководство для учащихъ, содержащее подробное описаніе пріемовъ производства простѣйшихъ опытовъ, главнымъ образомъ на самодѣльныхъ приборахъ. Спб. 1913. Изд. И. Д. Сытина. Стр. X+284. Съ 305 рис. Ц. 1 р.

2123. Ми, Г., проф. 537/8(02)

Курсъ электричества и магнетизма. Пер. съ нѣм. Ѳ. Ѳ. Соколова, подъ ред. О. Д. Хвольсона. Часть II. Электродинамика. Одесса. 1912. Изд. „Матезисъ“. Стр. 192. Съ рис.

2124. Рамзэй, Уильямъ, проф. 54

Элементы и электроны. Перев. съ англ. В. Дельгазъ. Подъ ред. проф. П. А. Шилова. М. 1913. Изд. „Соврем. Пробл.“ Стр. 181. Ц. 60 к.

2125. [. . . . . 54(082)

Новыя идеи въ химіи. Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. Л. А. Чугаева. Сборникъ № 3. Валентность. Кн-во „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. 171. Ц. 80 к.

Содержаніе: Л. А. Чугаевъ. Валентность.—Р. Абеггъ. Сродство и валентность. Пер. И. И. Жукова.—Л. А. Чугаевъ. Теорія Абегга и молекулярныя соединенія. І. Штаркъ. Ученіе о валентности на электроатомистической основѣ. Пер. С. А. Алексѣева.

2126. Рамсай, В. и др. 546

Присутствіе гелія въ газѣ изъ рентгеновской трубки. Колли, Н. Дж. и Паттерсонъ, Г. С. Присутствіе неона въ водородѣ послѣ пропусканія черезъ него электрическаго разряда при низкихъ давленіяхъ. Перев. съ англ. А. М. Васильевъ. Казань. 1913. Стр. 10.

2127. Шоломовичъ, А. С. 575.1

Наслѣдственность и физическіе признаки вырожденія у душевно-больныхъ и здоровыхъ. Казань. 1913. Стр. 330.

2128. Артари, А. П. 589

Руководящіе принципы оцѣнки воды по ея флорѣ. Съ 3 табл. въ краскахъ. Изд. „Bios“, подъ ред. пр.-доц. В. С. Елпатьевскаго. М. 1913. Стр. V+56. Ц. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. Образованіе и разложеніе органич. веществъ въ природѣ. Общая характеристика и систематич. дѣленіе простѣйшихъ формъ растительной жизни. Группировка организмовъ съ экологической точки зрѣнія. При какихъ условіяхъ показательныя формы оправдываютъ свое значеніе? Заключеніе. Литература.

2129. Воронковъ, Н. В. 589+593.1

Планктонъ прѣсныхъ водъ. Съ 129 рис. въ текстѣ. Изд. „Bios“, подъ ред. пр.-доц. В. С. Елпатьевскаго. М. 1913. Стр. VIII+317. Ц. 2 р.

Содержаніе: Характерныя черты планктонныхъ организмовъ. Составные элементы планктона. Біологическая классификація планктона. Происхожденіе прѣсноводнаго планктона. Географич. распространеніе планктона. Питаніе планктона. Физико-химическія условія въ различныхъ водоемахъ и зависимость отъ нихъ планктонныхъ организмовъ. Сезонныя измѣненія состава планктона и колебанія этого состава въ различные годы. Цикломорфозъ планктонныхъ организмовъ и ихъ сезонныя варіаціи. Вертикальное и горизонт. распредѣленіе планктона. Планктонъ водоемовъ различнаго типа. Жизнь загрязненныхъ водъ. Значеніе планктона въ хозяйствѣ человѣка. Методика планктонныхъ изслѣдованій. Основная литература по гидробіологіи. Основная литература по планктону прѣсныхъ водъ Россіи. Указатель.

Прикладныя науки [6]

2130. [. . . . . 61(082)

Новыя идеи въ медицинѣ. Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. А. М. Левина, при близк. участіи проф. Л. В. Блюменау, проф. А. А. Кадьяна, д-ра Е. С. Лондона и акад. И. П. Павлова. Сборникъ № 1. Радіотерапія. Кн-во „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. 138. Ц. 80 к.

Содержаніе: Предисловіе.—К. Норденъ. Радіоактивныя вещества въ терапіи.—К. Норденъ—В. Фальта. Леченіе радіемъ внутреннихъ болѣзней.—Лун Виккамъ. Примѣненіе радія въ гинекологіи.—Эд. Шиффъ. Радіотерапія кожныхъ болѣзней.

2131. Корсаковъ, В. В., д-ръ мед. 61(47.11)

Санаторіи и курорты въ Финляндіи. Изъ дневника участника научной экскурсіи врачей моск. физико-терап. о-ва въ Финляндію съ 25 іюня по 7 августа 1912 г. Изъ „Нижегор. Ежегод.“ Г. П. Сергѣева и В. Е. Четихина. Нижн.-Новг. 1913. Стр. 54. Съ плюсторр. Ц. 37 к.

Содержаніе: Предисловіе. Санаторіи „Халила“, „Конккала“, „Рауха“, „Така-харью“, Нейшлотъ. Саймепскій каналъ и Вильманстрадъ. Санаторія „Тилка“. Гельсингфорсъ. Санаторія „Нуммела“. Або. Нодендаль. Маріэгамнъ. Гангэ. Ловиза. Заключеніе.

2132. Штейертъ, Л., проф. 619

Какъ помочь больной скотинѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. А. Харченко. М. 1913. Стр. 174. Съ рис. Ц. 30 к.

2133. Андреевъ, А. 63

Помощь крестьянамъ и всѣмъ имѣющимъ хотя бы небольшой участокъ земли. Какъ безъ особыхъ затратъ улучшить хозяйство. Необходимыя свѣдѣнія по земледѣлію, огородничеству и плодоводству. Съ приложеніемъ отдѣла на всякій случай, содержащаго въ себѣ свѣдѣнія, какъ обойтись и что предпринять при появленіи какой-либо болѣзни у скота, домашней птицы и какъ бороться съ врагами земледѣлія, гусеницами, плодовыми вшами и проч. М. 1913. Изд-кн-ва Н. Н. Травниной. Стр. 46.

2134. Канчеръ, Е. С. 63

Какъ открыть с.-х. товарищество по переработкѣ продуктовъ. Съ прилож. примѣрнаго устава. Спб. 1913. Изд. Спб. Отдѣленія Комитета о сельск. ссудо-сберег. и пром. т-вахъ. Стр. IX+12. Ц. 12 к.

2135. Кулыжный, А. Е. 63(06)

Деревенскія сельско-хозяйственныя общества. (Съ приложеніемъ устава и схемы годовой отчетности сельско-хозяйственныхъ обществъ). „Взаимная помощь". Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 19-й. М. 1913. Изд. 2-е. Стр. 48. Ц. 8 к.

2136. Землякъ, А. 63:69

Бесѣды по сельскому хозяйству. Вып. 13. „Деревенск. хоз. и крестьянская жизнь". Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 137. М. 1913. Изд. И. Горбунова-Посадова. Стр. 32. Съ рис. Ц. 5 к.

Содержаніе: 1. Сохи, сабань или плугъ? 2. О плугахъ. 3. Работайте хорошимъ инвентаремъ.

2137. Землякъ, А. 631

Бесѣды по сельскому хозяйству. Вып. 7. „Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь". Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 131. М. 1913. Изд. И. Горбунова-Посадова. Стр. 32. Съ рис. Ц. 5 к.

Содержаніе: 1. Какъ удобрять навозомъ землю въ лѣтнюю пору. 2. Не оставляйте навоза въ кучахъ. 3. Что сказалъ опытъ? 4. Совмѣстное удобреніе навозомъ и минеральными туками.

2138. Землякъ, А. 631

Бесѣды по сельскому хозяйству. Вып. 8. „Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь". Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 132. М. 1913. Изд. И. Горбунова-Посадова. Стр. 31. Ц. 5 к.

Содержаніе: 1. Когда начинать обработку пашни подъ яръ. 2. Повышеніе урожая овса. 3. Путь повышенія урожая овса. 4. Наиболѣе выгодный сортъ овса для посѣва.

2139. Землякъ, А. 631

Бесѣды по сельскому хозяйству. Вып. 15. „Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь". Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 139. М. 1913. Изд. И. Горбунова-Посадова. Стр. 32. Ц. 5 к.

Содержаніе: 1. Опыты съ искусственными удобреніями. 2. Навозъ и искусственныя удобренія. 3. Что даетъ хозяину фосфоритъ? 4. Фосфоритъ и траны.

2140. Землякъ, А. 633

Бесѣды по сельскому хозяйству. Вып. 4. „Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь". Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 128. М. 1913. Изд. И. Горбунова-Посадова. Стр. 36. Съ рис. Ц. 6 к.

Содержаніе: 1. Овинъ или зерносушилка? 2. Зерносушилка въ крестьянскомъ хозяйствѣ. 3. Крестьянская зерносушилка.

2141. Землякъ, А. 633

Бесѣды по сельскому хозяйству. Вып. 10. „Деревенск. хоз. и крестьянская жизнь". Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 134. М. 1913. Изд. И. Горбунова-Посадова. Стр. 32. Ц. 5 к.

Содержаніе: 1. Зачѣмъ сортировать сѣмена? 2. Какимъ зерномъ сѣять? 3. Заготовляйте сѣмена на посѣвъ! 4. Какъ при недостаткѣ пользоваться дорогостоящими сортировками?

2142. Землякъ, А. 636

Бесѣды по сельскому хозяйству. Вып. 1. „Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь". Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 125. М. 1913. Изд. И. Горбунова-Посадова. Стр. 32. Съ рис. Ц. 5 к.

Содержаніе: 1. Теплыя помѣщенія для скота. 2. Надо строить теплый хлѣвъ. 3. Хлѣвъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

2143. Езерскій, Ѳ. 657

Учебникъ счетоводства. Упрощенная тройная система, какъ позднѣйшее слово науки. 2 часта. Теорія и нагляднаи практика. М. 1913. Изд. XXIII, автора. Стр. VIII+III. Ц. 80 к.

2144. [. . . . . 68(47)

Кустарная промышленность Россіи. Разные промыслы въ очеркахъ В. Гильдтъ, проф. С. П. Коргуева, Г. Поварнина, проф. А. Соколова, Н. Бартрама, Ю. А. Вейса, А. Е. Порай-Кошица, А. Н. Доливо-Добровольской. Томъ. I. Спб. 1913. Изд. Г. У. З. и З. Отд. Сельск. Экон. и Сельск. Статистики. Стр. 602. Съ рис.

* **Землякъ, А.** 69:63

См. пор. № 2136.

Изящныя искусства [7]

2145. Мироновъ, Ал. М. проф. 701(09)

Исторія эстетическихъ ученій. Конспектъ лекцій. Казань. 1913. Изд. Кн. маг. М. А. Голубева. Ц. 1 р. 50 к.

2146. Бенуа, Александръ. 75(09)

Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Часть I: Пейзажная живопись. Вып. 7. Спб. 1913. Изд. „Шиповникъ". Стр. 106—200. Съ рис.

2147. Масловъ, А. Л. 784(07)

Методика пѣнія въ начальной школѣ, основанная на новѣйшихъ данныхъ экспериментальной педагогики. Изд. т-ва Сытина. М. 1913. Стр. 62. Ц. 20 к.

Содержаніе: Введеніе. О методахъ и учителяхъ. Экспериментальная педагогика и уроки пѣнія. Иллюстративное рисованіе. Творчество. Слухъ и голосъ у дѣтей. Постановка голоса. Ритмическое чувство. Нотная грамота въ школѣ. Нотныя системы. Ноты линейной системы. Двухголосное пѣніе. Репертуаръ. Примѣрная библіотечка для школы и учителя пѣнія. Примѣрныя уроки пѣнія. Разучиваніе пѣсни.

2148. Оголовецъ, Вл. 785(048)

Симфоніи Бетховена. Популярно-критическій очеркъ. Изд. И. П. Самоненко. Кіевъ. 1913. Стр. 32. Ц. 20 к.

2149. Далькрозъ, Е. Ж. 792

Ритмъ, его воспитательное значеніе для жизни и для искусства. Шесть лекцій. Пер. Н. Гнѣсиной. „Энциклопедія сценическаго самообразованія". Т. VI. Спб. 1913. Изд. журн. „Театръ и Искусство". Стр. 156. Ц. 1 р.

2150. Унтонъ, Р. 797

Школа плаванія. Пер. съ 7-го нѣм. изд., испр. и дополнилъ П. Ерофѣевъ. Подъ ред. Н. Владимировой. Спб. 1913. Изд. В. И. Губинскаго. Стр. 48. Съ 26 рис.

Литература [8]

2151. Розеггеръ, П. 83—3

Молитва плотника. Разсказы. Пер. съ нѣм. В. Готвальтъ. М. 1913. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. Стр. 112.

2152. Эвальдъ, К. 83—3
Въ глубинѣ морской. Сказка. Пер. В. и В. Рис. А. Комарова. М. 1913. 40 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

2153. Жаммъ, Франсисъ. 84—1/3
Стихи и проза. Перев. Н. Эренбурга и Е. Шмидтъ. Предисл. автора. М. 1913. 138 стр. Ц. 1 р.

2154. Мольеръ. 84—2
Мнимый больной. Бракъ по принужденію. Комедія. Перев. съ фр. Э. Вейнбаумъ. „Универс. библ.". № 834. М. 1913. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. 116 стр. Ц. 10 к.

2155. Барбэ д'Оревильи. 84—3
Дьявольскія маски. Разсказы. Перев. съ франц. А. Мирэ. „Универс. библ". М. 1913. Изд. „Польза", В. Антикъ, 2-е. 84 стр. Ц. 10 к.

2156. Мопассанъ, Гюи-де. 84—3
Пьеръ и Жанъ Перев. съ фр. В. М. Тятлева. „Общедоступная библ." Спб. 1913 Изд. „Дѣятель". 82 стр. Ц. 30 к.

2157. Милль, Пьеръ. 84—3
Собраніе сочиненій. Съ предисл. А. Г. Горнфельда. Т. III. По ту сторону добра и зла. Разсказы. Пер. съ франц. А. С. Полоцкой. Кн-во „Освобожденіе". (Безъ г. печ.). Стр. 191 Ц. 1 р.
Содержаніе: Жолѣзная Мари. Островъ прокаженныхъ. Барнаво-побѣдитель. Романсера. Мертвый корабль. Человѣкъ, который видѣлъ сиренъ. Ночное нападеніе. Японецъ. Правосудіе. Приключеніе Сары. По ту сторону добра и зла. Голуби. Побѣда.

2158. Бородкинъ, М. 891.7(09)
Даль зоветъ. Литературныя поминки. по А. А. Голенищевѣ-Кутузовѣ. Харьковъ. 1913. 50 стр. Съ портр.

2159. Венгеровъ, С. А. 891.7(09)
Собр. соч. Т. II. Писатель гражданинъ — Гоголь. Изд. „Прометей". Спб. 1913. 238 стр. Ц. 1 р. 25 к.

2160. Келтуяла, В. А. 891.7(09)
Курсъ исторіи русской литературы. Часть I. Исторія древней русской литературы. Книга I. Исторія литературы отъ IX в. до половины XIII в. Спб. 1913. Изд. 2-е, доп. XLV+103 стр. Ц. 3 р.

2161. Лобода, А. М., проф. 891.7(09)
Лекціи по исторіи новой русской литературы. Часть I. (XVIII вѣкъ). Кіевъ. 1913. Изд. студ. ист.-фил. фак. ун. св. Владиміра и слуш. в. ж. к. Тип. И. П. Чоколова. 217 стр. Ц. 1 р. 50 к.

2162. Лугановскій, В. А. 891.7(09)
Русскіе писатели въ польской литературѣ. Вып. II. Салтыковъ. Спб. 1913. Изд. А. Э. Винека. 16 стр. Ц. 25 к.

2163. Лугановскій, В. А. 891.7(09)
Русскіе писатели въ польской литературѣ. Вып. III. Тургеневъ. Спб. Изд. А. Э. Винеке. 22 стр. Ц. 20 к.

2164. Горностаевъ, А. 891.7—1
Глубокимъ утромъ. (Пѣснопѣнія). Изд. Н. И. Дорофѣевой. М. 1913. Стр. 50. Ц. 50 к.

2165. Дравертъ, П. Л. 891.7—1
Стихотворенія. Казань. 1913. Изд. газ. „Камско-Волжская Рѣчь". 96 стр. Ц. 50 к.

2166. Крачковскій, В. Н. 891.7—1
Стихотворенія. Спб. 1913. Стр. 255. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Оригинальныя стихотворенія.—Переводы: Байронъ, Мицкевичъ, Словацкій. Изъ Петрарки, Гейне, Анны Вивантн, Шевченко. Съ арабскаго. Японскія миніатюры. Изъ Бодлэра. Горацій.— Добавленія.

2167. Ан-скій, С. А. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. IV. Въ водоворотѣ. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб. (Безъ г. печ.) Стр. 292. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Отецъ и сынъ. Въ новомъ руслѣ. Жертва вечерняя. Изъ путевыхъ замѣтокъ. Пасхальная исторія.

2168. Ан-скій, С. А. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. V. Спб. 1913. Стр. 365. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Со стороны. „Въ омутѣ". За высокой стѣной. На торгахъ. „Свалился". Тоска. Дождь. Изъ памятной книжки. Изъ заграничныхъ встрѣчъ.

2169. Брюсовъ, Валерій. 891.7—3
За моимъ окномъ. Кн-во „Скорпіонъ". М. 1913. Стр. 62. Ц. 50 к.
Содержаніе: На похоронахъ Толстого. Послѣдняя работа Врубеля. На „Святомъ Лазарѣ". „Обломокъ старыхъ поколѣній". (Петръ Ив. Бартеневъ).

2170. Будищевъ, Ав. 891.7—3
Дикій всадникъ. М. 1913. Изд. „Московск. Книгоизд." Стр. 321

2171. Верхоустинскій, Б. 891.7—3
Храбрые воины. Разсказы. М. 1913. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Стр. 38. Съ рис. Ц. 20 к.

2172. Данилинъ, И. 891.7—3
Гаврюшка. Разсказъ. Съ рис. худ. М. П. Шестеркина. Изд. 2-е, кн-ва „Школа". М. 1913. Стр. 31. Ц. 10 к.

2173. Елисѣевъ, П. 891.7—3
Моряки. Разсказы и очерки изъ жизни на морѣ. М. 1913. Изд. Кн. скл. М. В. Клюкина. Стр. 132. Съ рис. Ц. 75 к.

2174. Наживинъ, Ив. 891.7—3
Собр. соч. Т. IV. Бѣлые голуби принцессы Риты. М. 1913. Изд. „Зеленая Палочка". Стр. 237. Ц. 1 р.

2175. Суворовъ, Б. 891.7—3
Сказка объ Иванѣ Царевичѣ, жаръ-птицѣ и волкѣ. М. 1913. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Стр. 95.

2176. Чириковъ, Евг. 891.7—3
Студенты пріѣхали. М. 1913. Изд. „Московск. Книгоизд." Стр. 281. Ц. 1 р. 25 к.

* **Ждаковъ, Левъ.** 891.7—3:9(47)
См. пор. № 2184.

2177. Гринцеръ, И. М. 891.7—91
Былины о старшихъ богатыряхъ. Классная библіотека Подлинные тексты, краткія содержанія, разборы избранныхъ памятниковъ русской словесности, характеристики дѣйствующихъ лицъ, образцовыя сочиненія, планы, темы, вопросы для устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, свѣдѣнія изъ теоріи словесности. Одесса. 1913. Изд. „Наука". Стр. 31. Ц. 20 к.

2178. Тугановъ, Б. 899.96
Батаноко Темботъ. Повѣсть изъ временъ ге-

ренческой борьбы кавказскихъ горцевъ и друг. разск. Изд. „Востокъ". М. 1913. Стр. 127. Ц. 75 к.

Содержаніе: Ханифа. Конокрадъ. По адату. Пастухъ Бале. Батаноко Темботъ.

Исторія и географія [9]

2179. Кулжинскій, Яр. Ст. 9(07)

Опытъ методики систематическаго курса исторіи. Звенигородка. 1913. Изд. автора. Стр. 196+II. Ц. 1 р. 40 к.

2180. Алабина-Сократова, Т. 9(38)

Картины изъ жизни государства Аѳинскаго въ V в. до Р. Х. Изд. 2-е, испр. и доп. подъ ред. В. П. Передева. Изд. „Задруга". М. 1913. Стр. 109. Ц. 35 к.

2181. Чарторижскій, А., кн. 9(47)

Мемуары кн. Адама Чарторижскаго и его переписка съ императоромъ Александромъ I. Пер. съ франц. А. Дмитріевой. Редакція и вступ. статьи А. Кизеветтера. Т. II. Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1913. Стр. 362. Ц. 2 р.

Изъ предисловія: Печатаемые въ настоящемъ томѣ матеріалы... представляютъ собою не что иное, какъ собраніе оправдательныхъ документовъ къ тѣмъ мемуарамъ кн. Адама, которые вошли въ 1-й томъ настоящ. изданія.

2182. Алексѣевъ, П. 9(47)(075)

Повторительныя таблицы русской исторіи. Пособіе для средней школы. Кн-во „Школа". Одесса. (Безъ г. печ.) Стр. 32. Ц. 8 к.

Содержаніе: Подробная хронологич. таблица въ связи съ событіями культурно-историческими. Вопросительныя таблицы для общаго повторенія. Родословныя таблицы русскихъ государей.

2183. Боргманъ, А. И. 9(47)(075)

Русская исторія (пособіе для средн. школы и самообраз.) Ч. II. Съ Петра Великаго. Изд. Т-ва А. С. Суворина. Спб. 1913. Стр. X+444. Ц. 2 р. 50 к.

2184. Боргманъ, А. И. 9(47)(075)

Учебная книга по русской исторіи (руковод. для старш. классовъ средн. уч. зав.) Ч. II. Съ Петра Великаго. Изд. т-ва А. С. Суворина. Спб. 1913. Стр. X+259. Ц. 75 к.

2185. Ждановъ, Левъ. 9(47)„1610:1613"(0:8)

Во дни Смуты. (1610 — 1613 г.). Историч. повѣсть въ 3-хъ част.— „Истор. библ. т. 2". Кн-во „Освобожденіе". Спб. 1913. Стр. 258. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

2186. Любовичъ, Н. Н., проф. 9(47.51)

Варшава въ 1812 г. Варшава. 1913. Стр. 61. Ц. не обозн.

2187. Ястребовъ, Н. В. 9(×91.8)

Конспектъ исторіи славянскихъ народовъ (примѣнительно къ программамъ испытаній). Спб. 1913. Стр. 44.

2188. [. . . .]. 9(×91.8)(05)

Извѣстія общества Славянской культуры. Т. II. Кн. I. М. 1913. Стр. 96+32+64. Ц. 1 р. 75 к.

2189. С—ъ, В. М. 91(45)

Первая экскурсія въ Италію съ маршрутомъ на 28 дней. Венеція. Падуя. Болонья. Флоренція. Римъ. Неаполь. Барн. Анкона. Равенна. Спб. 1913. Стр. XVI+304. Ц. 1 р. 50 к.

2190. Яшновъ, А. И. 91(47.2)

По русскому сѣверу. Изъ впечатлѣній туриста. Съ картой, 31 иллюстр. и прилож. маршрута экскурсіи на олонецкіе водопады. Изд. „Нижегор. Ежегод." Г. П. Сергѣева и В. Е. Чешихина. Нижн.-Новг. 1913. Стр. 64. Ц. 40 к.

Содержаніе: Предисловіе. По Бѣлому морю и Пріонежью. По Олонецкимъ водопадамъ. Маршруты экскурсіи на Олонецкіе водопады. Литература.

2191. Безантъ, Анни. 92(Б)

Автобіографія. Съ 2 портр. Пер. Alba и В. П. Изд. журн. „Вѣст. Теософіи". Спб. 1912. Стр. 234. Ц. 2 р.

Содержаніе: Изъ пространства въ нашъ міръ. Раннее дѣтство. Юность. Бракъ. Буря сомнѣній. Чарльзъ Брэдлау. Атеизмъ, какъ я его понимала и проповѣдывала. За работой. Памфлетъ доктора Наультона. Война на всѣ фронты. Борьба мистера Брэдлау. Борьба продолжается. Соціализмъ. Сквозь бурю къ миру.

* **Ренанъ, Э.** 92(I):232

См. пор. № 2098.

2192. [. . . .]. 92(С)

К. Леонтьевъ о Владимірѣ Соловьевѣ и эстетикѣ жизни. (По двумъ письмамъ). Кн-во „Творческая Мысль". М. 1912. Стр. 40. Ц. 30 к.

* **Галецкій, Т.** 92(Т):179.3

См. пор. № 2096.

Содержаніе журналовъ.

„Богословскій Вѣстникъ". (1913—5.) — Св. Максима Исповѣдника житіе. Перев., изд. и примѣч. М. Муретова.— Харламповичъ, К. Ртищевская школа.— Кожевниковъ, В. Религія человѣкобожія у Фейербаха и Конта.—Протасовъ, Н. Матеріалы для иконографіи воскресенія Спасителя.—Готеро, Г. Франкъ-масонство. Пер. съ франц. Е. А. Флейшеръ.— Эрнъ, В. Природа мысли.— Мининъ, П. Главныя направленія древне-церковной мистики.— Критика.— Изъ академической жизни.— Вагнеровъ, С. Письмо въ редакцію.—Содержаніе богосл. академическ. журналовъ. Новыя книги. Журналы собраній Сов. Моск. Дух. Академіи за 1912 г.

„Вегетаріанское Обозрѣніе". (1913—4 - 5.) Перперъ, Іос. Нашъ первый съѣздъ.— Резолюціи I Всеросс. Вегетар. Съѣзда.— Мира, К. Дни радости.— Старый Вегетаріанецъ. Первый Всеросс. Съѣздъ.— Кименталь, Влад. Вегетаріанство и воспитаніе.— Привѣтствія I Всеросс. Вегетар. Съѣзду.— Никитинъ. Вегетаріанство въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ человѣка.— Полтавскій, С. П. Существуетъ ли вегетаріанское міросозерцаніе? — Дудченко, М. Обращеніе къ Съѣзду.— Письмо Хаварда Уильямса.— Фругъ, С. Художественный отдѣлъ. Стихотворенія. Вѣстники весны.— Шелгуновъ, П. За добро зломъ.— Фругъ, С. Урожай. Стих.—Булановскій, Пв. Письма съ Черноморскаго побережья.— Николаева, М. О духоборахъ.— Поповъ, Е. Изъ японской жизни.— Полтавскій, С. Письмо въ редакцію.— Диспутъ о вегетаріанствѣ въ стѣнахъ Саратовскаго

Университета.— Линчевская. Способъ продлить жизнь.— Въ мірѣ печати.— Старый Вегетаріанецъ и Перперъ. С. По міру. (Хроника вегетар. движенія въ Россіи и за границей.) — Голоса читателей.—Вегетаріанскій Кулинарный отдѣлъ Х. — Смѣсь.

„Вѣра и Разумъ". (1913 — 10.) Отдѣлъ богословско-философскій: Рѣчь, при открытіи Епархіальн. Церковно-Археологич. О-ва и музея при немъ 19 мая 1913 г. Высокопреосвящ. Арсеній, Архіеп. Харьк. и Ахтырскаго.—Галаховъ, І. проф.-прот. Значеніе физики и математики въ вопросахъ религіозно-философскаго порядка.— Буткевичъ, Т. проф.-прот. Протестантство въ Россіи.— Стелецкій, П., проф.-прот. Опытъ Нравственн. Правосл. Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи. (Продолж.) — Пархоменко, В. Первыя сѣмена христіанства у Руси въ IX в.

„Вѣстникъ Европы". (1913 — 6.) — Луговой, А. На новой дорогѣ.— Старкъ, Л. Отвѣтъ, стих.— Морозовъ, Н. Въ глубинѣ преисподней. (Оконч.)— Межакопа, М. На родинѣ.— Вяткинъ, Г. Стихотвореніе.— Котляревскій, Н. Очерки изъ исторіи. обществен. настроенія 60-хъ гг.— Бенъ-Ами. Поручитель.— Леонидовъ, О., П. А. Бунинъ, стих.— Крестевъ-Мирелюбовъ, К. Современная болгарская литература.— Бѣлоконскій, И. Задумались, разск.—Базенъ, Р. Всею душою, романъ, перев. съ франц. М. Славинской.— Э-ль, Б. Хроника. Ликвидація сервитутовъ. — Деренталь, А. Письмо изъ Адріанополя.—Стрѣльцовъ, Р. Казарма, казино, плацпарадъ. Письмо изъ Германіи.— Дивильковскій, А. Франко-германскій день, письмо изъ Берна.— Посниковъ, А. Госуд. Дума и ея соперники.— Словинскій, Л. По поводу законопроекта противъ печати. — Жилкинъ, П. Провинціальное обозрѣніе.— Ковалевскій, М. Можно ли считать Толстого продолжателемъ Руссо? — Венгерова, З. Новая теорія о личности Шекспира.—Литературное обозрѣніе.— Бѣллоруссовъ. Бесѣда съ И. П. Мечниковымъ.— Ковалевскій, М. Двѣ смерти.— Посниковъ, А. Памяти В. М. Соболевскаго.— Кузьминъ-Караваевъ. Вопросы внутренней жизни.— Библіографическій листокъ.

„Вѣстникъ Знанія". (1913—6.) — Каптеревъ, П., проф. Экспериментъ. педагогика въ Россіи.— Томилинъ, Н. Практическія занятія и демонстраціи по электрич.— Лоренцъ, Р., проф. Существуютъ ли молекулы.—Скворцовъ, П., проф. Панамскій перешеекъ и климатъ Европы.— Бельше, В. Неиданный звѣрь.— Ингуловъ, П. О великой теоремѣ Ферма. — Дапгъ, Л. Къ 70-лѣтнему юбилею К. А. Тимирязева.— Дюмъ, Ж., д-ръ Современная больница.— Приготовленіе духовъ домашнимъ способомъ.— Ст-овъ, П. Очерки русскаго. бюджетнаго законодательства.— Николаевъ, А. Демократич. читатель по даннымъ анкеты „Вѣстн. Зн."— Марксъ, П., д-ръ. Византія.— Голиковъ, В. Сумерки литературы.— Библіографія. — Битнеръ, В. Бесѣды съ молодежью. — Эвальдъ, К. Стрекоза и кувшинка, Сорныя травы, разск.— Гинце, д-ръ. Изъ жизни растеній.— Тидь, Ч. Добываніе огня.— Изъ нашей лабораторіи.— Вопросы науки и практики.— Задачи.

„Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики". (1913—7 (583). Иносъ, Н. Этюды по элементарной алгебрѣ. (Продолж.)—Аренсъ, В. Іосифъ Людвигъ Лагранжъ. — Ельчаниновъ, Е., прив.-доц. Аллотропія химич. элементовъ. — Якобсонъ, М. Интерференція рентгеновскихъ лучей.—Библіографія.—Задачи рѣшенія.

„Жизнь для Всѣхъ". (1913 — 5.). О. Благазинъ. Разбойники.— А. Барченко Не настоящее.— П. Власовъ. Очерки деревенской жизни. (Религіозныя исканія).—М. Росликовъ. О хулиганствѣ на деревенской улицѣ. — Айновъ. Л. Н. Толстой и писатели-самородки. (Оконч.) — А. Зорины. Рабочій міръ. — Г. Лебедевъ. Бесѣды съ депутатами IV Гос. Думы.—Тщетныя попытки бесѣдъ съ Пуришкевичемъ, Марковымъ II и др.—Л. Брентано. О коопераціи. — В. Поссе. Въ поискахъ Россіи. (Сибирь и Россія).—М. Агѣевъ. Дубовскіе толстовцы.—А. Зорины. Рабочее Движеніе.—С. Н. Швецовъ. Къ 50-лѣтію ликвидаціи крѣпостничества въ Сибири. — Ф. Анисимовъ. Культурная работа Ярославскаго земства.—П. Яковлева. Къ дѣнушкамъ! — В. Поссе Общественная жизнь. — „Жизнь для Всѣхъ"—жина (къ подписчикамъ).— А. А. Гинкенъ.—Л. Козловскій. В. М. Соболевскій. — Сводка отвѣтовъ на опросы подписчиковъ.— Распред. подписчиковъ по губерніямъ.— Къ свѣдѣнію подписчиковъ.—Отчетъ конторы.— Объ изданіяхъ „Ж. д. В.". — В. Нарбутъ, Н. Горева и Н. Житниковъ. Стихи.

„Журналъ Министерства Юстиціи". (1913 — 5). Законодательство: — Обзоръ дѣятельности Мин. Юстиціи въ Госуд. Думѣ 3-го созыва. (Продолж.— Тарновскій, Ф. Соборное избраніе и власть Великаго Государя въ XVII столѣтіи.—Трегубовъ, С. Отпечатки пальцевъ, какъ улика. — Громовъ, В. Безмотивное преступленіе. — Лихачевъ, А. Объ усиленіи наказаній для хулигановъ. — Люблинскій, А. Новый итальянскій уставъ уголовн. судопроизв. (Продолж.).—Хроника.— Кассаціонная практика по жел.-дор. праву. — Кассаціонная практика.—Окуневъ, Н. Два закона о малолѣтнихъ. (Франція и Бельгія). — Эннекенъ, Ф. Письма изъ Парижа. — Сесиль Мидъ Алленъ. Письма изъ Англіи.—Литературное обозрѣніе.

„Завѣты". (1913 — 5). — Ахматова, А., Городецкій, С., Гумилевъ, Н., Зенкевичъ, М. и Мандельштамъ, О. Стихотворенія. — Винниченко, В. Къ своимъ, романъ. — Замятинъ, Е. Уѣздное, повѣсть. — Коцюбинскій, М. Именинный подарокъ. Пер. съ украин. М. Могилянскаго. — Сивертцъ, С. Выздоровленіе, перев. съ швед. Ю. Балтрушайтиса. — Кочаровскій, К. Народничество, какъ соціологическое направленіе. (Окончаніе). Эйхенбаумъ, Б. Тайное общество Сунгурова. — Вилюецъ. М. Р. Гоцъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ. — Пругавинъ, А. Бунтъ противъ природы, (Оконч.) — Сабанѣева, Л. Эскизы музыкальной современности. — Вельскій, Ст. О „блудныхъ сынахъ" соціализма. — Ивановъ-Разумникъ. — Литература и общественность. — Текущая жизнь. — Мстиславскій, С. Свое и чужое. — Библіографія.

„Новости Дѣтской Литературы". (1913—9). Отъ организаціоннаго комитета по созыву 1-го Всерос. съѣзда по вопросамъ дѣтскаго чтенія. — Отъ редакціи. — В. Зеленко. Руководительство дѣтскимъ чтеніемъ. — Списокъ вышедшихъ за мѣсяцъ дѣтскихъ книгъ. — Рецензіи на новыя книги. — Обзоръ дѣтскихъ книгъ на нѣмецкомъ языкѣ. — Памяти А. П. Чарушникова. — Хроника.

„Новый Журналъ для Всѣхъ". (1913 — 4). Н. Арго, С. Городецкій, О. Дальке, С. Клычковъ, В. Нарбутъ. Стихотворенія.— А. Свирскій. Бегъ любви.—А. Писарева. Родные.—М. Кисинъ. Домна.— В. Кохановскій. Темная сила.— К. Буссе.

„Такъ живемъ мы“, съ нѣм.— К. Иверъ. Вопросъ совѣсти.— Н. Березинъ. Вулканизмъ въ свѣтѣ современной геологіи.— В. Брусянинъ. О хулиганахъ и хулиганствѣ.— Ст. Ивановичъ. Соціальный пасынокъ.— П. Славинъ. Промышленники крови и желѣза.— П. Берлинъ. Страницы исторіи.— Новыя книги.

„Просвѣщеніе“. (1913 — 5). — Касаткинъ, Н. Маленькіе разсказы.— Бѣдный, Д. Урожай, басня. — Генрикъ де-Манъ. Бельгійская стачка.— Сталинъ, К. Національный вопросъ.— Степановъ, И. Товарищества мелкобуржуазныхъ производителей.— Бѣдный, Д. Утѣшеніе, басня.— Бухаринъ, Н. Борьба за всеобщее избирательное право въ Венгріи.— Шляпниковъ. Борьба за „Англійскую Недѣлю“ во Франціи.— Германовъ, Л. Сибирскіе очерки.— Скопинъ, Н. Замѣтки о ликвидаторствѣ и единствѣ.— Каменевъ, Ю. Объ открытой рабочей партіи.— Старый приказчикъ. Къ слѣзду приказчиковъ.— Чужой. Обзоръ рабочаго движенія.— Ильинъ, В. О либеральномъ и марксистскомъ понятіи классовой борьбы.

„Русское Богатство“. (1913 — 5). Кондурушкинъ, С. Монахъ.— Ефименко, Т. Стихотв.— Юшкевичъ, П. А. Пуанкарэ и его философія точныхъ наукъ.— Хохловъ, Е. Порча.— Фроленко, М. На волѣ.— Мартовскій, В. Господскій загоноръ.— Тальниковъ, Д. Х. Н. Бялыкъ.— Гордѣевъ, И. Въ глубинѣ.— Ладыженскій, Вл. Стих.— Локкъ, У. Кумиры.— Чумаченко, А. Стих.— Короленко, В. Турчинъ и мы.— Діонео. Изъ Англіи.— Оленинъ, Р. Терніи русской кредитной кооперація.— Русановъ, Н. Обозрѣніе иностран. жизни.— Петрищевъ, А. Хроника внутренней жизни.— Новыя книги.— Діонео. По адресу сердитой барыни.— Письмо въ редакцію.— Отчетъ конторы.

„Современный Міръ“. (1913 — 5).— Григоровъ, Л. Птица въ клѣткѣ, повѣсть.— Нарбутъ. В. Облака, стих.—Федоровъ, А. „Его глаза“, повѣсть. (Продолж.).— Садовскій, В. Степь, стих.—Обвинскій, В. Конецъ, разск.— Кожевниковъ, В. Туманъ, стих.—Аптекманъ, О. Записки семидесятника, (Оконч.).— Лондонъ, Д. Язычникъ, разск. Перев. З. Львовскаго.— Лондонъ, Д. Завѣтное желаніе, разск. Перев. З. Львовскаго.— Клейнборгъ, Л. Очерки рабочей демократіи.—Дроздовъ, І. Новая сила въ деревнѣ.— Стекловъ, Ю. М. Анархисты во Франціи.— Борецкій-Бергфельдъ, Н. Ликвидація Балканской войны.— Алексѣнскій, Г. Политика и экономика въ международныхъ дѣлахъ.— Рудянскій, С. Хорошая жизнь въ представленіи нѣмецкаго рабочаго,— Ларскій, І. Научный капитализмъ.— Бѣдный, Д. Изъ дневника. Сезонное, сатиры.— Критика и библіографія.

„Учительское Дѣло“. (1913 — 4). С. Античная скульптура въ музеяхъ Петербурга.— Скатиковъ. І. Общія замѣчанія для родителей и педагоговъ. ІІ. Скульптурный музей Имп. Академіи Художествъ.—Н. Н. Учительское движеніе во Франціи.— Проектъ программы по природовѣдѣнію и географіи.— Библіографія.— Отъ Бюро Постоянной Комиссіи.

Издатели: В. Крандіевскій. В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

„ПРОМЕТЕЙ“

С.-Петербургъ, Поварской, 10—9.

„Прометей“. Лит.-худож. сборники. Книга І. Избранныя произведенія современной русской литературы. . . . . —.50

Ив. Вольновъ. Повѣсть о днях моей жизни 1.25

Токутоми Кэнджиро. Лучше не жить! (Трагедія женской души). Японскій романъ съ предисл. Льва Жданова . . 1.25

Александръ Гринъ. Т. І. Штурманъ четырехъ вѣтровъ. 1.25
Т. ІІ. Проливъ бурь 1.25

Келлерманъ, Б. Идіотъ. Романъ . . . 1.50

Иларій Шадринъ. Бурса. Повѣсть изъ совр. жизни семинарій и духовенства. 1.50

Кн. Барятинскій, В. В. Царственный мистикъ (Императоръ Александръ І—Федоръ Кузьмичъ) 1.25

Дастръ. Жизнь и смерть. 1.25

Штэнбергенъ. Интуитивная философія Анри Бергсона 1.25

АМФИТЕАТРОВЪ, А.

Паутина. Романъ 1.25
Аглая. Романъ. 1.25
Раздѣлъ. Романъ. 2.25

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

Въ стѣнахъ Варшавы. Ч. І и ІІ . . 1.50
Осажденная Варшава 1.50
Сгибла Польша! 1.50
Былые дни Сибири 1.25
Послѣдній фаворитъ. 1.75

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ.

Т. 12. Приключеніе. 1.25
Т. 13. До Адама. . . . . 1.—
Т. 15. Мои скитанія . . . . . 1.—

УПТОНЪ СИНКЛЕРЪ.

Т. 1. Испытанія любви. 1.50
Т. 2. Джунгли. . . . . 1.—
Т. 3. Деньги . . . . . 1.—
Т. 4. Царь Мидасъ 1.25

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталогъ безплатно.

печати и читающей частью общества, а низкая цѣна изданія дѣлаетъ этотъ безусловно полезный органъ печати вполнѣ доступнымъ для широкой публики"... „Сѣв. Утро": „Журналъ... въ дѣльныхъ обстоятельныхъ статьяхъ даетъ книгу - эссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... точно отмѣчаетъ, какъ бьется въ данный моментъ пульсъ человѣческаго генія во всѣхъ его проявленіяхъ... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго"... „Русск. Молва": „Все то важное, что терялось въ грудѣ журналовъ и нестромъ содержаніи газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ не только тѣ, которые спеціально въ этой области работаютъ — для нихъ журналъ незамѣнимъ, — но и самые широкіе круги читателей... Немногіе имѣютъ время и возможность слѣдить за всѣми органами печати, и потребность въ журн. типа „Бюллетеней", держащемъ своего читателя въ курсѣ литературной жизни, — велика".

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ЖУРНАЛА РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 3 р. Допускается разср.: 1 р.—къ 1 сент., 1 р.—къ 1 янв. и 1 р.—къ 1 мая. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учителей при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала подписная цѣна на годъ — 2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почт.-телеграфн. учрежден. Имперіи. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. ═══ Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Продажа производится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ, въ газетн. кіоскахъ и на ст. жел. дор.

Книгоиздательства приглаш. присылать исключительно на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ библіограф. свѣдѣній. ═══ Имѣются полн. компл. журн. „Бюллетени" за 1910 — 11 и 1911 — 12 гг. Цѣна комплекта 1-го года — 2 р., 2-го — 3 р. съ пересылкой.

Цѣна за оба комплекта въ переплетѣ (3 тома)—6 р. 50 к.

Адресъ конт. и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. 1-е отд. конт.: Б. Никитская, 10, кн. маг. „Наука". 2-е отд. конт.: С.-Петербургъ, Стремянная, д. 6, кн. складъ „Провинція".

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА

ПРЕССЫ и ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА РОССІИ ВО ДВОРЦѢ МЕЖДУНАРОДНАГО ОТДѢЛА

ГЕНТСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ

(май — ноябрь 1913 г.).

Программа выставки: газеты и журналы, издательства, книжные магазины, библіотеки, публикаціонное дѣло и вообще всѣ учрежденія и предпріятія, обслуживающія прессу и книгоиздательство. Участники русскаго отдѣла пользуются всѣми правами экспонентовъ всемірной выставки, т.-е. имѣютъ право на полученіе дипломовъ и медалей. Детальныя свѣдѣнія по первому требованію. Писать: Musée de la presse russe, rue de la Madeleine, 46. Bruxelles. Экспертиза экспонатовъ состоится въ сентябрѣ т. г.; экспонаты принимаются до конца августа.

Книжный складъ Т-ва А. А. ЛЕВЕНСОНЪ.

Москва, Трехпрудный, с. д., тел. 503-88.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1092 года, изданное Румянцевскимъ музеемъ, воспроизведенное буква въ букву съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей пергамента, письмены и переплета. Ц. 100 р.

ДЕЛЬВИГЪ, Мои воспоминанія. Изд. Румянц. музея. Ц. 2 р. 50 к.

ВИКТОРЪ МИХАЙЛ. ВАСНЕЦОВЪ. Русскія пословицы и поговорки. Художествен. альбомъ. Ц. 10 р.

Итальянскія сказки, подъ редакц. М. Горькаго, пер. Андреевой. Т. I, ц. 1 р. 25 к., т. II, ц. 75 к. (съ рис.).

Словарь иностранныхъ словъ, 2-е изд., ц. 1 р. 50 к.

Французско-русскій словарь, ц. въ перепл. 1 р. 50 к., безъ перепл. 1 25 к.

Русско-англійскіе разговоры, цѣна 1 руб. 25 коп.

Россійскій гербовникъ. Худож. въ краск. исполн. гербы 11-ти универс. губерній и Костромской. Ц. 2 р.

Щепкина-Куперникъ. Разрозненныя страницы, ц. 1 р.; Облака, ц. 1 р.; Письма изъ далека, ц. 1 р.

Американскіе синдикаты — М. И. Назаревскій, ц. 2 р. 80 к.

Изданія „ОКТО“:

Письма Л. Н. Толстого, ц. въ пер. 2 руб., безъ пер. 1 р. 50 к.

„Библіотека классиковъ“: Шекспиръ I и II т., Гомеръ, Байровъ I и II т., Гете, т. I, II, III, цѣна за томъ 2 р. 50 к. (Гомеръ—3 р. 50 к.). Мольеръ, Шиллеръ печатаются. Принимается подписка на всю библіотеку (12 томовъ) на слѣд. условіяхъ: цѣна 31 р., задатокъ 2 р., а затѣмъ при полученіи каждаго тома 2 р. 50 к. (соч. Гомера 3 р. 50 к.). Задатокъ вычитается при доставленіи послѣдняго тома.

Вся библіотека классиковъ выпускается въ переплетахъ.

Историческіе очерки — А. А. Кизеветтеръ, ц. 3 р.

Образы прошлаго — М. О. Гершензонъ, ц. 3 р.

Гете — „Фаустъ“ (отд. вып.), ц. 1 р.

Байронъ — Чайльдъ Гарольдъ, ц. 50 к.

Байронъ — Донъ-Жуанъ, ц. 1 р.

Открыта подписка на 1913 г. на

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ“

ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ

Русскимъ Библіографическимъ Об-ствомъ при Имп. Моск. Университетѣ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Статьи по вопросамъ библіографіи (теоретическія работы,) послѣдованія изъ области книго- и библіотековѣдѣнія, систематическіе обзоры, критико-библіографическія замѣтки, рецензіи.

2) Хроника библіографической жизни — русской и заграничной.

3) Выдающіеся факты изъ жизни Русскаго Библіографическаго Общества

4) Справочный отдѣлъ (отвѣты на вопросы etc.)

5) Объявленія.

СРОКИ ВЫХОДА.

Журналъ выходитъ 4 раза въ годъ (приблизительно въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ) размѣромъ не менѣе 3 печ. листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ — 3 руб., на 1/2 г. — 1 руб. 50 коп., на 1/4 г. — 75 коп., для дѣйствительныхъ членовъ Библіографическаго Общества — безплатно.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

1 страница—16 руб., 1/2 стр.—8 руб., 1/4 стр.—4 руб., 1/8 стр.—2 руб., 1/16 стр.—1 руб., 1 строка петита—20 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

Москва, Моховая, 11 (старое зданіе Унив.), Библіографическое О-во.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ книжномъ магазинѣ „Наука“ (Москва, Никитская, 10) и въ друг. большихъ книжн. маг. Личные переговоры—по понедѣльникамъ отъ 7 до 8 час. веч. въ Библіогр. О-вѣ, въ остальные дни отъ 5 до 6 ч. в. въ кв. редактора (Б. Палашевск. 2, кв. 7.) ● Телеф. 239-37.

Редакторъ *Б. Боднарскій.*

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 88-60 и 1-31-34.

AP
50
B54
g.4,no.18-20

Biuletyni literatury i zhizni.
g. 4, no. 18-20

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED